ВЕРНОР ВИНДЖ

ДЕТИ НЕБЕС

Виндж заставляет вас почувствовать живое дыхание этого мира…
Для твердой научной фантастики это достижение.

The Literary Omnivore

Дети небес
Вернор Стеффан Виндж

Аннотация
Вернор Виндж. Дети небес
Особая благодарность
Глава 00
Глава 01
Глава 02
Глава 03
Глава 04
Глава 05
Глава 06
Глава 07
Глава 08
Глава 09
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44

Глава 45

Аннотация

Спустя почти двадцать лет Вернор Виндж создал продолжение своего незабываемого шедевра «Пламя над бездной».

А на планете Когтей прошло десять лет со дня катастрофы, которая уничтожила человечество наряду с неисчислимым множеством иных разумных рас Запределья, загнав маленькую горстку людей и парочку мыслящих кораллов-наездников в диковатый мир стайных разумов. К моменту появления людей цивилизация Когтей примерно соответствовала Средневековью Старой Земли. На помощь кораблю Высокой Лаборатории, в последнем отчаянном рывке спасшему более сотни человеческих детей от Погибели, пришел экипаж «Внеполосного-II», корабля из верхних Зон Мысли. Равна Бергсндот и Фам Нювен путем нечеловеческих усилий и самопожертвования смогли не только спасти выживших при крушении, но и спрятать весь мир от всепожирающей Погибели, чей флот остался в тридцати световых годах от планеты. После того как Фам отдал жизнь,

чтобы погрузить мир Когтей в Медленную Зону и тем самым закрыть его от Погибели на достаточно продолжительное время, Равна посвятила себя и все оставшиеся ресурсы «Внеполосного-II» сохранению остатков человечества, установлению добрых отношений с Когтями, и главное – форсированному технологическому прогрессу, который позволил бы за то время, что выиграл для них Фам, поднять цивилизацию на уровень, где уже можно будет противостоять Погибели.

Но спасенные дети выросли и далеко не все из них разделяют веру и стремления Равны…

Вернор Виндж
Дети небес

Vernor Vinge
The Children of the Sky

Серия «Звезды новой фантастики»

Text Copyright © 2011 by Vernor Vinge
All rights reserved
Published by arrangement with Tom Doherty Associates, LLC.
© К. Фальков, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

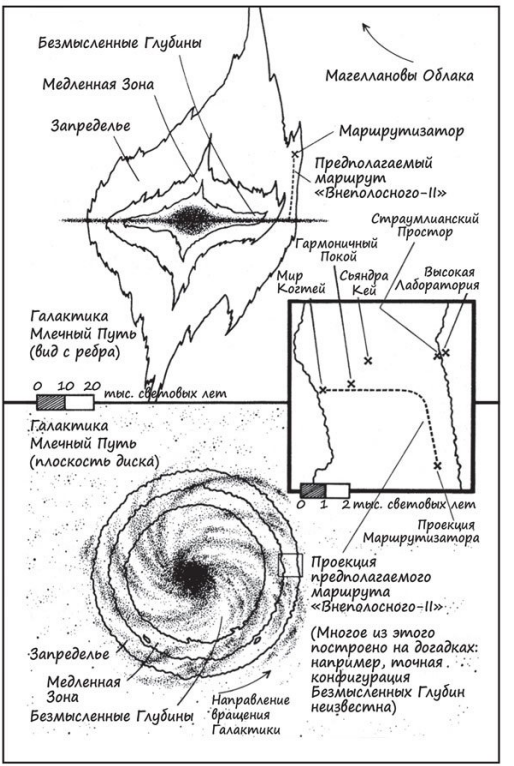
* * *

Посвящается Кэрол Уорд и Джоан Виндж

Особая благодарность

Я благодарен за советы и поддержку Дэвиду Брину, Джону Кэрроллу, Синди Чжэ, Говарду Дэвидсону, Роберту Флемингу, Майку Гэннису, Черри Кушнер, Кейту Майерсу, Саре Майерс, Тому Маннекке, Дайен Осборн и Мэри Смит.

Особенную признательность я хотел бы выразить моему редактору Джеймсу Френкелю, который сопровождал меня на всем пути через эту книгу. Джим и издательство «TOR Books» с необыкновенным терпением отнеслись к долгому и мучительному процессу создания «Детей небес». (Да, я знаю, что уже писал это в предисловии к моей предыдущей книге, но на сей раз они проделали примерно вчетверо больше работы.)


Безмысленные Глубины
Медленная Зона
Запределье
Магеллановы Облака
Маршрутизатор
Предполагаемый маршрут «Внеполосного-II»
Страумлианский Простор
Гармоничный Покой
Мир Когтей
Сьяндра Кей
Высокая Лаборатория
Галактика Млечный Путь (вид с ребра)
0 10 20 тыс. световых лет
0 1 2 тыс. световых лет
Проекция Маршрутизатора
Галактика Млечный Путь (плоскость диска)
Проекция предполагаемого маршрута «Внеполосного-II»
(Многое из этого построено на догадках: например, точная конфигурация Безмысленных Глубин неизвестна)
Запределье
Медленная Зона
Безмысленные Глубины
Направление вращения Галактики

Два года после битвы на Холме Звездолета

Глава 00

Как привлечь внимание самого богатого предпринимателя в мире? О, большую часть прежней жизни, сколько себя помнил, Проныра только и делал, что подлизывался к вышестоящим. Но и в самых страшных кошмарах ему не являлось падение до уличного торговца, который пытается разыскать нужный адрес в заводском квартале Восточного Дома и может полагаться на единственного слугу.

Эта улица оказалась уже предыдущей, — уж конечно, сильным мира сего в голову не придет протискиваться сюда!

По обе стороны тянулись ряды тяжелых, плотно запертых дверей. Но это сейчас они закрыты — нет сомнений, что в мгновение ока любая из них может высыпать в проулок толпу охранников. Каждые несколько лап попадались объявления — не совсем обычные; каждая строка кричала, оповещала и требовала: МОЙТЕ ВСЕ ЛАПЫ ПЕРЕД РАБОТОЙ. НИКАКИХ ПРЕРЕКАНИЙ ПО ЗАРПЛАТЕ. ДЕРЖИТЕ ПЕРЕД СОБОЙ ПРИГЛАШЕНИЯ К ТРУДОУСТРОЙСТВУ. Улица закончилась тупи-

ком, упершись в широкую двустворчатую дверь, необычно помпезную и выглядевшую здесь довольно нелепо. Но, собираясь кучно, Проныра серией долгих взглядов осмотрел высившиеся над ним створки. Скорее всего, крашеное дерево. А вдруг камень? Если так, то получается, что в самом центре промышленного квартала Восточного Дома кто-то возвел превосходно защищенную крепость.

Проныра обернулся и сделал знак слуге. Читиратифор припустил по улице, всем своим видом выражая почтение дорогому хозяину. Он еще не успел собраться в стаю, как тяжелая дверь со скрипом отворилась и на пороге возникла огромная стая — Проныра прикинул, что в ней девять или десять особей. Они проворно выстроились, точно в карауле. Проныра подавил желание поднять головы и осмотреть укрепления в поисках арбалетчиков.

Стая какое-то время туповато оглядывала прибывших, потом издала серию громких аккордов на официальной стаеречи:

— Желаете устроиться на работу? Грамоте обучены?

Читиратифор прекратил выпевать цветастые приветствия и ответил:

— Разумеется, но мы не…

— Это не имеет значения, — перебила его стая-привратник, — у меня тут есть бланки заявлений. — Два элемента отделились от стаи и скатились по ступеням, держа в челюстях листы бумаги. — Я все объясню, вам останется заверить заявления. Магнат хорошо платит. Кормежка сытная. Один выходной за каждую десятидневку.

Читиратифор ощетинился:

— Добрый привратник, погляди-ка сюда. Мы не ищем работы. Мой господин… — он сделал паузу и величественным жестом указал на Проныру, — пришел поговорить с Великим Магнатом о новой продукции и возможностях для торговли.

— Если вы не умеете писать, отпечатков лап будет достаточно… — Тут до привратника дошел смысл сказанного Читиратифором, и он прервал монотонную речь. — Не нужна работа? — Стая оглядела кричащей расцветки наряды Читиратифора. — Да-да, вы же одеты не для пешего путешествия. Я должен был заметить. — Привратник глубоко задумался. — Вы явились не туда. Посетители, желающие обсудить дела, должны направлять свои лапы в Деловой центр. Пять кварталов назад и повернуть на Конкур Великого Магната. Погодите, я дам вам карту. — Привратник

ник не двинулся с места, и Проныра понял, что стая даже больше, чем можно было сначала предположить: внутри здания находилось еще около десятка элементов. Ох уж эти восточные извращенцы!

Читиратифор сдвинулся назад к хозяину, и ближний его элемент возмущенно прошипел:

— Прогулочка в две мили только для того, чтобы зайти в это длиннющее здание с другой стороны!

Проныра одним элементом сделал утвердительный жест, а другими успокаивающе окружил слугу.

— Мы пришли с Западного побережья, чтобы увидеться с Магнатом, — сказал он, внимательно следя за реакцией привратника. — Мы требуем впустить нас по делу безотлагательной важности.

Ближние элементы привратника неуверенно оттянулись к двери. Проныра определил, что стая не военная. Она вряд ли кого-то убивала, кроме как на кухне. Существо это было так тупо, что даже не уловило гнева в его словах. Помедлив, привратник перегруппировался и ответил:

— Тем не менее я должен исполнять данные мне указания, господа. Вам следует пройти через

вход для посетителей, явившихся с деловыми вопросами.

Читиратифор издал шипение, с которым обычно кидался в убийственную атаку. Проныра велел ему заткнуться.

Впрочем, тащиться ко входу для деловых визитеров ему не хотелось, и не только по причине задетого самолюбия. Он понимал, что этот проход ему удалось обнаружить лишь с благоволения удачи. Едва ли шпионы Древорезчицы забираются так далеко от ее домена, но чем меньше ей известно об отношениях между Магнатом и Пронырой, тем лучше.

Он вежливо подался назад, освобождая пространство привратнику.

Эх, если бы только этот вход охранял кто-нибудь хоть с одним мозговитым элементом.

— Но ваши указания носят общий характер, а на меня не распространяются.

Привратник опять глубоко задумался.

— А я думаю, что распространяются, — ответил он наконец через пять секунд.

— Пока мы ждем обещанную вами карту, вы могли бы заодно послать за разъяснениями относительно этого вопроса. — Проныра решил, что может выставить перед привратником несколь-

ко приманок. — Скажите своему начальнику, что у посетителей есть важная информация о вторжении из внешнего пространства.

— О чем? Откуда?

— У нас сведения из первых лап о *людях*, идиотина! — не выдержал Проныра, но привратника это повергло в еще большее замешательство. — О богомолах, придурок! О чудовищах из космоса!

Проныра рассчитывал, что упоминание о чудовищных богомолах вызовет на место событий начальника стаи, но пятерка, явившаяся к посетителям, явно стояла в цепи командования куда выше. Ремашритльфер — так ее звали — задал несколько резких вопросов и сделал знак следовать за ним. Через несколько минут они уже оставили позади озадаченного привратника и пошли по устланным коврами коридорам. Проныра оглядывался по сторонам, стараясь стирать с морд выражение веселья. Интерьеры отражали предельную степень дурновкусия и бессмысленного расточительства — как это характерно для нуворишей! Проводник же был совсем из другого помета. Ремашритльфер в большинстве элементов казался высоким и поджарым, но по бокам и мордам его тянулись шрамы, а под шкурами перекатывались солидные мускулы. Глаза у него

были, как правило, желтые и недружелюбные.

Шли они долго, а проводник не отличался словоохотливостью. В конце концов коридор окончился дверью шириной едва ли со взрослого элемента. Проныра скорее принял бы ее за лаз в нору дикого зверя, чем за вход в обиталище самого богатого предпринимателя планеты.

Ремашритльфер отворил дверь и просунул внутрь одну голову.

— Я привел чужеземцев, ваше высочество, — отрапортовал он.

— Тебе следовало бы сказать «мой повелитель», — уточнил голос оттуда. — Сегодня я предпочитаю такую форму обращения.

— Да, мой повелитель.

Четверка Ремашритльфера, оставшаяся в коридоре, досадливо затрясла головами.

— Ну что же, не трать мое время попусту. Пускай войдут. Все элементы поместятся.

Протискиваясь через узкий проем, Проныра едва заметно бросал по сторонам любопытные взгляды. Под потолком тянулись газоразрядные лампы. Проныре показалось, что где-то там затаились элементы телохранителя. Комната, как и обещал Магнат, оказалась более чем просторная, но загроможденная — о нет, совсем

не теми безделушками, какими были забиты коридоры и прихожие, а хитрыми машинами, мудреными устройствами, большими наклонно установленными мольбертами (на некоторых стояли наброски картин), а вдоль стен тянулись книжные стеллажи такой высоты, что до верхних полок приходилось добираться при помощи специальных подъемных механизмов. Один элемент оказался менее чем в ярде от полки. Произведений классической литературы на стеллажах не было. Большую часть отведенного под книги пространства занимали бесчисленные гроссбухи. Кроме них, там имелись еще своды законов.

— Пройдите вперед, — приказал голос из мрака, — я хочу видеть вас всех! Какого черта вы приперлись через этот вход, а не через Деловой центр? Чтобы вы знали, это моя тронная зала… — Остаток фразы растворился в ворчливом бормотании.

Проныра просочился между предметами обстановки. Два его элемента протиснулись под огромным мольбертом. Остальные достигли центра комнаты мгновением позже. Минутное замешательство, пока Читиратифор убирал растерявшихся элементов с пути, и вот уже он стоит перед Великим Магнатом. Стая оказалась плохо

подобранной… восьмеркой: младшие элементы сновали так проворно, что Проныре пришлось пересчитать их дважды. Он сделал вывод, что ни благородства, ни военного опыта от сердцевинной четверки Магната ожидать нельзя: эти были среднего возраста, двое носили зеленые кепчонки, совсем как учетчики, остальные не сочли нужным оторваться от страниц очередного гроссбуха. Наверняка подбивают расходы или считают денежки. Чем еще могут заниматься эти безродные выскочки?

Взгляды у Магната были раздраженные.

— Вы заявили, что обладаете ценной информацией насчет богомолов. Будет лучше, если это окажется правдой. Я много знаю о богомолах и пойму, если мне солгут. — Одна его морда нацелилась на Проныру, приглашая приблизиться.

«Придется обращаться с ним как с благородным», — подумал Проныра и подполз к Магнату парой элементов. Теперь внимание всей стаи сосредоточилось на нем. Четверо малышей, едва ли старше двух лет каждый, прекратили оголтело носиться вокруг старших и затихли. Двое присоединились к четверке, еще двое держались в нескольких лапах от Проныры. Этих малышей Магнат интегрировал совсем недавно, и, когда

они думали совместно с остальными, мысли их звучали нестерпимо громко. Проныре пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отползти прочь.

— Что тебе известно о чудовищах-богомолах? — спросил Магнат, бесцеремонно потыкавшись в него пару раз.

— Я наблюдал, как их корабль — «Внеполосный-II» — спускался с небес. — Проныра произнес имя корабля на языке инопланетников, и звуки показались ему простыми, скудными, чуждыми. — Я видел, как световые орудия корабля уничтожили великую империю за один вечер.

Магнат сделал жест, выражавший согласие. Стаи Восточного побережья склонны были принимать рассказы о победе Древорезчицы за вздорные сказки. Магнат явно не разделял общего мнения.

— Пока что ты не сообщил мне ничего нового, — сказал он, — хотя я должен признать, что не многим известно имя их корабля.

— Мне ведомо много больше, о повелитель. Я знаю язык богомолов. Я выведал их тайны и планы.

А в котомке правого третьего элемента он нес один из иномирских *компьютеров*, хотя не соби-

рался раскрывать этот факт.

— Правда?

Магнат недоверчиво ощерился весь, даже младшенькими элементами.

— А кто же ты в таком случае?

— Я Проныра, о повелитель. Я был… — Он знал, что рано или поздно придется отвечать на этот вопрос честно, хотя не надеялся, что так скоро.

Магнат вздернул головы:

— Ремашритльфер!

— Слушаю, повелитель! — Казавшаяся смехотворно маленькой пятерка сгрудилась у двери.

— Отмени все мои встречи на сегодня. Пускай Салиминофон изменит расписание. Никого не впускать.

— Выполняю, мой повелитель!

Старшая четверка Магната отложила гроссбух. Теперь все восемь элементов смотрели на Проныру.

— Не сомневайтесь, о повелитель, что мое заявление имеет под собой основания. Увы, доказательства мои не так подробны, как мне бы хотелось, но все же очевидны.

Но он видел, что Магнат заинтересован и расположен к гостю. Наконец-то проклятые сосунки заткнулись.

— Ты был начальником разведки Древорезчицы, — сказал Магнат, — и она изгнала тебя за измену.

Проныра гордо поднял головы:

— О да, мой повелитель. Но я не стыжусь своей измены. Древорезчица снюхалась с королевой богомолов и ее личинками.

— Личинками? — Магнат недоверчиво посмотрел на него.

— Именно так, мой повелитель. Богомол и личинка — разные стадии развития этих существ. Они называют себя *людьми*. Богомол — это взрослая стадия. Это двуногое создание, злокозненное и хитрое, но одиночное.

— Настоящие богомолы — насекомые. Они очень невелики.

Один из малышей зевнул, распахнув пасть примерно на два дюйма.

— Богомолы с небес высотой в холке добрых пять лап.

— Это я знаю, — сказал Магнат. — А что насчет личинок? Это молодь, которая растет и превращается в чудовищ?

— По всей вероятности. — Проныра заставил двух передних элементов придвинуться на доверительное расстояние к другой стае. — И вам

стоит знать еще кое-что, о мой повелитель: аналогия почти идеально точна. Подлинное вторжение с небес началось почти через год после Битвы на Холме Звездолета.

— Прежде чем Древорезчица двинулась на север?

— Да. Через тридцать пять десятидневок там сел другой летательный аппарат, куда меньших размеров. И знаете, о мой повелитель, что было на борту? Яйца богомолов!

— Итак, настоящее вторжение еще впереди, — заключил Магнат. — Подобно вылупившимся из яиц насекомым, люди намерены захватить целый мир.

— Они нас истребят подчистую! — влез Читиратифор.

Проныра бросил на него острые взгляды:

— Аналогия моего слуги слишком смела. В настоящее время богомолы еще юны. В мире только одна взрослая особь — их королева Равна. Однако учтите, мой повелитель, что всего за два года после прибытия Равны на «Внеполосном-II» она сумела подчинить себе Древорезчицу и расширить ее владения на все земли Северо-Запада.

Два старших элемента Магната лениво пробежались лапами по сумматору, перемещая

туда-сюда маленькие бусинки. Совсем как счетчик бобов на рынке.

— Каким же именно образом королева богомолов Равна удерживает контроль над доменом Древорезчицы? Она что, мыслит так громко, чтобы заглушать все чужие мысли окрест?

Проныра решил, что его испытывают.

— Нет, о повелитель. Как и насекомые, люди мыслят беззвучно. Совсем беззвучно. Они похожи на ходячих мертвецов. — Он сделал паузу. — Я не претендую на полное понимание природы той угрозы, что нависла над нами, но, мой повелитель, смею надеяться, что, работая совместно, мы сможем разрушить планы этих тварей. Люди так тупы! Впрочем, в этом нет ничего удивительного, они же синглеты. По моим оценкам, даже самый умный человек не слишком превосходит способностями плохо скомпонованную четверку.

— И даже Равна?

— Да!!! Они считают в уме хуже уличного лоточника. Память на звуки — даже те звуки, какие доступны их слуху, — все равно что никакая. Как и богомолы-насекомые, они существуют, паразитируя на хозяевах и обворовывая их.

Восьмерка сидела не шевелясь. Краем сознания Проныра слышал его мысли — Магнат что-то

прикидывал, дивясь услышанному, но все еще не вполне доверяя словам гостя.

— Но это не имеет никакого смысла, — наконец ответил Магнат. — Кое-что из сообщенного тобой совпадает с моими собственными разведданными. Но ведь богомолы — превосходные изобретатели! Я испытывал черный порох, приготовленный по их рецептам. Я слышал о катапультах, работающих на нем. А другие их изобретения мне вообще не удалось воспроизвести. Они умеют *летать*! «Внеполосный-II», может, и прикован к поверхности, но у них остался летательный аппарат меньших размеров, примерно с лодку. В прошлом году стаи, заслуживающие доверия, видели его к северу от Города Древорезчицы.

Читиратифор и Проныра обменялись взглядами. *Дурные вести*. Вслух Проныра произнес:

— Ваше замечание справедливо, мой повелитель, но никакого противоречия с моими словами не содержит. Богомолы попросту украли все эти вещи у подлинных изобретателей. У меня есть… источники, из которых следует, что они этим занимаются уже очень давно. Кончилось дело тем, что их жертвы устали от паразитов и сбросили их с небес. Большую часть того, чем владеют, они

неспособны воссоздать. Они не понимают, как эти устройства работают. В конце концов их машины износятся, и антигравитационный флайер, который вы упомянули, послужит лучшей иллюстрацией моего утверждения. Что еще хуже, эти существа украли — и продолжают воровать — наши собственные разработки. Взять, к примеру, черный порох, о котором изволил упомянуть повелитель. Несомненно, его уже изобрела прежде какая-то сообразительная стая, и, наверное, ей же принадлежит и честь создания пушек.

Магнат не ответил. Он казался ошеломленным. С тех пор как Проныра впервые услышал об этом предпринимателе, он заподозрил в Магнате обладателя какого-то особого секрета и предположил, что тот же секрет заставит его склониться к увещеваниям Проныры. До сих пор все эти предположения ни на чем не зиждились, но…

Магнат нашел нужные слова:

— Я… задумался… этот взрывопорошок… пушки… я вспоминаю… — На миг стая разделилась на старшую и младшую четверки. Малыши жалобно заскулили, как потерявшийся фрагмент. Потом Магнат собрал себя вместе.

— Это был я, — сказал он. — Я был изобретателем.

Проныра жестом обвел заставленную диковинными устройствами залу:

— Вы и есть изобретатель, о мой господин.

Магнат не слушал его.

— Я разделился… — бормотал он. — Мой родич ушел на Западное побережье. Он просто фонтанировал идеями. И ты думаешь, что они…

— Да!

Проныра старался не выдать своего торжества.

— У меня еще есть осведомители, господин. Вероятно, я смогу вам помочь и в этом вопросе.

Глава 01

Слишком много невозможного. Равна поняла, что спит. Она это знала, но проснуться не могла. Она способна была только наблюдать, впитывать информацию, проникаться леденящим ужасом. Ее окружил Флот Погибели, корабли мельтешили там и сям, как жуки, снующие в топкой слизи. Изначально Флот состоял из ста пятидесяти кораблей и роя автономников. Автономников больше не осталось. Некоторые корабли утрачены, некоторые вслед за автономниками переработаны. Команда — там, где это нужно было Погибели, — тоже переработана или просто выброшена. Сноглазами она видела сотни трупов. Люди. Дирокимы. Даже наездники без тележек.

Погибель гналась за вожделенной добычей. Та была от нее в тридцати световых годах, в самой обычной звездной системе… той, где укрывалась Равна с Детьми. Собственно, потому-то Равна и поняла, что спит и видит жуткий сон. Тридцать световых лет — немыслимо большое расстояние в этой части Вселенной, где ничто не способно

передвигаться быстрее света. Не было способа узнать о перемещениях Врага. Просто *не было*.

Флот летел в объятиях смерти, но сам не был мертв. Внимательно вглядись в скученные корабли. Там что-то движется. Идет сооружение каких-то устройств. Флот некогда был десницей живого бога, теперь же перед ним стояла задача воскресить погибшего властелина. Даже уловленный здесь, в средоточии немыслимой боли, бог строит планы и механизмы — секунда за секундой, год за годом — и нещадно подгоняет уцелевшие экипажи на пределе возможности живой плоти. Если понадобится, он может затратить на это столетия, восполняя потери естественным скрещиванием. Цель программы — корабли с ионными прямоточными двигателями. Лучшие, какие только можно построить здесь, Внизу. Они будут развивать почти световую скорость.

Но теперь, наверное, дальнейших усилий не понадобится. Ведь Погибель видит Равну так же отчетливо, как та видит Врага. Закованный в кокон бог говорит с ней.

Правила меняются. Я иду за тобой. Я иду. И прибуду гораздо раньше, чем ты думаешь.

Равна проснулась, задыхаясь, хватая ртом воздух, лежа на полу. Ее правая рука сильно ныла.

«Я, наверное, упала. Какой жуткий сон! Она зашарила вокруг, пытаясь найти кресло. Это не каюта на борту «Внеполосного-II». Автоматика корабля смягчила бы пол прежде, чем Равна его коснулась. Она оглядывалась, пытаясь сориентироваться, но сон все еще заполнял ее сознание.

Она нащупала кресло. Деревянное, местного производства, да и стол тоже изготовлен Когтями, но стены с зеленым отливом мягко закруглялись, переходя в такой же зеленоватый пол. Она в новом замке Древорезчицы, в Детской. Долгонько же она соображала! Равна стиснула голову руками, и комната перестала кружиться. Когда слабость миновала, Равна села и постаралась собраться с мыслями. За исключением пары последних минут, все было обычно и понятно: она спустилась в донжоны под замком, чтобы проинспектировать гибернаторы Детей. Эта часть замка кишела техническими устройствами самых разных эпох — некоторые были созданы еще до изобретения пороха, другие же пришли еще из Трансценденции. Стены обрабатывались зубилами и молотками, а свет исходил от снятых с корабля ламп. Два года назад криогенные контейнеры перенесли из страумлианского модуля и поместили в пространстве достаточно простор-

ном, чтобы эффективно отводить паразитную теплоту.

Половина гибернаторов опустела, потому что их пассажиры уже проснулись. Почти все Дети старшего возраста были среди них. Теперь ребята жили в Новом Замке или рядом с ним, где были устроены начальные и средние классы. Внимательно прислушавшись, она могла бы различить заливистый смех, смешанный с кулдыканьем стаеречи.

«Так зачем я решила навестить модуль?» Ах да. Она простояла снаружи несколько минут, глядя через окна криогенных колыбелей в лица самых маленьких Детей, которые пока спали — и обречены были проспать еще невесть сколько, пока не подрастет смена воспитателей и нянек. Большинство наверняка выйдут из анабиоза без особых проблем, но некоторые колыбели оказались серьезно повреждены. Как можно спасти их драгоценный груз? Этот невысказанный вопрос и побудил Равну навестить сегодня лабораторию и проследить, как дела у Тимора Ристлинга, ставшего ее первым опытом в деле оживления Детей из гибернаторов с недостатком хладоагента.

В действительности Детская была продуктом технологии Вершины Запределья. Большая часть

оборудования в Медленной Зоне работать не могла, и даже перебросить на корабль отчеты самодиагностики оказалось невозможным. Приходилось являться сюда *лично* и отслеживать сводки автоматики. Взгляд Равны блуждал по бывшему грузовому ангару — как много всего тут случилось, в этой комнате с зелеными стенами. В конце концов, модуль не просто происходил с Вершины, он побывал в Высокой Лаборатории, в Нижней Трансценденции. Он… изменился. Если внимательно приглядеться, можно заметить свисающие с потолка грибовидные наросты. Волшебная Контрмера. Сейчас она казалась такой же высохшей и мертвой, как старая паутина. Но эта Контрмера отключила солнце, убила любовь всей ее жизни и, надо полагать, спасла Галактику. Даже страумерских Детей интересовали остатки грибка.

Неудивительно, что в таком месте являются кошмары.

Но Равна вдруг припомнила, чем занималась перед тем, как увидеть странный сон. Последние два дня ее одолевало такое острое чувство вины, что она даже спать не могла. Стало ясно, что шансов у Тимора не так много и их уменьшение было следствием ее некомпетентности. «Но ведь

я вытащила его из колыбели, поврежденной больше остальных». Проблема не сводилась к хромоте мальчика и задержке в его развитии по сравнению со сверстниками.

С момента разморозки прошла уже не одна десятидневка. И Тимор не вырос.

От ближайшего места, где Равна Бергсндот могла получить консультацию специалиста, ее отделяли тысячи световых лет. «Внеполосный-II» и его странный модуль — вот и все, что у нее оставалось. Она рылась в данных почти час, комбинируя данные колыбели Тимора с последними результатами корабельных медицинских тестов. Наконец она сообразила, что же пошло не так. Никто и ничто здесь, Внизу, — ни одна машина — не в силах ей помочь. Уже слишком поздно. Если говорить прямо и жестко, Тимор стал очень ценным… экспериментальным образчиком.

Осознав это, Равна уронила голову на руки — в бессильной ярости на саму себя и слишком вымотанная, чтобы продолжать поиски технических средств спасения. Как посмела она играть с чужими жизнями?

«Выходит, я просто заснула и мне приснился страшный сон?» Она тупо уставилась на зеленоватые переборки. Она страшно устала и

чувствовала полнейшее опустошение.

Равна вздохнула. Ее часто преследовали кошмары с участием Флота Погибели, хотя и не такие жуткие. Стоило, пожалуй, покопаться в порождениях подсознания. По крайней мере, это ее отвлечет от размышлений о Тиморе, пускай и ненадолго.

Она отключила тиару, соединявшую ее мозг с интерфейсом модуля, и спустилась наружу. Три года назад, когда Сьяна и Арне Ольсндот привезли сюда Детей, здесь простирался луг. Она постояла немного, созерцая причудливые ажурные пилоны, вглядываясь в холодные темные катакомбы. Подумать только: звездолет и замок, построенный вокруг него. Такое возможно только в Медленной Зоне.

Равна являлась сюда снова и снова и будет приходить еще не раз, пока не разморозит последнего Ребенка. Но на сегодня с нее хватит. Два пролета вверх по лестнице — и она выйдет под летнее солнце во внутренний двор замка. Наверное, Дети как раз выбежали из классов поиграть друг с другом и приятелями Когтями. Если она сейчас останется с ними, то пробудет в новом замке весь день до вечера. Прежде чем она вернется на корабль, солнце уже склонится к закату. Под-

нимаясь по лестнице, Равна представляла себе эту картину со все большим воодушевлением. Можно даже потратить какое-то время и просто поиграть с Детьми. Почему-то ей казалось, что Тимор был бы ей за это благодарен.

Она все еще взбиралась по сумрачной лестнице, когда ей припомнилась еще одна деталь жуткого сновидения. Она резко остановилась, уцепившись за холодный камень поручня.

Правила меняются, — сказал флоторазум.

Да, если граница Зоны сдвинулась, если сверхсветовые путешествия опять стали возможны… тогда Погибель и в самом деле может появиться здесь очень скоро. Эти страхи не отпускали Равну ни наяву, ни во сне. На борту «Внеполосного-II» она установила сеть зонографов, отслеживавших локальные законы физики. Мониторинг не прекращался ни на миг после Битвы на Холме Звездолета. И тревоги все еще не случалось.

Продолжая опираться на стену, Равна вызвала корабль и попросила отобразить окно зонографической программы. График — идиотский, отформатированный с примитивными автонастройками — не замедлил появиться. Ну да, самый обычный шум.

Потом она отметила изменение масштаба. Но

этого просто не могло быть! Пятьсот секунд в прошлое — и вот он, след. Почти на десять миллисекунд физика Зоны сдвинулась далеко за пределы калибраторов зонда, почти до Трансценденции. И… пульсирующая красная отметка. Та самая зонотревога, которую она так тщательно настроила, — и уведомление, которое должна была получить сразу же в момент скачка. Невероятно, немыслимо! Наверное, это какой-то программный сбой. Она полезла в диагностические отчеты, обуреваемая ужасом. Да уж, ничего себе сбой! Равна настроила корабль на тревожную сигнализацию только в том случае, если сама находится на борту. Какого фига тупая автоматика не отловила эту идиотскую ошибку?

Она знала ответ. Она сама объясняла это Детям не один десяток раз. Ребятам было невдомек, что, если ты оцарапаешь коленку, в этом никто не виноват, кроме тебя самого.

«Мы живем в Медленной Зоне. У нас почти нет автоматики, а все, что осталось, слишком примитивно и лишено такого качества, как здравый смысл. Здесь, Внизу, если хочешь, чтобы что-то работало правильно, нужно самому об этом позаботиться».

Ответ ребятам, как правило, не нравился. Жите-

лям тех мест, откуда они родом, он показался бы еще более нелепым, чем самой Равне Бергсндот.

Она смотрела в озарявшие тьму лестничного пролета окна. Несомненно, это зонотревога, но она могла быть *ложной*, должна быть ложной! Скачок такой мимолетный, даже меньше десяти пробоотборов. Вероятно, он обусловлен багом. Да, наверное. Она повернулась и продолжила восхождение, не прекращая прокручивать временную шкалу взад-вперед, подыскивая мотивировки для безобидного объяснения. Следовало выполнить комплекс тестов.

Она размышляла об этом еще пять шагов, успев за это время переместиться с одного пролета на другой. Наверху блеснул дневной свет.

После Битвы на Холме Звездолета физика Зон казалась нерушимой, как горные массивы… но сравнение это влекло за собой роковые выводы. Случаются землетрясения, а после них — эхотолчки. Только что увиденное ею походило на едва заметный, незначительный сдвиг тектонических основ местной вселенной. Она проверила время скачка. Сдвиг Зоны произошел как раз тогда, когда Равну поразило внезапное беспамятство в модуле, сменившееся ужасным видением. Ни раньше, ни позже. Почти на сотую долю се-

кунды *G*, вероятно, перестала быть предельной скоростью. Модуль мог узнать о текущем состоянии Флота Погибели. Почти сотую долю секунды, вероятно, функционировала Контрмера.

Тогда ее сон — это новостная сводка.

Ну и что? Она не знает, сколько времени им еще отпущено, — часы? А если годы и десятилетия? Дорог каждый миг. Так или иначе, с этим надо считаться.

— Эй, Равна! — закричали детские голоса со двора, от школы. Через минуту они к ней подбегут.

Я не могу.

Она бросила взгляд назад, выходя с лестницы.

Кошмары могут воплотиться. Не одни только злодеи обязаны действовать жестко.

Глава 02

В последний день каждой десятидневки занятий в школе не было. Для Тимора Ристлинга это часто означало конец невероятной скуки длиной десять дней. Приходила Белль и показывала ему какой-нибудь укромный сырой уголок Нового Замка, а подчас являлась Равна Бергсндот и увозила его через пролив на Тайный Остров.

А этот выходной обещал стать самым приятным из всех — другие ребята разрешили Тимору увязаться за ними и посмотреть на их занятия.

— Ты у нас будешь на шухере, Тимор, — сказал ему Ганнон.

Ганнон Ёркенруд и организовал всю затею. Тимора он пригласил лично, и его не остановила необходимость нести его на руках с Холма Звездолета. Ганнон и ребята даже помогли Тимору перелезть через особо крупный валун, принесенный некогда ледником и оставшийся лежать у подножия скал.

Вокруг метались и беспокойно кричали морские птицы. Ребята выбрались на самый берег, скалы уходили в небеса. Странно было видеть

воду почти на уровне глаз. Волны точно сливались с белесым туманом, скрывая из виду здания Тайного Острова всего в паре километров. Теперь Тимор видел, что скрывается под скалами. «Отлив», так это называлось, откатил волны далеко назад, открыв обзор на каменистое поле, словно усеянное выброшенными игрушками подросших великанов. Когда наступит «Прилив», тут не останется ни единого сухого местечка, все скроется под водой.

Белль сновала вокруг Тимора, забегая немного вперед и, по своему обыкновению, брюзжа.

— Эта грязная вода намочит мой мех.

Белль была сплошь белая — редкость для Когтей, хотя один ее элемент, старая особь мужского пола, в молодости могла носить на шкуре черные полоски. Сейчас трудно было судить.

— Тебя сюда никто особо не звал, змеешейка, — заметил Ганнон. Они с Белль на дух не выносили друг друга.

Белль то ли засмеялась, то ли зашипела:

— Ну попробуй, прогони меня. Я много лет не видела настоящего кораблекрушения. И как ты потом скроешь, что вы тут побывали?

— Мы люди. У нас есть способы.

Ребята рассмеялись.

Длинная узкая тропка вела вниз между скал. Кто-то сказал:

— Вообще-то, Невил наверняка нас заметит на мониторах «Внеполосного-II», если посмотрит на берег. Равна и стаи знают про крушение, но последних сводок еще не получили.

— Угу, стаи Древорезчицы уже наверняка спускаются на берег по скалам. Но мы первыми увидим, что там на самом деле творится.

Они все еще не видели самого места кораблекрушения, только слышали шум разбивающейся о камни воды. Но вон стайка морских птиц кружится над местом, которое по каким-то причинам привлекло их внимание. Тимора охватила странная ностальгия. Что-то в этом мире напомнило ему о прежних временах. Птицы были совсем не такие, как на родной планете, но вид стаи вызвал в нем обрывочные воспоминания о строительных нанороботах утраченного дома.

Воды было по колено. Легкая кожаная обувка Тимора промокла, и будто ледяные ладони гладили его подошвы.

— Ребята, постойте!

— Ну я ж тебе говорила, чтоб ты сюда не лез.

Белль беспокойно крутилась вокруг мальчика.

Ганнон оглянулся:

— Что еще?.. — Потом пожал плечами. — Ладно. Мы тебя понесем.

Ганнон и еще несколько ребят подошли к Тимору, перенесли его к ближайшему здоровенному валуну и подсадили на него. Белль послала двух элементов наверх, оставшись внизу тройкой, и быстро взобралась на тот же уровень.

— Отсюда ты наверх доберешься? — спросил Ганнон.

Тимор покрутился, оглядываясь, пытаясь что-то увидеть за изгибавшимся краем валуна. Он терпеть не мог признавать свою слабость.

— А то, — сказал он решительно.

— Ну и славно. Мы пойдем. У нас там друзья среди потерпевших крушение. А ты лезь наверх и стой на шухере. Как только увидишь слуг Древорезчицы или Равну Бергсндот, пошли свою стаю, чтобы окликнула нас. Понял?

— Заметано.

Ганнон и его приятели пошли своей дорогой. Тимор поглядел им вслед, но только Эйвин Верринг обернулся помахать ему. Ничего странного. Ребята все старше его. С другой стороны, его же поставили сторожить?

Он полез по валуну, придерживаясь естественных выбоин как ступенек. За ним пыхтела и

беспокойно озиралась Белль, пытаясь взгромоздить на валун оставшуюся тройку. Впереди появилась парочка морских птиц, и Тимор вспомнил лекции про птиц и их гнезда. Гнездо — это как маленькая робоколыбель, только без автоматики жизнеобеспечения. Если он полезет за птичьими репликантами, взрослые особи могут напасть на него.

К счастью, птицы галдели о чем-то своем и не заметили его, а потом одна за другой поднялись в воздух, присоединившись к похожей на рой наномашин стае, носившейся над краем моря. Он увидел, что птицы летят в том же направлении, куда ушли ребята, и вдруг сообразил, что почти добрался! Вот это да! Он осторожно выбирал дорогу на скользком склоне черного скалистого обломка, чтобы не вляпаться в птичий помет.

Голова одного элемента Белль показалась за краем валуна:

— Поможешь?

— Ой, прости.

Он вылез на вершину, растянулся там и протянул руку к передней лапе элемента. Это и была единственная в стае мужская особь по имени Иххм. Когда Тимор втащил его наверх, Белль уже подтянула остальные элементы. Она вска-

рабкалась на валун пятеркой, села в центре импровизированной площадки и принялась облизывать замерзшие лапы, не упуская шанса пожаловаться на превратности судьбы. Тимор с досадой отвернулся и наконец увидел место кораблекрушения. Обломки судна застряли в проливе, но волны метр за метром сдвигали их в сторону скал. Тройка Белль свесила вниз морды и стала прислушиваться, двойка встала за спиной Тимора. Он понял, что те наблюдают за крушением. В большинстве случаев зрение Когтей уступало человеческому, но если стая рассредоточивалась, глубина поля зрения сразу возрастала.

— Ты слышишь, как волны бьют бревнами о скалы? — спросила Белль.

А вот слух у Когтей, разумеется, на световые годы опережал возможности невооруженного человеческого уха.

— Мм… может быть. — Тимор смотрел на обломки. Он знал, что дерево может разбиться о скалу, особенно если скала не оборудована системами предупреждения. В этом мире ничто не было оборудовано такими системами. Он заметил, что бревна расколоты посредине. Корабль колотился о берег, как два раздельных фрагмента.

Очевидно, в первоначальной его конструкции такое предусмотрено не было.

Он прищурился, пытаясь разглядеть детали. Корабль и плот были нагружены какими-то бочками. И там были Когти — *много* Когтей. Их коричневатый мех мешал сосчитать точно, потому что мастью они сливались с бочками. Примерно четыре или пять стай держались вместе и пытались что-то сделать с грузом и пробоинами. Да. Они отчаянно маневрировали на обломках, уходя от столкновения со скалами.

— У них проблемы, — сказал Тимор.

Белль ухнула, что у Когтей соответствовало смеху.

— Да уж, у них проблемы. Ты слышишь крики? Они тонут.

Теперь, когда она ему сказала, он разглядел в воде головы утопающих.

— Ужасно. Разве нельзя ничего сделать?

Тимор не сомневался, что от Ганнона и его ребят в данном случае толку чуть.

Жест Белль соответствовал пожатию плечами:

— Если бы они не заплыли так далеко на север или подошли к берегу не в отлив, проблемы бы не возникло.

— Но разве нельзя как-то помочь утопающим

стаям?

Голова одного элемента повернулась к мальчику:

— Каким еще стаям? Они из тропиков. Сами по себе они там не глупее северного синглета, но стай не образуют, разве что случайно. Ты только взгляни на это корыто! Кораблестроительное уродство, недостойное Когтей. Иногда эти придурки вылезают слишком далеко из своих джунглей, и океан приносит их сюда. Чем больше по дороге сдохнет, тем лучше, вот что я тебе скажу.

Ворчание Белль, как обычно, напоминало то ли жалобу, то ли сплетню:

— Наши ветераны войны, говоря по справедливости, ничем не лучше: расколотые фрагменты Когтя. Но мы, по крайней мере, милосердно укрываем их от чужого взора. А этот сброд ведь начнет приставать к нашим, осядет рядом с городом, засрет все улицы на окраине. Синглеты и тройки — они все тупоголовые, вонючие, безмозглые воры и попрошайки…

Речь Белль стала совсем уж невнятной. Она говорила на самношке почти без огрехов, но подчас срывалась в бессмысленное бормотание, когда сердцевина стаи была чем-то сильно отвлечена. Тимор заметил, что стая сфокусировала внима-

ние на кораблекрушении, вытянув в ту сторону длинные шеи всех элементов. Она заинтересовалась даже сильнее самого Тимора в тот миг, когда Ганнон Ёркенруд пригласил их присоединиться к вылазке. Он проследил направление центрального взгляда. В пенном прибое бились бочки.

— Но если от жителей тропиков одни проблемы, почему тебя так заинтересовало это кораблекрушение?

— Э, не все так просто, мальчик мой. Как правило, жертвы кораблекрушения так и остаются не в себе: я помню старые рассказы. Каждые несколько лет толпа тропических синглетонов нет-нет да и выбросится на берег. Те, кому повезет выжить, всегда создают нам проблемы. Но на борту у них, как правило, ценные грузы из тропиков, которые до нас обычно не доходят, потому как в той местности такой мерзкий климат и мыслехор, что ни одна нормальная стая там долго не продержится.

Она помедлила.

— А, вон там бочки уже выбрасывает на скалы. Я слышу, как они разбиваются. — Двойка подобралась к самому краю валуна. Старший элемент держался позади, помогая остальным ориентироваться. — Ладно, Тим, стой тут. Я спущусь поглядеть, что там. — Младшая двойка скользила

и спускалась вниз, в нетерпении не обращая внимания на царапины и порезы.

— Но нас ведь попросили сторожить! — возмущенно завопил Тимор.

— Я посторожу поближе, а ты подальше, — ответствовала Белль.

Младшая двойка уже пропала из виду, скрывшись за краем валуна. Двое остальных помогали старому Иххму спуститься по скользкой скале. Аккорд стаеречи, завершивший фразу, Тимор определил как уклончивый.

— Ты осуществляй общее руководство, — посоветовала ему Белль. — Ганнон на тебя полагается.

— А…

Белль пропала. Конечно, она еще могла его слышать, но при необходимости отлично умела игнорировать. Тимор сел посредине скальной площадки. Для дозора позиция была отличная, но без Белль он мог полагаться только на силу своего голоса. Насколько он мог видеть море в подступающем тумане, спасательных шлюпок с Тайного Острова еще не высылали. Скальная Гавань на юге была куда ближе, но он видел, что в порту ни одна мачта не шелохнется. Потерпевшие крушение Когти могли рассчитывать только

на Ганнона с его ребятами.

Он оглянулся в ту сторону, где море билось о скалы. Там и сям разбежались элементы Белль. Взлетающая пена скрывала их, осторожно преодолевающих узкие участки, почти до ушей. Белль двигалась очень осмотрительно, стараясь лишний раз не морозить лапы в воде, и от оказавшихся за бортом тропических Когтей ее отделяло всего несколько метров. Возьмется ли она им помочь? Когти отлично плавали; Равна предполагала, что они эволюционировали из морских млекопитающих. Но, глядя на Белль, сложно было сделать вывод, что арктические воды им сильно нравятся.

Все же стая разделилась: двойка нырнула в пролив, остальные сгрудились на свободном уступе, координируя их действия и помогая друг другу устоять. Возможно, одного-двух элементов ей удастся спасти. Но тут Тимор понял, что на самом деле Белль кинулась за деревянным бочонком, застрявшим меж двух омываемых морем валунов. Из пробоины в бочонке наружу вылезла и теперь полоскалась в волне какая-то зеленая ткань.

— Эх, Белль, Белль! — сказал Тимор в пространство.

Он переместился к южной оконечности валуна,

чтобы лучше видеть ее действия. Показались Ганнон и его спутники, наконец отважившиеся войти в воду. Теперь Тимор мог видеть почти всех ребят. С ними была и пара стай, но приятели Ганнона дружбы с Когтями не водили и держались в стороне, тем более что эти Когти вид имели крайне неопрятный и так жалобно подвывали, что Тимор слышал их за полсотни метров даже сквозь шум волн. У Детей в промокших штанах, по правде сказать, видок тоже был не ахти. Эйвин и его спутники продрогли и тряслись. Ганнон вскарабкался на маленькую террасу и махал остальным, приказывая следовать за ним.

Самый крупный обломок корабля был от ребят в десятке метров. Он покачивался на волнах, иногда подплывая так близко, что Тимор испугался за Детей. С покореженных мачт свисали обрывки парусов; Тимор мало смыслил в парусном судоходстве, поскольку этому обучали только в старших классах, да и то лишь на дипломатическом и исследовательском направлениях. Тем не менее он видел, что паруса и мачты эти заметно отличаются от тонких аккуратных конструкций Тайного Острова и Скальной Гавани. Если только парусная система не прибегнет к регенерации утраченных частей (а она не прибегнет, потому

что таких технологий у Когтей нет и в помине), контроль над плавсредством восстановить не удастся. Наверное, оно попало в шторм.

Белль игнорировала всех и вся, кроме вожделенного бочонка, но Ганнон и его ребята кричали и махали сгрудившимся на импровизированных плотах Когтям. Две стаи на берегу кричали им тоже. Тимор не понимал такой стаеречи, но ответное кряхтебульканье жителей тропиков заглушало грохот прибоя. Может, это и не общая стаеречь вовсе. Может, это какой-то другой когтеязык или просто панические вопли.

Тимор не понимал, что можно сделать, и только бессильно оглядывался. О! Что-то движется от Гавани. Похоже, там четыре или пять стай тянут тележки по берегу вдоль скал. А над ними антигравитационный флайер! Плевать, что разрабатывали его не люди и не для людей (из-за чего он то и дело и заваливался в воздухе, точно падающий лист). Все равно это было почти как дома. Антиграв снизился, пролетел над скалами, сторонясь высоких утесов, и на миг Тимор удивился, почему Странник — а только Странник мог им управлять — не подбирается ближе. Тут антиграв взял ниже, чиркая по скалам днищем, и наконец приземлился с изрядным грохотом.

К счастью, корпус был гораздо тверже скалы и прочнее дерева и успешно выдержал посадку. Колпак кабины откинулся, и высунулась человеческая голова. Вполне предсказуемо пассажиром оказалась Йоханна Ольсндот.

Тимор повернулся к Ганнону с ребятами и завопил что было мочи:

— Подмога прибыла! Подмога!

Ганнон Ёркенруд свесился через край терраски. Большой обломок плавал прямо под ним. Эйвин Верринг и некоторые ребята отстранились, а Ганнон и остальные увлеченно швырялись камнями в плот. Они кричали, гоготали и бросали в обреченных тропических Когтей камни.

— Эй, пацаны! Хватит! — заорал Тимор. Ветер съел слова, но жесты привлекли внимание Детей. Ганнон помахал ему рукой, поняв, что Тимор о чем-то предупреждает. Камнеметатели отодвинулись от края, а Тимор тем временем заскользил вниз по скале. Он тяжело приземлился в лужу подмерзшей грязи и ушибся.

Итак, он выполнил поручение Ганнона. Когда-то это было для него очень важно, а теперь казалось просто отвратительным.

Кораблекрушение Второго Года стало первым с момента прибытия Детей на планету. Йоханне

Ольсндот исполнилось шестнадцать лет, но по результатам кораблекрушения за ней прочно закрепилась репутация Дрянной Девчонки. У Йоханны были основания гордиться собой — многие дети годами добивались подобного.

Странник Викврэкрам слышал о кораблекрушении, и они вдвоем тут же полетели на выручку. Дрянной Девчонке такое поведение едва ли было к лицу, но что поделать… Они сели, далеко опередив береговые патрули Древорезчицы. Йоханна откинула колпак, спрыгнула на землю и побежала к месту крушения, прежде чем Странник заглушил антигравитатор и вылез сам. Флайер на миг подпрыгнул в воздух и снова сел. Она не обратила на это внимания. Обломки плотокораблика тропических Когтей бились о скалы. Она с удивлением увидела, что спасатели уже на месте и что это Дети во главе с Ганноном Ёркенрудом. Ах ты черт, да эти говнюки швыряются камнями в утопающих! Йоханна перепрыгивала через камни, шлепала по ледяной воде Внутренней Протоки, кричала и ругалась на Ганноновых шалопаев. Завидев ее, те отступили и попрятались в скалах. Все они были моложе Йоханны и ниже ее ростом. С другой стороны, Йоханна славилась крутым нравом и была известна как Дитя, Сра-

жавшееся на Холме Звездолета.

Йоханна окинула громоздившиеся на берегу валуны долгим взглядом в поисках остальных мерзавцев. Только одно Дитя, очень маленькое, Тимор Ристлинг, скользит вниз по скале, а Белль Орнрикакиххм ему помогает. Та еще стайка. Тимор и Белль закончили спуск и тоже пропали из виду, а Йоханна выбросила их из головы. Странник выбрался из флайера и всей пятеркой кинулся вытаскивать ее из ледяной воды, куда она уже зашла по колено.

— Эй, не надо! — воспротивилась Йоханна. — Тут мелко! — Холод пробирал до костей, но, по крайней мере, течение в заводи за скалой было довольно спокойным. Странник все же вытащил ее на берег и отвел по гальке на метр от воды.

— Тут не везде так тихо, — объяснил он, — есть водовороты и омуты. Ты себе идешь-бредешь как ни в чем не бывало, а потом — бац! плюх! — и все уже очень скверно.

Йоханне подумалось, что Странник, пожалуй, переборщил, желая показать, как спасает ее от неминуемой гибели. Но если быть честной, всего в четырех-пяти метрах от места, где они стояли, белопенная волна яростно билась о камни. Стоя на уровне моря, Йоханна с трудом различала,

где начинается его гладь: брызги превратили полдень в серый туман.

Явилась береговая охрана. Пятерка стай уже раскинула сети и подтягивала обломки к берегу подальше от скал. Чуть поодаль за бочонки цеплялись уцелевшие Когти. Первые жители тропиков, каких Йоханне довелось увидеть своими глазами. В точности такие странные, как обещали местные Когти. Чужестранцы не сбивались в стаи: это была однородная толпа синглетонов, творившая все, что в ум взбредет. Некоторые хватались за протянутые им веревки, другие испуганно отползали. Йоханна вгляделась в темную воду. То тут, то там средь обломков покореженного плотокораблика всплывала голова Когтя. Десятки этих созданий еще пытались выбраться на берег. Йоханна подбежала к ближайшему и самому крупному элементу стаи Странника — Шрамоголовому.

— Смотри, их там еще много — и они тонут! Сначала надо помочь им!

Странник изобразил человеческий кивок:

— Но я не уверен, что им можно помочь…

— А я уверена! — Йоханна показала на катушки спасательной веревки, которые охрана приволокла на берег. — Бери веревки, пускай охрана

займется тем, что действительно важно!

Странник обычно откликался на любой ее призыв. Тут он, однако, помедлил, но потом бросился по берегу к охране с громким булькающим лаем. Йоханна уже три года провела среди стай, но по-прежнему с трудом понимала стаеречь на слух. Слова сливались в аккорды и временами вылетали за грань человеческой слышимости. Стоило разобрать на звуки один аккорд, а он уже сменялся следующим, не менее сложным. Сейчас Странник выкрикнул какой-то приказ. Несколько раз повторилось имя Древорезчицы. Ага, он апеллирует к верховной власти. Ну-ну.

Две стаи береговой охраны послушно снялись с мест и помогли Страннику размотать катушки, а потом спустили их со скал в море. От Гавани бежали еще несколько стай. Но было непохоже, что это охрана; Йоханны со Странником они сторонились. Как и большинство жителей Города, они интересовались прежде всего содержимым бочонков. Ну что же, на кону еще больше жизней, придется помочь хотя бы тем, кто уже тонет. Только три стаи, включая Странника, пытались это сделать. Утопающие высовывали головы из воды и отчаянно тянулись к брошенным веревкам; в этот миг они очень напоминали морских

котиков. Если бы вода была тише и теплей, у них был бы шанс спастись самостоятельно, а так они могли рассчитывать только на веревки: как только синглет хватался за трос, он быстро вылезал по нему на ровный, усеянный галькой берег. Йоханна с остальными вытащили таким образом с дюжину утопающих, но в воде еще оставалось по крайней мере тридцать. Остальные замерзли и утонули, или же их выкинуло дальше к северу.

Тем временем подоспевшие стаи вытянули на берег все, что осталось от корабля. Жители тропиков, спасенные охраной, разбегались, когда патруль и местные брались за бочонки, и беспокойно кружили окрест. Йоханна видела, что основной целью «спасателей» был корабельный груз.

В протоке больше никого не осталось. Кроме Странника, прочие стаи кинулись потрошить бочонки. Выжившие синглетные Когти сбивались в стайки и дрожали от холода. В самой маленькой было двадцать элементов. Собственно, это были не стаи как таковые: синглеты просто жались друг к другу, стараясь согреться. Йоханна подошла к ним и вслушалась в бульканье, стараясь различить связные аккорды. Бесполезно; в конце концов, настоящих стай тут и не могло

быть. Все же ее пробила легкая дрожь: существа эти могли издавать звуки в том же диапазоне, в каком мыслили обычные Когти, от сорока до двухсот пятидесяти килогерц. Ультразвук. Странник наблюдал за ней, но держался не менее чем в пятнадцати метрах от скопища тропических синглетов.

— Ты тут не слишком популярна, дружок, — заметил он.

— Я? — переспросила Йоханна, не отводя глаз от странной толпы. Мало на ком оставалась одежда, в шерсти кишели паразиты: все, как ей и рассказывали. Были и такие существа, у кого шерсти вообще не сохранилось, кроме как на кончиках лап. — Мы их спасли…

— Ай, да я не про этих, — сказал Странник. Йоханна подошла ближе. Десятки голов обратились к ней, нервно подергивая челюстями. — Но я бы не сказал, что тропические тебя так уж любят! Осмелюсь заметить, что едва ли кто-то из них вообще сообразил, кто их спас.

Шеи продолжали вытягиваться к ней, от толпы отделилась парочка особей. Йоханна подумала, не нападают ли они, но, выбравшись на ровную почву, Когти растерянно остановились и закрутили головами. Она отошла на шаг-другой.

— Я понимаю, о чем ты. Они как те фрагменты, что остаются после сражений. Израненные и безумные. И если их что-то напугает, они немедля бросаются в атаку.

— Примерно так, — сказал Странник, — с той разницей, что эти синглеты никогда не входили ни в какую стаю. Их мыслезвуки сливаются в бессмысленный хор.

Йоханна продолжала обходить толпу по краю, держась на расстоянии, где те не слишком волновались. Если бы она приблизилась, ошалевшие синглеты могли бы кинуться на девушку. Странник прав: они не жертвы войны. Все израненные синглеты, каких ей прежде случалось видеть, прежде принадлежали крепко сбитым стаям. Они привечали Странника и жались к его элементам, а если встречали человека до битвы, то ластились к нему даже сильнее.

— Как с ними поступят? — спросила она.

— Вот поэтому ты и не слишком популярна у береговой охраны. Такие кораблекрушения происходят каждые несколько лет, как ты наверняка знаешь. Груз по большей части ничего не стоит. Во всяком случае, нормальных денег за него не выручишь.

Йоханна оглянулась на затянутый туманом

пляжик. В патруле было явно недостаточно стай, чтобы реинтегрировать потерпевших крушение. Тропические Когти бездумно блуждали по берегу и сторонились слитных стай, но среди вшивых мореплавателей нашлись и те, кто воспользовался прорехами в кордоне охраны и, просочившись через них глубже на пляж, пустился в бегство. Иногда за беглецами увязывались еще пять — десять синглетов, держась более или менее совместно. Непросто будет загнать их назад. Она посмотрела на Странника:

— И что, охрана предпочла бы их утопить?

— Типа того, — кивнул парой голов Странник.

Он был консортом королевы, но не дипломатом.

— Древорезчице и так хватает проблем с синглетами. Куда их приткнуть, а? Тут еще эти лезут.

Йоханну пробрал могильный холод. В этом мире было несколько вещей, которые она от всей души ненавидела, в их числе — методы, с позволения сказать, хирургии фрагментов, практикуемые стаями.

— А что с ними будет? Если кто-то попытается загнать их обратно в море… — Ее голос и тон стали резче. Равна Бергсндот не успеет, если ей не сообщить немедленно. Йоханна развернулась

и побежала к антиграву. Странник устремился за ней — сразу весь — и быстро догнал.

— Этого не случится. В сущности, у Древорезчицы есть бессрочный декрет, позволяющий всем выжившим обрести приют в долинах у Скальной Гавани. Патруль просто ждет подкрепления, чтобы перегнать толпу в Город.

Около трети выживших мореплавателей уже распались на синглеты и двойки. Они с этим справлялись лучше, чем виденные прежде Йоханной фрагменты. Отбившиеся от слитных стай особи обычно теряли разум; и, даже выздоровев, они часто умирали от голода, потому что не понимали, как надо питаться. Более старые синглетоны гибли быстрее молодых. Йоханна не сбавляла прыти. Ее осенила идея.

— Ты задумала что-то безумное, правда? — спросил Странник.

Иногда он приговаривал, что остается рядом с инопланетянкой потому, что за год она натворила столько безумств, сколько он за десять жизней не видел. Странник на самом деле был странником — эта кличка к нему прилепилась именно из-за образа жизни, так что его утверждение имело под собой веские основания. Его память уходила в прошлое на века, сливаясь

с бесписьменной историей и мифами. В мире насчитывалось лишь несколько равных ему стай, обошедших всю планету и видевших столь много. Йоханне повезло, что эта точка зрения ныне воплотилась в стае, придерживающейся благопристойных манер. Странник и Грамотей первыми изо всех Когтей мира наткнулись на Йоханну. Эта удача ее и спасла. Ее и всех Детей.

— Ты со мной не поделишься своими планами, эм? — продолжил Странник. — Бьюсь об заклад, ты хочешь, чтобы я тебя куда-то отвез. — Не слишком сложно догадаться: Йоханна направлялась к антиграву. Тот припарковался, а вернее сказать, грохнулся на такую высокую и гладкую скалу, что без помощи стаи или альпинистского снаряжения человеку было туда не взобраться. Странник забежал вперед и двигался теперь, упреждая ее перемещения. — Ну ладно, но ты запомни, что тропические тут долго не живут. Даже если они пытаются сбиться в стаи, они у них получаются умственно отсталые.

— Ты жил в Тропическом Хоре?

Об этом Странник никогда не упоминал.

Он поколебался.

— Ну, я провел какое-то время в Бахроме — мы так называем коллективы, живущие по пери-

ферии Хора. Настоящий Хор глубоких джунглей убил бы слитную стаю в мгновение ока. Ты можешь себе представить, что такое оказаться зажатым в эдакой толпе? Мышление становится невозможным… хотя я подозреваю, что россказни о непрестанных оргиях недалеки от истины, это может быть их единственным и — кто знает, может быть счастливым? — шансом на слияние. Нет, я хотел сказать, что такие кораблекрушения случаются нередко. У нас и пары лет без них не проходит, и сейчас в округе бродит больше таких синглетов, чем нормальных стариков и раненых, — даже больше, чем после войны со Стальным Владыкой и Шкуродером. В конце концов эта проблема как-то рассосется.

— Сто процентов.

Они шли между валунами высотой с дом, протискивались меж скал, с которых те скатились. Не самое безопасное место для прогулки. В конце концов, откуда-то же эти валуны сюда упали: в весеннюю оттепель горные оползни и камнепады — самое обычное дело. Эта мысль возникла в дальнем углу сознания Йоханны — и превратилась в лишний повод поскорее отсюда убраться.

— Итак, через годик-другой бедные твари вымрут и проблема народа Древорезчиков ре-

шится?

— Нет, ничего подобного… почти ничего подобного. Веками Древорезчица и ее народ имели с ними дело и знают, что стоит только дождаться хорошей промозглой осени и попутных течений на юг, как выжившие сами запросятся прочь. Стоит просто починить их плоты или связать им новые. Не так это и сложно — сбацать для них раздолбайки вроде тех, какими они обычно пользуются.

— Ты хочешь сказать, что выживших тропических Когтей посадят на плоты и пустят в открытое море?

— Опять-таки не совсем, но в этот раз ты почти угадала. Старая Древорезчица поняла их природу: тропические — они как перелетные птицы. Любят яркие и блестящие штучки. Они любят тех, кто собирает хворост и разводит костры, — довольно глупо, поскольку во влажную погоду им все равно долго не продержаться. Любят всякую дребедень. Наши уже давно выучили, какие штуковины им подсовывать. Они их грузят на плоты и кораблики, дают немного еды — и если прилив благоприятствует, все оставшиеся в живых тропические тут же на борту. Стоит лишь подтолкнуть их в южное течение, и проблемы

как не бывало.

Йоханна потянулась к серебристой металлической обшивке антиграва. Колпак от ее прикосновения подскочил вверх, а трап уперся в землю. Хотя суденышко проектировалось для существ на тележках, его оказалось довольно просто приспособить под нужды людей или Когтей. Йоханна забралась в кабину и села на привычное место (уже не так хорошо отвечавшее человеческим потребностям). Странник выбрался наверх по скале и элемент за элементом взбежал по трапу.

— Нельзя относиться к ним как к полноценным Когтям, Йоханна, и ты это знаешь.

— Странник, ведь не все ваши такого мнения, а?

Пятерка завозилась, устраиваясь в рубке пилота. Интерфейс антиграва мог бы внять ее стараниям, если бы дело происходило в Запределье, но так глубоко Внизу, в Медленной Зоне, автоматика функционировала только в режиме, по умолчанию рассчитанном на изначальных владельцев — наездников. На всей планете, наверное, их уже ни одного не осталось, а жаль, ибо именно пользовательский интерфейс по умолчанию предоставлял контроль за сенсорами, раскиданными по периферии рубки. Наверное,

и человеческий экипаж смог бы управлять суденышком, если бы всю жизнь тренировался, привыкая к нестабильности полетной системы. Стая же, особенно такая опытная и бесшабашная, как Странник, могла пилотировать флайер не хуже наездников, только медленнее.

Дверь закрылась, Странник начал перенастраивать антигравитационные полотнища, но частью элементов семотрел на девушку, явно обдумывая последний заданный ею вопрос. Он придал человеческому голосу нотку грусти:

— Нет, Йоханна, они больше, чем просто животные. Моя возлюбленная Древорезчица наверняка сказала бы, что они в то же время и меньше, чем животные, но я знаю, что ты в это не поверишь. Я слишком часто распадался сам.

Он нажал одну из дюжин управляющих кнопок, выполненных в форме углублений в контрольной панели. Антиграв поднялся в воздух сначала левым боком, потом правым, покачался из стороны в сторону, точно не желая отрываться от каменного лица скалы. Странник откорректировал курс, и суденышко подалось влево, скатываясь с площадки, но в то же время держась поодаль от самых крупных валунов на склоне. Странник нащупал нужный ритм, и флайер воспарил в

воздух, лишь изредка царапая днищем скалы. Два года назад, когда стало ясно, что Странник один в состоянии управляться с флайером, у него развилась привычка закладывать такие виражи, чтоб у пассажиров вырывался только бессильный писк. Это было свойственно его юморной натуре и являлось неотъемлемой частью того удовольствия, которое он получал от полетов. Йоханна держалась достойно в этой игре, даже когда Равна сдалась.

Но сейчас она позвала его, и он откликнулся с готовностью; девушка была уверена, что коли уж флайер ведет себя непредсказуемо, то это не фокусы Странника, а проблемы антигравитационной ткани. Она выдыхалась, теряла основные полезные свойства. Кусок за куском ее приходилось заменять материалами с «Внеполосного-II». Страннику приходилось снова и снова переучиваться, чтобы управлять полетом суденышка. На старые выходки у него времени не осталось. Флайер скользнул вниз метров на пять, но отлепился от скалы. До валунов оставалось еще метров двадцать, и теперь-то стало понятно, что вихляние судна вызвано не техническими проблемами и не отказом каких-то участков ткани. Они мало-помалу поднялись вверх, и Странник

повернулся к ней большей частью элементов.

— Я забыл спросить, куда мы летим.

— Туда, где этим морякам можно найти крышу над головой, — ответила Йоханна.

Резервация, устроенная Древорезчицей для фрагментов, находилась на нижних склонах Хмурой Долины, недалеко от Скальной Гавани, куда загнали тропических Когтей. Маршрут, выбранный Странником, повел бы их более или менее в нужном направлении. Это значило, что флайер дергало во все стороны, но курс он в целом выдерживал. В высоких широтах Странник бы рискнул набрать сверхзвуковую скорость, но на коротких полетах вроде этого бегущая в полную силу стая легко бы их перегнала.

Хотя снаружи флайер казался сделанным сплошь из серебристого металла, Странник заставил корпус обрести прозрачность изнутри. Обзор открылся неожиданно скверный. Искореженная ткань антигравитационного полотнища во многих местах осталась матовой и напоминала домашнюю кусочную вышивку красноватого оттенка. Отдельные участки были латаны-перелатаны так, что казалось, будто над ними поработала свихнувшаяся стая, задумавшая сшить себе парадные накидки. Эти препятствия и

обусловили занятую сейчас Йоханной позицию. Ее кресло и креслом-то в строгом смысле слова нельзя было назвать — приходилось нагибаться вперед, чтобы не удариться головой о потолок, а меры безопасности принимались с оглядкой на ситуацию. С другой стороны, все, что происходило внизу, она видела как на ладони.

Они только что пролетели над стайкой Детей, которых она видела у места крушения. Пятеро мальчишек и две девчонки. Да, с такой высоты она их четко различала — те самые. Йоханна недовольно покачала головой, ругаясь себе под нос.

— Ты это видел? — спросила она у Странника.

— Конечно видел. — Странник наблюдал за происходящим внизу, прижав три морды к относительно целым участкам. Он без усилий мог смотреть в нескольких направлениях одновременно. — Что именно я должен был заметить?

— Детей. Эти засранцы швыряли камни в тонущих Когтей. — Она вызывала из памяти имена. — Эйвин Верринг. В жизни бы не подумала, что он на такое способен. — Эйвин был ее ровесником. Они одинаково хорошо учились в школе и были друзьями, хотя никакой романтики в их отношениях не было в помине.

Флайер перекувыркнулся и восстановил равновесие. Впрочем, Йоханна давно научилась держать язык за зубами, летая на этом корыте. Теперь она едва реагировала на такие кувырки, разве только они при этом подлетали слишком близко к препятствиям. Странник восстановил управление, сделав вид, что ничего особенного не произошло.

— Будем честны, Йо. Верринг, скорее всего, не бросался камнями. Он держался в стороне.

— Ну и что? Он же мог их остановить. — Они пролетели над еще одним Ребенком, поменьше, который плелся за остальными. Мальчишку сопровождала пятерная стая. Только три стаи якшались с этими негодниками, и эта среди них. — Видишь? Даже маленький Тимор Ристлинг там крутится. Он их предупредил!

Тимор показался ей уродцем. В Высокой Лаборатории мальчик был вполне здоров, но теперь она его пожалела. Возрастом он был ровесник ее брату, но происходил из семьи низкоуровневых интеграторов, далеких от дел выдающихся ученых и археологов, что копались в архиве. Подбирая аналогии из мира Когтей, можно было сказать, что родители Тимора были уборщиками: выметали с дороги мусор, чтобы более одаренные

специалисты могли пройти беспрепятственно. Мальчишка не слишком успевал в учебе, у него мозги просто плохо были приспособлены к технике. Следовало думать, что собственные неудачи заставят его принять сторону потерпевших кораблекрушение. Хм.

— Могу поклясться, что это та стая, с которой он водит дружбу. — Белая пятерка сгрудилась вокруг мальчишки. Белль Орнрикакиххм в дни, предшествовавшие появлению людей в империи Древорезчицы, подавала надежды как политик. Нехорошо, что она запускает в Тимора свои коготки. Мальчишка достоин Лучшего Друга поприличнее, но Йоханна уже вышла из того возраста, в котором считаешь себя вправе всех поучать.

Антиграв нагнал группу людей. Она видела их спины, а иногда и лица. Да, это Ганнон Ёркенруд — машет своим приятелям и отпускает шуточки. *Подтирушка*. Там, в Высокой Лаборатории, Ганнон был на год старше Йоханны. Он перескочил через несколько классов и готовился к выпуску из их маленькой школы. Ганнон фонтанировал идеями и считался даже более одаренным ребенком, чем маленький брат Йоханны. В четырнадцать лет он превосходил исследовательскими спо-

собностями многих взрослых. Все соглашались, что однажды он станет одним из лучших борк-неров[1] Страумлианского Простора. Тут, глубоко Внизу, таланты Подтирушки пропадали втуне.

Антиграв набрал высоту и полетел немного быстрее. Под ними проносились стаи береговой охраны и прогуливавшиеся к северу от Гавани простые подданные королевы. Наверное, и эти тоже вышли поглазеть на крушение. Даже пара человек, один из которых припустил бегом.

— Смотри-ка, Невил, — сказала Йоханна.

— И этот тоже швырялся камнями? — удивленно уточнил Странник.

— Нет, он направляется из Гавани им навстречу. — Невил Сторхерт был старшим из Детей. И наверное, самым чутким к настроению толпы. В Высокой Лаборатории Йоханна один раз с ним поругалась, но не рискнула перейти к открытой конфронтации. С тех пор он едва ли задумывался о ее существовании. Она была тогда подростком, а он готовился к выпуску. Еще год или два — и он стал бы полноправным страумлианским ученым. Его родители занимали высокие посты в админи-

[1] Примечания: 1

Вероятно, в страумлианской культуре этим термином обозначается археопрограммист (комментарий об этой профессии есть в книге «Глубина в небе»).

страции Лаборатории, да и сам Невил, пускай и в таком юном возрасте, проявлял прирожденные дипломатические и чиновничьи способности.

Он откуда-то узнал про Ганнона и его ораву. Он не успел их остановить, но Йоханне сверху было отчетливо видно, что он не бежит к месту крушения, а направляется дальше от берега, чтобы пересечься с Детьми. Поравнявшись с ними, он замедлил бег и вроде бы приветственно помахал Ганнону с его приятелями — тем не менее жест этот обещал изрядную взбучку. Она наклонилась еще дальше, стараясь разглядеть отчетливее. Туман, протянувшийся вдаль от берега, перекрывал вид, но она поняла, что Невил остановил всех шалопаев и дождался, пока дохромает Тимор с Белль. Потом он задрал голову и помахал ей.

«Спасибо, Невил. Хоть ты меня понимаешь».

Йоханна отвернулась и посмотрела на юг. Хотя та сторона оставалась полускрыта туманом, она различала очертания Гавани и поселка в ней, сразу за устьем Хмурой Речки. Антиграв снизился и влетел в безоблачный полдень позднего лета, видимость сразу улучшилась. Долина, возникшая в последний период таяния ледников, имела форму буквы U, зеленые поля поднимались к скалистым стенам скал, даже в дни высокого лета

убеленных снежной шапкой. Исторически так сложилось, что Долина отграничивала владения Шкуродера от Домена Древорезчицы. Битва на Холме Звездолета все изменила.

Фрагментарий Древорезчицы лежал прямо по курсу, сразу за областью, все еще устланной туманом. Он задумывался как госпиталь для раненых на время боевых действий: королева Древорезчица давала понять тем, кто за нее не пожалел брюха, как высоко ценит она их жертву. Затем это место переросло первоначальную функцию и стало чем-то гораздо большим. Странник клялся, что во всем мире нет ничего подобного. И уж конечно, многие стаи считали, что от него никакой пользы.

Строения Фрагментария занимали небольшую равнину у подножия граничных скал. Жилое пространство отмечали изгороди, тоньше и ниже, чем обычно на фермах Когтей. Здания лепились друг к другу, оставляя как можно больше свободного места для лечебных упражнений и игр на свежем воздухе. Королева шутила, что специально оставила Страннику просторную посадочную полосу. Учитывая, как часто Йоханна со Странником навещали Фрагментарий, в этой шутке была только доля шутки.

Пока они снижались, девушка заметила, что многие Когти на прогулочной площадке подозрительно облысели и кишат паразитами. Не иначе те самые мореплаватели, но как они сюда проникли? Она поняла, что ее известие о кораблекрушении успело устареть, и спешно принялась подбирать нужные слова взамен заготовленных.

Глава 03

Обыкновенно, стоило Йоханне куда-то пойти, как ее мигом окружала толпа синглетов. Сегодня несколько таких фрагментов, у которых способность к речи сохранилась лучше, даже окликали ее, но большую часть пациентов Фрагментария больше заинтересовали новички из тропиков. Никто из охранявших Фрагментарий загонщиков не показывался.

Йоханна со Странником выбрались с прогулочной территории и пошли по дороге меж зданий, которые Равна Бергсндот прозвала домом престарелых. Век стайных элементов был короток и редко достигал даже сорока человеческих лет. В этих домах нашли пристанище те элементы, которые уже слишком одряхлели, чтобы обеспечивать себя пищей и работать с прежней своей стаей. Бывшие соэлементы иногда навещали их, подчас оставались на пару дней, особенно если старики некогда составляли интеллектуальное или эмоциональное ядро стаи. Здесь Йоханне становилось тоскливее, чем где бы то ни было: имевшаяся у них технология ничем не могла

помочь несчастным. Постепенно визиты становились все реже, потом стая приступала к интеграции новых молодых элементов и прекращала посещения окончательно.

То здесь, то там элементы крутили головами, взбудораженные приходом девушки. Некоторые гости (те немногие, кто ценил стариков так сильно, что сохранял с ними единство, сколько было возможно) приветственно повизгивали, иногда разражаясь целыми фразами на самношке. Народ тут подобрался вежливый и добросердечный. Тем не менее дом престарелых оставался одним из наиболее мрачных аспектов существования на планете Когтей, неустанно напоминая Детям, что они по уши увязли в первобытной Темной Эпохе.

За поселком стариков находился домик загонозаводчиков, отделявший приют от прогулочных площадок и бараков для неразумных фрагментов, которых предстояло использовать в хирургических целях. Можно было и срезать путь, но Йоханна со Странником держались подальше от лагеря для военных преступников. Многие королевства Когтей, помимо Домена Древорезчицы, поддержали учреждение таких лагерей, хотя обычно с врагами государства долго не нянчились и подвергали мучительной казни, как

только выдавалась свободная минутка; но Древорезчице садизм не был свойственен. Странник частенько принимался разглагольствовать и доказывать Йо, как чертовски повезло Детям, что модуль сел в самом цивилизованном королевстве планеты. Шкуродера переделали, Проныру изгнали, и во всем Домене оставался только один крупный военный преступник, а именно Стальной Владыка — жуткое творение Шкуродеровой стайной селекции. Исходного Стального сократили до тройки, и этот ошметок стаи получил одиночную камеру с маленьким прогулочным двориком. Йоханна два года уже не встречалась с ним, но знала, что ее брат иногда приходит поговорить с тройкой; впрочем, Джефри и Амди общались со Стальным, еще когда он был цел и в полной власти… Оставалось лишь надеяться, что визиты не преследуют цели трепать этому существу нервы. Стальной и так уже обезумел — Древорезчица и Шкуродер долго пререкались, как с ним поступить, и бывшему властителю еще повезло, что его не загрызли подчистую. Даже на приличном расстоянии до Йоханны долетали дикие вопли узника, требовавшего немедленно выпустить его на прогулку. Фрагмент Стального явно сообразил, что в лагере гости, а загонщика в

его дворике, видимо, не оказалось.

— А где все? — спросила Йоханна. Даже Каренфретт куда-то запропастилась, а она ведь имела привычку приставать к Йо по всяким вопросам.

— Гармоник здесь. Я его слышу.

Странник повернул морду одного элемента к домику администрации.

— Он там?

Вот черт!

Гармоник был у загонозаводчиков старшиной — стая старой закалки; у людей такого назвали бы крутым перцем. Теперь и она слышала громогласное ворчание Когтей. Пока оно звучало негромко, немудрено было перепутать стаеречь Гармоника с бессвязным лепетом из бараков, но сейчас стало ясно, что стая говорит по телефону. Хороший знак — от совета со стороны решения Гармоника еще никогда не становились суровее. Йоханна с трудом подняла тяжеленную задвижку на воротах и пропустила Странника, потом вошла сама. Административное здание изначально было маленькой гостиницей для приезжих, где они могли остановиться на ночлег. Каренфретт часто так поступала. Две-три стаи разместились бы там с удобствами, но изнутри вроде бы доносился только один голос; передняя дверь была

распахнута. Йоханна низко согнулась, пробираясь под притолокой, Странник шел впереди и позади девушки.

Гармоник обнаружился в задней комнате, служившей ему кабинетом. Не такой просторной, как ему бы хотелось, зато с выделенной линией связи — старшина с первого дня в должности объявил эту комнату своей. Йоханна тихо радовалась, что никто не удосужился объяснить ему, как легко было бы перекинуть проводку в другое помещение; не только она одна была дурного мнения об этой стае. Завидев Странника с Йоханной, Гармоник быстро закончил разговор и положил трубку.

— Ну-ну, — приветливо отозвался он, — вот идет источник многих моих проблем. — Он указал девушке на стул перед своим рабочим столом. — Пожалуйста, садитесь, Йоханна.

Йоханна так и поступила, обнаружив, что теперь ей приходится задирать голову, чтобы посмотреть в морды Гармонику. Ну что ж, не менее глупо было бы стоять, упираясь головой в потолочные балки. Странник расселся по комнате и оставил одного элемента сторожить вход: так он мог принимать участие в дискуссии, не слишком мешая Гармонику шумом своих ценных мыслей.

Йоханна заготовила вступительную речь, но телефонный звонок навел ее на другую идею.

— Вижу, — сказала она, махнув на аппарат, — вы уже прослышали про кораблекрушение.

— Конечно; я только что закончил обсуждать этот вопрос с королевой.

— А, вот как? — Интересно, что сказала Древорезчица? Вид у стаи был такой самодовольный, что Йоханна приготовилась к худшему. — Там почти двести выживших тропических моряков, почтеннейший. Странник сообщил мне, что эта цифра значительно превосходит обычные показатели для крушения одного корабля из южных морей.

Гармоник недовольно дернул головами:

— Именно так, и я знаю, кого в этом винить.

— Тогда уж и меня, — оживился Странник.

Гармоник страдальчески повел на него мордой. Игнорировать Странника он не мог; две стаи представляли собой едва ли не идеальную противоположность: одна крепко сбитая, как сжатый кулак человека, другая столь растянутая, что временами казалось, будто она вот-вот развалится на подстаи. К несчастью для Гармоника, Странник был консортом королевы: элемент самой Древорезчицы сопровождал его. Гармоник должен

был держать язык за зубами, чтоб не сболтнуть лишнего, потому все его морды, покрутившись немного, нацелились на Йоханну.

— Несомненно, вы удивлены отсутствием моих помощников. — Он имел в виду остальных загонщиков. Многие из них поддерживали с Йо весьма теплые отношения.

— Э-э… да.

— Это вы тому причиной. Именно об этом мы говорили с королевой. Само по себе скверно, что вы наворотили столько дел по случаю обычного крушения, а нам теперь разгребать. Но вы еще и показали им это убежище. Совершенно непростительный и гнусный поступок!

— Что?! Я ничего такого не делала.

— Это был я, уважаемый, — вставил очень довольный собой Странник. — Разумеется, Йоханна не могла так поступить. Сомневаюсь, чтобы хоть один из потерпевших крушение знал самношк.

Гармоник поднялся на все лапы, разбросанные по комнате элементы поправили красные форменные куртки. Двое из них рысцой подбежали к столу и проделали сложный жест извинения перед Йоханной.

— О, простите меня! Но ведь именно от вас я мог этого ожидать. Именно так и подумали мои

сотрудники. Все они сейчас на нижних выгонах, пытаются как-то сладить с напором тропических новичков. Мы как раз пытались понять, кто же их туда направил…

Йоханна скрестила руки на груди и подалась вперед. Она знала, что большинство выживших в кораблекрушении еще на берегу и патруль охраны загоняет их в Гавань. До приюта успели добраться не больше тридцати или сорока стай. А насчет предположения, будто это она их туда направила… ну ладно, проглотим. Гармоник не в первый раз отпускал колкости в ее адрес, возводя на Йо дикую напраслину… беда в том, что напраслина эта часто в точности совпадала с нереализованными намерениями девушки. Но в этот раз она твердо решила дать ему отпор.

— Уважаемый старшина, если ваши сотрудники полагают, будто я отправила сюда тропических, то я должна заметить, что это неплохая идея. Тропические такие же Когти, как ваши элементы. Как синглеты, которым мы стараемся помочь в королевском Фрагментарии.

— На выгоне, — уточнил Гармоник.

Стаи его профессии занимали видное место в культуре Когтей — их сфера деятельности охватывала брачные контракты, селекцию и

реконструктивную хирургию стай. Йоханна относилась к ним с большим уважением, даже к тем, кто точил на нее коготки и зубы. Чтобы правильно подобрать для стаи новых малышей, не нарушив цельности коллективного разума, требовались немалый талант и навык. Это была задачка даже посложнее, чем составление адекватно функционирующих стай из синглетов и двоек. Некоторые заводчики были гениями своего дела, но к Гармонику-Краснокурточнику это не относилось. Он прибыл с востока и каким-то образом сумел подлезть к Древорезчице, когда той требовалась замена для двух самых старых элементов. Восточные заводчики предпочитали работать с индивидуальными элементами, а не со стаями. В этом они сильно напоминали старых приспешников Стального, хотя Йоханна не подозревала, что у Гармоника есть прямой номер королевы.

— Основная трудность заключается в вашем — как это? — *сострадании*, — продолжал старшина. — Вы относитесь к элементам как к пациентам. Мне непонятен ход ваших рассуждений. Они основаны на качествах, придающих людям слабость. Вы неспособны помочь фрагментам. В этом нет никакого смысла.

Йоханна с трудом удержалась от язвительной реплики: «Если бы Детей не угораздило затеряться в этой первобытной глуши, мы бы при желании заменили любые части своих тел куда сноровистее, чем ты только можешь себе вообразить, сморчок». К сожалению, Гармоник мог бы истолковать ее слова как лишнее подтверждение своей точки зрения. За невозможностью прибегнуть к этому убойному аргументу Йоханна предоставила заводчику выговориться.

— Мы, стаи, вправе выбирать, кем нам стать. Мы существуем дольше, чем любой из текущих элементов, и всегда улучшаем себя.

— Я достаточно долго живу на свете, — очень вовремя заметил Странник, — чтобы понять, что это не обязательно так.

— О, таких маленьких стай, как ваша, мое утверждение может и не касаться.

— Это правда, но к нашей маленькой стае как-никак прислушивается королева. Итак, Гармоник, я хотел бы получить от тебя недвусмысленный ответ на следующий вопрос. Что ты сделаешь, когда толпа выживших при утреннем крушении на побережье появится здесь? Прогонишь прочь?

— Да. — Краснокурточники ухмыльнулись.

— Их больше обычного, — сказал Странник, — и они бывшие члены Хора, так что помехи от них достаточно громкие. Но как синглеты и двойки они не нуждаются в твоем позволении, чтобы слоняться вокруг наших городов, а это сделает помехи даже громче и назойливее. Купцы и крестьяне едва ли найдут их присутствие полезным. А убить их Древорезчица, уж поверь мне на слово, не даст.

С морд Гармоника не сползала усмешка.

— Это не такая уж проблема: достаточно вам двоим отойти в сторонку и дать природе заняться излишками. — Он встряхнулся. — Никто не призывает их убивать; я не сомневаюсь, что в конечном счете выжившие фрагменты сядут на плоты и уберутся восвояси с тем хламом, которым мы их нагрузим. Древорезчица рассказала, что такое случается каждые несколько десятидневок. — Он прямо и самодовольно посмотрел на Странника. — Не ты один нашептываешь советы королеве на ухо. — Гармоник ткнул лапой в телефон. — Изумительное устройство. Вам, двуногим, многое можно простить за то, что вы обогатили нашу цивилизацию такой машинкой.

«Ах ты гад! — подумала Йоханна. — Я бы могла по дороге сюда вызвать Древорезчицу и Равну

— обеих! А вместо этого я сижу и препираюсь с этой сволочью».

Гармоник не унимался:

— Мы с королевой решили, что принимать новые фрагменты в королевский приют было бы неблагоразумным. Если его территорию существенно не увеличить, места всем не хватит. Что еще важнее, предложение приютить здесь членов Тропического Хора идет вразрез с изначальными целями учреждения нашей организации. — Он помолчал, словно выжидая, не станут ли Йоханна или Странник возражать. — Но не переживайте, эти отщепенцы не смогут наводнить собой улицы и рынки Новозамка или Тайного Острова. Я предложил ее величеству альтернативное решение, и она с удовольствием приняла его. Для бывших членов Хора будет создан новый анклав. Специально выстроенный с учетом их потребностей.

— Второй Фрагментарий? — поинтересовался Странник.

— Не совсем. Он будет размещен на южном склоне Холма Звездолета, вдалеке от мест, пребывание в которых может представить угрозу или трудности для этих существ. Лечить их нет нужды. Достаточно просто выделить им эту ре-

зервацию.

— Это тюрьма?

— Нет, посольство! Посольство Хора. Иногда самое абсурдное решение оказывается и самым верным.

За этой фразой последовал взрыв лающего смеха. Когти умели смеяться, и получалось это у них в целом правдоподобно. В данном случае идея казалась неплохой, но Гармоник-Краснокурточник не преминул добавить ложку дегтя:

— Разумеется, нам понадобится возвести определенные заграждения, а на первое время и выставить охрану по периметру: королевскому патрулю это пойдет только на пользу. Резервация будет включать небольшое поле, где можно выращивать зерновые культуры и ямс. Мы все знаем, что тропические не мясоеды.

Йоханна покосилась на стаю. Когти ели все, но мясо однозначно предпочитали остальным продуктам. Вегетарианцы встречались только в самых бедных кварталах.

Гармоник явно исчерпал запас своих аргументов, и если так, то победа осталась за ним. Она перевела взгляд на Странника.

— Тогда, — произнесла Йоханна наконец, — я тоже поддержу это решение.

— Фактически, — сказал Странник, — в нем нет ничего дурного, хотя все зависит от деталей реализации. Сооружение и обустройство резервации — дело нескольких лет. И я не уверен…

— …что это мое дело, — подхватил Гармоник. — Благодарение Стае Стай, я умываю лапы. Вы вольны излагать свои соображения королеве, и я даже думаю, что вы именно так и поступите.

— Само собой, — ответил Странник.

Йоханна почувствовала, как один элемент Странника деликатно потянул ее за руку, указывая, что пора отступать с вражеской территории: Странник явно беспокоился, как бы ей не пришло в голову оставить за собой последнее слово. Он слишком хорошо ее знал… Ну ладно, пора его посрамить. Она поднялась на ноги, стараясь не стукнуться головой о потолок.

— Очень хорошо, достопочтенный Гармоник. Я вам очень благодарна за столь оперативное и, гм, изящное решение. — «Вот видишь? Я могу быть дипломатичной». Она еще немного склонила голову, но полным поклоном это бы никто не назвал; она просто пыталась выбраться из кабинетика наружу.

Гармоник жестом призвал ее задержаться:

— Вы знаете, моя беседа с ее величеством вы-

далась на диво продуктивной. Я полагаю, что мы с ней примерно одинаково представляем себе нужды общественного здравоохранения и преимущества честных подходов к нему. В конце концов, труд заводчика создает счастье всего народа. Я склонен полагать, что на востоке это понимают яснее, чем здесь. Реакция на… стальнистские перегибы и так была чрезмерной. А еще вы, люди, лезете со своей запутаной этикой.

— Да уж, — сказала Йоханна, делая жест, который Гармонику остался заведомо непонятен. Ей настоятельно требовалось покинуть общество этого чувака.

К несчастью, Гармоник во всем любил крайности или просто решил, что промежуточной победы недостаточно.

— Вы должны понять, Йоханна, что вашему сумасбродному влиянию на дела королевского приюта положен конец. У нас не хватит ресурсов, чтобы поддерживать Фрагментарий в том виде, в каком вам угодно.

Это ее зацепило.

— Вы это о ком? О ветеранах войны и жертвах несчастных случаев?

Она сделала шаг в его сторону, не обращая внимания на то, что Странник слегка куснул ее

за руку.

Гармоника ее предположение как будто бы остудило.

— О нет. Королева высказалась определенно. Пускай даже шансы на успех невелики, а сливая взрослые фрагменты, мы часто получаем малоэффективные стаи… ветеранам мы обязаны всем, что у нас есть. Было бы безнравственно так далеко зайти. Но элементы стареют, заболевают неизлечимыми болезнями и, увы, умирают. Простите мою прямоту. Они умирают, что бы вы там себе ни думали. Наша цель отнюдь не в том, чтобы продлевать их страдания. Да и нет у нас для этого средств.

— Гармоник, старики умирают так или иначе. Почему бы не подсластить им горечь последних лет жизни?

Краснокурточники встряхнулись.

— В первый раз приступив к работе, я счел ваши дурацкие идеи вредными. Вы разве не заметили, что ваш контрпродуктивный подход побуждает все большее число стай поддерживать отношения с умирающими элементами? И, сообразно с этим, у *нас* их накапливается все больше. Им не может полегчать, даже вы это признаете. Тем не менее они продолжают прибывать — это даже не

принимая во внимание взрослых синглетов, каковые, смотрю я, стали предметом вашей особой слабости. Они отнимают пространство у тех, кого мы могли бы спасти. Кто-то должен взять на себя тягостные решения и очистить место.

Странник сунулся назад в кабинет:

— Ваши *тягостные решения* едва ли найдут поддержку у мягкосердечных стай запада, которых вы вознамерились лишить старейших элементов.

Гармоник осуждающе поднял пару голов:

— Это их ответственность. Мы просто сообщим им, что хотя и понимаем их слабости, но не располагаем достаточными ресурсами, чтобы и дальше заботиться о престарелых и больных элементах. Они могут поручить нам самим ими заняться или взять эту ношу на себя, как всегда и поступали приличные Когти. — Традиция, о которой он упомянул, заключалась в следующем: как только элемент не мог обеспечивать себя охотой, его оставляли позади. Постепенно выражение «оставить позади» стало в межстайном языке эвфемизмом для смерти элемента.

— А тех, кого вам поручат, вы убьете? Хм, и как же?

Йоханна сделала еще шаг назад, чтобы Гармо-

ник наконец понял угрозу.

Двойка краснокурточников негромко зарычала и подалась вперед, но остальные смотрели на девушку не без тревоги.

— Для этого есть традиционные способы, не такие уж болезненные или шокирующие. Вы, бедняги, заточены в единственном смертном теле. Я и не ожидаю, что вы проникнетесь нашим пониманием смерти.

Все элементы Гармоника набрались храбрости и скалили на нее пять пар крепких челюстей.

Странник за спиной девушки тянул ее за летные штаны и куртку всеми элементами. Он больше не пытался замаскировать усилие, с каким пробовал вытащить ее из комнаты, но голос звучал изысканно-дипломатично:

— Спасибо за сочувствие, какое вы, дорогой Гармоник, выказали гостье.

Краснокурточники грациозно изогнулись.

— Взаимно, хотя это королева поручила мне проинформировать вас.

— Я не премину поблагодарить ее за это в следующий раз, — ответил Странник, — когда мы прибудем вместе.

В аккордах Странника прозвучали нотки, заставившие загонщика приумолкнуть. Для стай

«быть вместе» означало именно «совместно мыслить». В буквальном значении. Это была самая суровая отповедь, о какой только могла подумать Йоханна. Она наконец позволила своему острозубому приятелю вытащить ее наружу.

Пока они не отошли от домика на расстояние, недоступное даже слуху Когтя, девушка не проронила ни звука и только потом нарушила тишину:

— Странник, я полагаю, ты отдаешь себе отчет в значении своих слов. Я о разговоре с Древорезчицей.

— Да. Гармоник слишком много о себе возомнил, напялив красные куртки. Такие типы — дерьмовей всех на Восточном побережье. — Странник казался в большей мере удивленным, чем рассерженным.

— Эта стая — настоящее чудовище, — сказала Йоханна, — сукины дети.

Странник оглянулся на многоэтажные бараки, стоявшие по обе стороны пути. Отсюда даже не было видно прогулочных площадок и аллеи между ними.

— Тут и вправду стало тесновато, ты знаешь… — раздумчиво откликнулся он.

Остаток вечера девушка была занята доселе

неслыханным: перебранкой со Странником. К счастью для ее ушей, кричала в основном сама Йоханна. Как мог ее лучший друг во всем мире оказаться таким же безжалостным, как эти убийцы из Фрагментария? К закату Йоханна уверилась, что он изложит всю проблему королеве хотя бы затем, чтобы Йо заткнулась. Странник делал все, что мог, чтобы ее успокоить. В его культуре устранение старых элементов не было равнозначно убийству, да и вызывать Йоханну на ссору с самой королевой он не желал.

— Это личное, Йоханна, — секс и мыслеречь. — На миг его взгляды затуманило сладострастие.

Обычно этот аргумент работал безотказно. Девушке и впрямь нечего было делать на брачной подстилке Когтей, но сейчас она подозревала, что Страннику просто хочется отвязаться от приставучей инопланетянки.

— Ладно, — сказала она. — Ты поговори с Древорезчицей, но, умоляю, заставь ее понять, что этот краснокурточный подонок ничем не лучше старого Шкуродера!

— О да. Обещаю сделать все, что в моих силах.

Пятерка нервно плясала вокруг Йо, потом наконец протиснулась за дверь.

«Трус». Она могла бы полететь с ним в сам Но-

возамок и поговорить с королевой. Странник не посмел бы ее удержать. Но, к счастью, здравый смысл победил, и Йо осталась у себя, а Странника отпустила.

Можно было позвонить Равне Бергсндот. Равна была королевой Домена на равных правах с Древорезчицей. Хотя титул для Равны значил мало, она тем не менее была самым могущественным существом на планете. Она бы отдала приказ, и, о Силы Наверху, Когти исполнили бы его, поджав хвосты. Вот только Равна для этого была слишком хорошим переговорщиком. Она шла на компромисс почти везде, если только это не затрагивало проблему Погибели.

Йоханна выскочила на двор, в сумерки, и сделала несколько глубоких вдохов. На северо-западе небо еще отливало красками зари, но большая часть небосклона уже налилась темно-синим, а на востоке просверкивали первые звезды. Йоханна так часто проклинала этот мир, но летом тут и вправду неплохо. Можно забыть, что он смертельно опасен, позабыть, чего ты лишилась. Тесная комнатка, которую она делила со Странником, была по меркам местных резиденцией аристократки. И если Равна воплотит в жизнь свои планы наладить водогрей от лазерных пушек

звездолета, в этом жилище станет комфортнее, чем в каком бы то ни было замке старых Когтей.

Можно было прогуляться в Новозамок и повидать Детей. Большинство их — и все детсадовские — жили именно в этом городе. Брат тоже наверняка там… нет, Джефри с Амди в эту десятидневку в лесах на севере, на импровизированной скаутской вылазке. С кем бы еще поговорить? Невил? Он, скорее всего, еще внизу, в Гавани. Он бы понял. Он прекрасно умеет слушать и советовать. Как жалко, что сюда еще не протянули телефонный кабель, иначе бы она ему позвонила.

Йоханна побрела по склону прочь от Нового Замка и города, что раскинулся вокруг него. Ей некому было излить горе. Может статься, это и к лучшему: она не столько печалилась, сколько гневалась. Стаи — симпатичные существа, немногие люди лучше их. Но даже лучшие из стай не в состоянии воспринимать элементов как личности. Она ускорила шаг, почувствовав, как растет застарелая обида. Сегодняшнее происшествие многому ее научило, и она не собиралась спускать все на тормозах. В прошлом она видела умирающих элементов. Смерть поступала с ними так же, как и с людьми, хотя Когтей в этом не убедить.

«Ну что ж, если слова не помогут, придется взяться за дело». Она позволила этой мысли укорениться в мозгу, воображая, что бы смогла натворить, если бы у нее оставался доступ ко всему, чем страумлианец — каждый страумлианец, даже ребенок, — пользовался до падения Вниз. Даже возможности звездолета Равны не шли в сравнение с тем, что было заложено в детских игрушках Йоханны. Она бы подняла фрагментов до полноценного самосознания и стерла бы глумливые ухмылки с морд мерзавцев вроде Гармоника…

Было соблазнительно предаваться таким мечтам. Но ведь они были реальностью, более того — повседневностью, — пока страумлианцы не свалились с Вершины Запределья. Когда в Высокой Лаборатории все пошло вразнос.

Йоханна огляделась и только тут поняла, что отмахала больше километра до края Хмурой Долины. Взошла луна планеты Когтей, и дальняя оконечность долины спряталась в предночном тумане. Путь — Королевская Дорога, если пользоваться официальным наименованием, — петлял и выписывал зигзаги, спускаясь по северному склону. Днем тут было интенсивное движение, и погонщики керхогов часто переругивались, не

желая уступать дорогу.

Пока Йоханна услаждала свой внутренний взор картинами невозможного возмездия, ноги сами принесли ее к Фрагментарию. Наверное, в ногах сегодня ума было больше, чем в голове. Гармоник заявлял, что места нет, и Древорезчица с ним согласилась. Ну что, место всегда можно увеличить! Есть способы заставить всех заткнуться и слушать ее! Йоханна увеличила темп. Теперь ее ноги и мозги работали в согласии (ах, как уместно бы прозвучала эта свежеиспеченная идиома в стаеречи!), и она поняла наконец, как много может изменить с помощью даже тех скудных средств, которыми располагает. В заднем уголке сознания прорезался голосок, твердящий, что ее действия могут причинить больше вреда, чем бездействие. Она заставила его умолкнуть.

Йоханна миновала последний поворот перед Фрагментарием. Слои тумана чуть ли не касались крыш, так что она видела лишь несколько смутных огоньков — наверное, в бараках для престарелых. Администрация на другом краю поселка. Королевская Дорога вела дальше, в Гавань, но поворот к Фрагментарию был уже в пятидесяти метрах или около того. Йоханна вступила в туман.

— Привет, Йоханна, — сказал чей-то голос совсем рядом. Йо испуганно вскрикнула, а мысли заметались. Бежать? Отбиваться? Поговорить? Она напряженно вгляделась во тьму. Ага. Дружеский разговор. Четверка. Нет, пятерка, если считать маленького.

— Привет, — ответила Йоханна, — я тебя знаю?

Взрослая четверка сдвинула головы вместе. Хотя стая сгрудилась всего в паре метров от девушки, туман скрадывал мысли. Когти пытались собрать себя в кучу и что-то придумать. Голос прозвучал снова:

— Не понимаю. Прости, Йоханна.

Йо потерла руки. Стаи, как правило, воспринимали этот жест как аналог когтевого «все в порядке». В любом случае было слишком темно, чтобы Когти могли воспользоваться зрением.

Постояв немного, они пошли дальше. Туман вытворял чудные трюки со звуками. На пределе слышимости жужжали высокочастотные мысли. А может, стая просто нервно пофыркивала.

— Я… хмм…

«Они пытаются мыслить на самношке?»

— Я… был… — (этот аккорд стаеречи она узнала), — я работаю… в Новозамке… я работаю с камнем.

— Ты каменщик в Новом Замке?

— Да! Верное слово, верное.

Прежде чем люди явились на планету, а Дети пошли в Академию, работа каменщиков считалась крайне сложной и доверялась только высококвалифицированным специалистам. Но и сейчас стаи этой профессии очень ценились.

Они шли вместе в молчании. Общаться им было трудно: каждый плохо понимал язык другого. Потом Йоханна сообразила, что они больше не одни. Еще одна стая плелась сзади, а за той почти наверняка еще одна. Поскольку Каменщик явно слышал их, Йоханна озадачилась еще больше. Но враждебных намерений никто не выказывал.

— Повернуть. Повернуть сюда, — сказал Каменщик. Они свернули к Фрагментарию. Йоханна позволила стае чуть опередить себя на отмеченной флажками дороге. Они миновали фонарь, и девушке удалось лучше разглядеть две другие стаи. В одной оказалось всего три элемента, в другой — четыре, но двое из них, казалось, едва вышли из младенческого возраста. Загадка получила объяснение.

Когда они достигли бараков для престарелых, две стаи что-то пробулькали. Им отозвалось несколько звучавших вразнобой голосов. Стаи

устремились к баракам, а Каменщик остался с Йоханной. У входа в приют он сказал:

— Ты не помнишь меня, но, если не считать моего малыша, я весь был с тобой и Фамом Нювеном, когда ты попала в Новозамок. Ну, ты знаешь. Тот день, когда Фам погасил солнце.

Йоханна резко обернулась к стае. Внезапная беглость самношка застала девушку врасплох. Старый, совершенно облысевший элемент вынырнул из теней. Каменщик сгрудился вокруг синглета, прижался к нему всеми головами. Наверное, эта стая была в охране Древорезчицы в Битве на Холме Звездолета.

Йо улыбнулась. Этой стаи она не помнила, но…

— Да, я хорошо помню тот день. Ты был во внешнем кордоне? Ты своими глазами видел, как померкло солнце?

В таком примитивном мире, как планета Когтей, почти любое проявление высокоразвитой технологии воспринималось со священным ужасом, но то, что сделал тогда Фам, перевернуло законы природы на сотни световых лет кругом и потрясло даже Детей. Ничего удивительного, что солнечное затмение на его фоне поблекло.

Пятерка — вся, даже маленький щенок, — согласно закивала.

— Через тысячу лет останется только миф в сознании стаи, которой я тогда стану, но то будет величайший миф всех эпох. Глядя на темное солнце, я обонял запах Стаи Стай.

Каменщик — теперь включавший синглета из Фрагментария — помолчал с минуту, потом, вздрогнув, продолжал:

— Здесь так холодно для некоторых из нас, почему бы тебе не пойти внутрь? Там несколько слитных стай, они задержались на всю ночь. Они не говорят на самношке, но я буду переводить.

Йо пошла было за остальными в зал, но потом сообразила, что большинство стаеобломков внутри так и не объединялись. Они *остались позади*. А задержись она еще на минуту, наверняка начнет изливать им горе насчет планов Гармоника. И слишком многие поймут, что это значит. Она замерла на пороге и пропустила Каменщика.

— Я в другой раз, — сказала она.

Стая колебалась.

— Хорошо, но я хочу, чтоб ты знала: я тебе благодарен. Часть меня сильно болеет, но, сливаясь с ней, я сразу умнею. Обретаю способность что-то планировать. Я прихожу сюда каждую ночь, а днем после этого мне легче работается. Собственно, я так и задумал, еще когда был умным.

Постепенно мои щенки учатся у старика. Богатые могут позволить себе содержать старых постоянно. — Все головы смотрели на Йоханну. — Я думаю, поэтому они и остаются богатыми. Спасибо тебе, что предложила королеве Древорезчице учредить этот приют.

Йоханна мотнула головой:

— Да пожалуйста.

Ей было трудно говорить, поэтому она повернулась и молча, кусая губы, пошла во мрак.

Черт! Черт! Черт!

Она на пару минут затерялась в тумане, и этого времени хватило, чтобы вина вновь переродилась обратно в кипящую ярость. Ей требовалось отомстить Гармонику и всем его прихвостням-традиционалистам. Немедленно и изящно. Совершить что-нибудь такое, чтобы даже Древорезчица получила по мордам.

В конце концов Йоханна перешла на бег и устремилась к высокой изгороди, ограждавшей прогулочную площадку от хирургических бараков. Она прошлась вдоль барьера и, встав на цыпочки, дотянулась до верхушек деревянных столбиков. Так, значит, Гармоник считает, что тут мало места? Ну да, и впрямь тесновато. Слух о том, что здесь помогают старикам, разлетелся дальше,

чем они планировали. Несомненно, Гармонику не дают покоя и потребляемые здесь ресурсы, и это мнение он сумел донести до Древорезчицы.

Но ведь Древорезчица богата. Если бы это было не так, у Равны появились бы проблемы с техобслуживанием «Внеполосного-II». Этот мир так беден и глуп… На Вершине Запределья забота о разумных существах обходилась очень дешево и совершалась почти незаметно. Деньги расходовались на совсем иное…

Она чуть было не споткнулась о существо, копавшееся под изгородью. Коготь вытащил морду и лапы из грязи — и челюсти его щелкнули там, где было лицо Йоханны, прежде чем она отшатнулась. Но дальнейшей атаки не последовало. Бедолага не был восстановлен и остался синглетом. Или нет? Вон парочка других крадется в туманной лунной ночи. Все тропические. Блохастые беженцы обменялись малоосмысленными взглядами и отступили, и почти сразу же стихийно сложившаяся тройка разбежалась в разных направлениях. Стая никогда не теряла себя так случайно. Сколько еще таких шляется по Фрагментарию и вокруг него, создает всем проблемы? Предложение собрать тропических в отдельном лагере не лишено смысла.

Йо неслышно кралась ко входу в хирургические бараки. Оттуда исходил шум, снаружи, со стороны изгороди, метались смутные тени, временами подвывая. Загонщики Гармоника наверняка все еще изображают бурную деятельность в долине. Йоханна была у бараков одна. Обитатели лагеря — друзья Йоханны, по крайней мере в том смысле, какой доступен их урезанному интеллекту.

А что, если, очутившись тут в одиночестве, она получила намного лучшую возможность совершить возмездие, чем надеялась? Йоханна пошла быстрее. Теперь к определенной цели. Идея, родившаяся в ее голове, могла показаться безумной, но ведь мечта Гармоника о драгоценном свободном месте ей не противоречит? До этих подонков, и Древорезчицы тоже, наконец дойдет, что фрагментов обижать не рекомендуется.

Ворчание в бараках стало еще громче, перейдя в тоскливый булькающий вой. Йоханна часто бывала здесь и в зимнее время, и после захода солнца, но никогда не слышала такого сердитого воя. Разумеется, фрагменты не так цивилизованны, как слитные стаи, и отчаялись реинтегрироваться… У них прихоти и обиды сотен индивидов. Большинство обитателей хирургического отделения были крупными, здоровыми особями

(затем-то здесь ворота и загородка), некоторых едва бы устрашила мысль о побеге. В то же время они наверняка побаиваются раствориться в мире, так и не найдя подходящей стаи. За последние два года Йоханна немалому числу фрагментов в этом помогла. Каренфретт даже прозвала ее «самой маленькой заводчицей».

Йоханна могла бы сейчас пройти прямиком в бараки и поговорить с самыми умными синглетами и двойками, которые немного понимали самношк. Хотя к связной речи они были неспособны, фрагментам нравилось находиться рядом с кем-то, кто был так же умен, как слитная стая, с существом, в чьем обществе они могли хоть ненадолго почувствовать себя полноценными. Часто она сливала двойки или синглета с двойкой, и так зарождались новые стаи. Так же часто ей приходилось отправляться в Гавань, Новозамок или на Тайный Остров и уламывать инвалидов слиться с подходящими компаньонами из госпиталя.

Собственно, благодаря ее стараниям (ну и самых приличных заводчиков) пациенты редко пытались сбежать. Сегодня ночью бараки выли совсем иначе.

В свете укрепленного над воротами фонаря Йоханна видела десятки фрагментов, шныря-

ющих туда-сюда. Некоторые показывались на краткий миг: толкали изгородь носами и царапали лапами.

Заметив девушку (или услышав: слух был у Когтей лучше развит), они залаяли свое обычное: «Привет, Йоханна!», «Привет, Йоханна!» Эти осмысленные аккорды тонули в сердитом вое, очень походившем на тявканье и лай обычных собак. Постепенно, впрочем, слова набирали силу. Иногда на самношке, но чаще на межстайном языке, и были эти аккорды так примитивны, что даже без перевода она разбирала:

— Выпусти нас! Освободи нас!

Теперь она увидела, что стало причиной необычного волнения: тропические как-то просочились за изгородь. Она заметила только парочку, но именно вокруг них кучковались те, кто вопил громче всего. Надо полагать, слаженный вой новичков разбередил все бараки. Она еще никогда не видела, чтобы столько фрагментов одновременно пытались прорваться наружу. Они не только взбирались на загородку, но и активно рыли под нею. Прямо напротив выхода пара синглетов пыталась перелезть через ворота. Если бы они были координированной стаей и носили куртки с цеплялками для лап, им

бы наверняка удалось пробиться наружу. Пока что пирамида ни разу не выросла выше двух с половиной метров, а достигнув этой отметки, неизменно рассыпалась.

— Эй, Йоханна, помоги нам! — донесся голос. Он прозвучал как раз там, где напротив входа затевалась куча-мала.

— Чиперс! — приветственно крикнула Йоханна. Она узнала его по белому меху на затылке. Он лучше всех владел самношком и мог изъясняться почти осмысленно. Бедняжка бы пришелся ко двору в любой стае, но, к сожалению, происходил из многажды перекроенных экспериментов Стального, и его жуткие воспоминания так или иначе отталкивали всех, кто мог бы его приютить. Сам по себе он был приветлив и обходителен, а среди синглетов, пожалуй, не было никого разумнее его. Оттого-то Йоханну так и печалила судьба Чиперса. Она опустилась на колено и заглянула синглету в глаза через тонкие щели в загородке. — Что там творится?

— Выпусти нас, выпусти нас!

Йоханна покачалась взад-вперед. Ну как ей объяснить? Тонкие нюансы ситуации пониманию синглетона останутся недоступны.

— Я… — начала было она и вдруг, оборвав нача-

тое извинение, подумала: «Почему бы и нет?»

Она медленно выпрямилась. Да, вот это будет месть. Одним махом она покончит с перенаселенностью Фрагментария и осчастливит Чиперса с приятелями.

Она поглядела на ворота. Снаружи имелся замок, но, к счастью, простой — деревяшка да задвижка. Высотой ворота были метра два. Сбежавший синглетон до замка не дотянется. Она заметила, что по ее сторону изгороди бродят трое тропических, но не обратила на них особого внимания. Они смотрели на девушку. Интеллект их был так урезан, что они явно не соображали, как открыть механизм, но по *эту* сторону ворот любая более-менее слитная стая справиться с ним, просто встав друг другу на спины и сбив ударами лап. Да что там, Йоханна и сама могла открыть замок.

Она подалась вперед, начиная втихаря злорадствовать над вероятными последствиями. Потянулась к засову, потом отдернула руку. *Последствия, последствия.* Из-за них бедолаги и заточены тут. А куда еще им пойти? В городах Домена лишь немногие могли обрести новые личности, остальным же оставалось бродить и задираться с местными. Некоторых убивали,

других обращали в рабство. Это и послужило поводом к учреждению Фрагментария. И сама Йоханна долго добивалась, чтобы военно-полевой госпиталь Древорезчицы превратили в постоянно действующий приют. Освободив пациентов, она отомстит… им самим.

Девушка покосилась влево. Чиперс подпрыгивал и вилял хвостом, требуя выпустить его.

Кабы не новички, оравшие ночь напролет, фрагменты едва ли подумали бы о побеге…

Йоханна отвернулась. Нет, даже в ярости она способна не на все. Такое сумасбродство… *Но я могла бы, и, ох, какая была бы морда у Гармоника…*

Что-то промелькнуло в темноте и сбило ее с ног. Это была тройка тропических. Прежде чем девушка поднялась на ноги, они уже взгромоздились друг на друга. Наверное, они видели, что она собиралась делать, и сохранили достаточно разума, чтобы попытаться, — как бы то ни было, верхний элемент пирамиды уже просунул морду под запирающую ворота щеколду, сорвал и откинул ее прочь. Под напором изнутри ворота распахнулись, и пирамида освободителей рассыпалась. Толпа промчалась по ним наружу, кто-то врезался в Йоханну, и она опять оказалась

сбитой с ног. Некоторые останавливались, чтобы сказать «привет». Йоханна свернулась клубком и закрыла лицо руками.

Наконец топот вырвавшейся из заточения оравы стих вдали. Разбегаясь на север и юг по Королевской Дороге, они наполнили ночь лаем и победным улюлюкающим визгом.

Йоханна встала. Дорогу вокруг девушки смесили в грязь. Ворота перекосились. На входе оставалось не более полудюжины Когтей.

— Эй?

Йо пошла к ним. Ничего странного, если при прорыве кто-то покалечился…

Но даже подойдя достаточно близко, она не заметила крови и ран. Никто не хромал, кроме синглета, которого она прозвала Хенриком-Грязнулей, чья передняя лапа была плоха еще с той поры, как остальные его элементы попали под камнепад и погибли. Да, шесть Когтей, кажется, просто не могли решиться, что им делать — остаться или уйти. Они мялись у ворот, нервно повизгивая и глядя наружу во тьму.

Йо постояла рядом с ними какое-то время, испытывая такую же растерянность, что и оставшиеся в лагере синглеты, и вспоминая, о чем думала и как себя урезонивала, прежде чем гости из тро-

пиков перевели вопрос в разряд теоретических. Наконец она сказала:

— Ладно, ребята, вам лучше на чем-то сойтись, потому что я запираю ворота.

Никто не понял ее самношка. Она положила руки на створки ворот и начала толкать их внутрь. Казалось, Когтей это проняло. Все, кроме Хенрика-Грязнули, проворно проскочили в лагерь, а Хенрик остался наполовину снаружи, наполовину внутри. Он нюхал ночной воздух и нервно дергал мордой. Его прежняя стая была лесорубом: как знать, вдруг у него на свободе все получится? Хенрик-Грязнуля нерешительно дергался туда-сюда, потом вдруг сообразил, что ворота продолжают напирать на него. Он коротко взвизгнул и отступил внутрь.

Йо пришлось налечь на перекошенные ворота, чтобы закрыть их. Она оставила засов валяться на земле. Вот черт! Если бы ворота еще малость искорежили, Хенрик бы так или иначе вылез наружу. А сейчас? Йоханна постояла в молчании несколько минут, пытаясь определить свое отношение к случившемуся. Потом покачала головой и стала подниматься к домику администрации. Ей надо было сделать несколько звонков.

Остальные Дети прозвали события той ночи

«великим побегом Йо». Некоторые пришли в совершеннейший восторг. А последствия? Ну, они оказались примерно так же скверны, как Йоханна себе представляла, хотя и не настолько очевидны и заметны посторонним. Еще год или около того глухие закоулки и свалки кишели синглетами и двойками, бесцельно бродяжничавшими в городе и окрестных деревеньках. Они пытались воровать и попрошайничать, но делали это крайне бесталанно. Кое-кто вернулся во Фрагментарий. Очень немногие нашли убежище в «посольстве» Хора, хотя бывшие его элементы восприняли их прибытие с куда меньшим энтузиазмом, чем когда выпускали местных синглетов на волю.

А большинство беглецов просто как в воду канули. Странник считал, что несколько полноценных стай из них вполне могло получиться.

— Я тебя заверю по личному опыту, — заявил он, обнаружив Йо в слезах несколькими десятидневками позже, — что, когда наступают тяжелые деньки, приходится делиться сознанием с чуваками, с которыми ты прежде и под одним кустом не присел бы. Посмотри хотя бы на меня. — Плач Йоханны сменился кашляющим смехом. Она лучше многих понимала, что он имеет в виду. Но

оставалась в уверенности, что северная лесная глушь поглотила жизни подавляющего большинства спасенных.

Что до самой Йоханны Ольсндот, то лишь самые глупые из ее одноклассников полагали, что шутка вполне удалась. Ну и еще брат. Он вообще отнесся к случившемуся с необычайным восхищением. Пришлось сестренке вправлять ему мозги, потому что, с точки зрения Джефри, поступок Йо просто восстановил нормальное положение вещей.

Древорезчица некоторое время отказывалась разговаривать с девушкой. Ее величество превосходно представляла себе шансы на выживание синглетов в глуши. Она учредила Фрагментарий по тем же соображениям милосердия, по каким приютила ветеранов войны, — и Гармоник не предлагал ничего, что выходило бы за рамки естественных для Когтей планов расчистки свободного места под нужды здоровых синглетов. Она понимала также, что побег ударил по репутации королевы даже сильнее, чем по мордам Краснокурточника.

Наверное, Странник нашептал ей в уши несколько добрых советов, поскольку в дальнейшем Фрагментарий оставался открыт. По

крайней мере, там теперь было достаточно места: одно счастливое последствие побега в точности совпало с ожиданиями Йоханны. Древорезчица не стала выгонять оттуда стариков. Каменщик и остальные сохранили возможность пообщаться со своими старыми элементами, даже зная, что те обречены. Проблема свободного места на некоторое время была снята. Гармоник теперь всеми считался именно таким бесполезным и напыщенным засранцем, каким и был в действительности.

В первые же дни после Прорыва Йо не составило труда доказать свою невиновность. В конце концов, все улики против нее были сугубо косвенные, а громче всех обличал девушку Гармоник. Единственными свидетелями могли выступать синглеты, и показания их по понятным причинам не отличались согласованностью, хотя некоторые искренне полагали, что это девушка открыла лагерь. Она почти поддалась соблазну признаться Страннику, но вовремя сообразила, что он уже обо всем осведомлен. Еще ближе Йоханна подошла к тому, чтобы пооткровенничать с Равной Бергсндот, потому что ей было больно представлять себе, что Равна думает о ней как о глупом подростке. Бедняжке и так столько всего

пришлось на себя взвалить… Но проходили дни, а репутация Йоханны крепла. Она втайне радовалась, что ходившие о ней басни не соответствуют действительности. Но, черт побери, в будущем такие говнюки, как Гармоник, дважды подумают, прежде чем встать на дороге у Дрянной Сумасбродки с Холма Звездолета!

Три года после Битвы на Холме Звездолета

Глава 04

Ремашритльфер выполнял особые поручения Великого Магната уже больше двух лет и сам себе непрестанно удивлялся. Дело в том, что Ремашритльфер терпеть не мог дураков, даже таких богатых, как Магнат. Два года превратились в череду сумасбродных рискованных заданий, сыпавшихся ему на головы одно за другим, таких опасных и захватывающих, о которых некогда дремавший в Ремашритльфере исследователь мог лишь мечтать. Возможно, это и была единственная причина, по которой он оставался на службе у безумной стаи.

Последнее задание, наверное, положит конец их трудовым взаимоотношениям. Подумать только, Магнат послал его в тропики! Это поручение было опаснее и безумнее — в буквальном смысле слова, — чем все прежние. Но по правде говоря, впечатления о первых днях были восхитительны: Ремашритльфер не распался и зашел так далеко, как не мог мечтать ни один исследователь в истории. К сожалению, с тех пор миновало четыре десятидневки. Магнат все не отзывал его.

Тщеславие переросло в глухое раздражение: одна провальная десятидневка следовала за другой…

— Но должен же настать этому конец. — Хотя слова превосходно выражали настроение самого Ремашритльфера, произнес их его напарник по этому полету. Последнему, если будет на то милость Стаи Стай.

Читиратифор, богато разодетая шестерка, с трудом влез в посадочный отсек воздушного шара. Гондола «Морской бриз» была тесновата, и каждый фунт шел на вес золота. Пассажирская кабинка была так плохо изолирована, что сердитые мысли Читиратифора с болезненным гулом отдавались в головах. Ремашритльфер видел когти и челюсти, мелькавшие в просветах, и слышал, как пассажир пытается втиснуться в гондолу. Когда они поднимались, эти звуки сменялись отчетливыми позывами к рвоте: некоторые элементы Читиратифора безудержно блевали в мутные воды. И пожалуй, этим неплохо семафорили парусной флотилии Магната, сопровождавшей шар. Те поиграли с натяжением веревок и позволили морскому бризу медленно отнести «Морской бриз» к топкому берегу. Такие действия превратились в рутину: дважды за десятидневку с начала этой тошнотворной

вылазки. До рассвета обслуживающий персонал наполнит шар «Морского бриза» (или запасного устройства) газом, полученным при реакции железных опилок с гадкой коррозионно-активной жидкостью[2], и, как только подует утренний ветерок, Ремашритльфер полетит высоко в небеса — покоритель воздушных пространств, равных которому нет в истории и в этом мире (если не считать Небесных Червяков).

— Мы будем над берегом уже через несколько минут, господин, — вежливо сказал он Читиратифору.

Тот что-то провякал, потом прочистил глотки и выдавил:

— Ты знаешь, это замечательно. Мой хозяин говорит, что Магнат все еще уверен, будто тропики сделают его богаче всех стай прошлого, вместе взятых. Если мы сегодня не отыщем ничего утешительного, он, думаю, самолично поплывет туда и пробудет там до скончания века. И все наши богатства расточатся бесцельно.

Наши богатства? Читиратифор и его хозяин Проныра — самонадеянная парочка, но ума им не занимать. Они предложили несколько серьезных

---

[2] Примечания: 2

Судя по этому описанию, шар работает на водороде.

усовершенствований, без которых изобретения Магната, включая воздушные шары, не смогли бы работать. Ремашритльфер так и слышал их разочарование. Они думали, что смогут использовать Хозяина. Кажется, их серьезно задело, что Магната нельзя так просто вертеть за хвосты.

К сожалению, в данном конкретном случае Проныра с Читиратифором были несомненно и абсолютно правы.

Ремашритльфер поглядел вглубь берега. Погода стояла превосходная, но на севере сгущались кучевые облака. Если они потянутся к югу, вечерок будет запоминающимся. На миг тучи закрыли вид на далекие Дождевые Леса.

Даже в самые ясные дни глаза одной стаи не могли обозреть их целиком. Леса тянулись на север и уходили за горизонт, их повсеместные водные артерии представляли собой обширную сеть крупных рек, разбивающихся на меньшие и более слабые речушки, а те питались в конечном счете горными потоками на краю земли вечного холода. Это была таинственная и опасная местность. Ремашритльфер и сам неоднократно ее исследовал, и чужие рассказы (обязательно с печальным исходом) слушал, но те Леса ни в какое сравнение не шли с Нижними Болотами,

над которыми сейчас пролетал шар.

Он прикинул, что высота полета не больше тысячи лап. Даже когда он смотрел всеми мордами вниз, детали местности терялись во влажной мгле. Темная илистая вода и редкие проблески зеленой травы. Трудно было сказать, где Болотам конец и где начало. Обычные корабли пользовались тесными протоками, тянувшимися на сотни миль. Цвет и запах отмелей дали Болотам это имя еще в те времена, когда ни одна стая и мечтать не могла добраться до устья реки. Нужны были плоты и специально сконструированные суда, чтобы заплыть так далеко, как сейчас заплыла флотилия Магната.

«А я подобрался даже ближе!» — торжествующе подумал Ремашритльфер. Редкая привилегия, единственное настоящее сокровище — и потом, убравшись отсюда, он будет им дорожить. Больше всего здешние просторы напоминали ему виденные в Восточном Доме отстойники. Но запах был совсем иной — смесь гнили, телесных выделений и ароматов экзотических растений.

«Морской бриз» медленно перемещался на север, сбросив скорость до такой, какую могла развить стая на спокойной прогулке. Ветер и тросы помогали держать курс и спасали от жуткой

смерти, постигшей всех исследователей прежних эпох. Опасность никуда не ушла, просто затаилась тут, в горячем чреве тропических джунглей. Травяной покров превратился в деревья. Ветки еще прятались под водой, но, по мере того как шар дрейфовал к северу, становились все толще, собирая на себя мелкоземные наносы с Болот.

— Большая часть всего этого обычно держится выше уровня моря, если не налетают очень сильные ураганы или прилив ненормально высок, — сообщил Ремашритльфер.

Показались еще несколько морд Читиратифора. Стая изучала местность.

— Сколько еще? — спросил он.

— Еще немного к востоку. — Ремашритльфер следил еще и за кораблями Магната, а также за поведением тросов. «Не сомневайся, Магнат тоже на тебя смотрит». Если бы Магнат остался в Восточном Доме, они бы уже давно забросили дурацкую затею и вернулись. Прямо под собой он увидел приметные деревья, по которым ориентировался в последних полетах, и просигналил кораблю, чтобы те прекратили выбирать трос и взяли к востоку. «Морской бриз» балансировал на пределе натяжения тросов. Земля качалась из стороны в сторону. Ремашритльфер продолжал

тоном гида: — А теперь вы видите легендарный затерянный город и Великий Тропический Хор. — Ну, в каком-то смысле это был город. Куда ни глянь, сотни Когтей. Но ни одной слитной стаи, просто безумие толпы. Звук, впрочем, еще можно было переносить. «Морской бриз» висел в нескольких сотнях лап — слишком высоко, чтобы долетала мыслеречь, а то, что долетало до гондолы, напоминало нормальный межстайный язык, пусть и отдаленный. Конечно, это и вправду мог быть язык, но аккорды, долетавшие от тысяч звукоизлучательных органов, не имели никакого конкретного значения, только беспамятный экстаз. На самом деле это была скорее погребальная песнь.

Высокомерия Читиратифора как не бывало. Гондола покачнулась, и Ремашритльфер понял, что жирная шестерка сжалась в тесный клубок. В его голосе прозвучал смешанный с ужасом восторг:

— Так много! Так много… И вправду Хор.

— Ага, — весело сказал Ремашритльфер, хотя в первые несколько полетов он испытывал сходные чувства.

— А как же они питаются? Как им удается спать? — Читиратифор не произнес «в бесконеч-

ных оргиях», но Ремашритльфер почти услышал это краем сознания.

— Мы точно не знаем, но можем снизиться…

— Нет! Нет! Только не это!

Ремашритльфер довольно оскалился и продолжал:

— …и тогда вы увидите, как истощены эти создания. Тем не менее у них есть какие-то постройки, вот там. — Он издал указующий звук. Действительно, уже были видны сооружения из ила и глины, некоторые так обветшали от времени и дождей, что из них выпирали остатки более старых построек. Ни одна слитная стая в жизни не возвела бы столь беспорядочного поселения, с трудом отличимого от естественных образований.

Местами постройки были пяти- или шестиярусные, хаотическая смесь мусорной свалки, погребальной пирамиды и многоуровневого барака. Внутри наверняка имелись лазы и проходы: Когти выныривали из построек и снова исчезали. Ремашритльфер узнал это место: он уже видел его в прежних полетах. Но тут постройки выглядели сравнительно упорядоченными, как будто последние несколько дней над ними работали согласованно мыслящие строители и лишь

недавно их сменила прежняя криволапая орава. Пройдет несколько десятидневок — и ландшафт наверняка изменится до неузнаваемости.

— Еще несколько сотен лап — и мы на месте, — сказал он, отдав кораблю Магната сигнал бросать якорь. Обычно навигация не была настолько точна. Сегодня же бриз был легким, как тончайший шелк.

— Добро пожаловать на Большую Торговую Площадь.

В пассажирском отсеке закопошились. Читиратифор набрался мужества и высунул еще несколько морд. Потом недоверчиво переспросил:

— Это правда площадь?

— Магнат предпочитает так ее называть.

Если быть точным, площадь представляла собой ровно утоптанный круг ила диаметром около пятидесяти лап: Магнат, сохранивший из прежних жизней воспоминания коробейника, по привычке приукрашивал действительность. Какое-то время Ремашритльферу было не до болтовни: он перегнулся через борт гондолы и тщательно выверял посадочный курс, не забывая во все глотки приветственно лаять собравшимся внизу Когтям. Конечно, их уже ждали, но иногда

встречавшим случалось забыть о цели прибытия гостей… Сегодня реакция последовала незамедлительно: к центру расчищенного пространства устремилась тройка — вернее, три Когтя, поскольку они стартовали из разных позиций и явно были синглетами. Только встретившись в центре, они проявили подобие скоординированной деятельности и, толкаясь в месте, запланированном для посадки, стали наперебой влезать по веревке, которую Ремашритльфер для них спустил. Наконец двое оставили попытки, позволив третьему поймать веревку и закрепить ее. Затем все трое схватили веревку челюстями и стали бегать по площади, наматывая обороты.

Читиратифора зрелище сотрудничества туземцев не впечатлило.

— Это что, нас поймали? Они же просто утянут шар вниз.

— Да. Но больше ничего не предпримут. Когда встреча закончится, мы спокойно обрежем веревку и улетим.

— Ой, и правда. — Читиратифор помолчал, не переставая шумно размышлять. — Ладненько, поглядим, что будет дальше. Раз уж беспрепятственное наблюдение прервано, мне нужны подробности для слапсшибательного доклада

нашим нанимателям.

— Как скажете, господин. — Ремашритльфер был так же сердит на Магната за очевидное фиаско тропической миссии, как и его спутник, но он не любил соглашаться с этим драноухим убийцей. — Минуточку, я приготовлю товары. — Он ссыпался на дно гондолы и открыл дверцу. Груз висел в бочонке флюгерного дерева с приделанным к нему на манер носика чайника воздуховодом. Кажется, при снижении шара вода из него не вылилась.

— Вы там как, ребята, готовы? — Ремашритльфер старался говорить в нос.

— Да, г'подин!

— Ага.

— Пошли-пошли!.. — Ответы исходили одновременно от дюжин запертых в бочонке существ. Вроде бы число совпадало.

Ремашритльфер перенес дюжину извивающихся каракатиц в корзинку для обмена. Они глядели на него выпученными глазами и шевелили спутавшимися в клубок щупальцами. В их бормотании страха не чувствовалось. Он опустил морду пониже, рассматривая содержимое корзинки. Каракатицы скучились в страшной тесноте, но это было наименьшей трудностью из тех, с кото-

рыми им вскоре предстоит столкнуться.

— Ладно, ребята. План вы знаете.

Он проигнорировал тонкие визги согласия.

— Вы поговорите с теми, внизу…

— Д-д-да, д-д-да, д-да! Мы попросим их обеспечить вам посадку. Торговля. Порт. Да-да-да!

Аккорды зазвучали неразборчиво: дюжина маленьких существ говорила одновременно, у каждой тварюшки память была поистине бездонна, а интеллект выше, чем у любого синглета. Вместе с тем разум их был так урезан, что Ремашритльфер затруднялся определить, насколько же они в действительности развиты.

— Хорошо.

Ремашритльфер решил, что дальнейший инструктаж бесполезен.

— Удачи! — Он закрепил веревку корзинки на причале и стал опускать.

— П-п-п-ока, п-п-пока! — Писклявые аккорды исходили как из корзинки, так и от каракатиц в бочонке. Создания переговаривались друг с другом. Далеко внизу темнела поверхность утоптанного лапами круга глины. Там было пусто, если не считать нескольких разрозненных Когтей. Обычно это было хорошим признаком.

Читиратифор сказал сверху:

— Почему бы не послать вниз целую стаю каракатиц?

— Магнат хочет посмотреть, что произойдет с этими, и в случае успеха послать других, с несколько отличными инструкциями, — вежливо объяснил Ремашритльфер.

Читиратифор помолчал, наблюдая за снижением корзины.

— Наш наниматель совсем сбрендил, ты же это понимаешь?

Ремашритльфер не ответил, и Читиратифор продолжил:

— Ты должен знать, что Магнат скроен вкривьвкось. Половина его — жадный бухгалтер, а другая половина — четверка сумасшедших малышей, которых скряга приютил только ради их бурной фантазии. Это, может, и неплохая мыслишка, но только если доминирует в стае бухгалтер. Однако похоже, что все наоборот и четверка полоумных стервецов взяла скрягу в оборот. Так что ты можешь сказать о целесообразности нашего пребывания здесь?

Ремашритльфер не сумел притвориться идиотом:

— Он считает их по мордам?

— А? А, да! Его бухгалтерская часть уже прики-

нула, сколько Когтей в тропиках.

— Наверняка больше ста миллионов[3].

— Именно так, и сумасшедшая четверка сообразила, что это крупнейший рынок в мире!

— Магнат всегда ищет новых рынков, чем крупнее, тем лучше, — отозвался Ремашритльфер. Собственно, поиском новых рынков сбыта Магнат был просто одержим. Это и была побудительная идея большинства его поступков.

Два элемента Ремашритльфера остались наблюдать за спуском каракатиц. Их многократно сдублированные монологи были четко слышны. Еще пара минут — и корзинка коснется земли.

Из пассажирского отсека послышалось сердитое ворчание:

— У Магната полно идиотских идей: например, он считает, что торговля дарует власть. Но в этот раз… сколько тут в тропиках, какое сумасшедшее число ты назвал? Дело в том, что эти миллионы — животные! Толпа! Звери! Если мы их всех не поубиваем и не колонизируем эти земли, от тропиков не будет ровным счетом никакого толка.

---

[3] Примечания: 3

В «Пламени над бездной» численность населения планеты Когтей оценена в тридцать миллионов стай; в пересчете на элементную численность — 4–8 элементов на стаю; это дает от 120 до 240 миллионов особей вида.

Уверяю тебя, наш хозяин и правда устал от всей этой авантюры (но это между нами). Он оторван от истинного средоточия своей власти, от технологий, поставляемых ему Пронырой, от опытных заводов на востоке. Надо срочно прекращать это безумное путешествие!

— Гм, — сказал Ремашритльфер, — надеюсь, что твой начальник не слишком откровенен с моим начальником. Магнату, э-э, очень не нравится, когда ему советуют все подряд…

— О, не беспокойся — Проныра еще лучший дипломат, чем я. Я-то кто? Честный служака, как и ты, гы. И ты разделяешь со мной тревоги и сомнения. — Ремашритльфер не считал себя дипломатом, но прекрасно понимал, когда его пытаются поучать. Он чуть было не поддался искушению рявкнуть на жопоголовую шестерку, и напомнить, что в любой момент может заложить и Проныру, и его предательские планы. *Так-так, поостынь.*

Выдержав паузу, Читиратифор сменил тему:

— Говорящие каракатицы уже наверняка почти на земле.

— Угу.

Вообще-то, его тоже больше интересовала судьба каракатиц. Да и узники чайника беспоко-

ились, явно заслышав своих родичей снизу.

— Твой начальник сказал моему начальнику, что это испытание будет решающим. Если ничего не получится, мы вернемся домой. Я думаю, что это отлично, — ну кто, кроме безумца, поставил бы все в зависимость от каракатиц, которые сами не понимают, что болтают?

Вопрос не был лишен резона. Ответа, который бы не выставил Магната идиотом, у Ремашритльфера не нашлось.

— На самом деле это не совсем каракатицы.

— Но выглядят как настоящие. Я люблю каракатиц, они вкусные.

— Этих откушаешь — вовек больше не захочешь, их мясо несъедобно. — Ремашритльфер ни разу не пробовал таких каракатиц, но стаи Южных морей, ловившие рыбу вокруг атоллов на дальнем западе, хорошо знали как о сравнительно высоком интеллекте этих существ, так и об отвратительном вкусе их плоти. Основываясь на этих малоправдоподобных слухах, Магнат послал Ремашритльфера через полмира, чтобы тот посетил эти острова, поговорил с туземцами и привез колонию странных зверюшек. Приключение, казавшееся сперва таким же абсурдным, как и нынешнее путешествие, превратилось в

один из лучших отрезков жизни Ремашритльфера. — И они не притворяются, они и в самом деле разговаривают.

— Но их речь не имеет смысла, как у синглетов.

— Они умнее синглетов, — возразил Ремашритльфер. *Наверное.* — Они так умны, что Магнат выбрал их для сегодняшнего испытания.

— Да-да, тайный план. Я о нем и не подозревал, пока не полетел сюда…

Читиратифор молчал какое-то время, а корзинка преодолевала последние лапы до илистой поверхности. Остальные Когти смотрели с жадным вниманием. На краю открытого пространства, где скопилась бескрайняя толпа, поворачивались и поднимались головы. Тысячи глаз созерцали «Морской бриз» и маленькую корзину, спускавшуюся из его гондолы. Десятидневки полетов и редкие драгоценности ушли на то, чтобы создать здесь крохотное свободное пространство и установить правила меновой торговли. Они не всегда соблюдались.

— Ладно, рассказывай, что там! — Любопытство Читиратифора превозмогло страх. — Что ты делаешь с этими рыбешками, во имя Стаи Стай?

— Желаешь, чтоб я раскрыл тебе великолеп-

ный план моего начальника? — Ремашритльфер постарался до отказа наполнить голос сомнениями и сарказмом. — Скажи-ка, Читиратифор, ты знаешь, где мы находимся?

Читиратифор издал шипящий смешок:

— Мы висим над самым сердцем самого громадного Хора на целом свете, чтоб ему провалиться!

— Именно. Ни один исследователь еще не подходил к нему так близко, как мы. Флот Магната бросил якоря в двух тысячах лап от берега. Это предельное расстояние для таких экспедиций. Кто знает, сколько исследователей пытались достичь центра тропиков с севера — либо на своих лапах, либо плывя по рекам Дождевых Лесов. Леса кишат странными тварями и заражают болезнями — но там можно выжить. *Я сам там выжил*. Но все исследователи, выдвинувшиеся из Лесов на юг, либо исчезали бесследно, либо возвращались настолько фрагментированными, что от них трудно было добиться связного рассказа о легендарных тропиках. И вот мы с тобой здесь, всего лишь в тысяче футов от самого их центра.

— И что из этого следует? — Читиратифор постарался задать вопрос лениво и равнодушно, однако в его словах проскользнул страх. Наверное, чувак наконец-то разглядел толпу во всей

красе. Вокруг расчищенного пространства не прекращалось хаотическое движение. С оглядкой на жару, неудивительно, что на многих Когтях Хора были только лохмотья. И даже одетые нисколько не походили на северных Когтей. У тропических была скудная шерсть — кое у кого возле лап она росла довольно густо, но брюхо и бока оставались практически лысыми. Когтей было так много, что даже с такой высоты доносились их мысли. Неумолчный хор мыслеречи, пожалуй, и вправду самая впечатляющая особенность этого места. Именно он поверг Читиратифора в нынешнее его состояние, близкое к панике.

Ремашритльфер сфокусировал большинство взглядов на меновой корзинке внизу. Установленный протокол предусматривал, что трое Когтей не должны прикасаться к ней, пока веревка натянута туго, и он старался ослаблять ее натяжение очень медленно. Приостановив спуск, он окинул очень внимательным взглядом пары голов толпу с противоположных сторон гондолы. Оставалось не более двадцати лап. А потом? Ремашритльфер понятия не имел, что произойдет потом.

— Что следует? Гм, ты себе представляешь, каково это — очутиться там, внизу?

— Это безумие, — произнес Читиратифор, и

трудно было определить, характеристика ли это вопроса или ответ на него. — Слитная стая, окруженная миллионами неумолчно воющего Хора? Разум стаи распадется за секунды, как если бы пук соломы кинули в расплавленное железо.

— Да. Если мы с тобой попадем в Хор, все так и будет. Но погляди, чего мы добились в предшествующих полетах. Мы расчистили эту площадь. Там всего трое Когтей, они держат веревку. Остальная толпа почти в тридцати лапах. Это, разумеется, неприятно, приходится постоянно следить, чтобы не свихнуться, но слитная стая там выживет.

Читиратифор булькнул пренебрежительно и с прорвавшимся страхом:

— Я слышу их напор. Это открытое пространство — островок здравого смысла в аду. Хор не любит пришлые элементы. Если мы спустимся, они тут же разорвут круг.

— Никто не знает, правильно? Если бы Магнат без предосторожностей посылал туда стаи, мучительно долгий процесс налаживания отношений с Хором мог бы ускориться.

— О, но ведь эту теорию нетрудно проверить. Просто бросьте туда стаю… — Читиратифор поколебался, осторожно выбирая слова, — найдите

заключенного, преступника, и пообещайте ему свободу, если он рискнет спуститься туда и поговорить с этими прекрасными Когтями, которые держат веревку.

— К сожалению, таких не нашлось, и Магнат решил обойтись говорящими каракатицами.

Это объяснение даже самому Ремашритльферу показалось шатким. В этом весь Магнат: он фонтанирует идеями, но по большей части абсурдными. Единственными, кто ему поверил в этой ситуации, оставались каракатицы, всегда жадные до новых разговоров. Удивительно, как они вообще выживают в этом мире. Конечно, у них невкусное мясо, но как-то же надо заставлять их заткнуться.

Читиратифор выдавил смешок:

— Это и есть избранное Магнатом решение? Тайный план? И ты ему в точности доложишь, как все было?

Ремашритльфер не обращал внимания на его снисходительный тон.

— Разумеется, — ответил он.

Читиратифор совсем раскудахтался:

— Ну тогда приземляй этих рыбешек!

«Ладно, малыши, держитесь…» С расстояния в тысячу лап управлять корзинкой в нескольких

лапах от земли всегда непросто, но Ремашритльфер уже попрактиковался в этом деле. Малышам нечего было бояться мыслешума Хора: каракатицы думали молча, как мертвые.

Настоящая трудность состояла в том, чтобы Хор отреагировал как надо на присутствие говорящих существ не из своей среды. Частью себя Ремашритльфер глядел на край открытого пространства и заметил теперь, как по толпе распространяется странное напряжение. Ремашритльфер уже встречал такую реакцию. Хор мыслил несогласованно, и как только небольшим фрагментам удавалось на время наладить взаимодействие, их мыслеречь распространялась на сотни лап, создавая мотивы более устойчивые, чем где бы то ни было, кроме караулов.

Голос Читиратифора звучал испуганно и в то же время восторженно:

— Ты послушай! Хор мыслит все громче!

Читиратифор задвигался по своему отсеку, очевидно пытаясь умерить страх. Гондола накренилась и закачалась.

— Держи головы вместе, чувак! — прошипел Ремашритльфер.

Но мыслешум Хора и правда становился все громче. Он выражал ярость… наслаждение…

острую заинтересованность… похоть… безумие. Если бы *все* эти Когти могли объединить мысли, шум их долетел бы даже до гондолы, а то и выше, и убил бы разведчиков с «Морского бриза» на месте. Потом он сообразил, что мыслезвуки не просто набирают громкость и становятся слаженнее; менялось что-то еще… Почти весь низкочастотный диапазон срезало, а с ним пропали неумолчные обычно стоны и обрывки межстайного языка. В обычном речевом диапазоне стало так тихо, что Ремашритльфер слышал теперь, как шумят на ветру деревья Дождевых Лесов, — этот звук доносился со стороны Болот и травянистых островков дельты.

Даже каракатицы, как в чайнике, так и далеко внизу, в корзинке, приумолкли.

Весь мир, казалось, нетерпеливо выжидал, что сейчас произойдет.

Широко разнесенные глаза Ремашритльфера подсказали ему, что корзинка коснулась земли. В тот же миг натяжение веревки ослабло. «Да, я попал!»

Он слышал, как трое Когтей в круге о чем-то думают, заглядывая в корзинку с каракатицами, но уже не так ясно. Каракатицы повторили речи, каким научил их Магнат. Теми же словами

выражался бы и Ремашритльфер, если бы ему достало смелости опуститься в этом центре ада. С той разницей, что он говорил бы одним голосом, а не дюжиной, как маленькие существа.

Трое Когтей отреагировали не сразу. Жуткое низкочастотное молчание продлилось еще миг. Потом раздался такой мощный мыслевопль, что у Ремашритльфера сердца застыли. Этот мыслезвук был полон такой чудовищной ярости, что даже далеко наверху он его слышал с полнейшей отчетливостью.

Мириады Когтей ринулись со всех сторон, грубо нарушая с таким трудом выработанный Ремашритльфером протокол встреч. Они обрушились на меновую корзинку и погребли ее под собой. От мыслевопля ум Ремашритльфера слегка помутился, но он увидел, что случилось дальше, и забыть этого не смог, как ни пытался. Толпа вздыбилась великанской волной — высотой сперва пять, потом десять Когтей. Они мчались со всех сторон, и расчищенное пространство исчезло менее чем за две секунды. Где-то там осталась меновая корзинка. Чудовищный мысленный вой вдруг оборвался, почти на минуту повисло молчание: атакующие тупо глядели друг на друга. Потом толпа откатилась примерно до

пределов условленного открытого пространства. Каким-то чудом трос, удерживавший «Морской бриз», уцелел, но от меновой корзинки остались одни ошметки.

— Чт-т-т-т-то с-с-с-с-случилось? — кричали каракатицы из чайника. — Гд-д-д-де они? Чт-т-т-то п-п-п-происходит?

— А-а… мне очень жаль, ребята.

Торговая Площадь почти очистилась. Остававшиеся там Когти отползали в толпу. Никаких следов каракатиц в истоптанной ими глине Ремашритльфер не заметил.

Читиратифор удовлетворенно рассмеялся:

— Превосходный результат. Я в точности предсказал его. Ладно, дружище Ремашритльфер, пора нам обрезать трос и возвращаться к нормальной жизни.

Четырьмя часами позже Ремашритльфер, уцелевшие каракатицы и Читиратифор счастливо достигли парохода, на котором путешествовал Магнат. Три четверти этого срока они сражались с такой страшной бурей, каких Ремашритльфер тут еще не видывал. Даже сейчас ветер стегал дождевыми струями по палубе «Стаи Стай» так яростно, что зарядить шар газом не представлялось никакой возможности. Ремашритльфер

подумал, что лучше бы техперсонал и вовсе отпустил шар лететь по воле бури, прежде чем молния ударит в него и подожжет остатки газа.

Он полз с опущенными мордами, перекатывая перед собой чайникобочонок с каракатицами. Дождь еще в первые минуты промочил его насквозь. Удивительно, что в такую мокрядь он вообще сохраняет способность мыслить.

— П-п-п-почему бы не п-п-п-попробовать еще раз, еще раз? — жаловались каракатицы.

— Заткнитесь! — прошипел в носик чайника Ремашритльфер.

У Магната было в обычае повторять неудавшиеся эксперименты, пока те не приносили успех. Прежде чем явилась буря, четверка Ремашритльфера могла бы извести остаток этих самоубийц. Пятый его элемент проникся странной материнской симпатией к маленьким тварюшкам и воспротивился. Из-за этого, а также из-за бури и Читиратифора они не выполнили приказов Магната в точности и улетели раньше намеченного, что и спасло каракатиц.

Он открыл бочонок и насыпал туда корма. За Ремашритльфером ползли основные элементы Читиратифора, цепляясь за борт и время от времени блюя в море. Болотистый берег рисовался

более плотной тенью среди теней. За последние десятидневки Ремашритльфер столько всего открыл, что мог удостоиться титула величайшего исследователя тропиков в истории цивилизации Когтей, но смирился с невозможностью побывать там лично. Ни одна стая не в состоянии опуститься на землю тропиков и вернуться, чтобы поведать о своих приключениях.

Ремашритльфер встряхнулся и постарался кое-как почиститься. Теперь сохнуть. Оставалось самое трудное задание за этот день — убедить Магната, что, как бы велик ни был рынок, как бы яростно ни полыхал в душе безумной стаи торговый азарт, есть на свете и такие мечты, которым просто не суждено осуществиться.

Десять лет после Битвы на Холме Звездолета

Глава 05

Домен Древорезчицы охватывал весь северо-запад материка. Северная его часть, земли вокруг Холма Звездолета, некогда были захвачены Шкуродером и доходили до отметки в двести километров к северу от полярного круга. Мир Когтей был красивым и плодородным местечком. Наверное, так же выглядела Старая Земля в дни первобытной человеческой цивилизации.

Конечно, *красивый* и *плодородный* следовало трактовать очень широко. Арктические зимы, даже на побережье с его относительно мягким из-за океанических течений климатом, по-настоящему устрашали. Острова пропадали во льдах, снег заносил их по самые верхушки лесов, а бесконечной ночью на свободном ото льда участке океана так штормило, что даже звезды редко где можно было увидеть. Что касается лета, то Равна Бергсндот и не подозревала, что времена года в естественном окружении могут так резко разниться. Снег почти полностью сходил, оставаясь только в виде глетчеров на вершинах самых высоких холмов. В этом году весна выда-

лась дождливая, леса, луга и поля почти сразу же буйно зазеленели: за пределами ровной линии высаженных вдоль дороги деревьев весь мир, казалось, окрасился в этот оттенок. Сегодня денек вообще был каких поискать. Дождь прекратился, небо расчистилось, и лишь над островами со стороны моря висели несколько облачных клочков. В ясный, совсем летний день солнце вовсе не заходило: в полдень взбиралось почти в зенит, а остаток дня превращался в бесконечные сумерки. Стало не просто тепло — *жарко*!

Скорее волею случая, чем сознательно, Равна с Йоханной выбрались на рынок в южной части Тайного Острова. Они поехали на фуникулере — линия уходила вниз с Холма Звездолета — и пересели на паром, ходивший через канал шириной пятнадцать стометровок. Некогда старая столица Шкуродера отделялась им от материка.

Они бродили по широким, кишевшим стаями улицам, наслаждаясь солнышком и теплом. Городские стаи в основном поснимали куртки и то, что им заменяло штаны. Рабочие — три стаи совместно — копали канаву вдоль одной стороны улицы. С такой простой работой они справлялись как суперстая. Выгруженную землю отвозили на тачках, насыпали в холмики и возвращались, а

оставшиеся на месте тем временем продвигались вперед. Все выполнялось с идеальной слаженностью.

В отличие от времен Стального и Шкуродера, рабочие стаи не были рабами. Когда Равна и Йоханна проходили мимо, суперстая заметила их и на миг распалась, обнажив три слитные личности. Каждая прокричала приветствие, в совершенстве имитируя человеческий голос. Равна узнала одну — то был Коготь, работавший одно время у Тиратект-Шкуродера в градостроительном управлении.

Йоханна заболталась с двумя другими, хотя те не очень хорошо владели самношком. Равна же перекинулась парой слов с градостроителем, спросила, как продвигается перепланировка, ответила на вопросы о планируемых к внедрению в ближайший год технологических новинках.

— Основные трудности у нас, разумеется, с энергоснабжением. Вы и сами видели, каково было убирать и топить снег.

Потом женщины пошли дальше, поднимаясь по самой крутой улице Тайного Острова.

— Йоханна, думаю, такого классного денька у нас тут еще не бывало.

Над низкими крышами величественно ухо-

дили к небу высокие холмы. Город Новозамок вокруг Холма Звездолета, различимый отсюда, нарушал атмосферу анималистической сказки. На полдороге вниз от замка склон холма озаряло отраженное от корпуса «Внеполосного-II» солнце.

Младшая усмехнулась:

— Согласна.

Стаи проходили мимо них, стараясь, насколько возможно, сторониться друг друга. Грузовозки и караваны керхогов в эту часть города не допускались, чтобы для стай оставалось достаточно места. Впереди даже показались люди: старшие из спасенных Детей; теперь они выросли и работали здесь. На миг Равна позволила себе помечтать:

— Похоже, мы потихоньку отстраиваем цивилизацию.

Йоханна продолжала улыбаться, но слегка озадаченно.

— В Высокой Лаборатории ничего такого не было. — По тому, что знала Равна, Высокая Лаборатория представлялась ей скопищем куполов на безвоздушной планете красного карлика. — А раньше мы — большинство — жили на Страуме. Там были города и парки. Но *это*? Я, конечно,

свыклась, но каким боком это напоминает тебе нашу цивилизацию?

У Равны было свое мнение о страумлианской цивилизации. За десять лет она научилась держать его при себе и ответила только:

— Существует и большое, и малое. Здесь живут и люди, и иномирцы. За пределами цивилизованного пространства это большая редкость. Улицы в городе чистые и широкие. Я понимаю, что стаям нужно больше места, но… это место очень похоже на парк исторической реконструкции на любой многонаселенной планете. Я даже могу вообразить, что технологии просто спрятаны от нашего ока. Скажем, в маленьких лавках, по которым мы сегодня прошвырнемся. Такое мы вполне могли бы осуществить на Сьяндре Кей, ты знаешь, как цепко там обрабатывали туристов!

— Отлично, мне как раз нужно подыскать подарок на день рождения!

— Конструктивная мысль. — Равна кивнула. Дети очень серьезно относились к вечеринкам по случаю дней рождения. Хотя пересчет из одной календарной системы в другую вызывал определенные споры, дни рождения создавали для них иллюзию мостика в прошлое. Она подумала и спросила: — А кто сегодня?

— А ты как думаешь? — Йо явно полагала, что ответ очевиден.

— Невил?

— Ага! Его сегодня нет в городе, он уехал инспектировать рынки в Долину Восточного Потока. Невил всегда так чудесно умел находить общий язык с людьми — не сомневаюсь, что он так же хорошо обходится с Когтями. Как бы там ни было, мы ему можем подобрать подарок, совершенно не опасаясь, что он пронюхает.

Равна расхохоталась. Она так хлопотала об этой парочке, что почти забыла, сколько им лет: Йоханне двадцать четыре, Невилу исполнялось двадцать шесть! Лучшего кандидата Йо в мужья из старших Детей едва ли можно сыскать.

— И как ты намерена его закадрить?

— Призвав на помощь выдумку и очарование, разумеется. Мы удостоим его княжеского дара. — У Йоханны и вправду было в запасе несколько придумок; так получилось, что она спускалась в город гораздо чаще Равны, и даже Древорезчица со Странником иногда удивлялись тому, как хорошо она его знает и какие редкости, привезенные со всего мира, умеет выискивать. Тайный Остров не приобрел статуса имперской столицы, как планировал старый Шкуродер, но превратился

в сердце Домена Древорезчицы. По эту сторону Длинных Озер именно на Остров стекалась вся экзотика.

Женщины обошли одну за одной все лавки на торговой улице, заглянули на летние рынки, гудевшие посреди вымощенных брусчаткой площадей. Йоханна составила список, руководствуясь указаниями не только Древорезчицы и Странника, но и своих друзей, Рейна и Гиске, — те уже сыграли свадьбу. Кое-какие намеки подбрасывал и сам Невил. Йоханна остановила выбор на накидке с точечными мозаичными пейзажами, которые можно было рассматривать глазами каждого элемента отдельно.

— Это едва ли подойдет человеку, — заметила Равна.

— Невил любит такой пуантилизм. Мне это напомнило первобытные цифровые устройства.

В другом магазинчике они наткнулись на нитку полудрагоценных камней, наброшенную на скульптуру из бронзы и золота. Равна формально принадлежала к высшей аристократии, но одной из королев в Домене не полагалось ни подарков, ни даже приношений. Для средневековой правительницы Древорезчица проявляла удивительное экономическое свободомыслие.

— Из этой мозаичной одежки можно сделать что-то очень интересное…

— О! — сказала Йоханна. Они повернули на Узкую улицу и пошли вниз. В закоулке обнаружилась лавка Ларсндота и Игольщика. Она была двухуровневая, а в это время года еще и уличные лотки добавлялись. Венда Ларсндот-младшая стояла на коленях, примеряя бархатные штанишки новым малышам покупателя.

— Привет, Йоханна, привет, Равна! — Семилетняя девчушка, как обычно, излучала само веселье, но не поднялась. — Я не могу сейчас болтать. Видишь, как меня запрягли. — Она что-то чирикнула покупателю на стаеречи, убеждая его еще немного задержаться.

— Тебе же завтра в школу? — спросила Равна.

Девчонка — старшая во втором поколении людей этого мира — округлила глазенки:

— Да-да, но сегодня у меня выходной, и я люблю учить таблицу умножения за кройкой. Папа наверху, мама в задней комнате. — Бен и Венда Ларсндот, «работодатели» Младшенькой.

Бен замотался даже сильнее Младшенькой. В лавке было столько народу, что стаи тут наверняка едва в состоянии мыслить из-за надоедливого шума. Отличный денек для свиданий с безумца-

ми. Они помахали Бену и прошли под навесом в заднюю часть лавки. Ларсндот и Игольщик нанимали на работу не только людей, но и Когтей; собственно, Игольщик — относительно молодая шестерка — и был первоначальным владельцем предприятия. Игольщик с большим энтузиазмом воспринял предложение иномирян купить у него долю в предприятии, поскольку кройка и шитье всегда давались Когтям нелегко. Эти виды деятельности требовали находиться в опасной близости от другой стаи. Когти очень немногое способны были сделать на таком близком расстоянии друг от друга: воевать, заниматься сексом или терять голову. Люди для тесной совместной работы подходили намного лучше. Каждый человек умом не уступал портняжьей стае и, что еще ценнее, умел работать в непосредственной близости от заказчика, не теряя рассудка. Комбинация была отличная, хотя Равна опасалась, что Ларсндоты зашли слишком далеко. Разумеется, очень важно подстраиваться под нужды местных, быть для них необходимыми. В то же время люди на этой планете обязаны построить высокотехнологичную цивилизацию, и каждая пара рук, занятая кройкой одежды для стай, считай что потеряна для этой цели.

Сегодня посетителей было так много, что и люди не очень-то помогали справляться с их потоком. Трое Когтей, работавших в лавке, сидели на высоких платформах и посылали вниз к покупателям по одному элементу, который пытался снять мерку. С человеческой точки зрения, это выглядело презабавно. Изолированные элементы носили цветастые форменные куртки, приколотые большеухими иглами, а за воротник затыкали мерные рулетки. Они не были абсолютно тупы — остальные элементы на платформах постоянно понукали их, свешиваясь вниз, и пытались держать мыслеконтакт, не напрягая в то же время заказчика. Элементы на полу долго практиковались и, в общем-то, проявляли чудеса синглетной рассудительности и выдержки, но физическими способностями не превосходили собак. Губы могли отдаленно заменить пару слабых пальцев, а лапами и когтями элементы управлялись так, как этого и следовало ожидать от неразумных животных. Часто, однако, стаи носили украшения на когтях или металлические накладки, откуда и произошло человеческое наименование расы.

Действуя же как слитная стая, портные производили ошеломляющее впечатление на человека.

Работающие внизу элементы умели обращаться с мерными рулетками, могли протянуть ленту рулетки вокруг заказчика и по команде сверху предъявить ее остальным элементам, чтобы те сняли мерку. Если же им это оказывалось не под силу, заказчик мог повернуть рулетку в сторону портного сам (конечно, для этого ему приходилось преодолеть смятенние и раздражение от присутствия чужой морды в сердцевине собственной стаи). Иногда покупателю поручали держать ткань, а элемент, действуя как вынесенная на большое расстояние лапа, зажимал челюстями иглу и осторожно вставлял ее.

Равна с Йоханной миновали старую часть здания, построенную еще до прихода людей. Здесь приходилось низко пригибаться, чтобы не задеть потолок. Короткое ответвление вело в туалет. В здании когтевой постройки вонь оттуда забивала все углы. Равна имела дело со многими расами Вершины Запределья, и те, кто еще сохранял потребность удалять из тела отходы, всегда обеспечивали превосходное кондиционирование, но в мире Когтей такие излишества были недоступны.

Она слышала смех Венды-старшей. Та управлялась с большей частью дел фирмы, исключая

только бухгалтерский учет: как и большинство беженцев, она не слишком хорошо считала в уме.

— Привет, Йоханна, привет, Равна! — Венда стояла за одним из столиков для кройки, расставленных так, чтобы на них падал солнечный свет из высоких закоптившихся окон. Ларсндот и Игольщик располагали тремя швеями, и все в этот момент были заняты. Венда бегала туда-сюда, сверялась с рулетками, прикладывала и отрезала дополнительные мерки ткани, руководствуясь указаниями столика. Столешница некогда была частью бесценных экранов реалистичной графики «Внеполосного-II». Здесь, Внизу, толку от них было чуть меньше, чем никакого, поэтому экранам нашли неожиданное функциональное применение. Младшая дочь Венды Сика сидела на столе рядом с матерью и осуществляла общее руководство.

— Привет, Венда, мне нужен твой совет. — Йоханна выложила покупку на экраностолик. — Подарок для Невила на день рождения, ну ты в курсе, да? Это не слишком глупо смотрится на человеке?

— Сика, посиди тихо, — сказала Венда-старшая, и, о чудо, трехлетняя девчушка повиновалась.

Когтекройка ее просто зачаровывала.

Венда подошла к их столику, протискиваясь между высокими тяжелыми деревянными стульями. Она почтительно поклонилась Равне, потом подцепила образец ткани, купленный Йо, и повертела в солнечных лучах.

— Это же с Нижнего берега! Правда ведь, Йоханна?

Две женщины разговорились о достоинствах материи. В дни побега из Высокой Лаборатории Венде было шестнадцать, и ее разбудили одной из первых. Она была старше всех беженцев, старше даже Невила Сторхерта: двадцати шести лет от роду. Лицо и голос Венды лучились счастьем, но в волосах пробивалась первая седина, а на лбу и под глазами лежали морщинки. Равна разбиралась в человеческой истории и знала, что без специальных мер продления жизни старение начинается почти сразу же после достижения полной зрелости. Венда ни разу ни на что не жаловалась, но жизнь Внизу ее здорово износила — гораздо сильнее, чем ребят ее возраста. Впрочем, ей повезло больше многих. Она была достаточно взрослой в момент катастрофы и успела пройти базовый курс обычных гериатрических препаратов. Если повезет, она проживет несколько столетий. Тем,

кто был младше ее, не досталось даже этого, о втором поколении и говорить нечего. Они быстро состарятся, и им повезет, если они проживут хотя бы век. Наверное, доступных технологий будет недостаточно, чтобы их спасти. В таком случае придется снова погрузить их в гибернацию…

Один из швей подошел к ним. Четверо его элементов взгромоздились на стулья, чтобы охватить взглядами ткань со всех сторон. Всего в стае было пять Когтей; она была достаточно стара и немного выучила самношк, но предпочитала изъясняться на медленном, нарочито артикулированном межстайном, каким обычно говорят с малышами. Равна все равно не понимала его аккордов, но восхитилась, глядя, как оживленно переговаривается с ним Йоханна. Этот парень был ветераном войны, он участвовал в марше войск Древорезчицы по берегу материка и к Холму Звездолета. У Йоханны было больше друзей среди народа Когтей, чем Равна могла предположить, и многие из них почитали ее за героиню. Наверное, поэтому-то королева и простила ей неслыханную выходку на второй год Изгнания.

Кончилось дело тем, что Йоханна, Венда и Коготь решили сшить из ткани удивительный наряд со штанами и шляпой, который, по завере-

ниям Венды, соответствовал как веяниям моды, так и чаяниям Невила. Равна никогда в жизни не видела ничего более противоречащего ее представлениям о вселенской эстетике.

— …и вот такие букле, — сказала Йоханна.

— Отлично, отлично, — кивала Венда. — Но мне нужна мерка Невила, причем срочно.

— Хорошо, будет тебе мерка, но помни, что это сюрприз. Он знает, что будет вечеринка, но не…

— Хе-хе, но если ты приложишь к нему рулетку, он наверняка догадается.

— У меня есть свои методы!

Венда и Йоханна в один голос расхохотались.

Выходя на улицу, Йоханна все еще смеялась.

— Равна, я честно ничего такого не имела в виду. — Она перестала хохотать, но все еще улыбалась до ушей. Сумерки все не кончались, тени вытягивались и укорачивались без намека на закат. Женщины остановились возле пары торговцев серебряными украшениями, но то, чего хотела бы Йоханна, делалось только на заказ. Потом женщины забрели в северный конец Крутой улицы. Тут палаток и лавчонок было чуть ли не больше, чем стаи могли вынести: расстояние между ними не превышало нескольких метров.

— Они больше похожи на иностранцев, чем все

остальные, — прокомментировала Равна, хотя это был скорее вопрос. Она узнала стаи Восточного Дома по их забавным красным курткам, а остальные их примечали по характерным позам или скандальной манере флиртовать. Собственно, она и взяла с собой Йоханну Ольсндот, чтобы та ей раскрыла все детали. Но сегодня Йоханна была не слишком хороша в роли экскурсовода.

— А? А, да, думаю, ты права.

Она вглядывалась в рыночную толпу.

— Ты сегодня невнимательна.

Йоханна повернулась и увидела усмешку на лице Равны.

— Чего?

— Ты сегодня останавливаешься поболтать лишь с каждой четвертой стаей в округе. Это на тебя не похоже.

— Я же не всех тут знаю. Или ты намекаешь, что я не соответствую нормам… стоп, давай передохнем. — Они отошли за пределы крытого рынка. Йоханна опять взглянула на Равну и тоже улыбнулась, но скорее удивленно. — И в самом деле… я еще ничего подобного не испытывала. Как странно… наше существование здесь. Нам так долго приходилось очень туго.

Равне Бергсндот случалось жалеть себя, но это

чувство отступало, как только она пыталась вообразить, на что похожи переживания Йоханны и ее брата. Как и все Дети, они были сиротами, но родители оставались с ними всю дорогу до этой планеты. Йоханна видела, как их убили. Видела, как убили половину ее школьных товарищей. В возрасте тринадцати лет Йоханна провела год в этой первобытной глуши, нашла друзей и испытала горечь предательства. И все же ей с маленьким братом удалось привести «Внеполосный-II» на поле Битвы на Холме Звездолета! Были среди Детей и те, кто с излишней готовностью принял новое положение вещей и позабыл о прежней цивилизации. Иные, напротив, так и не смирились с падением с Небес. Таких, как Йо, насчитывались единицы, но, глядя на них, Равна верила, что со временем все превратности судьбы можно будет преодолеть.

Они оставили позади торговые палатки и направились в ту часть города, где за последние несколько лет появились новые бары. Йоханна словно бы не заметила этого. Мысли ее были далеко, с губ не сходила странная сдержанная усмешка.

— Нам пришлось так туго, — продолжала она с нарастающим удивлением, — но мы победили

Стального и разоблачили предателя Проныру. С тех пор у меня не было времени пожить для себя. Так много надо было сделать для Академии, Фрагментария, для…

— Для нового мира, — сказала Равна.

— Да. Но сейчас все изменилось. В лучшую сторону. И с тех пор как я стала поздравлять Невила с днем рождения, все стало намного лучше. Люди больше интересуются происходящим в мире Когтей. Мы с Невилом… э-э… стали ближе друг другу. Я намерена сделать этот день рождения незабываемым для него, Равна.

— Ух ты! — Равна поймала руку Йоханны. — И ты?..

Йоханна рассмеялась:

— Ох, Невил такой консерватор. Я подозреваю, что он ждет, пока я ему признаюсь. — Она посмотрела на Равну с веселой и хитрой улыбкой. — Равна, только попробуй ему рассказать до дня рождения, что я задумала!

— Отчего же, это чудесно! Мы закатим потрясающую свадьбу!

Они стояли и смотрели друг на друга, обмениваясь понимающими улыбками.

— Ты можешь быть уверена, что у Древорезчицы в запасе найдется несколько свеженьких

церемоний, — сказала Равна.

— Да уж, она безжалостно отыграется на моей репутации.

— Это к лучшему. На самом-то деле это для нас даже важнее, чем для Когтей. Ты и Невил так популярны… ты среди Когтей, он среди Детей. Наверное… — *Время настало*.

— Что?

Равна оттянула Йо на середину улицы, чтобы не сталкиваться с прохожими стаями.

— Я устала быть второй королевой.

— Равна, но уже десять лет это работает превосходно! Древорезчица сама предложила… В истории Когтей был прецедент. Да и в нашей тоже.

— Да, был, — сказала Равна. — На Нюйоре. — В Эпоху Принцесс правили Старшая Принцесса и Младшая, занятая техническими вопросами. В тот век имело место самое позднее пересоздание технологической цивилизации в человеческой истории. Нюйоранская цивилизация положила начало Сьяндре Кей, родине Равны, и Страумлианскому Простору Йоханны.

Страумлианцы не слишком интересовались историей человечества, но про Эпоху Принцесс Равна им рассказывала. В Академии она исполь-

зовала этот пример, чтобы провести аналогию между людьми и Когтями.

— Тебе нравится быть королевой, Равна, ты меня не обманешь, — улыбнулась Йоханна. — Готова побиться об заклад, что исполнилась твоя детская мечта.

Равна ответила не сразу, потому что так оно и было.

— Наверное. Но реальность меня… разочаровала. С чего-то нужно было начать, но теперь-то вы уже подросли… Мне стоит сосредоточиться на самом необходимом. У нас всего несколько веков, а потом на планету свалятся реальные отморозки.

Равна никому не говорила о своем кошмаре и скачке зонографа. Это больше не повторялось, да и достоверность данных стояла под большим вопросом. Равна никому об этом не рассказала, чтобы ее не сочли сумасшедшей, и углубилась в работу.

Она отвернулась от Йоханны и несколько шагов прошла, глядя на брусчатку.

— А может, и меньше, — продолжила Равна. — У Флота Погибели не было готовых прямоточных двигателей, но пару килограммов они до околосветовой скорости и так разгонят. А если у них каким-то образом сохранилась связь с их повели-

телем, они даже могут достичь скорости света. Я должна быть уверена, что мы как следует подготовимся к их прибытию. — Йоханна не ответила. Равна помолчала и перешла к главному: — Мне следует проводить больше времени на корабле. Я, в конце концов, библиотекарь, и в такой ситуации любое другое занятие станет пустой тратой времени. Думаю, было бы лучше передать мои властные функции вам с Невилом, а остальным пускай займется Древорезчица.

Йоханна ошеломленно воззрилась на Равну:

— Ты сдурела?

— Так или иначе, нам обеим придется столкнуться с этим обвинением, — улыбнулась та.

— Ха! — сказала Йоханна и обняла Равну за плечи. — Если мы обе сдурели, то по-разному! Равна, ты нам нужна.

— Да-да, я знаю, что стала приемной матерью здешнему человечеству!

Это была старая шутка, но Йоханну она, против обычного, не развеселила. Вместо этого девушка впала в ярость.

— Ты, Равна, мать всего, что здесь осталось. Десять лет назад мы были детьми, а Когти воспринимали нас как странных зверушек. Без тебя мы бы умерли в сломанных гибернаторах, а те, кто

умудрился бы каким-то чудом выжить, оказались бы в зверинцах на потеху Когтям!

— Э… да. — Равна решила зайти с другой стороны. — Я поступила так, как следовало поступить. Но мы должны смотреть в будущее. Я — единственная, кто умеет обращаться с планировщиками «Внеполосного-II». Этому мне и следует посвятить все свое время. А ты, Невил и Древорезчица займитесь управлением. Я библиотекарша, а не королева.

— Ты и королева тоже! Библиотекари и археологи — вот кто всегда воскрешал окочурившиеся цивилизации!

— Сейчас все иначе. У нас нет развалин, куда можно запустить археологов. Все ответы на борту корабля. — Равна дернула подбородком в сторону Холма Звездолета. — Вам нужна была моя поддержка на первых порах, но вы больше не Дети, вы выросли. Техническая помощь нужна вам даже больше, но… я так устала быть лидером.

— Равна, твои решения получили поддержку,

— Некоторые получили, некоторые нет. Или не получат через год. Или через пять лет. Или десять. — Какие-то решения могли целое столетие выглядеть просчетами — а потом обрести неслыханное ужасающее подтверждение своей

правоты.

— Я и не представляла, что тебе так одиноко. У тебя есть мы, и я думала, что ты все воспринимаешь так же. — Йоханна опустила взгляд на свои сумки, набитые тканями и безделушками. Короткий смешок. — Да уж, я так увлеклась своим счастьем и Невилом, что… но он и вправду стал мне светом в окошке. Я должна была представить себя на твоем месте. Ты же всего этого лишена. Ты часто думаешь о Фаме?

— Иногда. — «Очень часто». — У нас были неплохие отношения. Но в нем присутствовало еще и то, другое. Оно овладело им. Это было страшно.

— Да. — Йоханна встретила Фама Нювена незадолго до его смерти. Она видела, *насколько* это было страшно. — Нас тут всего сто пятьдесят, Равна. Мы тебя любим. По крайней мере бóльшую часть времени. Ты не думала, что среди нас может найтись тебе пара?

Равна посмотрела вверх по улице. Там прогуливались Дети — возраста Йоханны или немного старше. Они, вероятно, направлялись в какой-то бар. Равна показала на них.

— Ты это серьезно?

Девушка улыбнулась смущенной улыбкой:

— Но я же смогла… то есть не думай о нас как о Детях. Хотя… э-э, ты всех нас переживешь.

— Не говори так! Ты становишься старше, но это пока что нормальный процесс. Однажды у нас появятся способы восстановить нормальную медицину. Это все временно.

— Верно. Если ты нас поведешь этим путем, у нас все появится. И постепенно мы размножимся до десятков тысяч. Если в этой толпе ты не сумеешь найти себе *правильного* спутника жизни, останется заключить, что у тебя с головой не все в порядке.

— Ну да.

— Вот именно! — сказала Йоханна. — Тем временем помни, пожалуйста, что мы тебе благодарны, даже когда хнычем. Мы с Невилом будем тебя всячески поддерживать.

— Я хочу вынести это на голосование.

— Ты знаешь, о чем я. Только твой голос важен для таких, как Венда и Бен.

— Ладно. Я буду отсиживаться за вашими спинами. Хотя бы какое-то время.

Йоханна присвистнула с преувеличенным восторгом, но Равна видела, каково ей.

— И, Равна, пожалуйста, не упоминай об этом в разговоре с Невилом. Вдруг он сам придет к тем

же выводам?

Таверны занимали целый квартал в самом центре Тайного Острова, к югу от Старой Крепости. На самом деле старый замок не был так уж древен: его построили за несколько десятилетий до прибытия людей. Тем не менее обиталище Шкуродера наводило ужас на весь материк и было овеяно жуткими легендами. Сам Шкуродер, до переделки, строил великие планы насчет евгеники расы Когтей. Но до прибытия людей этот мир даже не знал пороха, да и книгопечатание считалось новинкой, и Шкуродер был вынужден разрываться между укреплением тоталитарной империи и попытками преобразовать государство согласно новым веяниям науки. Ходили слухи, что в Старой Крепости все еще скрываются фрагменты его жутких стай. Равна знала, что это не так, хотя у Тиратект-Шкуродера до сих пор оставались преданные сторонники. Правда, ими по большей части вертели тайные агенты самой Древорезчицы.

Солнце клонилось к северу, и тени закрыли всю улицу. Женщины подошли к первой таверне.

— Я тут была вчера, — сказала Йоханна, — и здесь в основном собирались пастухи с равнин, празднуя успешное прибытие в город.

Дальше тянулись заведения, привлекавшие главным образом торговцев Озерного Края и шпионов Восточного Дома. Там дым стоял коромыслом от сплетен, расспросов, слухов, заговоров. Равна заметила знакомую стаю, бежавшую через улицу: она вертелась вокруг женщин на рынке. Йоханна перехватила взгляд.

— Не беспокойся, это Бородани, он работает на Древорезчицу. Я его узнала по ушам. — Она помахала стае и рассмеялась. — И ты утверждаешь, что тут все как в городе Середины Запределья?

— В какой-то мере. Я могу даже поддаться иллюзии на пару минут. На Сьяндре Кей жила дюжина основных рас, хотя и не водилось ничего похожего на стаи. Люди были только третьими по численности, но мы выстроили туристические городки, имитировавшие старые времена истории человечества. И надо сказать, что туда с интересом наведывались по крайней мере две других расы.

— Променад? Можно вообразить, что мы пришли как следует оттянуться.

— У тебя были поклонники на Страумлианском Просторе?

— Да. Я была предметом раздора, чтоб ты знала. Но ведь и тебе самой доводилось оказываться в

таком положении?

— Ах да, пару раз. — В бытность Равны тихой студенткой. Потом она окончила университет и поступила на работу в Организацию Вриними. Там ее окружали одни лишь иномирцы — пока не явился Фам.

— И эти заведения напоминают тебе бары нашей цивилизации?

— Хмм, не слишком… Бары Сьяндры Кей всегда были переполнены. Если бы туда попали Когти, с ними бы случился хор. — Да и другим расам, не исключая людей, требовалось изрядное мужество, чтобы окунуться в квартал увеселений. — Здесь же…

— Здесь же каждый человек знает всех остальных представителей своего вида, потому что все они росли вместе. И даже собрав нас со всей планеты, нельзя заполнить даже одну из этих таверн. Но это было бы прикольно. А вот тут особенно интересное местечко…

Интересным местечком оказался «Знак богомола». Слова были высечены рунами Когтей под метровой высоты изображением странного двуногого насекомого. Равна никогда еще не видела таких существ, но знала, что они водятся в прибрежных районах на южной границе Домена

и портят урожай. Разумеется, самый крупный богомол мира Когтей в высоту едва достигал пяти сантиметров. Но как только истории о прибытии людей стали распространяться по планете, у слушателей возник естественный вопрос, на кого же похожи чужаки. Видеозаписей им предоставить не могли, так что рассказчики, пытаясь описать увиденное слушателям, в конце концов уподобили людей высоченным богомолам. Деревянная резьба со Знаком, украшавшая вход, была привезена из аналогичного бара в Озерном Краю. Тут ее вывесили шутки ради, поскольку в этом заведении действительно часто бывали люди. Изнутри доносилась музыка.

— Совсем как ночной клуб на родине? — спросила Йоханна. Музыка была человеческая, голоса и дюжина инструментов — тоже. Может, запись? Слова были взяты из детской песенки, а вот музыка… кхм, музыка ей не соответствовала. Наверное, все звуки издавала единственная стая. Надо полагать, наслушалась передач со звездолета. Мир Когтей впитывал и переиначивал человеческую культуру, и в этом процессе неизбежны были ошибки машинной памяти и искажения, вносимые восприятием стайной расы, стоявшей на уровне развития, сравнимой со

Средневековьем Старой Земли. Выкрашенная деревянная лесенка вела на террасу. Йоханна легко взбежала по ней, Равна задержалась. Она была на полпути ко входу, когда дверь раскрылась и оттуда высыпала стайка подростков-людей. Один обернулся к остававшимся в баре и горячо проговорил что-то вроде: *Вы просто подумайте, в этом куда больше смысла, чем в...*

Равна вовремя отступила в сторону, завидев их. Когти на лестнице вообще не разошлись бы, поскольку на каждой ступеньке едва разместился бы один элемент. Ребята ее не видели, но заметили Йоханну и тут же притихли. Равна услышала, как один из мальчишек прошептал:

— Джеф, это твоя сестра.

— Привет, а чем это вы заняты? — резковато спросила Йоханна.

Мальчишка во главе компании — похоже, Ганнон Ёркенруд — ответил:

— Открываем людям глаза на кое-какие факты, маленькая принцесса. — Так и есть, Ганнон.

Потом он заметил Равну, и ухмылка сползла с его лица, сменившись — как странно — гневом. Он опустил глаза и прошмыгнул мимо. Трое его спутников были младше; кто-то выглядел на семнадцать, один, пожалуй, на девятнадцать. Все

они не отличались кротким нравом, и все тихо проскользнули мимо нее и ссыпались по ступенькам. Кроме этого, их объединяла еще одна черта: все носили короткие штаны и рубашки с закатанными рукавами, вошедшие в моду с началом лета. В холодный дождливый день они бы намерзлись и промокли. Йоханна, встав на средней площадке лестницы, произнесла:

— Так-так, Джефри, ну-ка выкладывай, что у вас? — Это было сказано как бы между прочим, но Равна заметила, что девушка отступила на середину площадки. Верхние ступени лестницы оккупировали Джефри и Амди. Человек и Коготь мрачно взирали на девушку. Стая — Амдиранифани — явно была не в духе, до такой степени, что даже Равне это было понятно. Джефри пребывал в немного более приподнятом настроении.

— Привет, сестренка, привет, Равна. Я на минутку. — Амди спустился по лестнице, повернув одну морду к Йоханне и две к Равне.

— Как приятно вас видеть! — сказала стая, использовав голос маленького мальчика.

Амдиранифани был восьмеркой. Большего размера стаи без ущерба для разума достичь не могли, но Амдиранифани был истинным гением. Когда Равна впервые его повстречала, восьмер-

ка состояла из щенков, таких маленьких, что человек поднимал на руки половину стаи без малейшего труда, пока вторая половина взгромоздившись ему на колени, задавала вопросы и жадно рассматривала пришельца. Они с маленьким Джефри так сблизились, что некоторые Когти приняли их за слитную стаю и прозвали Амдиджефри. Теперь это прозвище вышло из употребления. Каждый элемент Амди уже совсем вырос и даже набрал лишний вес. На первый взгляд восемь здоровенных псов внушали страх. На второй (и желательно после краткой беседы) — становилось понятно, что Амди слишком вежлив, чтобы шуметь попусту. На третий (если вы на самом деле хотели с ним подружиться, а он это допускал) — Амди оказывался едва ли не самым развитым в интеллектуальном плане существом, какое только могли встретить люди на планете Медленной Зоны.

Равна улыбнулась и погладила его по голове ближнего элемента. Потом послала усмешку Джефри:

— И вас тоже.

— У нас нет на это времени, — влезла Йоханна, не став подстраиваться под манеры брата. Равна махнула ей: *успокойся.* Джефри, мягко говоря,

не отличался сговорчивостью, и меньше всего сейчас Равне нужен был скандал вроде тех, какие мальчишка обожал закатывать в юные бунтарские годы. Йоханна сделала вид, что не заметила жеста Равны. — Так что же, братишка?

Тот бросил на нее сердитый взгляд:

— Что-что?.. Ты знаешь, что я всю весну провел в экспедиции Мэри Люссндот вниз по побережью. Мы искали полезные ископаемые, которые, по мнению «Внеполосного-II»…

— Это я знаю, Джеф, а еще я знаю, что ты лапал не только Мэри, но и всех остальных девчонок, до каких мог дотянуться. И ты уже давно вернулся и не перекинулся со мной даже словечком.

Молодой человек вспыхнул:

— Остынь, Йо. Я не твоя собственность.

— Я твоя сестра, я… — У нее от возмущения захватило дух.

Равна заметила, что Амди попятился назад и попытался заслонить собой Джефри. Она решила, что пора вмешаться, пока все не слишком далеко зашло. Джефри последний год вел себя почти образцово.

— Да, Джефри, я видела отчеты, превосходная работа. — Этот ломоть она смазала маслом толще обычного. — Но меня больше интересует, о чем

вы там спорили с этими тремя… — Она махнула вслед ушедшим. «Хотелось бы мне верить, что они ему не друзья». — О чем говорил Ганнон? Кому и на что он вознамерился *открыть глаза*?

— Да так, ни о чем.

— Ни о чем, ни о чем, — подтвердил Амди, кивая восемью головами.

— Ну и хорошо. — Равна поднялась по лестнице.

Джефри было девятнадцать. Как на Сьяндре Кей, так и на Страумлианском Просторе он считался бы взрослым человеком. Джефри был умным, смелым, рассудительным мальчиком, но все это в прошлом. Как и то, что в бытность Джефри подростком в толпе прыщавых сорванцов едва ли кто превзошел бы его наглостью. Благодарение Силам, что Йоханна науськала на него Невила. Когда сама Йо уже отчаялась найти с братом общий язык, помог взвешенный, дипломатичный подход Невила. Если повезет, то и нынешнюю ссору получится замять довольно быстро.

— Да мы просто хотели взглянуть, как тут у вас дела, — сказала Равна, ткнув пальцем в загороженную Амди с Джефри дверь. — Если хотите, мы можем поговорить в другое время. Когда вам

будет удобно. — Джефри помедлил, но мягкие слова Равны его вроде как урезонили.

— Ладно, поговорим. Но разговор, предупреждаю, будет немного странный. — Он развернулся и толкнул дверь бара.

Равна и Йоханна вошли.

В баре было тепло — напоминание о том, что у полярного круга даже летом в тени можно замерзнуть. Пахло псиной, специями и дымом. Джефри прошмыгнул мимо Йо и Равны и проводил их по длинному узкому коридору, занавешенному дымом. Меры противопожарной безопасности и запрет на курение в общественных местах этому миру еще предстояло привить. Равна молча следовала за ним, с интересом рассматривая диковинные барельефы на стенах (картины жизни в Запределье, какой Когти себе ее представляли) и размышляя о разительных переменах в жизни ее Детей за последние десять лет. Забавно, но ей всегда казалось, что Йоханна высокого роста, даже когда девочке было всего тринадцать. Но таково было воздействие личности Йо на окружающих: на самом-то деле в ней всего метр семьдесят, она чуть повыше Равны. А вот Джефри всегда казался ей маленьким, даже коротышкой, в особенности когда Фам посадил корабль на планету и спас его

из лап Стального. Она помнила, как маленький мальчик, оставшийся сиротой, тянул к ней руки. Теперь же молодому мужчине приходилось пригибаться, чтобы не стукнуться головой о потолок. Если бы Джефри выпрямился во весь рост, в нем было бы под два метра. Музыка стала громче. Замелькали разноцветные вспышки — наверное, из этих чудаковатых канделябров, которые меняют цвет под настроение. Джефри переступил порог, Равна, Йоханна и Амди вошли следом.

Высокий купол накрывал «Знак богомола», опираясь на стены, в которых были устроены альковы с подушками. Клиентура нынче вечером состояла преимущественно из людей, хотя в толпу затесались две или три стаи. Впрочем, они предпочли забраться на верхние ярусы, и стая владельца заведения была единственным Когтем на первом этаже. Она же вполне ожидаемо оказалась источником звучащей тут музыки.

— Так быстро? — крикнул кто-то, обращаясь к Амди или Джефри. Потом говоривший заметил Равну с Йоханной и нервно захихикал. — Ух-х, мы и пяти минут не можем обсудить свои изменнические планы, как тайная полиция уже тут как тут.

— Я наткнулся на них на лестнице, — сказал

Джефри.

— Это просто знак тебе, что пора пользоваться черным ходом, как все нормальные люди, — парировала Хейда Эйслер.

Шутка о тайной полиции так развеселила девушку, что она начала хихикать, словно не в силах остановиться. Кого-то острота могла больно уколоть, но чувство юмора всегда было злейшим врагом Хейды. По крайней мере, никто из посетителей не зыркал на Равну так враждебно, как та компашка на лестнице. Хейда придвинула пару стульев и жестом пригласила гостей садиться. Элемент-официант тут же принес пива. Равна оглядела собравшихся, прикидывая, с кем придется иметь дело. С десятью подростками? Нет, с десятью молодыми людьми. Джефри и Хейда наверняка самые младшие тут. Никто еще не обзавелся детьми, но одна пара недавно сыграла свадьбу. Йоханна хлебнула пива и отсалютовала кружкой Хейде:

— Да, тайная полиция уже здесь. Считайте, что это допрос. О чем вы тут шепчетесь, заговорщики?

— А, фигня всякая. — Хейда явно уходила от ответа. Когда Хейда о чем-то лепечет, все кажется на диво запутанным, но именно от нее пошел

первый слух про Тами и Вильма. — Мы просто, э-э, болтаем о Группе Изучения Катастрофы.

— Так-так. — Йоханна опустила кружку на столешницу.

— А что это такое? — спросила Равна. — Звучит жутко официально. Я-то думала, что обречена быть тут единственным очагом официоза.

— Это потому, что… — начала Хейда.

И тут вмешалась другая девушка, Эльспа Латтербю:

— …что эти три слова покрывают так много всего, что мы по своему желанию выдаем их за действительность.

Никто не счел нужным что-то к этому добавить. Помолчав, Эльспа пожала плечами и нехотя продолжала:

— Видите ли, ваше высочество…

— Равна. Сколько раз можно вам напоминать, чтобы звали меня Равной. — «Я каждый раз об этом напоминаю, а такие, как Эльспа, всегда забывают».

— Да-да, конечно. Видите ли, Равна… мы понимаем, что вы с Когтями сделали все возможное, чтобы сохранить наследие наших родителей. Я знаю, сколько ресурсов и времени Древорезчица и Тиратект-Шкуродер вкладывают в нашу

Академию. А мы, как умеем, пытаемся приспособиться к этому миру. Некоторым из нас, самым маленьким, тут вроде бы все нравится. — Ее лицо озарила улыбка. — У моей сестренки есть друзья — люди и щенки. И я. Но она не помнит нашей родины. Для Гери тут все просто сказочно.

Равна кивнула:

— Но для тех, кто постарше, все это кажется послесловием к холокосту, так ведь? — Равне и самой частенько являлось на ум это древнее слово.

— Может быть, они ошибаются, но такая точка зрения бытует, — кивнула Эльспа. — Не все так воспринимают случившееся… но мы помним родителей и цивилизованные миры. Неудивительно, что многих из нас обуревает горечь. После катастроф это бывает, даже если винить некого.

Джефри не взял себе человеческого стула, а взгромоздился на высокий насест, которым обычно пользовались Когти. Оттуда он мрачно созерцал собравшихся.

— Ничего удивительного, что они объединяются в Группу Изучения Катастрофы, — добавил он.

Равна улыбнулась:

— Думаю, мы все в нее время от времени объединяемся, по крайней мере те, кто всерьез изучает новейшую историю.

Когда официант ушел, Амди расселся за двумя столиками — там морда, тут морда, даже на одном из высоких человеческих стульев разместился. Он любил наблюдать за происходящим со всех сторон — и у него было для этого достаточно элементов. Двойка на стуле закивала, но голос исходил словно бы отовсюду:

— Мне это напомнило старые эксперименты Стального, плодом которых явился я сам. Меня бы не существовало без его изуверств. Я с этим могу жить, а другим тяжело. Подчас мы собираемся вместе — повыть на луну и поскорбеть о том, как несправедлива жизнь. Но это не значит, что только на это мы и способны.

— Ты прав, Амди, — заметила Эльспа, — но тебе хотя бы есть кого ненавидеть.

— У всех нас есть кого ненавидеть, — вмешалась Равна. — Это Погибель. Равного ей чудовища не видело Запределье. Мы знаем, что именно эта тварь убила ваших родителей, уничтожила Страумлианский Простор, сгубила Сьяндру Кей. И, даже остановив Погибель, мы поневоле разрушили большую часть цивилизаций Галактики.

Собравшиеся качали головами. Эйвин Верринг коротко бросил:

— Мы не знаем этого наверняка.

— Ну да, мы можем быть уверены во всем, кроме последнего пункта. Масштабы разрушения не с чем сравнить; может быть, оценка и ошибочна…

— Нет. Мы слишком мало знаем по каждому пункту. Взгляните-ка: наши родители были учеными. Они занимались исследовательской работой в Нижней Трансценденции — в опасном месте. Они играли с неведомым. — («Попался, малыш», — подумала Равна.) — Но этим занимались миллионы других рас до них. Так рождаются почти все Силы. Мой отец считал, что Страумлианский Простор можно расширить до той системы коричневого карлика в Нижней Трансценденции, так что мы сами можем Вознестись. Он говорил, что страумлианцы всегда в авангарде, что мы рисковый народ. — Эйвин заметил, что Равна смотрит ему прямо в лицо, и поспешил продолжить: — А потом что-то пошло не так. Это тоже случалось тысячи раз. Экспедиции вроде той, что основала Высокую Лабораторию, подчас уносили много жизней там, Наверху. Или же их просто разрушали собственные творения. Иногда гибла целая звездная система. Но то, что случилось с нами, то, что загнало нас Вниз, не укладывается ни в какие рамки. Оно противоречит всему, что мы знаем о таких ситуациях.

— Я… — начала Равна несмело.

«Как мне это сказать? Твои родители были беспечными честолюбцами, и им исключительно не повезло». Она любила Детей — ну, большую их часть, и делала все возможное, чтобы защитить их. Но, глядя на них, временами не могла думать ни о чем, кроме пагубы, которую навлекли на Вселенную их родители. Она посмотрела на Йоханну: «Помоги мне».

Как это часто случалось в трудную минуту, Йоханна пришла на выручку:

— У меня немного больше личных воспоминаний об этом, Эйвин. Я помню, как улетали мои родители, унеся вас с собой. Высокая Лаборатория была не просто попыткой прорваться к Трансценденции. Там был обнаружен заброшенный архив. Мы раскапывали останки самих Сил.

— Я знаю, Йоханна, — резко сказал Эйвин.

— Архив ожил, и мои родители поняли, что нас все это время водили за нос. Ну ладно, я знаю, что почти всем тем, кого мы разбудили, история известна в подробностях. Но в конце концов мои предки догадались, что последствия могут быть совершенно невероятны. Мы раскопали то, что несло угрозу самим Силам.

— Это они тебе рассказали?

— Не тогда. На самом деле я до сих пор не знаю, как папа с мамой все это организовали, как вытащили Детей, — нас тогда было триста. Как вытащили из медчасти гибернаторы и погрузили их на корабль. Ты должен помнить, как нас выдернули из школы, — именно это помните вы все.

Молодежь закивала.

— Если Сила пробудилась, то, уж конечно, приготовления наших родителей не ушли от ее внимания.

— Я… — Йоханна поколебалась. — Да. Их должны были сцапать. Кто-то им помог. Кто-то еще готовил наш побег. Я не знаю, кто это был.

— Я ничего не заметила, — решительно сказала Хейда.

— И я, — добавил кто-то еще.

— И я, — отозвался Эйвин. — Ты разве не помнишь, как мы жили, всю тесноту временных поселений? Где там было укрыться от чужих взглядов? Да, мои предки стали раздражительны, даже испугались чего-то, но там просто негде было провернуть заговор против Силы. Кажется вероятным — и на этом основаны рассуждения Группы Изучения Катастрофы — следующее решение: нечто просто подстроило наш побег как

часть своей игры.

— Мы говорили о Контрмере в Академии, Эйвин, — вмешалась Равна. — Вам, Детям, и не нужно было особое содействие. Контрмера… — «А еще Фам и Старик», — остановила Погибель.

— Это так, ваше высочество, — сказал Эйвин. — Но вся эта история лишь подтверждает, как мало нам известно о добре и зле. Мы заперты Внизу. Мы, старшие Дети, чувствуем, что потеряли почти все. Официальная история может быть подделкой, в которой добро и зло поменялись местами.

— Что?!! Кто распускает эти вздорные слухи? — Равна перестала сдерживаться. Хватит с нее осторожности.

Эйвин сжался:

— Да никто конкретно.

— Да? А как насчет той троицы, с которой я столкнулась на лестнице?

Джефри шевельнулся на своем насесте:

— Ты там и со мной столкнулась, Равна. А те трое просто зашли потрындеть. Если хочешь, вини нас всех.

— Вас всех? А кто в таком случае придумал Группу Изучения Катастрофы? Кто-то должен стоять за всем этим, и я хочу…

Кто-то дернул Равну за рукав. Йоханна задержала руку еще на миг и тем погасила приступ ярости. Потом сказала:

— Такие слухи все время рождаются.

— Сомнения в том, что Погибель представляет угрозу?

Йоханна кивнула:

— Их радикальность разнится. Ты и сама кое в чем не уверена, я это знаю. Например, если Флот Погибели остановлен Контрмерой, то зачем ему теперь планета Когтей?

— У нас нет выбора, кроме как поверить, что они намерены уничтожить нас.

Мой сон…

— Хорошо, пусть так, но даже в этом случае остаются сомнения насчет того, насколько серьезна угроза. Флот в тридцати световых годах и, по всей вероятности, ползет со скоростью светового года в столетие. Если даже они настроены враждебно, у нас тысячи лет на подготовку.

— Не весь Флот. Кое-какие его элементы могут лететь быстрее.

— Ну ладно, не тысячи лет, а столетия. Технологически высокоразвитые цивилизации строились за меньшее время.

Равна посмотрела на девушку широко распах-

нутыми глазами:

— Они *отстраивались* за меньшее время. А у нас его, вероятнее всего, просто нет. Как знать, а вдруг Флот строит маленькие прямоточные двигатели? А если Зоны опять сдвинутся… — Она прикусила язык и, коротко вздохнув, продолжала не так громко: — Дело в том, что все сделанное нами здесь, вся ваша учеба в Академии преследует цель подготовиться к их прибытию. Как можно скорее. При этом неизбежны определенные жертвы.

— Это, как я думаю, и есть предмет споров Группы Изучения Катастрофы, — сказал маленький мальчик — Амди — вокруг них. — Они отрицают опасность, которую Погибель, по твоим словам, представляет для людей и Когтей. Более того, они утверждают, что если опасность и существует, то породила ее Контрмера.

Повисла гробовая тишина, и даже фоновая музыка стаи у барной стойки стала тише. Равна, надо полагать, последней догадалась, как ужасны на самом деле идущие тут разговоры.

— Амди, это невозможно, — сказала она мягко.

По мордам стаи прокатилось выражение щенячьего упрямства. Каждый элемент Амди был уже четырнадцати местных лет от роду: взрослый

зверь, но разумом он оставался младше любой известной Равне стаи. При всем своем уме Амди был по-детски своенравен, хотя и тихоня. По ту сторону стола Джефри успокаивающе гладил между ушей одного элемента стаи.

— Разумеется, он не то хотел сказать, Равна, он в это не верит, но тем не менее говорит тебе чистую правду. ГИКи основывают свои пересуды на том, что мы в точности не знаем, как все было в Высокой Лаборатории и как родители ухитрились нас вытащить. Исходя из того, что нам известно, действительно можно предположить, что добро и зло поменялись ролями. В таком случае десятилетней давности действия Контрмеры представляются преступлением галактических масштабов — и нет уже никаких монстров, готовых свалиться нам на головы.

— А *ты* в это веришь?

Джефри возмущенно замахал руками:

— О нет, да нет же! Я просто пересказываю то, что слышал от многих — и что тебе в основном, э-э, стесняются сказать. И, упреждая следующий твой вопрос, нет, не думаю, что кто-нибудь из нас, здесь присутствующих, в это верит. Но среди ребят есть целая…

— Особенно среди старших, — вставил Эйвин.

— ...группа тех, кому такое истолкование кажется привлекательным. — Джефри хмуро посмотрел на нее, о чем-то задумавшись. — И оно привлекательно! Это снимает с наших родителей ответственность за создание чудовищной Погибели, или как ее там. Наши родители больше не выглядят дураками. Дополнительную ценность такому объяснению придает тот факт, что жертвы, какие мы сейчас вынуждены приносить, становятся бессмысленными.

Равна ответила, прилагая изрядные усилия, чтобы голос не дрожал:

— Какие именно жертвы? Обучение низкоуровневому программированию? Или ручному счету?

— Дело просто в том, что мы вынуждены подчиняться чужим приказам! — воскликнула Хейда.

Ребята, надо полагать, ни сном ни духом не ведали о способах достижения консенсуса, принятых в дотехническую эпоху. Равна постаралась упростить их натаскивание, и кое-где учебные программы зияли пробелами. Она полагала, что доверие, стремление к общим целям и взаимопонимание помогут перебросить мостки через пропасть к тем временам, когда у них будет больше людей и более совершенная техника.

— Да, частично это объясняется стремлением к власти, — согласился Эйвин, — но в большей степени — кое для кого — проблемами с медициной. — Он прямо взглянул на Равну. — Годы идут. Ты правишь нами, и ты так же молода, как была. Ты выглядишь не старше, чем Йоханна сейчас.

— Эйвин, мне тридцать пять!

По страумлианскому календарю, совпадавшему со стандартным, один год равнялся тридцати мегасекундам[4].

— Неудивительно, что я молодо выгляжу; на Сьяндре Кей я бы считалась очень молодой сотрудницей.

— Да. А пройдет тысяча лет, и ты останешься так же молода, хотя все мы — даже старшие Дети — уже будем мертвы. У нас несколько сот лет, не больше. Кое-кто из нас уже старится, у них выпадают волосы, как после радиационного облучения. Кто-то набирает вес. Самые молодые из нас не получили почти никаких гериатрических средств. А наши дети сгорят, как мотыльки в пламени, за много десятилетий до нас самих.

Равне вспомнилась ранняя седина Венды

---

[4] Примечания: 4

Этот год на пять процентов короче земного. Следовательно, по современным меркам Равна немного старше, ей тридцать шесть с небольшим.

Ларсндот. *Но это не значит, что я ошибаюсь!*

— Эйвин, послушай. Мы постепенно получим в свое распоряжение все медицинские технологии. Не только бессмысленно, но и попросту невозможно гнать лошадей и стремиться только лишь к продлению жизни. Я регулярно сверяюсь с графиками продвижения по пути к высокотехнологической цивилизации, представляемыми «Внеполосным-II». Эффективная медицина требует внимания к миллиону деталей. Мы не в состоянии сейчас загодя определить, какое средство нужно ребенку, не повредит ли оно ему. Поспешное стимулирование медицинских исследований перекосит всю программу и заведет нас в тупик. Это будет еще хуже промедления. У нас еще по меньшей мере двадцать совершенно исправных гибернаторов, и я надеюсь, что мы вскоре наладим снабжение их запчастями. Если понадобится, мы заморозим тех, кто достигнет критически опасного возраста. Никто не умрет.

— Я понимаю, ваше высочество, — воздел ладонь Эйвин Верринг. — Думаю, все здесь — даже непривычно тихие Винтозуб, Бэнки и Кошколов — внимали вашим словам.

В стенных альковах недовольно заворчали. Владелец бара, успевший разбрестись по комна-

те, возразил сразу отовсюду:

— Это между вами, двуногими.

— Вы просто неправильно умираете! — крикнула Хейда, но настаивать не стала.

Эйвин улыбнулся и сделал Хейде знак, чтобы та притихла.

— Тем не менее вы привлекаете пристальное внимание Группы Изучения Катастрофы. Они отказываются считать наших родителей болванами и глупцами, которых обвели вокруг пальца; они отказываются идти на самопожертвование. Мы, беженцы, не можем в действительности знать, что там случилось и кто повинен в том, что мы упали Вниз. Экстремисты — я не думаю, что среди нас такие есть, но, вы же понимаете, о них всегда упоминают на всякий случай — могут сказать, что если мы не считаем своих родителей виновными в провале проекта, то нет никакого резона мнить Погибель чудовищем. И что все приготовления, все жертвы могут фактически обернуться к… большему злу, чем Погибель.

Йоханна с силой постучала себя пальцем по виску:

— Эйвин, у них с мозгами все в порядке?

— Наверное, потому-то они и не стали выступать в открытую, Йо.

Равна безмолвно слушала их. «Что я могу им ответить? Я и так уже опоздала». Но и молчать не могла.

— Знайте, что, когда Отрицатели утверждают, будто мы не знаем точно, как все было, — это ложь. *Я* знаю. Я была на Маршрутизаторе, я работала там в Организации Вриними. Погибель творила зло целых полгода до отлета «Внеполосного-II». Она распространяла свое влияние из Высокой Лаборатории начиная с первых часов после нашего побега. Она захватила Вершину Запределья. Я об этом читала в новостных группах. У меня был доступ к сводкам со всей организации, я проследила ход катастрофы во всех деталях. Погибель сеяла опустошение на своем пути. Эта тварь поглотила Страумлианский Простор. Она разрушила Маршрутизатор. Она гналась за нами с Фамом и наездниками до самого Низа, и эхо ее пробуждения уничтожило Сьяндру Кей, а с ней большую часть людей в Запределье. — Она втолковывала им это снова и снова, снова и снова. — Средство против Погибели еще не было применено, когда мы прибыли сюда. Фам совместно с Контрмерой натворили страшных дел — ужасней даже, чем мы могли подумать. Контрмера заперла нас в Медленной Зоне, но тем

самым остановила Погибель и оставила нам шанс на спасение. Таковы факты. Нечего тут отрицать. Не о чем тут спорить. Я была там и все видела.

Все Дети за столом — все ее повзрослевшие Дети — почтительно кивали.

Глава 06

У Равны было предостаточно времени обдумать последствия ужасного сюрприза, преподнесенного ей в «Знаке богомола». Точнее говоря, она и думать ни о чем ином не могла. Все сказанное или сделанное ею некогда представало в совершенно другом свете — глазами Отрицателей Погибели.

В самом начале все Дети жили в Новозамке на Холме Звездолета, всего в сотне метров от Академии. Малыши там и остались, опекаемые старшими родственниками или стаями, известными как Лучшие Друзья. Другие подросли, начинали искать себе спутников жизни, так что им оказалось удобнее переселиться на Тайный Остров или в поселок немного к югу от Нового Замка.

Равна же продолжала жить на борту звездолета «Внеполосный-II». Тридцать килотонн неспособной к полету рухляди. Но звездная технология осталась здесь. Кое-кто счел бы ее чудачкой, свихнувшейся на уединении, опьяненной величием, какое даровала ей власть над всем этим миром. «Все не так, но мне нужно здесь присутствовать!»

На «Внеполосном-II» сохранилась небольшая библиотека, а Равна по профессии была именно библиотекарем.

Стереотипные представления о библиотекарях, хотя и встречались повсеместно, варьировались от расы к расе. У большинства птицеподобных рас, а хоть бы и у человека в его изначальном мире, на Старой Земле, библиотекари делились на две группы — отшельников и собирателей. Стереотип такого разделения происходил от прочно укоренившегося взгляда на библиотекарей как на проводников прогресса, своего рода обучающие биологические инструменты. По мере возвышения и падения цивилизаций Медленной Зоны библиотекари обрели совершенно иной статус: наравне с археологами они стали героями каждого следующего возрождения той или иной цивилизации на руинах ее предшественницы. Именно *так* Равна Бергсндот представляла себе библиотекарей по зачитанным до корки в детстве сказкам, нежась в уюте и безопасности высокотехнологической цивилизации Сьяндры Кей.

Разумеется, в Запределье вообще и на Сьяндре Кей в частности профессия библиотекаря была лишена такого романтического оттенка. Запределье, где скорость света не была пределом,

вмещало миллиарды свободно диффундирующих друг сквозь друга цивилизаций. Местные катаклизмы, даже гибель одной-двух звездных систем, никогда не влекли за собой Темные Века. В Запределье термин *библиотекарь* обозначал управленца, менеджера проектов, специалиста по системной логике архивов и библиотек. На Маршрутизаторе Равна прошла тренировочную программу, включавшую в себя знакомство с архивами миллиардолетнего возраста с информацией от миллиона рас по миллиону наслоившихся друг на друга протоколов, совместимых в лучшем случае наполовину. Даже там Равна в основном выполняла функции вринимийского специалиста по связям с человечеством. На десять тысяч световых лет кругом не было ни одного представителя ее вида, и Равна мало-помалу примерила на себя один из более ранних стереотипов — застенчивой маленькой библиотекарши. Роль эта ее вполне устраивала, пока на сцену не вырвались Фам Нювен и Погибель, подчинившая себе Запределье.

Теперь же, проведя десять лет в Изгнании, Равна поневоле переключилась в классический режим Библиотекаря-Героя, да вдобавок масштаб ее деятельности намного превзошел все примеры

прошлого. На Маршрутизаторе архив «Внеполосного-II» можно было бы сравнить в лучшем случае с корявым наброском ручкой на салфетке, но емкость его в миллион раз превосходила все доступные прежним цивилизационным реконструкторам источники, ведь «Внеполосный-II» был придонным тральщиком и его построили с расчетом на длительное пребывание в случайной ловушке Медленной Зоны, где скорость света была универсальным пределом скорости распространения информации, а любое путешествие грозило обернуться многовековым одиночным скитанием.

Крохотный корабельный архив вмещал рецепты технологических достижений мириадов рас Медленной Зоны вместе с образцами их планировочного программного обеспечения. Равна на Вершине Запределья работала с программами, после которых корабельные выглядели набором детских игрушек. И все же под чутким, терпеливым руководством специалиста уровня Равны Бергсндот игрушки эти могли принести неоценимую пользу.

У земного человечества ушло четыре тысячи лет на то, чтобы от выплавки железа перейти к полетам в межзвездном пространстве. Боль-

шей частью продвижение это имело хаотичных характер, но в катастрофах и войнах, последовавших затем, люди повели себя так же, как и прочие расы. Не раз и не два они вбомбили себя в Средневековье, иногда в каменный век, иногда — к счастью, лишь в нескольких мирах — в небытие. Но — по крайней мере там, где человечество вообще выжило, — обратный путь к технологии отличался от первоначального восхождения. Как только археопрограммисты раскапывали нужные библиотеки, стремительно — за пару столетий — развертывалось Возрождение. Располагая таким сокровищем, как архив «Внеполосного-II», Равна надеялась сократить этот срок до столетия. «Да что там, до трех десятилетий, если неудачи обойдут меня стороной!»

Тем вечером в «Знаке богомола» неудача показала зубки — выяснилось, что она все время подстерегала Равну. «Как я могла все проглядеть?» Этот вопрос теперь мучил Равну постоянно. Дети расспрашивали ее обо всем. Не раз она — вместе с Когтями — пересказывала им историю Битвы на Холме Звездолета и победы в ней. Они устраивали Детям экскурсии на Луга Смерти, чтобы те своими глазами увидали землю, на которой Стальной Владыка истребил половину Детей. Но

о другой половине истории битвы — о том, как Фам остановил Погибель и чем за это расплатился, — Дети могли узнать только от Равны. А как много вопросов касалось именно этой части и всего, что происходило с их родителями на пути к катастрофе! Дети пришли из мира, где у них были семьи и друзья, в мир, где их окружали Когти и имелся единственный взрослый. Им оставалось полагаться на ее рассказы о случившемся. «Равна, ты идиотка, если вообразила, что им этого будет достаточно».

А теперь сомнения Детей обрели воплощение. Теперь они соорудили нечто, именуемое Группой Изучения Катастрофы.

В первые же часы после встречи в «Знаке богомола» она спешно переговорила с Йоханной и Джефри (и, естественно, Амди). Этих ребят Равна первых встретила Внизу. Десять лет назад им довелось пережить вместе ужасные два часа. С тех пор у них с Равной сложились особые отношения — даже когда Джефри вступил в пору отрочества и, как могло показаться, съехал с катушек. Йоханна просто взбесилась, узнав о ГИКах, но еще больше ее разгневал Джефри, не удосужившийся ей сообщить о вздорных выдумках Группы. Джефри не остался в долгу.

— Хочешь начать охоту на ведьм, Йо? Хочешь сжечь заживо всех, кто хотя бы отчасти верит ГИКам? Тебе придется пожертвовать почти всеми, знаешь ли. — Он сделал паузу и покосился на Равну. — Я не имел в виду себя, Равна. Мы знаем, что вы с Фамом хотели только добра.

Равна кивнула, стараясь держать себя в руках:

— Знаю. Я вижу, что некоторые сомнения естественны. — «Да уж, задним умом ты просто гений». — Жаль, что я раньше обо всем не узнала.

Йоханна помотала головой:

— Это я виновата. Я слышала, что ГИКи воду мутят, но мы с Невилом полагали эти слухи настолько смехотворными, что решили пустить все на самотек, — пускай рассосется. Не рассосалось. — Она метнула взгляд на Джефри. Они сидели на капитанском мостике «Внеполосного-II» — в лучшем местечке для очень спешных и очень частных переговоров. Амди не показывался, рассредоточившись за и между скудной мебелью. — Вы с Амди знали, что ГИКи породили эту мерзость. Я уверена в этом.

Джефри вскипел было, но тут же успокоился и кивнул. Равна с опозданием поняла, что ему стыдно. У Джефри были непростые отношения с

сестрой, часто выливавшиеся в бессмысленные пикировки. Их родители, однако, больше остальных ученых Высокой Лаборатории заслуживали звания героев. Они свернули горы, чтобы доставить Детей в относительно безопасное укрытие. И когда Джефри заговорил снова, его голос смягчился.

— Да. Но, как и сказал Эйвин, самые гнусные утверждения всегда доставались им из третьих рук… а такие идиоты, как Ганнон Ёркенруд, просто любят потрепаться.

Йоханна покачала головой:

— Зачем тебе якшаться с этим лузером?

— Эй, поосторожнее. Мы с Ганноном дружили в Лаборатории, разве не помнишь? Я с ним болтаю о штуках, в которых даже учителя не секут. Может, здесь он и лузер. Но…

Выражение гнева на лице Йоханны сменилось тревогой.

— Джеф, он перегнул палку. ГИКи представляют серьезную опасность.

Джефри пожал плечами:

— Я не берусь утверждать это, Йо. Последнее слышанное тобой утверждение просто всплыло словно из ниоткуда — его разнесла сперва пара человек из экспедиции Мэри, затем я услышал

его снова, вернувшись сюда. Даже если это заговор, — надавив на таких людей, как Ганнон Ёркенруд, ты просто выставишь Исполнительный Совет деспотами, а Ганнона — мучеником. Он получит преимущество.

Равна кивнула:

— А теперь, Джефри, учти, что обвинения Ганнона могут иметь под собой определенные законные основания, их-то я, кстати сказать, и собиралась учесть. Если же это придумала клика Детей, которым мало их нынешнего положения и хочется больше власти, как ты поступишь? Тебе легко все разузнать. Все ведь знают, что ты…

Джефри метнул взгляд на Йоханну и усмехнулся. Его улыбка всегда очаровывала.

— Не стесняйся, договаривай, — сказал он. — Все знают, что я сорвиголова. Я им и остаюсь… временами. Так проявляется мой бродяжнический дух.

— Как бы там ни было, — ответила Равна, — люди, кажется, тебе доверяют. Если ты благосклонно отнесешься к этим опасным сплетням, а за ними окажется заговор Отрицателей, тебе несложно будет ответить на приглашение в нем участвовать.

— Ты хочешь сказать, что я должен разведать, кто из моих приятелей за этим стоит, и сдать их

тебе? — Джефри говорил бесстрастно и не выглядел особенно довольным. К счастью, Йоханна вовремя решила смолчать, оставив сестринские увещевания. Наконец молодой человек кивнул. — Да. Я сделаю это. Если заговор существует — чему я не верю, — я найду и разоблачу его предводителей.

Равна перевела дыхание, только сейчас сообразив, что задержала его.

— Спасибо, Джефри.

С таким парнем, как Джефри Ольсндот, она непобедима.

Йоханна улыбнулась, — казалось, девушке тоже немного полегчало. Она зашепталась о чем-то с братом, но потом спохватилась и замолчала, оглядывая стол.

— Эй, Амди, вылезай. Ты все слышал? Есть проблемы?

Молчание. Ни одной морды на виду.

С Амди всегда были проблемы. Иногда он посреди важного разговора отвлекался на решение засевшей в головах математической задачки и словно бы засыпал с открытыми глазами, полный мечтаний превзойти славой Архимеда и Накамуру. В последние годы, однако, часто оказывалось, что он и в самом деле спит.

— Амди?

— Да здесь я, здесь. — Голос маленького мальчика донесся примерно от ковра. Он показался Равне грустным или сонным. — Джефри и я по-прежнему одна команда.

Разговор Равны с Йо, Джефом и Амди был только первым в череде личных встреч. Поскольку Странника в городе не было, следующий визит Равна нанесла Древорезчице.

Разделившая с Равной трон стая правила большей частью Северо-Запада уже больше трех веков. Ни один из индивидуальных элементов, разумеется, не достигал такого возраста, но королева очень щепетильно относилась к соблюдению преемственности сознания и сохраняла память о временах, когда еще была простой художницей на побережье. Империя Древорезчицы и выросла из этого искусства — умения строить, лепить, вырезать. Древорезчица представляла собой классический образчик средневекового правителя. Она отличалась недюжинным (а временами — изобретательно-кровожадным) умом и пользовалась таким авторитетом, что Равне с беженцами поистине повезло попасть под ее покровительство.

Королевы разделили Холм Звездолета: Равна

жила в своем корабле «Внеполосный-II», а Древорезчица — в Новом Замке, под куполом Детского модуля.

Поднимаясь к воротам замка, Равна в который раз поразилась удивительной символической точности баланса сил, достигнутого ими с Древорезчицей и воплощенного в конструкции замкового комплекса. Равна обладала технологиями, но жила ниже по склону холма. Выше располагалась — и разделяла их — Академия для Людей и их Стай (а может быть, для Стай и их Людей), куда мог поступить каждый, чтобы приобщиться к знаниям, которых требовало от них будущее. На самой вершине в своем Новом Замке обитала Древорезчица. Глубоко под куполом замка были погребены жалкие остатки технологии, свалившейся на эту планету вместе с Детьми. Там находились гибернаторы и уцелевшая автоматика Детской. Там умер Фам Нювен: это место отмечали потеки кремнистой плесени, некогда бывшие Контрмерой.

Сегодня Равна пошла через коридоры верхнего уровня, залитые светом из дюжин узких высоких окон, но колыбели холодного сна, плесень и кошмар, как наяву, всплыли из ее памяти.

Древорезчица приняла свою соправительницу

в Тронном Зале. Вначале Новый Замок представлял собой ловушку, расставленную Стальным на Фама и Равну. Древорезчица несколько расширила его и обставила по-королевски, сделав центром замка высокий ярусный Тронный Зал. В дни торжественных приемов тут легко поместились бы все Дети и некоторые стаи.

Сегодня Зал был пуст, за исключением одного человека и одной стаи. Когда стражники затворили дверь, Равна стала спускаться по длинной ковровой дорожке к тронам и алтарю. Из теней по ту сторону вынырнула Древорезчица и пошла рядом с женщиной.

Равна кивнула стае: королевы всегда придерживались неформальной манеры общения.

— Кажется, твой агент — владелец бара — уже рассказал о милой неожиданности, явленной мне в «Знаке богомола».

Древорезчица хихикнула. За проведенные рядом с людьми годы она испробовала множество голосов и манер поведения, изучая реакцию инопланетян. Самношк ее был безукоризнен, — даже глядя в упор на странную семерку, составлявшую королеву, Равна не могла отделаться от ощущения, что говорит с представителем своего же вида.

— Владелец бара? — переспросила Древорезчица. — Винтозуб-то? Он был — и остается — мальчиком на побегушках у Шкуродера. Мой агент сидел в одном из альковов. Он рассказал мне обо всем, не исключая и речей Ганнона Ёркенруда, которых ты не застала.

«А я бы и не подумала на Винтозуба». Стаи, выбирая себе людские имена, предпочитали замысловатые и диковинные слова. Миньоны бывшего Шкуродера в этом особенно отличились.

Соправительница махнула Равне лапой, указывая на кресло. Когда не было запланированных приемов, Древорезчица относилась к залу как к собственной берлоге. Вокруг алтаря и за ним как попало были расставлены устланные меховыми шкурами скамьи, раскиданы одеяла, от которых ощутимо пахло Когтями, валялись кубки для напитков и полуобглоданные кости. Древорезчица наделила алтарь практической значимостью: это был один из крайне немногочисленных в королевстве каналов прямой радиосвязи с «Внеполосным-II».

Равна плюхнулась в кресло, которое выглядело наиболее приспособленным к человеческой анатомии.

— Древорезчица, как мы умудрились пропустить нечто столь важное? Группа Изучения Катастрофы действует у нас прямо под носом.

Древорезчица расселась вокруг алтаря, приблизив к Равне несколько элементов, и по стае прокатилось волнообразное движение, имитировавшее пожатие плечами у людей.

— Это ваши дела, инопланетники.

— Мы всегда знали, что относительно опасности, исходящей от Флота Погибели, бытуют сомнения, — сказала Равна. — Но я понятия не имела, как глубоко они увязаны с нашей аховой ситуацией в человеческом здравоохранении. И я не догадывалась, что Дети могут усомниться в преподанной им трактовке катастрофы, зашвырнувшей нас сюда.

Древорезчица помолчала, словно бы стесняясь чего-то. Равна обвела стаю взглядом:

— Ты хочешь сказать, что знала?!

Королева махнула хвостами:

— Кое о чем. Да ведь и Йоханна знала.

— Да! Я поверить не могу, что ты не вынесла это на обсуждение в Совете!

Древорезчица заворчала:

— Я слышала сплетни, что ходили в округе. Хороший правитель слушает чаще, чем действу-

ет. Если шпионов ты использовать не можешь, пойди к Детям и поговори с ними начистоту. Чем дольше ты будешь оставаться на корабле, аки равнодушная земным чаяниям волшебница в горней выси, тем чаще станешь сталкиваться с подобными неприятными сюрпризами.

Равна подавила желание укрыть лицо ладонями и расплакаться. «Да какой из меня правитель?»

— Древорезчица, послушай. Я и вправду очень обеспокоена случившимся, так что оставим разговоры о сюрпризах. Оставим в стороне то малоприятное обстоятельство, что мои же Дети, кажется, повернулись против меня. Ты не считаешь организованное распускание подобных слухов угрозой?

Королева сгорбилась — человек на ее месте задумчиво нахмурился бы.

— Прости, Равна, но я полагала, что тебе уже доводилось через это проходить. Я получала отчеты от Лучших Друзей. Эйвин Верринг и его приятели не лгали тебе. Все это лишь слухи, умноженные молвой. Я не думаю, что у Отрицателей имеется организационная структура, скрепленная твердой верой в этот вздор. Хотя, хмм, нельзя исключать, что такая структура зародилась среди

людей, которые Когтей не очень-то жалуют.

— Эм, да. — Такая возможность оставалась. — Ты слышала об этой Группе Изучения Катастрофы?

— Пока Ганнон не разгавкался? Нет.

— Они позволяют себе из ряда вон выходящие заявления. Что Погибель не несет нам зла. Что Фам был злодеем. Мне кажется, это что-то новенькое.

Древорезчица помолчала.

— Да, хотя ослабленные версии этих сплетен бытовали. — И добавила, словно бы защищаясь: — Среди Когтей их распространение почти невозможно отследить, особенно при межстайном сексе. Возникают промежуточные личности, а у тех — мысли и идеи, о которых в обычном состоянии речи идти не могло. Мне не на кого указать.

Услышав это откровение, Равна не сдержалась и фыркнула:

— Люди тоже кое о чем сплетничают, но у Когтей это совсем по-другому.

— Думаешь, мы имеем дело с заговором?

Равна кивнула:

— Боюсь, что да. В этом мире ты считаешься правителем-новатором, но упоминание о повсе-

местно засланных шпионах, э-э…

— По стандартам цивилизованных стран моя шпионская сеть зияет прорехами, — хмыкнула Древорезчица и повернула нос к радиоалтарю — ее частной линии к архиву звездолета. Зимой она пользовалась лапным приводом, чтобы батарея не села, а летом заряжала ее от солнца, проникавшего в Зал через высокие окна. Так или иначе, Древорезчица практически не отходила от своего радио, жадно изучая все подряд материалы библиотеки. И она была не единственной стаей, в чьем владении находились шпионские приспособления. Равна постаралась сформулировать следующую фразу как можно более обтекаемо:

— В этом случае любая информация может быть полезна. Допустимо ли проконсультироваться с Тиратект-Шкуро…

— Нет! — зашипела Древорезчица, клацнув челюстями. Она не прекращала подозревать Шкуродера в подготовке переворота. — Немного остыв, королева добавила: — Все, что нам требуется, — это пара дюжин беспроводных камер наблюдения. Камеры и сеть — основа повсеместного надзора. — Голос ее звучал так, словно она цитирует какой-то очень древний текст. — Но поскольку камер у нас нет, я вынуждена исполь-

зовать шпионов.

Равна покачала головой:

— У нас всего-то дюжина камер, и те на ладан дышат. — Разумеется, большая часть аппаратуры «Внеполосного-II» могла функционировать в режиме систем видеонаблюдения. К сожалению, основной функциональностью при этом пришлось бы пожертвовать. Дюжина камер, которую Равна кое-как приспособила под эти нужды, не отличалась особенно высоким качеством.

По мордам Древорезчицы прокатилось раздраженное выражение.

— Настанет день — и мы внедрим цифровую электронику. Тогда все изменится, Древорезчица.

— Да, настанет день. — Стая издала свист. У королевы было три камеры, но жертвовать ими она, по всей видимости, не испытывала желания. — Ты знаешь, что мой прославленный советник по науке и тот еле обходится девятью камерами? — Щепетильник прилагал все усилия, чтобы создать эффективную сеть, хотя распределенных вычислительных мощностей ему отчаянно не хватало. Он приспособился перебрасывать данные со своей лаборатории прямо в секцию логического анализа и стратегического

планирования «Внеполосного-II», чем добился десятикратного прироста скорости расчетов. Каждый раз, когда им удавалось прибегнуть к энергоисточникам или логике корабля, трудности исчезали как по волшебству. Лабораторная сеть Щепетильника была главным предметом их гордости за последние несколько лет.

— Ладно, — сдалась Равна, — я позаимствую часть камер с испытательного стенда Щепетильника всего на пару десятидневок. Мне действительно нужно понять, стоят ли за Отрицателями более серьезные силы и планируют ли они заговор.

— Хорошо, давай посмотрим, какие камеры я могу выделить. — Три элемента королевы заняли насесты вокруг алтаря и что-то забормотали — ни на межстайном, ни на самношке: Древорезчица настроила стандартный интерфейс «Внеполосного-II» так, чтобы визуальные элементы управления заменить звуковыми. Стае с трансформированным интерфейсом работать было почти так же удобно, как Равне — с ее «тиарой», хрупким наголовным дисплеем, который Бергсндот носила почти не снимая. Звездолет ответил серией кодированных щелчков и писков! Древорезчица внимательно слушала. — Ох уж этот

Щепетильник! «Внеполосный-II» сообщает, что мой дражайший советник по науке зашел в своих исследованиях гораздо дальше предполагаемого. Ты знаешь, что такое массоэнергетический конвертер?

— Нет, но это звучит как-то подозрительно.

— Так оно и есть. — Древорезчица опять ушла в себя, вероятно роясь в определениях из корабельной библиотеки. — Если процесс не контролируется, конвертер превращается в то, что здесь названо конверсионным потоком. Эта штука разрушила не одну цивилизацию, но, к счастью, такое устройство очень трудно создать, не выяснив, насколько это опасно. — Она запросила еще несколько статей. — Ой как хорошо! Это последняя десятидневка проекта: Щепетильник его прикрыл, опасаясь, как бы чего не вышло. Теперь он сосредоточился на исследованиях в области материаловедения, которыми первоначально и предполагал заняться. — Древорезчица помолчала и фыркнула совсем по-человечески. — Щепетильник поднимет бунт, если мы заберем у него эти камеры. Забавно будет за этим понаблюдать.

Советник по науке был одним из многочисленных отпрысков Древорезчицы. Обычно

оказывалось, что эксперименты эти представляют угрозу для нее самой…

Равна постаралась изобразить коварство:

— Я ручаюсь, что мы все сможем сохранить в тайне. Две или три камеры можно официально объявить сломавшимися. — Лишь немногие местные жители понимали, что́ из инопланетной техники устойчиво, а что́ может испортиться. За эти годы Равна расколошматила все свои наголовные дисплеи, кроме одного, но камеры, не содержавшие особо высокотехнологичной начинки, пережили бы, вероятно, даже падение с двадцатиметровой высоты. — Но надо проследить, чтобы Щепетильник не разнюхал.

— Мне это нравится! — Древорезчица оскалила зубы в ухмылке и лапой одного элемента потрепала Равну по голове с высокого насеста. Потом отдала несколько команд звездолету. — Хорошо, возьми три камеры. Мы потом подумаем, где и как их лучше всего использовать.

— Это надо сделать быстро. Уже прошел слух, что я обо всем узнала. Если за этим кто-то стоит, разве не логично им будет выступить прямо сейчас, чтобы выбить нас из равновесия?

— Вот-вот.

На трех камерах систему видеонаблюдения не

построишь, как бы хитроумно их ни размещать, и Равна отважилась поинтересоваться остальными.

— А что насчет тех трех, какими ты пользуешься, чтобы следить за Шкуродером? Сейчас наибольшую опасность несут *люди*.

— Нет, эти не трогай. Если заговор действительно существует, я готова побиться об заклад, что за ним стоит не кто-то из твоих сосунков, а наш местный мастер конспирации. Хитроумнее Шкуродера в этом мире никого нет.

Старый Шкуродер тоже был отпрыском Древорезчицы. Ее самой опасной — чтоб не сказать самой злокозненной — попыткой вывести гениальную стаю.

— Но мы же его переделали. Твоих потомков там осталось только двое.

Древорезчица громко втянула носами воздух.

— Ну и что? Старикан самолично выбирал трех остальных.

— Прошло десять лет.

— Вернемся к делу. Три камеры я спрятала в Старом Замке, это давало мне повод… э-э, *доверять* — слишком громко сказано… терпеть его.

Равна улыбнулась:

— Ты все время подозреваешь, что он об этом

знает.

— Да, я так думаю. И ты его всегда подозревай, Равна, чтобы не попасть впросак. Возможно, если я пошлю в замок больше своих слуг, мы сумеем временно вывести оттуда камеры. Я и так хотела усилить охрану. В любом случае Шкуродер возглавляет наш список подозреваемых. Не хотела бы я тратить ресурсы на менее вероятных кандидатов в заговорщики.

— Прекрасно. — Исходный Шкуродер был мерзавцем, сочетавшим в себе худшие качества исторических деятелей человечества и Когтей. Равна была бы так же параноидально к нему настроена, как и Древорезчица, если б не располагала собственным источником информации. Этим секретом, в числе очень немногих, она ни с кем не делилась, даже с Йоханной, и, чтобы выклянчить у соправительницы еще три камеры, раскрывать тайну смысла не было. Один элемент Древорезчицы спрыгнул прямо на спинку кресла Равны и положил лапу ей на плечо.

— Ты разочарована?

— Прости. Да, немножко. Мы выкроили три камеры, но целей явно больше.

— Я намерена усилить надзор за Шкуродером.

Равна не могла возразить, не раскрыв собствен-

ных информаторов.

— Помимо камер, Равна, я отзываю агентов из-за границы. Этого хватит, чтобы докопаться до самого донышка.

Древорезчица действительно пыталась ей помочь. Она лучше остальных стай, кроме, может быть, Щепетильника, понимала, что движет Равной.

Женщина потянулась погладить ближнего элемента. Это был Шт — во всяком случае, примерно так звучало его имя для людского уха. Имена индивидуальных элементов обычно не имели смысла даже в языке Когтей, оставаясь не более чем ярлычками для заводчика. Маленькому Шту было от роду едва несколько десятидневок — необходимое дополнение к слитной стае, призванное соблюсти баланс юности и опыта. Щенок был так мал, что его сеть сенсорного восприятия едва интегрировалась с остальной стаей Древорезчицы. Равна знала только, что он не происходит ни от самой королевы, ни от Странника. У Когтей со щенками всегда были трудности, особенно если стая не слишком предохранялась, но Древорезчица лучше многих управлялась с единством своей души — гораздо лучше, чем ее отпрыски. Душевное равновесие ей удавалось

поддерживать уже лет шестьсот, и Равне было не о чем тревожиться. Она потрепала маленькое создание по головке и немного расслабилась. Если оно и переменит темперамент королевы, то наверняка сдвиги эти окажутся вполне в русле тщательно распланированной Древорезчицей в прошлом личностной эволюции.

Глава 07

Щепетильник был вне себя.

— Это возмутительно! — Шестерка тесно сгрудилась, а два ее элемента влезли по спинам остальных так, чтобы оказаться на одном уровне с Равной и взглянуть ей в лицо. — Их похитили. Это предательство, и я ни перед чем не остановлюсь, чтобы найти виновников!

Равна несколько минут как прибыла в северные рудники и, глядя с края разреза на уходящие далеко вниз стены карьера, решила было, что тут все тихо. Никаких подрывов, никакого шума. Даже огней не видать. Самое время поговорить по душам с королевским советником по науке.

Спускаясь по открытой всем ветрам лестнице, высеченной в скале, она приветственно махала людям, помогавшим Щепетильнику в работе. Те поднимали руки в ответ: значит, Щепетильник в неплохом настроении? Не успев спуститься и до половины лестницы, Равна услышала сердитый лай советника. Когда же она достигла прохода в лабораторию, два элемента Щепетильника уже мчались ей навстречу так, что избежать встречи

на невыгодных для Равны условиях было невозможно.

Сейчас они сидели в кабинете Щепетильника, и стая пребывала просто в бешенстве. Равна еще никогда не видела его таким разъяренным. Да и не случалось еще, чтобы какая-то стая лезла ей прямо в лицо. Равна поднялась и отступила к распахнутой двери, подняв руки в попытке закрыться от клацающих челюстей.

— Щепетильник, это временно, ты скоро получишь камеры назад. — По крайней мере, Равна надеялась на это. Если камеры останутся недоступны Щепетильнику достаточно долго, это затормозит продвижение ее собственной исследовательской программы.

Во всяком случае, Щепетильник ее не укусил, как можно было опасаться. Но, к сожалению, стая продолжала крутиться вокруг Равны и на самношке отвечать отказывалась. Длинные раскатистые аккорды, издаваемые Щепетильником, явно были отборными проклятиями. Внезапно старший элемент Щепетильника, с белой полосой на голове, остановился и нерешительно взглянул на Равну. Спустя еще полсекунды растерянное молчание охватило всю стаю — это выглядело даже комично.

— Камеры?

Щепетильник понизил голос на пару децибел.

— Ты имела в виду три видеокамеры, которые, по официальной версии, испортились? Те, что забрали у меня гвардейцы Древорезчицы?

— Д-да.

К счастью, мир за пределами кабинета Щепетильника не слишком много извлек бы из этого обмена репликами. Горячечная тирада стаи не выдала бы посторонним государственных секретов.

Щепетильник спустил два элемента со спин остальной четверки и еще немного покрутился вокруг женщины, внимательно рассматривая ее. Щепетильник бывал просто невыносим, но нельзя было отрицать, что инженер он гениальный. По крайней мере, до тех пор, пока ему указывали правильную цель исследований и пока он не становился слишком завистлив к успехам остальных. Если Щепетильника использовали правильно, во всем Домене не сыскалось бы более ценной стаи.

— Честное слово, Щепетильник. — Равна тоже понизила голос. — Это очень срочно. Мы тебе их возвратим как можно скорее. Я понимаю, как они важны. Понимаю так же хорошо, как ты.

Советник по науке продолжал отплясывать свой сердитый танец, но отвечал уже спокойнее:

— В этом я не сомневался. Только поэтому я согласился с конфискацией камер и взял на себя обязательство всем рассказывать легенду об их ремонте. — Челюсти еще поклацали, но в этот раз Щепетильник не целил ими в горло Равны. — Но я боюсь, что мы друг друга не поняли. Видеокамеры изъяты законно, по приказу ваших высочеств, и я даже могу согласиться с обоснованием этого приказа. Но получается, что вы с Древорезчицей не имеете отношения к пропаже радиоплащей?

— Что?! Нет!

Старые радиоплащи для системы видеонаблюдения оказались практически бесполезны, а носить их было опасно.

— Щепетильник, это вообще не входило в наши планы…

— Значит, я прав. Это заговор.

— Как они могли исчезнуть? Ты же держишь их у себя под замками, так ведь?

— Я их оттуда вытащил после того, как агенты королевы забрали у меня камеры. Я предполагал использовать плащи в качестве замены… вообще-то, я не уверен, что выжил бы, если бы рискнул их надеть. Но можно же было одевать

их только на краткие промежутки времени, и не всеми элементами сразу, и… — Щепетильник стряхнул с себя ребяческое смущение. — Ладно, не обращай внимания. Суть в том, что плащи лежали на опытном заводе, готовые к использованию. Я все еще был вне себя после визита агентов, да и без них утро выдалось скверное. И… — Щепетильник на миг сдвинул головы вместе — сосредоточился, что-то вспоминая. — Да. Ты знаешь, как устроен завод.

Длинные ряды простых деревянных скамей. Сотни лотков, каждый содержал реагенты в определенных соотношениях, продиктованных планом эксперимента. План составил «Внеполосный-II», сравнив наличествующие у Когтей ресурсы с методиками из архива. В некоторых помещениях часами не появлялись ни люди, ни Когти — корабль сам извещал их по беспроводной связи, когда следует навестить определенную комнату и записать результаты. Помощников Щепетильнику вечно не хватало: они бегали по всему заводу, кое-какие эксперименты останавливали и переделывали, некоторые отменяли вовсе, другие лотки перетаскивали в поле прямого обзора камер «Внеполосного-II».

— Я был там один. И захватил с собой радио-

плащи — мне так понравилась эта идея. — Щепетильник вздернул морды. — Да! Как раз тогда приперлись эти клоуны из дурдома для тропических.

— И что, они ворвались на завод во время эксперимента?

— Э, нет. Такое иногда случается, но мы сейчас как следует охраняем территорию. Не знаю… Я их вышвырнул. Дал им какие-то побрякушки вроде проводных телефонов… Короче, потом мне пришлось уйти и поболтать с их так называемым послом. — Шерсть на хребтах Щепетильника вздыбилась. — И я готов поклясться, что это они! Я отсутствовал почти пятнадцать минут. Жаль, что нам приходится любезничать с этим чувако́м. Неужели мы обязаны так с ними сюсюкать? Ладно-ладно — я уже знаю твой ответ. Но сегодня их приперлось больше обычного, и орали они значительно громче. — Часть Щепетильника возбужденно бегала по комнате и излучала поток сознания. — Да. Они заморочили головы моим сотрудникам, а один из них прокрался внутрь и спер плащи. Вот черт! Черт, черт, черт! Госпожа, идемте! Тревога!

Пока остальные элементы выбегали на улицу, Белоголовый только поднимался. Стая скатилась

по лестнице черного хода, разразившись тревожными аккордами. Равна не сразу поладила с некоторыми стаями, и Щепетильник был среди них; но Белоголовый страдал артритом, а Щепетильник еще не совсем обезумел от ярости, и стая не бросила своего на произвол судьбы.

Стая перешла на самношк:

— Держи тропических! Держи тропических!

Стража уже опускала ворота. Равна и Щепетильник промчались по карьеру. Щепетильник фонтанировал нечленораздельными обрывками слов самношка. Парой элементов он пытался переводить, путаясь в межстайных проклятиях и брани на самношке:

— Держите подонков! Я только сейчас сообразил, что это проклятые тропические дебилы! Я так переживал из-за камер, и вот… Я думал, что вы с Древорезчицей опять обвели меня вокруг носа.

— Мы их взяли! — раздалось от ворот.

Людям и стаям в карьере не разрешалось носить оружие, но они встали кольцом вокруг… кого-то. Щепетильник лавировал в потоках мыслеречи. Равна подбежала ближе. Посол Хора Дар Божий и его спутники еще не успели покинуть карьер. Они задержались, исследуя наиболее

впечатляющую часть лабораторного комплекса, где прикидочные эксперименты и модельное планирование наконец давали начало чудесам технологии.

Между толпой и предположительными ворами оставалось пустое пространство. Дар Божий и его Когти теснились вокруг летательного аппарата Щепетильника — «Вышних глаз». Антиграва на нем не было, его заменяла конструкция даже более странная (с точки зрения Равны): корзина для пассажиров от воздушного шара с пропеллером.

Щепетильник завертелся волчком перед толпой, что-то отрывисто лая на языке Когтей. Равна без корабельного переводчика его не понимала, но ей показалось, что Щепетильник просит всех заткнуться и мыслить потише. В холодном сухом воздухе — как сегодня — мыслекрики разносились на десятки метров, а когда каждая стая еще и лаяла вслух, все совершенно запутывалось. Равна сделала было несколько шагов к тропическим, потом остановилась, колеблясь. Когти выглядели замерзшими и перепуганными, глаза их вылезали из орбит. Они стояли, тесно сгрудившись, прижавшись к поручням корзины команды воздушного шара. Самозваный посол представлял собой единственную более-менее

оформленную стаю, и у него на лапах блестели острые клинки. Может, эти парни и умственно неполноценные, но, проведя столько времени на севере, они всякого поднахватались у местных.

Щепетильник кричал половиной элементов на самношке, половиной — на языке Когтей. На самношке получалось примерно следующее:

— Все видят, что эти уроды собирались сделать?

Частью себя он оглядывал воздушное судно. До Равны только сейчас дошло, что тропические Когти и в самом деле чуть не улетели!

Вперед вышел пятнадцатилетний мальчишка, Дель Ронсндот:

— Я… я просто показывал им устройство кабины «Вышних глаз». Я думал, что это можно.

— Дель, все в порядке, — ответила Равна. Такие экскурсии разрешались.

— Это они тебя попросили показать им шар? — уточнил Щепетильник.

— Да. Все гости любят его смотреть. Когда мы наберемся опыта, может, будем их катать на нем. — Его взгляд метнулся к тропическим. Казалось, мальчишка сообразил, что у гостей могли быть свои планы.

— Они просили тебя пустить кого-нибудь из

них на борт?

От пары тропических пошел возмущенный гул, сменившийся человеческой речью:

— Уважаемый Щепетильник, если вы подозреваете кого-либо из наших в правонарушении, вам следует обратиться напрямую ко мне.

Посол вышел вперед. Он называл себя Даром Божьим и сегодня основательно поднабрался элементов. Некоторые из них находились в столице со дня учреждения посольства, правда, в целом текучка в стае была значительной. Порой казалось, что Дар Божий — не более чем клуб по интересам для синглетов-позеров. Стая носила куртки не по размеру, хотя некоторые из предметов его одежды были подобраны не без элегантности. Трудно было удержаться от смеха, глядя на их буффонаду. Но сейчас во взглядах посла было что-то угрожающее. «Не обманывайся внешностью, Равна. Помнишь бабочек?» Она повидала достаточно иномирцев, чтобы не судить о них по первому впечатлению.

Щепетильник не осторожничал: гнев его еще не улегся. Он выслал вперед свою двойку и бесцеремонно влез в личное пространство посла:

— Хватит разводить политесы, господин посол. Что вы сделали с моими радиоплащами?

Двойка щелкала челюстями, зыркая на Дара Божьего. Хотя две стаи разделяло еще около трех метров, поза эта соответствовала бы у людей стойке драчунов, один из которых тычет пальцем прямо в грудь другому.

Дар Божий хладнокровно ответил:

— О, я слышал о пропаже плащей. Надо полагать, они сами найдутся?

Он показал мордой на Холм Звездолета.

— После впечатляющего представления, устроенного вами на последнем Весеннем Закате, я не видел ваших бесценных плащей. — Он несколько растянулся. — Ах, как чудесны ваши праздники, северяне. Для нас весна — время дождя…

— Заткнись! — Щепетильник повернул морду одного элемента к своим порученцам, людям и Когтям. — Позовите солдат с длинными пиками. Мы допросим воров.

Тропические порывисто выдвинулись к Щепетильнику, на их лапах засверкала сталь. Они бы проиграли в этой схватке, но двум элементам Щепетильника, которых он выдвинул вперед, точно бы перерезали глотки. Равна спешно вышла в круг и подняла руки жестом, который у большинства стай вызывал скорее опасения.

— Погодите! — закричала она во все горло. — Не

нужно никакого допроса. Мы уважаем дипломатический иммунитет посольства. В противном случае мы бы уже выкинули вас прочь из Домена, и вы это знаете.

Щепетильник оттянул назад своих элементов и что-то проворчал. Посол Хора тоже отступил, явно с тем, чтобы мысли не путались. Он что-то коротко пролаял, и остальные тропические немного расслабились. Дар Божий склонил головы к Равне.

— Как грубо, но, осмелюсь я сказать, отрезвляюще. Благодарю, ваше высочество. Сегодня я прибыл сюда в надежде на счастливый и плодотворный день. Но доволен уж и тем, что удалось предотвратить кровавую баню.

— Это мы еще посмотрим, — огрызнулся Щепетильник.

Равна опустила руки и присела на корточки. Глаза ее теперь были на уровне морд Дара Божьего.

— Наши радиоплащи, господин посол, исчезли не более часа назад. Так что… вы до сих пор заинтересованы в поддержании дипломатических отношений с Доменом? Тогда прикажите своим соплеменникам присоединиться к поискам. — Она махнула рукой на стоявшую позади посла

толпу, вооруженную чем попало.

Посол покрутил мордами, словно бы защищаясь:

— Вероятно, вопрос следовало бы переформулировать таким образом: насколько ценна для Домена торговля с тропиками?

В прошлом торговля эта носила почти исключительно теневой характер, поддерживаемая главным образом регулярными кораблекрушениями. Посольство Хора в столице Домена возникло как приют для синглетов, выброшенных на берег после одного такого кораблекрушения. Анекдот, а не посольство. Теперь же эта шутка зажила собственной жизнью и обрела определенное влияние в южных землях.

Равна скрестила руки на груди и пытливо оглядела посла. Беззвучный взгляд в упор оказывал на стаи довольно сильное впечатление. Так и с послом: без видимой причины он задрожал.

— Ну хорошо. В общем-то, нам нечего скрывать.

Равна позволила себе долго сдерживаемый вздох облегчения. Не то чтобы она подозревала посла в воровстве, но раскрыть кражу надо было по горячим следам. Рядом стояли двадцать с небольшим людей, возвышаясь над всеми стая-

ми, а за ними…

— О, Невил? Ты когда подоспел?

Жених Йоханны протолкался вперед, сопровождаемый парой друзей:

— Только что. Я спускался с вершины карьера и увидел оттуда, что все как с ума посходили. — Невил остановился рядом с Равной. Он тяжело дышал, как после бега. — Я слышал только остаток спора. Вы хотите, чтобы этих тропических обыскали?

Щепетильник энергично закивал:

— Да. И сделайте это сами, потому что только вы можете подойти к нашим нервным посетителям, не переполошив их. — Он саркастически махнул хвостами в сторону тропических, но уже без такого гнева, как раньше. — Я был уверен, что это они, — добавил он извиняющимся тоном, сделав вид, что бормочет это себе под носы.

Невил присел на корточки следом за Равной, чтобы поговорить наедине. Стаи умели говорить вполголоса в точно рассчитанном направлении, но к людям это не относилось. Равна подвинулась к молодому человеку.

— Дар Божий согласился с такой легкостью, — заметил Невил. — Вы уверены, что здесь вся его компашка?

Щепетильник настороженно осмотрелся, вздернул морду и пересчитал тропических.

— Их трудно сосчитать. Еще раз… Во имя божьего Хора! Невил, ты думаешь, что они отцепили стаю?

Равна тоже посмотрела на посетителей. Тропические всегда выглядели странными — окрас их тел, клочковатая шерсть, аляповатая одежда всегда сбивали с толку. Теперь они уже не жались к воздушному судну, а разбились, образовав подобие слитных стай. В основном четверок. Если они захватили с собой дополнительные элементы, то могли с легкостью перетасовать души и отпустить вовне новую стаю. Такая игра давалась тропическим без труда, но стаи Домена всегда заводила в тупик и нервировала. Взгляды Щепетильника метались от людей к тропическим беженцам.

— Не знаю, сколько их сюда пришло, но… глянька на их шкуры. Тебе не кажется, что у тех двух на самом краю стайки окрас не совпадает? Но это же тропические, они извращенцы, каких поискать.

Дар Божий явно слышал каждое слово, — во всяком случае, он не замедлил запротестовать:

— Обращаю внимание вашего высочества, что мы согласились на обыск, но оскорблений не

потерпим!

— Еще минуточку, господин посол. — Равна придвинулась к Невилу и Щепетильнику. — Я не знаю, что делать, Щепетильник. Эта окраска мне говорит еще меньше, чем тебе. — «Как бы я хотела видеть здесь Странника. По крайней мере, он бывал в тропиках и знает тамошние обычаи».

Невил обернулся и сделал одному из своих приятелей знак подойти. Потом шепотом ответил:

— Вообще-то, Били видел кое-что странное, пока мы спускались вдоль стены карьера.

Били Ингва подбежал к ним, опустился на колени и кивнул:

— Да. Какая-то пятерка крутилась вокруг подъемников. Как только я попытался присмотреться внимательнее, они порскнули к воздушному шару. Самое странное, что мне кажется, будто у них были в шерсти синие полоски, как у этих, но их выщипали.

Щепетильник торжествующе ухнул:

— Я так и знал! — Он расслабился, приподнялся с земли. Еще мгновение — и во все стороны полетят приказы.

Невил тоже встал и посмотрел на Равну:

— Ваше высочество?

Равна сообразила, что и впрямь пора воспользо-

ваться статусом одной из королев. Она положила руку на голову Щепетильникова элемента:

— Предоставьте это мне, господин научный советник.

Она поднялась с корточек и повернулась к неуверенно мнущейся с лап на лапы толпе.

— Эй! Тише! Пожалуйста, тише! — По крайней мере, в аудитории это зачастую срабатывало. И, о чудо, здесь это обращение тоже привлекло всеобщее внимание. — Мы собираемся произвести тщательный обыск, на который господин посол Хора дал любезное согласие. Щепетильник тоже примет участие в дознании, но мне нужны добровольцы из числа людей. — Кого бы позвать? Она вдруг исполнилась новой благодарности Невилу. Он прирожденный лидер, и у него хорошие отношения со всеми ребятами. — Невил Сторхерт пускай присмотрит за всем. — Она негромко спросила у него: — Йоханна здесь?

— Извините, она сегодня в глубине страны.

— Хорошо, тогда начнем.

Невил кивнул и начал собирать команду. Равна посмотрела на Дара Божьего:

— Мы вскоре оставим вас в покое, господин посол.

— О, это превосходно, — ощерился предводи-

тель тропических, всем своим обликом давая понять, что нисколько не обеспокоен.

Щепетильник пустился в разочарованный хоровод. Его шипящие аккорды сменились шепотом на самношке:

— Все напрасно! Мне нужен телефон. Поднять тревогу по всему острову, связаться с «Внеполосным-II».

«Да, и обзор с воздуха тебе подавай…» Равна подняла голову и осмотрела летательный аппарат, в тени которого разыгрывалась вся эта сцена.

— А что, на «Вышних глазах» можно летать? — Равна наставила палец на корзину. — И что, на борту есть радио?

— Что? Нет, радио нет, но мотор заведен… гррм, гррм! Да! — Он что-то энергично заворчал своим элементам, мешая межстайные аккорды и самношк. В разных направлениях он говорил с разной громкостью, и Равне удалось разобрать не более нескольких фраз:

— Позвоните Древорезчице!

— Невил, отойди от «Вышних глаз»! У меня найдется им лучшее применение!

И шепот только для ее ушей:

— Корабль полностью готов к полету, и мне было бы очень интересно выяснить, знает ли об

этом наш дежурный по дурдому.

Он побежал к плетеной корзине, два его помощника уже карабкались туда с другой стороны, остальные открывали газовые клапаны, успевая спорить со Щепетильником о деталях. Люди Невила и тропические отбежали метров на двадцать. Подозреваемые стягивали штаны и куртки. Оказалось, что даже в местах облысения их шкура покрыта замысловатыми узорами. Некоторые беженцы с интересом наблюдали за отлетом «Вышних глаз», но обыск их не очень беспокоил.

Один из помощников Щепетильника сбегал в лабораторию и вернулся с переносным радио. Ближний элемент Щепетильника ухватил ящик и передал его остальным по цепочке. Потом встревоженно огляделся, как если бы вспомнил о чем-то критически важном:

— Эх, если бы Йоханна была здесь, мы бы лучше сладили вместе. — То есть вместе с человеком. — Эй, Невил! — пролаял Щепетильник.

Равна поставила ногу на трап:

— Все в порядке. Я вполне подхожу для этой миссии.

Это по большей части было так. Она много раз сопровождала Щепетильника в ответственных

заданиях. Кроме того, ей не хотелось оставаться здесь и смущать Невила своим присутствием. Сторхерт обернулся, и на миг Равне показалось, что он воспротивится ее решению. Мальчик — нет, молодой человек, он всего на восемь лет младше ее… Он всегда особо напирал на неоценимый вклад Равны в стратегическое планирование высшего уровня. Но сейчас Невил вроде бы сообразил, что ему уже дали поручение, а дорог каждый миг. Поколебавшись, он помахал ей рукой:

— Доброй охоты!

Она тоже помахала ему и следом за элементами Щепетильника залезла в тесную корзину.

Щепетильник для разнообразия не пререкался, а, свесив морды через борт, отдавал последние команды своим подчиненным на земле. Когда Равна перелезала через носовую скамью, корзина, как и положено, накренилась. Равна еще не успела толком устроиться внутри, когда на земле перерезали веревки и шар понес их в небеса.

Это напоминало полет на антиграве, но курс дирижабль держал ровнее, чем флайер Странника. Земля стремительно уносилась вниз, и, глядя через край корзины, Равна увидела финальную часть обыска. У тропических не было способа

утаить украденные радиоплащи.

Щепетильник запустил пропеллер и повернул румпель. Они пролетали над темными прудами, отмечавшими старые копи и укрывавшими лабораторные водородные баки. Спокойная гладь отражала возносившиеся к небу стены карьера. Если бы Равна наклонилась чуть дальше, наверняка увидела бы и свое отражение.

…Но не сейчас. Равна одернула себя, пристегнула ремни безопасности и понемногу переползла на противоположный край корзины. Там в водонепроницаемой оплетке хранились ящики НЗ, которые легко было открыть руками, клыками или лапами. Она порылась в них. Гелиограф (радио могло оказаться недостаточно), карты, два бинокля. Ей вдруг подумалось, что прежде остальных следовало исключить довольно неожиданную возможность. Она опустила бинокль и пошла в носовую часть судна.

— Ваше высочество? — повернул к ней морды Щепетильник. Она выглянула наружу и увидела, что шар уже вылетел за край карьера. — Не могли бы вы взять на себя управление? Мне удобнее с биноклями. — Потом он заметил, что Равна пытается сорвать оплетку балласта. — Ваше высочество, но бинокли… Что вы делаете?

— Мне пришло в голову, что они могли спрятать плащи в балласте.

— Грр! — Стая мгновение размышляла, прикидывая, каковы их шансы потерпеть катастрофу. — Хорошо, я проверю балласт нижнего и среднего ярусов.

Щепетильник отправил туда поочередно по паре элементов, осторожно перераспределяя управление между оставшимися. Остальные рылись в баках с водой, расставленных вдоль борта. Основной штурвал остался без присмотра, и пропеллер замедлился так, что стали видны три лопасти. «Вышние глаза» понемногу меняли курс в почти безветренном вечернем небе, нацелившись от внешних островов к северному каналу и Холму Звездолета. Они уже набрали порядочную высоту, и Равна видела купол Нового Замка.

— Там ничего нет, кроме воды, — доложил Щепетильник, возвращаясь к управлению.

— И здесь то же самое.

— Ну что же, мы потеряли какое-то время. — Он повернул горизонтальный и вертикальный штурвалы одновременно. Корма «Вышних глаз» словно подпрыгнула, и суденышко пошло под углом к земле, держа курс на причал — к одному из островков на северной окраине города.

— Ты не мог бы описать круг по северной окраине, а я пока погляжу?

— Да.

В таком тихом воздухе полет не представлял особой сложности. Из ее кресла можно было регулировать механизмы сзади (двумя рычагами для челюстей) и спереди (двумя педалями для ног). Вместе они предоставляли контроль над штурвалами и пропеллером. Конечно, система была не так проста в управлении, как интерфейс «наведи-и-щелкни», но Равна долго практиковалась. Щепетильник выставил вперед оба бинокля. Они были снабжены специальными заслонками и могли поворачиваться, подстраиваясь под любую часть морды элемента. На середине высоты каждого цилиндра имелся рычаг, выполнявший примерно те же функции, какие Когти привыкли возлагать на плечевой ремень куртки. За считаные секунды Щепетильник настроил бинокли под пару своих элементов, а еще двое остались всматриваться в окружающее пространство.

— Так, так, немного севернее… А! На причале почти пусто, там только моя баржа.

Причал на северной окраине города был отведен в основном под проекты летательных аппаратов Щепетильника. Он мечтал создать

настоящий самолет, и в рисунке балок и перекрытий будущего корпуса, вздымавшихся с опытно-конструкторской баржи, четко просматривались признаки сверхструктуры «Вышних глаз-II». Спустя полгода или даже быстрее «Вышние глаза-II» будут построены. Окончательная длина корпуса предполагалась равной двумстам метрам. Этого хватило бы, чтобы перевезти через весь материк дюжину стай.

Хотя бинокли, строго говоря, представляли собой телескопы, элементы Щепетильника лихо управлялись с ними, сканируя взглядами пирс и ангары для лодок. Остальная стая разлеглась на дне корзины и словно заснула. Скорее всего, они были сильно заняты — координировали потоки данных от органов зрения двух элементов так, чтобы получалась согласованная картинка. Щепетильник что-то бормотал себе под носы: аккорды для Равны ничего не значили.

— А! Вон там по набережной тянется цепочка мокрых следов. Видите пролом в ограде? Какая-то стая недавно пробралась там, позаимствовав одну из рыбацких лодок, оставленных на приколе. Теперь мы хотя бы знаем, где искать!

Двое с биноклями замерли. Остальные кинулись сбрасывать балласт.

— Быстрее вверх, ваше высочество! — Щепетильник сбросил немного воды.

Так или иначе они поднимались, Равна уже направляла их через внешние протоки на северо-запад. Каналов тут было очень много, кое-где островки поросли лесом и по большей части оставались незаселенными. Если вор там, ему, скорее всего, не составит труда уйти от погони.

Щепетильник поглядел на заводные часы, которые держал прицепленными к куртке Белоголового:

— Единственное место, где мог скрыться вор, плывя в этом направлении, — Водораздел. Держите курс туда. — Он снова приник к биноклям, изучая водную гладь вплоть до дальних островов, которые укрывала мгла. — Гм. Несколько обломков торчат из воды, ничего похожего на вора.

Они пролетели еще немного. Пропеллер развивал скорость примерно пять метров в секунду. В плетеной корзине было темно и холодно, но, по крайней мере, воздушный поток гондола рассекала исправно благодаря луковицеобразной форме.

Равна повернула вниз штурвалы и занялась радио, которое захватил с собой на борт Щепетильник. Эти странные штуковины были полностью

пересозданы кораблем. Разумеется, процессоров там не было — аналоговые устройства, без разбора вещавшие на весь радиодиапазон. Ну и ладно: «Внеполосный-II» отслеживает все электромагнитные явления в окружающем пространстве.

— Корабль, ты меня видишь? — спросила Равна в микрофон.

— Равна, я тебя вижу, — отозвался приятный мужской голос, чем-то напоминавший голос Фама. Но за этим голосом не было человеческого разума. Автоматика «Внеполосного-II» была великолепна по стандартам Медленной Зоны: о лучших вычислительных мощностях они и мечтать не могли. Равна понемногу притерпелась к интерфейсу и даже могла при необходимости работать без тиары.

Она описала проблему в терминах, доступных восприятию звездолета.

— Отследи источники радиоизлучения в окрестностях.

— Отслеживаю, — ответил «Внеполосный-II».

— Какие передачи ты наблюдаешь в радиусе… гм… четырех километров?

— Я наблюдаю значительное число…

— Исключи лаборатории на северном причале.

— Одну. Наши текущие переговоры.

— Ты принимаешь радиопередачи с Водораздельного Острова?

— Спектр энергии, излучаемой в радиодиапазоне с Водораздельного Острова, соответствует обычному рассеянию.

— Ладно, — сказала Равна. — Тогда доложи обо всех искусственных источниках радиоизлучения в пределах, э-э… — Вот теперь бы ей и вправду пригодился более удобный интерфейс. Равна заставила себя изъясняться коротко и ясно. — На расстоянии десяти тысяч метров от северной оконечности Тайного Острова.

— Выполняю. Готово. Желаешь получить полный отчет в режиме реального времени?

Равна мгновение размышляла.

— Нет. Доложи об аномалиях и перенаправленных передачах. — В этой части Домена могли присутствовать и несколько законных радиоисточников, составлявших часть кое-как развернутой «Внеполосным-II» базовой системы перенаправления.

— Очень хорошо, — ответил «Внеполосный-II». — В данный момент я не наблюдаю ничего необычного.

— Ваше высочество, не могли бы вы доверить мне радиоинтерфейс? — Щепетильник

управлялся с голосовым интерфейсом не хуже Древорезчицы.

— Нет, продолжай наблюдать за происходящим внизу.

Щепетильник рассыпался по корзине. Они долетели до места, где граничившая с Водоразделом береговая линия понижалась, и в биноклях показались высокие вечнозеленые деревья.

— Там ничего нет, ни следов на песке, ни чего-то еще. Это единственное место, куда вор успел бы удрать. Он либо прячется на Тайном Острове, либо направляется по внутренним протокам на материк. Мы его так никогда не схватим! Здесь мы бесполезны.

В этом был весь Щепетильник — он то впадал в полнейшее отчаяние, то хватался за самый слабый луч надежды. Равна, однако, искренне увлеклась поисками. Исходя из данных «Внеполосного-II» и наблюдений с «Вышних глаз», вырисовывались несколько возможностей. Она переговорила с кораблем. «Внеполосный-II» доложил, что в пятистах метрах наверху и в нескольких сотнях к югу наблюдается воздушное течение, устремленное в сторону материка. С дирижабля опять скинули балласт. Равна повернула штурвалы и разогнала пропеллер

до максимальных оборотов, какие только мог обепечить маленький электрический мотор. Суденышко пошло вверх под углом. Равна рулила, следуя указаниям корабля; было не слишком приятно осознавать, что она превратилась, по сути, во вспомогательный механизм тупой корабельной автоматики, но об этом она старалась не задумываться.

Поднявшись по незримой лесенке, они развернулись на сто восемьдесят градусов. Щепетильник, смотревший во всех направлениях, сконцентрировал внимание на крупной внутренней протоке между материком и Тайным Островом. Каждые несколько секунд он подавал новые реплики насчет обследованного участка.

— Все еще никаких признаков… Ух ты, как вы завернули! Госпожа, ваш маневр достоин самой Йоханны! — (Звездолет докладывал, что скорость «Вышних глаз» выросла почти до двадцати метров в секунду.) — Я вижу все побережье! Помяните мои слова, мы схватим этого воришку!

Они поймали течение. Скорость перестала расти, но вот под ними промелькнула лаборатория на северной окраине, и шар устремился по внутренней протоке. «Внеполосный-II» не обнаружил новых источников радиоизлучения. «Ну да, нам

бы очень повезло, если бы вор отважился надеть радиоплащи». У Когтей эти устройства вызывали почтение, сравнимое с религиозным. Любая стая, рискнувшая их надеть, почти наверняка закончит свои дни с выжженными мозгами, но если повезет — возвысится до бога! Как и Стая Стай, она способна будет разбежаться по миру на многие километры, не разрывая связи элементов! Кто-нибудь достаточно самонадеянный мог бы пойти на такой риск — например, Дар Божий, но к его прислужникам это вряд ли относится.

Равна смотрела на прибрежные скалы, обступившие Холм Звездолета, подобно могучим плечам. Если вор каким-то образом выбрался на побережье, он наверняка укрывается где-нибудь в вечнозеленых лесах. «Внеполосный-II» сообщал, что уже через несколько часов начнется летний ливень. Под его прикрытием вор наверняка успеет провернуть любую запланированную тропическими встречу. Равна еще некоторое время бездумно глядела, как трепещет наколотая на иголки вечнозеленых крон, понемногу жухнущая весенняя листва. Редко где была видна открытая земля. А территория за скалами прямому наблюдению с «Внеполосного-II» была недоступна. Но даже если так… Равна опять вызвала звездолет.

Щепетильник тем временем всеми элементами приник к биноклям и не заметил, что́ именно Равна сказала кораблю. Отняв от телескопа одну морду, он возбужденно заворчал:

— Там к берегу спускаются солдаты Древорезчицы! Мы должны сообщить им о пропаже! Мы уже обследовали Северное побережье! Ваше высочество, пожалуйста, переадресуйте им вызов! — Тут королевский советник по науке заметил, что Равна ни с кем не говорит. — Ну ва-а-аше высочество!

— Щепетильник, погоди минутку. Возможно, нам удастся обнаружить плащи даже в выключенном состоянии.

— Но нам надо позвонить Древорезчице!

Внезапно все, даже элементы с биноклями, прекратили высматривать вора с высоты и все как один уставились на нее.

— Ух ты! Вы это почувствовали, ваше высочество? Как слабый электрошок, но он прошел через всех моих элементов одновременно.

Равна ничего не почувствовала, но у нее ведь не было шести покрытых густой шерстью тел. Впрочем, объяснение у нее уже было заготовлено:

— «Внеполосный-II» только что высветил нас очень мощным импульсом. Даже если плащи

выключены и спрятаны, он обязательно зафиксирует отраженное от них эхо.

— А! — Одна черта Щепетильника ей очень нравилась: умные сюрпризы он просто обожал. — В таком случае позвольте мне стать вашим личным приемником радиоимпульсов, ваше высочество.

Равна усмехнулась стае и снова связалась со звездолетом.

— За исключением уже известных радиоисточников, эхолокацией устройств не обнаружено, — ответил «Внеполосный-II».

Щепетильник собрал себя в кучу с обеих сторон корзины и невооруженным взглядом обозрел окружающее пространство.

— Я бы советовал чаще прибегать к таким импульсам. Несомненно, тропические и не подозревают о вашем хитроумном приеме, ваше высочество. Рано или поздно вор переместится в зону, доступную сенсорам «Внеполосного-II».

Равна составила программу локации для «Внеполосного-II», сверилась с ветровой обстановкой и передала наблюдения Щепетильника Древорезчице. Они полетели на юг, поднявшись еще на сотню метров. Почти поравнялись с длинной линией телефонных столбов, отмечавшей Королевскую Дорогу.

«Вышние глаза» потеряли след вора, но все еще основательно опережали солдат, отправленных Древорезчицей на поиски. Всего в нескольких сотнях метров слева, параллельно телефонным столбам, выстроились «деревенские домики» старших Детей и богатых Когтей. Это было едва ли не самым весомым достижением Равны в деле сближения рас за последние десять лет, и она, по правде сказать, не знала, смеяться над этим или плакать. Домики были большие, на половину высоты обшитые деревом, достаточно вместительные для супружеской пары с ребенком или несколькими детьми, а также для одной или двух стай. «Внеполосный-II» обеспечивал здесь центральное отопление: для этого низкоэнергетический луч лазерной пушки направляли на водяные котельные, стоявшие рядом с каждым домиком. Поэтому здесь было тепло круглый год, а из уличного водопровода поступала как холодная, так и горячая вода. Этим «Внеполосный-II» в значительной мере покрывал расходы на поставку сырья. Дети второго поколения тут себя чувствовали как в раю. Что до их родителей, то им коттеджный городок представлялся первой ступенью на долгом подъеме из чистилища.

— Я чувствую еще один импульс, — весело про-

изнес Щепетильник.

Равна опять вызвала корабль — никаких новостей.

— Мы почти у Скальной Гавани, Щепетильник. Я думаю, что вор сюда бы уже не успел добраться.

Как ни крути, протоки между Тайным Островом и материком были намного оживленнее грязных вод северной окраины. Шансы обнаружить здесь подозрительную лодку были невелики.

— Да, я думаю, что нам время разворачиваться и… — Щепетильник снова посмотрел в телескопы, перенацелив их на верхушки холмов. — Нет, еще нет! Возможно, тропические сами себя перехитрили. Что-то странное творится в их дурдоме. Нельзя ли тихо подлететь туда?

Посольство располагалось к югу от поселка Детей — окруженное оградой скопище полуразвалившихся бараков лепилось на краю Хмурой Долины.

— Я проверю.

Она быстро переговорила с «Внеполосным-II» и обернулась к Щепетильнику.

— В этом направлении у самой земли дует южный бриз.

Она запустила пропеллер еще на тридцать

секунд — достаточно, чтобы переместить их в поток, который донесет шар до самого посольства. От вересковой поросли дирижабль отделяло лишь несколько десятков метров. Равна выключила мотор, и аэростат поплыл по воле ветра, в полной тишине.

— Как тебе это?

Не отрываясь от наблюдения, Щепетильник ответил:

— Превосходно! Ублюдки чем-то крайне взбудоражены. Они сгрудились в северо-западном углу выгона.

— И чем они там заняты? Опять возятся с санями? — Прошлой зимой выпало очень много снега, тропические пришли в восторг, увидев большие сани, и захотели себе такие же. Работой и попрошайничеством они добились своего, заполучив несколько штук, но тут пришла весенняя слякоть.

— Нет! — торжествующе выпалил Щепетильник. — Они у забора, рядом с телефонной линией. Интересно, как близко мы сможем подлететь, прежде чем они нас заметят?

Равна огляделась. Свет невысокого северного солнца едва достигал шара.

— Мы летим от солнца.

На самом деле она не видела тени суденышка на земле перед ними, но заметила яркое пятно — искорку света, пронзившую вересковую поросль недалеко от посольства тропических. Туда и должна была упасть их тень. Круглое пятно почти уперлось в край долины. Она спустила из оболочки дирижабля немного водорода. «Вышние глаза» нырнули к земле, и светлое пятно переместилось на огороженную территорию.

— Замечательно, госпожа! Вы сможете удерживать нас против солнца всю дорогу?

— Думаю, да. — Отраженное пятно опять выплыло за границу поселка тропических. Равна еще немного спустила водород. Ничего себе! Все равно что полетный симулятор. Ее поразило, что мир с такой легкостью позволяет собой управлять.

Они летели уже на высоте пяти сотен метров и продолжали снижение. Равна уже должна была приподняться со своего сиденья, желая взглянуть на землю под корзиной. Там четко обрисовалась тень «Вышних глаз», окруженная светящимся ореолом. Она стравила еще немного газа, следя, чтобы тень не упала на скопление тропических.

Толпа была уже совсем рядом. Когти сгрудились на обочине Королевской Дороги, как раз

в том месте, где она проходила ближе всего от посольства. Равна прикинула, что вместе с экскурсантами на опытном заводе тут собрались бы почти все беженцы, хотя точное число их определению поддавалось с трудом: когда обломки корабля наконец удалось кое-как подлатать и спустить на воду, часть тропических вернулась на юг. Остальные за истекшие годы после побега из Фрагментария постепенно прибились сюда.

Равна видела лохмотья, которые тропические носили вместо курток и штанов, отчетливо различала оттенки шерсти на головах и возле средних ушей. Здесь могли бы поместиться двадцать слитных стай, если их загнать за этот забор. Какую бы оргию они закатили!

До них оставалось уже меньше двухсот метров, но Когти были настолько чем-то увлечены, что никто из них и не думал замечать «Вышние глаза». Равна опять стравила газ, уводя тень от стай. Щепетильнику уже не нужны были бинокли, он свесил пять морд за край корзины и во все глаза смотрел вниз.

— Тсс, — прошипел Белоголовый, повернувшись к Равне, — я их слышу!

Прошло несколько секунд, и Равна услышала их тоже. В повисшей над посольством тишине,

куда подкрадывались «Вышние глаза», стали явственно различимы звуки: шипящее ворчание полнейшего удовлетворения. Аккорды стайной речи оставались непонятны Равне — даже если стаи говорили предельно четко, женщина очень плохо разбирала их язык.

Щепетильника это препятствие, разумеется, не сковывало. Белоголовый элемент повернулся к Равне, почти прижавшись к ней носом. Так он мог еще точнее направлять шепот с помощью переднего уха.

— Вы слышите, о чем они болтают? Эти сукины дети уже пронюхали о краже! Мы можем быть уверены, что это они в ней замешаны. Никто из тех, в лаборатории, не мог вернуться сюда так быстро!

«Вышние глаза» зависли над самым посольством, и скрываться нужды уже не было. Равна покинула место пилота и тоже перегнулась над краем корзины: выстроившись в башню, тропические все равно не смогли бы сдернуть ее вниз. Прямо под ними, на расстоянии не больше сорока метров, собралась толпа тропических Когтей! И они были чем-то крайне возбуждены. Внезапно в толпе образовалась промоина, и Равна со Щепетильником увидели, что на земле перед Когтями

стоит телефонный аппарат, соединявшийся тонким проводом с ближайшим телефонным щитком.

— Ой!.. — вырвалось у Щепетильника.

Ну что ж, по крайней мере, это объясняло волнение тропических и выбор ими места сборища у самой дороги. Равна приказала себе запомнить, что половины ответа с этими трюкачами всегда оказывается недостаточно.

Только тогда толпа наконец заметила «Вышние глаза». Одна за другой головы тропических повернулись к дирижаблю, а потом Когти порскнули во все стороны, подняв оглушительный гам. Равна в жизни бы не поверила, что такой звук способно издать тело размером не больше собачьего.

Щепетильник в долгу не остался. Равна скорчилась на дне корзины и заткнула уши пальцами. Несколько секунд соревнующиеся стаи увеличивали громкость воплей. Неужели тропические пробегают прямо под корзиной? Она не осмеливалась высунуться и посмотреть на источник невыносимого галдежа.

«Вышние глаза» вылетели за край Хмурой Долины и набрали высоту. Равна увидела, как тропические бегут вниз по склону, не забывая оборачиваться и огрызаться. Люди в такой ситуа-

ции грозят друг другу кулаками.

— Безмозглые трепачи! — завопил Щепетильник. — Теперь они только и будут трындеть про то, как мы оскорбили их посла. Будто у них есть какое-то право устраивать врезку в наши телефонные линии! Это заговор! Заговор! Заговор!

Он сорвался на нечленораздельный вой, заглушив наконец убегающих врагов. Равна сбросила еще немного балласта и включила пропеллер, послав «Вышние глаза» в долгое восхождение по небесной лесенке и на север от внутренней протоки. О Силы, диапазон, в котором Щепетильник и тропические учинили концерт под открытым небом, поистине поразителен, а еще удивительнее, на каком огромном расстоянии они способны облаивать друг друга.

Глава 08

Бежали дни, а происшествие на фабрике оставалось нераскрытым. Плащи как в воду канули. Обыск спутников посла в лабораториях Щепетильника ни к чему не привел; отчаявшись, сотрудники подняли всех по тревоге и обшарили все доступные ворам гавани на Ближних Островах и Северном побережье. Безрезультатно. Равна диву давалась, как ловко Дар Божий отвел от посольства обвинение. Стая не всегда проявляла подобные чудеса изобретательности: за последние восемь лет существо, которое для удобства называли послом, перемешивало и перекраивало себя бессчетное число раз. Теперь оно ухитрилось представить следователям вполне правдоподобное обоснование врезки, устроенной тропическими на телефонной линии. По словам Дара Божьего, тропические ожидали, что посол свяжется с ними, позвонив в ближайший дом на территории Домена. Когда хозяин дома ничего не передал, те забеспокоились и решили, что забота о безопасности посла стоит несанкционированного подключения к телефонной

сети Древорезчицы. Для первой попытки врезку они провели просто-таки с фантастическим мастерством, но, подключившись к сети, полностью забили ее своим гамом. Обычно роутеры «Внеполосного-II» обеспечивали бесперебойное функционирование телефонной связи — но в конечном счете все зависело от доброй воли пользователей.

Продолжая вилять и извиняться за своих подчиненных, Дар Божий тем не менее наотрез отказывался допустить королевских следователей на территорию посольства. В ответ Древорезчица взяла посольство в осаду на десять дней. После этого Дар Божий согласился на обыск, выдвинув условие, что «главное здание» посольства обеспечат бесплатным подключением к телефонной сети сроком на год. Оно было принято.

Разумеется, обыск посольства не дал никаких результатов.

Хитрость и дурковатость, сменявшие друг друга в поведении тропических, оказались эффективной тактикой, но подогревали подозрения приближенных Древорезчицы. Щепетильник и Невил требовали выкинуть тропических прочь из Домена — и хрен с ними, с поставками стратегического сырья. Йоханна ограничилась

замечанием, что едва ли интеллекта тропических достаточно, чтобы спланировать и осуществить столь серьезную операцию. Древорезчица подозревала, что за кражей стоит либо Шкуродер (грр!), либо без вести пропавший Проныра. Шкуродер возмущенно отметал обвинения в свой адрес.

Равна же сконцентрировалась на основной своей проблеме и сделала все возможное, чтобы пошатнуть позиции Группы Изучения Катастрофы. Ей требовалось что-то поменять, провести реформы. К сожалению, даже простейшие из них таили острые подводные камни. Взять хотя бы идею предоставить Детям беспрепятственный доступ к «Внеполосному-II». Естественно, это немного замедлило исследовательские программы, но с такой ценой Равна могла смириться. Она без проблем расчистила грузовой отсек звездолета. Теперь входной шлюз корабля открывался прямо на уровне земли, и оставшиеся части двигателей можно было перевезти на хранение в Новый Замок. Еще меньше трудностей — с учетом наличия на корабле автоматики — потребовала перестройка внутренних стен в экраны. Обширное гулкое пространство грузового отсека стало новым приемным залом, в котором всегда

было светло, тепло и сухо. Дети с энтузиазмом принялись его украшать.

Вскоре внутренность грузового отсека обрела определенное сходство с местами, которые они помнили до падения с Небес. Появился настоящий, демократически избранный комитет (да, народовластие понемногу пускало ростки), утверждавший программу на каждую десятидневку. Дети и их Лучшие Друзья из народа Когтей целыми толпами посещали новый зал. Поскольку все происходило внутри корабля, «Внеполосный-II» без труда модифицировал акустику помещения таким образом, чтобы стаи могли сидеть или лежать не более чем в паре метров друг от друга, а звукомысли их не интерферировали. Эффект произвел на стаи колоссальное впечатление и показался им самым ценным проявлением инопланетной магии. Место приобрело огромную популярность.

И хотя без побочных эффектов не обошлось, неслыханный успех Нового Приемного Зала Равна, несомненно, могла занести себе в актив. Правильно? А вот и нет. Серьезное препятствие впервые обнаружило себя, когда Равне вздумалось окончательно расчистить грузовую палубу. Когда оборудование (предназначенное в ос-

новном для Запределья и обещавшее однажды принести немалую пользу) подвезли на тележках к Новому Замку, гвардейцы Древорезчицы заблокировали груз почти на полдня. Древорезчица была в отлучке на Нижнем Берегу, и Равне сообщили, что никаких инструкций королева не оставила, а рации с собой не взяла. Не поступало от Древорезчицы и указаний на предмет того, где хранить доставленный груз и принимать ли его в замок вообще. Так что…

«Какая неслыханная административная тупость!» — кипятилась Равна. Подобным идиотизмом время от времени отличался Щепетильник, но камергеры и стражники замка Древорезчицы обыкновенно выказывали большую рассудительность. Кроме того, Равна загодя просканировала подземелья под Новым Замком, примыкавшие к Детской. Там оставалось достаточно свободного места.

Древорезчица распоряжалась всем и вся в замке. Там она была полновластной хозяйкой, как Равна — на борту «Внеполосного-II». Таковы были условия их договора о совместном управлении королевством, но Равна никогда еще не сталкивалась ни с какими препятствиями. Причем Древорезчица совершенно точно *знала* о

намерениях Равны переместить оборудование в катакомбы!

Кончилось дело тем, что груз все-таки перенесли в подземелье, но — впервые за десять лет совместной работы — в отношения Равны и Древорезчицы закрался холодок.

Равна спросила Странника о причинах этого. Он консорт королевы и отец некоторых ее малышей, он должен подсобить ей советом!

— Равна, Древорезчица никогда не сказала бы тебе этого в глаза.

— Как? — Равна вспомнила, какой открытой и искренней бывала королева в прошлом. — Но зачем Древорезчице от меня что-то утаивать, зачем строить планы…

— Думаю, она просто-напросто догадывается, что подозрения в твой адрес беспочвенны.

— В-вы это уже обсуждали?!

— Угу. Если вкратце, она полагает, что учреждение Нового Приемного Зала покачнуло баланс репутаций и полномочий, установившийся между вами. — Он свел вместе пару носов и принял немного озадаченное выражение. — Да, я знаю, что это как-то… по-детски, если пользоваться человеческой терминологией. Мне бы следовало тебя предупредить, но я и без того уверен, что

Древорезчица прекрасно сознает, какую глупость допустила. Она обычно не такая. Новый щенок еще не полностью внедрился в стаю. — Он просветлел. — Я с ней об этом поговорю. Мы трое могли бы уединиться и…

— Нет, я пообщаюсь с ней наедине. Мне бы стоило изначально объяснить ей свою задумку поподробнее. Новый Приемный Зал не призван заменить Тронный. Это неформальное место, куда может прийти каждый, чтобы взглянуть на проекты мира, который мы собираемся построить здесь.

И Равна условилась с Древорезчицей об аудиенции в Тронном Зале на Холме Звездолета. Это было ей внове. Вплоть до того момента ее привечали, даже вваливайся она в покои королевы почти без предупреждения. Она некоторое время говорила с Древорезчицей, объясняя, как мягко и продуманно учредила Новый Приемный Зал, как полезно это место для сотрудничества Детей и Когтей, как увеличивает оно поддержку планов Равны и Древорезчицы в народе.

— Все сработало даже лучше, чем я мечтала, Древорезчица. Туда приходят даже стаи, у которых не было друзей среди нас, даже старожилы-традиционалисты Города Древорезчиков.

В конце концов Зал станет настоящим дипломатическим центром!

Большая часть королевской стаи сгрудилась вокруг радиоалтаря и вежливо кивала в ответ на оживленный монолог Равны.

— Эдакая столица внутри столицы?

— Да, то есть *нет*, совсем не центр верховной власти! Древорезчица, ты что? Дети и Когти всегда могли получить доступ к бортовым базам данных. — Равна с некоторым трудом изобразила беззаботный смех. — Разве не поэтому так много Когтей стали превосходными экспертами в делах людей и запредельцев? Новый Приемный Зал создан для того, чтобы еще облегчить им такой доступ.

Древорезчица осторожно покачала головами:

— Что бы ты сейчас ни говорила, твой звездолет и есть центр власти в моем королевстве. Выглядывая с башен Нового Замка, я вижу телефонные столбы — в центре сети стоит твой корабль.

— Но мы же сами решили использовать «Внеполосный-II» как коммутатор и маршрутизатор.

Древорезчица продолжала, немного повысив тон:

— Ах да, но он управляет этим незримо для нас. Если вдруг он перестанет это делать, наши

маленькие радиостанции превратятся в игрушки локального действия.

— Это пока мы не избавимся от антенн. — Вообще-то, Равна рассчитывала, что мир Когтей удастся уберечь от сомнительного удовольствия аналоговой радиосвязи. Централизованное управление радиочастотами она рассматривала как вынужденную меру и после внедрения цифровой обработки сигналов намеревалась от нее сразу же отказаться.

— Мы, Когти, не смогли воспроизвести почти ни одной схемы энергоснабжения, описанной в твоих архивах. Луч твоей корабельной пушки согревает нашу воду и отапливает ею дома.

Равна протестующе воздела руки.

— Если бы не «Внеполосный-II», мы бы десятилетия убили на развертывание таких коммунальных служб.

— Да, — согласилась Древорезчица. — Но временами, глядя на «Внеполосный-II» и его лазпушку, так аккуратно расположеную в самом сердце Домена…

Равна так и села. Некоторое время она не могла подобрать слов для ответа. Древорезчица еще после Битвы на Холме Звездолета выбрала Старую Крепость Шкуродера своим представительством,

а Равна переместила «Внеполосный-II» на Тайный Остров. И в первый же год королевы поняли, что, даже построенный на скорую лапу, Новый Замок на Холме Звездолета вполне достоин называться центром великой империи. Тогда Древорезчица переехала туда, а Равну попросила последовать за собой на материк — посадить «Внеполосный-II» обратно на Холм, чтобы тот оставался в поле зрения гвардейцев Древорезчицы. Равне это стоило немалых трудов. Скорее всего, «Внеполосный-II» никогда больше не сможет подняться в воздух. А теперь?!

Древорезчица переглянулась со своими элементами. Внутренний конфликт?

— Извини, я помню, что сама об этом просила. Я помню также, что ты сняла с лазпушки усилитель. Я никогда всерьез не рассматривала звездолет как угрозу в твоих руках. Но впоследствии я изменила свои взгляды на кое-какие риски для Домена. Зависимость от твоего звездолета является источником угрозы сама по себе. Создает слабое звено — я правильно выразилась? — в системе внутренней безопасности. Я читала об этом в курсе теории управления из корабельного архива. Разве не было бы разумнее разбить все операции на подзадачи, а не замы-

кать всё на себя?

Равне ответ на этот вопрос всегда казался более чем очевидным, но сейчас она поняла, что стоит у решающей черты. *Остается, может быть, меньше века.* Она вздернула голову:

— Это ясно, а разве мы уже не обсуждали этого прежде? Я-то думала, что мы достигли согласия. Мы решили использовать «Внеполосный-II» в исследовательской программе Щепетильника и продвинуть Домен по пути технологической цивилизации ускоренными темпами.

Древорезчица повздыхала:

— Да-да, и, как бы там ни было, отступать уже поздно.

Благодарение Силам!

Равну прошиб холодный пот: она с опозданием поняла, рядом с какой ловушкой только что прошла. Все обстояло гораздо хуже, чем говорил ей Странник.

— Д-древорезчица, если ты расцениваешь Новый Приемный Зал как угрозу своему авторитету, одно твое слово — и я уберу его.

— Нет, Равна, я согласна с твоими рассуждениями. Пусть все остается.

— Это *наш* Новый Приемный Зал, Древорезчица. Спасибо. — Равна лихорадочно перебирала

в голове безопасные темы, куда можно было бы перевести разговор. — Э-э, и как там на границе? — С момента пропажи плащей Древорезчица выслала поисковые отряды, сформированные из лучших частей королевской гвардии, в гористое пограничье до самых Ледников.

Древорезчица насмешливо качнула головами:

— Они уже вернулись оттуда, и даже быстрее, чем я предполагала. — Она встряхнулась. — Ну и пусть. В нашем случае реальную опасность представляют не чужеземцы, присутствующие в Домене. Плащи наверняка никогда не покидали его пределов.

— А, ну да. Конечно. Шкуродер.

– *Переделанный* Шкуродер, забыла ты добавить, — лукаво отметила Древорезчица. — Переделанный или нет, а я уверена, что Шкуродер всегда мечтал заполучить радиоплащи. Это как нельзя лучше сочетается с его мессианскими закидонами.

— Можно вышвырнуть его из Совета.

— Я обдумывала даже возможность применить к нему силу. Но я не знаю, насколько он в действительности умен. Опасаюсь, что так же умен, как и до потери четверки, если не сообразительнее. Эта Тиратект — *скромная школьная*

учительница! — очень хорошее приобретение. У него остались многочисленные политические связи на Тайном Острове и в северных краях. Он слишком ослаблен, чтобы всерьез за него взяться, и слишком могуществен, чтобы остаться в стороне от политики.

— Но ведь нет прямых улик, которые бы говорили о его участии в краже.

— Зато полным-полно косвенных. Странник кое-что заметил. Да и Щепетильник бы заметил, если б не зациклился на своих тропических… Не так много воров способны ускользнуть от тебя, Равна. Ты еще раз продемонстрировала исключительную пользу «Внеполосного-II».

— Что?

— Я узнала детали погони от Щепетильника. Он раскрыл мне больше, чем сказал на Совете. Использованные тобой трюки неминуемо разоблачили бы воров, будь они тропическими придурками. Ни одна стая, не сведущая в тонкостях корабельной технологии, не выскользнула бы из твоей сети. Щепетильник мог бы от тебя укрыться. Я бы тоже могла, но предварительно потренировавшись и кое-что изучив. Остается Шкуродер, который годами шныряет вокруг да около «Внеполосного-II». И я все еще подозреваю,

что именно он украл Слоника.

Равна открыла было рот, решив возразить, и тут же закрыла, поняв, что на сегодня с нее хватит густой древорезчицкой паранойи. Кто бы ни похитил компьютерную энциклопедию — Слоника, — он в любом случае обзавелся сокровищем почти столь же ценным, как и «Внеполосный-II». С помощью компьютера можно было обмануть почти любую погоню, провернуть сколь угодно хитрый план. А Древорезчица, кажется, полностью уверена в том, что самый смышленый из ее отпрысков продолжает лелеять черные помыслы. «Мне бы стоило его поблагодарить, — подумалось Равна. — Пусть лучше Древорезчица злится на Шкуродера, чем на меня за Новый Приемный Зал».

Равна вышла из покоев королевы и стала спускаться по холму от Нового Замка уже за пару часов до полуночи. Вереск слабо колыхался в полярных сумерках. В южном небе светилась яркая звездочка: то был оставленный на орбите планеты Когтей контейнеровоз, на котором прибыл сюда модуль с Детьми.

В сумраке под ясным ночным небом ощутимо пробирал холодок — летом его прикосновение обыкновенно бывало приятным. Когда Равна

добралась до корабля, уже поднялся свежий бриз, коловший ее своими порывами сквозь свитер местной вязки, точно ледяными иголками. Когти клятвенно уверяли: свитер настолько плотный, что стая в нем не смогла бы ни общаться, ни думать. Равне от этого было не легче: хорошо хоть температуры ткань не уравнивала.

Из Нового Приемного Зала — с бывшей грузовой палубы «Внеполосного-II» — струился яркий свет и исходило приятное тепло. Равна постояла немного в самых дальних отблесках, падавших на склон холма, задумчиво глядя внутрь. В такой поздний час там все равно было полно народу. Дети и стаи. Наверное, они просто играют, но зрелище ее успокаивало. Постепенно и Древорезчица полюбит это местечко.

Впрочем, Равна была совершенно не в настроении с кем-то разговаривать. Обойдя стороной ярко освещенное место, она продолжила путь вокруг звездолета. С момента исчезновения радиоплащей на Совете регулярно поднимался вопрос о локальной безопасности. Невил, при горячей поддержке Щепетильника и неохотном согласии Йоханны, отстаивал мысль, что после такого нельзя исключать никакой опасности, вплоть до неожиданной атаки на корабль с

намерением его захвата. Равне было смешно его слушать, но ведь они не ведали, с каким противником имеют дело. Как знать, может, дополнительные камеры решат вопрос. Или новые охранники. «Прежде чем дорастем до нужной технологии, в многонациональном государстве всего нахлебаемся».

В любом случае вблизи недремлющего ока звездолета ничто не могло ей угрожать. Она остановилась, и «Внеполосный-II» услужливо отворил ей дверь в корпусе. Равна вошла внутрь и позволила кораблю соорудить мостик, по которому могла перебраться к себе в каюту. Там Равна сменила тяжелый свитер и плотные штаны на обычную домашнюю одежду — и тут же вспомнила, что вскоре лишится этих привилегий. Это было ее личным решением и настоятельной потребностью, пускай даже она никому еще ничего не сказала. Съехав отсюда, она потеряет в оперативности контроля над работами, но оставаться на борту «Внеполосного-II» и дальше было бы еще опаснее.

А сегодня ночью ей предстоит много работы. Требовалось задействовать лучшие технологии, имевшиеся в распоряжении на капитанском мостике. «Что задумал Шкуродер-Тиратект?»

Древорезчица полагала, что за этой стаей нужен глаз да глаз, но Равна имела веские основания считать угрозу Шкуродера пренебрежимо малой. Ослабленное, перекроенное чудовище тем не менее сумело догадаться, что Древорезчица за ним шпионит, и обмануть слежку. Равна знала это из тех же источников, из которых черпала уверенность, что к нынешним ее проблемам Шкуродер непричастен.

Она забралась в любимое кресло и вызвала шпионские программы, запрятанные глубоко в недрах управляющего комплекса «Внеполосного-II». Разработанную для Вершины Запределья систему она прятала ото всех. «Внеполосный-II» проектировался для полетов не только по Дну Запределья, но и в Медленной Зоне (куда они в конечном счете и провалились); строили же его в Середине Запределья, где технологии оставалось совсем немного до порога самосознания. Почти все высокоуровневые функции корабля в Медленной Зоне работать отказались. Что говорить про сверхсветовые полеты: антигравитация выдыхалась, программы перевода с естественных языков пестрили смехотворными ошибками. Даже там, где местные законы физики допускали альтернативные решения сопоставимой эффек-

тивности, программное обеспечение корабля часто не в состоянии было их разработать. Как правило, для классических крепких орешков у «Внеполосного-II» были наготове только тупые и очень тупые щипцы.

Иногда, впрочем, корабль преподносил ей и приятные сюрпризы. В первые же дни после Битвы на Холме Звездолета и смерти Фама Равна учинила опись жалких остатков былого великолепия. То там, то сям из гор невосстановимого мусора торчали бесценные устройства и программы, способные сикось-накось, но функционировать в Медленной Зоне. Она поделилась ими с Йоханной, а впоследствии с Древорезчицей и учрежденным ею Исполнительным Советом, но кое-что утаила, оставив для себя. О системе тайного надзора она никогда ни с кем не откровенничала, хорошо отдавая себе отчет, что они с Детьми попали в ловушку на планете, уровень общественного развития которой соответствует земному Средневековью. Помимо них в мире Когтей оставалось только одно существо родом из Галактики — наездница Зеленожка, да и та скоро куда-то пропала. «Ох, Зеленожка, знала бы ты, как мне тебя не хватает». Мысль эта всплывала из подсознания с неприятной навязчивостью: Зе-

леножка была рядом с Равной в самые тяжелые и отчаянные моменты ее приключений в космосе.

Так что у Равны с самого начала были свои секреты, и сейчас уже слишком поздно было делиться ими с кем бы то ни было. В Запределье *камеры* означали больше, чем могла себе вообразить раннетехническая цивилизация. Камеры могли прятаться в красках, в насекомоподобных роботах, в бактериях, наконец. Информация попадала к пользователю еще более диковинными путями, включавшими весь спектр возможностей от диффузного облака возмущений (акустических, зрительных, температурных…) до чего-то совсем уж труднопредставимого обыденному восприятию и недоступного реконструкции Внизу.

Одна такая система чудом пережила издевательства Контрмеры и, что еще интереснее, сохранила способность поставлять кораблю поддающиеся реконструкции данные. Еще в самом начале Равна решила использовать ее как секретное оружие против тех, кто нуждался в постоянном присмотре. Выбор труда не составил: старый Шкуродер отличался невообразимой жестокостью и головоломной изобретательностью, и черты эти, хотя и в меньшей степени, пронизали созданную им культуру. Шкуродер казался

Равне именно такой целью. Как и утверждала Древорезчица.

Однажды Равна заразила Тиратект-Шкуродера своей системой наблюдения. Физического вреда заражение не принесло, и крохотные шпионские устройства не могли самовоспроизводиться, но их оказалось более чем достаточно, чтобы взять стаю под пристальный надзор, пока проблема Шкуродера не отпадет сама собой.

С тех пор Равна не раз сожалела о своем выборе — появились более достойные кандидатуры; но никогда сожаление это не сопровождалось бессильным разочарованием человека, допустившего непоправимую оплошность. Даже переделанный, исправленный Шкуродер оставался величиной неизвестной, сулившей потенциальную угрозу, и камеры Равны докладывали ей обо всех подозрительных поступках и перемещениях старой бестии, обо всем, что в лапах Шкуродера-Тиратект могло обернуться против Древорезчицы, Равны и планов королев по преобразованию Домена. Эта уверенность одновременно мешала Равне раскрыть Древорезчице ее источники. Теперь же, после размолвки по поводу Нового Приемного Зала, всякая возможность снять завесу тайны перед королевой

отодвигалась в неопределенно далекое будущее… Недавние подозрения Древорезчицы о причастности Шкуродера к похищению радиоплащей были бы очень вескими, вот только о специальных методах сбора информации, используемых Равной, та и не подозревала. Звездолет постоянно отслеживал данные с распределенных по стае сенсоров, реконструировал изображения и поднимал тревогу в случае необходимости, сверяясь с заданным Равной перечнем угрожающих критериев. Равна внимательно следила за Шкуродером в дни сразу после кражи радиоплащей, но стая вела себя столь же мрачно-невинно, как и прежде. Ну что еще можно было сделать?

Посмотреть, чем он занят прямо сейчас, этой ночью? Мыслишка могла показаться фривольной, но режим реального времени в шпионской системе был замысловат и давал лишь отрывочное представление о субъекте. Все же Равна сделала запрос. Прошло несколько мгновений. Диапазон был самым слабым местом системы. За пределами локальной области отклик сенсоров начинал сбоить. К счастью, Шкуродер выходил из зоны покрытия лишь пару раз за десять лет — спасибо строгому надзору Древорезчицы. Отчеты от инфицированных элементов приходили рас-

синхронизированно, следуя почти случайному распределению передающих устройств, разбросанных по членам стаи. Чтобы восстановить по ним более или менее ясную картину происходящего, требовалось до тысячи секунд, но потом на каждое обновление уходило меньше секунды.

Позже обратная связь улучшит передачу, и «Внеполосный-II» внесет усовершенствования в картинку. Иногда они бывали довольно странными. Этой ночью четкость оставляла желать лучшего, но, по мере того как программы обработки сигналов «Внеполосного-II» сражались с помехами, картинка на глазах прояснялась, светлела, наливалась естественными цветами. Несколько мгновений движения — и визуальный поток застыл. Равна поиграла с параметрами перекодировки. Оказалось, что Шкуродер бродит в подземельях под Старой Крепостью. Он приходил туда два-три раза в год. Несколько лет назад Равне подумалось, что Шкуродер каким-то образом вычислил размещение камер Древорезчицы. Мысль ее ужаснула, но потом она отыскала более подходящее объяснение: Шкуродеру просто нравилось спускаться в подземелья, тем самым поддразнивая свою суровую родительницу.

Но бывали исключения: кое о чем Шкуродер

действительно не желал сообщать Древорезчице. Например, она запретила ему любые попытки пересоздать свое творение — Стального. В противном случае Древорезчица оставляла за собой право нарушить заключенное со Шкуродером перемирие в одностороннем порядке. Остатки Стального еще были живы, но ограничивались тремя перекроенными жалкими элементами. Безумца держали под замком в особом отделении Фрагментария для ветеранов.

Временами на Шкуродера находило настроение, в котором он, казалось, готов был возобновить боевые действия, нарушив данный Древорезчице зарок. Впрочем, он всегда поворачивал это к своей выгоде. Ему даже отдали в частичное пользование Старую Крепость, но Равна понимала, что даже переделанный Шкуродер сохранил интерес к Стальному. В ранние годы Шкуродер часто встречался в подземельях с Каренфретт, заводчицей из Фрагментария, безусловно преданной Древорезчице. Та была последовательной противницей жутких евгенических экспериментов исходного Шкуродера, и переделанная стая от Каренфретт не добилась ничего, кроме согласия склонить Древорезчицу к мысли дополнить Стального до целой стаи.

Может быть, постепенно эту задумку и удалось бы воплотить, но истинная причина страданий Стального раздирала его изнутри, что безумец превосходно и показал, когда загрыз посланных ему в дополнение элементов насмерть. Планы конспираторов на этом иссякли.

Равна полагала, что у Древорезчицы такие вояжи Шкуродера не вызовут особой радости. Спуск в катакомбы под Старой Крепостью сам по себе мог послужить к его обвинению в заговоре, поскольку здешние стены просто источали ужас и боль. Как-то Древорезчица выслала туда разведывательный отряд с заданием закартировать лабиринт. Стаи обнаружили по меньшей мере пять уровней и не смогли определить, сколько туннелей еще завалено и недоступно наблюдению.

Не так давно катакомбы привлекли внимание Детей, которые в возрасте десяти-одиннадцати лет просто-таки загорелись целью исследовать «пещеры смерти старого Шкуродера». Учитывая естественную эрозию и камнепады, было неудивительно, что каждые несколько лет открывался новый проход туда. Рано или поздно кто-нибудь из Детей забрался бы туда в недобрый час, попал бы под обвал или провалился в яму, где, скорее

всего, и погиб бы. Это, да еще вылазки Детей на крутые прибрежные скалы, служило постоянным источником тревоги Равны, пока не появились Отрицатели со своим идиотским культом.

В этом путешествии Шкуродер нагрузил большую часть элементов лампами на солнечных батареях. Света от них было едва ли больше, чем от мазутных факелов, зато лампы не давали дыма и не расходовали кислород. Равна узнала пещеру с низким потолком, по которой бесшумно скользил Шкуродер. Несколько детей потерялись там за последний год. Оставалось надеяться, что это самое жуткое место, какое им довелось там повидать. Она помнила, как там воняет, даже спустя многие годы. В темном полу пещеры были проделаны дыры, заваленные теперь камнями, но явно способные выполнять функции западни. Картинка, синтезированная кораблем по данным сенсоров с морд Шкуродера, представляла ямы на диво упорядоченными. Их тут были сотни, так что они образовали шестиугольную решетку на манер пчелиных сот. Некоторые отверстия зияли тьмой. Картинка опять застыла: «Внеполосный-II» либо ждал обновления сигнала, либо, что вероятнее, запутался в анализе. Равна не вмешивалась. Ей нужно было видео высокого

разрешения, и если для этого потребуется продлить анализ и восстановление данных, ничего страшного. В конечном счете последовательность картинок получалась вполне качественной. Да и потом, сколько ни жди, все тут основано лишь на щедрых допусках. Она сидела, лениво глядя на застывшее изображение. В правой части картинки должна была бы зиять яма. Именно это ее пугало, когда выяснялось, что Дети снова предприняли вылазку в катакомбы. Во тьме запросто можно было свалиться в одну из таких дыр и сломать себе шею. Равна склеила картинки с нескольких морд и получила вид внутренностей ямы — дно терялось во мраке, но она знала, что яма глубиной около двух метров и оканчивается сливным отверстием. И если только «Внеполосный-II» не прибег к экстраполяции, место в ней уже занято.

Она видела кости и высохшие ошметки разложившейся плоти. Брр, какая гадость! Старый Шкуродер был монстр, каких поискать. Ямы сочетали функции темницы и загона. Шкуродер, а впоследствии Стальной разделял элементы узника и бросал каждого в отдельную яму, где их кормили и поили, пытали или сводили с ума бессмысленным одиночеством. Шкуродер называл это переработкой ресурсов, поскольку индиви-

дуальных членов стаи, доведенных до безумия или кататонии, можно было потом перетасовывать и кроить в новые стаи по своей прихоти, смешивая с остатками других заключенных. Несколько стай выжили и все еще бродили по Домену, тихие и слегка придурковатые, как люди после лоботомии, или же извращенно-жестокие, как психопаты. Переработка осталась самым жестоким и бессмысленным «достижением» Шкуродера.

Наконец видеопоток восстановился, а тем временем элементы успели миновать очередную жуткую яму. Небольшое окошко по мановению руки Равны показало, как размещены члены стаи в пространстве и чье поле зрения выведено сейчас на основной экран. Изувеченный элемент Шкуродера, как обычно, мельтешил на переднем плане. Его уши с белыми кисточками мелькали в поле обзора элемент за элементом. Белоухий существенно ограничивал подвижность Тиратект-Шкуродера — ему некогда перебили бедренные кости. Сейчас он лежал, закутавшись в принесенные другими элементами лохмотья, а обычно остальные его перевозили в специальной тачке. За последние годы Белоухий значительно сдал: существо старилось, его зрение упало почти

до нуля, а до терапии катаракты пройдут еще долгие десятилетия. Поэтому камеры в шерсти и на морде Белоухого демонстрировали вид прямо вперед, но более смутный, чем большинство реконструированных «Внеполосным-II» картинок. Но чу! Что-то шевелится на краю экрана. Равна переключилась на синтезированное по данным со всех морд изображение: на границе тьмы и света ламп стояла другая стая, и это был Амди! Где же в таком случае Джефри? Равна внимательно просмотрела все окна: никого в тенях не обнаружилось. Она повертелась в кресле несколько мгновений и запустила более сложные программы распознавания образов. Нет, Джефри там не было. Она подавила дурацкий порыв возгордиться способностями человеческих органов чувств.

Амди прижался к земле, когда свет упал на него. Тачка Белоухого подкатилась к нему на удивительно близкое расстояние, а остальные элементы Тиратект-Шкуродера рассредточились полукругом, взяв Амдиранифани под внимательный надзор. Видеопоток опять застыл: диагностическое окно сообщало, что вычислительные мощности переключены на подслушивание. До сих пор звуки, поступавшие от сенсоров, не требовали такого внимания; Равна слышала

клацанье когтей Шкуродера по камням, скрип тачки, но, конечно, не его мысли — думал Шкуродер в ультразвуковом диапазоне от сорока до двухсот пятидесяти килогерц. «Внеполосный-II» мог отчасти восстановить наиболее четкие мыслеструктуры, отвечавшие проявлениям гнева или изумления, но весь поток сознания едва ли сумел бы раскодировать и подслушать в реальном времени даже в Запределье. Пришлось кораблю сосредоточиться на аккордах и ворчливых шепотках межстайной речи. Еще через минуту звуковая дорожка наложилась на видео, и в нижней части основного окна появилось то, что «Внеполосный-II» счел за наиболее правдоподобный перевод:

> Тиратект-Шкуродер:
> Ты | Вы отнял(и) мое время | привлек(ли) мое внимание, малыш | малыши. Чего тебе | вам сегодня от меня надо?
> Амдиранифани:
> Я (?) очень огорчен. Я (?) (?) напуган. Что (?) (?) случится (?)

Равна несколько раз перемотала аудиозапись. Сочетая догадки «Внеполосного-II» и собственные скудные знания стаеречи, она заполнила

некоторые лакуны в переводе с языка Когтей. Почти наверняка последняя фраза Амди расшифровывалась как *Что со мной случится дальше?* Но, к счастью, Амди перешел на самношк:

— Мы не могли бы поговорить на языке людей, господин Тиратект? Он мне наиболее удобен. Мои вопросы трудно сформулировать на стайной речи.

— Конечно, мальчик мой. Самношк вполне подойдет, — отозвался Шкуродер человеческим голосом — тоном искренне сочувствующего, очень умного садиста.

Догадался ли Амди, что Шкуродер над ним подтрунивает? Как-никак восьмерка знает Тиратект-Шкуродера с последних дней шкуродерского режима. Но восьмерная стая припала к земле и переместилась на несколько сантиметров, почти подползая на брюхе.

— Я так боюсь. У меня много причин для тоски. Если бы их не было так много, если бы на меня все в одночасье не свалилось, я бы не стал жаловаться, как придурок.

Шкуродер-Тиратект негромко хмыкнул:

— О, бедняжка Амдиранифани. Нелегка судьба гениев. У посредственностей боль после множества трагедий притупляется, и дальнейших

страданий они счастливо избегают. Ты же наделен особым талантом к страданию. Даже…

Диагностическое окно просигнализировало о серьезных проблемах с пересылкой сигнала. Наверное, крохотные маршрутизаторы ослеплены сиянием светлячков — эти насекомые были обычными спутниками летней ночной прохлады. Лакуну в несколько секунд «Внеполосный-II» заполнить не смог: реконструкции не сходились. Наконец возник маленький красный флажок: недостаточно данных для восстановления. Равна со вздохом понизила доверительный уровень, и программа по жесту хозяйки возобновила работу. Временами — а при работе со шпионскими программами даже слишком часто — она самой себе казалась сгорбившейся над хрустальным шаром колдуньей или гадающим по внутренностям жертвенных животных авгуром старых сказок дотехнологической эпохи.

Мгновением позднее «Внеполосный-II» выдал свои наилучшие реконструкции: экран потемнел на пару секунд и снова включился.

Шкуродер говорил:

— Даже так, мой мальчик. Что тебя так разбередило?

Амди еще подвинулся к нему:

— Вы сотворили Стального, а Стальной сотворил меня.

Вежливый смешок.

— Разумеется, я сотворил Стального, причем по большей части из собственных элементов; но Стальной собрал тебя как стаю из новорожденных щенят, из потомков гениев, которых он собрал, поймал, купил, украл или убил по всему материку. Ты из редчайших экземпляров: рожден весь одновременно, полностью составлен из щенков. Как двуногие.

— Да, совсем как человек. — («Внеполосный-II» изобразил слезы, текущие из глаз Амди.) — И теперь я начинаю умирать совсем как человек. Вот только люди еще даже не начали стариться, они пока еще дети!

— О! — сказал Шкуродер, и Равна заметила, что Белоухий наклонил свою тачку вперед и вытянул шею в сторону Амди. Ничего себе! Перекрывание мыслезвуков должно было оглушить и сконфузить обе стаи. Но голос Шкуродера — («Такой, каким его представила мне шпионская программа, не забывай!») — оставался бесстрастен и холоден. — Разве мы это не обсуждали раньше? Без сомнения, *единодушное* старение трагично, однако твоим элементам всего лишь четырна-

дцать. Худшие времена твои настанут еще через двадцать лет, когда мои великие планы уже…

Амди вмешался, но его слова не совпадали с картинкой:

— Я любил Стального Владыку. Я же не знал, какое он чудовище.

Шкуродер встряхнулся:

— Это я его таким сделал. Боюсь, что это всецело моя ошибка.

— Я знаю, но вы можете помочь! — Амди помедлил и заговорил тише: — А теперь еще проблема с Джефри. Вы…

Равна, прикорнувшая было за контрольной панелью, резко подняла голову. Что за проблема с Джефри? Но Амди не закончил фразы.

Подумав, Шкуродер ответил:

— Хорошо, я сделаю все, что смогу. Что еще тебя тревожит?

Амди издал плач маленького потерявшегося ребенка.

— Я только что узнал, что двое моих элементов — краткожители с Великих Равнин.

Равна опешила. Краткожители с Великих Равнин? Это была расовая группа народа Когтей. Они не слишком отличались от остальных стай внешне, однако страдали склонностью к

заболеваниям сердечно-сосудистой системы. Продолжительность их жизни редко превышала двадцать лет.

В других окнах головы Шкуродера сочувственно закачались:

— Эти двое страдают от болей в груди?

— Да, а еще у них проблемы со зрением.

— Ох-ох, — сказал Шкуродер. — Краткожители. Да, это серьезно. Я проверю… — Аудиопоток прервался: очевидно, «Внеполосный-II» столкнулся с особенно редким или неоднозначным термином. — Я проверю записи Стального, однако твои страхи, увы, могут быть вполне оправданны. Известно, что загонщики часто используют краткожителей с Великих Равнин, желая придать стае способность к геометрическому воображению, которая у тех превосходно развита. Да, теперь я бы не назвал это *единодушным* старением.

Амдиранифани содрогался.

— Когда два моих элемента умрут, я перестану быть самим собой.

— Но с этим сталкиваются все стаи, мальчик мой. Жизнь несет изменения. Изменения — залог выживания, если только нас не убьют всех вместе.

— Для тебя, для обыкновенных стай — это все,

может, и так! Но я пришел в мир весь и сразу, у меня никого не было прежде. Стальной поступил противоестественно, собрав меня вместе! Если я потеряю двоих, если даже я потеряю только одного, я… я…

— Заводчики Древорезчицы, вероятно, смогут найти тебе подходящую замену. Не исключено также, что и вшестером ты сохранишь ясность сознания. — Тон Шкуродера выражал несомненное сочувствие, но в то же время, как это с ним нередко бывало, явственное пренебрежение.

— Нет, нет, пожалуйста! Потеряв любого из восьми, я рассыплюсь, как арка без укрепляющих ее свод камней. Умоляю вас, господин Тиратект! Вы сотворили Стального, вы создали Группу Изучения Катастрофы, вы заставили Джефри всех предать, вы столько всего дурного совершили! Неужели вы не стремитесь ни к чему хорошему? Сотворите чудо для меня!

Равна застыла — не дыша, не осмеливаясь даже поставить трансляцию на паузу и заглянуть в окно журнала. Сцена вышла за рамки достоверного и на глазах обрастала небывальщиной. Амди больше ничего не говорил: он расплакался навзрыд человеческим плачем. (Это, конечно, имело смысл.) Восьмерка скорчилась в позах,

выражавших безграничное отчаяние. Переделанный Шкуродер тоже молчал.

Потом на дисплеях «Внеполосного-II» началось что-то невообразимое: вся пятерка Шкуродера-Тиратект придвинулась вплотную к Амди. Два элемента, составлявшие некогда часть исходного Шкуродера, подтащили тачку с Белоухим инвалидом. Некоторые элементы находились не более чем в метре от ближайшего элемента Амди. В это было сложнее всего поверить: Шкуродер-Тиратект был известен своей сдержанной привередливостью, чтобы не сказать — брезгливостью. Нормальные стаи, особенно дружившие между собой, иногда посылали одного-двух элементов на ничейную полосу, разделявшую их, для краткого обмена мыслями. У людей это соответствовало бы приятельскому разговору — может быть, с легкими поцелуями. Тиратект-Шкуродер никогда не опускался до подобной фамильярности. Он всегда укрывался на дальнем конце общего стола или закутывался в самые плотные звукоизолирующие накидки.

В этом видео, стремительно уносившемся в область фантастики, Белоухий вытянул шею к Амди и прижался к двум его элементам. Несколько других элементов Шкуродера подошли почти

так же близко. Для неискушенного человека это выглядело бы так, словно одна стая осторожно ластится к другой, но в действительности у Когтей такая поза отвечала глубочайшей интимности.

«И любое сходство с тем, что там в действительности происходит, случайно!» Равна в бешенстве отключила видеоканал во всех окнах. Изображения погасли.

Равна долго сидела в уютной теплой темноте, размышляя над полученными результатами. Она слишком далеко загнала экстраполяцию. Попытки «Внеполосного-II» выжать крупицы смысла из почти случайного шума не могли принести пользы, но ведь те или иные слова программы подставляли не просто так, на то должны быть какие-то причины. Она поняла, что обречена теперь снова и снова возвращаться к проклятой сценке, пытаясь отделить программные баги, вызванные недопустимо низким соотношением сигнала и шума, от скрытых откровений. Раз так, то, пожалуй, стоило бы начать с неоспоримо подтвержденных фактов. Например, ей достоверно известно, что Джефри *не* предатель.

Равна вернулась к данным, но теперь не смотрела на подложное видео, а обратилась к файлам журнала шпионской программы. Как она и

предположила, условия передачи сигнала варьировались от скверных до отвратительных. Но это ничего не означало: такое уже бывало в прошлом, и неизменно она получала осмысленные сведения. Она закрыла сетевые сводки и перешла к анализам самой программы. Вероятностные деревья представляли доступные в каждый момент опции и выводы, а также соотносили их друг с другом. Резкое и четкое видео, показанное Равне, родилось именно здесь, в дебрях косвенных интерпретаций и догадок. Корабль выдавал ей лишь наиболее достоверный, с его точки зрения, вариант. К примеру, Амди почти наверняка упомянул, что кто-то несет ответственность за возникновение Группы Изучения Катастрофы. Она отыскала этот узел дерева анализа и развернула его — возникли отчеты о принятых решениях и вероятностные веса, приписанные каждой ветви. Да. Шкуродера подставили на место названного Амди лица только потому, что это согласовывалось с контекстом беседы и какими-то жестами или позами элементов Амди. Сходным образом Амди сказал, что *кто-то* предал *что-то* или *кого-то*, а программы выбрали совершенно определенное слово из длинного перечня подходящих. Но как Джефри вообще в него

попал, не говоря уж о том, чтобы всплыть на верхушку списка? Какой логикой руководствовалась система, вставляя его туда? Равна углублялась в недра программного кода, забираясь в места, которых раньше вообще не видела. Как и следовало ожидать, трудность поиска точных ответов на вопрос, почему выбрано *это*, а не *то*, возрастала взрывоподобно. Она могла веками ковыряться тут и ничего конкретного не добиться.

Равна откинулась на спинку кресла, вертя головой туда-сюда и стараясь расслабить занывшую от неподвижности шею. «Что же я упустила?» Программа могла, в конце концов, просто испортиться. Предназначенная для чрезвычайных ситуаций автоматика «Внеполосного-II» разрабатывалась с учетом условий Медленной Зоны, однако шпионская программа содержала фрагменты запредельно хитрого кода и в перечне допустимых к использованию Внизу не значилась. Просто повезло, что она еще работает тут, Внизу.

Но если неполадки достаточно серьезны, разве не посыпались бы предупреждения? Равна лениво перелистывала отчеты об ошибках. Сообщения первоочередной важности в точности отвечали ее предположениям: «ведется обработка нена-

дежных данных» и все такое. Она прокрутила сводки дальше, к ошибкам, которые корабль расценивал как менее существенные. И тут никаких сюрпризов; правда, на сегодняшнем сеансе их оказались буквально миллиарды. Она испытала несколько разнородных способов сортировки и убила некоторое количество бесценного времени, роясь в кажущихся бессмысленными результатах… И вдруг у нее волосы встали дыбом. Вот оно, чудовище в засаде.

Равна застыла в кресле, глядя на экран.

442741542471.74351920 Сообщение только для справочных нужд; общее кол-во сенсоров Шкуродера: 140269471.

442741542481.74351935 Сообщение только для справочных нужд; общее кол-во сенсоров Шкуродера: 140269369.

442741542491.74354327 Сообщение только для справочных нужд; общее кол-во сенсоров Шкуродера: 140269373.

442741542501.75439121 Сообщение только для справочных нужд; общее кол-во сенсоров Шкуродера: 140269313.

442741542511.75439144 Сообщение только для справочных нужд; общее кол-во

сенсоров Шкуродера: 140269265.
442741542521.74351947 Сообщение только для справочных нужд; общее кол-во сенсоров Шкуродера: 140269215.
…29980242 строки пропущены.

— Объясни! — Собственный голос показался ей незнакомым. Тут же всплыло вспомогательное окно со сводками по соответствующим полям и колонкам, данными детального подсчета количества сенсоров на каждом элементе Шкуродера-Тиратект и необходимыми ссылками на исходники.

В общем-то, детальные сводки только подтверждали то, о чем она и так уже догадалась. Во всей стае Шкуродера осталось меньше ста пятидесяти миллионов сенсоров! При заражении же их насчитывалось несколько триллионов, и то этого едва хватило. Если с тех пор популяция сенсоров упала до ста миллионов с лишним… то весь ее хваленый шпионаж оказывался не более чем клоунадой самообмана! *Как давно это началось?* Равна вызвала программу-графопостроитель и запросила три наилучших приближения зависимости падающего числа сенсоров от времени. Разумеется, результаты различались, но первая

зависимость почти точно аппроксимировала данные: из нее следовало, что сенсоры выдыхаются с первого дня внедрения, уже почти десять лет. Период полураспада крохотных шпионов составлял менее года, в то время как в Запределье аналогичное заражение продержалось бы около столетия! А теперь программа обработки просто не сумела в очередной раз извернуться и утаить от Равны истинное положение вещей; липа дала о себе знать. Вот почему эти устройства не попали в перечень допустимых к использованию. Ее хитроумие обернулось против нее же и больно щелкнуло по носу.

Равна скорчилась в кресле, полная жалости и презрения к себе. Эта ночь показалась ей микрокосмом всей жизни за последние несколько десятидневок. «Но, пересмотрев старые записи со знанием того, какая это все липа, я, может быть, очерчу новые границы моего доверия Шкуродеру?» Она утерла слезы с глаз, проморгалась и некоторое время созерцала неумолимую сглаженную кривую распада сенсоров, сверкавшую в воздухе перед ее лицом. Уже годы прошли с тех пор, как шпионская система насчитывала хотя бы жалкий триллион сенсоров… И все эти годы предупреждения об отказе системы накаплива-

лись на незримых *низкоприоритетных* уровнях! А высокоуровневый интерфейс досмотровой программы скармливал Равне… — *Ну же, смей это признать!* — выдумки. Она бы никогда этого не заметила, но подлинные опасности так умножились в числе, что безмозглое программное обеспечение дало сбой и попыталось всучить ей вопиющую ложь.

«Если же признать все данные за прошлые годы вымыслом, то я должна известить об этом Древорезчицу». И тем самым разрушить остатки доверия, какое королевы еще испытывали друг к другу.

На некоторое время Равна утратила способность здраво соображать и отдалась мрачному самокопанию. «Случалось ли мне уже допускать такие кошмарные просчеты?..» Наверное, нет. «Выпадали когда-то у меня деньки хуже?» Конечно: Битва на Холме Звездолета была страшнее, а потеряв Фама всего через несколько часов после победы, Равна испытала горечь, которая не шла ни в какое сравнение с нынешней. Но такой безнадеги не бывало с того дня, когда до Равны дошла весть о том, что ее родная планета, Сьяндра Кей, уничтожена вместе со всеми обитателями.

«Я через это прошла». Но тогда рядом с ней

был… Фам. Равна открыла глаза. Перевалило за полночь. Окна смотрели на темные холмы и горы. В такие часы казалось, что уже наступила осень.

Как бы иррационально ни было решение, надо его исполнить. Она уже больше года *там* не бывала. Ни Дети, ни стаи Равну бы не поняли, да ей и не хотелось подпитывать суеверия. Но сейчас, как никогда, ей нужно было навестить Фама.

Глава 09

Равна терпеть не могла кладбищ. На Сьяндре Кей их можно было по пальцам пересчитать; конечно, в Запределье случались смерти, но средняя продолжительность жизни была сопоставима с периодом существования цивилизаций. Постепенно они поднимались все выше по Запределью и (если честолюбие и глупость не заламывали осторожность, как это случилось с напыщенными индюками-страумлианцами) сами становились Силами.

Несколько чаще кладбища встречались в консервативных обществах, где прошлое ценили выше настоящего. Равна вспомнила, что видела подобные места на Гармоничном Покое: отведенное под кладбище пространство постепенно превратилось в мавзолей, на окраине которого обитали несколько случайных упрямцев-арендаторов.

Что до мемориала на Холме Звездолета, то идея эта принадлежала самой Равне; как-то раз до нее вдруг дошло, почему кладбища занимали такое важное место в историях Эпохи Принцесс. Она

выбрала подходящий участок, прежде чем новый город разросся и здания стали взбираться по склону, окружая Новый Замок. Кладбище охватывало два стандартных гектара, поросших вереском, и оттуда открывался чудесный вид — от северо-западных островов до «Внеполосного-II» на самом юге. Еще через десятилетие город окружит его со всех сторон, так что расширяться кладбищу было некуда. «Если мне повезет, — подумала Равна, в этом и не будет необходимости».

Иногда сюда захаживали Дети, но только в теплые солнечные дни. Молодежь не понимает, зачем нужны кладбища. Старики не хотят понимать, но и друзей забывать — тоже.

Равна же обычно посещала кладбище после заката, в самом мрачном расположении духа. Исходя из этих критериев, времечко выдалось подходящее. Она шагала по главной аллее, под ботинками похрустывал приморожденный мох. В приполярную осень даже теплые течения не слишком смягчали климат, погода варьировалась от прохладной до промозглой и даже морозной. Этот вечер выдался сравнительно мягким. Облака рано закрыли садящееся солнце и теперь громоздились над землей, опускаясь все ниже, удерживая тепло дня в почве и ниж-

них слоях атмосферы. На обращенном к морю склоне холма было холодновато, но терпимо. «Внеполосный-II» предсказывал скорый дождь, однако темнеющее небо оставалось ясным, а воздух — сухим. Вплоть до внутреннего канала видимость даже в сумраке была неплохая. На Тайном Острове зажигались огни. Где-то совсем близко проскакивали лавандовые просверки светлячков. Лишь две или три ночи в году маленькие насекомые устраивали впечатляющее представление, и обычно это случалось не так поздно осенью. Она шла все дальше, лавандовые искорки встречались все чаще, но света этого все еще было недостаточно, чтобы осветить ей дорогу. Ну и пусть.

Ряды могил тянулись в обе стороны от главной аллеи. Каждое захоронение отмечал камень с высеченным именем и звездочкой. Эту манеру надгробных надписей Равна почерпнула из корабельных архивов истории человечества на изначальной планете. Четырехлучевая звездочка часто встречалась в древних религиях: пожалуй, это был самый распространенный символ в человеческой культуре, хотя в детали Равна не углублялась. В четыре ряда протянулась сто пятьдесят одна могила: почти все захоронения

кладбища. Сто пятьдесят один Ребенок, от годовалых до шестнадцатилетних, погиб в ту летнюю ночь, сгорев заживо в гибернаторах. Вересковые пустоши к югу от города прозвали Лугами Смерти, но на самом деле убийство произошло в самом центре Нового Замка, в центральной палате, где до сих пор стоял модуль, а с его стен свисала обгорелая плесень.

Равна никого из этих Детей не знала, они погибли прежде, чем ей стало известно о их существовании. Она зашагала медленнее. Мертвецов здесь могло быть больше: многие гибернаторы с выжившими сильно пострадали в пожаре. Оживляя Тимора, она училась на своих ошибках. Лишь несколько Детей из первоначальной партии до сих пор спали в гробах под замком. В новом поколении насчитывалось четверо неудачно воскрешенных и двое погибших от несчастного случая — но этих успели заморозить, и надежда на их оживление оставалась. Настанет день, и Тимора тоже можно будет вылечить.

Как ни странно, на кладбище покоились и несколько стай. В Битве на Холме Звездолета двенадцать Когтей умерли полной смертью. Недавно к ним прибавились фрагменты из приюта для престарелых — благодаря Йоханне и к немалому

возмущению краснокурточников.

Тринадцатая стая была погребена рядом с Фамом: шесть маленьких надгробий, на каждом рунами Когтей высечено имя элемента, а более крупный глиф объединял их все: ДЖ-А-КЕ-РАМ-А-ФАН, Грамотей (таково было собственное имя стаи). Грамотея Равна тоже ни разу в жизни не встречала, но Странник и Йо рассказывали ей эту историю. Грамотей был застенчивым, галантным, немного наивным, но по-своему гениальным изобретателем, который и подружил Странника с Йоханной. Потом Йоханна разгневалась на его приставания и прогнала, а совсем скоро Грамотея убили. Равне было известно, что Йоханна тоже частенько навещает это место.

Всего десять лет, а так много потерь… Сьяна и Арне Ольсндот, наездник Синепанцирь… Амди был одной из немногих стай, которые здесь бывали более или менее регулярно, и в таких случаях его всегда сопровождал Джефри.

Равна дошла до огромного, отполированного ледником валуна, отмечавшего конец аллеи. Этот камень — камень Фама — защищал могилы Детей от северных ветров, хотя в эту ночь стоял штиль и даже светлячки не прятались в зарослях вереска. Кстати, именно над могилой Фама их

кружилось больше всего, так много, что пульсировали они почти синхронизированно. Каждые несколько секунд лавандовая искорка озаряла могилу, как маленький почетный салют. Только однажды доводилось Равне видеть здесь столько насекомых. Наверное, их привлекал аромат цветов, которые Равна тут высаживала, — теперь растения как следует разрослись. Равна с Детьми высадили цветы и вокруг могил одноклассников, но там они не принялись так хорошо. Это было странно — ведь могила Фама располагалась севернее всех.

Равна свернула к особому месту у подножия валуна. Забавная штука — религия. На Вершине Запределья религия была отраслью технологии, поставлявшей практические рецепты создания богов и сотрудничества с ними. Внизу же, в ловушке Медленной Зоны, где и зародилось человечество, религия возникала как бы сама собой, из первобытной мешанины идей, подчиняясь законам местной эволюционной биологии. Впрочем, Равна до сих пор втайне удивлялась, как быстро слабости беженцев обрели старинное воплощение.

Между лавандовыми вспышками на кладбище было темно, как в самих могилах, но Равна могла

бы тут ориентироваться с закрытыми глазами. Она протянула руку и положила ее на знакомую полоску отшлифованного гранита. Такая холодная… но вскоре тепло ее ладони согрело камень. Совсем как с Фамом Нювеном. Вполне вероятно, что в строгом смысле слова он никогда и не существовал, но за год, проведенный в его обществе, она успела его неплохо изучить. Скорее всего, Сила создала Фама шутки ради, перелопатив и кое-как склеив героические предания древности. Как бы то ни было, в конце краткой жизни Фам проявил себя как истинный герой. Иногда Равна приходила сюда просто затем, чтобы причаститься его смелости и отваги. Но не сегодня. Сегодня ее обуревало темное отчаяние. Что еще хуже, сегодня для этого отчаяния были вполне объективные причины. Впрочем, Фаму пришлось намного тяжелее… Равна молча стояла, опершись на валун.

Вдруг послышались шаги. Равна отвернулась от надгробия Фама, обрадовавшись, что не успела разрыдаться. Она спешно утерла подступившие слезы и накинула на голову капюшон куртки.

Сперва ей показалось, что фигура ночного гостя, заслонившая собой редкие отсветы городских огней Новозамка, принадлежит Джефри Ольсн-

доту. Потом светлячки вспыхнули все вместе, лавандовое сияние охватило Равну и озарило новоявленного посетителя кладбища. Это был не Джефри. Невил Сторхерт. Он заметно уступал Джефри в росте и, если честно, в мужской красоте.

— Невил?

— Равна? Я… не хотел испугать вас.

— Да ладно. — Она сама не знала, приятно ли ей видеть знакомое лицо, внезапно проступившее из тьмы. — Что ты здесь делаешь?

Невил нервно потер руки и посмотрел через ее голову на большой валун. Потом лавандовый свет померк, и тогда он заговорил:

— Я потерял лучших друзей на Лугах Смерти: Леду и Йоса. Я заботился обо всех школьных приятелях, но о них… в особенности. Я иногда прихожу сюда проведать их.

Иногда Равне приходилось напоминать себе, что Дети — больше не дети. Иногда они ей прямо об этом заявляли.

— Да, Невил, я тоже — когда мне особенно скверно.

— Что тут удивительного? Я знаю, что у вас много забот, но идея с грузовым причалом неплоха.

Ну да, конечно же, он не мог знать о гневе Дре-

ворезчицы или о провале ее попытки установить наблюдение за Шкуродером.

Не получив ответа, Невил озадаченно продолжал:

— Равна, вам не следует взваливать на себя такой груз. Для этого мы учредили Исполнительный Совет.

— Знаю, но я боюсь, что… — «Я такого учудила, что с некоторыми членами Совета мне и заговорить-то стыдно». Светлячки запульсировали снова, и она увидела умные, пытливые глаза Невила. Йоханна и Невил теперь вместе — с тех пор, как Невил заседает в Совете, и Равна редко с ним беседовала, кроме как в присутствии Йо. Где-то внутри она побаивалась, что Йоханна неправильно истолкует интерес Равны к молодому человеку. Этой ночью при одной мысли об этом Равна подавила желание расхохотаться. «У меня все куда хуже, чем я привыкла думать.» — Что некоторые моменты не следует выносить на обсуждение перед целым Советом.

Она не видела его лица. *Не заподозрит ли он меня в подковерных интригах?* Но голос Невила прозвучал дружелюбно:

— Я думаю, что понял вас. Вы так тяжко работаете. Я могу подождать и услышать…

— Я не об этом. У тебя есть минутка свободного времени, Невил? Мне бы… мне бы не помешал твой совет.

— Да, конечно. — Невил застенчиво рассмеялся. — Хотя я не уверен, что мой совет окажется вам полезен.

Светлячки опять запульсировали, и внезапно Равне показалось, что они с Невилом стоят на лавандовом поле. Такого красочного зрелища ей тут еще не удавалось наблюдать. На кладбище стало так светло, что валун озарился лавандовым сиянием почти до вершины. Равна села на естественную каменную скамеечку, которую присмотрела годы назад, и сделала знак Невилу пристроиться рядом на почти столь же удобном месте. Он кивнул и сел — свет уже угасал, но молодой человек не споткнулся. Он устроился на валуне почти на полметра ниже Равны и на метр дальше. «Отлично. Если я и выплачусь ему в жилетку, то чисто метафорически».

Они сидели в молчании.

— Вы интересуетесь делами Группы Изучения Катастрофы? — спросил Невил.

— Сначала — да. Именно тогда я поняла, что многое делаю не так.

— Это и наш с Йоханной просчет. Мы должны

были снабжать вас объективными сведениями о мнении…

— Да-да-да. Знаю — Йоханна уже себя за это нещадно корит. Но ГИКи — лишь начало. Мелочь.

Равна не сдержалась и выложила ему все как на духу. Ей стало легче. Только потом она сообразила, что обязана облегчением не только шансу выговориться. Невил задавал уместные вопросы и отпускал комментарии, которые вполне могли лечь в основу полезных советов. Он почти сразу же догадался, почему Древорезчицу так разгневала идея превратить грузовой причал в Новый Приемный Зал.

— Новый Зал — это лучшее нововведение за много лет, Равна. Но я понимаю, что вы хотите сказать. Древорезчица сперва отнеслась к нему с явным недоверием, но теперь еще более важно, не отказываясь от Нового Приемного Зала, убедить Древорезчицу, что и ей от него может быть польза.

Равна и сама об этом думала, но, услышав те же слова от Невила, обрадовалась. Когда Невил умолк, она метнула на него взгляд: Невил Сторхерт всегда казался не слишком уверенным в себе, но теперь Равна видела, в каком противоре-

чии это выражение находится с его поведением. У Невила Сторхерта была врожденная харизма. Даже без тренировок и планов она просто озаряла его.

— Твоя мать была старшим администратором Высокой Лаборатории, не так ли?

— На самом деле — отец. Мама была его заместительницей или начальницей заместителей — в тех случаях, когда на нее находило озорное настроение.

Равна была о Высокой Лаборатории страумлианцев очень низкого мнения. Следовало признать, что наилучшие намерения страумлианской команды обернулись чудовищными последствиями буквально космического масштаба. Однако у страумлианцев имелись основания и гордиться постройкой Высокой Лаборатории. Пускай даже она являла всей Вселенной их нескрываемое высокомерие, но вместе с тем свидетельствовала о могуществе и величии страумлианской цивилизации. Вполне вероятно, что, помимо родителей Джефри и Йоханны, в безвестие канули и другие герои.

— Твой отец наверняка был управленческой суперзвездой.

«Насколько возможно быть суперзвездой в

этом несчастном мире».

Невил растерянно рассмеялся.

— Если говорить о выборе путей исследований, то да. Я помню, как все было в мои ученические годы: как наши родители спотыкались о препятствие за препятствием, но потом перепрыгивали их. По словам папы, его должность практически не имела значения, ибо в Лаборатории было так много гениев, что управлять ими все равно что пасти котов, которые гуляют сами по себе… вы знаете, кто такие коты? На Сьяндре Кей ведь были коты?

Равна улыбнулась в темноте:

— Само собой. Коты появились гораздо раньше, чем цивилизация на Сьяндре Кей.

У Невила Сторхерта были в распоряжении одни лишь детские воспоминания, но ведь он рос среди истинных лидеров. Ничего странного, что его коснулась эта магия. «И черт побери, как же бездарно я игнорировала его возможности все это время». Равна глубоко вздохнула и перешла к тому, что обещало гораздо более ощутимые последствия:

— Знаешь ли, Невил, в нашем мире — вероятно, в этой части Галактики — нет задачи важнее, чем взрастить технологически высокоразвитую

цивилизацию до прилета Флота Погибели.

— Согласен с вами.

— Но когда я узнала про ГИКов, то поняла, как сильно отдалилась от происходящего *здесь и сейчас* в погоне за великой долгосрочной целью. Я боюсь, что мы можем проиграть главную партию еще до ее начала, и все по моей вине.

Молчание. Вспышка бледно-лавандового света. Но молчание это было задумчивым, внимающим, и она продолжала:

— Я как могла пыталась исправить свои ошибки, но боюсь, что это только добавило… побочных эффектов.

— И вы полагаете, что реакция Древорезчицы на Новый Приемный Зал — один из таких эффектов?

— Надеюсь, что только один.

— С этим я попробую вам помочь. У меня нет личной линии связи с Древорезчицей, однако у Йоханны наверняка есть. И я ручаюсь, что мои друзья как следует обмозгуют проблему и возьмутся преобразовать Новый Приемный Зал так, чтобы он в полной мере отвечал представлениям Древорезчицы о прекрасном и о величии Домена.

— О, это было бы великолепно. — «Спасибо!» —

Позволь, я свалю на тебя все эти заботы. С Новым Приемным Залом все получилось куда запутаннее, чем может показаться. — «Может быть, работая вместе, мы увидим, что́ уже не получится исправить, а что еще можно починить».

Она описывала Невилу все свои идеи насчет реформы управления, одну за другой, и в каждом случае реакция Невила вызывала в ней такое ощущение, словно над темным кладбищем взошло теплое летнее солнышко. Иногда он спорил с ней, иногда соглашался, но всегда словно зажигал перед ней путеводный маяк.

Невилу очень понравилась мысль ввести формальную демократию.

— Да, это мы просто обязаны реализовать, и как можно быстрее: многие из нас уже выросли… Но я думал, что такие структуры общества растут сами собой, а не привносятся сверху.

— Но единственные традиции Детей — вас всех — по необходимости связаны с высокоуровневой автоматикой и крупными торговыми площадками. Откуда же взяться такой идее?

Невил фыркнул:

— Да уж, иногда я несу такую хрень… Но, знаете ли, я доверяю своим школьным друзьям. У них добрые сердца. Я поговорю с ними. Может быть,

нам удастся превратить Новый Приемный Зал в демонстрационную модель, иллюстрирующую лучшие демократии Медленной Зоны. Однако следует основательно подумать, как бы при этом не уязвить Древорезчицу!

Что касается переселения Равны с борта звездолета, то Невилу эта идея, как ни странно, понравилось столь же мало, как и ей самой.

— Равна, вы нужны нам на «Внеполосном-II». Всякий, кто даст себе труд напрячь мозги, поймет, что вы единственный человек, которому досконально известно устройство корабельных систем технологического планирования. Если мы хотим построить здесь цивилизацию, прежде чем умрем от старости, вы должны жить там. — Он помолчал. — С другой стороны, вы правы в том, что такое положение вещей задевает тупоумных. Раздражает всех, кого вы с Древорезчицей выгнали на холод. Мы, Дети, родились в комфортных условиях. Мы все это потеряли. Единственное подобие родного мира мы обретаем на Холме Звездолета. Вон оно, это подобие, стоит и светится зеленым. Так что, может, вам и стоило бы на некоторое время уступить нам место. Но время этого поступка следует выбрать с максимальной тщательностью, чтобы он послужил демонстра-

цией вашей доброй воли. Если же вы решите остаться снаружи, мы, разумеется, предоставим вам средства коммуникации с «Внеполосным-II» самого высокого командного уровня.

— Так и будет. Ну что, начинаем планировать переезд. Ты не мог бы?..

— О да. Я все разузнаю, но очень тихо. Наверняка вы это еще ни с кем не обсуждали? Готов ручаться, что такая точка зрения, однажды будучи высказана, мгновенно обретает популярность.

Теперь надо было перейти к самому тяжелому и болезненному моменту: вопросу медицинского обеспечения. Реакция Невила ее удивила и больше всего обрадовала.

— Вы имеете в виду, что нам придется перераспределить ресурсы, высвободив их из общей программы технологического прогресса? Так, Равна? Разве в долгосрочной перспективе это не замедлит *все* исследования, в том числе и в области биологии?

Равна кивнула:

— Д-да. Начать с того, что нам придется создать собственную компьютерную сеть, наладить взаимодействие между управляющими системами. Остальные направления мы вынуждены будем

забросить. Хотелось бы верить, что устойчивого эффекта продления жизни будет не так уж трудно добиться. Но тем временем ваши собственные дети тоже будут расти, а затем — стариться. В дотехнологическую эру взросление было равнозначно старению, усыханию. И так год за годом. Я уже вижу признаки старения на лицах старших Детей. Я выгляжу моложе многих из них. Это примерно как жизнь большинства из вас на фоне моего комфорта на «Внеполосном-II» — только еще ужаснее.

— Я… — Невил словно бы перебарывал себя. — Это так. Со мной пока все в порядке, но, надо полагать, у меня просто хорошая наследственность. В будущем проблема встанет во весь рост. К счастью, среди тех, кого я хорошо знаю лично — а это почти все Дети, — насчет старения пока мало кто ропщет.

— В самом деле? А я боялась.

«С тех пор как ГИКи высунули свои уродливые морды, мне везде мерещатся чудовища».

— Я предложил бы вам и дальше осуществлять наилучшую — долгосрочную — технологическую программу. Но вскоре надо устроить общее собрание, на котором вы объясните свои планы и график административных реформ.

— Хорошо, — кивнула Равна. — Правильно. Правильно. — Это были *ее* реформы, но приправленные внушительной дозой конструктива и здравого смысла. — Мы можем устроить его в Новом Приемном Зале, когда вы его должным образом преобразите.

— К началу зимы что-нибудь придумаем. А потом — когда вам будет угодно.

— Отлично, — сказала она, — чем быстрее, тем лучше.

«Прорыв по всем фронтам, почти по всем». Ну вот и подошел черед рассказать о катастрофе, сделавшей сегодняшнюю ночь такой безысходной. Она колебалась еще секунду, потому что еще никому не рассказывала о своей программе секретного наблюдения за Шкуродером. А теперь… теперь наконец появился человек, с которым она бы рискнула поделиться этой информацией.

— Есть еще кое-что, о чем я обязана тебе рассказать. — И она поведала ему о том, как заразила Шкуродера крохотными шпионами.

Он тяжело вздохнул:

— Я и не подозревал, что технологии Запределья здесь работоспособны.

— В долгосрочной перспективе, — признала Равна, — полагаться на них смерти подобно.

И описала последний сеанс шпионажа под Старым Замком Шкуродера. Она поняла, что срывается на крик: эта часть разговора была самой скверной.

— Если я сейчас признаюсь Древорезчице, после всего… *Нет, я просто не могу!*

Понемногу усиливался бриз, синхронизованные вспышки светлячков расстроились, превратившись в разрозненные световые сполохи. На лицо Равны лениво шлепнулись первые капли дождя. Как и предсказывал корабль, она попадет прямо в душ.

Невил долго молчал и наконец отозвался:

— Это проблема. Но что до самого надзора, то я думаю, что решение было верное. Йоханна всегда очень подозрительно относилась к этой стае. Из сказанного вами я заключаю, что схема давала плодотворные результаты долгие годы.

— Неизвестно, когда она стала сбоить.

— И это верно. Папа говорил, что настоящий лидер просто обязан рисковать. Иногда риски не оправдывают себя — и дела оборачиваются просто ужасно. Если после этого лидер все еще хочет добиться успеха, он обязан изучить свои ошибки и сделать из них выводы. Стоит выбрать момент, когда Древорезчица будет настроена благодушно,

и все-таки обсудить с ней это.

Равна глядела во тьму. Крупные капли дождя текли по лицу — это ее начинало раздражать. Она стерла холодную воду и внезапно рассмеялась.

— Тем временем погода как бы намекает нам, что выездное заседание Совета пора прикрывать.

Она потянулась потрепать Невила по плечу, и ее рука нашла его ладонь. Обе руки были холодны, но его — теплей. Ей стало приятно.

— Спасибо тебе, Невил, — мягко произнесла она. — Спасибо.

Он задержал ее руку в своей:

— Вы нуждаетесь в нашей поддержке так же, как мы все — в вашей работе. — Высвободив руку, он смущенно усмехнулся. — И насчет погоды вы прямо в яблочко попали!

Он приподнялся и соскользнул на землю со своего места на склоне валуна, потом посветил наверх и помог спуститься Равне. К счастью, он сообразил не подавать ей руку.

Они потащились обратно по мшистой аллейке, держась друг от друга в полутора метрах или около того. Дождь перешел в ливень, ласковый бриз усилился до ураганного ветра, но светлячки, как и прежде, сияли в ночи, и Равна вообразила

себе, что дойдет до самого «Внеполосного-II» по этой устланной мхом дороге. Ночь была темная, штормило[5]. И все же, все же… Равна впервые за очень долгое время почувствовала облегчение и даже воспряла духом.

[5] Примечания: 5

Виндж цитирует первую фразу романа английского писателя Эдварда Бульвер-Литтона «Пол Клиффорд» и американского писателя Рэя Брэдбери «Давайте все убьем Констанцию», ставшую крылатой и применяемую для иронической характеристики нарочито цветастой, напыщенной прозы.

Глава 10

Осень вокруг Холма Звездолета все сильнее скалила зубы. Продолжительность светового дня все еще составляла около половины суток, но с океана то и дело налетали штормовые ветры, и каждая буря была холоднее предыдущей. Дождь перешел в слякотную морось, затем начал перемежаться снегом. Что-то похожее наблюдалось поздней весной, когда тоже моросило день за днем и было даже тягостнее, но в те дни в воздухе звенело обещание лета с его буйной зеленой порослью. Осень обещала иное: смертоносный холод арктической зимы. Зима была наилучшим временем для одного из любимых проектов Равны: в северных ледниках десятидневки ночи проходили без существенных осадков, было ясно, а температура зачастую падала ниже ста восьмидесяти пяти кельвинов. Для цивилизации, базирующейся в космосе, такая температура была все равно что комнатной — какая разница? — но «Внеполосный-II» отыскал в архивах заброшенных технологий сводки исследований метаматериалов. На опытной установке с мета-

покрытием площадью около гектара при таких температурах оказывалось возможным использовать схемы интерференции лазерных лучей для литографического производства полупроводниковых микросхем характерным размером примерно в микрон. Предшествующие три попытки на начальном этапе обнадеживали, но оканчивались провалом. Как знать, вдруг этой зимой повезет больше?

Разумеется, проект обсуждали на Исполнительном Совете. Щепетильник был просто одержим экспериментом, получившим кодовое название «Холодная долина». И хотя третью попытку не стали засекречивать, Невил предложил Равне пока не слишком распространяться перед Детьми о ходе работ. Ледовые опыты могли перевернуть всю игровую доску, изменить правила, по которым велась здешняя политика, на десятилетия раньше запланированного открыть эру автоматизации, покончить с худшими проявлениями повседневного дискомфорта беженцев. С другой стороны, это ведь была *всего лишь* третья попытка, и «Внеполосный-II» давал не слишком оптимистичные прогнозы.

Равна загорелась этими экспериментами вместе со Щепетильником. Если бы и грядущей

зимой они потерпели неудачу, ей (с учетом новоявленной опасности — Группы Изучения Катастрофы) пришлось бы совсем несладко. Но теперь, проведя вечер в сиянии светлячков на могиле Фама, она воспряла духом и поверила, что избранный путь в конечном счете верен. Каждый день Невил делился с нею новыми ценными идеями и планами, иногда — неприемлемыми для обсуждения на Совете, а порой такими, о которых она сама себе запрещала думать, но зачастую его осеняли мысли, которые ей одной ни за что бы в голову не пришли. Невил и Йоханна превосходно дополняли друг друга; прежде чем «Внеполосный-II» опустился на планету, Йоханна была тут совсем одна, окруженная друзьями и врагами, но всегда Когтями. Она стала героиней народа. Она завела близких друзей на высших и низших уровнях стайного общества. Стаи любили девушку за отвагу, проявленную в битве, и сумасбродный прорыв синглетов, томившихся в старом Фрагментарии, — прорыв, положивший начало отдельному госпиталю и движению за права фрагментов. Равна не переставала удивляться, как много Когтей считают себя друзьями Йоханны — даже те, кто не принимал участия в старых войнах.

Но хотя друзей среди Детей у Йоханны тоже было достаточно, они с Джефри все еще оставались в известной степени отделены от них. Они провели здесь в глуши и одиночестве страшные годы и до сих пор не могли полностью преодолеть это отчуждение. Невил же стал для Равны идеальным мостиком к Детям. Прирожденный лидер, он знал всех в Высокой Лаборатории, и его все знали; Невил чувствовал их настроения, казалось, что ему ведомы все, даже скрытые или неоформленные, помыслы, желания или обиды.

— Как тебе Новый Приемный Зал? — спросила Равна.

— Ой, я его так люблю! — Тимору Ристлингу исполнилось четырнадцать, но выглядел он на шесть или семь лет. Он ходил с палочкой и страдал тремором, но этим проблемы не исчерпывались; Равна всерьез переживала за его умственные способности. Тимору превосходно давалась математика и ручной счет, но в остальных предметах он существенно отставал. Лучший Друг Тимора из Когтей оказался взбалмошной и склочной четверкой, которая явно рассматривала эту должность как синекуру. Когда бы Белль Орнрикакиххм ни слонялась вокруг мальчика, в глазках ее неизменно вспыхивал корыстный

огонек. Но сейчас несчастья Тимора почти не были заметны. Он крепко сжимал руку Равны и тянул ее за собой. Тремор можно было бы списать на радостное возбуждение от дизайнерских преобразований Невила, воплощенных в грузовом отсеке «Внеполосного-II».

Отсек имел размеры тридцать на двадцать метров; Равна с Фамом прожили тут небольшое время по дороге в мир Когтей, насилу свыкаясь с обычаями Гармоничного Покоя. Теперь помещение почти опустело, а его дверь открывалась на уровне земли. Наполовину облицованная деревом внутренняя стена заслоняла Новый Зал от превратностей погоды.

Невил переделал интерьер отсека, используя преимущественно материалы местного производства. Основные усовершенствования сводились к обустройству новых точек доступа, в том числе и для игр. Он украсил отсек в манере, которую счел наиболее близкой к страумлианским веяниям, хотя имитация оставалась крайне грубой. Тимор тащил Равну по изукрашенному камнями и минеральными вставками полу, показывая ей чудо за чудом.

— А глянь наверх! — Мальчишка указал пальцем на потолок, закачавшись и с трудом сохранив

равновесие. — Это вид неба вокруг Основного Страумли. Я помню его еще с той поры, как мы жили там, до Высокой Лаборатории. Я ходил в начальную школу, у меня были друзья там. — Тимор покинул Основной Страумли в возрасте четырех лет; удивительно, как воспоминания удержались.

— Это чудесно, Тимор.

— Нет, это просто прекрасно! Спасибо, что построила все это для нас.

— Не я одна, — заметила Равна.

В самом деле, ее участие свелось практически к нулю. Большую часть дизайнерских изысков предложили и реализовали Невил с друзьями, но Невил полагал, что конечный результат покажется Равне вполне правдоподобным и заслуживающим высокой оценки.

Белль крутилась рядом с Равной, пытаясь втиснуться между женщиной и Тимором. Большую часть времени стая только и делала, что глазела на консоли с роликами для игр, но голос ее звучал утомленно:

— Я слышала, что это и близко не походит на истинное Запределье. Детей скоро утомит жалкий маскарад.

— Нет, не утомит! — возразил Тимор, переходя

на крик. — Мне тут все очень нравится, а будет же еще больше! Я тебе покажу. — Он повернулся уходить, но Белль как зачарованная созерцала дисплеи игровых приставок. Только когда Равна прошла мимо, стая очнулась и поплелась следом. Тимор провел их через игровую и спортивную секции, а потом вверх по рампе. Здесь обычный назойливый шум с игровых площадок гасила интеллектуальная акустика корабля. Десяток или дюжина старших Детей сидели перед трехмерным проекционным дисплеем. «Это что, стратегическая игра?» Но тут же Равна заметила Невила, стоявшего чуть в сторонке от рядов стульев. Он словно только что пришел. Она хотела было подойти к нему, но Тимор потянул ее за рукав:

— Ты видишь, чем они заняты?

Между стульями и стеной в пространстве проекции парили какие-то сложные схемы. В ближнем поле зрения каждого зрителя висели маленькие окна. Модели напомнили Равне топологическое представление компьютерной сети, но… она покачала головой.

— Эйвин объяснит! — Тимор протащил Равну к месту, где сидели рядышком Эйвин Верринг и Эльспа Латтербю. Эйвин поднял голову, на его

лице промелькнуло нервное удивление.

— Привет, Равна!

— Привет, — сказала Эльспа, помахав рукой.

Равна улыбнулась юноше:

— Так что же вы тут делаете? — Она обвела взглядом собравшихся. Здесь сидели самые умные и серьезные Дети, если не считать Хейды Эйслер. — Это не игра?

Эльспа помотала головой:

— О нет. Мы пытаемся научиться, но…

Влезла Хейда:

— Кто-нибудь задумывался, почему нас не побуждают учиться управлению корабельной автоматикой?

— Ну, немного же вас этому учат. — На самом деле Дети презирали программирование почти так же, как и остальные примитивные навыки.

— По двум причинам, — продолжала Хейда. — Вам она вроде бы нужна самой для ваших исследовательских проектов. Кроме того, даже с автоматикой корабль туп как чурбан.

— Это лучшая автоматика, которая вообще способна существовать здесь, Хейда.

— Она мне нравится! — крикнул Тимор.

Хейда усмехнулась:

— Ну ладно, беру свои слова обратно: не как

чурбан. Как стрела с выщербленным наконечником. Не имеет смысла…

Эйвин покачал головой:

— Хейда с присущей ей деликатностью пытается сказать, что… — он сделал паузу, вероятно подбирая более вежливые выражения, — что, если сейчас нам доступны средства обучения, выходящие за пределы школьной программы, стоит изменить всю методику преподавания и научить нас пользоваться кораблем в совершенстве. Мы пытаемся визуализировать задачу, а это обычно труднее всего. Позвольте, я покажу вам.

Он обернулся к остальным и обвел их взглядом. Каждый вдруг уставился в собственное окошко. Равне увиденное в них напомнило произведения искусствопрограммирования, но уж слишком замысловато исполненные. Наконец Эльспа Латтербю подняла глаза.

— Да, все готово. Давай, Эйвин!

Структура, сформировавшаяся в пространстве между зрителями, уже не походила на произведение искусства. Она состояла из тысяч светящихся точек, соединенных цветными линиями. «Кто бы еще мне все это объяснил?» — подумала Равна с интересом. Это не мог быть симулятор сети, там нет меток. Но стоп, она почти угадала функции,

стоящие за топологией сочленений. «Наверное, это...»

Эйвин заговорил снова:

— Продираться через все это с помощью интерфейса «Внеполосного-II» — адова работенка, но мы визуализировали полную карту систем передачи и обработки нервных сигналов у современного человека с телесной привязкой. Собственно, у «Внеполосного-II» была в распоряжении карта, усредненная по расам Сьяндры Кей. Мы, страумлианцы, не можем слишком отличаться от них. В любом случае... — Он увеличил один из кластеров сети. Остальная структура сместилась куда-то вдаль, но полностью не исчезла, оставшись присутствовать по краям голограммы. — Это участок, отвечающий за моторику и устойчивость тела.

Равна кивнула и с трудом подавила усмешку. Она начала понимать, куда они клонят, и боковым зрением заметила, как Невил пробирается с дальнего края группы в направлении Равны. «Да помоги же!»

Ее полупроявленная усмешка, наверное, приободрила Эйвина, поскольку он продолжил:

— Это всего-навсего тестовая модель для задач более высокого класса, в основном медицинских.

Если бы мы действительно хорошо изучили программный интерфейс «Внеполосного-II», нам бы удалось заставить корабль сгенерировать карты патологии участка моторики-устойчивости и сопоставить их с наблюдаемыми у…

— …у меня симптомами, — закончил Тимор. Когда Эйвин приступил к демонстрации, мальчик сел на пол, но теперь с трудом поднялся на колени, чтобы Равна его наверняка заметила. — Они пытаются меня вылечить.

Эйвин опустил на него взгляд.

— Мы попробуем, Тимор. Все здесь, Внизу, так чертовски сложно.

— Я знаю. — Это ненужное напоминание Тимора немного рассердило.

Секундой позже Эйвин обернулся к Равне:

— Как бы то ни было, если… то есть, я хотел сказать, *как только* мы этого добьемся, «Внеполосный-II» сможет вычленить целевые участки и начать эксперименты по нейротерапии. — Здесь Эйвина внезапно покинула былая уверенность. Он посмотрел на Равну скорее вопросительно. — Мы полагаем, что добились определенных результатов, Равна. А вы какого мнения?

Равна мгновение вглядывалась в симуляцию. Ей так было легче, чем смотреть Эйвину Веррингу

в глаза. Ребята — умнички и дети гениев. Самые старшие получили неплохое страумлианское образование перед отлетом в Высокую Лабораторию. А Внизу? Внизу они были все равно что приготовишки. Внизу эксперименты не могли сами себя осуществить. Требовалось развертывать инфраструктуру и разбивать каждый опыт на стадии. Она наконец посмотрела на Эйвина Верринга и увидела, что он прочел ее мысли. Улыбка сбежала с губ, и она сказала:

— Эйвин, мне это нелегко, но вы…

Тут на помощь чудесным образом подоспел Невил. Он похлопал Эйвина по плечу и успокаивающе улыбнулся Равне:

— Все будет в порядке, ребята. Дайте-ка мы с Равной побеседуем.

Врачи-самоучки этим ответом удовлетворились — но далеко не так, как Равна ожидала. Она улыбнулась им своей самой уверенной улыбкой:

— Я скоро вернусь. — Она опустила взгляд. — Я обещаю, Тимор.

— Я знаю, что ты вернешься, — сказал мальчишка.

Она позволила Невилу увести себя. «Благодарение Силам». Он явно располагал определенным контролем над аппаратурой Нового Приемного

Зала: не успели они пройти и пяти метров, как звуки изменились, и Равна поняла, что, хотя стоят они двое в середине помещения, недалеко от остальных, подслушать их никто не способен.

— Спасибо, Невил. Это ужасно. Да как они вообще…

Невил сердито махнул рукой:

— Это моя ошибка, черт подери. В Зале полно игровых программ для Медленной Зоны, но я подумал, что лучшим ученикам Академии, которым хочется как-то применить полученные знания, сюда путь не заказан.

— Да, нам обоим бы этого хотелось. Мне нужна помощь в планировании.

— Да, но я уже понял, что толку от них никакого. Мы оба знаем, что сущим безумием было бы сейчас нырять в молекулярную биотехнологию, как в омут с головой.

Равна отвернулась, так что один лишь Невил видел бы, как она несчастна:

— Я уже пыталась Эйвину это втолковать.

Невил решительно помотал головой:

— Эйвин… чересчур идеалистически настроен. Он воображает, что это не труднее, чем поднять урожайность удобрениями. Надо нам всем при случае сесть вместе и обсудить…

— Правильно, я должна выступить с публичным обращением. — Постепенно она проникалась этой мыслью. — И чем скорее, тем лучше. — Собрать всех, ввести в курс проблемы и заручиться поддержкой. — Я собираюсь показать им формализованные схемы налаживания неотложной медицинской помощи, рассказать, как можно использовать оставшиеся гибернаторы вахтовым методом, пока мы не наладим нормальной медицины.

— Да!

— Я сейчас вернусь, скажу Эйвину и остальным… попытаюсь объяснить. — Она поглядела через его плечо в сторону свежеиспеченной команды звездолета. Те уткнулись в свой симулятор и не смотрели на Равну с Невилом. Ну, почти никто не смотрел, кроме Тимора.

Невил, казалось, уловил неуверенное выражение на ее лице.

— Если пожелаете, *я* мог бы это объяснить Эйвину и остальным. То есть основную идею, а вы займетесь прояснением деталей.

— Тебе не сложно? — Ну да, они же все друзья Невила, он их понимает так, как Равна никогда не сможет. — О, спасибо тебе, Невил.

Он пожал плечами и помахал ей:

— Не волнуйтесь, я все улажу.

Равна вышла из-под купола тишины и помахала ребятам, пока Невил шел к Эйвину и его друзьям, потом повернулась и направилась к выходу на капитанский мостик. Ей так много еще нужно было исправить в заготовленной речи. Каждый, даже Древорезчица, должен понять и по достоинству оценить ее. Каждый!

Быстро пролетела десятидневка; снаружи холодало, выпавший снег укрыл даже улицы Тайного Острова и не растаял. Сумерки сменялись истинной ночью. Луна и северное сияние были теперь основными источниками света в небе на протяжении суток.

За исключением поездки со Щепетильником в Холодную Долину и на Пик Плавилен, Равна большую часть этой десятидневки просидела за командной консолью «Внеполосного-II», занимаясь делами. Работы было очень много. Дно Холодной Долины предстояло расчистить и разровнять, стаи Щепетильника уже почти справились с лазерной гравировкой целевой структуры диаметром около километра, использовав для этого корабельные микролазеры. Как только настанет истинная зима, они попробут запустить фабрикатор настоящих стомикро-

метровых электронных компонентов… и, если все пойдет по плану, получат десять тысяч логических сумматоров. Да-да, правда! Цель была скромная, однако ее достижение послужило бы надежным доказательством, что проект в принципе реализуем и его можно масштабировать. Предыдущей зимой они толком не успели все развернуть, как началась оттепель.

Равна продолжала шлифовать и кроить свою речь на предстоящем собрании, превращая ее в маленький шедевр ораторского оптимизма. Невил ежедневно наведывался в рубку и обсуждал с Равной бесчисленные детали запланированного в Новом Приемном Зале заседания. Речь и Новый Приемный Зал, переделанный Невилом и его командой, возымеют совместное действие. Она выбрала дату для речи и представила ее Древорезчице. Та согласилась; уже хорошо! За все время состоялось единственное заседание Исполнительного Совета, на котором королева присутствовала, но была в отвратительнейшем настроении. Со Щепетильником тоже возникли трудности. Он был настолько политически безграмотен, насколько вообще возможно для высокопоставленной стаи, — вдвойне удивительно, учитывая его происхождение. Хотя Щепетиль-

ник уже заручился полной поддержкой Равны и содействием корабельной автоматики, жалобы на недостаточное внимание к проекту «Холодная долина» поступали от него с удручающей регулярностью. Он был в чем-то прав, но нельзя же было так откровенно плевать на политическую ситуацию и будущие расклады! Впрочем, Равне стало совестно, и она уделила Щепетильнику с его проектами больше времени и внимания, свалив на Невила подготовку к предстоящему собранию.

Имелись также и другие причины не созывать Совет: Равна рылась в сводках ранних лет надзора за Шкуродером. Пока что она была уверена, что первые несколько лет шпионские программы поставляли надежную информацию. Это да еще родительская чухня последнего сеанса несколько развеяли ее паранойю насчет стаи. Впрочем, Равне было все еще не по себе, когда на заседаниях Совета она встречалась с ним взглядом. А еще — Странник и Йоханна отсутствовали. У них было свое задание, опасное и, по мнению Равны, довольно бессмысленное. Они улетели на антигравитационном флайере шпионить за Восточным Домом — аж за пять тысяч километров! На таком расстоянии прямая радиосвязь была

невозможна, но Страннику с Йо удалось приспособить один из немногочисленных свободных компьютеров «Внеполосного-II» для передач в диапазоне частот от пяти до двадцати мегагерц. Радиопередачи уходили в небеса и, отражаясь от ионосферного слоя планеты, попадали на другую сторону материка. На Холме Звездолета «Внеполосный-II» вычленял эти данные из радиошума северного сияния, ярчайшие занавеси которого как раз полыхали над Доменом, и посылал обратно многократно усиленный отклик, достигавший наручного коммуникатора Йоханны.

Собственно, единственное заседание Совета было посвящено главным образом этой вылазке.

— Я рад, что мы сюда смотались, — сказал голос Странника из компьютера. — Истории о Магнате не преувеличивали размаха его деятельности. Он начал собственную промышленную революцию.

Шкуродер, сгрудившийся, по своему обыкновению, на дальнем конце стола, оживился:

— Ага, Проныра показывает когти!

Древорезчица едва слышно зашипела, но другого ответа не последовало. Действительно, именно в Восточном Доме как раз и потерялся след Проныры, и было это восемь лет назад. Вскоре после этого в лабораториях Щепетильника имела ме-

сто серия странных краж: пропали принтеры, прототип телефонного аппарата, даже один из трех основных принтерных интерфейсов. Щепетильник закатил скандал, не уступавший и даже кое в чем превзошедший недавнюю истерику по поводу радиоплащей, хотя в тот раз воров удалось поймать, и оказались они бывшими лейтенантами разведки Проныры. А потом Магнат стал постоянным источником новостей и инноваций.

— Мы уже обсуждали такую возможность, — заметила Равна. — Магнат может считать себя нашим соперником, но любая диффузия технологии по миру в конечном счете служит на пользу всеобщему прогрессу. Держите на уме нашу основную цель. Флот Погибели спешит к нам.

Шкуродер лениво перекинулся взглядами со своими элементами, что у стай соответствовало презрительной ухмылке:

— Основная угроза уже не будет иметь для вас особого значения, если к тому времени вы профукаете Домен.

— Именно поэтому мы с Йо отправились на разведку, — ответил Странник. — Из замеченного здесь можно сделать вывод, что за истекшие годы Магнат добился даже больших успехов, чем сообщали слухи. Теперь размах его деятельности

просто невозможно скрывать. Я полагаю, что Магнат, или Проныра, если это он, располагает хорошо налаженной сетью шпионов на самой верхушке Домена.

При этих словах Древорезчица вздернула головы. Два ее элемента, даже три, если считать маленького щенка по имени Шт, неотрывно уставились на Шкуродера.

— Это подлинные инновации, — добавила Йоханна. — Мне кажется, что утечка в лабораториях Щепетильника на северной окраине несомненна.

— Что?! — рыкнул Щепетильник возмущенно.

— Вы встречали самого Магната? — спросила Равна.

— Еще нет, — признался Странник. — Его не так просто увидеть. Даже управляющие заводами редко с ним сталкиваются. В повседневной деятельности он не так часто фигурирует.

— Нам нужно соблюдать крайнюю осторожность, — сказала Йоханна, — а что до меня, то я держусь в тени.

— Отлично! — в один голос с искренним облегчением отозвались Равна и Невил. Йо неизменно предъявляла им такой аргумент: на двух ногах Йоханна может сделать кое-что недоступное

Страннику на шестнадцати — и совместная работа Странника и Йо получается более результативной, чем по отдельности. Равна не считала, что этот аргумент вполне оправдывает постоянные шпионские миссии Йоханны.

— Я бы хотел, чтоб ты вернулась, — осмелился вставить Невил.

— Я в порядке, Нев. Как я и сказала, низко лечу, тихо посвистываю.

По радиосвязи пришел странный звук — наверное, аккорд Странника. Равна усмехнулась, вообразив себе, как стая и девушка скорчились над маленьким коммуникатором. На Восточном побережье занимается рассвет. Она представить себе не могла, где именно те прячутся. Шкуродер-Тиратект тоже качал головами и щерился.

— Ну что? — посмотрела на него Равна.

— Как, вам еще что-то непонятно? — встряхнулась — пожала плечами — стая. — Не нужны никакие шпионы в организации Щепетильника. Вы ведь помните, кто украл Слоника? Да будь у меня Слоник, я бы один воссоздал все ваши…

Древорезчица зарычала, и, если бы не интеллектуальная акустика «Внеполосного-II», от этого звука могли лопнуть барабанные перепонки. Три элемента навалились на стол и стали цокать по

нему стальными когтями.

— Ты признаешься в измене? — поинтересовалась королева.

Шкуродер оскалился:

— Ой, да не строй ты из себя идиотку. Хотя я же забыл — ты и есть та самая идиотка, которая не убила Проныру, когда была возможность. Ты и есть та самая идиотка, которая позволила ему сбежать и теперь продолжает огульно обвинять *меня* в краже Слоника.

Еще один элемент королевы влез лапами на стол. Наступила минута, когда полагалось вмешаться Равне и примирить высокие расплевавшиеся стороны. Так было на прошлых стычках. А как сейчас? «Интересно, если я попытаюсь вмешаться, Древорезчица меня покусает?»

Невил оказался смелее, быстрее или глупее. Пока Древорезчица с угрожающей неторопливостью ползла по столу к Шкуродеру, он уже вскочил на ноги:

— Все в порядке, ваше величество! — Он вытянул руку в сторону королевы и только тогда сообразил, что пытается успокоить этим чисто человеческим жестом нечеловеческое существо. — Истинно мудрому правителю еще и не такое приходится слышать в свой адрес.

Средневеково-куртуазный маневр Невила сработал. Древорезчица не отступила, но замедлила продвижение по столу.

— Шкуродер прав, — сказала невозмутимо Йоханна. Наверное, низкокачественная радиотрансляция не передала щелканья челюстей и клацанья когтей. — Нельзя исключать, что в действительности Магнат — это Проныра и Слоник. Однако наличие шпионской сети в лабораториях Щепетильника также может объяснить его успехи.

Все, кроме Щепетильника, этим удовлетворились.

— В моих лабораториях нет шпионов!

Но, что неудивительно, он с большим энтузиазмом переключился на обсуждение технических способов выявления шпионской сети, которую полагал несуществующей. Отслеживать пользовательский доступ к «Внеполосному-II» не представляло труда. Сложнее было сопоставить определенные инновации и активность тех или иных пользователей.

Невил совсем приуныл:

— Мы обязаны докопаться до истины. Наверняка найдутся подходы и к Магнату. Йо, ты же прямо сейчас улетаешь из Восточного Дома, разве

не так?

— Согласно первоначальным планам. — Йоханна и Странник пошептались, но «Внеполосный-II» не смог передать о чем. — Наше оборудование ведет себя отлично, у нас превосходное укрытие за стенами города. Мы останемся там до тех пор, пока от нашего шпионажа будет польза, особенно если вы сумеете подкинуть нам несколько наводок.

Вид у Невила был несчастный. Равна с содроганием себе представила, как он себя изведет, пока не вернется Йоханна.

— А у *вас* есть какие-то догадки? — спросила она.

— У Щепетильника в лабораторных журналах можно поискать подозрительные совпадения, — предложил Странник.

Древорезчица отползла на свои места и ответила:

— Исходя из того, что сообщили нам Йоханна и Странник, Магнат набирает мощь. Если сейчас они возвратятся, прервав миссию, в следующий раз повторение вылазки может оказаться невозможным.

— Нам бы не помешала хорошая сеть шпионов на востоке, на полной ставке, — любезно предло-

жил Шкуродер-Тиратект.

Древорезчица встряхнулась, выражая одобрение. Для них двоих разговор получался почти вежливый.

Понемногу совещание обрело черты привычных заседаний Исполнительного Совета, с той разницей, что Йоханна и Странник на нем отсутствовали и меньше чем через двадцать дней вернуться не могли.

Двадцать дней. Странник с Йо не успеют возвратиться к программной речи Равны. С той ночи на могиле Фама она еще не говорила с Йоханной. Девушка большую часть времени проводила в разведывательных полетах, а когда бывала в Домене, то в основном уединялась с Невилом. У Равны, в свою очередь, не осталось почти никаких окошек, чтобы поболтать с Йоханной тет-а-тет. Да и Древорезчица вся, можно сказать, на желчь исходила. Равна подготовила множество черновых вариантов своего выступления. Ей так много требовалось собрать воедино. Кое-что приятно удивило бы Детей — например, переделка Нового Приемного Зала под нужды зарождающейся формальной демократии, с расширением их собственного участия в жизни корабля и Домена. Нужно было упомянуть и о горьких трудностях

— угроза Флота Погибели нависла над ними, она никуда не делась, и все, что они могли предпринять, так это ускорить технологический прогресс, насколько возможно. Исследованиями в области продления жизни придется пожертвовать… Наверное, можно будет как-то смягчить эти заявления. Без Древорезчицы, даже без Йоханны и Странника все замыкалось на самой Равне и еще, конечно, на ценных советах Невила; он снова и снова указывал ей на неточности и огрехи, предлагая свои разумные поправки. Например:

— Распланируйте все так, чтобы речь заканчивалась оптимистично. Это настроит аудиторию на добрые вести и в будущем, и относительно всей программы. — И добавил: — Мы могли бы заодно известить всех о вашей идее насчет Общественного Собрания, Равна. Папа говаривал, что ответственные управленцы могут с честью встретить дурные новости, если обладают некоторой степенью контроля за источником проблем еще более скверных. — Они решили использовать выступление не только для речи Равны, но и для того, чтобы предложить Детям и Когтям активнее подключаться к общественной жизни. — Равна, я говорил об этом с Древорезчицей. Она считает, что наша задумка сработает.

Это была едва ли не лучшая новость. Древорезчица все еще избегала соправительницы, но, по крайней мере, косвенно в подготовке собрания поучаствовала. Тем временем Невил и компания ломали головы над дополнительным расширением Нового Приемного Зала и демонстрировали ей дюжины вариантов украшения интерьера. Кончилось все тем, что Равна полностью спихнула эти задания на Невила и сосредоточилась на подготовке речи, прилагая все силы, чтобы аккуратно подвести аудиторию к заключительным пунктам.

И вот до «большого совещания» оставались сутки. Равна не могла думать о нем иначе, как в терминах обратного отсчета. *Совещание минус пятнадцать часов.* Она напоследок встретилась с Невилом и поделилась с ним последними соображениями по устройству интерьера Нового Приемного Зала, потом снова села за презентацию и с головой ушла в работу.

— Не волнуйтесь, если речь покажется вам не вполне отточенной. Там же буду я. Открытый статус совещания позволит мне без проблем подключиться к выступлению и задать наводящие вопросы. Точно так же легко будет вашим друзьям выказать поддержку.

— Да, ты прав, — согласилась Равна, — зря я себя поедом ем. — Она поглядела на маленькие часы, выведенные на обратный отсчет в углу экрана. 14 часов 37 минут 33 секунды до выступления. Они с Невилом сидели на капитанском мостике, но Равна настроила все окна так, чтобы те имитировали окружение Нового Приемного Зала через… уже через 14 часов 36 минут 55 секунд. Она вгляделась в лицо Невила. Молодой человек тоже казался взволнованным, но Равна решила, что причиной тому ее собственное нескрываемое беспокойство. Как же повезло Йоханне заполучить этого парня.

— Невил, спасибо тебе огромное за все. Без тебя я бы не справилась.

— Равна, вы бы и не могли сами все проделать, — покачал головой молодой человек. — Но ваше руководство, ваши указания абсолютно необходимы; все мы, Дети, можем только помогать вам. И нас не одолеть, когда мы вместе.

Эти слова живо напомнили Равне заготовленную речь, и внезапно она поняла, что Невил в самом деле думает такими оборотами — *живет ими*, — хотя ей самой они казались прискорбной банальщиной. Слишком много репетиций. Она поднялась из кресла и медленно прошлась по симулированной трибуне, а дойдя до места,

откуда на капитанский мостик обычно заглядывала ночь, жестом разблокировала дверь и обернулась:

— Ладно. До завтра. — Усмешка. — Осталось немногим меньше четырнадцати часов тридцати пяти минут двадцати одной секунды.

Невил тоже встал. В ответной улыбке проступило некоторое облегчение.

— Как пожелаете, госпожа.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки от нее.

— Спите спокойно и ни о чем не переживайте, — сказал он.

— О, спасибо, Невил. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — улыбнулся молодой человек и ушел.

Равне, разумеется, не спалось, она даже в постель не сразу отправилась. «Но кто-то же должен за шкирку оттащить меня от новых правок речи». Она спустилась с трибуны и села за обычную аналитическую работу. «Внеполосный-II» все время держал активированными программы селекции рисков — иногда они учиняли взаимоблокировку и мешали исследованиям Щепетильника. Впрочем, за последнюю десятидневку Равна немного ослабила контроль. Одна из ее теорий утвер-

ждала, что каждое тревожное предупреждение оповещает об опасности, достигшей естественного максимума. Когда есть чем заняться помимо этого, например подготовкой к выступлению, такая вот здоровая паранойя сильно мешает. Тем не менее она просмотрела некоторые журналы. «Внеполосный-II» располагал системой оповещения об опасности с несколькими уровнями приоритета, но, как убедительно продемонстрировали недавние несчастья, всегда оставалась ненулевая вероятность, что уровни эти выбраны неверно.

Покопавшись некоторое время в журналах, Равна внезапно сообразила, что так или иначе отделалась от навязчивых мыслей о завтрашнем выступлении. Ха, ну надо же, получается, и от занудных сводок «Внеполосного-II» может быть толк!.. Она полезла на нижние уровни приоритета и нашла кое-что любопытное в разделе «старые угрозы»: «Внеполосный-II» продолжал поиск исчезнувших радиоплащей. Эти устройства не шли ни в какое сравнение с коммуникатором Странника и Йоханны (разработанным в Запределье) или даже радио, каким пользовался сейчас Щепетильник для голосовой связи. Плащи выступали аналоговым ретранслятором мыслей

носителя, вещая при этом по всему радиочастотному спектру. Интересующий сигнал находился в удручающе узком диапазоне, и раскодировать его «Внеполосный-II», увы, не мог. Страх, ненависть, тщеславие, удовлетворение еще можно было распознать, детальное же чтение мыслей оставалось невозможным.

Корабль пока что не смог их прочесть. Но вот что-то очень похожее на плащевой радиошум «Внеполосный-II» зафиксировать сумел. Сопоставляя меняющийся мыслетон с радиоизлучением северного сияния, «Внеполосный-II» установил предположительное местонахождение носителя. Высоко в горах, на семьдесят километров к востоку, у самого края ледника. Сигнал временами прерывался, а интенсивность и спектральные характеристики его слабо коррелировали с известными образцами. Если это и радиоплащи, то их там не больше одного. Звучали они даже тише, чем полагалось бы на таком расстоянии, и носитель надевал их лишь на несколько минут в сутки.

Равна поиграла со сводками. Собственно, сигнал был слишком слаб, чтобы из него делать достоверные выводы. Если запросить более подробный анализ, «Внеполосный-II» наверняка

выдаст желаемое за действительное. Нет уж, хватит с нее этого. Но какая польза от единственного радиоплаща? Если остальная стая их не надела, один плащ — все равно что хлопóк одной ладони. Равна откинулась в кресле и вообразила себе воров, крадущихся вдоль границы Домена по извилистым горным тропам. Там смертельно опасно даже в дни высокого лета. Возможно, воров убил камнепад или подстерегли разбойники. В таком случае могли быть потеряны все плащи, кроме одного. Правдоподобное объяснение. Но оставшийся плащ нуждается в носителе и временами в солнечном свете — для подзарядки. Плащи красиво отделаны, солнечные батареи — цвета темного бархата с золотыми прожилками… не исключено, что какая-нибудь варварская стая оставила себе плащ как трофей и надевает его по особо торжественным случаям, понятия не имея об истинных возможностях устройства. Забавно. Она занесла это в заметки: «Рассказать на следующем заседании Исполнительного Совета». Нет, лучше самой Древорезчице, это может помочь им наладить пошатнувшееся доверие. В любом случае стоит как можно скорее послать в горы поисковую партию, пока зима не замела все дороги.

Окно обратного отсчета показывало –13:25:14. Час пролетел без единой мысли о речи. Стоило бы пересмотреть записи еще раз, — может, снова все переиграть? Ей еще никогда не приходилось так психовать, выступая перед Детьми. Но в прошлом она всегда общалась с ними наедине, в маленьких группах, а сейчас должна была обратиться ко всем. Если все сделать правильно, как они с Невилом задумали, проделав столь тяжкую работу, многие проблемы сами собой решатся. «Но если я собьюсь, провалю выступление…»

Глава 11

Утро выдалось мрачное, с проливным дождем и порывистым ветром: наверняка последний дождь года, холодное прощание с осенью. Равна посмотрела через панорамные окна капитанского мостика на слякоть и решила, что стоит все-таки уделить некоторое внимание одежде. Склон холма еще на рассвете затянуло плотным туманом, но теперь он понемногу рассеивался, и в образующихся промоинах кое-где проглядывали внутренние протоки и Тайный Остров; дождевые облака пришли с севера. Сенсоры «Внеполосного-II» показывали, что осадки состоят из жидкой воды, а не градинок или мокрого снега, но снаружи было так холодно, что, достигая Холма Звездолета, эта вода замерзала и улицы вокруг Нового Замка превратились в каток. Равна видела, как стаи и Дети Домена подтягиваются с юга, от Новозамка, и с севера, по Королевской Дороге. Если посмотреть на запад, там из тумана на верхушке фуникулера с каждой минутой прибывало народу; Равна увеличила изображение и пару мгновений вглядывалась в укутанных с ног

до головы людей и несчастных сопровождающих их Когтей со вставшей колючками шерстью. Следовало полагать, что они покинули Тайный Остров где-то час назад, чтобы успеть к началу речи Равны. Оставалось двадцать пять минут сорок три секунды. По крайней мере, в Новом Приемном Зале им будет тепло и комфортно.

Равна поколебалась. «Не стоило ли одеться по возможности просто? Уж точно не так, как сейчас». Она посмотрела на себя в зеркало, потом со спины. Почему-то одежда показалась женщине плохо соответствующей их с Невилом выбору нарядов для собрания, с учетом нового дизайна Зала. Хотя Древорезчица по-прежнему отказывалась разговаривать с Равной, через Невила Равна получала ее пожелания: королева настояла, чтобы ее соправительница соблюла формальности, облачилась в полный королевский костюм, со всеми регалиями и короной, поскольку и сама намеревалась предстать в таком же обличье. Не получится втолковать Древорезчице, что Новый Приемный Зал — это просто аналог Тронного, враждебность между соправительницами так и не растает.

Равна еще немного полюбовалась собственным отражением. Избранный ею стиль пользовал-

ся заслуженной славой и нередко встречался в истории, пускай даже она одна во всем мире Когтей способна его оценить по достоинству. Сама Принцесса Блисс иногда появлялась перед археологами и программистами в таких одеждах, желая заручиться поддержкой подданных.

«Ты круто выглядишь. Держись этой мысли». Она взяла под мышку свое наголовное устройство доступа — или тиару, как привыкла ее называть, — и вышла с капитанского мостика.

Три минуты пятьдесят одна секунда до начала выступления. Из командной рубки проход открывался прямо в пространство за внутренней стеной грузового отсека. В этом небольшом закутке сегодня господствовала атмосфера классического театра с живыми актерами. На миг Равна осталась за кулисами одна. Она пересекла темную сцену, не утруждая себя подстройкой освещения. По одну сторону трибуны висело окошко с текстом речи, вернее сказать, с первыми строками. «Очень важно не испортить начало!» С другой стороны Равна поместила несколько окон, которыми должен был заняться Невил; там открывался вид на весь Новый Приемный Зал. Качество обзора в них было неважнецким, перспектива напоминала рыбий глаз и была

ограничена сверх разумного. Может быть, этого и хватит. Равна представила себе, как исподтишка косит на них глазом, точно актер древнности, оценивающий реакцию публики на свою игру. Все места уже были заполнены. Там должен быть и Невил, где-то в первых рядах. Только Древорезчица и Равна должны были появиться из недр корабля. Невил сказал, что таково было желание Древорезчицы. Вероятно, какие-то фокусы королевской психологии.

Оставалось пятьдесят секунд, и по полу позади Равны простучали металлические когти. Равна обернулась и поклонилась своей соправительнице:

— Готовы к великому дню, ваше величество?

Большего ей не хотелось бы сказать. «Достаточно и того, что ты меня снова слушаешь и, как знать, в один прекрасный день можешь снова стат моей подругой».

Древорезчица кивнула несколькими головами: эквивалент улыбки, хотя в полумраке Равне показалось, что в жестах королевы есть что-то странное.

— О да, хотя ты вроде как тщательнее приготовилась.

Она указала мордой на стену, по всей видимо-

сти подразумевая убранство самого Приемного Зала.

— Какое… необычное место ты для себя приготовила.

— Для нас, Древорезчица, для всех нас.

00:00:00. Тиара без особой надобности пискнула хозяйке в ухо. Какая точность… Минутка-другая погоды бы не сделали, но Равна страшно боялась, что, если расписание каким-то образом собьется, она вообще не заставит себя подняться на сцену. Говорить что-то еще она желания не испытывала и просто поклонилась Древорезчице, указывая той на двери, распахнутые теперь во всю ширь. Яркий солнечный свет (вернее сказать, его совершенная имитация) залил Древорезчицу, когда стая проходила на сцену. Портал был так широк, что вся стая могла бы миновать его одновременно. Древорезчица и прошла в него грудь в грудь. Для Равны место оставалось тоже, но Невил предупредил ее, что соправительница считает необходимым ей самой появиться впереди, а только потом — Равне. Поэтому она молча дождалась, пока Древорезчица минует вход и удалится к тронам, установленным в левой части сцены, а потом вошла сама. Не сразу: Равну отчего-то охватило страшное беспокойство. Она только сейчас

поняла, что сама себя загнала в ситуацию, из которой нет иного выхода, кроме победы. Но время настало, а расписание надо было соблюдать. И она зашагала вперед. Как ни странно, традиционное одеяние придало ей сил и ощущения цели. Когда Равна вступила в полосу света, незримые трубы исполнили бойкую мелодию. В музыке не было ничего стайного, так приветствовали людских правителей в исторических постановках. «О нет! Глюк номер один». Если и должны тут были звучать фанфары, то в адрес Древорезчицы.

Равна повернула направо, к своему собственному трону. Потом с опозданием вспомнила, что ей следует сперва обернуться к Древорезчице и поклониться ей. «Ладно, зачтем это как глюк номер два, но маленький». Она всегда знала, что без погрешностей не обойтись.

Сцена возвышалась перед аудиторией, и, шагая через Зал, Равна смотрела на присутствующих, иногда приветственно помахивая им рукой. Жесты ее, впрочем, скорее напоминали взмахи дирижерской палочки, но в ответ последовали ободряющие аплодисменты. Она на миг подняла взгляд. «О Силы, как странно все здесь выглядит». Ей были известны точные размеры Зала после недавних перестроек, но Невил и

его друзья использовали оптические иллюзии, чтобы внутренняя архитектура смотрелась еще величественней, а Зал просторней, чем был на самом деле. Игровые уголки исчезли. Вдоль стен протянулись грациозные арки, устремляясь к потолку такому высокому, что даже случайно попавшие в Зал снаружи птицы не долетали до него. Искусственный солнечный свет лился с него, как будто сцену накрыло хрустальным шатром. Она узнала стиль: архитектура дождевого леса времен Промежуточной Реконструкции на Нюйоре. Принцессы черпали вдохновение из руин древних построек, иначе бы откуда взялись такие хрустальные балдахины? От этой сцены ее сердце сладко защемило, но для большинства стай, а тем паче для страумлианских детей она ничего не значила.

К счастью, ораторская трибуна и кафедра оказались в точности такими же, как в репетициях на капитанском мостике. Королевский престол самой Равны стоял всего в нескольких шагах от кафедры — значительно ближе, чем троны Древорезчицы. Других сидений и тронов на сцене не было. Она-то рассчитывала, что тут соберется весь Исполнительный Совет, но Йоханна и Странник все еще отсутствовали: их миссия на Восточном

побережье была далека от завершения. Невилу же явно не удалось упросить Древорезчицу, чтобы и другим членам Совета было позволено подняться сюда. «Значит, Древорезчице больше нравится модель правления с двумя королевами и внимающей им толпой народа».

Шаги по ступеням трона нелегко давались Равне. Это оказалось монструозное сооружение, высотой под два метра, не считая собственно ступеней, отделанных фальшивыми драгоценностями и редкими металлами, а также украшенных бессмысленными символами из преданий человеческой истории. «Эх, не хочу я сюда лезть. Древорезчице вид должен понравиться, но…» Тут Равна оглянулась через сцену и увидела, что места Древорезчицы устроены совсем иначе. Стая с трудом разместила каждого элемента на отведенном для него насесте. Троны Древорезчицы стояли на такой же высоте, что и престол Равны, но при этом совокупная отграничиваемая ими площадь была не больше, чем у одного трона Равны, а индивидуальные сиденьица были узкими, с высокой спинкой, и ни одна здравомыслящая стая в жизни не подумала бы на таких устроиться. «Глюк номер три, и куда серьезней предыдущих».

Делать было нечего. Равна поклонилась Древорезчице и при этом заметила огромную тень, упавшую на стену перед троном. Эту тень отбросило ее собственное изображение, расширенное метров до десяти настенной проекцией. Даже глядеть на него было боязно. Казалось, что экранная Равна, по-великански нависая над Залом, способна дотянуться до каждого в аудитории и в случае несогласия прищучить. И точка фокусировки камеры оставалась постоянной. Даже когда Равна оглядывалась на Древорезчицу, великанша на стене тоже была Равной, а не ее соправительницей.

Невилу полагалось выйти на сцену и представить собравшимся двух королев, после чего перейти к повестке дня и анонсировать особое обращение Равны. Тем не менее он не показывался. Уж это Древорезчица должна была ему позволить? Равна отвесила королеве второй поклон, лихорадочно разыскивая частный канал голосовой связи. Тут Древорезчица проявила милосердие и, неловко шевельнувшись на своих тронах, предназначенных для людей, сдвинула головы ближе. Когда она заговорила, голос шел вроде бы отовсюду и звучал на таких тонах, словно соправительница Равны находилась не более

чем в паре метров. Оставалось надеяться, что таким же кажется он и всем присутствующим.

— Всем добро пожаловать в Новый Приемный Зал. Я надеюсь, что это место станет средоточием знаний, открытости и силы для всех, кто пожелает к ним приобщиться.

На главном экране, как и прежде, маячило только лицо Равны, хотя Древорезчица сидела всего в нескольких метрах. Равна заметила, что на ней одеяния королевской стаи Когтей, но в целом не слишком отличные от меховых плащей и полукурток, которые Древорезчица имела обыкновение носить. Для стай эквивалентом человеческой мимики являлось размещение элементов, и, скучившись на своих тронах, Древорезчица изобразила эквивалент людской сардонической усмешки.

— Итак, сегодня моя соправительница Равна желает поведать вам, что принесет ее дальнейшее правление и чего она от вас ожидает. — Древорезчица вытянула морду в сторону Равны и грациозно махнула ей лапой, указывая на кафедру.

На миг Равна застыла в неподвижности, точно пойманная в мышеловку. Уже слишком многое пошло не так, как они планировали, мелочи и не

мелочи. «Все не так, как расписано!» Тем не менее она еще надеялась, что ее речь, идеи, которым она посвящена, возьмут свое. В конце концов, сейчас она располагает именно тем, к чему так стремилась, — неотрывным вниманием всей аудитории. Она спустилась по ступеням трона и взобралась на кафедру. Распахнулось окно, в нем засияли знакомые слова ее выступления. Она проигнорировала их и посмотрела на свою будущую аудиторию. Сто пятьдесят человек и около пятидесяти стай. Кафедра возвышалась над полом Зала почти на три метра. Ей почудилось, что присутствующие куда-то удаляются, тают в тумане. Их сиденья были значительно проще, чем троны на сцене, — по сути, немногим больше, чем аскетичные деревянные лавки с низкими подпорками для спин. Все внимательно следили за ней. Все были ей знакомы, даже морды стай.

И тут был Невил, прямо в переднем ряду! Он был одет в повседневную рабочую одежду, как и большинство Детей. Он вымок, продрог и хлопал себя по бокам, пытаясь согреться. Как и большинство остальных слушателей, он пришел под проливным утренним дождем. Но все же он присутствовал, хотя с высоты кафедры она его не слишком хорошо видела. Справа от него

сидел Тимор Ристлинг — для разнообразия без таскавшейся за ним повсюду стаи Лучшего Друга. Мальчишка улыбался, что для него тоже было крайней редкостью. Изображение Равны на стене его, казалось, занимало всецело. Затем, видимо заметив, что она на него смотрит, Тимор помахал Равне. «Хоть что-то правильное наконец». Равна тоже помахала им обоим, и Невил широко улыбнулся ей в ответ.

Ну что, пора начинать. Она подстроила окно суфлера таким образом, что, куда ни погляди, слова вырисовывались крупными полупрозрачными символами и не мешали наблюдать за реакцией зала. Если бы на ее месте были Древорезчица, Йоханна или Невил, она бы с готовностью закинула удочку, отпустив какую-нибудь шутку, чтобы даже самые упрямые сердца смягчились, или выразив Древорезчице безусловное почтение, или как-нибудь еще… но она была Равной Бергсндот, стояла на своем месте и знала, что отступи она от расписанной речи — все погибло. Суфлерское текстовое окошко было ее спасательной шлюпкой.

Теперь-то все бесчисленные репетиции должны были прийти ей на выручку. Она вперилась в туманные фразы. По мере того как ее взгляд

скользил от слова к слову и даже от одного лица к другому, окно прокручивалось дальше, и она говорила:

— Благодарю, о, эм-м, Древорезчица. — *Хороша, блин, импровизация…* Она приветливо улыбнулась аудитории. — Спасибо вам всем, что пришли сюда этим утром в такую скверную погоду. — А вот это уже не импровизация, поскольку «Внеполосный-II» дал совершенно определенный прогноз на утренний шторм. — Мы, люди, обитаем в мире Когтей немногим меньше десяти лет. Стаи спасли нас и стали для многих из нас лучшими друзьями. Но мы все, как люди, так и стаи, обязаны помнить о том, при каких обстоятельствах мы сюда прибыли, частью какой трагедии стало наше знакомство. — Она подобающим случаю, исполненным драматизма жестом обвела небеса по ту сторону хрустального купола. — Зло, закинувшее людей в мир Когтей, все еще таится в ближнем межзвездном пространстве, хотя его силы значительно подорваны.

Равна выдала аудитории последние на данный момент оценки положения Флота Погибели, выполненные «Внеполосным-II»: в трех десятках световых лет. Она не посмела даже заикнуться о дальнейших сдвигах Зон; *настоящий* сдвиг будет

означать конец игры, да и нет у нее никаких оснований утверждать его возможность, кроме давнего странного глюка зонографической аппаратуры «Внеполосного-II». Собственно, история немногим отличалась от рассказов, которые она повторяла Детям снова и снова, день за днем, сразу после их пробуждения от холодного сна. Невил, однако, указал, что многие ребята утратили ощущение целостной картины происходящего. Не мешало бы им еще раз напомнить об ужасе за кулисами, чтобы необходимость дальнейших жертв стала более очевидной.

— Всего через двадцать лет, — продолжала Равна, — первый свет от Флота Погибели коснется мира Когтей. Будет ли он сам по себе опасен для нас? Наверное, нет, хотя у меня есть определенные сомнения… Но за следующие десятилетия возможно прибытие маленьких снарядов, сперва миллиграммового веса. Нам на головы упадет все, что прислужники Погибели сумеют разогнать до околосветовых скоростей. Даже такие гостинцы от них при достаточно высоком уровне технологии врагов могут нанести миру Когтей серьезный ущерб.

А это уже расплывчатая экстраполяция по данным оружейных архивов «Внеполосного-II»,

построенная с учетом последних сведений о Погибели и самых что ни на есть экзотических системах оружия, какие можно стачать из подручных материалов в Медленной Зоне.

— В чем мы можем быть уверены, так это в том, что Погибель все еще желает нас уничтожить, что уже в следующем столетии, почти наверняка в течение следующей тысячи лет она способна убить всех обитателей этого мира. Если только мы не… — она сделала в точности такую драматическую паузу, какую и отрабатывала на репетициях, и окинула собравшихся решительным взором, — если только мы, люди и стаи, совместно не поднимем этот мир до наивысшей доступной в Медленной Зоне технологии. Это наша надежда. Вероятно, больше нам надеяться не на что. Такова наша цель, и она стоит тяжких жертв.

Пока Равна говорила, ее внимание не отрывалось от аудитории. Иногда она улучала минутку вежливо кивнуть в сторону соправительницы. Равна не пользовалась никакими утилитами анализа, но речь отрепетировала так хорошо, что успевала отмечать реакцию слушателей. Ее глаза поочередно останавливались на тех, чье внимание было бы для нее ценнее всего.

Невил, вероятно, не лучший тестовый субъект, но удобный; он кивал в точно рассчитанные моменты, делая вид, что слышит речь Равны впервые, хотя за последние дни прослушал ее от начала до конца не один десяток раз.

А другие? Эйвин Верринг и Эльспа Латтербю слушали вроде бы внимательно, но нет-нет да качали головами, глядя друг на дружку. Владельцы белошвейной лавки, Бен и Венда Ларсндот, сидели в задних рядах, вместе с детишками, и на первых порах прислушивались к речи, но потом большую часть времени тратили на то, чтобы утихомирить детей. Равне показалось, что они действуют так, будто ее слова им уже знакомы. «Ну и что в этом удивительного, я им много десятков раз что-то подобное говорила за эти годы». Кое-кто откровенно передразнивал ее — прежде всего Ганнон Ёркенруд и его присные.

Все шло более или менее по плану. Невил с Равной предусмотрели такой разброс реакций, когда вычитывали и редактировали речь, к тому же она оказалась достаточно сметливой, чтобы вносить в выступление определенные поправки, пропуская вполне очевидные моменты и стараясь привлечь всеобщее внимание к сути выступления. Но нет, эта мысль даже заставила

ее сбиться с ритма, она чуть было не сбежала с трибуны. «Единственная надежда на успех — придерживаться заранее расписанной схемы». Эти слова были неласковы, но она понимала, что в них заключен несомненный смысл.

— Итак, каково же величайшее самопожертвование, чего требует от нас цель всеобщего выживания? Эту жертву каждый из вас приносит ежедневно, и решение это нелегко, хотя я и постараюсь представить убедительные доказательства непрактичности альтернатив. Мы придаем относительно низкий приоритет биомедицинским исследованиям. — Вот теперь аудитория оживилась и даже стаи вздернули морды. Начать с плохих новостей, подвести к хорошим. Она так долго к этому подбиралась… как бы не оступиться на полпути. По крайней мере, осталось совсем немного до идей учреждения комитета неотложной медпомощи и переделки гибернаторов. — К настоящему моменту мы умеем лечить только несложные травмы. Мы действуем только на основные эпигенетические триггеры. В конечном счете все это изменится. Но что нам делать со старением, пока не будет достигнут прорыв? Наши предки мирились с таким положением вещей тысячелетиями… — Ей не суждено было

дойти до слова *но*.

— Мы не твои гребаные предки! — заревел Джефри Ольсндот. Он сидел в гуще толпы, и до этой минуты Равна его не замечала; теперь же он в бешенстве вскочил на ноги. *Джефри?* Амди сгрудился вокруг него, вытягивая морды в жесте, который Равна бессильна была расшифровать.

Джефри орал во все горло:

— Как смеешь ты повелевать нам, сидя тут в безопасности и задирая нос? Мы отказываемся умирать за тебя, Равна! Мы… — Он продолжал кричать и жестикулировать, но его голос стал неслышен благодаря интеллектуальной акустике «Внеполосного-II».

Тогда вскочили Ганнон Ёркенруд и его дружок:

— Мы не станем за тебя умирать, расфуфыренная королева! Мы не станем умирать за… — Их голоса истаяли следом за воплями Джефри.

Тами Ансндот и некоторые другие тоже кричали и тоже безмолвно. Равна позаботилась о настройке акустики, но контроль над ней был запрятан глубоко в общеуправляющей автоматике Зала.

«Я не хотела затыкать им рты!» Она сфокусировалась на окошке со словами речи. Осталось еще так много абзацев! На миг Равну охватили

ужас и бессилие. Затем в первом ряду поднялся Невил. Благодарение Силам. Они с Невилом так и планировали дать ему слово, но попозже, когда наступило бы время вопросов и ответов. Но придется, видимо, сделать это сейчас, иначе кошмар, которым обернулась ее речь, никогда не закончится.

Она помахала ему рукой, призывая на кафедру. Невил вскарабкался на сцену, но места за кафедрой не занял. В зале Джефри и остальные не стали садиться, но по крайней мере заткнулись. Зато вместо криков толпу охватил угрожающий шепоток. Невил повернулся к ним и поднял руки ладонями вперед. Как по мановению волшебной палочки, все протестующие уселись на скамьи.

— Народ, слушайте. Это наш Новый Приемный Зал. Равна построила его для нас. Мы должны использовать его во благо. — Сердитые шепотки тут же оборвались. Это произошло мгновенно по всей толпе, какую Равна охватила взглядом. Все слушали Невила, в надежде, что его простые и понятные слова внесут ясность. Равна оглянулась через плечо на гигантский экран, паривший над сценой, и увидела, что камера все еще нацелена на нее. Может, если она отойдет прочь от кафедры, камера переключится? Она отступила на край

сцены, потом спустилась в зал и села. Но даже когда она заняла место на одной из аудиторных скамеек, лицо ее продолжало сердито хмуриться на собравшихся. Аудитория видела Невила только как фигуру нормального человеческого роста, стоящую рядом с кафедрой. Хорошо хоть акустические глюки не затронули его голос.

— А вот что самое важное в Новом Приемном Зале: это место, где все мы, беженцы, можем высказаться и проголосовать. — Он посмотрел влево, на Древорезчицу.

Та вежливо кивнула ему парой голов и с нескрываемым облегчением в голосе ответила:

— Ты совершенно прав, Невил. Назрела настоятельная потребность людям и стаям Домена сказать свое слово.

Теперь Невил смотрел направо, на Равну:

— А вы согласны с этим, Равна?

— Да, конечно! Я…

Но он перевел взгляд на аудиторию, и Равна позволила ему продолжать. Пока что он импровизировал лучше, чем она после стольких репетиций.

— И мне кажется, что вопрос таков: о чем нам голосовать? — Он усмехнулся. В толпе раздались смешки. — Думаю, у нас несколько проблем, за

которые следует проголосовать отдельно. Например, крайне важно, чтобы у нас всегда было место для высказываний, чтобы наши голоса всегда могли быть услышаны. — Это заявление было встречено громким одобрительным гулом. На сей раз акустика не шалила. — Еще я думаю, что медицинские исследования представляют наибольшую важность, и не только затем, чтобы все мы оставались молоды и красивы. — Невил опять усмехнулся, но печально и мимолетно. — Вы все знаете Тимора Ристлинга. — Невил указал в передний ряд. Тимор все еще сидел там, и когда Невил повел в его сторону рукой, камера наконец очнулась и вывела изображение Тимора на висящий над сценой экран. Это был не просто портрет до плеч. Безжалостная хромоногость и криворукость Тимора явились аудитории во всем безобразии. Его руки слегка дрожали. Мальчишка посмотрел на огромное изображение, потом удивленно-весело хлопнул в ладоши. Невил улыбнулся ему и перевел взгляд на толпу. — Многие ли из вас помнят Тимора в прошлой жизни, в Высокой Лаборатории? Я помню, хотя ему было всего четыре года. Его родители занимались поддержанием унаследованного кода, образно говоря, вытягивали всю нашу логику за шнурки

из болота фактов — почетная работа, и они хорошо с ней справлялись. Они имели все основания рассчитывать, что сын их будет по крайней мере нормален. — Голос Невила упал. — Но это не так. Ситуация, в какую мы все тут попали, почти убила его. — Он остановился и снова обвел взглядом аудиторию. Когда он заговорил, голос его исполнился решимости. — Это непереносимо. Ни для Тимора, ни для всех остальных. Так дальше жить нельзя. — В аудитории оживились.

Следующие десятидневки Равна Бергсндот провела, снова и снова воспроизводя эту часть выступления в своей памяти. Она не переставала удивляться, каким странным, причудливым образом факты сломили сопротивление старых суждений и разбросанные кусочки мозаики сложились в ясную картинку. Она помнила, как встала со скамьи и отчаянно замахала Невилу, пытаясь направить его туда, куда и должен был пойти разговор, — к совершенствованию губернаторов. Но Невила уже несло, он будто летел на волнах поддержки, катившихся по аудитории со всех сторон.

— И вот по этому поводу мы действительно обязаны устроить голосование. Но случай с Тимором — лишь симптом, а систематическая проблема

требует иных решений. Слишком много было секретности в этих вопросах, кто знает почему? Исполнительный Совет не может быть тайным совещательным органом. Наверное, он вообще не нужен. Я отказываюсь от своего кресла в Совете.

В аудитории встали, готовясь наперебой заговорить, сразу несколько человек. Невил остановился и сделал приглашающий жест:

— Джефри?

Джефри упер руки в боки и заговорил гневно, не глядя на Равну (Амди прижался к полу так, что там и сям выглядывали только морды):

— Ты хочешь, чтобы мы проголосовали? Так я тебе скажу, о чем нам голосовать. Не о том, нужен ли нам Исполнительный Совет, а тебе — кресло в нем, Невил. Настоящий вопрос — это сколь долго будем мы терпеть мегаломаньячку, которая не переставая смешивает нас с грязью!

На миг воцарилась гробовая тишина: все казались так же шокированы этим заявлением, как и Равна. Потом вскочил Ганнон Ёркенруд и что-то заорал, поддерживая Джефри. Остальные вскочили вслед за ним, и уже спустя несколько мгновений Венда Ларсндот и Ганнон Ёркенруд начали сердитую перепалку. Невил опять поднял руки. Пара секунд — и гам утих. Венда недовольно

села, так же поступили Ёркенруд и другие. Невил подождал, пока все утихомирятся, и продолжал:

— Совершенно ясно, что мы многое могли бы здесь обсудить, гораздо больше, чем можно вынести на голосование на одном-единственном заседании. У нас остаются насущные проблемы управления Доменом. Наверняка можно прийти к безопасному компромиссу, и мне известен надежный, проверенный временем источник ежедневной административной власти. — Он обернулся и отвесил Древорезчице поклон. — Госпожа, чувствуете ли вы себя достаточно уверенной, чтобы продолжать управление без помощи Исполнительного Совета? В делах Домена, где не наблюдается подобного разброса мнений?

Два элемента Древорезчицы бросили взгляды на Равну, а остальные, включая щенка, смотрели на Невила и собравшихся в зале. Поза соправительницы выражала неослабное внимание, но Равна десять лет работала с Древорезчицей бок о бок, и ей показалось, что помимо легкой печали королева испытывает с трудом сдерживаемое удовлетворение. Если так, то в ее словах и голосе оно отражения не получило.

— Вполне, господин Сторхерт. Конечно же, я высоко ценю мудрые советы, от кого бы те ни

исходили.

— Разумеется. — Невил кивнул Древорезчице, и кивок этот опять больше напоминал поклон. Потом он повернулся к Равне, но ей поклона отвешивать не стал. Тон Невила был успокаивающим, выражал искреннюю заботу и облегчение. — Равна, мы так многим тебе обязаны. Ты поддержала Древорезчицу в ее войне против Стального и прежнего Шкуродера. Мы помним твою любовь и заботу в первые дни нашего изгнания, помним, как ты сделала все возможное, чтобы Древорезчица и ее стаи выходили самых маленьких из нас. Даже сейчас мы отчаянно нуждаемся в твоих советах по работе с архивами «Внеполосного-II». — Он сделал паузу, словно бы размышляя, как продолжать. — Но в то же время мы находим, что ты, как бы это сказать, слишком сосредоточилась на одной задаче. Мы полагаем, что ты попала в ментальную ловушку, что твои потери и одиночество завлекли тебя в… — он поглядел вверх, на величественную имитацию Эпохи Принцесс, — личную фантазию. — Взгляд Невила вернулся к Равне, испытующий и соболезнующий. И только теперь Равна все поняла. Она чувствовала на себе взгляды всех Детей и стай. Некоторые искренне ненавидят ее, как, по всей видимости, Джефри.

Но большинство просто смотрят на королевские одеяния, на роскошную палату — и великие планы Равны им кажутся безумием. Она почти физически ощутила, как прорастает в толпе этот вывод в течение пяти или десяти секунд Невилова молчания. Затем он продолжал вежливым тоном: — Поэтому я считаю, что сегодня мы должны проголосовать по вопросу о временном отстранении тебя от руководящих постов, хотя и с сохранением за тобой функций помощницы и советницы по делам «Внеполосного-II». Но ты обязана будешь позволить Древорезчице и тем, кто будет голосовать в Новом Приемном Зале, вершить реальную власть. Тебе понятен смысл предложенного мной голосования, Равна?

Впервые за несколько минут речи Невила Сторхерта Равна посмотрела ему прямо в глаза. Он встретил ее взгляд и выдержал его. В лице Невила не было ничего, кроме вежливости и уважения к Равне и созданному ею миру. Равна открыла было рот, чтобы разоблачить хитреца… и не нашлась что сказать. Ей требовалось подумать хотя бы две минуты, в противном случае она бы ни на что не сподобилась, кроме проклятий. «Я могу остановить его». Невил Сторхерт получил контроль над аудиосистемами и сценическими механизмами

— Равна сама ему передала эти права перед началом работ в Новом Приемном Зале. Но полный, суперпользовательский контроль над кораблем «Внеполосный-II» оставался у Равны Бергсндот. «Я могу перехватить у него управление Залом, стереть эту подделку под Эпоху Принцесс, обличить его во лжи и принудить всех выслушать… бред сумасшедшей». Она заметила, что Древорезчица внезапно напряглась. Звериным чутьем королева Когтей поняла, что грубая сила за Равной; так могла бы смотреть собака на погонщика, занесшего над упряжкой бич.

«Не беспокойся, я еще не сошла с ума».

Равна разлепила губы и сказала:

— Я тебя понимаю, Невил. Я тебя превосходно понимаю.

— Спасибо, Равна, — ответил Невил сочувственно-облегченно.

Потом он обернулся к аудитории:

— Я думаю, что нам стоит поставить этот вопрос на голосание. Серьезные перемены, что даруют нам всем шанс построить безопасное и здоровое будущее. Объявим прения?

Прения состоялись, но не слишком жаркие. Сперва выступил Ёркенруд, за ним Джефри. Они представили на суд публики детализированную,

усложненную и более грубую версию выкрикнутых Джефри обвинений. Дослушав до середины, Равна чуть не разрыдалась. Невил больше не пользовался акустикой «Внеполосного-II», чтобы заткнуть выступающих, но оппозицию ему выразили лишь несколько человек, да и те явно чувствовали себя не в своей тарелке и говорили как-то путано. Действительно, все вокруг недвусмысленно подтверждало мегаломанию Равны. Чуть-чуть сдвинувшись на скамье, она заметила, что камера опять отслеживает ее движения. Сердитый взгляд великанши со стены устрашал.

Голосование не принесло сюрпризов: несчастную сумасшедшую обезвредили и понизили до поста советника по техническим вопросам.

Аудитория взорвалась радостными выкриками, после чего Дети поднялись с мест и стали проталкиваться по проходам к трибуне. Вокруг Равны быстро возникла чумная зона. Никто не приближался к ней, но, по счастью, и камера больше не выхватывала ее лицо; экран вообще опустел. Когда Равна села на место, над скамейкой и сценой заметались только тени.

Невил спустился с кафедры, и крики стали громче. Все теснились вокруг молодого человека, желая пожать ему руку. Невил улыбался и энер-

гично жестикулировал. Пробившись к месту, где сидел Тимор, он взял мальчика на руки и поднял его высоко в воздух.

— Мы делаем это для него! — воскликнул Невил. — Мы делаем это для всех нас!

Потом он посадил мальчишку на место, и обоих захлестнул вихрь доброжелателей. Через несколько секунд Тимор с трудом пробился к краю толпы, игнорируя доброхотов, оглянулся и заковылял по открытому пространству перед скамьями — туда, где в полумраке сидела Равна. Когда он приблизился так, что стало видно лицо, Равна поняла, что Тимор плачет. Было похоже, что обрушенное Невилом на его голову спасение не слишком обрадовало мальчика; он выглядел опустошенным и потерянным. «В точности как я сама».

Она опустилась на колени, протянула к нему руки. Тимор обвил ручками ее шею. Голос мальчика ворвался в ее ухо, тон его выражал крайнее изумление:

— Равна! Равна, что случилось?!!

Глава 12

Для Равны следующие дни прошли в странном спокойствии. Ее уведомили, что Йоханна со Странником все еще в пути с Восточного побережья, но дальнейших заседаний Исполнительного Совета не запланировано. Древорезчица ее к себе не допускала. Новая «техническая советница Домена» особых обязательств не получила. Ее попросили покинуть аппартаменты на борту «Внеполосного-II» — освободившееся место предполагалось использовать под медицинские системы, обещанные Невилом. По всей вероятности, они намеревались переделать и усовершенствовать гибернаторы, хотя Равна с трудом себе представляла, как этого можно добиться.

Она заняла один из новых коттеджей по Королевской Дороге. Били Ингва — видимо, основной порученец Невила — показал ей новое место жительства и помог перевезти вещи. Били все время улыбался и относился к Равне с неизменным уважением.

— Невил хотел сам показать вам новый дом,

но, кажется, только сейчас уразумел, как много работы свалилось ему на голову с административными полномочиями, — объяснил Били с обезоруживающей улыбкой.

Они стояли на втором этаже нового дома Равны. Как и все домики вдоль Дороги, этот был оборудован водопроводом и отоплением. Кроме того, на первом этаже имелся дополнительный смывной туалет.

На верхний уровень можно было подняться как по передней, так и по задней лестнице. Он представлял собой большое жилое пространство с широкими застекленными окнами, выходившими на юго-запад, на Внутреннюю Протоку. Панорама впечатляла.

— Это первый дом, в котором применено застекление новыми стеклами оптической чистоты. Все равно что дисплей, хотя меню картинок и обоев немножко ограниченно. — Били указал на узоры изморози по краям стекла. — Об этом не тревожьтесь, они исчезнут сами собой, как только мы подключим воду. Ваша тепловая станция уже зарегистрирована в корабельной сети.

Равна кивнула. Как только корабль начнет греть для нее воду, об утечках тепла через окна можно будет уже не беспокоиться, хотя сенсоры

«Внеполосного-II» обязаны будут их регистрировать для обратной связи в термостате. Ах, эти чудеса централизованных отопления и вычислений!

Били, казалось, понял, что она не в настроении с ним болтать.

— Что же, я пойду вниз и помогу ребятам распаковать ваш багаж.

Ингва удалился, и вскоре она услышала его команды от входной двери. Что-то бухало и звякало, словно там тащили очень тяжелый груз. Равна сбежала было по лестнице, но Били не дал ей вмешаться. Коробки и ящики были устрашающих размеров: ни Когти, ни Дети с ними бы не справились. Но у Били было четверо помощников из числа самых старших и сильных ребят. С Равной они не разговаривали. Только Ганнон Ёркенруд улучил минутку и оскалился в ее сторону издевательской ухмылкой.

Мебели, штор, одежды и посуды было очень много. Вещи эти не принадлежали Равне и не были взяты с корабля. На борту ей лично принадлежало несколько сувениров, остальное «Внеполосный-II» синтезировал и перерабатывал по мере необходимости. А то, что притащили помощники Били, было изготовлено Когтями,

хотя и с немалым использованием технических новинок, внедренных в жизнь Домена «Внеполосным-II». Свободное пространство на первом этаже стремительно сокращалось. Били широко улыбнулся и с преувеличенным ужасом обвел комнату рукой, как бы указывая на колоссальный масштаб работ.

— Я понимаю, что это выглядит глупо, но вам столько всего нужно, чтобы жить по-человечески в примитивных условиях; мы пошлем вам кого-нибудь, чтобы готовили вам еду и обстирывали.

«Так, теперь еще и слуги!» Равна вернулась на верхний этаж, побродила по отполированному паркетному полу, постояла у окна. В ранние годы у Детей были серьезные проблемы с использованием чисто физических устройств, систем столь тупых, что пользователь просто обязан был понимать, как они устроены. Она вспомнила, как часты были в ту пору обморожения. Ей все время приходилось втолковывать Детям, что о своей физической безопасности и комфорте они должны позаботиться сами. Внизу это было суровой правдой жизни: даже планирование не могло полностью устранить необходимость тяжелого физического труда.

Ее новое положение существенно усложняло

работу с кораблем, но было, по правде говоря, просто роскошным по сравнению даже с условиями жизни Детей. Осуществив переворот, Невил не прекратил политических маневров. Улыбчивый и обходительный Били наверняка прекрасно понимал это.

На лестнице возобновился шум: грузчики Ингвы покоряли второй этаж. Но мебель они туда тащить не стали, начав с ковров: Равна с ужасом уставилась на нечеловеческих размеров сверток, который занял весь лестничный пролет. Ингва, Ёркенруд и остальные чудовищными усилиями затащили его в комнату и расстелили там. За ними на лестнице мялась стая с молотками и ящичком гвоздей в зубах. Она узнала Винтозуба, владельца бара и шпиона Шкуродера. Неужели он и коврами промышляет?

— Привет-привет-привет, Равна, — сказал Винтозуб, одновременно кивая всем людям. Он наскоро что-то прикинул, развернул ковер и послал четверых элементов придерживать уголки. Один наблюдал со стороны и координировал их действия. Стая проворно развернула ковер в нужное положение. — Ой, не совсем ровно. — Он попытался еще раз. На третий раз ковер лег как надо, и Винтозуб приколотил его к полу, зажав

молоток и гвозди в зубах и лапах. Уголки все еще не выровнялись, но ведь никто и не заподозрил бы в Винтозубе эксперта по коврам.

Впрочем, при одном взгляде на сам ковер все претензии отпадали: это не была фабричная продукция с незамысловатым орнаментом, но настоящее произведение искусства, наверняка изображавшее классические мотивы стайного фольклора. Равна опустилась на колени и пощупала ворс. Анаморфные, наложившиеся друг на друга изображения, в общем-то, мало значили для Равны, но ковер выглядел чертовски дорогим. Традиционным способом его пришлось бы изготавливать долгие тысячи когте-часов. Равна поднялась и заметила, что Били остался к Винтозубовым хлопотам вежливо-равнодушен.

— Хэй, он великолепен, не так ли? — спросил Винтозуб. Хотя формально он обращался к Равне, два его элемента смерили презрительным взглядом Били.

— Он прекрасен, — подтвердила Равна.

— Отлично, — сказал Били. — Техническая советница должна быть счастлива. Давайте затащим сюда остальную мебель.

— Вы, Били, вроде бы обо всем подумали, но…

— Да? — Его улыбка стала вопросительной.

«Тут думать особо нечем» — так сказала бы страумлианка.

Били кивнул:

— Ах да. Компьютеры, базы данных, коммуникаторы? Мы завтра тут установим телефон. Но помните, Равна, что все мы были в таком же положении, вдалеке от «Внеполосного-II». — Ганнон Ёркенруд едва слышно фыркнул, и Равна опять заметила на его лице едкую ухмылку. Остальные грузчики с непроницаемым видом слушали беседу. К лицу же Били Ингвы добросердечная улыбка словно приклеилась. — Не беспокойтесь, Равна. Мы предоставим вам хорошо оборудованное рабочее место в Новом Приемном Зале.

— Но мне в самом деле нужна выделенка, Били. Если вы хотите, чтобы я адекватно выполняла функции технического советника, то…

Ингва картинно воздел руки:

— Я знаю, знаю! Ваша помощь нам действительно очень нужна. Я думаю, Невил сейчас только и занят перераспределением приоритетов так, чтобы выделить и для вас участок работ. Уже через несколько дней Невил предоставит вам список заданий. Он мне сам это обещал. — Он выглянул в окно. Солнце уже почти село, был поздний вечер. — Нам нужно закончить до завтра, или вы

совсем окоченеете.

Они ссыпались по лестнице. Только Винтозуб оглянулся на Равну — но она не двинулась с места. Равна помахала стае на прощание, и Винтозуб тоже ушел. Внизу возобновился шум. На сей раз он больше походил на громыхание водопроводных труб. Неужели это Били, Ганнон и ребята — или все же Винтозуб? Она с трудом подавила порыв спуститься по лестнице и посмотреть, чем они там заняты. Вместо этого она прошлась по комнате, подошла к широким окнам. Сначала ей показалось, что стекла лишены дисторсийных искажений, но теперь по ним бежала слабая рябь… ах нет, это теплый воздух из вентиляционных отверстий. Равна оглядела окрестности. В этом направлении стояло всего несколько домиков, и вида ничто не загораживало. Небо над темнеющей землей и черным морем было совершенно бесцветным. Она заметила пригоршню ярких звезд. Теперь она прикована к единственной планете, и случайная конфигурация ярких светил будет сообщать ей о смене времен суток или года… а вон там, совсем рядом с парой звезд, повисших над морем, самый важный участок небосклона. Ничем не примечательный клочок небосвода: даже в самые темные беззвезд-

ные ночи там с трудом можно было различить несколько тусклых пятнышек.

Всего в тридцати световых годах роится около сотни кораблей. Угроза нависала над их головами уже десять лет, влияла на каждое решение Равны, заставляла ее подгонять, вынуждать, готовить Детей и Когтей к немыслимому, невозможному: отражению атаки Погибели. А теперь-то что? Груз ужасной ответственности разом свалился с ее плеч, и Равну захлестнуло странное умиротворение.

На следующий день вестей от Невила не последовало. И на следующий. Несколько Детей наведались к ней в новое жилище, но ненадолго. Старшие удивленно осматривались, восторгаясь красотой интерьеров, и словно бы пытались нашарить отсутствующие стены.

Буря предыдущей десятидневки переместилась вглубь страны, помешав возвращению Йоханны со Странником. Антиграв исчерпал энергозапас, а оставалось пролететь еще не одну сотню километров. Не все беды стоило приписывать козням Невила.

Равна ежедневно посещала «Внеполосный-II». Били Ингва дал ей временный доступ в Новый Приемный Зал. Ночь мегаломаньячества оста-

лась в прошлом. Невил придал грузовому отсеку более или менее прежний вид. Как и ожидала Равна, примитивные игровые консоли быстро утратили популярность, ведь то, что мог «Внеполосный-II» здесь создать, болезненно разнилось с воспоминаниями Детей о прошлом. Нынче тут резвились в основном стаи да еще младшие Дети. Ну и Тимор Ристлинг. Мальчишка почти не отходил от своей консоли, и даже прилипшая было к аркадам Белль Орнрикакиххм зачастую, утомившись, вытаскивала его оттуда. Тимор обычно даже не замечал появления Равны, а когда все-таки обращал на нее внимание, то принимался взахлеб фонтанировать деталями сеттингов и прочей геймерской эзотерики. Единственный преданный сторонник Равны полностью отстранился от происходящего, но, пожалуй, обрел экстатическое счастье. Остальные ребята не слишком охотно с нею общались. Может быть, глядя на нее, они вспоминали только великаншу с экрана на ужасном собрании. Поэтому в конце концов Равна села в публичной зоне грузового отсека и, обложившись устройствами доступа, с головой ушла в работу, не забывая, однако, держаться подальше от разделов архива, куда с нынешними своими «временными правами» не

могла бы попасть. Разумеется, это исключало всякую активность в роли сисадмина. Существенно урезан был доступ к вычислительным ресурсам и поисковым движкам. Некоторые библиотеки она вообще не видела.

На третий раз Венда Ларсндот несмело подошла к Равне и попросила ее о помощи.

— Игольщику так понравилась идея массового производства… Я вот пришла изложить наши прикидки кораблю и послушать, что «Внеполосный-II» на это скажет. Мы могли бы занять кучу работников ручными расчетами выкроек, но мне нужно что-то более простое для таких низкотехнологичных условий[6].

Равна с удовольствием ознакомила ее с гибридными программами планирования, которые построила сама по скудным выжимкам из корабельных архивов. Навыки пользования ими она пыталась привить Детям уже много лет, хотя программы были неслыханно тупы, в особенности по страумлианским стандартам. При поиске возникали миллионы «висячих концов»,

[6] Примечания: 6

Исторически одним из первых применений компьютеров был именно расчет оптимального раскроя тканей, да и сами по себе перфокарты впервые были использованы в ткацкой промышленности на жаккардовых станках (1808).

и «Внеполосный-II» не мог сам с ними справиться. «Но такую простую задачу несложно будет распланировать!» В безумной гонке с Погибелью Равна решила пропустить этап механической автоматики… а теперь узнала, что большинство дотехнологических цивилизаций раз за разом изобретали механические считыватели данных для ткацких станков, упрощая работу с узорчатыми тканями. Итак, реальная трудность Венды состояла скорее в том, как приспособить существующие разработки к ткацкому и прядильному оборудованию народа Когтей. Стоило Равне поднатореть в этих вопросах и задать ограничения поиска, как результат не заставил себя долго ждать; «Внеполосный-II» обнаружил, что какая-то насекомоподобная раса в ранний период своей истории сконструировала гаджет, почти идеально подходящий к станкам Когтей.

— Вот это да! — восхитилась Венда, глядя на первые прототипы. — И что, мы теперь просто можем нанять хорошего художника, чтобы он нарисовал нам узор? А потом — работа тысячи когте-часов будет выполнена менее чем за день?

Равна усмехнулась:

— Может и не сработать. Тут много маленьких подвижных деталей, а наши ткацкие устройства

не точно соответствуют конструкциям насекомоподобных. «Внеполосный-II» не слишком хорош на последних этапах конструкторской подгонки. — Она махнула рукой на флажки недостоверности результатов, поднятые там и сям среди трехмерных моделей. — Тебе стоило бы попросить Щепетильника, чтоб он для тебя сконструировал опытный образец ткацкого стана.

— Да нет же, я уверена, что мы сможем работать и с этим.

Венда зачарованно просматривала списки опций и механизмов. Она словно помолодела: ей сейчас нельзя было дать больше двадцати.

Равна подняла взгляд — Эдви Верринг и его младшие товарищи обступили двух женщин. Эдви нервно улыбнулся ей:

— Я тут подумал, Равна, что у нас все равно проблемы с игрой…

Она так давно ничем подобным не занималась… но помогать Детям разбираться в играх оказалось неожиданно приятно. Эти игры позволяли несколько отстраниться от реальности, не обладали свойственной жизни нетерпимостью к ошибкам. Да и полагаться на удачу, как в случае с ткацкими станками Венды, не было нужды. Если что-то не работает, всегда можно вернуться на

шаг и покопаться в параметрах. Иногда библиотекари (даже с временными правами доступа) уподобляются богам.

— Равна?

Голос принадлежал взрослому, и Равна тут же вынырнула из глубин очередной игрушки, какую помогала настраивать для Эдви Верринга.

Она подняла взгляд — это был Били Ингва. «Сколько же времени я тут провела?» Венда все еще здесь, работает со своим новым гаджетом для ткацкой фабрики…

— Мне жаль отрывать вас, Равна, но…

Она только сейчас обратила внимание на флажки срочных почтовых извещений.

— Ой, я и не заметила.

— Не вопрос. Я просто пришел передать, что Невил с удовольствием пообщается с вами наедине, если, конечно, вы в силах отвлечься от деловых переговоров. — Он с усмешкой кивнул Венде и геймерам.

Примерно половину Нового Приемного Зала теперь занимали офисы. Ингва вел Равну по узким коридорчикам. В конструкционных материалах преобладали древесина местной вырубки и пластмассы низкой плотности, которые «Внеполосный-II» все еще мог экструдировать. Равна

обнаружила, что помимо воли пропускает Били вперед. Она молчала, но откуда-то изнутри исподволь поднималась ярость. Рано или поздно они с Невилом должны были встретиться, но не так скоро, она еще не успела подготовиться к стычке с ним лицом к лицу, к тому, что он может сказать… Били оглянулся и увидел, что Равна остановилась:

— Равна, мы еще не пришли, еще немного.

«С другой стороны, почему эта встреча должна волновать меня одну?» Подумав, она кивнула и последовала за Били. Действительно, рабочий кабинет Невила оказался за углом. Он ничем не отличался от других, кроме дисплея, на котором светилось выписанное самношк-деловым шрифтом имя владельца. Невил Сторхерт не изменился, он был так же опрятен и немногословен, как и прежде. Он сидел за простым столом, окруженным серыми плоскими стенами.

— Входите-входите, — приветливо сказал Невил, завидев Равну с Били, и указал ей на один из стульев рядом со своим столом. Потом покосился на Били. — Десять минут, не больше. Потом вернешься.

— Ладно.

Били сгинул. Впервые со дня переворота Невил

и Равна остались наедине, лицом к лицу. Равна скрестила руки на груди и уставилась на Невила долгим взглядом; слова не шли ей на язык. Невил мягко смотрел на нее в ответ; на миг его бровь приподнялась и тут же вернулась на место.

— Ты ждешь объяснений или извинений?

— Правды.

Она ничего не смогла поделать с интонацией.

— Хорошо, вот правда. — Взгляд Невила на мгновение затуманился. — Правда такова, что ты сама виновница своих несчастий, Равна. Долгие годы ты несла нам только добро, и ты все еще самое важное человеческое существо в этом мире. Вот поэтому мы позволяли тебе своевольничать так долго — и на самом деле все, кто дает себе труд подумать немного, поймет, как много мы тебе задолжали. Это и делает твои… выдумки такими трагичными.

— Ты на самом деле не веришь в Погибель?

Невил недовольно передернул плечами:

— Я верю, что мы не в той ситуации, чтобы гадать, как там, Наверху, все в действительности произошло. Наше присутствие здесь само по себе доказывает, что в Высокой Лаборатории случилось что-то смертельно опасное. Твое же присутствие, а также те сведения, какие я почерп-

нул из файлов «Внеполосного-II», доказывают, что твой родной мир, а скорее всего, и мой уничтожены. Небеса молчат. Это доказывает, что в Запределье имела место какая-то страшная катастрофа. Но твои рассуждения насчет этой, как ее там, Погибели переходят границы разумного. Они нелогичны.

— Невил, остатки их флота всего лишь в тридцати световых годах.

Сторхерт покачал головой:

— Тридцать световых лет. Да-да. Там около сотни кораблей, движущихся на скорости от силы несколько километров в секунду. Их перемещения рассинхронизированы, у них нет прямоточных двигателей… ты и сама нам все это рассказывала. Через тысячи лет от нынешнего момента они, может, и свалятся на планету. Где-то. Когда это наконец произойдет, наши с тобой проблемы и факты, в достоверности которых я имею причины сомневаться, давно уже станут достоянием древней истории. Тем временем мы…

— Невил, ты выдаешь желаемое за действительное.

— Нет, Равна, я повторяю тебе твои же слова. Я слышал их от тебя снова и снова — это твоя мантра, нескончаемый предлог прятаться на

борту этого корабля. Проблема усугубилась за годы, прошедшие с тех пор, как мы, старшие Дети, взяли на себя опеку над младшими. Если бы ты полностью не потеряла с нами контакт, осталась бы в прежней должности.

Равна мгновение смотрела на него, едва осознавая, что у нее отвисла челюсть.

— Никто не…

— Ты никогда меня не слушала. — Он сделал паузу. — Послушай же хоть сейчас. Мы, Дети, помним и высоко чтим наших родителей. Они не были идиотами. В Высокой Лаборатории собрались лучшие умы Страумлианского Простора. Они бы ни при каких обстоятельствах не пробудили *Великое Древнее Зло*. Зато в твоих же бортовых журналах мы видим — правильно, вас с Фамом Нювеном. Вы приносили несчастье повсюду, где побывали. Ты сама признаешь, что Фам Нювен был инфицирован какой-то разновидностью или частью Силы. Ты называешь ее Контрмерой и признаешь, что она уничтожила цивилизации во всем доступном нашему восприятию космосе. Некоторые из нас дали себе труд собрать эти факты воедино и заключили, что твои слова могут соответствовать действительности. Вот только понятия доброго и злого в них перевернуты. — Он

энергично махнул рукой. — Я отверг эту позицию как экстремистскую. Она так же смехотворна, как твоя, но твоя гораздо опаснее.

— Гораздо… *опаснее*?

— Равна, ты бесконтрольно расходовала ресурсы, не в силах стряхнуть с себя наваждение. Тебя следовало остановить. Да, я признаю, что намеренно лгал тебе. Я рассказал Древорезчице об этой уловке. Я подстроил твое падение. Как бы грубо это для тебя ни прозвучало — более мягкого способа просто не существовало. Мы отняли у тебя административные полномочия, но ты вправе с нами сотрудничать. — Он посмотрел ей прямо в глаза, то ли отстаивая свою позицию, то ли ожидая от нее какой-то реакции. Равна ничего не ответила, и Невил склонился к ней; голос его несколько смягчился. — Равна, ты нам нужна. Младшие тебя обожают. Ты единственный взрослый человек, с которым они имеют дело. На уровне холодной логики — твое присутствие жизненно важно для нас, поскольку ты единственный выживший профессионал, да вдобавок библиотекарь. Некоторые мои друзья по сравнению с тобой просто сосунки, хоть они и умны. Вся их жизнь протекала в мире передовой вычислительной техники. Они решили

бы кучу проблем — но на Вершине Запределья. Теперь они начинают осознавать, как в действительности беспомощны. Ты же в совершенстве освоилась на совершенно чуждом им уровне. — Невил откинулся в кресле и мгновение созерцал ее неподвижным взглядом. — Равна, если ты меня ненавидишь, я вынужден с этим смириться. Без твоего сотрудничества я пропаду. Вот поэтому я и постарался обставить твое новое жилище со всевозможным комфортом. И по той же причине я как мог смягчил унижение, которое ты бы неминуемо испытала. Пускай ты уже не солируешь в этом спектакле, но я искренне надеюсь, что ты нам поможешь. Наши проекты скучны и прагматичны, но необходимы для выживания в этом мире.

Равна иронически покивала:

— И как ты надеешься заручиться моим содействием с правами доступа к игровым консолям, которыми Били меня вчера облагодетельствовал?

Невил улыбнулся. Впервые за все время разговора. Улыбка показалась Равне гораздо более осмысленной, чем все, с какими он к ней подлизывался, прежде чем свергнуть.

— Ой, *прости*. Это все права доступа, какие

он мог тебе передать. Я обсудил эту проблему с Древорезчицей. Она понимает, что ты обладаешь наилучшей квалификацией для работы с вычислительными мощностями «Внеполосного-II». В том числе и перенастройки их под свои нужды. Мы выделим тебе отдельный рабочий кабинет, чтобы ты не фривольничала и не отвлекалась на детские игрушки. Но мы просим тебя смириться с двумя ограничениями. Во-первых, остальные пользователи всегда будут располагать общим доступом к твоим документам. Во-вторых, Древорезчица — и я, как ни грустно в этом признаваться, — считает, что оставлять тебе контроль над кораблем нецелесообразно. — Он снова поколебался. — Ты же располагаешь какими-то правами бюрократического контроля на борту «Внеполосного-II», не так ли? Уместен ли вообще на таком крохотном корабле термин «системное администрирование»?

Равна мгновение размышляла.

– *Сисадмин*, — ответила она затем. — Так обычно называется эта должность.

«И ты, конечно же, понятия не имеешь, что это на самом деле значит, правда ведь, Невил?» Когда-то Равна была так же беспечна в терминологии. Потом Фам Нювен и наездник Синепанцирь

преподали ей хороший урок на предмет чрезвычайной — *ужасной* — важности командных полномочий на борту звездолета.

— А, хорошо. Ну что ж, я был бы тебе благодарен, если бы ты и дальше работала с теми правами, какие передал тебе Били сегодня вечером. Действуя так, ты развеешь худшие подозрения Древорезчицы. — В первый раз за весь разговор на лице Невила возникло выражение легкой досады. — Тем не менее мы вынуждены потребовать, чтобы ты немедленно передала свои права администратора.

— Тебе.

— Да. Это всего лишь оформит результаты общего голосования. — Равна не ответила. Невил добавил: — Так будет лучше для всех, Равна, и я не прошу большего, с чем ты уже согласилась на том собрании.

В ее памяти ожили последние мгновения той встречи, сразу перед голосованием. Она припомнила нахлынувшую ярость и обнаружила, что даже сейчас это чувство еще не вполне усмирено.

Тогда она добровольно воздержалась от применения грубой силы.

Равна смиренно склонила голову.

«И сейчас я тоже могу воздержаться от этого».

Глава 13

Антициклон ушел вглубь материка, а на побережье ворвалась снежная буря. Но пока Новозамок не завалило первым снегом, Йоханна и Странник еще могли прорваться туда из раскинутого на юго-востоке лагеря. Равна в ту ночь поздно легла спать, все размышляя, не совершают ли они большой ошибки. Ветер вокруг Холма Звездолета все больше усиливался. Что, если Йо и Странник прибудут в разгар бури? Безопаснее переждать ее на земле, пускай даже так далеко. Тремя годами раньше Странник застрял в лесах на пять десятидневок, пережидая серию бурь, бушевавших по всему побережью издевательски-синхронно. На сей раз… впрочем, она понимала, что до путешественников доносятся лишь обрывочные слухи о происходящем в столице. Она молила Силы, чтобы жажда определенности не превозмогла в девушке и стае осторожность.

Тревога и вой ветра не давали ей уснуть несколько часов. Потом она наконец провалилась в забытье, а проснувшись, обнаружила, что капитально проспала. С тех пор как она пе-

реехала в городской дом, такое случалось все чаще и чаще. Всю свою жизнь Равна Бергсндот полагалась на автоматические будильники и органайзеры. Тело просто не выработало привычки к самодисциплине.

Ее разбудил мягкий, но явственный шум. Она полежала немного, пытаясь сообразить, кто это, — и тут же догадалась, что это стук в переднюю дверь. Она пулей слетела на холодный пол, буквально выпав из кровати, и через окна увидела уже темнеющее дневное небо, заваленные снегом крыши домов и белые улицы. Ветер утих, пока она спала.

Равна успела пройти половину лестницы, когда хлипкий замок поддался напору гостей. Дверь распахнулась, чуть не слетев с петель. Внутрь ворвался морозный воздух, а с ним — человек в тяжелой парке.

— Гребаная дешевка! — сказал новоприбывший голосом Йоханны. Взлетая по лестнице, гость наполовину откинул парку — так и есть, Йоханна.

Девушка заметалась по комнате, сражаясь с капюшоном. За ней в дом ввалилась пятерная стая. В арктические зимы у Когтей отрастала густая шерсть, но в такой мороз даже они носили тя-

желые теплые куртки; тем не менее Равна сразу узнала Странника. Двойка исследовала скособоченный запор, еще двое тихо прикрыли дверь, а пятый элемент остался стоять, кося глазом на Йоханну. Молодая женщина наконец справилась с паркой и швырнула ее на пол.

— Гребаный урод! — заорала она. — Безродный говноедский предатель!

Эти слова несколько прояснили причину гнева Йоханны. Равна нисколько не удивилась, заслышав от Йоханны столь отборную брань, хотя и отметила краешком сознания, что на страумлианском самношке ругательства звучат несколько мягче, чем на родном наречии Равны. Потом Йоханна на миг застопорилась, подавившись проклятиями.

— Ты имеешь в виду Невила, не так ли? — вежливо уточнила Равна.

Йоханна молча смотрела на нее секунд пять, точно у нее отнялся язык, потом выдавила:

— Если ты до сих пор не догадалась, свадьба отменяется.

— А почему бы нам не подняться наверх и не обсудить это в более спокойной атмосфере?

Они поднялись по деревянной лестнице: Равна впереди, Йоханна (сердито топая) позади. На

полпути Равна услышала что-то вроде: «Извини, что наследила». Странник добавил снизу:

— Мы поговорили не только с Невилом, но и с Древорезчицей. С уха на ухо.

«Благодарение Силам, мне не придется им все объяснять. По крайней мере, самые постыдные моменты».

— Как давно вы вернулись?

— Пять часов назад, — ответил Странник. — Мы увидели просвет в буре, удобный для навигации, и риск оправдал себя. Болтанка длилась часов двенадцать, а потом ветер внезапно стих, а снег прекратился. И вот мы тут.

На втором этаже Равна сразу побежала к нагревателям. Йоханна сперва запнулась за край коврика, потом, избежав падения, попыталась с размаху плюхнуться в кресло-пуфик у стены, но промахнулась и угодила ягодицами на твердые доски. Странник помог ей стянуть ботинки, одновременно рассредоточившись по комнате и расправив коврик.

— Мы получили только обрывочные фрагменты, — объяснил он, — мы…

— Равна, — сказала Йоханна. — Тебя тупо облапошили, как последнюю лохушку.

Равна вздохнула:

— Поверить не могу, что я могла быть так наивна.

Йоханна помотала головой:

— А я поверить не могу, что безоглядно доверяла ему и звала в мужья.

Странник заговорил успокаивающим тоном, хотя к его словам это и не относилось:

— Невил оказался гениальным политиком, и это всех нас удивило. Он достиг впечатляющих результатов, приложив очень малые усилия. Но я действительно уверен, что он…

Йо прервала его:

— Ты бы его видела, Равна. Он так горячо нам все доказывал. Он на стены лез. Я бы ему пару зубов выбила, если б Ингва и Подтирушка не вмешались. — Она посмотрела Равне в лицо, и голос девушки поднялся до рыдающего крика: — Я любила его, Равна, я люблю его! Я не верю, что Невил замыслил дурное. Я боюсь, что он д-д-действительно в-в-верит, что п-п-поступает п-правильно-о! — Она уронила голову на руки и залилась слезами.

Выплакавшись, Йоханна переместилась на длинный диван и затихла там. Странник, вернее, его самый крупный, весь покрытый шрамами элемент сидел рядом, положив ей голову на

колено. Остальная стая лежала на коврике, расположившись в позициях наилучшего обзора.

— Я пыталась разыскать Джефри, — сказала Йо. — Джефри был так мал, когда мы покинули Высокую Лабораторию. Он почти так же одарен, как и Подтирушка, но без этих тренировочных имплантов! Я не думала, что ему понравится здесь, но… как он мог предать…

— Йо, он не единственный Отрицатель, — сказала Равна, и в памяти ее ожил хор сердитых голосов, выкрикивающих обвинения в ее адрес.

— Да. Я слишком долго не обращала внимания на подпевал. Потому что… потому что с тех пор, как я здесь, Когти стали мне лучшими друзьями, а о людях этого сказать нельзя. — Ее взгляд затуманился. — Я думала, что с Невилом наконец получится. — Она покосилась на Странника. — Ты знаешь, Странник, если кто и выглядит ничуть не умнее нас, то это Древорезчица. Я видела, как она разъярилась, когда Невил выдал ей секрет шпионских блох Шкуродера, но, Силы, как она позволяет Невилу водить себя за носы?

Странник издал мягкое пофыркивание:

— Ах, дорогая моя Древорезчица. Если бы она не переменила взгляд на мир, ее бы не удалось одурачить.

Йо кивала.

— Так я и знала, что с этим щенком начнутся проблемы.

— Да. Это Шт. Она ошиблась, приняв его. Не слишком сильно: Древорезчица и ее заводчики опытны, и в обычной ситуации все откатить назад не представило бы особого труда. Но теперь, с маленьким Штом на борту, наша королева стала, как бы это сказать, подозрительнее. И мстительнее. — Четыре элемента Странника, лежавшие на коврике, до этого внимательно изучали узоры, а теперь все как один подняли голову и уставились на Равну. — Я понимаю причины, по каким ты не открылась Древорезчице насчет слежки за Шкуродером. «Но ты рассказала Невилу!»

— И совершила самую страшную оплошность? — спросила Равна.

Стая закивала:

— Откровения Невила так разъярили Древорезчицу, как никогда еще до Шта. Она потом мне попыталась все объяснить. Если вкратце, то она уверена, что сможет использовать Невила в своих целях.

— Вот уж не знаю, — сказала Йоханна, рассеянно поглаживая своего спутника по исполосованной шрамами макушке. — В Высокой

Лаборатории Невил уже был популярен. Я его любила — если точнее: сохла по нему. Но он из рода политиков и ученых-администраторов. Его предки управляли Лабораторией. Управляли лучшим научно-исследовательским проектом Страумлианского Простора. Невил — звезда. Как по рождению, так и по способностям.

— Да, но моя Древорезчица веками взращивала и селекционировала в себе хитрость и искусство управления, — дружелюбно оскалился Странник. — И, прижив с ней малышей, я частично разделил с ней эти качества. — Четверка поднялась с коврика. На миг однотонный звук заполнил комнату: Странник что-то бормотал себе под носы. — Впрочем, остается еще фактор Шта. Как бы ни было, Древорезчица искренне уверена, что у Равны от мании величия сорвало крышу.

Йоханна вскочила с дивана и осталась стоять, глядя на него.

— Что?

— Древорезчица изучила декорации в Новом Приемном Зале, сопоставила их со словами и одеждами Равны…

— …которые ей любезно подсказал и подобрал Невил? — спросила Йо, глядя на Равну. Та кивнула.

— Древорезчица это знает, — ответил Странник. — Но если и так, говорит она, Равна сама его об этом попросила. Она в бешенстве, Равна. Прости.

Равна невесело покачала головой:

— Да уж. Я слишком увлеклась историями Эпохи Принцесс. Невил не сильно-то и усердствовал, побуждая меня к этому маскараду. Я и сама была рада разодеться как древнее чучело. — «Все, больше я в те разделы библиотеки не ходок».

— Брось, Равна. — Йоханна мягко отстранила шрамоголового элемента и закружила вокруг стола. — Невил всех нас одурачил.

Она села на коврик у кресла Равны, взялась руками за голову.

— Всех и каждого. Вот это самое неожиданное. Что с того, что мы, Дети, не во всем с тобой согласны, виноватим тебя за ошибки? Большинство тебя любит, Равна.

— Невил что-то в этом роде и говорил, он…

— Ага, стоп. Думаю, у него будут бо-о-ольшие проблемы с тем, чтобы привить эту точку зрения Детям как замену здравого смысла. — Она надолго затихла, созерцая пол.

— Ты только сейчас заметила ковер? — спросил Странник.

Йоханна покосилась на него:

— Да. — Она осмотрела рамы, пробежалась взглядом по резным статуэткам, которыми Били Ингва заставил полки. — Это прекрасные апартаменты, Равна. Невил тебе подыскал жильишко покруче королевского.

— И я готов побиться об заклад, что он не против, если Равна продолжит работать на удаленке, — сказал Странник.

Равна кивнула.

Йоханна сердито фыркнула:

— Да, манипулятор он не из последних.

Она подскочила на ноги и подошла к окнам. В облачном покрове у самого горизонта возникла промоина, из которой сочился закатный свет.

Постояв так минуту, девушка проронила:

— Ты знаешь, чего бы мы хотели?

— Отоспаться? — предположил Странник, но Равна заметила, что все его глаза широко распахнуты и устремлены на Йо.

— И это тоже, но я мыслю несколько шире. Если Невил великий политик, нам попросту надо превзойти его. Должны существовать целые науки, посвященные этому. У Равны есть архивы «Внеполосного-II». Мы не глупей его, мы умеем учиться. — Йоханна испытующе поглядела на

нее, и Равне внезапно открылось, что девушка искренне считает библиотекарей экспертами по всем вопросам.

— Йоханна, я могла бы развернуть хитроумную исследовательскую программу, но…

— А, ты думаешь, что Невил достаточно много знает, чтобы проследить за тобой с помощью корабля?

— Я тебе еще не сказала, что вчера произошло. — Ее задним порядком, в свете слов Йоханны, ошеломило случившееся. — Невил объяснил мне, в каком положении я сейчас нахожусь.

— Да? — На лице Йоханны отразилось беспокойство. Равна описала «умеренные» требования Невила и форму, в какой он затребовал ее содействия.

— Он сказал, что, раз уж я проиграла голосование и согласилась уступить ему свое место, будет только логичным, если я отдам ему права системного администратора «Внеполосного-II».

— Это означает то, о чем я подумал? — отозвался Странник.

— Равна, ты не могла!?

— Я передала ему права сисадмина, но…

Йоханна закрыла лицо руками:

— Он видит все, что мы делаем? Он в состоянии

заблокировать доступ в любую часть архива? Он может переписывать документацию?

— Не совсем. Я дала ему то, о чем он просил. Буквально. Я вывернулась. Если бы пришлось лгать напрямую, боюсь, что я бы провалилась.

Йоханна посмотрела на нее сквозь скрещенные перед лбом пальцы:

— Что означает роль сисадмина?

— То и означает. Бюрократический административный контроль над автоматикой «Внеполосного-II». О чем Невил не подумал, так это о том, что «Внеполосный-II» — в первую очередь корабль, а не библиотека. А у корабля есть капитан. И приказы капитана не зависят от администрации.

— Правда? Не думаю, что на страумлианских судах так заведено.

Равна вспомнила, как стычка Фама Нювена и наездника Синепанциря чуть было не сгубила их всех.

— Обычно, может, и нет, но для «Внеполосного-II» все немного иначе. — «Страумлианцы перестарались, сглаживая острые углы». Но этого она сказать вслух не могла. — «Внеполосный-II» обладает множественной разбивкой системной памяти. Лишь немногие разделы монтируются

при подключении с правами сисадмина. Лицо с привилегиями суперпользователя — с командным статусом — располагает куда большим набором опций.

Йоханна отняла руки от лица, торжествующе глядя на Равну:

— И ты… располагаешь привилегиями суперпользователя?

— Фам передал мне полный контроль над кораблем как раз перед тем, как мы свалились на Холм Звездолета. Это… один из последних его подарков мне.

— Так ты теперь богиня на мосту! — Странник тут же съежился и смущенно посмотрел на себя. — Извини. Это такой фантастический роман, из твоих сьяндранских книжек.

Равна этой книги не помнила, но не удивилась: в большинстве цивилизаций фантастики написано больше, чем исторической литературы.

— Я удалила все упоминания о таких привилегиях из документации, доступной Невилу и его прихвостням.

— А что, суперпользователь и такое может?

— Он все может. Правда, я заглянула только в те места, куда он с наибольшей вероятностью полезет. Чтобы отцензурировать весь архив,

вычислительной мощности «Внеполосного-II» не хватит. Суть в том, что Невил может спокойно себе заниматься политической чухней, шпионить… вынюхивать…

— Но он у тебя под колпаком!

— Именно. И он ничего не заметит, если только мы случайно не выдадим себя.

Глава 14

Несколькими днями позже Равне действительно отвели офис на борту «Внеполосного-II» — и с ним все возможности шпионить за действиями врагов. Впрочем, даже в таких обстоятельствах шпионаж оставался чрезмерно расплывчатой поисковой концепцией. В Запределье почти любые информационные взаимодействия были играми с положительной суммой для всех участников. Интриги и шпионаж в основном сводились к добыче информации о потребительских интересах и, может быть, расстройству нежелательной сделки. Собственно, таковы и были основные методы, какими старые работодатели Равны из Организации Вриними осуществляли свою волю на рынках. Победители становились баснословно богаты, а проигравшие… гм… просто богаты. И лишь в самых темных и несчастных уголках Медленной Зоны разыгрывались игры с отрицательной суммой — на таких мирах только святой мог бы надеяться, что ему даже не приумножат, а хотя бы вернут бизнес. Единственным способом обогащения оставалось обеднение остальных

участников. Детство Фама Нювена прошло именно в таком месте, — по крайней мере, так ему помнилось.

Обе крайности, увы и к счастью, в ее случае были неприменимы. Интриги, какие Равна вознамерилась плести, сводились в основном к ненасильственному маневрированию и политическим играм. Невил использовал такой же метод и выиграл. Посвященный общественным наукам архив «Внеполосного-II» был сравнительно невелик по объему и охватывал едва несколько сотен миллионов лет истории Медленной Зоны и Запределья, а данные в нем касались миллиона рас. Корабль снабдил архив беглой классификацией. Равна заполнила поисковую форму, в которой не удалось отразить стайную природу Когтей, — коллективные разумы в Галактике были такой редкостью, что анализ едва ли мог серьезно пострадать от этого. Но остальные обстоятельства, в том числе присутствие на арене космопроходцев-изгнанников, она в форму впихнула. Нашлось множество совпадений. Текущая политическая ситуация в мире Когтей балансировала на самом краю игры с положительной суммой, обещая потенциальное просветление и благорастворение воздухов. Она заглянула

в командное окно, в котором весело шныряли многочисленные шпионские программы, напущенные Невилом главным образом на саму Равну. Все они представляли собой программный мусор, были слеплены вкривь и вкось, особого внимания не заслуживали. Как бы там ни было, все, что они сейчас транслировали Невилу, так это перечень статей по сельскому хозяйству, доступ к которым Равна себе и заказала.

Она сохранила модель и скормила ее генератору стратегий на очень низком уровне приоритета. Наверное, такая степень предосторожности была излишней, но, если бы она слишком глубоко влезла в систему, все могло бы посыпаться — дали бы о себе знать те самые косвенные эффекты деятельности суперпользователя, которых она поклялась избегать любой ценой. Деликатная эта операция заняла минуту-две, в течение которых Равна откинулась в своем кресле и просто смотрела на экран. Ну что ж, неплохой почин. Ей предписывалось почаще посещать Новый Приемный Зал, беседовать с Детьми, тихо и невинно подтачивать позиции Невила, а в нужный момент залить костер маслом.

Равна жестом отключила экран и покинула свою рабочую зону. Она была просторнее каби-

нета Невила, зато на двери имелся услужливо нанесенный знак «НЕ БЕСПОКОИТЬ». У Невила такого знака не было. С другой стороны, как подметил Странник, в его кабинете наверняка есть черный выход.

Йо и Странник остались очень довольны каждым часом ее кампании в тылу врага. Равна не была от природы одарена политически, но ей просто нравилось, что теперь стая и девушка живут с ней в одном домике. Благодаря «щедрости» Невила места им вполне хватало, и Йоханна вовсю изощрялась, превознося иронию ситуации.

Равна выбралась из лабиринта коридоров, соединявших тесные офисные клетушки, и спустилась по наскоро сооруженной деревянной лестнице на первый этаж, куда Невил спихнул игровые консоли. В эти дни секция практически пустовала. Немногочисленные заядлые геймеры сбились в несколько стаек — в буквальном смысле слова, поскольку все они, за исключением Тимора, были из народа Когтей. Тимора сопровождала Белль. Как ни странно, мальчик и стая за обычной своей консолью отсутствовали. Равна немного постояла, глядя на экраны. Обыкновенно Тимор крутился по всей игровой зоне, помогая советами каждому игроку, который не гнал его

прочь сразу же.

Она развернулась и прошла по рампе на промежуточный уровень, к прикладным терминалам для программистов. Эти устройства обрели завидную популярность, поскольку ограничения игровых программ были слишком очевидны. Раньше Дети воротили нос от медленнозонного программирования, но обретенное ими видение медицинской неизбежности все изменило. Дети и Когти собирались вместе и работали с «Внеполосным-II» почти цивилизованно. Некоторые продолжали резаться с кораблем в игрушки, но большинство занималось исследовательскими проектами, подстроенными под доступную автоматику. *Мне стоило бы устроить нечто в этом роде еще годы назад.* Но тогда она слишком сосредоточилась на самообеспечении колонистов и делах Академии. Новый Приемный Зал Равне тогда показался бы откровенным излишеством.

Впереди раздавалось несколько человеческих голосов, среди которых выделялся вежливой настойчивостью голос Тимора Ристлинга:

— Но я просто хочу тебя спросить…

— Не сейчас, у меня еще куча работы по сегодняшним проектам. — А это вроде бы Эйвин Верринг. На верхнем уровне рампы было темно-

вато — еще одно место, где устроенное Невилом освещение пришлось не ко двору после смены декораций. Равна, поколебавшись, заглянула туда. Эйвин стоял перед пятью или шестью ребятами постарше, которые всецело посвятили себя медицинским исследованиям — или пародии на них. Естественно, все они горячо поддержали переворот Невила.

Эйвин не прекращал что-то объяснять собравшимся, даже копаясь в интерфейсе большого экрана. В этот момент, однако, экран был в спящем режиме.

— Я хотел бы показать всем вам учебную программу, на которую наткнулся вчера. Нам не только…

— Эйвин, — опять влез Тимор, — я всего лишь хочу спросить тебя…

Эйвин отмахнулся:

— Тимор, не сейчас.

И, вернувшись к интерфейсу, возобновил объяснения:

— Автоматика «Внеполосного-II» находится в плачевном состоянии, но обнаруженный мной учебник, как мне кажется, подсказывает пути решения простых…

— Эйвин, я просто думал, не мог бы я… — вме-

шался Тимор.

На сей раз все внимание Эйвина обратилось на мальчишку, и он смерил Тимора таким взглядом, что Равна приготовилась вмешаться. Она не думала, что у Тимора могут быть какие-то дела с Эйвином Верингом и его друзьями, но если она собиралась обозначить свое присутствие, то выступление Эйвина ей этого сделать не даст.

— Тимор, послушай, дай мне еще минуточку, хорошо? Я всего лишь хочу настроить этот экран, чтобы пацаны могли посмотреть учебник. Потом спрашивай, о чем пожелаешь.

Тимор с сомнением поглядел на экранную опору, как будто в первый раз ее заметил:

— А, это… Тебе надо только… — Он протянул руку вперед. Пальчики ловко забегали по интерфейсу управления устройством, в потрохах которого копался Эйвин.

— Он уже поврежден, — сказал Тимор таким тоном, как будто иного объяснения не требовалось. Дисплей ожил, и на нем появилось изображение, в котором Равна узнала учебную среду разработки для начинающих. Эйвин Верринг отступил на шаг. «Хм, он раскопал то, что я и сама не видела».

— Алгоритмы для «чайников», — объявил

Эйвин. Тимор уже обложился окошками для заметок и запустил у себя и в аудитории первый урок учебника, посвященный поиску с ограничениями.

Эйвин мгновение глубокомысленно созерцал экран.

— Да, вот это мне и нужно! — Он опустил взгляд на Тимора. — Ну ладно, чего тебе?

— А можно я возьму себе эту рабочую станцию? Только на один день. — Мальчишка махнул через комнату в сторону станции, которую уже взяла в плотное кольцо Белль Орнрикак. Терминал, охраняемый стаей, оставался единственным без постоянного владельца.

Верринг помедлил.

— Хорошо, бери.

Тимор издал вскрик восхищения и устремился через комнату к Белль.

Равна задержала дыхание и вышла из теней, сделав вид, что поднялась на рампу совсем недавно.

— О, Равна, привет. — Эйвин закончил обход аудитории, на которую учебник произвел удручающее впечатление, и направился к Равне, жестом указав на Тимора с Белль. — Ну вот, у меня, кажется, конфисковали мое рабочее место…

пойдем поговорим?

— Конечно.

Со времени падения Равны Эйвин оставался с ней в дружеских отношениях. Впоследствии его манеру переняло большинство самозваных медицинских исследователей.

— Для начала мы хотели бы подновить и отремонтировать как можно больше гибернаторов, но руководства, заложенные в их память, практически бесполезны. Пока что нам не удалось найти ничего более приличного и упросить корабль заняться ими самому, хотя, казалось бы, анабиоз — технология такая древняя и примитивная…

Хе-хе. Это прозвучало почти как цитата из ее речи. Из той ее части, которой так и не суждено было достичь ушей аудитории. Не Невил ли ему это нашептал? Она внимательно пригляделась к Эйвиновой команде. Все старательно штудировали учебник.

Ну что ж.

— Эйвин, ты совершенно прав насчет руководств. Здесь, Внизу, они не могут сами устранять поломки. С другой стороны, у «Внеполосного-II» накоплены колоссальные объемы информации о технологиях холодного сна. Если бы ты разработал поисковый список с учетом найденной

в руководствах информации и скормил его кораблю…

— Ты что, собираешься нам помогать? После всего?..

Равна кивнула:

— …то вам останется принять очень важное решение: с каким уровнем медицинского риска вы согласны примириться? — Ее взгляд почти помимо воли сфокусировался на терминале по другую сторону рампы, за которым устроился Тимор.

— О… — Эйвин, казалось, проследил ее взгляд. — О, я помню, что именно по соображениям риска ты хотела наложить вето на подобные исследования. — Он еще несколько минут смотрел на Тимора Ристлинга. Тот увеличил диагональ экрана — надо полагать, затем, чтобы Белль удобнее было наблюдать за его действиями. Старания мальчишки пропали втуне, поскольку четверка давно уже свернулась клубками под его стулом и дрыхла без задних лап. Тимор не обращал на это внимания, всецело поглощенный работой. Это была не обычная игра, а нечто гораздо более простое. Равна видела, как точки-маркеры заполняют плоскость ровными рядами. В нижней части окна прокручивались выражения, напоминавшие синтетический машинный язык, — они

состояли из трехбуквенных аббревиатур и численных операндов.

— Кажется, он написал двоичный счетчик, — вежливо заметил Эйвин. — Грустно, когда человеческий разум вынужден себя занимать столь примитивными задачами. — Эйвин оглянулся на Равну. Ей показалось, что в следующий раз он дважды подумает, прежде чем прокомментировать действия Тимора.

Она улыбнулась:

— И ты, добрый Эйвин, сочувствуешь свергнутой королеве?

— На самом-то деле мне жалко себя и… — Он ткнул пальцем в своих друзей, корпевших над первым разделом учебника для «чайников». — Это пустая трата времени.

Даже в отсутствие дневного света северная зима проявляла себя во времени. В околополуденные часы сумерки становились ярче, а в ясные ночи от горизонта до горизонта развертывался ослепительный плащ северного сияния, переливался и дрожал, ежеминутно меняя форму. Луна вертелась вдоль горизонта в десятидневном своем цикле. Зимние бури налетали каждые три-четыре дня; некоторые длились часами, другие — беспрерывно перетекали друг в друга. Многие

здания завалило снегом так, что от них остались бесформенные холмики; расчищались только те улицы, свобода передвижения по которым была крайне важна.

Нижняя часть корпуса «Внеполосного-II» тоже утопала в снегу. Остальные же элементы, от обшивки до аркообразных веток ультрадвигателей, отливали зеленым в любом свете, какой на них попадал. Вокруг главного входа постоянно кто-то ходил, поэтому там было относительно утоптано. Дважды в десятидневку Невил устраивал конференции в Новом Приемном Зале, и день ото дня Дети группы Эйвина в сопровождении добровольцев не покладая рук работали, пытаясь привести в чувство автоматику. Одна группа даже сумела вернуть к жизни зависший на орбите планеты контейнеровоз Детского модуля. Невил по этому поводу закатил большую пирушку, и Равне пришлось признать, что достижение и впрямь значительное. Спутник, в общем-то, представлял собой ком хлама, но еще мог функционировать как удаленный сенсор и радиомаршрутизатор.

Исполнительный Совет больше не собирался, и его бывшие члены работали порознь. «Холодная Долина» Щепетильника напрямую не пострадала от переворота Невила, хотя объяснялось

это достаточно просто: к моменту заварушки все нужные симуляции уже были проделаны, а необходимое для эксперимента оборудование — размещено в Долине. Щепетильник не скрывал тревоги о будущем, но продолжал сотрудничать с Невилом и Древорезчицей. Радиомаршрутизатор на орбите существенно облегчил ему работу.

И десятидневку за десятидневкой Равна, Йоханна и Странник двигали вперед свой маленький заговор, родившийся на втором этаже коттеджика.

— Это лишь вопрос времени, — говорила Йоханна, — потому что с каждым днем Невил теряет поддержку. Так говорят программы Равны, и это я вижу сама, поговорив со Щепетильником, Бэнки и Ларсндотами. — Она оглянулась на Странника, чей энтузиазм явно показался ей недостаточным. — Ну что с тобой такое?

— Ну, кто-то же должен уравновешивать ваши настроения. — Странник растянулся в разных позах на огромном ковре Равны. По его словам, ковер был истинным шедевром народного творчества Озерного Края. Тремя мордами Странник внимательно изучал переплетавшиеся пейзажи. — Я согласен с проекциями Равны. Я восхищен тем, что ей удается шпионить за Невилом.

Равна усмехнулась:

— О да! Формально отказавшись от суперпользовательских привилегий, я получила больше удовольствия, чем могла себе вообразить.

— Я также искренне восхищен тем, каким превосходным политиком оказался кое-кто из моих друзей, — я не про тебя, Йоханна, ты остаешься в статусе Дрянной Сумасбродки.

Йоханна нахмурилась:

— Ну, мы уже крепко выучили, что этот гонд… что Невил проявил себя как превосходный… э-э… гражданский лидер. Вот видишь? Я умею быть учтивой.

— Но не можешь же ты считать *меня* превосходным политиком! — отозвалась Равна. — Я не сумела бы ничего провернуть без подсказок «Внеполосного-II». Если бы попыталась, то наверняка не удержала бы язык за зубами. И потом, Эйвин Верринг и ребята действительно работают как… псы. Я не хотела бы их дурачить.

Странник закивал:

— Да, мне это известно. С момента переворота ты сделала для них много хорошего. Гораздо больше, чем Невил.

— И они это тоже знают! — сказала Йоханна.

Невил откомандировал нескольких старших

Детей следить за исследованиями. Это были его доверенные лица, в прошлом — ученики старших классов Высокой Лаборатории. Хватило их едва на десятидневку; дружки Невила не пожелали мириться с накладываемыми кораблем ограничениями. Ганнон Ёркенруд, например, провел там меньше дня, пытаясь «умилостивить» «Внеполосный-II», — так он сам охарактеризовал свою деятельность. Когда Тимор попытался дать ему совет насчет методов доступа к данным, Ганнон вспылил и чуть не ударил его. Кончилось дело тем, что Ганнон признал свое бессилие и ушел мрачнее тучи.

Странник ухмылялся.

— Ты не играла в маленькие игры, но и одной большой тебе вполне достаточно. Дети знают, что ты их друг. С течением времени они поймут, что именно твои методы планирования работоспособны, а их заплатки — нет.

— Ну ладно, — сказала Йоханна, — если все так прекрасно, почему ты обеспокоен?

— Э, да много всего. Моя дорогая Древорезчица дала мне отставку. Не шептать мне больше в ее прекрасные ушки.

Его голос утратил толику веселья.

— Мне очень жаль, Странник. — Равна даже

спустя десять лет плохо разбиралась в межстайной любви — слишком уж та отличалась от человеческой.

Странник изобразил пожатие плечами:

— Ничто не вечно. У нас были отличные щенки, но этот… маленький Шт — совсем иное дело. Древорезчица стала подозрительнее и жестче, чем когда бы то ни было. Если ты и в самом деле любишь другую стаю, если у вас общие и родственные элементы, секреты перетекают друг к другу как бы сами собой, когда у вас шуры-муры. Просто через нюансы настроения и влечения, но… теперь это не более чем беседа. — Его головы склонились в сторону Йоханны. — Но по крайней мере, она со мной еще разговаривает.

Йо тоже склонила голову. Ее агрессивный оптимизм улетучивался.

— Да, а вот я никак не могу приколоть булавкой к открытке моего братишку.

Джефри и Амди застряли на Пике Плавилен, километрах в шестидесяти к северу. Там находился базовый лагерь проекта «Холодная Долина», а также производились высокочистый углерод и стекломатрицы.

— На Пике Плавилен есть радио, но им пользуются все, кому не лень. — Она посмотрела на

Равну. — Я готова побиться об заклад, что он там останется на всю зиму. Думаю, что ему очень, очень, очень стыдно.

Равна кивнула. Самое острое и болезненное воспоминание о перевороте связывалось у нее с моментом, когда Джефри встал и осыпал ее обвинениями. Она глянула на Странника в поисках менее неудобной темы для разговоров:

— А что еще тебя волнует?

— Перспектива нашей неминуемой победы, — ответил Странник. — Ты сфокусировала «Внеполосный-II» на политических науках, но слишком сузила ему обзор. Политика — это хорошо, если она работает как надо, разрешая споры и устраняя необходимость в грызне и убийствах. Но если режим знает, что дни его сочтены, он может соблазниться шансом перевернуть доску. Изменить правила игры. Обессмыслить голосование, в котором потерпит неудачу.

Точеный подбородок Йоханны вздернулся.

— Ты говоришь о насилии? Между Детьми? Мы росли вместе, Странник. Невил — увертливая крыса, но я думаю, что он искренне убежден в справедливости своих поступков. В конечном счете, Странник, Невил не так уж плох.

Миновала десятидневка. Прилетела еще одна

буря, за ней настало относительное затишье. Полная луна господствовала в небесах наравне с полярным сиянием. Равна работала в Новом Приемном Зале и своем маленьком офисе по пятнадцать часов в сутки, а то и больше, но это приносило результаты: команды программистов трудились все слаженней и продуктивней. Лучше всех с автоматикой «Внеполосного-II» управлялись младшие Дети; Тимор Ристлинг стал звездой. Он копался в глубинах корабельных систем и гордо заявлял, что может программировать и без визуальных средств разработки, хотя Равна в этом сомневалась. Вновь и вновь именно Тимор пропатчивал маленькие баги или объяснял Детям устройство автоматики в терминах и аналогиях, которые могли быть понятны выходцам со Страумлианского Простора. Дети тянулись к Равне, много беседовали с ней. Некоторые извинялись, другие находили слова поддержки. Кое-кто советовал ей потребовать перевыборов.

Помимо работы с Детьми Равна вела и другие… проекты, а именно — совершенствовала сельскохозяйственные программы. Эта ее деятельность протекала в «песочнице», куда она заперла шпионов Невила. «Внеполосный-II» мог осуществлять генетические модификации, но

был для них слишком простоват умом. Тем не менее все получилось как нельзя лучше: урожаи модифицированных кормовых культур принесли бóльшую пользу, чем все остальные технические новинки и службы «Внеполосного-II», вместе взятые. Когтям, как хищникам, сельское хозяйство давалось нелегко, но крестьяне Домена Древорезчицы преуспевали, объединив сотни маленьких ферм (каждая площадью едва больше секции для игровых консолей) в более крупные. Город Новозамок не мог бы существовать и тем более разрастись до нынешних размеров, если бы в его окрестностях при помощи людей не содержали такое поголовье скота.

Невил же пожелал большей отдачи, то есть новой и вкусной пищи для людей. Это оказалось непросто, поскольку вычислительных мощностей «Внеполосного-II» не хватало для расчетов возможных экологических катастроф в случае внедрения полностью совместимых с человеческой биохимией растений. Кончилось дело тем, что Равна слегка модифицировала геном естественной твердозерновой культуры (не выходя за рамки изменений, какие мог бы внести естественный отбор) и активировала некоторые эпигенетические триггеры, большинству

людей доставшиеся в спящем состоянии еще от дозвездной эпохи. Дети, у которых эти триггеры включились, могли теперь питаться новой культурой. Комбинация оказалась безопасна как для людей, так и для Когтей, но Равна не осмелилась бы ее запустить, будь она еще в полной власти: каждое новое вмешательство в человеческий геном уменьшало сопротивляемость людей местным болезням.

Теперь проект был почти готов, оставалось внести незначительные поправки. У Равны появилось вдоволь времени пошпионить за Невилом. Программы, какими она пользовалась для слежки, не шли ни в какое сравнение с высокотехнологичной магией, примененной в случае Шкуродера, но они, по крайней мере, не глючили. Фам Нювен был хитрее всех хороших парней, каких она знала, а в прошлой жизни, как он сам утверждал, сделал изрядную карьеру боевого программиста Медленной Зоны. В самые параноидальные свои часы на борту «Внеполосного-II» Фам нашпиговал корабельные системы внутренней безопасности сложными минами-сюрпризами. Жуткие были деньки, и деятельность Фама придала им совершенно адовый оттенок. Когда он согласился дезактивировать

ловушки, многие странные глюки «Внеполосного-II» исчезли как бы сами собой. Сейчас, однако, Равна обнаружила, что программные пакеты, написанные Фамом, защищают ее так надежно, как сама бы она никогда не сумела. Последний дар Фама Нювена, о котором Равна дотоле и не подозревала, — с ним она могла беспрепятственно проверить справедливость подозрений Странника насчет злодейских замыслов Невила. Как суперпользователь, вооруженный программами Фама, она проникала во все документы, созданные Невилом на борту «Внеполосного-II», читала всю почту, все планы операций, подслушивала все переговоры. Даже большая часть происходящего на орбите от нее не укрылась. И да, Невил, Били и внутренний круг мятежников впали в отчаяние. Они усилили слежку и даже внедрили своих агентов в некоторые группы сторонников перевыборов. Но о насилии речи не шло. Хитрости и гадкие трюки, не более. Как руководство «Внеполосного-II», так и Странник убеждали Равну в необходимости искать компромисс с людьми Невила, смягчить их, насколько возможно, чтобы перевыборы не показались партии Отрицателей нестерпимым позором. Равна засиживалась на корабле целыми сутками, взводя и спуская ма-

ленькие капканы, убирая с пути чужие ловушки. Иногда она проводила там все время от сумерек до сумерек. Щепетильник же докладывал с севера, что логические сумматоры почти готовы! К сожалению, для дальнейших экспериментов ему нужен был доступ к системам «Внеполосного-II».

Равна рассчитала его задачу за одну ночь, понадеявшись, что Дети оставят без внимания слегка повышенную нагрузку системы. В статусе суперпользователя она могла бы легко поменять уровни приоритета, какие Дети приписали своим проектам, но это бы наверняка заметили. Да и потом, слишком уж это смахивало бы на предательство, так что она оставила приоритеты неизменными. Закончив работу, она выскользнула с корабля по одному из тайных проходов, в обход грузового отсека. Она так устала, что ни с кем в Новом Приемном Зале ей говорить не хотелось.

Снаружи медленно блекли полуденные сумерки. Для стай это была все равно что ночь. В человеческом же зрении пейзаж был окрашен оттенками серого, от более светлых на ветвях ультрадвигателей корабля (следы недавнего снегопада) до темных (крутые обнаженнные скалы) с переходом обратно к яркой белизне снегов,

укрывших замерзшее море далеко внизу. Равна побрела по холму к Новозамку. Опять пошел снег, в точном согласии с прогнозами «Внеполосного-II», но пока еще мягкий, штилевой. Когда снегопад раздухарится, у стай будут серьезные проблемы, но сейчас снег летел неслышно, воздух точно наполнился вздохами призраков. Равна включила фонарь, закрепленный на капюшоне, и пошла дальше. Снегопады сузили Дорогу до горной тропы, но по ней и так почти никто не ходил — лишь несколько людей и стай маячили в окрестностях. Равне было известно, что до прибытия людей жизнь в Домене на зиму почти замирала. Даже в последние годы, когда в домах появились отопление и свет, деловая активность практически останавливалась: мало кто высовывал морды на улицу — во мрак и стужу. В самом сердце города Академия, однако, продолжала работать, там сейчас наверняка идут занятия. Почти все младшие Дети в аудиториях, первое и второе поколение. Их зимняя депрессия затронула в меньшей степени, младшенькие так фонтанировали жизненной энергией, что, дай ты им свет, пищу и тепло, им больше ничего и не понадобится. До Нового Приемного Зала именно Академия оставалась зимним центром

общественной жизни Домена. Привлеченные дармовыми теплом и пищей, туда и посейчас стягивались дюжины стай. Она удивлялась, как это Невил не сообразил, что Академия остается солидным козырем Равны.

Свет лампы отражался от сугробов, которые с каждым шагом сдвигались к Дороге. Все пути замело, но она уже почти достигла окраин Новозамка. Десять лет назад именно в этом месте нога человека впервые ступила на землю мира Когтей. Города в ту пору здесь не было, замок только возводился. Здесь случилась битва. Позднее поле боя преобразилось в город, словно сошедший со страниц учебника средневековой истории Старой Земли. Хотя нет, не во всем он казался средневековым. Здания были каменные, деревянные и перекрытые лозой, но по стенам взбирались водосточные трубы, а высоко над крышами вздымались башни центрального отопления. Никто не швырял мусор из окон на улицу, и даже в дни высокого лета по канавам не плыли гниющие отбросы. Проектируя Новозамок, Щепетильник использовал архивные схемы канализации, а лазерная пушка «Внеполосного-II» круглогодично грела воду и растапливала снег. Малозаметные изменения — но именно они сделали этот город

едва ли не самым безопасным и приятным для жизни местом на планете. И подумать только, что именно здесь, на Королевской Дороге, она чуть не потерялась! Видимость упала до пары метров, а от дурацкого фонаря на голове толку было чуть. Свежий снег засыпал почти все следы, кроме глубоких, от полозьев самых тяжелых саней и колес грузовых тележек; даже отпечатки ее подошв выбеливало. Равна подняла голову к небесам и различила слабое синеватое сияние: наверное, свет из высокого окна. Ну и ну. Даже в сильный ливень, даже в ослепляющем мраке середины ночи она бы наощупь дошла до ближайшего здания и, держась рукой за стену, двигалась бы дальше, пытаясь отождествить местность. Но этим вечером снег, наслоившийся на осадки от прежних метелей, все от нее скрыл. Она брела по середине улицы (надо полагать, там пробираться легче всего) и все равно увязала в снегу. Редкие светящиеся окна были ее путеводными звездами. Каждые сто метров встречался маленький сквер с выключенными на зиму фонтанами. И все.

— Ш-ш-ш-ш.

Звук сливался с шуршанием падающего снега и в совершенстве имитировал его. То ли уши ее обманывают, то ли и в самом деле кто-то — стая

— пытается привлечь ее внимание. Она отошла в сторонку от колеи, предположительно означавшей середину улицы. Звук донесся с обочины. В сугробах наметился просвет — наверное, поворот на обходную или перпендикулярную улицу. Она повернула голову так, чтобы это место осветилось.

Странное шипение прекратилось. В центре светового пятна Равна увидела закопавшуюся в снег по самые уши стаю. Слегка отряхнувшись, существо махнуло ей лапой.

— Винтозуб здесь, — прошептала стая. Равне показалось, что шепот идеально сфокусирован на ее ушах и никому больше не слышен. — Нельзя ли нам поговорить?

Равна шагнула вперед и наклонилась к стае. Да, это Винтозуб. Она узнала парочку его элементов по белым полоскам, завивавшимся от носа к макушке.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

Винтозуб выбрался из снега и отошел на некоторое расстояние, сделав Равне знак следовать за собой.

— Не так громко, — шепнул он. — Один из пацанчиков Били Ингвы следует за тобой в… — стая повертела мордами, определяя расстояние, —

тридцати метрах с лишним. Лучше бы ему не знать, что ты намерена отлучиться. — Он уже засыпал следы Равны снегом.

Вот черт!

Равне и в голову не пришло, что кто-то может красться за нею. А ведь в новом своем статусе избежать этого она не могла! Она притушила лампу до едва видимого луча, достаточного, впрочем, чтобы различать свои ноги и огузок ближайшего элемента Винтозуба. Стая провела ее вниз по улице и дважды повернула. Теперь Винтозуб крался слитно, сбившись всеми элементами: Равна поняла, что снег приглушает мысли так, что они слышны не более чем в паре метров. Не сбейся стая в кучу, наверняка потеряла бы рассудок. Равна опять глянула вверх: синие огоньки пропали. Должно быть, они на одной из узких улочек, шириной не больше элемента и без фасадных окон. На Тайном Острове таких было много. В новом городе они тоже попадались.

— Так, хорошо, — сказал Винтозуб. — Я слышу, что здесь никого нет. Человек, который за тобой следит, едва выбрался на главную дорогу. Прежде чем сообразит, что потерял тебя, может и до самого замка дойти. — Стая саркастически фыркнула: Винтозуб явно насмотрелся человече-

ских драм. — Нам немного дальше. Там ждет мой господин. Он желает поговорить с тобой.

«Ну же, спроси его прямо».

— Это Шкуродер?

— Это должно было оставаться в тайне, — удрученно отозвался Винтозуб.

Равна вдруг сообразила, что в таком местечке надо быть поосторожней, а улица без окон уже протянулась неизвестно насколько позади и впереди. Она сочла последние данные слежки «Внеполосного-II» за Шкуродером артефактами случайного шума, но сейчас эту теорию предстояло всерьез протестировать. Она потащилась за Винтозубом, пытаясь высмотреть в снежной мгле какие-то повороты. Снега намело по колено, по нему здесь давно никто не ходил. В такой глухоте, может, и удастся сбежать? Но тут Винтозуб остановился и, поколебавшись, возвестил:

— Мой господин уже в нескольких метрах, миледи.

В неясном свете лампы ей показалось, что головы стаи учтиво указали ей вперед.

— Спасибо, Винтозуб.

Она не нашлась что к этому добавить, покровительственно потрепала ближайшего элемента между ушей и побрела дальше. Впереди метались

тени и посверкивали крупные хлопья снега. Как умудрился Шкуродер пробраться на самую макушку Холма Звездолета незамеченным? Это же не Тайный Остров, весь изрытый его сокровенными лабиринтами. Равна увеличила яркость фонаря и посветила прямо перед собой. Снега тут намело уже до плеч. Еще выше поднимались лишенные окон, наполовину облицованные деревом стены. Это не ловушка, скорее Т-образный перекресток — и там сидит в ожидании какая-то стая. Пятерная. Один элемент — в колесной тачке.

Равна подошла к ней и вежливо поклонилась:

— Шкуродер-Тиратект? — Она использовала полное имя в слабой надежде напомнить стае о ее лучших трех пятых.

Стая откликнулась обычным лукаво-скрытным тоном:

— И тебе мои приветствия, Равна Бергсндот. Я рассчитывал поболтать с тобой наедине. Много элементов сотрудничали, чтобы это стало возможным.

Равна с напускной небрежностью заметила:

— Как и все прочие, ты мог прослушать прогноз погоды.

— Хм, да. Тем не менее я не собирался от-

кладывать эту встречу. Пройдешься со мной немного? — Мордами он указал на проложенный сзади путь. — Эта улица пересекается с Королевской Дорогой немного выше. Скорее всего, шпион Невила так и не узнает, что ты шла в обход.

— Ну пошли.

Шкуродер поднялся на все лапы и с трудом повлек вперед тачку. Равна дернулась было помочь.

— Нет-нет, я и сам справлюсь. — Голос Шкуродера показался ей холодно-отстраненным — во всяком случае, не таким скользким, как обычно. Большинство элементов стаи были вполне здоровы, но зрелище четверки, тянущей тачку с пятым искалеченным элементом, вызвало в воображении Равны картину дряхлого старика Средних веков, доживающего последние дни. Многие заводчики посоветовали бы Шкуродеру избавиться от столь беспомощного элемента. Стая немного ускорилась, но все равно двигалась не быстрее человека, идущего прогулочным шагом. Как удалось этому полуинвалиду прокрасться незамеченным в самое сердце надежно охраняемой столицы Древорезчицы?

— Как ты это сделал, Шкуродер? — не совладала с любопытством Равна. — Я полагала, что ты

внизу, на Тайном Острове…

В ответ послышался характерный для Шкуродера смешок.

— Так оно и было. Я под колпаком в Старой Крепости, и стражники Древорезчицы стерегут все входы и выходы тремя стаями каждый, а потайные камеры королевы отслеживают мои перемещения внутри. Да-да, я знаю про камеры, а Древорезчица знает, что я знаю, хе-хе-хе. А вот чего она не знает, так это что в других комнатах или в катакомбах есть слепые зоны. У меня есть пути наружу из моего замка, а еще я могу рассчитывать на поддержку нескольких старых приверженцев. Когда Внутренняя Протока замерзает, мне сравнительно несложно пробраться на материк.

Равна знала, что Шкуродер в прошлом не раз пользовался этим трюком, чтобы наведаться к фрагментам Стального на материке. Древорезчице она об этом не сказала — то ли потому, что визиты показались ей вполне невинными, то ли оттого, что тем самым выдала бы свою волшебную систему видеонаблюдения.

— Ну хорошо, прокрался ты по льду на материк. Но там еще шестьсот метров подниматься до точки, где мы сейчас болтаем. Как ты ухитрился

проскользнуть незамеченным?

— О, на фуникулере меня бы наверняка заметили… — Он хитро посмотрел на Равну. — Кто знает, Равна? Я мастер обмана и уверток. Я мог явиться и посинглетно. — Равна поперхнулась, но Шкуродер, выдержав паузу, продолжил: — Но тебе я открою секрет: считай это проявлением моей доброй воли. — «Или присущего всем творениям Древорезчицы тщеславия». — Видишь ли, пока вы с Древорезчицей и Щепетильником праздновали оснащение Новозамка водопроводом и канализацией, меня очень заинтересовала составленная «Внеполосным-II» геологическая карта города. С ее помощью я без особого труда — хотя на самом деле под мордами Древорезчицы это отняло годы упорной работы — прорыл потайной ход. Он узкий, почти такой же узкий, как мои старые туннели в стенах, ты ведь их помнишь?

— Да, — коротко ответила Равна. Амди и девятилетнего Джефри чуть не сожгли там заживо — по приказу Стального Владыки. — Но ты бы не втащил туда тачку.

— Это так. Я пользовался специальной волокушей для моего Белоухого. — Так звали элементаинвалида. — Все равно подъем мне дался нелегко. Разве не так, Винтозуб?

— Да, хозяин. — Голос прозвучал совсем рядом. Равна даже моргнула от неожиданности и резко обернулась. Винтозуб шел за ней по пятам, метрах в двух от Шкуродера. Для стай это было очень близко, пускай даже снегопад значительно приглушал мысли. Но ведь когда-то Винтозуб носил белые куртки и был аристократом при дворе Шкуродера. Их учили сохранять единство личности везде, где повелителю это нужно.

— Мне пришлось тащить Белоухого вверх сто пятьдесят одну ступеньку, — продолжил Винтозуб. — Возвращаться будет еще тяжелей. Мы не доберемся раньше завтрашних полуденных сумерек.

Она повернулась назад к Шкуродеру и попыталась ответить спокойно и беззаботно:

— Да, ты поделился со мной настоящим секретом. Чего ты хочешь взамен?

— Я всего лишь хочу помочь, госпожа моя. Я всегда говорил об этом вам, королевам, с первого дня, когда вы узнали меня нового.

— Но ты же не делился этой тайной с Древорезчицей?

— Ах, она так недоверчива! — Он помолчал, пытаясь перекатить тачку через огромный снежный занос. — Боюсь, что мы имеем дело с новой

Древорезчицей. Она не зла. Все гораздо хуже. Она заметно поглупела. — Он с сожалением пофыркал.

— Поглупела? Да я уверена, что Древорезчица отдает себе отчет в попытках Невила ею манипулировать.

— Да, разумеется, — сказал Шкуродер. — Еще она думает, что управляет ситуацией. Она ошибается. Эта ошибка смертельно опасна, и я намерен спасти вас обеих. Я умнее, чем Древорезчица даже в лучшем своем воплощении. А ты…

— Я дура набитая. Я не заметила даже самых очевидных признаков составленного против меня заговора.

Шкуродер остановил тачку, повернулся к женщине всеми элементами и произнес неожиданно серьезным и мрачным тоном:

— Нет, Равна, ты совсем не дура, но ты так наивна, так чиста… слишком беспечна для реального мира. Я никогда не видел никого подобного тебе среди своих подданных, за исключением фрагментов и святых. Скажи мне, на звездах все такие? Неужели есть во Вселенной места, где такие, как ты, могут выжить?

«Я делаю все, что могу, чтобы приспособиться!»

— В твоей собственной стае есть невинные ангелочки, — сказала она вслух. — Как насчет Тиратект?

— Угумс, но я ведь не позволил ей выжить, так? — Шкуродер встряхнулся, оглядывая себя. — Впрочем, Тиратект делает успехи, всячески отравляя мою и без того счастливую жизнь. — Он наставил морды на своего инвалида. Задняя часть туловища элемента скрывалась под наваленными в тачку одеялами, но темные глаза существа были широко распахнуты и смотрели Равне в лицо. — Если Белоухий умрет раньше остальных моих элементов, в Домене начнется веселуха, это я могу гарантировать.

Он театрально вздохнул.

— Меж тем, Равна, я нахожу для себя крайне приятной роль твоего полномочного доверенного лица. Всецело в твоем распоряжении.

Они некоторое время шли молча. *О Силы Наверху!* Сказанное Шкуродером обрастало дурными и хорошими последствиями, захлестывая все планы Равны. Что, если Древорезчица заподозрит заговор Равны и Шкуродера против нее? Что, если Шкуродер манипулирует Равной в точности так же, как это делал Невил? В архиве валяется маленькая программа оценки рисков; если у

Равны до нее дойдут руки, та выдаст еще сотню таких вариантов. «Надо мне переговорить с Йо и Странником».

А что ответить здесь и сейчас? Хитрая стая доведет ее до изнеможения.

— Хорошо, Шкуродер. Твой совет будет с благодарностью принят, хотя я и не беру на себя никаких обязательств, с ним связанных.

— О, конечно, конечно. Наша первая встреча призвана главным образом укрепить основы будущего сотрудничества и заложить доверительные отношения. У меня для тебя есть одно серьезное откровение и несколько фактов меньшей важности. Видишь ли, Невил тебе совсем голову заморочил.

— Это и есть великое откровение?

— Ты даже сейчас всего не знаешь. А моя дражайшая всеведущая родительница Древорезчица вообще ко всему равнодушна, ибо почитает Невила за тупоголового простака.

— Ты считаешь, что он представляет собой нечто большее?

— Сам по себе? Куда там! Но есть обстоятельство, которое вы обе упускаете из виду. Невилом вертят лица куда более хитрые, чем он сам.

— А? Я знаю всех Детей. Никто не сравнится с

ним влиянием.

— Это верно. Старшие подельники Невила — из народа стай. И они управляют им из-за пределов Домена.

Шкуродер извернулся, оставив Равну мгновение стоять под падающим снегом.

— Это невозможно! — воскликнула она и тут же попыталась собраться с мыслями. — Большинство старших Детей не водят близких контактов со стаями. Невил Сторхерт так уж точно. — Невил довольно сердечно относился к стаям, но Равна подозревала, что в глубине души он такой же расист, как и экстремисты-страумеры, зациклившиеся на достижении особой страумлианской Трансценденции.

Шкуродер встряхнулся:

— А я не говорил, что они его друзья. Они его используют. Он, в свою очередь, уверен, что использует их. Это опасное сочетание, особенно если тебе с Древорезчицей ничего о нем не известно.

Равна опять замедлила шаг, ошеломленная открывшимися вариантами. Все же заявление Шкуродера не укладывалось у нее в голове. Сам Шкуродер, не останавливаясь, пробурчал что-то на межстайном — Равна ни аккорда не поняла,

только уловила повелительное наклонение. Через миг впереди раздался ответ.

— О, я боюсь, что на этом разговор придется сворачивать, — сказал Шкуродер, повернув к ней морду. — Мы почти у выхода с этой уютненькой улочки — а тебе еще надо вернуться на Дорогу раньше Невилова шпиона. Я тебе вскоре все объясню. В деталях. — Один из его элементов подошел к Равне и потянул ее за варежку.

— Но… Но… — Он так долго морочил ей голову, а теперь у него нет времени! В этом весь Шкуродер, черт бы его побрал. Равна топнула по снегу. — Постой! — шепнула она. Шепот с успехом сошел бы за стайное шипение. — Это совершенно бессмысленно. Международный заговор Когтей? Кто в нем участвует? Откуда ты знаешь детали?

Шкуродер не разжимал хватки зубов, которыми закусил ее варежку, но голос его прозвучал отовсюду вокруг:

— А как ты думаешь, дорогуша? Заговорщики уверены, что я на их стороне.

Еще два его элемента зашли сзади и вежливо вытолкали Равну на Королевскую Дорогу.

— А теперь ш-ш. — И его слова заглушил мерно шуршащий снегопад.

Глава 15

Йоханна и Странник согласились, что новости, доставленные Шкуродером, следует немедленно передать Древорезчице.

Следующим вечером Странник вернулся от королевы и доложил:

— Я передал ей высказанные Шкуродером утверждения, опуская детали относительно времени и природы встречи.

— Она тебе поверила? — уточнила Равна.

— И как она намерена поступить со Шкуродером? — добавила Йоханна.

Странник коротко рассмеялся лающим смешком:

— Не думаю, что Шкуродер способен на большее, чем ползать брюхами к земле и бояться. По крайней мере, Древорезчица сейчас благодушна. Она сказала, что всегда предполагала участие Шкуродера в сговоре с Магнатом и/или Пронырой и что ее не особенно удивляют их попытки манипулировать Невилом. Она просит меня передать вам ее искренние поздравления, Равна.

— С чем это?

— С тем, что глупенькая Равна на шаг приблизилась к пониманию истинной природы хитрожопого засранца Шкуродера.

Странник очень тщательно подделывался под голос королевы. Это походило уже не на имитацию, а на воспроизведение голосовой записи.

Равна обнаружила, что у нее широко разинут рот.

— Так почему же он явился ко мне и все рассказал?

Странник передернул плечами:

— Древорезчица полагает, что старикан Шкуродер просто решил поупражняться в садизме. В конце концов, он не выдал тебе никаких деталей. Впрочем, мне не кажется, что Тиратект-Шкуродер действительно садист(ка). Просто хочет так выглядеть.

Йоханна не согласилась:

— Но что, если это больше, чем Шкуродеровы игрушки? Если Проныра действительно снюхался с Невилом?

Ремарка девушки вроде бы заставила Странника посерьезнеть. Он помолчал и откликнулся снова уже более деловитым тоном:

— Действительно, ты права. Нам следует выжать из Шкуродера больше подробностей.

Йоханна пристально взглянула на него:

— Мы знаем Невила как самоуверенного сукина сына, но Проныра — настоящее чудовище. Мягкий по натуре юный политик вроде Невила против него не выстоит. Наверное… наверное, нам стоит предупредить Невила. Есть игры, в которых побеждает только смерть.

Глава 16

— Так что это за слово такое: *карга*? — Белль уткнула морду в страницу любимой книжки Тимора, «Сказок старой Нюйоры».

— Если честно, я не знаю, — ответил Тимор, подняв бровь с видом искреннего удивления. — Мы посмотрим его в словаре в следующий раз, как попадем на корабль. — Когда Белль только знакомилась с этим Ребенком, подобные вопросы провоцировали у мальчишки приступ паники: глаза Тимора просто лезли из орбит в шоке от осознания того, что существуют вопросы, на которые у него нет немедленных ответов. Белль считала это лучшим доказательством того, что люди когда-то и в самом деле все знали.

Теперь же, столкнувшись с таким вопросом, Тимор либо шел за ответом на палубу «Внеполосного-II», либо честно пытался найти его в подручных источниках. Мальчишка листал страницу за страницей проворными человеческими пальцами.

— Вот, — сказал он, — тут на тринадцатой странице мудрый археопрограммист рассказывает

о женщине, которую на сороковой странице называют «карга». Он говорит, что она как будто из Бедлама.

— Бедлама? — переспросила Белль. — Может, бельдама? *Белль* — значит «прекрасная». — Это было ее принятое имя: она вообще одной из первых в народе стай взяла себе имя из человеческого наречия и стала им пользоваться в общении с инопланетянами. Это оказалось мудрым решением, хотя на самом-то деле Белль просто стало противно носить свое прежнее имя. После того как ее бесцеремонно вышвырнули из правительства Древорезчицы, старый титул Мудрой Королевской Советницы звучал бы издевательски.

Губы Тимора искривились в человеческой усмешке.

— Я знаю. Слушай, может, ты и права. Я помню, что в сказке «Принцесса и болотные лилии» словом «дама» называли благородную госпожу. Значит, слово «бедлама» может быть искаженным «бельдама» — «прекрасная госпожа».

— Хм.

Может быть, стоило бы назваться Бедлама или Карга из Бедлама. Эти слова ей понравились, в них слышались отзвуки аккордов и хлопков.

Она продолжала вертеть их в голове, даже когда Тимор вернулся к сказке и стал читать ее вслух. Некогда Белль слушала такие книжки очень внимательно: в ту пору Две Королевы только развертывали свой революционный проект массового книгопечатания. Читая эти книги, можно было в известной степени предугадать действия Равны Бергсндот. Но вся польза от книжек испарилась, как только Равну свергли с престола. Взять хотя бы сказки из этой вот книжки. Если отбросить жуткий фон, на котором происходили события сказок (тропики), и неустранимое чудачество героев-людей, отличия от преданий народа Когтей были незначительны. Равна неоднократно рассказывала о Нюйоре Детям. Снова и снова. Она твердила, что по модели Нюйоры намерена преобразовывать здешнее общество. Именно это возбудило в Белль интерес к нюйоранским сказкам.

Хотя Тимору эта книжка нравилась, Белль нашла ее полной вредных выдумок. Подглядывая и подслушивая за Детьми, она постепенно пришла к выводу, что Равна Бергсндот круглая дура. История Нюйоры для нее значила что-то очень важное, Равна принимала ее близко к сердцу. А для Детей это была просто подборка древних

мифов, ничем не лучше маленькой книжки Тимора. Если бы кто-то поинтересовался мнением Белль (Карги Белль из Бедлама — да, так гораздо лучше), она бы ответила, что Равна Бергсндот изначально была обречена стать жертвой дворцового переворота. И теперь предчувствия Белль подтвердились.

К сожалению, даже после переворота Равна продолжала жить почти что в королевских условиях. В этом состояло существенное различие между Белль и Равной. Белль постепенно разгадала хитрую политику, стоявшую за таким решением Невила Сторхерта.

Однажды настанет день, когда новый предводитель людей не сможет больше игнорировать Белль и ее Тимора!

— Ты знаешь, боюсь, что слово *карга* означает не совсем то, о чем мы думали, — сказал Тимор, закрыв книгу и потянувшись потрепать ее по ближайшим плечам. — Хочешь, я тебе другую сказку прочитаю на ночь?

Обыкновенно Белль с большим интересом слушала своего Ребенка, но теперь только вспоминала, как Тимор глядел на нее несколько минут назад, когда стаю обуревали сладкие мечты. Тимор мог судачить о всякой всячине часами,

даже когда не читал ей вслух… Это поведение казалось ей неестественным. Нестайным, если точнее: говорить о таких разных вещах, и все без единой звукомысли. На миг она подумала было признаться ему, что отключилась и потеряла нить беседы, тем более что Тимор так или иначе все равно об этом догадается. Нет, лучше подождать, пока он заснет, забрать у него книжку и самой посмотреть, что значит слово *карга*. Да она всю эту книжку за ночь запросто прочитает… но чем тогда заниматься следующие несколько вечеров? Скука будет смертная.

Что-то большое тащилось по улице. Оно напоминало караван из шести керхогов, тащивших множество повозок. Наверное, они тянут очень тяжелый груз, потому что сопение керхогов эхом отдавалось в стенах. Скрипы и позвякивания заполнили улицу: колеса повозок то и дело наталкивались на камни брусчатки. Маленький домик Тимора и Белль стоял на южной окраине столицы, прямо на оживленной торговой дороге. Когда дорогу только прокладывали, Белль сочла, что Древорезчицу обуяла мания величия: дорога была широченная и выложенная ровно-ровно обтесанными камнями. Теперь же, наблюдая за круглосуточным грузопотоком, тянущимся по

дороге в направлении Скальной Гавани, Белль вынуждена была признать правоту королевы. Но только тихо-тихо.

Она подумала было выйти наружу и перекинуться несколькими аккордами с погонщиками, но вместо этого задала Тимору куда более практичный вопрос:

— Тимор, не кажется ли тебе несправедливым, что мы вынуждены ютиться в этой дыре?

Да, здесь было тепло, светло и сухо и лапы никогда не мерзли — даже в суровую северную зиму. Ну и что? В этом жилище куда комфортнее, чем в любом самом роскошном дворце аристократа до прихода Детей Небес. Ну и что? Белль не уставала сравнивать обстановку с другими домами. Поневоле приходилось признать, что живут они нищенски.

Тимор погладил ее по плечам, стараясь утешить. Странно: она так давно живет с ним рядом, что этот странный человеческий жест ее действительно успокаивал. Она приучилась не встряхиваться, когда Тимор к ней прикасался, но теперь ей отчаянно захотелось сделать это — отогнать непрошеную мысль. Он был куда в худшем положении, чем она сама, и понимал это четче. Белль очень повезло, что у нее появился личный

друг среди людей. К великому сожалению, не было среди них существа более уравновешенного, терпеливого, благоразумного и скромного, чем Тимор Ристлинг.

— Мы могли бы жить в общежитии, Белль, вместе с другими ребятами и их стаедрузьями. Или подселиться к какой-то из новых семей — ну, ты знаешь Ларсндотов там, внизу, на Тайном Острове. Я думал, что тебе приятнее жить отдельно?

Если бы Белль все еще занимала пост Мудрой Королевской Советницы, а Тимор заседал вместе с ней в Совете, она бы приняла это за дьявольски хитрую ответную атаку. Но увы, в устах Тимора это было просто проявлением абсолютной наивности. Разумеется, Белль хотела жить отдельно! Как иначе ей удержать этого Ребенка при себе, чтобы у него не завелись другие друзья — среди людей или, чего доброго, даже среди Когтей? Тимор был ее счастливым билетом уже почти девять лет. Если она потеряет статус его официального опекуна, ее наверняка выгонят даже из *этого* дома.

— Нет, — сказала она, изобразив человеческий вздох. — Я всего лишь подумала, что ты заслуживаешь лучшего. Ты же знаешь, что я всегда желаю тебе только добра.

— О, Белль!.. — Тимор отложил книгу и сел рядом с ней, вклинившись в середину четверки. — Если тебе нужны условия получше, я могу попросить об этом Равну. Просто я не хотел бы злоупотреблять ее доверием.

«Да кому нужна твоя Равна?» — подумала досадливо Белль, но смолчала. Бергсндот отстранили от власти, она осталась на ролях второго, если не третьего плана. С другой стороны, Тимор понемногу становился заметной фигурой, даже если сам этого не понимал. Там, в Новом Приемном Зале, Белль внимательно наблюдала за тем, как к нему относятся другие люди, пока притворялась, что спит у ног мальчишки.

Насколько знала Белль, родители Тимора, пока были живы, пользовались примерно тем же общественным статусом, что в Домене — сборщики потрохов. Тимор унаследовал от них эти таланты — и каким-то образом его личные качества оказались ценны и полезны даже здесь, Внизу. Невил и его друзья не любили Тимора, поскольку им не нравилось, как влияют его наивность и непосредственность на остальных Детей. «Так или иначе, мне нужно удержать Тимора, он мой»! Самым сложным будет улучить подходящий момент и выбрать повод для бунта против Невила и его

дружков. Она подлила масла в огонь:

— Может, нам лучше обратиться к Невилу или этому замечательному молодому человеку, как его там — Били Ингве?

Мальчишка зевнул:

— Да уж, — и слегка вздрогнул. — Я слишком устал, чтобы читать тебе дальше. Надо поспать.

Когда Тимор был еще только щенком человека, она укладывала его в кроватку каждую ночь — этот ритуал стал уже совершенно бесполезен. Правда, мальчишка все еще был так же мал, как и тогда. В отличие от Детей, он не рос. Были и другие трудности: он слишком часто и легко уставал, а спал больше, чем любой другой человек или Коготь.

«Даже если он по-прежнему останется моим другом, я могу проиграть».

Она проводила Тимора и последовала за ним по лестнице к его маленькой берлоге. У изголовья имелся один из этих странных световыключателей. Одно легкое движение морды — и керамическая плашка, укрепленная на стене, засияла бледным синим светом.

— Тут темновато, — заметила она.

— Все в порядке, — отозвался Тимор, — но в комнате холоднее обычного. Готов побиться об

заклад, что у нас опять проблемы с отоплением.

Это случалось удручающе часто. Их дом снабдили паровой башенкой одним из первых, и, как следствие, устройство не отличалось особенной надежностью.

Если Тимору холодно, то у них появляется более веский повод пожаловаться вышестоящим. Белль проверила маленькие застекленные окошки: все плотно закрыты, ни следа сквозняка. Ближайший фонарь разбит, поэтому видимость скверная. Отлично: список проблем для жалобы на жилищные условия стремительно пополнялся. Остальными элементами она укладывала Тимора.

— Мы можем укрыться еще парой одеял, — сказала она.

Она накрыла мальчика драным зеленым пледом — единственной добычей с последнего кораблекрушения. В тот раз Тимор чуть ее не выгнал, обвинив в мародерстве. Ха! Никто не умер — во всяком случае, ни одна слитная стая. А выживших загнали в резервацию для тропических, где они теперь и сидели тихо, насколько это вообще возможно для таких дебилов. Впрочем, с тех пор никто уже не ходил к морю поживиться выловленным. Она как могла заштопала плед

старыми костяными иглами, изобразив на нем болотную курицу. Работа получилась грубая, а стежки — нерегулярными, потому что ни один ее элемент не был мастером кройки и шитья, по крайней мере не помнил об этом. Восемь лет спустя строчки кое-где распоролись, а шерсть поела моль. Но Тимор настаивал, чтобы Белль укрывала его именно этим пледом.

— Тебе тепло? — спросила она.

— Да, теперь тепло. — Он ласково погладил ее по ближайшей голове.

— Я просто послушаю. — Это тоже было частью ритуала. Один элемент Белль забрался в изножье кровати и сел на плед. Другой лег на пол, остальные двое расселись в нескольких лапах от Тимора, слушая и сторожа. Она загасила свет. — Спокойной ночи, Тимор.

— Споки-ноки, Белль.

Вот теперь в комнате действительно воцарилась тьма. В зимнюю ночь, когда фонарь разбит, а небо укрыто облаками, даже Тимор ничего не увидит. Впрочем, она слышала все звуки в комнате, а испустив пробные звукомысли, приняла их эхо от стен, пола и потолка. Если потрудиться, она сможет даже обдумать таким образом черты Тиморова лица. К сожалению, сердце и легкие

мальчика так шумели, что обдумать их под пледом возможности не было.

Восемь лет назад, только выйдя из гибернации, Тимор плакал во сне каждую ночь. Он тосковал по мертвым родителям и по чему-то еще, недоступному пониманию Белль. Иногда в те первые годы стае приходилось ложиться с ним в постельку двумя элементами и убаюкивать. Он больше не плакал и считал себя слишком взрослым для этого, но ему по-прежнему нравилось засыпать, когда Белль сидит рядом и сторожит. Белль это было несложно; она всегда была стратегом и хитрюгой. В движении ей мысли давались хуже, даже в ту пору, когда она еще была Белль Орнрикакиххм, а не просто Белль Орнрикак. Иххм умер, и она осталась четверкой. Четверная стая может оказаться умным созданием, но чаще она тупит и подтормаживает. Временами, сидя во тьме у постели Тимора и медленно, невыносимо медленно строя хитрые планы, Белль задумывалась, а не обманывает ли она себя саму, воображая, что эти планы чего-то стоят.

Тимор пока еще бодрствовал, не отдыхал, но она чувствовала, что его усталость подлинная. Как забавно: знать так много о состоянии разума существа, которое мыслит молча. Иногда ей ка-

залось, что Тимор стал новым элементом ее стаи. Не забираясь на лесенку, он мог дотянуться выше, чем некоторые элементы Белль, а пальцами умел выполнять такую тонкую работу, что и морды бы не справились. В то же время интеллектом он был равен целой стае и, как все люди, то и дело подавал странные идеи.

Умная стая видела заключенную в них мощь.

«Если бы только мне еще стать Королевской Советницей». Проклятая Древорезчица всегда предпочитала ей Щепетильника и Проныру, свои собственные творения. «Если бы я вовремя догадалась, что Проныра предатель, я бы изобличила его и стала второй стаей в Домене». Белль повздыхала. Близился тот самый кошмар наяву, каким в последнее время она мучилась все чаще: ей представлялось, что она уже никогда не выберется из ловушки, куда сама себя загнала. Она и так не отличалась умом, а со смертью Иххма потеряла последнего инициативного и сообразительного элемента своей личности. Пока Иххм был жив, она могла рассчитывать на новых щенков и торговлю с другими стаями. Но она недостаточно старалась или, быть может, в пятеричном воплощении не была привлекательна. Теперь же от нее остались четыре уродливые старые суки.

Никакие планы уже не подарят ей достойный помет. Если быть честной, вариантов немного.

Можно наведаться во Фрагментарий и присмотреть там себе несколько стаеосколков, но в таком случае она рискует потерять себя.

А можно просто подыхать поэлементно, поодиночке, пока она не умрет полной смертью. Такая участь однажды постигнет и несчастного Тимора.

Тимор все еще не спал. Одна из редких ночей, когда он бодрствовал даже дольше Белль. Потом она заметила, что он дрожит под пледом. В комнате наверняка слишком холодно для него. Он не признался в этом, но он вообще редко на что-то жалуется. Это подтверждает, что с домом серьезные проблемы. Завтра надо отложить все дела и с помощью Тимора добраться до глотки Невила Сторхерта. Они с Тимором могут славно поживиться, если ей удастся настроить его на должное возмущение.

Но что, если Тимор простудится и заболеет? Он такой хрупкий, и если он умрет, то умрет сразу весь. Окончательно. А Белль останется ни с чем.

Ладно, нельзя так это оставить до утра. Можно позвонить и пожаловаться, это если телефонная линия не оборвалась. Она мгновение размыш-

ляла, откуда в эти домики поступает энергия. Преподаватели в Академии об этом без конца зудели: увы, четверная стая Белль не слишком хорошо усвоила их разъяснения. Горячая вода закипает и превращается в пар, а пар «работает». Значит, вдоль Королевской Дороги проложен водопровод с ответвлениями в каждый дом на близлежащих улицах. Инопланетная магия обошлась без тысяч костров, которыми надо было бы подогревать трубы, чтобы вода не замерзла, и потом испарять ее. На звездном корабле «Внеполосный-II» горело неугасимое пламя, тепло которого подавалось в любую точку, доступную обзору с капитанского мостика. (Только подумайте об этом, враги Домена! Белль часто удивлялась, как это Равна с Древорезчицей не пользуются ужасающей мощью «Внеполосного-II» в военных целях. Когда Иххм еще был жив, Белль решила, что единственное правдоподобное объяснение людской мягкости — верхний предел скорости перекачки тепла. Она уже не смогла бы воспроизвести рассуждения, но мысль эту удержала в оставшихся у нее мозгах.) Как бы ни было, все домики вдоль Королевской Дороги отчетливо просматривались с корабля. Проблем с теплом быть не должно, ведь пар до сих пор питает ма-

ленькие волшебные штучки вроде настенных ламп. А что с телефонами?

Она соскользнула с изножья Тиморовой кроватки и тихо прокралась к лестнице. Она уже почти всеми лапами стояла на ступеньках, когда мягкий полусонный голос Тимора донесся до нее:

— Ты такая хорошая, Белль.

— Хмм, да, — отозвалась она. — Спок'ночи. — Что бы это значило?

Спустившись по лестнице назад в гостиную, она обернулась и прищурилась на свет. Включилась лампа, но такая тусклая, что Белль почти ничего не видела. Наверное, давление пара почти на нуле. Она пересекла комнату, легко уворачиваясь от столкновения с расставленными повсюду безделушками. Они с Тимором любили собирать всякую всячину. И книг, пожалуй, тоже чересчур много. Она отгребла их в сторону, пробиваясь к телефону. Телефон был сделан так, что пользоваться им могли и люди, и Когти; четверка и та легко с ним управлялась. Она была все еще достаточно умна, чтобы составить правдоподобное изложение проблем Тимора Ристлинга и озвучить его сымитированным голосом. Бедный Ребенок совсем пропадет в таких ужасных условиях! Так или иначе надо отсюда убирать-

ся. Главное, не тратить силы на автоответчик: «Внеполосный-II» умел имитировать голос человека не хуже стай (по крайней мере, на низких частотах), но был так же туп, как синглет-говоритель. Как-то раз она перепутала автоответчик с настоящим человеком и рычала на него добрых пять минут — все без толку. На сей раз она просто скажет, что это Белль Орнрикак, Лучший Друг Тимора Ристлинга, и ей срочно нужен… Невил? Хм, в любом случае лучше сберечь гнев для настоящего человека.

Она сняла телефон с подставки и приложила трубку к одному из низкочастотных ушей. Звука на линии не было, ни шелестов, ни протяжных гудков, с какими она уже свыклась. Она прошипела ультразвуковое ругательство. Значит, телефон тоже зависит от давления пара! Белль заметалась по заставленной всяким хламом маленькой комнате и стала драть когти обо все, до чего могла дотянуться, — но тихо, чтобы не разбудить Тимора. Пройдут часы, прежде чем ей удастся связаться с ответственными лицами и найти виновников. Умный политик использовал бы это время, чтобы отточить риторику, но Белль ораторскими способностями не отличалась. Фактически… Белль открыла все пасти и повертела

головами. Язык покусывало морозцем. Становилось все холоднее. Даже стае без курток скоро придется не по себе.

Она свернулась на полу и постаралась обдумать происходящее. Почему пропал пар? Наверное, вода просто не греется! Что, если «Внеполосный-II» поломался и больше не отслеживает башенки в этом районе? Но нет, поскольку на улице никого не было, проблема явно затронула только этот дом. Можно выйти на улицу и поспрашивать. Тимора, вполне вероятно, приютят на эту ночь в одном из домов, где отопление еще работает.

Белль сидела несколько минут в темноте, отчаянно взвешивая все «за» и «против». Если она прибежит жаловаться в середине ночи, это лишь подтвердит, как серьезно обидели Тимора. Но она боялась, что кто-нибудь вроде Равны или Невила воспользуется предлогом и переведет Тимора жить с остальными навсегда.

Подумав так, она отбросила план обратиться за помощью к соседям Детям. Но теперь и самой Белль стало холодно, особенно если сидеть возле окна. Если Тимор замерзнет и умрет, в стратегиях больше не будет проку. Мысль эта ее ужаснула. Ей стало даже хуже, чем в те дни, когда Иххм умирал и его мозг погружался в такое же молчание, как у

живого и здорового Тимора.

Белль поднялась, плотнее запахивая куртки. Отпирая заднюю дверь домика, она уже прикидывала, как бы преподнести ситуацию соседям. Там жили Дети — супружеская пара, но их имен она не помнила. Честно говоря, Белль приложила все усилия, чтобы держать Тимора подальше от них. Теперь придется быть покладистой.

Она притворила дверь и вдохнула жесткий зимний воздух. Человек без теплой одежды наверняка замерз бы, но для ночи в середине зимы не так уж и холодно. Тучи закрывали полярное сияние, луну и звезды, но Белль ощущала везде вокруг себя плотный туман, такой влажный, что он заглушал все источники звука. Потом возник новый шум, шипящий, низкотоновый, механический. Она растерялась. Что бы это могло быть? Наверное, «Внеполосный-II» все еще посылает живительный луч местному водонагревателю, но пар улетучивается, не успев попасть в дом. «Если так, то, может быть, я это починю!»

Она прокралась вдоль стены маленького дома, строя в голове планы ремонта. К несчастью, мысли ее исподволь сбивались на политику. Она толком не разбиралась в паровой технологии, а тем более в сантехнике и трубах. Однако источ-

ник утечки легко определить на слух. Если дыра не очень велика, ее можно попытаться заткнуть камнем подходящих размеров.

Так темно, так тихо на высоких частотах. Только шипение в месте утечки стелется сквозь мрак, да еще ее собственное дыхание и звук, с каким лапы ступают по снежному насту. Без эхолокации она была бы так же беспомощна, как бедные глупые глухари-люди. Она осторожно съехала по ледовой горке, образовавшейся у северной стены, к месту утечки. Дыра была в ярде-двух впереди, почти на уровне земли. От уцелевшего фонаря высоко над улицей исходил слабый свет, и в нем Белль различала, как что-то трепыхается, свисая со стены над ее головой. Это оказался телефонный провод, ведущий в дом. Он был перерезан.

Она успела еще сделать пару шагов и только потом поняла, что это означает. На секунду Белль застыла, парализованная ужасом. Волшебство с Небес пленило ее, заставило позабыть старые навыки жизни в непрестанной опасности. Туман маскирует мыслезвуки. В старые дни туман всегда был естественным союзником воинов, заговорщиков и диверсантов. Кто-то просто залег в засаде вокруг дома, выслал пару элементов проткнуть паропровод, и вот, пожалуйста, сколько

угодно тумана.

Что она может увидеть и услышать? Что она может сделать? Убийцы наверняка шныряют вокруг, но пока что воздерживаются от нападения. Может, если она сделает вид, что ничего не заметила, они оставят ей жизнь? Иначе… какой им прок от тупой четверки? Она обернулась, по крайней мере изобразила это движение, хотя пара элементов начала разворачиваться в неверном направлении. Двойку так и потянуло выбежать на улицу, проходившую за домом, и пуститься наутек. Крадясь обратно к задней двери, она издала человеческое хмыканье: звуки были низкочастотные и в тумане не таяли. Она обратилась в слух, внимая эху. В то же время Белль послала наверх зондирующую мысль, пытаясь расслышать, нет ли там Когтей. И действительно, все совпадало. Эхо плоти и слабое повизгивание разума. Она даже различала силуэты голов на фоне белого снежного ковра, устилавшего холм. Вблизи как минимум одна стая, но маленькая, она может быть даже четверкой. Наверное, на краю снегов укрывается еще парочка стай.

И они пока что ничего не предпринимали. Если она повернет еще раз, путь на улицу будет открыт. Они получат, что хотят. А чего им надо?

Непрошеные гости потянулись к задней двери. «Тимор? Им нужен Тимор? Но почему?» А Белль оставила его одного. Все, что она могла сейчас предпринять, так это очертя головы пуститься в бегство и позвать на помощь.

Впрочем, можно закричать так громко, что соседи услышат и прибегут.

Может быть, прибегут.

Мысли Белль, по обыкновению, текли лениво, неохотно, как патока, но вдруг ее всю охватила уверенность.

«Никто не отнимет у меня Тимора».

Белль раскрыла пасти и завизжала так громко, что у любого человека бы уши заложило.

— ПОМОГИТЕ ПОМОГИТЕ ПОМОГИТЕ! — кричала Белль на самношке.

Ближняя стая немедленно вскинулась, и Белль поняла, что это восьмерка. Эхо вопля отразилось от злоумышленника, обрисовало его морды, тела, неспешную поступь. Она десять лет не встречала мерзавца, но узнала его — *Читиратифор!* Она выкрикнула бы это имя как слитный стайный аккорд, но тут что-то блеснуло, помешав ей.

Орн накрыла волна боли. Ее голова полетела вниз, кувыркаясь о камни. Остаток стаи взяли в кольцо. Кровь. Шум. Ее осталось двое. Одна.

Теперь она не могла кричать вслух, лишь мысленно.

— ТИМОР!

Той ночью Равна засиделась у себя в корабельном офисе допоздна. С точки зрения Невила и его шпионских программ, она трудилась над усовершенствованием агрономических проектов. На самом деле она как могла проверяла утверждения Шкуродера. Если даже у Невила есть на уме какие-то козни, для которых «Внеполосный-II» не нужен или бесполезен, все равно о его намерениях можно судить по графику прихода и ухода, по электромагнитному шуму в рабочем кабинете. Если он использует орбитальный маршрутизатор, можно установить корреляции в сигналах. Равна бездумно постукивала пальцами по столу, проглядывая сводки результатов в поисках блокировок и поисковых запросов. Досадно было просить себе больше вычислительных ресурсов, да и не осмеливалась она это сделать. Ну ладно, еще часик — и достаточно. У нее есть что показать Йо и Страннику. Те должны вернуться из Холодной Долины уже вечером, принеся свежайшие образцы Щепетильниковых микросхем. Вроде бы намечался большой праздник, а вместо этого придется втроем обсуждать Шкуродера и Невила

вечер напролет.

Появился маленький флажок с текстом:

> Запрашиваю указаний.
> Расширить обзорное окно для отображения локальных аномалий?

Одна из старых отопительных башен выше по Холму Звездолета отказала, — по крайней мере, в инфракрасном спектре «Внеполосный-II» ее не видел. Башни первой очереди никогда не были особенно надежны, потому-то она и попросила корабль отслеживать их на случай отказов. Почему же он счел необходимым послать особый запрос?

Равна потребовала разъяснений. Ага. Физической угрозы никакой, однако люди, живущие поблизости, наверняка замерзнут, если ничего не сделать. По такому случаю Невил и его компашка просто обязаны возбудиться. Может, ну его? Просто перенаправить Невилу предупреждение, которое по каким-то причинам угодило к ней. А вот еще один флажок: проблемы на телефонной линии. Странно, какая может быть связь между этими происшествиями?

На лестнице послышались крики. Обычно корабль применял активное шумоподавление,

чтобы веселый гам игровой зоны не отвлекал Равну. Спустя несколько минут кто-то забарабанил в дверь офиса. Дисплеи автоматически переключились на программы сельскохозяйственного толка, с какими Равна, по официальной версии, и работала.

— Равна! Открой! — Кто-то — Хейда Эйслер, что ли? — с такой силой стучал в дверь, что та протестующе заскрипела.

— Равна!

Да, это Хейда, и шумит даже громче обычного. Если бы дело было несколькими часами позже, она бы наверняка вспомнила, как великолепно стаи научились имитировать голоса людей. Либо Хейда, либо какая-то стая. Здесь и сейчас же она просто открыла дверь.

И это действительно оказалась Хейда; она сгребла Равну за рукав и увлекла ее вниз:

— Ты должна нам помочь, прямо сейчас!

— Что такое, что? — спрашивала Равна, пока Хейда опрометью тащила ее по лестнице.

— Гери Латтербю! — выпалила Хейда. — Пропала!

Они уже были на главном уровне. Немногочисленные оставшиеся на ночь ребята обступили кого-то в теплой зимней одежде; гость сидел вер-

хом на одном из столов. Эйвин Верринг обернулся и узнал Равну:

— О, ты ее привела!

Теперь Равна узнала фигуру в зимней одежде. Это была Эльспа Латтербю. Ребята оттянулись к Равне и оставили Эльспу сидеть в относительном одиночестве; голова девушки бессильно склонилась на грудь. Ее вдруг вырвало так, что потоки блевотины потекли по столу.

Равна коснулась ее плеча:

— Эльспа, ты в порядке?

Девушка посмотрела на нее. Левая часть ее лица представляла собой сплошную рану. Один глаз залит кровью, казалось, что Эльспа с разбегу ударилась лицом.

— Гери… мы почти дома были… Откуда ни возьмись Когти. Они набросились на нас. Они забрали Гери. Бизли и я пытались их… я не смогла…

Равна осторожно погладила Эльспу по волосам:

— Эльспа, мы ее вернем.

Она огляделась. Сердитые и перепуганные лица смотрели на нее. Понемногу фрагменты складывались воедино. Три года назад было вооруженное ограбление. Но похищение? Ну ладно.

— Лайсл? Вот тебе случай попрактиковаться в медицине. Займись Эльспой, пожалуйста.

Девушка мялась позади всех — она была застенчива и не осмелилась протиснуться вперед. Но Лайсл Армин оказалась из тех, кому проповеди Равны о важности первой медицинской помощи пошли на пользу. Под присмотром Лайсл и корабельного автомедика с Эльспой все будет в порядке. Так, теперь надо искать Гери.

— Эйвин, обзвони всех. Там должен быть список номеров первоочередной важности. Мы устроим облаву.

— Наземные линии телефонной сети не работают. — Эйвин весь аж побелел.

Ну да, конечно.

— А ты связался с Древорезчицей и Невилом по радио?

— Д-да. Древорезчица уже отрядила городские войска. Невил…

— Эй! Все сюда! — У главного входа в Новый Приемный Зал стоял Били Ингва и энергично махал рукой. Под мышкой у Били была переносная радиостанция. — У меня связь с Невилом. Это тропические. Они драпают на юг!

Дети устремились к выходу.

Нельзя быть в двух местах одновременно.

Равна сделала свой выбор и оставила корабль, отправившись помогать Детям.

Королевская Дорога бежала параллельно гряде скал, медленно понижаясь к верхушке Лестницы Хмурой Долины. Вдоль Дороги стояли коттеджики, фонари отбрасывали яркие круги света. Группки Детей выбегали из домов и присоединялись к ним; вскоре, однако, подоспело более существенное подкрепление от Древорезчицы. Дети возбужденно обсуждали катившиеся по городу слухи о множественных атаках.

Били и его радиостанция передавали более близкие к истине сведения, но кое-что подтверждалось.

— Да, имели место несколько атак на Детей и городских, — сказал он.

— На кого? — закричали сразу несколько голосов.

— Мы еще не знаем! Гери и Эльспа… но с Эльспой все в порядке. Еще напали на Эдви Верринга и его Лучшего Друга.

Бежавший впереди Эйвин Верринг резко остановился, точно налетев на стену. Эдви был его кузеном. Эйвин развернулся на пятках и протолкался к Били:

— Что с ними?

Били понизил голос:

— Неизвестно, Эйвин. Эдви и Гери исчезли. Некоторые элементы Мусорщика и Бизли погибли или пропали.

— Вот подонки! — сказал кто-то. Лучшие Друзья могли быть оппортунистами, поклонниками человеческой техники, а иногда и настоящими друзьями, совсем как Странник. Равна помнила Мусорщика и Бизли. Для младшеньких было не найти приятелей лучше.

— Эй! — крикнул Били. — Все указывает на тропических как зачинщиков атаки. Невил уже возле посольства. — Туда же направлялись остальные Дети и приданные им в помощь солдаты Древорезчицы.

Они миновали новый квартал. Последний фонарь отмечал южную окраину поселка и дом самой Равны. Света в окнах не было. Антиграв исчез с обычной парковки рядом с домиком.

Равна перепрыгнула через подмерзшую снежную колею:

— Били, дай-ка мне на секунду радио.

Ингва опустил взгляд на устройство, которое сжимал в руках:

— Мне нужно оставаться на связи с Невилом.

Равна не отступала.

— Всего на минутку.

Разговор не заставил Били остановиться, но он оглянулся на Детей. Ему недоставало сметки Невила, но распознать настроение аудитории он умел.

— Ладно, только недолго.

Он передал радиостанцию Равне. Это была аналоговая самоделка Щепетильника, не настоящий коммуникатор. Впрочем, сейчас разницы никакой. Равне просто требовалось связаться с кораблем. К счастью, запрос не выходил за рамки отведенных Невилом прав доступа.

Она приказала «Внеполосному-II» отпинговать все существующие радиостанции и отследить их местоположение. Да, Невил уже рядом с посольством тропических. Древорезчица в своей повозке едет по особой дороге. Она доберется до посольства раньше Равны. Щепетильник на северной окраине, пытается запустить свой аэролет. Йоханна и Странник… антиграв еще в Холодной Долине, у лабораторного комплекса. Она послала им сообщение, завершив его словами: *Нам нужно активное содействие в поисках.* И попросила «Внеполосный-II» позаботиться о приоритете.

— Равна, ну пожалуйста. Невилу это радио

нужно для координации спасательных работ. Он уже внизу!

Пока она передавала радиостанцию Били, голос корабля опять забубнил из динамиков. Били секунду вслушивался, потом возвестил:

— Эй, все! Еще жертвы. Белль Орнрикак мертва, тропические похитили Тимора!

О Белль мало что было известно. Что до Тимора, то полгода назад о нем бы никто долго не сожалел. А сейчас! По толпе Детей пронесся стон ужаса. Кое-кто перешел на бег, пытаясь держать темп солдат, в обычном своем боевом ритме скользивших по обочине. Мерзлая изрытая земля этому не благоприятствовала: двуногому существу трудно было удерживать равновесие, не поскальзываясь. Продвижение всей толпы лишь замедлилось. Равна отошла на край и привела торопыг в чувство. Даже Хейда вынуждена была умерить темп.

Они уже миновали пригород. Лишь несколько ребят догадались захватить с собой лампы, но Равна попросила один взвод стай задержаться и освещать им дорогу факелами.

В эту ночь без света не обошлись бы даже люди. Небо было темным, хоть глаз выколи, ни полярного сияния, ни луны, ни звезд. Она не проверяла

прогноз погоды, но небо наверняка полностью затянуто толстым слоем облаков. Еще тысяча метров. Били, точнее, «Внеполосный-II» доложил, что новых жертв не выявлено. Все остальные Дети нашлись. Йо и Странник уже поднялись в воздух и направлялись к югу.

У южного горизонта возник разрыв облачности. Там появилось пятно света, медленно менявшее форму, подобно полярному сиянию.

— Странный свет! — показывали на него Дети.

Хейда влезла на высокий сугроб и присмотрелась внимательнее, опасно балансируя на верхушке.

— Этот не свет, это огонь!

В том направлении стояло только одно крупное здание: посольство тропических.

Пожар охватил небольшое пространство: казалось, что горит только один этаж у верхушки центральной башни. В свете факелов трудно было оценить, какой ущерб понесло посольство. Главные ворота были открыты. Две стаи выстроились в боевой порядок и охраняли вход. Четверо в резерве маячили в сумраке. Бесчисленные гражданские и Дети толпились возле ограды. Их было так много, что присланные Древорезчицей солдаты никак не могли пробиться внутрь.

Равна подошла к воротам, за ней следовали Эйвин с Хейдой и остальные ребята, бывшие на «Внеполосном-II».

Били нагнал их. Он оживленно переговаривался с кем-то по радио.

— Да. Да. Хорошо. Правильно.

Он остановился прямо перед линией охраны и помахал всем:

— Ребята, простите, но там идет сбор улик.

Равна сделала еще пару шагов и оказалась лицом к лицу с Ингвой.

— Что с Тимором, Гери и Эдви? Они могут оказаться там.

Слова сорвались с ее губ помимо воли. Она, в общем-то, не хотела поднимать панику.

Били понизил голос:

— Равна, пожалуйста, удержи их. Ну я тебя прошу. Будь ответственней.

— Господин Ингва, не мешайте Равне пройти, — сказала, выступив из теней по ту сторону оцепления, какая-то стая. — Королева желает видеть ее. — Это был один из камергеров Древорезчицы.

Равне показалось, что Били раздосадованно нахмурился, но у ворот было слишком темно, а лицо его быстро меняло выражение. Он махнул ей

проходить, потом развернулся и заорал в толпу:

— Ладно, ребята, Равна пришла сюда нам помочь. Если вы потеснитесь и дадите нам собрать вещественные доказательства, мы вам будем очень признательны!

Равна не стала его поправлять. «Если надо будет, я возьму Били Ингву за яйца».

Камергер с Ганноном Ёркенрудом сопровождали Равну на пути внутрь здания посольства. У них были лампы. Ёркенруд выставил свою вперед, освещая все вокруг. В его голосе смешивались ярость и триумф:

— Мы прищучили этих мерзавцев!

В другой руке у Ганнона была секира, и Равне показалось, что лезвие окровавлено.

Она впервые оказалась в так называемом посольстве. «Святая святых» одновременно уступала рисовавшейся по небылицам картине и превосходила ее: кое-где попадались вставки из металла и отполированного камня, явно стыренные из общественных мест и приспособленные под интерьер. Стены были покрыты толстыми звукоизолирующими коврами и шторами, но везде зияли дырки, свидетельствуя о недавних перестановках. Кучами разной высоты громоздился мусор. Потолки оказались такими высокими, что

человек мог пройти, почти выпрямившись, но проходы были так завалены хламом, что подчас и элемент стаи с трудом протискивался. Никаких возможностей пройти грациозно стае не оставалось. Сквозь внутренние окошки Равна видела, как стаи Древорезчицы рыщут по коридорам.

Они миновали дверь, сорванную с петель и вдавленную внутрь комнаты. Здесь воздух был теплым и влажным, ощутимо вонял псиной. Камергер провел их в анфиладу комнат, опоясавшую центральную башню. Ганнон вырвался вперед, все еще продолжая оживленно жестикулировать и распространяться о своих подвигах.

Лестница привела их к двери с перекошенным замком. Камергер просто толкнул ее, и та со скрипом отворилась. Стая некоторое время шушукалась на межстайном с кем-то внутри. Равна расслышала что-то вроде «тут и так слишком тесно», а потом почему-то «впустите их». Камергер вежливо пропустил Ганнона с Равной внутрь.

— Вы двое, пожалуйста, входите, — сказал он, — а я подожду снаружи.

Несколько элементов камергера ссыпались вниз по лестнице, рассредоточившись до расстояния, на котором еще сохраняли единство мысли. Один в самом низу лестницы что-то лаял,

командуя солдатам на первом этаже.

Равна с Ганноном переступили порог. Дверь захлопнулась от сквозняка.

Женщина оглядела выбитые окна и обгоревшие занавески. Ей показалось, что потолок когда-то был значительно ниже, а в комнате были натянуты шелковые балдахины. Когда обстановка изменилась, Равна не знала, но почему-то подумала, что лишь несколько минут назад. Несомненно, до пожара в этом месте было так же удушливо-жарко, как в остальной части посольства. Сейчас в комнате царил страшный холод и воняло гарью. Древорезчица стояла в центре помещения, внимательно разглядывая и обнюхивая кучу мусора, наметенного ветром со шкафов, но у лап ее продолжали тлеть угольки. Все элементы — даже щенок — разом повернулись и уставились на Равну.

— Мы найдем ГериЭдвиТимора. — Она произносила три имени слитно, как если бы они были стайным аккордом. — Я клянусь, Равна.

Невил кивнул:

— Мы знаем, кто это совершил, и догадываемся, куда они направились.

Он носил интерфейсную тиару, единственную оставшуюся на корабле, но под ней лицо

его было перепачкано сажей, а глаза немного расширились: Равна впервые видела Невила испуганным.

— Тропические наверняка планировали похищение несколько десятидневок. Они превосходно изучили распорядок дня троих Детей и их Лучших Друзей. — Он яростно пнул кучу горелой бумаги, но тут же овладел собой и утер лицо слегка дрогнувшей рукой. — Я сотрудничаю с Йо и Странником. У них антиграв, они ищут похитителей. Щепетильник говорит, что в ближайший час-два поднимет в воздух свои «Вышние глаза».

Равна прошлась по комнате, потом остановилась и вгляделась в то, что лежало под кучей бумаги, по которой пришелся пинок Невила. Элемент стаи. Нет. Два элемента. Один лежал в неестественной скрюченной позе, тело его было залито кровью. Другой растянулся по куче мусора, словно его сбили на середине прыжка. Теперь уже ничего нельзя узнать: оба элемента валяются бездыханные, ускользнув от кары. При жизни они были частью стаи, которая хорошо о себе заботилась. Немногие тропические одевались так пышно.

Равна взглянула на Древорезчицу.

— Это двойка Дара Божьего, — сказала королева

Когтей. — Только они здесь и оставались, когда ворвался Ганнон.

Ёркенруд добавил из-за спины Равны:

— Остальная стая смылась по крайней мере часом раньше. И все ее подельники. Они забрали сани. Все забрали.

Невил покосился на Ганнона:

— Ганнон не знал, но… я беру на себя полную ответственность за случившееся. Я накосячил. Были шансы, что ребята здесь. Мы не могли ждать прибытия Древорезчицы.

Ганнон прервал его:

— Послушай, но я же ничего плохого не сделал! Мы ворвались сюда и схватились с тем, что приняли за слитную стаю. Эти подлецы сказали, что ребята у них. Сказали, что перережут им глотки. Там бушевало пламя! У нас не было выхода, и мы атаковали. Убили их двоих — и оказалось, что внутри от этой стаи больше никого нет!

Равна обернулась и посмотрела на него.

— И Детей тоже? — уточнила она.

Ганнон тоже взглянул на нее, с видимым трудом усмиряя порыв ответить колкостью:

— Нет. Никого.

Она вернулась туда, где Древорезчица обнюхивала трупы и кучу мусора. Равне никогда

особенно не нравился Дар Божий, но…

— Я и не знала, что стаи способны на такие фокусы.

Древорезчица встряхнулась. Равна догадалась, что она пытается скрыть изумленную досаду: чертов щенок не успел стереть из глаз потрясенное выражение.

— Тропические хитры, хотя и полоумны, — ответила Древорезчица. Она принюхалась к телу, валявшемуся в луже крови. — Я думаю, это был речевой центр стаи. Он оставался неизменным, остальные элементы менялись. А эти двое всегда работали с документами.

Невил тоже выглядел пораженным.

— Я не знал. Там, внизу на лестнице, еще несколько очажков возгорания. Вокруг разлита ворвань — к счастью, не так много, чтобы вся башня заполыхала. — Он посмотрел на обгоревшие бумаги. — Наверное, в последний момент они сообразили, что тайн осталось слишком много.

Древорезчица повернула к нему головы:

— Вместе эти двое могли сохранить достаточно ума, чтобы разобраться, что жечь в первую очередь. — Она встряхнулась. — Подумать только: Дар Божий пожертвовал собой во имя этой тайны.

Им немного повезло: облака разошлись, а следующая буря была еще в двух днях пути морем. Большой аэролет Щепетильника нужно было еще десятидневку снаряжать для пробного полета, но советник по науке пожертвовал для поисков свой маленький дирижабль с заряженным под завязку электромотором. Впрочем, поиски с воздуха всецело зависели от антигравитационного флайера и поставляемых им через орбитальный маршрутизатор аэрофотоснимков сквернейшего качества. В Домене Древорезчицы были миллионы гектаров снегов, голых скал, замерзших каналов и пакового льда, но там, где схватили Гери, Эдви и Тимора, осталось много следов, и не все они остыли. Лучшие королевские ищейки обшарили все ближние леса. Видео со спутника подсказывало им, какие места проверять в первую очередь, но постепенно поисковые партии достигли краев, где горные фермы уже мало чем отличались от пустошей, кроме условно протянутых оград.

Тем временем Странник с Йоханной преуспели там, где оказался бесполезен дирижабль: они напали на след главной стаи беглецов. Антиграв то поднимался до облаков, то нырял под прикрытие горных стен, отслеживая каждое перемещение

толпы тропических. Те наверняка сбежали раньше, чем похитители Детей успели передать им свою добычу, — но ведь у них могла быть намечена встреча в глуши!

Основная группа двигалась вдоль Восточной Лесной Дороги, не останавливаясь ни для каких встреч. Посольские Когти всегда казались идиотами, возясь со своими громоздкими санями в самую неподходящую для этого погоду. В кои-то веки погода и ландшафт им благоволили: добравшись до Высокого Перевала, беглецы погрузились на сани и единым слаломом съехали вниз, прерывая спуск, только чтобы поднять перевернутые сани и разъединить столкнувшиеся. Потом, однако, разгулялся буран, и, когда тропические свалились на головы гарнизону пограничной заставы у Восточных Ворот, восьмерка саней уже вмещала всех выживших. Они попросту промчались сквозь заставу, сея беспорядок на своем пути, но за исключением элементов с обеих сторон, никто не пострадал: обошлось без полных смертей.

В принципе свора тропических еще не покинула территорию, на которой действовали законы Домена. Фактически же именно у Восточных Ворот погоню пришлось прекратить.

Через несколько часов после катастрофы у Восточных Ворот Йоханна и Странник вернулись к Равне и устроили совещание на втором этаже домика. Снаружи бесновалась метель, белые вихри крутились почти под окнами — а внутри было тепло и сухо. На столе рядом с большим окном лежал драгоценный груз из Холодной Долины, которого так ждала Равна: десять тысяч логических сумматоров на пятидесятисантиметровом диске прессованного углерода. Их еще надо было протестировать у Щепетильника, но в северной миссии девушка и стая уже получили картинки следующей стадии техпроцесса: настоящие процессоры и запоминающие устройства! Если сумматоры успешно пройдут испытания, путь к цели, за которой Равна и Щепетильник гнались без малого десять лет, будет расчищен.

Этот груз обещал Равне миг величайшего триумфа. Но когда Йо вручила ей черный углеродный диск, Равна едва взглянула на него: на миг поднесла к свету, полюбовалась почти микроскопическими узорами и отложила. Скоро устройства попадут в лаборатории Щепетильника и тот займется тестами. Меж тем пропали трое из младших Детей, а три стаи почти полностью погибли.

Равна сидела рядом со Странником и Йо на своем прекрасном ковре, и было ей так холодно и страшно, как если бы в комнате гуляла такая же снежная буря, что и на улице.

Наверное, Йоханна плакала, но признаков ее горя не осталось — только следы от слез на лице.

— Нам стоило бы загнать тропических в глушь, но буря помешала.

Она почти все это доложила по радио. И перескажет еще раз на собрании Детей в Новом Приемном Зале завтрашним утром. Девушка сердито колошматила большую подушку, которую подложили ей под колени. Странник растянулся вокруг них, вид у него также был невеселый и вымотанный.

— Мы никого не спасли, — сказала Йо, — мы ничего не обнаружили. Единственное приятное обстоятельство во всем этом — мне удалось запрячь Джефри. Он возглавил наземную погоню, и в первый раз за много лет мы по-настоящему сотрудничали.

— Джефри лучше всех людей ведет себя в лесах, — сказал Странник. — Они с Амди спустились с Пика Плавилен, осмотрев все сверху в поисках маленьких групп, оторвавшихся от толпы. Они уже обогнали ее, когда ударила буря.

— Так что получается, тропические были зажаты между его группой и войсками Древорезчицы? — спросила Равна. Она, как и большинство Детей, следила за операцией по сводкам «Внеполосного-II».

— Да. Мы действительно поймали их в ловушку, и, если бы не буря, они бы мимо нас не проскользнули. — Йо в бешенстве хлопнула по своей подушке ладонью. — Но мы должны были захватить больше пленных! Гребаный ублюдок Ганнон Ёркенруд! Он ворвался туда и переполошил тропических. Я этого так не оставлю.

Равна кивнула.

На самом деле Йоханна уже высказала свои претензии — громко и публично, и почти сотня Детей на борту «Внеполосного-II» ее слышала. Атака Ёркенруда была неэффективна и глупа, и все, чего удалось достичь, так это внести сумятицу в ряды тропических.

— Да, — сказала Равна, — я видела. — Через предоставленную Древорезчицей камеру. — Тропические возились у саней, почти сбиваясь в слитные группы. Потом заявились Ганнон и его компашка…

— Да! И — фьють — тропические разбежались во всех направлениях, как синглеты. — Мгнове-

ние Йоханна смотрела в пространство. — А в бурю отловить их поодиночке было нереально. — По ее лицу скользнула тень. — Тропические синглеты в полярном буране. Я готова поклясться, что они уже мертвы.

— Джефри с Амди расставили сети, — добавил Странник. — Им удалось поймать нескольких. — Он удивленно покачал одной головой. — Какая странная команда: Джефри в лесах не хуже любой стаи, а Амдиранифани, толстенький скромненький гений-коротышка, даже мяса особо не ест. Лапу даю на отсечение, что трюк с ловчими сетями придумал Амди. Между прочим, они захватили больше тропических, чем солдаты Древорезчицы и Невиловы тупицы, вместе взятые.

— Что нашлось в санях?

Йоханна мотнула головой:

— Нам придется дождаться очередной конференции Невила, чтобы это узнать. Мы еще были в воздухе, а Джефри с Амди занимались своими ловушками. Повозки тянули в основном люди Ганнона. Ручаюсь, даже проведя здесь, Внизу, целых десять лет, они продолжают пребывать в наивной уверенности, будто мир построен специально для них. Если материальные объекты не реагируют так, как им надо, и не откликаются

на голосовые команды, ребятишки думают, что те сломались. Они там, остервенев, не одни сани и не один грузовой ящик порубили в щепки.

— Они кое-что пролили на землю. Там все было замусорено, но в нескольких местах я заметила радужные разводы.

— Да уж, великое открытие, — сказала Йоханна. — Тропические годами воровали у нас технику, в основном блестящую и поломанную. Мне нужны улики посерьезнее. Где Гери, Тимор и Эдви? Как нам их вернуть? — Голос девушки стал тише и печальней. — Если мы вообще можем их вернуть.

Она подняла голову и взглянула на Равну.

— Джефри так расстроен, я таким его еще не видела, даже когда он был совсем маленьким. Мы снова на Лугах Смерти, Равна.

Глава 17

Миновала десятидневка, но никаких следов Гери, Эдви или Тимора не обнаружилось. Зато на кладбище состоялась необычная церемония — сотни стай и все оставшиеся Дети пришли и вместе отстояли в сумерках под ветром и снегом похороны Белль, части Мусорщика и почти всего Бизли. К добру или к худу, но среди стай зарождалась новая традиция… Невил ограничился парой слов, помянув павших Лучших Друзей и пообещав во что бы то ни стало найти похищенных Детей. Затем люди и Когти выступили с речами в память погибших. Нашлись даже добрые слова о старой ворчунье Белль Орнрикак. Чудом уцелевший элемент Бизли стоял на краю могилы своей стаи и смотрел вниз озадаченно и грустно.

Убийства и похищения сплотили Детей, как ничто доселе. Зародившиеся было очажки недовольства потухли, и все встали плечом к плечу. Хотя об исчезнувших Детях ничего не было слышно, нашлись новые улики: помимо уворованных в городе безделушек и игрушек, тропические загрузили сани запасами еды, в том числе палоч-

ками спрессованного сиропа, которыми питались только люди. Кто-то явно планировал увезти похищенных Детей как можно дальше. Невил во всеуслышание повинился в своей некомпетентности и пообещал, что в дальнейшем поисковые мероприятия будут проводиться гораздо профессиональнее.

Итак, у Домена теперь появился внешний враг, и был он, несомненно, заинтересован в приобщении к человеческим секретам. Проныра и Магнат, естественно, возглавляли все списки подозреваемых. За пределами Домена творилось что-то очень угрожающее. На сей раз враги орудовали лапами марионеток — но что они предпримут в следующий раз?

Древорезчица и Невил были вынуждены сотрудничать теснее. Когти и люди добровольно дежурили в особых дозорах. Самых маленьких Детей ни на миг не оставляли без двойной охраны. Джефри и Амди остались в городе, работая над учреждением постоянной столичной патрульной службы. Невил образовал специальные комитеты для обсуждения проектов новой внутренней политики.

Дважды в десятидневку Невил устраивал конференции, на которых подводил промежуточные

итоги деятельности комитетов. Биотехнологические проекты не оправдали себя и были свернуты в угоду потребностям немедленного обеспечения общественной безопасности. Все шло так, как и напророчил Странник, размышляя о готовности режима любой ценой укрепить пошатнувшуюся власть. Но теперь стая высказывалась менее цинично:

— Все обернулось так, что Невилу выпала выигрышная карта, но я не представляю, как бы он мог это подстроить.

— Да не сам, — сказала Йоханна. — Если он спутался с Пронырой, а тот его использует в своих схемах, то чего-то в этом роде вполне можно было ожидать. — Девушка поглядела на Равну. — Ты сказала мне, что в посольстве у Невила был ошеломленный вид.

— Да.

Йо кивнула:

— Сдается мне, что Невил сел играть в карты с дьяволом и обнаружил, что так просто его из-за стола не отпустят.

Она помолчала минуту.

— А может быть, он ни в чем не виноват. Вчера мы с Джефри снова пообщались. Если он задержится в городе, мне наверняка удастся вызнать,

что у него в голове творится. Джефри и Амди отчаянно трудятся, чтобы предотвратить повторение таких событий, но, говорю тебе, они никак не причастны к Невиловым козням. Джефри твердит, что нам и в самом деле не помешают ручные огнестрелы, о которых упоминал Невил на вчерашней встрече. Джефри в жизни не впутался бы в такой зловещий альянс, о которм тебе намекнул Шкуродер. И все же… я уверена, что Джеф что-то скрывает от меня. Шкуродер еще проявлялся?

Равна покачала головой:

— Нет. И ты это знаешь.

Разговор начинал повторяться. Шкуродер показывался на встречах, активно сторонясь Невила. Обычные лукавые намеки стерлись из его речей. Помощь, которую он пообещал Равне, явно запаздывала.

Дрянная Сумасбродка скрестила руки:

— Мое мнение: Древорезчица просто обязана сцапать Шкуродера и привлечь подонков к ответственности.

Она покосилась на Странника.

— А тебе как такая мысль? Ты же виделся с королевой только что, разве нет?

Странник переглядывался сам с собой, чем-то

смущенный.

— Фактически наша последняя беседа имела, кхм, более интимный характер, чем все предыдущие за очень значительное время. Я могу кое о чем говорить с полной уверенностью. Я опасаюсь, что Древорезчица вскоре станет еще… взбалмошнее.

— Это щенок, так ведь?

— О да. Шт стал старше, однако ситуацию это не выправило. Древорезчица понимает, что от него одни проблемы, но он уже превратился в ее часть, она ничего не может с ним поделать. Она балансирует между диаметрально противоположными состояниями сознания. Мне посчастливилось застать Древорезчиицу, когда она была расположена понежничать.

— Гмм. Тогда тебе бы стоило подсказать ей, чтобы она избавилась от этого проклятого Шта, — сказала Йоханна. Обычное добросердечие к индивидуальным элементам стай покинуло ее.

— О, даже в самый разгар наших любований я не осмелился завести об этом речь — полагаю, что отповедь была бы крайне резкой. Старая Древорезчица никогда бы так все не запустила. Она понимала, что отрекается от многовековой стабильности, когда начала водить со мной шу-

ры-муры, но мы и подумать не могли, что дойдет до подобного. Хорошо уже то, что она отдает себе отчет в наличии проблемы и пытается с нею справиться. Я думаю, что рано или поздно она в этом преуспеет. Тем временем у нее появилось несколько резко отличных состояний разума, к которым она периодически прибивается. Иногда она полностью поддерживает планы Невила по усилению безопасности. Иногда она рассматривает Невила как подходящего союзника в ее собственных планах. А иногда она так же подозрительно к нему относится, как и мы, видит в нем марионетку Проныры… или Шкуродерову. И разумеется, раз уж запустить когти в Проныру она бессильна, лучшим выходом ей представляется именно тот, который ты сейчас ей через меня советуешь: схватить Шкуродера и допросить его с пристрастием!

Прошло пятнадцать дней. Шкуродера-Тиратект держали в Старой Крепости на Тайном Острове под негласным домашним арестом. Равна полагала, что едва ли Шкуродера это сильно стесняет, учитывая все секретные лазы. Но по крайней мере в одном сомневаться не приходилось: с Равной он пока не связывался.

Она продолжала контрразведку в стане врага,

отслеживая сетевую активность Невила. Невил с Били так же осторожничали и метались, как прежде. Их попытки шпионить за ней вызывали у Равны искренний смех: даже без потайных привилегий суперпользователя ей легко было бы водить пацанов за нос. С другой стороны, у Невила оставался полный контроль над спутником и коммуникаторами, на которые он наложил лапу. Эти устройства соединялись комм-линиями, которые Равна прослушивать не могла.

Несмотря на трагедии и общую атмосферу паранойи, Равне было чем похвастаться: «Вышние глаза — II» впервые поднялись в воздух, полет прошел успешно. Левиафан формой и размерами походил на небольшой межпланетный лихтер, хотя перемещаться мог лишь в нижних слоях атмосферы, а грузоподъемностью уступал даже антигравитационному флайеру. Тем не менее судно оказалось безопасным и скоростным транспортным средством. Невил был прав, когда говорил, что «ВГ-II» произведут революцию в спасательных службах Домена.

Она продолжала сотрудничать с лабораториями Холодной Долины и разработала ручное огнестрельное оружие по официально порученным ей спецификациям. Оба проекта требовали

участия Щепетильника. Когда стая потребовала, чтобы Равна наведалась на северную окраину, ей вспомнились старые добрые деньки до Группы Изучения Катастрофы, Невила и убийств.

Домик Равны располагался менее чем в пяти тысячах метров от северной окраины, но чтобы добраться туда, ей потребовалось проехать на фуникулере до самой Внутренней Протоки. Канал почти полностью замерз, но после недавнего дождя на льду блестела пленка подмерзающей воды. Дорога превратилась в диковинное сочетание катания на коньках и езды на санях. Остальная часть путешествия оказалась не лучше, хотя стаи Шкуродера прорыли сточные канавы в снежных холмах, укрывших улицы. Через полтора часа после выхода из дому Равна наконец очутилась на пороге кабинета Щепетильника в карьере у северной окраины. Она все еще грелась и обсыхала, когда хозяин кабинета принес свои стекляшки и электронику.

— Привет, Щепетильник, а зачем я тебе тут понадобилась? Это пушки или проекты Холодной Долины? — «Надеюсь, что последнее». Если бы не новые опасности, этим проектам она бы и уделяла все свое время.

— То и другое — и ни то ни другое, — сварливо

отозвалась стая. — Давай начнем с хороших новостей. Ты уже обсохла? Я бы не хотел, чтобы с тебя накапало на мои образцы.

— Я высохла.

— Тогда смотри.

Он подвел Равну к испытательному стенду на другой стороне комнаты. Стенд обвили коннекторы и провода, ведущие к батареям местного производства и регуляторам напряжения. Доисторическая техника, а ведь у Равны с Щепетильником ушло много лет, чтобы наладить ее производство. Почти в самом центре установки на стеклянной подложке покоилась сантиметровая полоска углерода. Щепетильник и его ассистенты осторожно вырезали ее из массива десяти тысяч сумматоров, потом подсоединили источники питания и каналы перекачки данных.

— Мы только этим утром закончили возиться с установкой, — сообщил Щепетильник. — Кое-какие тесты еще не закончены, но я хотел, чтобы ты взглянула своими глазами.

Стая окружила установку, затыкала в переключатели носами, исправляя свои же ошибки. Элементы Щепетильника уже сильно состарились. Его Белоголовый почти оглох на низких

частотах, и, глядя, как элементы теснятся к нему, Равна заподозрила, что и с ультразвуковым мышлением проблемы. Щепетильник заявлял, что, если допустить в стаю молоденькие элементы, он не сможет сконцентрироваться на работе. Судя по Древорезчице, он был не так уж не прав.

— Вот! Все работает. Видишь? Верхний ряд кодирует двоичный эквивалент двенадцати. Нижний — двоичный эквивалент семнадцати. — Он очертил носом узор слабых огоньков, а потом указал на третий ряд лампочек, под двумя первыми: результаты вычислений. — Двенадцать плюс семнадцать будет двадцать девять!

— Ты это сделал, Щепетильник. — Голос Равны упал почти до шепота.

Щепетильник приосанился, но честность заставила его уточнить:

— Мы вместе это сделали. Мы с тобой при поддержке программ «Внеполосного-II». Мы втроем — а еще те, кто работает на севере и здесь, в городе. — Его пробила маниакальная трясучка. — Я весь день с этим играю. Я заставлял «Внеполосный-II» посылать тестовые последовательности на разных скоростях, проверял результаты — наш маленький сумматор действительно выдает сто тысяч операций в секунду! Секунда за секундой,

часами! — Он поднял морды на Равну. — И тот дизайн электроники, какой мы разработали в Холодной Долине, — его-то Йо со Странником и доставили незадолго до похищений, — уже огромный шаг вперед по сравнению с этим! Я уверен, что он тоже будет работоспособен! Там тот же техпроцесс — шаг в сто микрометров. Ты только представь: у нас уже есть регистры памяти, тактовый генератор и инструкции, как все соединить!

Равна кивала в ответ. На следующем шаге они воспользуются выжимкой из опыта тысяч цивилизаций и получат процессоры, оптимизированные для гротескно примитивных условий проекта «Холодная Долина».

— Да, разумеется, — сказала она, — но их будет еще тяжелее изготавливать.

— О, все равно что плести хорошие ковры. Тысячи когте-часов. Но через год у нас появятся настоящие процессоры — десять или двадцать, быть может. Мы приступим к производству собственных видеочипов. Эта работка для рук и лап будет куда сложнее…

— Но еще через десять лет у нас появятся собственные роботы. — Машины сами займутся изготовлением микросхем. И понемногу данные

Равной Детям обещания начнут осуществляться. Она не боялась сглазить. — А потом мы начнем масштабировать техпроцесс. Уменьшать характерный размер.

Эта точка всегда знаменовала переход к технологической цивилизации.

— Да-да, — протянул Щепетильник: он уже давно выучил наизусть истории из корабельных архивов.

Мгновение они стояли, улыбаясь друг другу, как идиоты. Очень и очень счастливые идиоты.

Ей тоже нравилось играть с коннекторами, складывать собственные числа. Детей это занятие вряд ли впечатлило бы, может, за исключением Тимора. Он…

Тимора бы оно захватило. И эта мысль опустила Равну на жуткую землю. «Потом наиграешься». Она отступила от чудесной установки и согнала с губ улыбку:

— Ты, кажется, еще о чем-то хотел со мной побеседовать, Щепетильник?

Головы стаи какое-то время пьяно покачивались, но потом Щепетильник овладел собой и тоже успокоился. Он подошел к окну и уставился в карьер. Наверное, глядит на вспышки сварочных аппаратов из ангара, где приваривали

ребра и лонжероны его творению. Работа над следующим большим аэролетом, которому уже присвоили имя «Вышние глаза — III», началась. Щепетильник не обладал особой ономастической фантазией.

Но когда Щепетильник отвернулся от окна, то завел речь не о «ВГ-III».

— Знаешь ли, идея Невила насчет миниатюрной пушки просто абсурдна.

Ее Невил выдвинул как основной технологический ответ на похищения и даже придал ей высший приоритет, чем постройке следующего аэролета. *Личная защита для каждого!* — таков был девиз проекта. Большинству Детей предложение Невила очень понравилось. Разумеется, Равна всегда знала, что огнестрельное оружие можно миниатюризировать, и примитивные цивилизации обычно так и поступали. Проблема была в том, что ручной огнестрел очень легко копировать и воспроизводить, а у Домена и так уже имелось существенное военное превосходство над половиной мира. Лучше не выдавать остальным государствам своего истинного положения, покуда возможно.

Кроме того, «Внеполосный — II» уже заготовил на будущее, когда Домен еще подтянется техно-

логически, проекты куда более эффективных средств самообороны.

— Но, Щепетильник, ты же знаешь, как понравилась идея личных пушек Древорезчице.

Королева одобрила ее на конференции Невила в последнюю десятидневку.

Стая раздраженно пошумела.

— Да ведь мы с тобой уже обсуждали ее. В принципе, идея не лишена некоторого резона. Она не полностью идиотская, лишь отчасти. В нашем нынешнем положении сгодится. Что меня действительно бесит, так это дизайн.

Он послал через комнату элемента — снять со стенда документацию по опытным образцам ручного огнестрела и принести Равне в руки.

Графику она выполнила сама по данному Невилом общему описанию. Мгновение Равна просто смотрела на чертежи.

— Хм, это я включила глушитель и пламегаситель — в первоначальных спецификациях Невила эти детали отсутствовали. Тебе нужен ствол подлиннее?

— Ну да! Ты бы хотела, чтоб эта штука долбанула отдачей тебе в лицо? — Щепетильник слишком хорошо помнил, как Белоголовый оглох на полевых испытаниях первой пушки. — Но об

этом я бы позаботился в последнюю очередь. Ты глянь на эту штуку — как вы ее зовете, приклад?

Эту деталь добавил Невил, но Равне она показалась скорее остроумной.

— Щепетильник, он смоделирован по рукояти когтевой челюстесекиры.

Но, повертев рисунки, она увидела, что нижняя часть приклада оптимизирована под ручную хватку, как было в давно утерянном пистолете Фама.

— Это чушь! — Все элементы Щепетильника, кроме одного, подались вперед и вырвали у Равны бумаги. — Для человека, с руками и кистями, такое оружие вполне подойдет. Человек его легко удержит, перезарядит и выстрелит. Но стая будет вынуждена взяться за него с обеих сторон и тянуться мордами вперед. Сменные обоймы мне понравились, но я себе даже не представляю, как мне извернуться, чтобы перезарядить оружие.

Равна глядела на чертеж. Она поняла, чем руководствовался Невил, работая с рассчитанными на множество рас дизайнерскими программами «Внеполосного-II». Он изменил спецификации так, чтобы оружие подходило только для людей.

— У тебя есть что ему предложить взамен?

— Я мог бы над этим подумать. — Он опять

отстранился и подошел к окнам. — Если уж так нужно, чтобы я тратил на это время. По крайней мере, *я* все сделаю как надо.

Он выхватил лист бумаги у одного из своих элементов и начал на нем рисовать.

— Хм, если удлинить ствол, точность стрельбы возрастет, оружие будет удобней держать, стрелять из него и обслуживать…

Следующие минут десять они — в основном, конечно, Щепетильник, потому что Равна без «Внеполосного-II» в техническом дизайне ничего не смыслила, — возились с моделью и улучшали ее. То, что у них получилось, напоминало не пистолет, а оружие, предназначенное для обслуживания командой.

— Думаю, один с ним все равно справится, потом…

Он поднял головы, точно прислушиваясь к чему-то. Равна не слышала ничего, но один элемент Щепетильника, оставшийся у окна, буквально прилип мордой к стеклу, пытаясь рассмотреть что-то происходящее прямо внизу. Ага, он кого-то ждет. Равна пересекла комнату и тоже посмотрела в окно, заслоняя руками отраженный свет потолочных ламп. Искры сварочных аппаратов озаряли ночь, пробиваясь сквозь мокрый снег.

Замерзающая вода, падая с карнизов окон лаборатории, слабо посверкивала. Проследив взгляд Щепетильника, Равна поняла, что он смотрит на один из пролетов деревянной лестницы, зигзагом сбегавшей вдоль стены карьера к административному домику. В сумерках были едва различимы темные силуэты, спускавшиеся плечо к плечу. Похоже, что там три стаи. В свете новых искр Равна увидела, что средняя из них — семерка в тяжелых теплых плащах. Один элемент сидел на плечах самого крупного: королева Древорезчица.

Первый телохранитель Древорезчицы уже спрыгнул на землю с последнего пролета. Равна его не узнала. Спустя минуту он уже рассредоточился вокруг лаборатории, глядя во все стороны. После этого с лестницы спустилась Древорезчица — вся одновременно. Она постояла какое-то время под портиком, снимая плащи и стряхивая воду с шерсти. Подняла морды, внимательно посмотрела на Равну. Потом вошла внутрь — вместе с королевой в помещение ворвался порыв сырого холодного воздуха.

— Весна — худшее время года, — сказала она. — Зимой хоть дождей нет.

Два элемента королевы смотрели на Равну. Проклятый щенок же с интересом и хитринкой

прирожденного разрушителя оглядывал лабораторное оборудование.

— Но космос еще суровей, не так ли, Равна?

— Да, хотя условия в космическом пространстве *так* суровы, что посетителям обычно не приходится так страдать, как вам по дороге. Они слишком хорошо защищены.

«Что за черт, у нас почти светская беседа!»

Щепетильник отошел к дальней стене лаборатории и укрылся за шторами. Те были достаточной толщины, чтобы стая могла участвовать в разговоре, не мешая королеве думать.

Древорезчица поглядела в его сторону:

— Это частная беседа?

— О да, моя королева. Все устройства, с помощью которых нас можно было бы подслушать, временно отключены.

Щенок вспрыгнул на лабораторный стол и стал обнюхивать коннекторы и клеммы. Остальные элементы Древорезчицы стояли полукругом рядом с Равной.

— С тобой гораздо проще было иметь дело, чем с Невилом.

Равна молча кивнула. Древорезчица мгновение размышляла.

— Извини, я думала, что сделаю тебе приятное,

даже извинившись. Я знаю, что со *мной* сейчас нелегко. Мой… Странник уже наверняка тебе насплетничал про состояние моей личности?

Как ответить? Равна постаралась не задеть достоинства королевы:

— Странник сказал только, что твое пополнение его… разочаровало.

Древорезчица фыркнула:

— Как он тактичен!

Взрослая шестерка теперь глядела на маленького Шта. Чертов щенок смотрел на них в ответ с невинным выражением морды и тела. По крайней мере, так интерпретировала Равна его позу.

— Век назад я бы не пошла этим путем, — продолжила Древорезчица. — Я бы и Гармониковых краснокурточников к себе не допустила. Но тогда у меня не было моего дорогого Странника, который меня сделал отпетой авантюристкой. Я так запуталась, сильнее, чем когда бы то ни было в тот период времени, о котором сохраняю четкие воспоминания… Шт чуть было не вытеснил меня, но я осознала опасность. Я все еще в поисках равновесия. Странник мне кое-что предложил, но пока что… — Древорезчица вернулась взглядами к Равне. — Пока что ты можешь быть уверена, что, даже если мы не согласны друг с другом, я

доверяю тебе, Йоханне и Страннику больше всех на свете.

Равна кивнула.

О Силы Наверху!

— Спасибо.

— Мы в серьезной опасности. — Королеваа остановилась, собираясь с мыслями.

Щепетильник подсказал:

— Вы имеете в виду Невила и его планы?

Два элемента Древорезчицы вскинули морды.

— Да. Я внимательно наблюдала за Невилом с того самого дня, как он сместил Равну. Он пытается отнять у меня Домен, но он далеко не так умен, как воображает. Вопрос в том… — Голос Древорезчицы безмысленно затих.

Щепетильник влез снова:

— Вопрос в том, вертит ли Невила за ниточки кто-то еще, какая-то стая гораздо умней его самого.

Теперь вздернулись все морды Древорезчицы.

— Щепетильник, чтоб тебя! Прекрати перебивать! Достаточно с меня и того, что твои навязчивые мысли громыхают по всей комнате!

— Простите! Простите…

Ее головы повернулись к Равне, последним это сделал щенок.

— Убийства и похищения послужили Невилу идеальным подспорьем взять нас в когти. Было ли это случайностью? Если так, то мы — я и ты, Равна, — не должны переживать насчет великих амбиций Невила. Но ты знаешь, что это может быть и работой Проныры, — тебе намекал на это Шкуродер. Если он прав (или, что хуже, если Шкуродер ведет двойную игру), придется признать, что нас перехитрили. — Она молча размышляла с минуту. — Невил заставил нас поверить, что за атакой стояли тропические. Я наблюдала за посольскими почти десятилетие. Трудно поверить, что они на такое способны.

— Дар Божий был умен, — сказала Равна. — По-своему, искореженным и неустойчивым умом, но… Йоханна полагает, что торговля последних десяти лет заставила тропических воспринимать нас как-то по-иному.

Древорезчица прогудела:

— Да какая разница стомиллионному Хору?

Равна улыбнулась:

— Странник отреагировал в целом так же.

— Я знаю, я с ними обоими сегодня говорила. Сегодня мой черед извиняться и искать примирения. Если Невил — чья-то марионетка, то Дар Божий и его орава наверняка были посредника-

ми. По крайней мере пять лет мы шпионили по всему Восточному побережью, стараясь разведать планы Магната, Проныры или еще невесть кого. Может, мы не туда смотрели? Если Дар Божий — чье-то орудие, это бы многое объяснило. Я думаю, надо проверить и эту возможность.

— Так пошлите Йо и Странника к тропическим! — не стерпел Щепетильник. — Ой, извините.

Древорезчица махнула головой в его сторону:

— Именно так, именно так. Нам бы давно стоило это сделать. Прямо сейчас Йо и Странник летят над Водопадами и устьем Реки.

Равна знала, как опасно в материковых тропиках, даже если путешественникам не грозят Великие Зыбучие Пески.

— Отрицательный результат ничего не докажет, — сказала она.

Маленький Шт огрызнулся, цапнув пастью воздух, но голос остальной стаи звучал рассудительно:

— Это так, но мы должны с чего-то начать. С учетом недавних событий я бы сказала, что тропикам следует уделить по крайней мере столько же внимания, сколько Восточному Дому и Длинным Озерам.

— Да.

— И я бы хотела кое-что прощупать втайне от Невила и его приятелей. Йоханна и Странник того же мнения. Невил думает, что они полетели на Пик Плавилен, но в действительности они отправились гораздо дальше.

Путешествия за шестьдесят километров и за несколько тысяч для антиграва представляли одинаковую сложность. Тем не менее…

— Я бы… я бы хотела, чтобы мы все это обсудили, Древорезчица.

— Зачем? Они оба захотели глянуть, что там творится. Первая поездка продлится дня два, займет куда меньше времени, чем иной рейд на Восточное побережье. Они намерены отмалчиваться, пока не окажутся уже на обратном пути.

— Полагаю, что Невил, скорей всего, так или иначе узнает об их миссии.

— И что с того? — сказала Древорезчица. — Это лишь добавляет нам причин провернуть операцию как можно быстрее. Меня застали врасплох убийства и похищения. С тех пор Невил гнет свою линию. Прежде чем враг снова подкинет нам сюрприз, я хочу дознаться, с кем мы имеем дело. — Она окинула взглядом комнату. — И вот еще: прекрати вести себя как дура. Невилу нужны

твои технические рекомендации, но как только до него дойдет, что мы снова заодно, тебя это не защитит. Если он орудие Проныры, можно ожидать насилия. Я хочу, чтобы ты перестала ходить без охраны. Я дам тебе четыре стаи в эскорт, они будут сопровождать тебя домой — это в придачу к тем, которых ты явно не заметила. — Увидев выражение лица Равны, она ощерила пасти в усмешке. — А с сегодняшнего вечера я усилю прикрытие. — Все ее элементы довольно затрясли головами, даже маленький Шт.

Три часа спустя Равна наконец оказалась дома на Холме Звездолета. В этот день случилось больше важных событий, чем в любой другой после Битвы на Холме Звездолета, *и никто не пострадал!* Ее разум работал в турборежиме, попеременно Равну захлестывали триумф, беспокойство и напряженная сосредоточенность. Очень скоро проект «Холодная Долина» поставит первые тысячи процессоров и видеочипов — куда больше, чем Щепетильник мог в данный момент применить в своих устройствах. Придется еще несколько лет трудиться не покладая рук, прежде чем интегрированные устройства и программы дизайна «Внеполосного-II» внесут кардинальное улучшение. Но затем жизнь Домена в целом и

Детей в частности изменится. Это будет победа для каждого. Оставалось неясным, однако, насколько скверно обстоят дела с Невилом. Если он непричастен к убийствам и похищениям, можно будет выработать компромисс. Компромисс, который не унизит его, но позволит и дальше осуществляться именно тем проектам, какие задумала Равна.

А если Невил — лишь марионетка Проныры или еще чья-то? Возможно, его удастся принудить к сотрудничеству. Если нет… наверное, как только Йо и Странник посмотрят в нужные места, все станет ясно. «Хотела бы я с ними сейчас поговорить». Придется повременить еще пару дней, храня миссию в секрете. Но что бы они могли решить или увидеть глухой ночью даже в самом сердце Хора? Вероятно, нынешний полет окажется только первым в череде многих, и удержать их в тайне никак не получится.

Равна мерила шагами комнаты домика, размышляя над вариантами своего дальнейшего поведения. Снаружи она видела выставленную Древорезчицей стражу. Никто не проскочит мимо этих ребят; перемена настроения королевы (или наконец достигнутый успех в самоконтроле) был, наверное, триумфом не меньшим, чем все

случившееся прежде в этот день. И он же неустанно принуждал Равну к осторожности. Так много зависит от воли и стабильности разума Древорезчицы. Королеву все еще донимали вспышки гнева, провалы памяти и потери концентрации. Древорезчица еще не выиграла битву с собственной паранойей.

Мысли самой Равны блуждали, перескакивая с предмета на предмет. Новые тревоги и новые заботы, новые озарения и планы. «Если бы мне сейчас доступ к „Внеполосному-II“… Можно, наверное, пробраться туда и прямо сейчас. Кое-что я наверняка упустила из виду».

Прошел час, за ним другой. Из окон второго этажа Равна видела, как талая вода смерзлась в стеклянистый лед, блестевший и мерцавший в отраженном уличном свете. «Поспи хоть немного». Завтра надо поговорить с кораблем, может быть, даже связаться с Йоханной и Странником. Равна с трудом улеглась в постель.

Сон не шел. Она лежала в темноте, прислушиваясь к звукам дома и морозному потрескиванию за окном. В этих домиках так шумно… когда Равна была маленькой, внутренние помещения и двор надежно изолировались друг от друга, так что единственные доступные ей в спальне

звуки были предварительно заданы и настроены для этого окружения. Обычно — шумы жизни, пение птиц, шелест крыльев летучих мышей, мяуканье котят. Конечно, окружение и его звуки можно было настроить по своему вкусу, а сестра Линн так вообще предпочитала полную тишину — Линн всегда была такой скучной и примерной девочкой. Они немало повоевали друг с другом на этой почве.

Теперь в этой глуши (а иначе как глушь весь мир Когтей Равна воспринимать не могла) звуки в основном исходили от Когтей — акустика в их обществе выкидывала странные фокусы. А когда Когтей рядом не было, звуки все равно казались грубыми и дикими. В первые несколько десятидневок в новом доме, прежде чем Йоханна и Странник вернулись из полета и поселились вместе с ней, Равна с трудом засыпала: в ночи все время что-то шумело, бухало, скрипело, стонало, и, как бы ни пыталась она внушить себе спокойствие, звуки эти, пускай естественные, вызывали тревогу. Ночь за ночью они повторялись, и мало-помалу она с ними свыклась. «Наверное, сегодня даже удастся поспать…»

Тут раздался новый, непривычный скрип. Ей показалось, что кто-то крадется по лестнице из

гостиной.

Она тихо поднялась и выскользнула из своей комнаты. Тихо? Ха, если на лестнице стая, та ее легко услышит! С другой стороны, закричи она, тут же ворвется охрана. Она подобралась к окну, следя за тем, чтобы ее силуэт не очертился на фоне стекла. Снаружи все было тихо. Поблескивала наледь.

Никого. Ни единого охранника.

Скрип на главной лестнице прекратился.

Она едва ощутимо повернула голову так, чтобы видеть все пространство до лестничного колодца. Стая может красться так тихо, что она ее в жизни не услышит, но зрение у людей развито куда лучше.

Стены были не совсем темными, и… вот тени, очень похожие на тени морд двух Когтей. Стая крадется по лестнице.

Конечно же, существо слышит, как она поворачивает голову. «Оно слышит мое лицо». Равна отпрянула и нырнула к двери черного хода.

На лестнице послышалось сдавленное шипение, по ступенькам застучали лапы. Равна распахнула дверь, протиснулась на черную лестницу и крепко затворила ее за собой. Шипение незваного гостя нарастало. Секундой позже тела

стаи навалились на дверь. Она привалилась к двери со своей стороны и обнаружила, что замка на ней нет. Только своим весом и силой, сравнимой с силой обычного элемента, Равна смогла ее захлопнуть. Надо как-то запереть дверь. Она зашарила вокруг в поисках выключателя. На лестнице было так тесно, что Равна с трудом помещалась между стен, и, хотя домик строился в расчете на людей, высота потолка здесь достигала едва полутора метров. Лестница была завалена всяким хламом и снаряжением, которые Странник и Йоханна либо привезли из экспедиций, либо время от времени брали с собой. Они настаивали на том, что нарочно путешествуют налегке, но от сувениров не отказывались.

Вот прямо под рукой какие-то палки, на каждой наконечник — короткое, но устрашающего вида лезвие. Равна схватилась за одну, перенеся часть веса от двери. Стая опять нажала на дверь, действуя всеми элементами, та приоткрылась, и в проем просунулась лапа с когтями. Равна подалась назад, что-то хрустнуло, и элемент жалобно взвизгнул от боли. Лапа исчезла. Несколько мгновений ничего не происходило: стая перегруппировывалась и оттягивала от двери пострадавшего. Равна переворошила кучу палок

и выставила вокруг себя два-три импровизированных копья, нацелив острые концы в сторону двери. Палки выскальзывали у нее из рук и рассыпались по ступенькам. *Хорошо же!* Она подобрала их и опять все, кроме одной, закрепила между дверью и стеной. Теперь, когда нападавшему вздумается опять пойти на штурм, дверь будет заперта надежнее и прочнее, чем могла бы ее удерживать она сама.

Потом она стала спускаться по лестнице, давя коробки и ящики. Перед собой она держала оставшуюся палку острым концом вперед. Орудовать переделанным из лыжной палки Когтя копьем человеку было непросто. Плечевые ремни оказались бесполезны, а древко странно выгибалось в нижней части. Впрочем, палка, по крайней мере, была длинная и острая на конце.

По мере продвижения хлама становилось все больше. Палатки, снасти, какая-то упряжь, ботинки. Ботинки. Равна надела старые ботинки Йоханны и выглянула в крохотное окошечко наружу. Окошко выходило на заснеженное поле за домиком. Высоко над полем, на склоне холма, горели редкие огоньки в окнах домов Новозамка. По всему полю тянулись глубокие тени, но Равне показалось, что похитителей там нет.

Наверное, они все в доме? Сверху раздавались скрежет и буханье. *У них топоры.* От двери черного хода летели щепки, она отчаянно скрипела и выгибалась, но держала. Потом Равна увидела, как лезвие пробивает дерево насквозь, и отвернулась обратно к выходу в поле. Сквозь дверь мог бы протиснуться только один элемент стаи, она была перегорожена деревянной балкой. Равна подняла деревяшку и нажала на дверь. Заперто! Она надавила сильнее, дверь скрипнула и отворилась. Равну прошиб холод. Над ней стая прорывалась в открытую верхнюю дверь. Коробки и ящики летели вниз под напором бандита, но только затрудняли ему продвижение.

О, бесценные секунды. Равна воткнула плечевую палку в лед, использовав ее как опору при первых шагах. Подошвы ботинок Йо скользили по свежему льду, как по стеклу. Она немного продвинулась вперед, но перемещение походило не на бег, а на лыжный ход. Из домика раздавалось громкое гневное ворчание.

Если удастся вырваться на дорогу прежде их, ее могут увидеть, даже защитить. Равна согнула колени и прыгнула, цепляясь за палку. С каждым полупрыжком с приседа она преодолевала почти пять метров, сгибая и разгибая палку, вытаски-

вая изо льда и снова втыкая. Потом заскользила вперед. Может, позвать на помощь? Из верхних окошек и задней двери ее не видно. «Вдруг они даже не знают, где я?!»

Королевская Дорога была уже совсем рядом, чуть ниже. В свете фонаря Равна видела, что на этом участке совершенно пусто. Она опять оттолкнулась и обнаружила, что тут, на спуске, вода не смерзлась до гладкого стеклянистого льда. Бедром она врезалась в лед и, вертясь из стороны в сторону, покатилась по водяной доске. Полыхнула боль.

Потом ее вынесло под фонарь, в круг света. Она извернулась, нащупала точку равновесия и встала на колени. Каким-то образом ей даже удалось не выронить копьепалку. Вверх по дороге виднелись дома, в некоторых горел свет. Кто-то бежал к ней — Джефри и Амди! Они на самом деле бежали: когти Амди легко разбивали тонкий на дороге лед, а два его элемента поддерживали Джефри снизу, фактически везя его на себе. Девятерная стая остановилась, окружила ее, Джефри протянул ей руку.

— Идем! — шепнул он. Амди помогал ей подняться, уцепиться за Джефри. На миг она ощутила тепло рук — и пронизывающий холод во всех

остальных местах.

Затем она заметила, что от крыльца ее коттеджика по склону съезжает по крайней мере одна стая, а другая легко и проворно, едва касаясь снега лапами, несется по дорожке, ведущей от входа. Амди булькнул что-то непонятное, обращаясь к Джефу. Внезапно руки Джефри сжались вокруг Равны железной хваткой, подняли ее вверх, оторвали от земли.

— Я поймал ее! — заорал он стаям.

Те окружили их. Стальные когти и арбалеты со всех сторон. Еще Равна увидела запертый фургончик — вроде тех, в каких перевозят скот. Фургончик вкатился в круг света.

— Прекрати дергаться, дрянь!

Кто-то сгреб Равну за шею и со всей силы ударил головой о стену фургончика.

Глава 18

Йоханна обожала летать на антиграве, но временами, и в том числе сейчас, ощущения от полета оставались просто ужасающие. Она усмирила бухающее в груди сердце и глянула через крохотную кабину на Странника.

— Насколько мы уклонились от курса?

— Не беспокойся, — лучезарно ответил ее пилот, — у нас хватает хода в запасе.

Йоханна выглянула наружу, в дождливую тьму. Они летели — или, точнее говоря, кувыркались и планировали — над сотнями километров тропической ничейной территории. Прямо перед тем, как начался ливень, она заметила внизу огни — что это? Костры для жертвоприношений или приготовления пищи? Она не высмотрела никаких деталей, не уловила запахов, так что оставалось заключить, что высота полета флайера по крайней мере километр. Может, внизу по-прежнему джунгли? Но как будто бы нет; Странник утверждал, что слышит непрестанный бубнеж мыслей Хора. Если под ними город, он должен быть так же велик, как самые густонасе-

ленные города Страумлианского Простора.

Антиграв выполнил нырок и чуть не перевернулся в воздухе. Такое в последней миссии случалось уж слишком часто, даже Странник с трудом удерживал управление. Если что пойдет не так, они перекувыркнутся в последний раз, и потом лететь останется уже недолго. Все трюки Странника-пилота быстро устаревали. И на сей раз, однако, он ухитрился выровнять флайер и вернуть его на прежний курс. Они несколько секунд летели сквозь мрак совершенно ровно, без дерганий, как будто на настоящем аэролете.

— Так, — сказал Странник. — Высота семьсот пятьдесят метров.

Всеми глазами он следил за мерцающими дисплеями. Стоило Йоханне самой на них взглянуть, как начиналось головокружение, а в этом полете напоминания о постоянных проблемах, предвещавших куда большие трудности, были почти постоянны. За годы большинство бортовых сенсоров выдохлись или вошли в замкнутый цикл сбоев и перезапуска. У них и приборов почти не осталось, кроме собственных глаз, — приходилось выглядывать в открытые окна и смотреть сквозь те фрагменты антигравитационной ткани, какие еще не были затемнены после ремонта.

От ближайшего более или менее безопасного участка, где флайер можно было посадить, их отделяло около десятка километров. В том месте река впадала в океан. Обычно висящий на синхронной орбите контейнеровоз снабжал шпионов навигационной информацией, но той ночью они не осмелились к нему воззвать.

— Ты подверстываешь координаты? — спросила девушка.

Очень похожая на собачью голова повернулась к ней, и умная морда ласково ткнулась носом в руку.

— Ну, — сказал Странник, — только наименее значимые цифры.

Да, конечно; как только они достаточно снизятся, Странник перейдет на эхолокацию поверхности.

— Я готов смириться с некоторыми огрехами позиционирования, — продолжал он. — И могу поклясться, что Невил и его прихвостни так и не догадались, куда мы на самом деле летим.

— Угу. — Но завтра они только бросят быстрый взгляд на тропики и тут же вернутся домой.

— Не волнуйся, — сказал Странник. — По совести, нам бы давно нужно было сюда слетать.

Дождь перешел в тропический ливень, но вет-

ра почти не было. Антиграв мягко скользил в стоячем воздухе со скоростью нескольких метров в секунду. Странник утверждал, что, когда вода просачивается в кабину, механизмы работают лучше.

Они еще снизились. Воздух пах гнилью и животными. Эти запахи не слишком удивили девушку; моряки и тропические фрагменты рассказывали о городах более обширных и гуще заселенных, чем любые поселения Когтей на планете. Безмысленная урбанизация рушит всякое когерентное сознание. Тропический коллектив не просто так прозвали Хором Хоров.

— Они думают громче обычного, — сказал Странник. — Вся толпа выпевает мысли одновременно. Похоже, что они и вправду весело проводят время. Никак там оргия!

Они летели так низко, что Йоханна снова заметила огни костров, но теперь по большей части заслоненные силуэтами построек и удушающей стеной горячего дыма. Девушка высунулась из флайера, глянула вправо и вверх.

— Странник! Над нами что-то летит!

Два элемента Странника высунулись посмотреть в указанном направлении. Антиграв тряхнуло.

— Ничего не вижу, но шумы какие-то странные.

С тех пор как переналадили спутник, предпринимались попытки охватить навигацией и надзором весь материк, не исключая и тропики, которые ни одна живая стая еще не исследовала. Трудность была в том, что оптика спутника немногим отличалась от примитивных фотометрических сенсоров и разрешение едва превосходило тысячу метров. Картинка получалась куда хуже, чем с камер «Внеполосного-II» десять лет назад, при разведывательном облете планеты. Сейчас антиграв, должно быть, над Водопадами и устьем Великой Реки. Как из данных «Внеполосного-II», так и из морских легенд следовало, что здесь тропические селятся гуще всего.

Таинственный свет пропал, но потом она сообразила, что по левому борту действительно что-то летит: новое созвездие очень слабых мигающих огоньков появилось в небе. Объект был очень велик и неподвижен относительно флайера: точную форму мешала разглядеть стена ливня.

— Четыреста метров. Мы уже на пути к месту, где сможем отдохнуть. Там топко, но для посадки сойдет. Слушай, разве не в том месте я — вернее сказать, прежний я — провел деся-

тидневку несколько веков назад? Помнишь, я тебе рассказывал? В тот раз я подобрался к Хору ближе всего. — Он снова замолк, во что-то вслушиваясь. — Толпа затихла. Готов поклясться, что заболоченная местность вдается глубже в материк, чем нам думалось. Можно сесть прямо там.

— Не надо, — сказала Йоханна.

— Ну ладно. Но завтра начнутся приколы. Если даже Магнат не ошивается поблизости, тут столько всего, на что я годами хотел полюбоваться… Умер бы за один взгляд на это место.

Что-то громко хлопнуло. Антиграв кувыркнулся и полетел к земле.

— Странник!!!

— Это не я! — крикнула вся пятерка в ответ, явно потеряв управление. Этот отказ был куда серьезнее всего, что ей помнилось, кроме разве что достославной попытки Странника долететь до луны. Но тогда он сам создал себе проблемы. — Левосторонний крен…

Антиграв вильнул и стал раскачиваться туда-сюда относительно стационарной точки на правом борту. Это было и хорошо, и плохо. Антигравы, особенно латаные, так себя ведут, что ткань то подчиняется законам физики, то отчаянно спорит с ними. Не исключено, что они даже

вернутся на прежний курс.

Или нет.

Рывок — и падение возобновилось. Странник зарычал. Два его элемента отчаянно цеплялись за все, что подворачивалось под лапы. Челюсти щелкали в дожде. Каким-то чудом он никого не потерял и уже в следующее мгновение выбрался обратно в кабину, зацепив когтями туго натянутую ткань.

— Здесь! — вскричал он. — Не отпускай!

Она держалась за край уцелевшего куска антигравитационной ткани. Ткань трепыхалась в ее руках, будто живое существо, рвущееся на свободу. Странник закусил оставшуюся ткань всеми челюстями, подергал туда-сюда, пытаясь удержать в воздухе, поскольку автоматика по-прежнему не работала.

— Мы не сможем его запустить! — прокричал он. Но они хотя бы не падали — просто снижались со скоростью гораздо выше безопасной.

Что-то поднялось из мрака справа. Потом слева и справа одновременно. Ударило снизу. Йоханна на миг вырубилась, потом голос Странника вполз в ее правое ухо:

— Я слышу, что ты жива.

Ага, и совсем без памяти.

— Да, — выговорила девушка наконец.

— Хе-хе. Мягкая посадочка.

— Ты в порядке, Странник?

Стая не ответила. Элементы умели группироваться при падении лучше любого взрослого человека, но у слитно падающей стаи возможностей противостоять опасностям было не так много.

— Вроде как, — ответил он. — Думаю, что мой Рэк повредил переднюю лапу. — Он снова помедлил. — Не обращай внимания. Мы приземлились достаточно далеко от Хора. Мы в безопасности.

— Но мы не добрались до болот.

— Да. — Он пофыркал. — Даже ты слышишь разницу. Мы упали в невысоких скалах. Надо выбраться отсюда и прощупать обстановку. — Частью стаи он это уже сделал.

— Ага.

Что-то не пускало ее. Она лениво размышляла, что бы это могло быть, потом догадалась, отстегнула ремни безопасности и выползла под дождь. Странник прав: они столкнулись с чем-то твердым. Она ощупала руками землю. Ила не было, только камни. Наверное, их в древности принес ледник. А может (ее пальцы нашли регулярно чередовавшиеся зарубки), это булыжники. Де-

вушка поднялась. Дождь был теплый, как кровь, и вымочил ее до нитки. Она чувствовала, как стая подбирается к ее ногам. Большой элемент Странника, Шрамоголовый, успокаивающе прижался к ней.

— Поглядим, что осталось от антиграва.

Явился свет, едва заметно очертивший силуэт одной морды Странника. Потом он выключил лампу, зажал ее челюстями и снова включил так, чтобы свет падал в определенном направлении. Двое других элементов рылись в обломках, несомненно сканируя их ультразвуком.

— Вот же хрень, — сказал он, — похоже, что он больше не полетит.

Антиграв был когда-то отличным устройством, год за годом Странник штопал и латал его, сохраняя подъемную силу. Но сейчас треснул сам корпус. Остатки антигравитационной ткани лохмотьями торчали во все стороны.

Странник внезапно отключил свет.

— Я слышу стаеречь. — Его голос упал до шепота, сфокусированного в ее ухе. Она почувствовала, как лапа передает ей лампу. — Включи так, чтоб тебе было видно.

Йоханна кивнула. Она включила лампу на фиолетовый свет, такой тусклый, что едва можно

было различить, куда ставишь ногу. Для всех стай поблизости он будет невидим. Кроме Шрама, все элементы Странника забрались в антиграв и стали вытаскивать оттуда коробки и пакеты НЗ. В прошлом им уже доводилось десятидневками жить вдали от суденышка.

Странник заговорил снова:

— Я думаю, что они ищут нас. Надо смываться как можно быстрее.

Йоханна ответила почти глоттированным шепотом. Шрам, держа голову на уровне ее запястья, превосходно слышал ее речь.

— Это обычные стаи?

— Ага. В том-то и дело. Мы должны были оказаться в сердце безмысленного хаоса Хора, но вместо этого я слышу межстайный язык Восточного побережья. Даже если выяснить ничего не удастся, ответ на один важный вопрос уже получен. Теперь надо думать, как доставить эти вести Равне с Древорезчицей. Выжить тоже было бы неплохо.

— Комм при тебе? — спросила девушка.

— Возьми.

Странник оттащил ее прочь от места крушения. В бледно-фиолетовом свете стало видно, что они бредут вдоль высоких каменных стен. Соб-

ственно, это были именно стены, сложенные из больших булыжников, под правильными углами, с водостоками через каждые несколько метров. Это была улица. Наверху в обычном городе должны были находиться крыши с водоотводами.

— В конце улицы заслонов нет, и голосов тоже. У нашей ситуации есть и некоторые преимущества.

Странник хихикнул. Он часто так делал, когда положение становилось совсем никудышным. Что ж, за пару веков он наверняка превосходно обучился выживанию.

Она подыграла ему:

— Ты о том, что мы еще дышим?

— Ага, и даже думаем. Я не чувствую даже следов умственного разрушения, несомого Хором. Если найдем укрытие, все пойдет как в обычных операциях. Разве что летать мы больше не сможем.

— Ну да. Но доложить о себе домой как-то надо.

— Правильно. Это наверняка лучшее место, чтобы все подсмотреть и разнюхать. Не исключено, что мы даже сможем выяснить, вертят ли эти чуваки твоим парнем.

— Он не мой, — сказала Йоханна почти в пол-

ный голос.

— Не важно, — ответил Странник, — как бы там ни было… — Голос в ее ухе притих. — Погоди-ка секундочку.

Йоханна подняла лампу. Рэк лежал позади. Он все время хромал, а тут еще тяжелый рюкзак наполовину отстегнулся от плеч. Йоханна подоспела к нему и отстегнула сумку.

— Спасибо…

Но Йо соединила руки под передними лапами Рэка и подняла его с земли.

— Эй, не надо! — возмутился Странник. — Не нужна мне уж такая помощь.

Йоханна не ответила, но пошла дальше, перекинув рюкзак через плечо и неся Рэка на руках, точно увесистое беспокойное дитя. Спустя миг она услыхала примирительно-облегченное сопение Странника. Рэк расслабился, потом поднял морду и ткнулся Йоханне в ухо мягкими губами.

Они преодолели еще тридцать метров в лучшем темпе, чем до того. Это было очень кстати, потому что теперь даже уши Йоханны различали межстайное вяканье позади. Странник утверждал, что помимо обычной речи слышится еще и какое-то острое шипение, к ней не относящееся. Прямо над их головами возникло что-то более

яркое, чем фиолетовый отсвет в дожде. Светлая каменная стена.

— Ты вроде говорил, здесь есть проход, — сказала Йоханна.

— Тут поворот, — прошептал Странник. — Направо.

Йоханна тоже слышала странный шум, о котором сообщила стая. Что-то засверкало прямо над их головами.

— Бежим! — скомандовала она Страннику. Они промчались по улице до поворота. Стоило им завернуть за угол, как шум стал резче, и завесу дождя разорвал луч света, выхвативший заодно из тьмы стены за их спинами. От луча они увернулись, но следом раздался аккорд: «За ними!» — и послышалось клацанье стальных когтей по камню.

Йоханна и Странник продолжали бежать, Рэк подсказывал Йоханне, куда поворачивать. Высоко впереди она видела редкие вспышки света. Шипение преследователей подступало. Что бы это могло быть? Никак электродуга… Щепетильник одно время хотел заняться такими штуками, но Равна подсказала ему более простое в изготовлении низкоэнергетическое устройство. Такие вспышки были достаточно ярки даже для Когтей,

если их точно нацеливать и не слепить себя.

Странник бежал рядом с ней по каменной дороге, уровень которой был лишь немного выше луж. В отраженном свете странной дуговой лампы врагов она видела брусчатку и наполовину крытые деревом стены, очень напоминавшие северные постройки. Непривычен был только густой слой мха. Наверняка северный стиль тут прижился недавно. Они укрывались под деревянными козырьками, уходя от света. Йо почувствовала, как Рэк напряг когти, насторожился. *Замедляйся.* Если теперь преследователи поотстали, нужно двигаться как можно тише.

— Но нам же нужно уходить как можно дальше, — заметила Йоханна. Странников Рэк потыкался носом в плечо, выражая согласие.

Продвижение свелось к тому, что стая выдвигалась вперед на пару метров, сканировала все источники шума, потом сигналила Йо и Рэку следовать за собой. Шум погони заметно ослабел. За ними наверняка следуют несколько стай, тихо переговариваясь друг с другом. Казалось, что их смутил ими же поднятый гвалт. Метр за метром Странник отрывался от восточных Когтей. Свет блеснул на стене прямо перед ними, там, куда они должны были подбежать еще через минуту,

исчез, снова блеснул и опять пропал. Йоханна села на брусчатку и перенесла тяжесть Рэка на колени.

— Может, нам стоит где-то тут укрыться.

Она говорила одними губами, но Страннику и этого было достаточно. Он покачал парой голов и ответил:

— Видишь развалюхи в том направлении? — Действительно, некоторые из них походили скорее на кучи прогнившей древесины. — Мы приближаемся к Хору. Я слышу их шум. Кажется, восточники выгнали нас за пределы безопасной зоны. Если мы продвинемся еще вперед, то, конечно, оторвемся от них. С долей везения мы зайдем не так далеко, чтобы Хор разрушил мой разум.

— Ладно.

А что еще она могла сказать?

Скар отправился на разведку и повертел мордой, выглядывая преследователей. Потом он замер. Йо почувствовала, как напрягся Рэк.

— Хех. Ты только погляди на это, Йо.

Она опустила Рэка на землю и прокралась к Скару, почти ползя по скользким камням. Примерно в полусотне метров возились четыре стаи. Одна управлялась с электрической дугой — удивитель-

но, как это никого не убило и не покалечило. Стая водила источником света из стороны в сторону, и Йо хорошо видела остальных. У двоих были странного вида пики, нацеленные в землю. Ха, да это вовсе не пики, это миниатюрные огнестрелы, но совсем не такие, как предлагал Невил. Большая стая в позе командующего стояла в центре группы. Ее речь была неразборчива, отрывиста, требовательна. Что в ней такое знакомое? Неужели?.. Свет электродуги метался среди стай. Предводитель носил легкие плащи — можно сказать, притороченные к ремням карманы. Один элемент повернулся так, что Йоханна полностью видела его справа. Белая полоса тянулась от ляжки до морды.

Десять лет назад его зубы почти смыкались на глотке Йо, пока другой элемент тыкал ей в бок ножом, а стая вещала, как замучает ее до смерти.

Странник заметил, что она узнала преследователя, и сказал таинственно:

— Это же Проныра, разве нет?

Йоханна кивнула. Сомнений у нее не было: значит, Проныра и в самом деле тянет за ниточки. За чьи ниточки?

Странник ткнулся мордой в плечо:

— Они запутались, надо их обойти.

Он указал ей на проход между кучами гнилья прямо перед собой.

Будь преследователи людьми, фокус бы не сработал, но дуга светила в сторону от Йо со Странником, а Когти явно были очень заняты. Проныра бросал им какие-то обвинения, явно убеждая аккуратнее нацеливать свет дуги.

Йо ползла по булыжникам. Странник прижимался к ней. Надо полагать, он генерировал какой-то отвлекающий шум; такие звуки ему удавались лучше большинства стай. Еще несколько мгновений — и они выйдут из поля зрения ищеек.

— Тихо и медленно, — приказал Странник.

Тихо и медленно они ползли вперед. С Рэком проблем не возникало. Окрестные здания все еще напоминали северные постройки, но балки прогнили и перекосились, с них свисали лохмотья мха. В бледно-фиолетовом свете лампы она видела воду, пахнущую отбросами, гнильем, а также псиной. Вонь тел мириад Когтей. Только ли ей это кажется или впереди действительно нарастает пение? Странник уловил ее неуверенность.

— Ты тоже что-то слышишь? — спросил он. — Вниз по дороге стоит шум.

— Как ты это выносишь?

— Ай, туман и дождь почти заглушают мысли, но я уверен, что мы движемся в сторону чего-то… необычного.

Йоханна видела, как Странник наблюдает за звездолетом, снижающимся с небес. Даже в тот миг он был не столько испуган, сколько взволнован и заинтересован, но сегодня в его словах проскальзывал страх. Впрочем, он тут же увлек ее вперед и собрался с духом.

— Я могу подобраться еще ближе. Наверняка ближе, чем Проныра и его подручные.

Казалось, что преследователи потеряли их след.

Йоханна видела редкие вспышки электрической дуги, но далеко слева. Еще она слышала тихую стаеречь, но уже справа. Что, ищейки зашли вперед, но не окружают их со Странником? Они испугались спровоцировать Хор? Черт побери, да как Проныра и его стаи вообще тут выжили? Почему Хор не хлынул сюда и не уничтожил их?

Йо направила фиолетовый свет на кучу мусора впереди. Непохоже было, что эта куча когда-то была постройкой северного стиля, но там и сям виднелись остатки какой-то гнездовой структуры. Она однажды видела гнездо ульекуниц, и его

обитатели пытались убить ее. Куницы формой тела и размерами походили на горностаев. Йоханну продрал мороз при одной мысли об ульекуницах величиной с Когтей.

Она отклонила свет еще вверх. Фиолетовое сияние рассеивалось в льющемся с небес дожде. Ничего, кроме туманных отсветов, дальше нескольких метров, но на пределе видимости что-то маячило, вроде длинной и низко натянутой паутины. Изгородь! «Паутина» состояла из протянутых между деревянными столбиками веревок. Столбы немного отклонялись от вертикали наверху, чтобы удерживать натяжение веревки внизу. Как может это кого-то остановить? Разве что веревки пропитаны ядом?

Подобравшись ближе, девушка увидела, что сеть излохмачена и продрана во множестве мест, особенно внизу, где явно лазали и ползали существа размером с маленького Когтя. Странник потянул ее за рукава к земле. Мгновением позже свет дуги выхватил изгородь из мрака.

— Прости, — мягко сказал он. — Ты в порядке?

— Да. Попробуем-ка выяснить, осмелятся ли Проныра и его прихвостни гнаться за нами по ту сторону загородки.

Сразу за оградой местность была ровная и плос-

кая, как доска. Если даже Проныра не полезет туда, он легко их увидит и может застрелить. Впрочем, на краю поля зрения вырисовывалось что-то… похожее на истинно тропические постройки. Голос Хора бухал и урчал, но Когтей по-прежнему не было видно. Девушка со Странником достигли ограды. Оказалось, что веревки из простых растительных волокон и перерезать их легче легкого. Они прокрались на ту сторону.

Преследователи не гнались за ними. Теперь они знали, что Йо и Странник за оградой, пускай и не видели, где именно.

— Они знают, где мы, — прошептала девушка. — Они этого и хотели.

— Да-да, — только и ответил Странник, весь погруженный в размышления. Он искал и не мог найти укрытие. По крайней мере, кое-где открытое пространство начинало сужаться. Они проползли еще метра три, и вдруг Странник резко задрал морды, указывая на что-то. С верхней веревки ограды свисал какой-то знак. Керамические диски с нанесенным на них узором использовались в мире Когтей как указатели задолго до прибытия человека на эту планету. Днем и ночью стаи различали написанное по эху мыслей. В бледном свете переноски Йоханна уви-

дела, что на керамике грубо выцарапан символ смерти. Пентаграмма из черепов.

Кто-то позаботился предупредить идущих следом, что за эту ограду лучше не соваться.

— Не стрелять.

Проныра глядел на своих прислужников. Те были бы только рады нажать на спуск.

— Мы больше не на своей территории.

Толпа Когтей оттянулась назад и обиженно посмотрела на командира. Конечно, они рады бы пострелять, но не настолько выжили из ума, чтобы обратиться против него. Обычно эти ребята патрулировали западную границу Резервации, следя, чтобы никто не полез внутрь. Разумеется, по своей воле ни одна стая не вышла бы *из* Резервации, но внутрь тропические заползали постоянно. Что взять с тупых синглетов! О Хоре Проныра в точности знал, что это не деспотия. Поведение тропического коллектива описывалось усредненными показателями. Всегда имелось некоторое число отщепенцев, которые были слишком ленивы или пугливы. Им было все равно. Стражники вроде тех, что этой ночью работают на него, отлавливали таких синглетов и утаскивали их на рынок фрагментов. Работка была, как говорят двуногие, собачья. Значительно

проще отстреливать нарушителей. На дальнем конце Резервации это легко. Проныра подумал, что там отстрел вполне сойдет за спортивное состязание. А на этой стороне стрельбу легко могут услышать стаи Магната, которые не преминут поднять бучу и облить Проныру грязью. «Ночь всех ночей, — подумал Проныра, — и мне совершенно не нужны здесь пушки Магната».

Придя к такому выводу, Проныра с сожалением отвел взгляды от людей. Он искренне желал, чтобы этой ночью они были в отменной форме. Так интереснее.

— Эти двое где-то между нами и оградой. Не имеет значения, где именно. Двигайтесь вперед широкой цепью. Так или иначе мы их туда загоним.

Две стаи ощерились в нерешительных улыбках — им такое задание было знакомо. Но убить тупого синглетона — одно, а загнать на территорию Хора мыслящую стаю — совсем другое.

— Действуйте тихо и слушайте мои команды. — Достаточно, чтобы они сидели тихо, пока Хор не попрет на ограду. После этого пускай орут как резаные — ему-то что?

Проныра наблюдал, как стаи рассредоточиваются по заваленной мусором улице, выстраива-

ются в широкую линию и начинают продвижение к пограничной изгороди. Стая со светильником держалась чуточку позади, направляя свет в сторону объектов и звуков.

Проныра следовал за ними, держа наготове свое небольшое ружье. Одновременно он потянулся в карман одного плаща и активировал спрятанный там коммуникатор, установив уровень звука таким низким, что и сам едва слышал.

— Они упали не там, где было уговорено, — пожаловался он в карман.

И выжили в катастрофе.

После полусекундной задержки отозвался Невил. Как обычно, этот червяк приготовил кучу отмазок:

— Тебе просто повезло, что я заметил, как они крадутся вниз по дороге. И тебе еще больше повезло, что я подстроил крушение их аппарата. Они грохнулись именно там, где ты просил.

Проныра не торопился с ответом, зная, что выжидательное молчание обычно провоцирует Невила Сторхерта на более информативные откровения. Подождав минуту, Невил и впрямь сообщил кое-что интересное:

— Тебе полезно знать, что, э-э, субъекты утащили коммуникатор из разбившегося антиграва.

«Как? Они подслушивают нас?» Проныра прикусил языки. Ему стоило бы и самому догадаться, что коммуникаторы звездного народа ни в какое сравнение не идут с радиоплащами. Если Невил не перепрограммировал коммы специально, у каждого выделенный канал связи с орбитальным маршрутизатором.

— Это любопытно. Я полагаю, что ты блокируешь их вызовы, — произнес Проныра вслух.

— Само собой, но пока что они просто несут устройство с собой. Интереснее то, что по нему я могу отследить их перемещения.

Текущие планы Проныры полностью определялись наличием двух мощных, но чертовски противных инструментов. Одним орудием Проныры был Невил Сторхерт. «Как я рад, что он так далеко. В противном случае я бы его уже убил». Проныру и самого удивила мягкость в своем голосе:

— И где же они?

— Тридцать один метр от тебя, вернее, от твоего комма, склонение сорок семь градусов.

Технический жаргон двуногого показался Проныре издевательским. Невил определенно мастер вероломств, как и остальные люди. К народу стай он относился с очевидным презрением.

По счастью, у Проныры было десять лет, чтобы узнать как можно больше о людях и Запределье. Их технология заключала в себе великую власть, хотя религиозный дурман, окутавший ее, сильно мешал отличить правду от вымысла. Но даже без этой подготовки Проныра в числах шуровал лучше, чем любое Дитя Небес без своих машин.

Он взглянул туда, где сияние дуги выхватывало из мрака границу Резервации. Йоханна и Странник уже совсем рядом с оградой, у правого крыла поисковой партии. Он внимательно оглядывал свои стаи, передвигая их так, чтобы взять в клещи заваленный мусором участок, где наверняка укрываются враги.

Эта ночь должна была принести ему великий триумф, но обернулась большим риском, чем предусматривал изначальный план. Он-то думал, что два его величайших врага просто разобьются в своем летательном аппарате. Вместо этого он вынужден красться за ними в темноте, надеясь, что свет и шум не привлекут внимания Магната. Все же Проныра искренне наслаждался происходящим. Вот-вот Странника с Йоханной прижмут к ограде. Перелезть через нее — верная смерть. Физически ли, умственно ли — их обоих разорвут в клочья. Но если они останутся по эту сторону,

Йоханна опять попадет к нему в когти. На сей раз изобретательная, оскорбительно ловкая ложь Странника ей не поможет. Сам Странник будет так же беспомощен, как и человеческая самка. «Так или иначе, я выигрываю».

Проныра пристроился ближе к своим ищейкам. Обычно он считал каждую секунду до того момента, когда сумеет убраться из тропиков, особенно работая в смертельной опасности на открытом месте.

Но этой ночью он по-настоящему наслаждался собой.

— Я думаю, что они точно знают, где мы, — сказал Странник.

Йоханна кивнула.

Хотя он смотрел сквозь дырки в ограде, она понимала, что стая говорит об ищейках. Глядя через плечо, она видела, как рыщут там и сям преследователи. Они подтянулись ближе, смыкая оцепление, и теперь поисковый свет большую часть времени упирался в стену рядом с ее головой.

— Большей частью они там, откуда мы пришли. Может, мы сумеем как-то увернуться от них, перебравшись на ту сторону, провести их… — Это уже от отчаяния.

— Нет, — сказал Странник. — Но у тебя с Хором проблем не будет. Они такие же безмозглые, как и ты.

Хотя Странник явно шутил, Йоханна задумалась о подоплеке его слов. Она слышала истории о том, что случалось с уловленными в тропических городах животными. Так или иначе их пожирали — физически или духовно. Все же она постаралась подыграть:

— Так и тебе волноваться не о чем. Ты тоже давно из ума выжил.

Странник не ответил. Йоханна тут же вернулась к ужасной действительности.

— Не стала бы я сдаваться на милость Проныры.

«Никогда больше ему не запустить в меня когти».

— И я. — Странник больше не ёрничал, но и жалкого тона, каким говорила сама Йоханна, голос его, по счастью, был лишен. В конце концов, Странник немало походил по свету и отвык всего бояться. — Ты знаешь, истории о тропиках всегда одни и те же. Сколько я себя помню, даже в мифах, что возникли задолго до моего образования. Там смерть разума. Лишь те, кому приспичило окунуться в безграничные услады, осмеливались

туда прийти. Но глянь на то, чего мы толком не видим. — Он указал мордой на пятно отраженного в стене дождя поискового света Проныры. — Там только парочка тропических. Мы слышим их напевы, но дождь и влажность сводят дальность мышления почти к нулю. Видишь, как скучены стаи Проныры? Я готов об заклад побиться, что на Хор ливень действует еще сильнее. Хреново же им там — тесниться в этом курятнике! Я мог бы пробежать всю эту улицу и найти дыру на той стороне ограды.

— Если тебя не застрелят из ружей Проныры.

— А, пустое.

Странник агрессивно замахал лапами. Йоханна догадалась, что Вики на самом деле не верит в свои слова и готовится умереть за нее. С другой стороны, голос его звучал лукаво, как будто он прикидывал лучший способ отколоть совсем уж отчаянную выходку.

— Если честно, Йоханна, это не такая безумная затея, как в тот раз, когда мы с Грамотеем спасали тебя на Лугах Смерти. И… мне всегда было до жути интересно, что же собой представляет Хор? Каково это — окунуться в него и выйти живым? Возможно ли это? — Шрамоголовый приник к дыре в изгороди и мордой растянул ее так, чтобы

прошла целая стая.

— Странник, Странник. — Она прошептала это так громко, что и сама себя услыхала. Не важно. Она потянулась обнять, удержать его. Ей так не хотелось проваливаться назад в сиротское детство.

— Да ладно, не переживай. И не такое выдержали. — Он освободился, но не сразу полез в дыру. Возможно, ждал, пока свет электродуги уйдет от этого участка ограды. — Включи свой невидимый свет и постарайся разглядеть, куда я бегу. Я найду безопасное место и дам тебе знак.

— Хорошо.

Она погладила его по голове. Вики прав, пускай даже наводит тень на плетень. Она приняла от него коммуникатор и прочее снаряжение. Потом навела пятно фиолетового света на пространство сразу по ту сторону ограды.

Миновала минута. Свет дуги метался туда-сюда, оставляя бледное послесвечение. Странника это не останавливало. Он собрался и рванул через расширенную Шрамоголовым дырку в ограде. Йо прищурилась, ослепленная сполохами. И тут свет вернулся, нацелившись прямо на бегущую стаю. Странник запетлял. Вооруженные стаи могли, наверное, взять его на мушку, но никто не стрелял.

Пение Хора нарастало. По счастью, звукомысли все еще скрадывала завеса ливня, но Йоханна слышала, как приближается толпа. До нее оставалось уже несколько кварталов. Засада в засаде Проныры? Она повела лампой вправо. В радужном сиянии обрисовались смутные фигуры. Они двигались мимо нее, прямо на Странника. Силуэты разрослись до стайки, потом до толпы. Элементы перли плечо к плечу. Она еще никогда не видела такой массы Когтей.

Странник развернулся и побежал обратно, держась по краю открытого пространства. Тропические приближались. Они не бежали, но трусили почти параллельными изгороди курсами. Их становилось все больше. Неведомо как, но Странник Викврэкрам не распадался, ухитряясь мыслить согласованно. Он бежал весь сразу, как стая, хотя Рэк тормозил его. Но это уже не имело значения. Тропические заполнили почти все пространство за оградой. Их шеренги надвигались на стаю, подобно сходящимся лезвиям исполинских ножниц. Точка, в которой соединялись лезвия, перемещалась быстрее любого Когтя. Рэк упал, лезвия перерезали его и все, что осталось от Странника. Последним Йо увидела маленького Рэка — его подбросили высоко в воздух, а потом

он упал и скрылся в толпе, как в разверстой пасти исполинского хищника.

– *Странник!*

Наверное, она выкрикнула его имя.

Странник погиб, но толпа не пересекала границы. Они стояли параллельно барьеру. Все сразу. Впрочем, линия не была идеально ровной, толпа для этого набилась слишком плотно. То тут, то там тропических элементов прижимало к ограде и продавливало сквозь нее. Кое-кто устремлялся прочь, другие, бесцельно покрутившись, пролезали обратно.

Рокот Хора перерос в рев, слышимый даже человеческими ушами. На высоких частотах наверняка творилось нечто невообразимое. Но когда девушка оглянулась, то увидела позади себя стаю с ружьями. По другую сторону металось пятно света от дуги.

— Беги, Йоханна, беги, — сказал участливый человеческий голос. — В Хор. Я хочу это видеть.

Проныра.

От кого бы ни исходил совет, девушке он показался уместным.

Йоханна пролезла через дыру на ту сторону ограды и побежала в Хор.

Вот черт! Проклятая перекрученная психология

червяков. Двуногая побежала! Почти не раздумывая, Проныра поднял ружье и прицелился в нее. Одновременно он заорал своим подчиненным:

— Не стрелять!

Его губы сомкнулись на спусковом крючке, но тут же заговорил здравый смысл. Он не случайно стращал остальных смертью, если те начнут стрелять в тропических по ту сторону Резервации. Работа восьми лет пойдет насмарку. «Я бы что-нибудь придумал. Я скормил Магнату уже столько выдумок…» Он взвесил эту мысль. Ладно уж. Достаточно на сегодня. Можно насладиться зрелищем гибели врага и на расстоянии.

Йоханне Ольсндот опять повезло: она перебралась на ту сторону, когда толпа Когтей немного поредела. Двадцать лап вглубь территории Хора. Сорок. Толпа снова начала смыкаться, мыслеречь стала даже громче, чем в те минуты, когда тропические уничтожили Странника. Проныра бросил оружие и вместе со своими стаями припал к земле, стараясь мыслить связно. Если бы не ливень, некоторых уже убило бы даже по эту сторону границы Резервации. Проныра ухитрялся частью глаз и ушей следить за бегущей двуногой. Мыслезвуки богомолов не останавливали, но десятки Когтей перли на нее грубой силой.

Ее сбило на колени, несколько элементов набросились на девушку и укусили. Все элементы Проныры захлестнула дикая радость. «Как же долго я этого ждал!» И он знал, что произойдет дальше — по экспериментам. Ему всегда было интересно, что Хор сделает с людьми, которых бессилен уничтожить ментально. Когда один из первых похищенных им богомолов перестал быть полезен, Проныра удовлетворил свое любопытство, разыграв «побег» из Резервации. Тогда, как и сейчас, толпа сперва колебалась, словно не зная, как поступить. Но потом поступила с богомолом так же, как с отличными от Когтей животными всех размеров: Хор разодрал существо на части и стал с ними забавляться, как играл бы с фрагментами расчлененных стай. Но, в отличие от предназначенных в жертву элементов, посторонних животных Хор убивал только затем, чтобы пожрать. Так случилось и с неудачливым двуногим. Пожиратели остались довольны, как, впрочем, и Проныра: богомол в смерти послужил ему гораздо лучше, чем в заточении.

Теперь ему оставалось наблюдать, как разыгрывается та же драма. Йоханна с трудом поднялась на ноги. Шум усилился настолько, что Проныра не слышал ни ее дыхания, ни визгов, но в свете

дуги видел кровь, струящуюся по ее лицу. Она бежала от ограды, швыряла в напиравшую толпу бывшим при ней снаряжением и гневно кричала, точно надеясь, что поток Когтей обогнет ее. Она преодолела еще десять лап, почти достигла ряда ям, отмечавшего границу Резервации с этой стороны. Из своих наблюдений Проныра знал, что спасения двуногой там не найти. Ее ждут смертоносные челюсти. Она упала и на этот раз уже не встала. Толпа сомкнулась над ней, волна Когтей захлестнула крохотный островок чужой плоти. Он видел, как на поверхность когтеморя взлетают порванные и изгрызенные ошметки ее снаряжения.

Прошло пятнадцать минут, прежде чем толпа начала редеть. Необычно долгий срок. В сиянии дуги кипело и волновалось море тел, сбрасывая остатки в ямы. Когда толпа отхлынула, лишь дождь и туман мешали ему осмотреть место события. Потом даже дождь понемногу утих. Он ничего не слышал: в груде мусора никто не копошился. Он прислушался еще раз, очень осторожно. Ни звука человеческого дыхания. Только жалобное нытье тысячи безмысленных Когтей.

— Что там случилось? — ожил коммуникатор Проныры голосом Невила. В нем прозвучала

плохо замаскированная неуверенность.

Проныра ответил не сразу. Сперва он осмотрел кучи вонючего мокрого мусора. Где-то там, всего в пятидесяти лапах от ограды, покоится расчлененный труп существа, которое разрушило его прошлую жизнь и угрожало будущей. Пятьдесят лап. Так близко, и все же он не в состоянии пересечь это расстояние, чтобы высосать мозг из ее костей. Он задумчиво оглядел свою маленькую армию. Было бы безрассудно посылать их на верную смерть. Ни одна нормальная стая, раз увидев Хор в действии, больше не поверит сказкам о единении в бесконечных усладах. Шансы, что даже в период относительного затишья стая преодолеет эти пятьдесят лап и вернется живой, были практически нулевые. Кроме того, Проныра проворачивал свои дела так близко от дворца Магната только в случае крайней необходимости.

Поразмыслив, он вспомнил, что остается еще одна возможность.

— Где коммуникатор Йоханны? — спросил он у своего забавного человечка. — Он еще работает?

— Она потеряла его примерно в двадцати метрах от того места, где была, когда мы услышали ее первый вопль. Там нет никакого движения. Я попробую ее выманить, если она еще там.

— Попытайся.

Просто уверенности ради.

Коммуникатор Проныры замолчал, затем голос Невила раскатился по открытому пространству. Невил пытался говорить тихо, почти шепотом, но Проныре голос казался довольно громким.

— Тсс. Йоханна? Ты в порядке? Телеметрия выявила проблемы с антигравом. Йоханна?

Он повторял это несколько секунд. Проныра был вынужден признать, что задумка отменно хитрая. Судя по всему, все эти хитрости были уже впустую, но Проныра оценил трюк по достоинству.

Глава 19

Упав на землю во второй раз, Йоханна поняла, что подняться уже не сможет. Первые укусы были осторожными, дразнящими, толпа будто дегустировала добычу. У элементов слитных стай она уже наблюдала подобное поведение — как раз перед тем, как они приступали к сытной трапезе редким мясцом. Ее лицо и руки были в крови. Она швыряла в толпу свое снаряжение в слабой надежде отогнать Когтей, но как будто лишь разъярила их. Они врезались ей под колени со всех сторон и повалили навзничь. Она закрыла лицо руками и стала кататься по земле, стараясь, чтобы между телом и мордами попада́л рюкзак. Лапы и челюсти налетали снова и снова. Они разодрали ее одежду и рюкзак, вытащили из него всю поклажу и разбросали вокруг.

А вот сытная трапеза все запаздывала, и вдруг оказалось, что Когти без нее, пожалуй, перебьются.

Толпа нависала над ней всесокрушающей массой, но у Йоханны появилось впечатление, что Когти дерутся друг с другом только ради того,

чтобы протянуть к ней морду и слегка ткнуться в лицо. Она как могла старалась сохранять воздушную прослойку между собой и стаями, пряча голову. Одновременно девушка ползла в направлении, которое вроде бы уводило ее прочь от Проныры и его стай. Давящая тяжесть немного отступила; удары и толчки причиняли лишь очень слабую боль, как далекие воспоминания.

И что?

Она лежала на спине, ослабев настолько, что даже не могла перекатиться на живот и посмотреть, что впереди. Ощупала себя и окружающее пространство руками. Рядом валялись коммуникатор и жалкие ошметки рюкзака. Почва была покрыта гладкой скользкой пленкой.

Нигде ее пальцы не коснулись шерсти или кожи Когтя. Каким-то образом ее внезапно оставили в темноте и одиночестве. Наверное, она умерла. Ну и хрен с ним. Что дальше-то делать?

— Тсс. Йоханна? Ты в порядке? Телеметрия выявила проблемы с антигравом. Йоханна?

Это был голос Невила — вернее, громкий шепот.

Она потянулась за коммуникатором, потом застыла и перестала дышать. *Есть предательство и Предательство.* До этой самой минуты она

могла в крайнем случае подозревать, что Проныра манипулирует Невилом. До этого самого мгновения она и представить себе не могла, что Невил способен на Предательство. Она смотрела во тьму, туда, где остался коммуникатор. «У меня и сейчас никаких доказательств… но я уверена».

Голос Невила вернулся на канал коммуникатора Проныры.

— Ответа нет, — сообщил двуногий. — Что со Странником?

— Странник и твоя уховертка уже мертвы, — коротко ответил Проныра. На самом деле оставалась вероятность, что один или два элемента Странника уцелели, но по опыту он знал, что их возвращения можно не опасаться.

Невил минутку помолчал и вздохнул с облегчением:

— Ну что ж, это наконец-то все упрощает.

Проныра усмехнулся своим мыслям. Он нечасто встречался с Невилом Сторхертом, но знал того как облупленного.

Сторхерт был из юных хищников. До недавнего момента он даже никого сам не убивал. Существо полагало, что движимо благородной необходимостью. Ему еще предстояло свыкнуться со своей истинной природой.

Вслух Проныра сказал:

— Действительно, это и впрямь многое упрощает. — Месть осуществилась. «И вдобавок мою самую опасную ложь теперь еще тяжелее изобличить». — Таким же образом можно будет расправиться и с другим нашим заклятым врагом.

— О да. Я с превеликой радостью отдам тебе Равну Бергсндот.

Йоханна лежала неподвижно еще несколько минут, но Невил больше не произнес ни слова.

Учитывая, что творилось вокруг, притвориться мертвой было легко. Толпа поредела, но сердитые неразборчивые аккорды все еще стояли над площадью слитным гулом. Вероятно, его достаточно, чтобы Проныра с его прихвостнями не совались за ограду в поисках ее трупа. Падал тяжелый дождь, вода барабанила по куче мусора, в которую зарылась Йоханна. То, что просачивалось внутрь и попадало на девушку, на ощупь было маслянистым.

Постепенно шум Хора опять усилился. Десять тысяч лап заклацали когтями в ее направлении. Она слышала индивидуальные голоса, не имевшие для нее никакого смысла и сливавшиеся в шепчущее ворчание. Элементы стаи кишели

вокруг так близко, что их мыслезвуки, пускай и более чем на килогерц выше порога человеческой слышимости, отдавались в теле девушки занудной вибрацией. Они копошились над ней и на ней так же, как в самом начале, толкали мордами, но не кусали и не царапали, а только осторожно касались мягкими губами. От какофонии звуков и смешения запахов у нее на миг помутилось сознание, но рой тут же пронесся мимо, и после этого ее уже никто не трогал.

Ну что ж, по крайней мере, ее не съели. Шум толпы послужит идеальным прикрытием, если… если они позволят ей двигаться. Йоханна мгновение размышляла, не осталось ли каких-нибудь улик для Невила. Нож? Да нет. Фонарь? Она все прикинула, но решила взять и его. Потом привстала на колени, опустила голову как можно ниже и осторожно поползла против течения Хора, испытывая реакцию толпы.

Толпа была сплошным потоком шерсти и плоти, но Когти, которых несло ей навстречу, не кусали девушку. Напротив, они, похоже, старались уступать ей дорогу, и лишь колоссальное давление бесчисленных тел не давало им этого сделать. Затем давление разом упало, будто вверх по течению пронеслась какая-то весть. Тол-

па подалась, расступаясь перед Йоханной. Она медленно брела в колоссальном бурлящем, сопящем, повизгивающем потоке. Лампу она зажала в зубах, и бледно-фиолетовый свет плескался по толпе. Коридор, образованный скользкими стенами плоти, поворачивал и разветвлялся. Местами боковые проходы сужались и сливались. Отовсюду, кроме дыр на уровне земли, лезли Когти, — наверное, эти норы ночью заливает вода. Йоханна несколько раз попробовала свернуть из центрального прохода, когда натиск толпы становился непереносим, и Когти тут же разбегались в стороны, пропуская ее.

Она около часа провела в сырых телесных катакомбах, а когда наконец выбралась на открытое пространство, дождь сменился моросью. Над землей висел густой туман. Позади в нем кое-где мерцали огоньки. Она мгновение глядела на них, отмечая, как они дергаются и временами отбрасывают дымные тени. Она когда-то видела факелы у себя над постелью. Когда морось еще поредела, она различила острые контуры каменных и деревянных построек, вполне обычной для северных земель архитектуры. Там явно похозяйничал Проныра. Остальной горизонт закрывала неописуемо громадная глыба мрака

— то был Хор. Она устремилась прочь от огней поселка Проныры, во тьму Хора, стараясь ступать неслышно. *О, Странник!*

Какое-то время Йоханна брела наугад, едва сознавая, что ее раны кровоточат. Она думала только о смерти Странника, прокручивала ее в памяти снова и снова. От фиолетовой лампы исходило так мало света, что она с трудом различала землю под ногами, но все же успевала уворачиваться от стен или затопленных ям. Она притушила лампу, потому что некоторые Когти воспринимали фиолетовый цвет, хотя и лишь как туманную дымку на пределе видимости. Однажды это обстоятельство создало им со Странником немалые проблемы во время вылазки в Восточный Дом. Какая сейчас разница? Она прибавила яркости. Несколько тропических трусили каждый своей дорожкой, не проявляя к ней особого интереса. Казалось, что они вообще избегают ее. Шла она почти по середине широкой городской улицы. Город был порождением хаоса и безумия, его постоянно разрушали и отстраивали на старых развалинах, рушили и опять возводили — снова и снова.

Она пошла по медленно понижавшейся улице. Кое-где по камню стелились дождевые мхи и пле-

сень. Еще она заметила что-то вроде травяных циновок. Куда приведет ее эта дорога?

Глупый вопрос. Терять уже нечего.

И все же Йоханна продолжала размышлять на ходу. «Почему меня оставили в живых?» Проныра, кажется, смертельно боялся соваться на территорию Хора. Он явно полагал, что Хор расправится с Йоханной так же тотально, как разрушил Странника.

Проныра не дурак. Его уверенность основывалась на каких-то прецедентах и эмпирическом опыте.

Шум Хора нарастал слева. Напрашивающийся ответ — в живых ее оставили только на время. Толпа снова смыкалась, Когти ручейками сочились из отверстий в стенах. Они продвигались вперед так же неспешно, с той же неторопливой неумолимостью ножничных лезвий, с какой уничтожили Странника. Прямо справа открывался узкий проход. Может быть, там удастся найти укрытие?

Но слишком поздно. Толпа уже настигала, но все прикосновения были случайны.

Она медленно двинулась в прежнем направлении, рассекая поток Когтей. Отведенное ей пространство перемещалось вместе с ней. Йо

по-прежнему понятия не имела, почему выжила, но понемногу уверилась, что после первой атаки толпа выяснила о ней что-то важное для себя, и эта информация быстро разнеслась по городу.

Мало-помалу толпу утянуло вверх по улице. Она снова осталась почти одна.

Огни «безопасного пристанища» Проныры исчезли, заслоненные беспорядочным нагромождением построек Хорогорода. Йоханна продолжала спускаться, и понемногу отчаяние отступало, вытесняемое новыми планами. Если бы только выжить, если бы как-то известить Равну и Древорезчицу… Так, похоже, что эта дорога приведет ее прямо к Великой Реке. На картах Река изображалась текущей на юг, их антиграв врезался в землю как раз немного к западу от берега.

Слой ила и грязи доходил до колен. Йоханна продолжала идти, с трудом вытаскивая ноги из чавкающего болота, и вдруг услышала какое-то поскрипывание. Шум этот легко мог исходить от обычных Когтей, но… постройки *двигалис*ь. Движения были едва заметны и обладали некоторой периодичностью. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Амплитуда колебаний составляла всего пару сантиметров. Она отошла на обочину так называемой дороги и приложила руку к мокрой стене

ближайшей развалюхи. Да, постройка вихляла вверх-вниз, а еще по горизонтали. Она прошлась вдоль стены, слегка касаясь ее. Отметила некоторую неправильность в рисунке рытвин и горбов уличного покрытия. Теперь вся улица колебалась в том же неторопливом мягком темпе. Если бы она не стояла у самой стены, на которую и оперлась, наверняка бы так и села на землю от удивления.

Эта часть улицы плавала на водах Великой Реки.

Хотя Йоханна не уловила точки перехода обычных построек с деревянными крышами в плоты, звук тихо качавшегося на волнах поселка только усиливался по мере ее продвижения. Теперь в покрытии улицы прибавилось песка, а уже через квартал путь, немного расширившись, оборвался хлеставшим в Реку небольшим водопадом. Местами свет фонаря отражала темная рябившая вода. Что бы здесь ни пришвартовали в незапамятные времена, оно уже уплыло прочь или разлетелось в щепки. В других местах постройки налезали друг на друга, кренились, громоздились двумя-тремя ярусами: наверное, новоприбывшие, особо не ломая себе головы, просто втащили свои плоты на старые. Как только налетит сильный тайфун,

весь этот район сметет в Реку и наверняка даже от улочки не останется следов.

В эту ночь она видела тысячи элементов Хора, но ни единой болотной курицы, никаких съедобных растений. Вообще никаких припасов. Наверняка грузы привозят и увозят, как бы низка ни была эффективность транспортировки. Впереди дорога сужалась, но сами плоты стали прочнее и шире на вид. Ее посетила безумная идея.

Она поняла, *куда* путешествуют некоторые из них.

Девушка с удвоенной энергией устремилась вперед, периодически поднимая лампу и бросая вокруг бледно-фиолетовые отсветы. За ней двигалась толпа, она слышала ее приближение. Дорога привела в тупик, на оконечность искусственного полуострова. Еще Йоханна уловила мягкий, как сахарный сироп, шум Водопада и Реки. Она снова повела кругом фонарем и разглядела «портовые постройки», щетинившиеся снастями и зубчатыми мачтами. Там и сям головы Когтей выныривали из хлама. Примерно полдюжины отделились от плотов и пошли на девушку, раздраженно шипя. Приблизившись, они взяли ее в кольцо и подергали за ноги, но ничего больше не предприняли.

Тем временем по улице скатилась остальная толпа. «Ну что, вот теперь меня и впрямь загнали в ловушку». Но когда сотни городских Когтей скопились на пристани и окружили ее, портовые Когти, недовольно шипевшие и цапавшие ее за ноги, отступили, слились с толпой, освободили место.

Толпа теснилась и волновалась, свободное пространство вокруг Йоханны исчезало, Когти стремительно заполняли пятачок. Что-то шлепнулось в воду. Наверняка незадачливого элемента Хора выдавило в Реку.

Расчищенное было для Йоханны пространство пропало. Когти напирали на девушку со всех сторон и в то же время словно бы сопротивлялись теснившей их откуда-то сзади силе. Затем с рывком натянутой пружины, вернувшейся в первоначальное положение, давление толпы спало. Опять возникла ничейная зона.

Отлива толпы не последовало, надо полагать, лишь потому, что оставался только один очевидный путь. Девушка оглядывала кишевшую вокруг массу Когтей. Безмолвные взгляды излучали осторожный интерес. Было похоже, что Когти ждут какого-то знака.

«Я тоже», — подумала Йо.

Опустевшее пространство вокруг девушки расширилось. Туда вышли несколько спонтанно сбившихся вместе комкоэлементов, чья одежда сводилась к перехваченным узелками драным сумкам. Они двигались почти как слитные стаи. К ней приблизилась та, что походила на обычную пятерку. Четверо Когтей облысели, но выглядели, пожалуй, здоровее элемента с нормальной шерстью. Этот пятый подошел к Йоханне вплотную: у него недоставало уха, а через плечо тянулся непрерывный, плохо заживший рубец. Такой шрам мог появиться от удара секирой, который частично приняли на себя тяжелые доспехи.

Существо заговорило на самношке:

— Привет, Йоханна. Часть меня тебя помнит.

От остальных промежуточных стай донеслись менее разборчивые реплики. В толпе за их спинами кто-то кивал и тряс мордами. Синглеты, которые помнят Домен и Фрагментарий?

Йоханна обвела взглядом мачты, колышущиеся над пристанью, и повернулась к посланцу богов, который только что заговорил с ней:

— Думаю, что часть меня тебя тоже помнит. — Идея, посетившая девушку, пока она брела вниз по топкой дороге, внезапно показалась ей вполне резонной, ну хотя бы вполне осуществимой.

Она подкрутила лампу так, чтобы и все собравшиеся вокруг могли видеть ее тусклое сияние.

— Я правильно понимаю, что ты предлагаешь подбросить меня назад в Домен?

Когда радостные, хотя и сумбурные, проводы на берегу закончились, выяснилось, что на воду спущено по крайней мере восемь плотов. Операция эта прошла не вполне мирно, поскольку немногочисленных гнездившихся на плотах Когтей (самовольных захватчиков? сторожей?) перспектива немедленного отплытия застигла совершенно врасплох. Кое-кого без лишних церемоний спихнули в воду, некоторые спрыгнули сами и смешались с толпой. Насколько было видно Йоханне, никто особо не пострадал.

От спасения ее отделяли еще тысячи километров, которые предстояло проплыть на собранных из сущей рухляди плавсредствах с набранной наобум командой. Если рассуждать трезво, ситуация была такой же отчаянной, что и до отплытия. Но теперь она хотя бы не так часто вспоминала гибнущего Странника.

Серый утренний свет разлился по восточному горизонту. Вполне возможно, ей выпал первый и последний шанс увидеть великий Хор при свете дня. Приземистые, беспорядочно налеп-

ленные здания Хорогорода все еще закрывали три четверти горизонта. Несколько ярких огней отмечали более высокие постройки в квартале, оккупированном Пронырой. Что-то огромное и темное зависло над ними: оно могло сойти за облако, однако не двигалось.

Оседлавшие кораблики разношерстные команды более или менее слаженно работали веслами по крайней мере на трех плотах; впрочем, в этот момент ветер был очень слабый, а медленным течением Великой Реки плоты постепенно сбивало вместе. Флотилия как раз проплывала мимо укромного участка, который они со Странником в прошлой жизни выбрали для ночлега. Этот план наверняка сработал бы: тут росли низкие деревья с густой листвой.

Йоханна помахала на прощание удалявшейся загадке.

«Я вернусь, Странник. Я обещаю. Я разыщу то, чем ты станешь».

Глава 20

Для Равны время разлетелось на осколки, причинно-следственные связи реальности ослабели и растянулись. Так могло продолжаться днями. Большая часть этого отрезка в ее памяти не удержалась. Меньшие фрагменты, изолированные обрывки звука, запаха, проблески света: боль. Быстрая езда в трясущемся фургоне. Удушливая вонючая тьма. Чьи-то ласковые руки. Сердитый и громкий голос Джефри. Еще фрагменты: сумеречный свет. Один осколок: ее окружили теплые, покрытые густой шерстью тела. Амди. Он что-то говорил ей, медленно, тихо, настойчиво. В другой, а может быть, в тот же самый момент другая стая, с драными низкочастотными ушами, вытолкала Амди наружу и куснула Равну так, как хищник пробует добычу. Расколотые дни. Расколотые ночи.

Одна стая чаще других была с нею. На двух мордах ее были идеально совпадавшие друг с другом белые пятна. Винтозуб? Стая кормила ее, поворачивала голову, когда Равна задыхалась в приступе рвоты, подтирала за ней, когда она

ходила под себя. Винтозуб не всегда был таким покорным. Много раз он хлестал ее по лицу влажной тряпкой, иногда впадал в беспричинный гнев и скалил пасти.

— Я что, подрядился пленнице жопу подтирать? — риторически вопросил он однажды.

Ее это насмешило. Он принялся жаловаться на ее безумие.

— Повторяй, что я говорю, — прошипел он, держа одну морду очень близко к ее горлу. — Я что, подрядился пленнице жопу подтирать? Я что, подрядился пленнице жопу подтирать? — И громче: — Ты бы не могла просто заткнуться?

Еще: уже дольше. Яркий дневной свет. Ее укрыли теплыми одеялами, вынесли на переднюю скамью медленно едущего фургончика. Сумев разлепить глаза, она увидела сразу очень много. Заснеженный лес. Винтозуб за ездового. Ганнон Ёркенруд. Джефри идет сразу за фургончиком. Джефри сильно похудел и был мрачен.

Другие стаи. Иногда они бежали рядом с фургончиком, заглядывали в него, и не однажды осколок ясной мысли начинался вопросом этих других:

— Ну что, когда она уже сдохнет?

Этим интересовалась стая с драными ушами.

Тварь была шестеркой, каждый элемент весом как самый крупный элемент Амди, сплошные мускулы. На самношке она говорила грубо и с трудом, несколькими человеческими голосами.

— Довольно скоро, господин мой Читиратифор, — весело отвечал Винтозуб. — Вы же видите, что у нее с мордой. День ото дня она слабеет. Долго не протянет.

Стаи говорили тихо. Кроме Равны, ни один человек не слышал разговора.

— Не выпендривайся, Винтозуб. — Элементы стаи глядели на что-то, Равне невидимое. — Это должно выглядеть как естественная смерть, понял?

Кто-то — Амди? — прибежал на шум, но Равна помнила, как Винтозуб прогнал его. Потом Винтозуба навестила другая стая. Это была пятерка, тощая и малорослая. Она не говорила на самношке, но, казалось, выпытывала у Винтозуба, как Равна себя чувствует и скоро ли умрет. Вид у стаи был недружелюбный, глаза видных Равне элементов — водянистыми. В ее ворчании на стайном слышалась смертельная угроза.

Затем настал самый продолжительный фрагмент ясности сознания. Начался он с очередного визита Драных Ушей. Стая тихо бежала рядом с

фургончиком, подстраиваясь под его скорость, и несколько минут просто рассматривала Равну.

— Она еще не умерла, Винтозуб.

— Я вздыхаю. Скоро, господин мой Читиратифор.

— Ее дыхание изменилось, глаза движутся иначе. Она не слабеет день ото дня, как ты обещал, Винтозуб! — Драноухая стая сердито зашипела. — Ты говорил, что людей легко убить, Винтозуб!

— Но, господин мой, вы же приказали не выпендриваться. Да, может статься, что она выживет. Вопреки всему. Гляньте, однако, на ее искалеченную морду. Вполне возможно, что она так и не оправится, что в ней останется ума не больше синглетного.

— Но этой смерти будет недостаточно. — Читиратифор отвел взгляд, наблюдая за кем-то — чем-то? — впереди фургончика. Потом сказал: — Я вернусь, Винтозуб. — И побежал дальше.

Они ехали в молчании еще минуту-две, потом Винтозуб потрепал ее лапой по спине.

— Тебе лучше? — спросил он.

Равна не ответила.

Она лежала неподвижно, как мертвая, весь остаток вечера, внимательно наблюдая за всем, что происходило вокруг, но не поворачивая голо-

вы. Они ехали по глубокой долине, и временами в окошко фургончика заглядывала белопенная река, бежавшая параллельно дороге. Впереди двигался еще один фургончик. Позади — третий (его она видела), зарешеченный, вроде бы для перевозки скота. Этот фургон фигурировал в самых бессвязных ее воспоминаниях. За фургончиком шагали Амди, Джефри и Ганнон. В прошлом Джеф и Ганнон если не дружили, то, во всяком случае, ввязывались в одни и те же проделки, но сейчас молодые люди почти не разговаривали между собой. Когда Ганнон не смотрел на Джефри, руки последнего сжимались в кулаки.

Солнце покинуло лесной шатер. Она уловила его отсветы на далеких снегах высоких стен ущелья, в которое переходила долина. Здесь было светлее, чем… раньше. Постепенно спустились сумерки, и вдруг она услышала низкое гудение — сигнал тревоги у Когтей. Фургоны свернули с пути и по довольно толстому слою снега отъехали ниже и в сторону. Читиратифор вернулся — он бежал вдоль дороги, отстегивая бинокли. Он затаился в глубоком снегу и направил оптические устройства туда, где в древесной кровле имелась прореха. Погонщики рысью устремились к своим керхогам и как могли успокоили

животных. Постепенно все замолкли и стали выжидать. Единственным движением в поле зрения оставалось медленное перемещение биноклей Читиратифора по вертикальной оси. Он за чем-то наблюдал, и это что-то вскоре должно было объявиться. Наконец Равна услышала слабое мурлыканье индукционных двигателей. Щепетильник и его «Вышние глаза — II». Шум аэролета нарастал еще минуту… и угас. Читиратифор спрятал бинокли и скомандовал сниматься с места. Какая-то невидимая Равне стая издала предостерегающее шипение, и Читиратифор снова залег в снег. Несколько минут было тихо.

Читиратифор встал и раздраженно махнул лапами погонщикам — возвращаться обратно на дорогу.

Они ехали в сгущающихся сумерках, а Равна размышляла. Весь вечер остался в ее памяти как непрерывный поток событий и впечатлений. Причинно-следственные связи восстановились. Как знать, не слишком ли поздно, но к ней вернулись жизнь и способность здраво мыслить.

Проще всего было бы и дальше притворяться коматозницей, но Равне вскоре стало ясно, что это нелегко. Запах — тот самый, что назойливо влезал в ее мысли, — исходил от ее собственной

одежды. *От нее самой*. Кабы не Винтозуб, раны ее наверняка загноились бы. Несмотря на притворный гнев, стая творила чудеса с узелком драных тряпок и единственной сменой одежды. Но теперь, когда целостность личности восстановлена, так дальше нельзя. Что же, придется притвориться полоумным обломком-синглетом. «Надейся, что ты достаточно мертва».

Когда они остановились на ночлег, она позволила Винтозубу вывести себя из фургончика и усадить на землю. Он поправил одеяла, которыми обмотал и укутал ее. Потом принес еду и попытался вложить ей в рот. Она выпростала руки из-под одеял и потянулась к плошке. Винтозуб на миг отстранился, но тут же протянул ей плошку и стал с жадным интересом смотреть, как она ест похлебку. Он не проронил ни слова.

Тем вечером Равна получила первую возможность как следует разглядеть своих похитителей. Она насчитала как минимум четыре шнырявших вокруг костра стаи. Амди, Джефри и Ганнон выполняли большую часть грязной работы по хозяйству лагеря. Им выделили отдельный костерок, на котором варилась принесенная ей Винтозубом похлебка. Даже в тусклом свете заката Джеф выглядел ужасно. Он как мог уходил

от ее взгляда. Амди тоже, но с меньшим успехом: у него была не одна голова. А что Ганнон? Ганнон Ёркенруд вид имел не очень-то счастливый, но ел с аппетитом.

Эти трое не похожи на пленных. Скорее всего, они в этой банде на побегушках. К Равне вернулся рассудок, и пытливый ум ее строил миллион теорий. Джефри и в прошлом предавал ее, но чтобы *так*? А Ганнон — еще один заговорщик? В это было еще сложнее поверить.

От сиропообразного варева ее не то чтобы затошнило, но… Равна подобрала под себя ноги.

— Пошли-пошли, — скомандовала она Винтозубу. Тот колебался, но недолго. Потом подхватил старые ботинки Йоханны и помог Равне обуться. Поднявшись и заковыляв в кусты, она услышала язвительный гогот Ганнона.

На поверку притворяться полоумным синглетом оказалось не так уж сложно. Даже ковылять она бы не смогла без помощи Винтозуба. Когда они наконец остановились, она села на корточки. Винтозуб пару секунд смотрел на нее, потом отступил. Было слишком темно, чтобы судить с уверенностью (а Когти вообще слепли бы), но Равне показалось, что по мордам Винтозуба прокатилась хитрая усмешка. «Да, одним подти-

рушкой в лагере стало меньше». Но быть может, есть у его радости и другие причины.

— Ты наконец полностью пришла в себя, так? — Голос Винтозуба превратился в едва слышный шепот, рождавшийся словно бы уже внутри ее слухового тракта. Такие фокусы со звуком могла вытворять любая опытная стая. Равна ответила нечленораздельным одобрительным шумом.

— Отлично, — продолжал шептать Винтозуб. — Чем меньше ты будешь говорить, тем больше у нас будет… шансов со всем этим сладить.

И он умолк. Возвращаясь к лагерю, Равна заметила, что у Винтозуба повреждена лапа. Это он вломился к ней в дом, это ему она размозжила лапу.

Она видела, как множество морд отслеживает их с Винтозубом передвижения. Мгновением позже второй похититель выдвинулся из теней и отозвал Винтозуба взмахом лапы. Это была тощая белоглазая стая. Она покрутилась вокруг Равны, лопоча что-то на самношке. Было ясно, что человеческого наречия она толком не понимает. Равна качалась, как пьяная, жалобно стонала и старательно изображала сумасшедшую. Ничего не добившись, пятерка отступила. Вид у нее был такой же раздраженный, как у Читиратифора.

Стая пробулькала что-то повелительное Винтозубу и ушла. «Так что, — подумала Равна, — я достаточно мертвая?»

Лагерь понемногу засыпал. Немногие оставшиеся гореть огоньки были бы недоступны зрению Когтя. Двух главных похитителей это не остановило: перед фургончиком возникло зеленоватое свечение. Ага, у них перестраиваемый светоизлучатель с «Внеполосного-II». Читиратифор что-то разложил на передней скамье и склонился над ним. Карты? Он явно о чем-то консультировался с тощей пятеркой. Спустя время они погасили лампу, но по крайней мере одна стая продолжала рыскать вокруг. Она видела тени, скользившие над землей. Они выставили охрану?

Прошло еще какое-то время. Шумы маленьких животных утихли. Части сторожевой стаи еще могли бодрствовать, но звуков, доступных человеку, не издавали. Немного дальше текла вода — река, которую она заметила этим вечером. Она повернулась на звук и увидела тусклый просверк зеленого света. Слишком тусклый, чтобы стая в лагере могла его различить. Значит, у тех стай какие-то дела вниз по реке. Технические дела, которые лучше не показывать дружкам-похитителям.

Равна еще несколько раз видела зеленый свет. В том же направлении: слабый огонек сквозил в кустарниках и на склоне холма. Наконец один элемент Винтозуба повернулся во сне и заслонил от нее окошко. Сегодня стая была не в настроении секретничать.

Ее понемногу уносило в сон. Как ни глупо это было, она некоторое время сопротивлялась. Сознание — классная штука. Что, если она опять проснется безумной? Уплывая по ту сторону дня, она обдумывала открывшиеся возможности. Она слышала, как Винтозуб судачил о том, чтобы ее убить. Но с момента похищения каждое его действие было Равне только во благо. Джефри, Амди, Винтозуб. Что, если они скрытно внедрились в банду и пытаются ее спасти? Они ей ничего не объяснили — но ведь она была не в себе, да и потом, вокруг шныряли враги со слухом таким тонким, что Равна не могла припомнить другой расы, у которой он был бы так развит. Да, троица выгнала ее из дома и похитила. Ну и что? Достойные выкормыши Шкуродера! Если ей придется ставить жизнь на кон в зависимости от теорий о врагах и друзьях, она знала, как их классифицировать.

На следующее утро Равна села среди элементов

Винтозуба на передней скамье среднего фургончика. Он долго кормил ее и перевязывал, и теперь она не испытывала, в общем, никаких неудобств, помимо периодической слабости. Она старалась сидеть неподвижно, с тупым видом и не касаться лица. Переносицу и щеку все еще саднило, но терпимо. А вот зацепив сломанную скулу и носовой хрящ, она чуть язык не прокусила, подавляя крик боли.

Они ехали по местности, которую Равна узнала: к югу от Ледовых Клыков, вдоль одного из крупных геологических разломов, избороздивших уродливыми шрамами эту часть континента. На Старой Земле и Нюйоре в пору пребывания там человека такие разломы не были активны, но на терраформированных и землеподобных планетах встречались часто. Веками они исподволь источали смертоносную лаву и вызывали грандиозные подвижки коры. Еще чаще из разломов поднимался углекислый газ или метан, заполняя долину, убивая всю кислорододышащую жизнь или порождая огненные штормы в первую же грозу. Как следствие, здешняя экология была турбулентной, парадоксальной, слепленной из осколков множества эпох. По крайней мере, таковы были выводы примитивного корабельного

анализатора.

Похитители либо совсем сбрендили, либо заручились поддержкой опытного путешественника, стаи, исходившей эти края вдоль и поперек, понимавшей предательскую сущность выживавших тут форм жизни. Фургончики остановились около полудня. Стаи порскнули наружу и стали добывать себе обед. Кое-что из принесенного ими выглядело съедобным и для людей, но Равна держалась в стороне от остальных и Амди. Винтозуб сфокусировал ей в ухо еще несколько слов:

— Думаю, Читиратифор уже принял какое-то решение насчет тебя. Точно не знаю, что нам делать.

Позже, вечером, они пересекли границу, отмечавшую разгул какого-то сравнительно недавнего катаклизма. В радиусе двух сотен метров плотная чаща и кусты исчезли, а вместо них поднялся лесок молодых тонких высоких деревьев. Сюда солнечный свет проникал беспрепятственно и растопил снежный покров, оставив лишь несколько изолированных сугробов. Как будто другой мир — но с той же самой рекой, продолжавшей завывать всего в нескольких метрах вниз по круче от их пути. Погонщики нервно поглядывали туда. Читиратифор подбад-

ривал их, но заверения его не казались Равне убедительными. С другой стороны, ее порадовала такая перемена. Случись «Вышним глазам — II» пролететь над ущельем сегодня, этим парням будет куда тяжелее скрыться. А еще лучше, если бы сюда выслали антиграв Странника. Тогда Читиратифор вообще ничего не услышит.

Больше ничего интересного вечером не случилось.

Сгустился мрак, и Читиратифор вышел вперед. Равна видела, как он о чем-то спорит с тощей пятеркой. Вернувшись, Читиратифор сделал погонщикам знак проехать еще сотню метров и свернуть с дороги к относительно плотному клочку леса — на ночлег.

Обед не сильно отличался от ужина, хотя она позволила себе немного мяса: впервые за много дней она была по-настоящему голодна и как могла прятала пробудившийся аппетит. Винтозуб ей в этом помогал, но, стоило признать, издевательски: нарезая мясо на тонкие ломтики и предлагая ей один за раз. Он пофыркивал и гугукал, словно принуждая тупое домашнее животное доесть корм. Равна подыгрывала ему, изображая идиотку, и старалась не косить глазом в сторону Джефри, Амди и Ганнона.

Той ночью никто не заявился поинтересоваться ее здоровьем, и это означало, что какое-то решение таки принято. Драные Уши и его пятерной подельник повозились с картой и выключили свет, потом рассредоточились по лагерю, скрываясь от людей. Равне трудно было за ними проследить. Может, все засели в охране? Во всяком случае, вокруг то и дело что-то рыскало. Наконец она различила удалявшиеся к реке тени. Читиратифор. Выждав десять минут, Равна потрепала за морду ближайшего элемента Винтозуба.

— Пошли-пошли! — шепнула она.

Винтозуб жалобно загудел, но быстро поднялся. Что еще ценнее, он не сопротивлялся, когда Равна пошла на шум реки. Сквозь кроны деревьев пробивался звездный свет, что помогало ей уворачиваться от низко нависших веток. Впереди рычала река, забивая все звуки. Зеленых огоньков видно не было. Винтозуб вдруг оттащил ее назад.

— Стой тут, — прошептал он ей в ухо.

Итак, всерьез что-то выглядывать он ей не позволит. Ей бы стоило порадоваться, но, делано присев на корточки, она заметила, как Винтозуб удаляется вниз по круче в собственную рискованную вылазку.

Она высунулась над краем кручи так далеко,

как смогла, и услышала мягкое ворчание. Межстайная речь. Аккорды были неразборчивы, прерывались шипением и хрипом. Говори стаи немного громче, может, и удалось бы что-то понять. Ей показалось, что кто-то очень осторожно говорит по одной из голосовых радиостанций Щепетильника, насилу справляясь с помехами. С кем? А теперь на самношке… это Невил! *Невил дает им указания через спутник!* Она встала и, забывшись, сделала пару шагов в ту сторону. Внезапно чья-то рука зажала ей рот, а другая охватила талию. Ее осторожно подняли в воздух и приземлили на безопасном расстоянии от кручи. Джефри. Мгновение они лежали на мокрой холодной земле и молчали. Голос Амди вполз в ее уши:

— Возвращаемся.

Равна кивнула. Амди окружил их, они с Джефри поднялись.

Тут снизу грянул жуткий гам, как если бы там внезапно сцепились в смертельной схватке чудовищные звери. Джефри не задумываясь грянулся на землю и утянул ее с собой. Ночь разорвали вопли стай, бежавших от лагеря к реке. Воздух наполнился паническим лаем. Забившись в кусты, они ждали, пока погонщики пронесутся мимо.

Спустя несколько мгновений шум драки еще усилился. Кто-то визжал и вопил. Кого-то убивали.

Джефри встал и помог подняться Равне. Ее ноги цеплялись за кустарник: а что, если она слишком далеко высунулась и сейчас покатится вниз? Она извернулась, прислушиваясь к звукам битвы. Кто-то орал и отдавал приказы. Свет. Кого-то искали — но не здесь, а там, ниже, по реке.

— Я застряла, — прошептала она.

Джефри протиснулся под ветками и стал резать их ножом. Амди был уже на свободном пространстве. Он нажал в нескольких местах лапами, и Равна выбралась на волю. Кто-то рысью бежал к ним от реки. Пятерка Винтозуба.

— Назад в лагерь! — зашипел он.

Джефри нес ее на руках, и все заняло от силы пару минут. Когда они поравнялись с фургончиками, Джефри передал Равну Винтозубу, а сам обошел их стороной и направился к себе.

— Какого хера? — встретил его Ганнон, но без особой уверенности. Равна заметила, что он вроде бы оставался один. Даже керхоги сгрудились вместе, напуганные звуками сражения, и оглашали ночь жалобным мычанием, смысла в котором было явно не больше, чем в речах Ганнона. По круче поднимались огоньки ламп.

Шум не утихал, в нем сливались чьи-то визги и стайный хохот. Равне в руку ткнулся холодный нос. Она испуганно ойкнула и зашарила рукой вокруг. Стало тепло: это один элемент Амди. Он заговорил, но шепот издавала вся восьмерка, и слышим он был только как целое.

— Равна, мне так страшно…

— Амди, вали оттуда! — Джефри уже растянулся на постели.

Винтозуб помог Равне улечься на ее собственное ложе из лохмотьев. Но она тут же поднялась и села, глядя вместе с ним в окошко на уходившую к реке кручу. Выжившие возвращались, чернильные тени источали радость славно поохотившегося хищника. От стаи пахло кровью, но триумфальное ворчание временами затихало, словно победитель был собой не очень доволен. Мгновением позже тени достигли лагеря, и она увидела, что это шестерка Читиратифора. Он повернул в ее сторону пару морд, но не подошел ближе. Все уцелевшие стаи устроились в лагере, и скоро стало тихо, как в могиле. Никто даже не храпел. Шумы мелких зверьков тоже прекратились.

Паника Равны улеглась. Она стала обдумывать происходящее. Винтозуб явно тоже бодрствовал,

но полагал за лучшее лежать тихо. Потом Равна поняла еще кое-что важное. Ей и впрямь было нужно на горшок.

Ночь показалась пленнице бесконечной.

Глава 21

Ночной беспорядок не замедлил продвижения Читиратифора. Когда солнце перевалило через стену ущелья, маленький караван был в пути уже несколько часов. На первом привале драноухая стая охраняла лагерь, прохаживаясь вокруг и греясь на солнышке: то ли пыталась показать, что никого не боится, то ли продемонстрировать, что вышла из ночной переделки совершенно невредимой.

Равна пересчитала похитителей. У обоих погонщиков были порваны куртки, многие элементы ранены или исцарапаны. Один из них прежде был шестерной стаей, нынче же ужался до пятерки. Амди жался к ногам Джефа и тихо переговаривался с ним на тайном языке, который они изобрели еще в детстве и с тех пор использовали. Винтозуб стоял, окружив сидевшую на земле Равну и словно бы охраняя узницу. Ганнон Ёркенруд сидел на скамье погонщика в одном из фургончиков. Видимых ранений у него не было, но присущая ему ехидная заносчивость куда-то испарилась. Он был не просто угрюм, а по-насто-

ящему напуган.

Бледноглазая тощая пятерка и сопровождавшая ее стая куда-то пропали.

Читиратифор придвинулся к выжившим, его ворчание казалось Равне хвастливым и урезонивающим одновременно. Два погонщика отстранились от его мыслеречи, но не переставая кидали друг на друга нервные взгляды. Когда Драные Уши ткнулся мордой в Амди, восьмерка издала испуганный вопль и попыталась укрыться за Джефри.

Джефри же… не отскочил от защелкавших челюстей.

Он ответил ближайшему элементу Читиратифора ровным, каменно-бесстрастным голосом:

— Я понятия не имею, что ты говоришь или чего ты хочешь.

Он лукавил: Джефри понимал когтевую стареречь не хуже, а то и лучше любого из людей. Тем не менее Читиратифор на миг сбавил напор, внимательно поглядел на Джефри и испустил почти человеческий смешок:

— Я обращался к трусу. — Он невежливо хлестнул одного элемента Амди когтями по ребрам. — Мне смешно видеть, как один из нас воображает двуногого — синглетный ломоть беззащитного

мяса! — своим защитничком.

Смех Читиратифора превратился в обычный его когтевой эквивалент, но он немного отступил от Амди с Джефри.

— Простите, я забыл, что мы союзники, и я должен вести себя учтиво.

Два элемента покосились на Ганнона. Тот спешно подхватился с земли, на глазах возвращая себе привычное защитное высокомерие.

— Так и есть, уважаемый Читиратифор. Невил поручил нам оказывать вам всяческое содействие. Просто разъясните, что вам нужно, так, чтобы мы поняли. Извините, что не поняли без того.

— А… — Читиратифор покрутил головами навстречу друг другу, что у стай соответствовало проявлению добродушно-покровительственного юмора. — Да, конечно же.

Он помедлил, обвел троих людей оценивающим взглядом.

— Ну что ж, — продолжил он после паузы, — если выражаться как можно более простым самношком, то этой ночью я нашел среди нас предателей. Оба они мертвы. Умерли полной смертью.

Он наставил морду на Винтозуба.

— Эй ты! Ты говоришь на самношке?

Винтозуб несколько оттянулся от Равны, так чтобы почтительно вытянуться в линию перед Драными Ушами.

— Да, разумеется, господин, — сказал он. — И получше многих людей, осмелюсь заметить.

— Без разницы. Я лишь хочу, чтобы ты объяснял двуногим мои слова, когда они не в состоянии их понять.

«Не хочу возиться с тупыми животными», — вот что это значило.

Винтозуб что-то верноподданнически прошумел. Вид у него был совершенно покорный, но на самношке он говорил с лукавыми, дразнящими интонациями. Голосом Шкуродера.

— Слушаюсь, господин. Я могу быть вам полезен и в иных делах. Вероятно, после того как вы казнили предателей, я остался единственным знатоком этих краев.

Читиратифор весело рассмеялся на стаеречи, но человеческими голосами сказал:

— Я тебе перережу все глотки, если ты это другим скажешь. Ты понял?

— О да, ваша светлость. Это останется между вами и мной. Ну и некоторыми людьми, чье мнение ничего не значит.

— Превосходно, — сказал Читиратифор на самношке и пролаял что-то веселое на стаеречи. Амди не подал виду, что слышит его, все еще опасаясь высунуть головы из-за Джефри, но оба погонщика, до того молчавшие как рыбы, дружно фыркнули что-то в ответ.

Они продолжали движение вдоль реки. Дорога превратилась в узкую тропу, бежавшую по круче, внизу шумели водопады и пороги. Стены ущелья возносились на давящую высоту. К западу вершины их укрывали ослепительно сверкавшие на солнце снега. Джефри правил замыкающим фургоном, когда Читиратифор вызвал к себе прежнего погонщика и отправил его в глушь с каким-то заданием. Сам драноухий разделился и бежал по всей длине каравана, но не пытался увести их с открытой местности. Следовало полагать, что Невил перехватил контроль над аэролетом.

Тем утром Драные Уши несколько раз беседовал с Винтозубом на самношке. Он совершенно не разбирался в топографии этих мест, но знает ли их Равна, его тоже абсолютно не заботило.

Наверное, наибольшее потрясение она испытала, когда Винтозуб обратился к ней в открытую.

— Я не участвовал в побоище, но поговорил

с погонщиком переднего фургона, — сообщил он. — Двух предателей действительно убили. Читиратифор загнал их и истребил до последнего элемента. Лично. Стая, чье имя было… — он издал несколько хриплых ворчащих аккордов, — тебе легче всего будет выговорить его как «Ремашритльфер», служила у Магната и была его доверенным лицом. Вторая ему помогала. И оба они, очевидно, должны были стать нашими проводниками по этому ущелью. — Читиратифор в этот момент забежал вперед на некоторое расстояние. Если он и не разобрал слов Винтозуба, то наверняка различал шум беседы.

Винтозуб, наверное, заметил изумление на лице Равны.

— Почему я с тобой об этом говорю? — Он встряхнулся. — Твой крохотный ум восстановился, и ты ничем не хуже любого иного слушателя. А что ты знаешь, уже не имеет никакого значения.

Винтозуб замолк на минуту, направляя керхогов в обход разрыва в тропе — в это время года там по колено стояла быстрая вода. Несколько элементов Амди храбро пустились вброд, а примерно половина забралась на задок фургона и преодолела препятствие посуху. Они держали головы так низко, что не смешивали мыслезвуки с

Винтозубом, но стая тем не менее наставительно сказала им:

— Никаких больше трюков, поняли вы?!

У Равны были отрывочные воспоминания о том, как Винтозуб гонит от нее Амди. Зачем? К чему все это? Тут фокусированный шепоток Амди вполз в ее ухо:

— Винтозуб не верит, что я достаточно умен, чтобы тайно говорить с кем-то таким тугим на ухо, как вы, люди, не рискуя себя выдать. Но ты *обязана* знать. Теперь, когда Ремашритльфера больше нет, Читиратифор просто ищет предлог… извини, но это так… какой-нибудь остроумный повод тебя убить. Может, и не только тебя, но и Джефри. И даже Ганнона.

Винтозуб предостерегающе зашипел.

— А, он всего лишь гадает, — сказал Амди тем же тайным шепотком, пригнув морды. Но вслух отозвался: — Хорошо, никаких больше трюков. Обещаю.

Любой, кто знал Амди, мог поручиться, что данные по доброй воле обещания он выполняет. Наверное, Винтозуб это знал тоже, потому что, смерив долгим взглядом стаю, ответил:

— Прекрасно, малыши.

Как бы там ни было, это оказался самый ин-

формативный и устрашающий момент того утра. Винтозуб больше с ней не разговаривал: то ли осторожничал, то ли размышлял, а может, прикидывал, насколько все-таки Амди расположен нарушить свой обет. В середине дня они остановились пообедать, но Амди с Джефри и Ганноном сели поодаль, а Винтозуб ушел поговорить с Читиратифором и разведать путь. Когда Винтозуб вернулся к фургонам и снизошел до объяснений, уже спустился вечер.

— Это очень скверно, что мы убили предателей. Мы входим в крайне опасный район, — сказал он. — Собственно, я уже говорил об этом господину Читиратифору за обедом. Даже малая оплошность тут может стоить жизни.

Три элемента Амди сидели на задке фургона, но честно соблюдали уговор. Вслух он произнес:

— И что Читиратифор сказал погонщикам?

— Ай, я тебя умоляю. Это просто городские бандюки. До сегодняшнего дня они воспринимали путешествие как прикольное приключение — настоящая охота, почти каждый день живое мясо. А теперь им понадобится от Читиратифора вся помощь, какую он сумеет им предоставить. — Винтозуб энергично обвел лапами лес вокруг лагеря. — Такое мирное местечко, а? А почему,

как ты думаешь, Когти его толком не разведали? Потому что очень, очень немногие сумели пройти эти леса насквозь и вернуться, чтобы сообщить об увиденном. Или хотя бы частично вернуться… Старый Шкуродер посылал сюда разведывательные экспедиции. И Стальной Владыка тоже. В этих долинах они черпали едва ли не самые мрачные идейки. — Винтозуб извиняющимся жестом повернул к Равне пару морд. — О да, я знаю, что звездный народ может похвастаться куда более смертоносными придумками, но мы слишком примитивны — дали нам поручение, и крутись как знаешь.

Поблизости между фургонами сидел Ганнон Ёркенруд. Вероятно, он уловил кое-что из разговора, потому что наклонился вперед и запрыгнул в фургончик Винтозуба. При этом несколько элементов Амди он выкинул за бортик.

— У вас тут, говнюков, не деловая поездка, — сказал он, сел рядом с Равной и одарил ее широченной ухмылкой. — Но будем благородны: вали отсюда и пройдись пешочком.

Амди, трусивший слева, возразил:

— Равна еще не слишком хорошо себя чувствует и не может долго ходить. И Читиратифор настоял, чтобы ее поместили в фургон.

— Как я уже сказал, будем благородны. — Он жестом отогнал стаю. — Почему бы тебе не прибиться к своему высокорослому защитничку?

Джефри, сидевший на скамье заднего фургона, встал. Равна знала, что с некоторых пор они с Ганноном на ножах, но сейчас вид у Джефа сделался такой, словно он готов был убить Ганнона на месте. Потом его фургон начал вихлять, и он сел обратно, направляя керхога.

К счастью, Ёркенруд был не слишком расположен драться, а вместо этого начал допрашивать Винтозуба:

— Так что, Винтозуб, выбалтываешь секреты Читиратифора?

Стая встряхнулась.

— А ей какой с того толк?

— Ты сказал ей про радиосвязь со спутником?

— Нет, что вы! Но вы сделали это сами.

— Ой, правда. — Ганнон секунду поразмыслил и расхохотался. — Но ты прав. Теперь это не имеет никакого значения. Забавно наблюдать за ее реакцией. — Он усмехнулся Равне. — Эта радиостанция — лишь одна из множества игрушек, какими Невил снабдил наших маленьких друзей. Тебя он тоже преподнесет собакам как особый дар, чем и уберет досадное препятствие со своего

пути. Кругом мы побеждаем, как ни крути. Невил знал, что одна лишь весть о твоем похищении переполошит все войска Древорезчицы в замке. Мы позаимствовали оттуда кое-что ценное.

Равна не выдержала и оскалила зубы в ответ:

— И что, Невил сбросил маску?

— Да нет, ты что! Я не знаю, как там все устроено, как они заморочили головы гвардейцам Древорезчицы, но суть в том, что мы пустили слух, будто тебя на самом деле никто не выкрал. Что ты подняла бунт, лишившись насиженного местечка на звездолете. И что это твои агенты сперли все оборудование, пытаясь посодействовать тебе в захвате власти. А когда меня официально спасут, я с удовольствием дам показания, какие мне Невил укажет. — Ганнон оглянулся на задний фургончик. — И Джеф тоже даст, если жить захочет.

— Это… — Равна не находила слов. — Это же никого не убедит.

— Да? Правда? А мы и не такое провернули, похитив Детей.

— Но в этом случае мы орудовали когтями тропических идиотов, — вставил Винтозуб. Он не столько возражал, сколько вносил небольшую поправку.

— И то правда, — загоготал Ганнон. — Но Невил говорит, что это лишь награда за хорошую стратегию. Он заставил их сбежать, вот все и подумали на них. Кто мог предположить, что Дар Божий пошлет назад часть себя? Он думал, что сможет дозвониться до Древорезчицы и выдать нас. По счастью, мы первыми его сцапали.

Равна смотрела на Ганнона и чувствовала подступающую тошноту.

— И что, ты захватил Детей и убил их Лучших Друзей?

В лице Ганнона мелькнуло что-то вроде сожаления.

— Не то чтобы я… но ты знаешь, маленькая принцесса, иногда все идет не так, как запланировано, да? Тебя вообще не стоило подпускать к власти. Теперь надо все пофиксить. Это трудно.

Голос Амди с задка фургона вставил:

— Мы не знали, Равна. Честно.

Ганнон досадливо отмахнулся:

— Этот жирдяй, скорее всего, говорит правду. Они с Джефри очень полезны, но не для такой грубой работы. Я с самого начала знал, что их участие в операции не предусматривалось изначальным планом.

Равна смежила веки и откачнулась на ска-

мье к стенке фургона. В принципе, дальнейших разъяснений, почему Джефри так возненавидел парня, не требовалось. Но она нашла в себе силы спросить:

— Почему, Ганнон?..

Ганнон внимательно посмотрел на нее. Он явно понял ее с полуслова.

Она ожидала язвительной подначки, но вдруг в Ганноне что-то надломилось, и в лице проступило смешанное с растерянностью отчаяние.

Не отводя от нее взгляда, он глухо проговорил:

— Ты знаешь, когда-то я был умным. Там. На Страумлианском Просторе, в Высокой Лаборатории. Я понимал, как все устроено. Легко. И вот я просыпаюсь здесь. Тут я ни хера не понимаю. Все мои мозгопрошивки не фурычат. Как если бы кто-то вырвал мне глаза и отсек руки.

— С этой трудностью сталкиваются все Дети, Ганнон.

— Да. Кто-то в большей мере, кто-то в меньшей. Кто-то вообще ее не осознает. И знаешь что, маленькая принцесса? Это твоя Контрмера отняла у нас дом и ввергла в изгнание. Ты же захотела сделать его вечным. Не бывать этому. Если ты будешь сотрудничать, если поможешь нашим маленьким когтистым друзьям, то хозяин Чити-

ратифора может оставить тебя в живых.

Ганнон несколько мгновений смотрел на нее с перекошенным от душевной боли лицом. Впервые за много дней с его физиономии стерлась садистская ухмылочка. Потом взгляд его сместился, и в следующий момент молодой человек заметно расслабился, вернувшись к привычному своему ленивому ехидству.

— Почему же ты считаешь, что эти деревья опасны? — поинтересовался Ганнон у Винтозуба, оглядывая окрестный лес. — Я бывал в экспедициях, я видел гнезда куниц и устроенные ими завалы. Читиратифор выслал своего помощника на разведку, он все время рыщет в округе. Мы заметили пару гнезд, но никаких крупных поселений. Что же нам угрожает?

— Ну, начнем хотя бы с комаров-кровопийц. Арктические комары-дергуны против них все равно что ласковые щенята. Как только потеплеет, они прилетят по наши души.

— Комары? Слыхал я о них, — развеселился Ганнон, но вдруг посерьезнел. — Или ты имеешь в виду опасные болезни, переносчиками которых они служат?

Равна видела, как Винтозуб незаметно для Ганнона переглянулся со своими элементами,

словно бы прикидывая, какую еще лапшу сумеет повесить на уши легкомысленному человеку, прежде чем те оборвутся под ее тяжестью.

— О нет, — среагировал он, явно решив не заходить так далеко. — Во всяком случае, мне такие неизвестны. Да и потом, вы, люди, все равно не болеете нашими хворями, — по крайней мере, так утверждает «Внеполосный-II», я прав?..

— Э-э, да.

— Тем не менее в тропиках действительно можно подхватить очень скверные болезни, — продолжил Винтозуб. — И те кровососущие насекомые, которых мы увидим, там крайне многочисленны. Что касается леса, по которому мы сейчас пробираемся, то наибольшей опасностью в его пределах являются… полагаю, правильнее всего будет перевести этот термин как «деревья-убийцы». Или «деревья-стрелки».

— А, я о них слышала, — встряла Равна. Амди что-то прогудел, соглашаясь. Странник несколько раз упоминал о деревьях-убийцах.

Ганнон фыркнул:

— Чушь. Ты чего из себя всезнайку строишь, э?

Винтозуб посмотрел на него с видом оскорбленного аристократа.

— Прежде чем поступить на службу к Шкуро-

деру, я был лесорубом, — высокомерно заметил он. — Я общепризнанный эксперт по ущельям и долинам этой реки.

Равна припомнила, как Древорезчица назвала эту стаю «Шкуродеровым мальчиком на побегушках». Если Винтозуб и был в чем-то экспертом, так это в том, чтобы задуривать собеседнику голову. Или несколько голов.

Ганнон немного поостыл:

— Эти деревья похожи на флюгерные. Они редко встречаются, но мне уже случалось видеть их прежде. Я знаю, что их древесина высоко ценится строителями. Или эти стрелки-убийцы еще более редки и прячутся, хе-хе, в засаде?

— Вы уловили мою мысль, господин, хотя, может быть, и сами не желая того. Флюгерным деревьям действительно не нравится, когда их рубят или грызут, — о, простите, миледи Равна, я не хотел показаться невежественным крестьянином ваших Средних веков. Я знаю, что деревья не умеют мыслить, но не хочу возиться, подбирая нужные выражения. Пускай этим Шкуродер со Щепетильником забавляются. Все, что вам достаточно знать, так это что определенное число этих флюгерных деревьев действительно представляют смертельную опасность.

— А в процентах? — спросил Амди.

— Это по-разному. Обычно процент этот весьма невелик, хотя в таких ущельях деревья-убийцы встречаются гораздо чаще обычного и разбросаны крайне хаотично. Я полагаю, что это зависит от локальной фауны, типов травоядных и так далее. — Он глянул на Амди. — Вы, гениальные малыши, сможете оценить его довольно точно.

— Вероятно, — подтвердил Амди. Привычка Винтозуба называть его «малышами» вроде бы не сильно раздражала стаю.

В любом случае обмен стай любезностями вызвал у Ёркенруда разочарованное фырканье.

— Меня уже должны были спасти, — заметил он. — Я не обязан был забираться так далеко. Сколько еще Невил будет возиться с дирижаблем, прежде чем утащит его у сторожевых псов Древорезчицы? — Теперь во взгляде, каким он обводил окрестные леса, появился личный интерес. Происходящее обрело отношение и к его собственной судьбе. Все деревья на вид были более или менее одинаковы, высокие и грациозные, вечнозеленые, отличаясь только толщиной игл: от длинных и толстых до коротких и узких.

— Хорошо, — продолжал он, — значит, некоторые из этих деревьев способны метать стрелы,

если их рассечь или подрубить.

— О, в этом нет особой необходимости, если вы имеете дело с убийцами-стрелками. Когда мы остановимся в следующий раз, вскарабкайтесь по нижним веткам одного из этих деревьев — я укажу вам безопасное. Вы сможете увидеть там натяжной узел, у основания одной из более длинных ветвей.

— Наверное, так и сделаю, — ответил Ганнон. — Ты рассказывал об этом Читиратифору?

— О да. Он уже делится моей информацией с остальными. Видите? — Действительно, чуть выше по тропе Читиратифор давал инструкции старшему погонщику, энергично помахивая лапой на деревья. — Но не беспокойтесь. Лишь немногие деревья опасны, и, если соблюдать несколько простейших правил, мы пройдем спокойно. — Винтозуб помолчал, он явно перенял Шкуродерову манеру распалять внимание слушателей. Они пересекли еще два размытых по весне участка, подтаявший снег стекал в реку. В этих местах прекрасные и смертоносные деревья подступали к тропе слишком близко, и некоторым участникам экспедиции приходилось протискиваться за или перед фургончиками. Амди зыркал по сторонам, но казался не столько

перепуганным, сколько заинтригованным. В этом лесу почти не было мхов, устилавших раньше тропу плотным ковром, только некоторые деревья окружали высокие, местами обсиженные грибами кустарники. Равна так и видела, как Амди просчитывает возможную защиту, оценивает зоны, опасные при обстреле, готовит миллион вопросов, которые польются с его губ, если Винтозуб еще затянет рассказ.

Ганнон тоже смотрел по сторонам и в конце концов осмелился нарушить молчание:

— Хорошо. Так что за простейшие правила, говнюк?

Винтозуб оскорбленно зашипел, но прекратил дразнить слушателей и высказался как мог ясно:

— Видите открытые пространства? Они смертельно опасны. Стоит туда сунуться, и вас нашпигуют стрелами, если поблизости хотя бы одно дерево-убийца. Как только его потревожат, стрел вылетит достаточно, чтобы убить двуногого. А если деревьев несколько, то разряд одного спровоцирует остальные. Стрелы полетят с дюжин деревьев. Когда вы, звездники, найдете свободное время изучить их, наверняка построите не один десяток гипотез. Может, какая-то пыльца высвобождается и служит спусковым сигналом другим.

Короче, они все выстреливают одновременно.

— В какую-то цель? — уточнил Амди.

— Да не то чтобы. Стрельба беспорядочная. Дело в том, что стрел может быть *тысячи*. Целые стаи тут выкашивало, до последнего элемента. Основной мой совет будет таким: не останавливаться на открытом месте. Видите вон те кустарники у корней деревьев? Это цветы — эквивалент драгоценностей в короне, хе-хе. Лишь очень немногие стрелы попадают туда. Итак, лучшее, что мы можем сделать, останавливаясь на продолжительное время, так это укрываться в кустарниках. Будьте начеку и стремглав бросайтесь туда, как только полетят стрелы. — Винтозуб встряхнулся. — Для двуногих может быть уже поздно, но стаи такой прием неизменно спасает.

Дослушав Винтозуба, Ганнон погрузился в раздумья. Амди сновал впереди и вокруг, принюхиваясь к некоторым кустарникам. Потом он перешел к расспросам. Амди хотел знать все, что Винтозуб мог ему рассказать о сочетаниях факторов, способных спровоцировать стрельбу, о том, как расположены скопления деревьев-убийц. Винтозуб охотно отвечал на его вопросы, и ответы эти причудливо сочетали технические подробности со средневековыми легендами.

Амди жадно слушал и задавал еще больше вопросов. Когда Читиратифор просигналил остановиться и раскинуть лагерь, интерес Ёркенруда насчет мер безопасности явно был удовлетворен до мельчайших деталей.

Надо полагать, и Читиратифору за обедом скормили сокращенную версию этой лекции: Равна заметила, с какой нервной неуверенностью указывал Драные Уши место для ночлега.

Потом Равна спустилась к себе в фургончик. Там Амди окружил ее.

— Ты знай, — сказал он тихо и как бы между прочим, не слишком таясь, — все это полная чухня.

И ушел к Джефри.

Через полчаса после остановки на привал Ганнон и Джефри занялись вечерней готовкой. Читиратифор указал место привала, но в данный момент отвлекся, командуя погонщикам, как безопаснее всего выставить фургоны и расположить на ночлег тягловых животных. Винтозуб вертелся рядом с Читиратифором, раздавая ценные советы. Каждый раз, как ворчание двух стай долетало до ушей Равны, та вслушивалась с неизменным интересом. Что было хорошо в истории Винтозуба: она в кои-то веки отвлекла Драные

Уши от планов убийства, осуществления которых так боялся Амди.

— Да, вам стоило бы раздразнить деревья, — говорил словоохотливый Винтозуб, — они реагируют на сильные вибрации и физический ущерб.

Драные Уши возражал:

— Но ведь мы ничего с них не едим. Мы даже не рубим их на дрова. Мы никак им не повредим.

— Боюсь, господин мой, что это не имеет особого значения. В этой местности деревья-убийцы растут гуще, чем в любой другой из виденных мной за всю жизнь. А как знать, может, впереди все еще хуже. Сегодня вечером нам выпала счастливая возможность попрактиковаться в отражении их атаки. На этой стороне тропы есть небольшой участок, где деревья-убийцы не растут, но наши звуки так или иначе спровоцируют их, говоря человеческими терминами, на *саморазряд*. Я предложил бы добиться частичного саморазряда — иначе мы не сможем защитить себя.

— Моим подчиненным это не слишком понравится.

— Так представьте это как совершенно безопасное испытание, господин мой. Так оно и будет на самом деле. Мы расположимся к западу от тропы, под прикрытием кустарников с высокоразвитой

корневой системой. После этого я бы советовал вам каким-то образом травмировать деревья к востоку от тропы.

— Травмировать?

— Нанести деревьям какое-либо повреждение, хотел я сказать. Для этой цели подойдет даже один элемент, если фургон будет обеспечивать ему надежный заслон. Остальные могут укрыться в кустарниках по эту сторону тропы — реакция деревьев покажет, чего ожидать в дальнейшем.

Драные Уши задумчиво поворчал. Две стаи ушли дальше, и Равна перестала слышать их разговор. Фургоны в конце концов припарковали, а керхогов укрыли сразу за ними. Джефри и Амди видно не было.

Потом Читиратифор вернулся в сопровождении Ганнона. Стая несла в одной паре челюстей хозяйственный топорик. До Равны внезапно дошло, что Драные Уши сообразил, как подстроить убийство так, чтобы *одним ударом* решить все проблемы.

Стая разжала челюсти. Топорик полетел на землю перед ней.

— Ты! — сказала она. — Иди-ка ты через тропу и сделай пару зарубок на среднем дереве.

— Ты сделаешь то, что Читиратифор тебе ска-

жет! — заорал Ганнон, указав на восточную сторону склона, по которому бежала тропа. — А теперь взяла топор и пошла!

Он с размаху швырнул топорик на тропу. Лезвие, перевернувшись несколько раз в полете, вонзилось в почву метрах в двух от ступни Равны.

На звук голоса Ганнона от зарешеченного фургончика прибежали Амди и Джефри. Они, наверное, кормили керхогов. Вечер выдался теплый, так что ферментативный подогрев применять не приходилось, но кормить оголодавших животных — работенка в любую погоду нелегкая, и даже Ганнон по возможности старался ее избегать.

— Что ты делаешь с Равной? — спросил Джефри.

От нее до Ганнона было метров десять, так что заподозрить его в сексуальном насилии Джефри явно не мог.

— Он хочет, чтобы я срубила дерево! — крикнула Равна в ответ.

— Что?!

Амди и Джефри подбежали к ней, но на полдороге уткнулись в Читиратифора. Он вытащил из плечевых сумок секиры и лениво повертел ими в

воздухе перед собой. Погонщики, насколько было видно Равне, тоже отстегнули свои арбалеты.

— Привет, Джеф, — помахал Джефри Ганнон. — Будь спок.

Джефри посмотрел на тропу, где в одиночестве стояла Равна, и взгляд его скользнул выше, меж деревьев. Он резко развернулся к ближайшему элементу Читиратифора:

— Она тебе нужна, вся экспедиция затевалась ради нее!

Поза Драных Ушей соответствовала ленивой ухмылке. Он ловко подбросил в воздух секиру и поймал ее.

— Ты ошибаешься. Двуногая Равна *живой* мне не нужна. Я нашел ей лучшее применение. Гораздо лучшее, чем для большинства встреченных мною двуногих.

Ганнон истерически хохотнул.

— Просто смирись с этим, Джефри, — сказал он спутнику.

Джефри посмотрел на него, потом на стаи, рыскавшие вокруг. Минуту ничего не происходило. Равна поняла, что Амди и Джефри были абсолютно правы в своих подозрениях. После гибели Ремашритльфера у Читиратифора развязаны лапы. Миссию он может закончить так, как

посчитает нужным. «Джефри, пожалуйста, не пытайся им помешать». Амди вроде был того же мнения. Он громко завыл и попытался оттащить Джефри, вцепившись ему когтями в отвороты штанов.

— Отлично, — сказал Джефри наконец и подошел к ближайшему элементу Читиратифора вплотную. — Тогда и мне дай топор.

— Ах ты чмо тупоголовое! — завизжал Ганнон.

На миг Равне показалось, что Драные Уши отрубит протянутую ему руку Джефри. Потом стая громогласно расхохоталась и, мотнув мордой, подбросила в воздух одну секиру. Джефри поймал ее, не дав упасть на землю, и дернул ногой, освобождаясь от хватки Амди. Затем решительно прошел по тропе туда, где стояла Равна. Амдиранифани последовал за ним всеми элементами.

Хохот Читиратифора несколько утих, перейдя в предостерегающее ворчание, и он что-то сказал Винтозубу и погонщикам. У этих намечалась веселуха. Предводитель намерен показать им, на что способны деревья-убийцы, но при этом не пострадает никто из тех, кем стоило бы дорожить. Амди он тоже проворчал что-то повелительное.

— Нет, я не оставлю Джефри, — ответил Амди на языке людей.

Слова его звучали храбро, но кожа вокруг глаз побелела.

Читиратифор сердито булькнул что-то в ответ и перешел на самношк:

— Ты для меня ценен, но я могу тебя и наказать. Как бы тебе понравилось стать семеркой? Или шестеркой?

— О, господин мой, оставьте его, — вмешался Винтозуб. — Он может укрыться от стрел в кустарнике. Там сравнительно безопасно. Вон под тем деревом.

Амди сжался и пополз к указанному Винтозубом дереву. Равна заметила, что место привала выбиралось очень тщательно. Вокруг нигде не было кустарников.

Читиратифор следил за продвижением Амди. По стае скользнула усмешка.

— Клоун ты трусливый…

Потом его внимание переключилось на Джефри с Равной, но юмора стая не утратила.

— Теперь ты, самка. Подними с тропы топор. Вонзи его в дерево за твоей спиной. Это оно, Винтозуб?

— Именно, мой господин. Это почти наверняка дерево-убийца, и его нижние стрелы уже напряжены.

— Керхоги в безопасности?

Винтозуб глянул на животных и фургоны:

— О да.

Керхоги сбились вместе, как только сообразили, что надвигается опасность.

— И вы их превосходно разместили.

Читиратифор издал несколько аккордов, обращаясь к остальным. Он вроде бы обещал им неплохое зрелище. Равна различила слова «делайте ваши ставки».

— А ты, самец, встань вон у того дерева. Второго слева.

— Но ничего не руби, — предупредил Винтозуб. — Нам интересно посмотреть, способна ли одна атака спровоцировать и другие деревья.

Драные Уши закончил объясняться с аудиторией своего собственного вида и пролаял:

— Подними топор, я сказал! Если сможешь, не исключено, что тебе повезет остаться в живых. — Он опять обратился к стаям. Те поворчали в ответ. Читиратифор добавил: — Ставки на тебя четыре к одному. Но ты точно сдохнешь, если не двинешься с места. — Погонщики вскинули арбалеты.

Равна взялась за рукоять топорика и выдернула его из дерна. С топора осыпались сосновые

иголки, и край лезвия ярко сверкнул в закатном свете. Пускай это и хозяйственный топорик, но его недавно точили.

По ту сторону тропы погонщики и Читиратифор следили за ней с напряженным вниманием. В Когтях ее это всегда напрягало. Интерес Когтей не был чисто спортивным, но, кроме элементов, державших арбалеты, стаи укрылись в кустарнике. Только Читиратифор, Винтозуб и Ганнон все еще стояли на открытом месте. Ганнон оглянулся и понял, что уязвим. Он тут же поспешил к ближайшему свободному клочку кустарников.

Теперь погонщики зашумели в унисон. Их слаженное гудение давило Равне на уши. Она понимала смысл аккордов: *Давай, давай, давай!* Стаи всегда издавали их, наблюдая, как дети играют в мяч.

Равна обернулась к растущему за спиной дереву. Боковым зрением она видела справа от себя Амди — тот, вертя мордами в опасливом восхищении, понемногу подползал к обещавшему укрытие кустарнику. Он ничего не передавал, по крайней мере ничего такого, что могли бы на таком расстоянии расслышать люди. По левую руку стоял Джефри, глядя на Амди. Потом он повернулся к ней. И вдруг Равна догадалась, что они с Амди

играют в игру, совсем как во щенячестве, — но ставками в ней служили жизнь и смерть.

Давай-давай-давай!

— Ну ладно!

Она подошла к дереву и для пробы покрутила так называемым топориком в воздухе. Первобытный человек мог бы описать его как навершие двуручной секиры, закрепленное на деревянной ручке в виде удлиненного крюка. Разумеется, орудовать им было совсем не так удобно, как настоящей, рассчитанной на человеческую анатомию секирой.

Но лезвие было остро отточено.

Дерево было в обхвате около восьмидесяти сантиметров, древесина гладкая, как кожа ребенка, но при этом желтовато-коричневого цвета, какой у современных homo sapiens встречался крайне редко. На вид дерево ничем не отличалось от тысяч флюгерных деревьев, уже виденных ею за последние несколько дней. Его стройный ствол уходил к небесам метров на сорок, как изящная башенка. Нижние ветки росли параллельно земле. Ближайшая — сантиметрах в тридцати над ее головой. Крупные пучки игл торчали из комков, которые Винтозуб называл «натяжными узелками».

Давай-давай-давай!

Равна вскинула топор и для пробы вонзила его в дерево движением осторожным, скорее просто стукнув по стволу. Лезвие погрузилось в него едва на сантиметр. Когда она вытаскивала его, на стали появилась пленка прозрачной вязкой жидкости. Еще немного ее потекло к корням по стволу. Запах оказался сложный, суховатый, чем-то смутно знакомый. Ах да, обостренная, концентрированная версия навязчивого аромата, которым пахло все в этом лесу.

Что еще важнее, запах не оказал видимого воздействия на мирно засыпающий поздним вечером лес. Над ней и вокруг нее свисали в зеленой тишине утыканные иглами ветки. Было безветренно, ничто не шевелило их.

На той стороне тропы зрители остались не слишком довольны. Гам слегка поутих, но потом погонщики принялись ворчливо переругиваться друг с другом. Винтозуб смолчал, но в его позе был намек на иронию, точно он ждал от кого-то самоочевидных утверждений.

Читиратифор бухнул, на языке стай и самношке одновременно:

— Руби, человечица! Глубже. Сильнее. Вверх и вниз. Либо мы увидим его внутренности, либо

полюбуемся твоими.

Погонщики опять нацелили на нее арбалеты.

Она повернулась обратно к дереву и стала его рубить. Удары были слабыми, но она делала, как было велено. Рубила вверх и вниз, словно прочерчивая лезвием какую-то разделительную линию. В таком темпе у нее ушло бы около часа, чтобы срубить дерево, но она уже добралась до сравнительно глубоких слоев: обнажился кольцевой узор разновидности, характерной почти для всех деревьев мира Когтей. Она остановилась, отчасти выбившись из сил, отчасти услышав сердитое сопение Амди. Читиратифор отодвинулся поближе к безопасному крупному кустарнику.

Тишина леса сменилась легким постукиванием. Оно исходило от нависших над ее головой веток. Ближние ветки подрагивали, скопления игл дергались, словно пытаясь высвободиться из натяжных узлов. А сами узелки… *дымились*? Нет, это был не дым, а тяжелая пыльца, медленно дрейфующая на слабых воздушных течениях позднего вечера к остывающей земле. Проплывая на свету заходящего солнца, отраженного от снежных пиков, пыльца поблескивала золотисто-зеленым.

Спортивный азарт зрителей по ту сторону тро-

пы улетучился. Стаи во все глаза смотрели за продвижением облаков пыльцы. Отплыв от дерева Равны, пыльца пересекла тропу и накрыла фургончики растущей золотисто-зеленой тучей; дрожь веток передалась другим деревьям. Погонщики отползали к безопасным кустарникам. Даже арбалетчики убрались с открытого пространства между деревьями. Когда затряслись ветки деревьев вокруг Читиратифора, тот наконец оставил браваду и укрылся глубоко в своем кустарнике. Только незадачливый Винтозуб остался беззащитен: увлекшись советами, он не присмотрел себе достаточно крупного кустарника, а те, что были еще не заняты, не смогли бы прикрыть всех элементов. Что до керхогов, то они с непривычным тревожным изумлением глядели на хозяев. Даже фургончики могут оказаться недостаточно надежным укрытием, если облако разойдется достаточно далеко.

Прошла дюжина секунд, и постукивание ветвей заглушило все остальные звуки. Стрелы, однако, пока что не летели.

— Когда это начнется, господин мой, полетит лавина стрел, — заметил Винтозуб, явно взволнованный собственным объяснением. — Я думаю, что мы, э-э, слишком растянулись.

Читиратифор глумливо посмотрел на него:

— А я думаю, что это ты, жопоголовый чурбан, себя подставляешь. Вон под тем деревом маленький кустарник; если постараться, ты в нем поместишься. Глубже! — Наконец его внимание переключилось обратно на Равну. — Давай, человечица, наруби нам дровишек!

Она обернулась к своему дереву и краем глаза заметила, что Амди приник к земле, но под прикрытие почему-то не лез. «Что это за игра, Джефри?»

Давай-давай-давай!

Она поудобнее перехватила топор и вложила всю ярость в удар по безмозглому дереву. Хррак! Хррак! *Хррак!!!*

Стрелоиглы застучали еще громче, облако пыльцы сгустилось так, что стало трудно дышать. Когда разряд наконец произошел, боль была такая, словно стрелы пронзили навылет ее уши. Она упала на землю, пытаясь укрыться в сравнительно редких зарослях вокруг этого дерева. Потом осознала, что боль не от стрел, а от акустического удара. Вопили Когти.

— Вставай! Беги!

Рядом оказалась пара элементов Амди, стала тащить ее, тянуть, пытаясь поднять на колени.

Поднимаясь, она увидела, как остальные элементы бегут в сторону Джефри.

Вокруг царил хаос. Она с трудом встала, инстинктивно уклоняясь от линии огня. Но стрел не было. Нигде. И все же вопли по всей тропе только нарастали, а им вторило более тихое жуткое жалобное горловое повизгивание, какое издавали стаи, испытывавшие ужасную боль. Ни следа погонщиков. А кустарники, в которых они укрывались, вроде бы стали ниже, шире, задрожали, словно что-то спрятанное в их гуще пыталось пробиться на волю.

— Назад! — толкал ее Амди. — В фургоны!

Там она увидела, что не все Когти пропали. Большая часть Винтозуба стояла на краю кустарников, рубила и грызла ветки. Элемент со сломанной лапой не успел отпрыгнуть и теперь застрял. Некоторым элементам Читиратифора тоже посчастливилось избежать капкана. Он отчаянно рубил кустарник оставшимися секирами и уже почти высвободил своего арбалетчика, как заметил Равну с Амди. Сердито залаяв, три уцелевших элемента кинулись за ней.

Равна побежала. Обычно занятие это было совершенно безнадежным: на открытой местности стая легко обгоняла любого двуногого, а

элементы Когтей с военной подготовкой, даже разорвав целостность стаи, оставались достаточно разумны, чтобы прикончить беглеца. Но те элементы Читиратифора, которые не бежали за пленницей, корчились от невыносимой боли, и тройка, бежавшая за Равной, словно наткнулась на невидимую стену. Не сбрасывая скорости, они описали разворот и вернулись туда, где застряла остальная стая, принявшись с новой энергией рубить предательские заросли.

Винтозубу удалось кое-что получше: он освободил пойманного в ловушку элемента, и, хотя тот хромал на трех лапах, стая уверенно продвигалась в сторону беглецов.

— Я ему помогу! — закричал Джефри. Он оказался ближе к фургонам, чем Равна, но теперь рванулся назад и подхватил охромевшего элемента Винтозуба на руки.

— Спасите! Спасите!

Это кричал Ганнон. Парень отчаянно упирался в землю локтями, а нижнюю часть его туловища уже утянуло в смыкавшийся кустарник. На лице Ганнона был написан смертельный ужас. Он протянул к Равне руки.

Когда Ганнон Ёркенруд был еще ребенком, Равна не знала его. Впервые они свиделись в его

прыщавом отрочестве, и с каждым прожитым годом Ганнон становился все несноснее. Но сперва она относилась к нему так же, как и к остальным Детям, полагая, что обязана ему помогать. Когда-то он не казался ей воплощением зла.

Равна каким-то чудом не выронила топор и устремилась теперь через тропу, к беспомощному Ганнону.

— Нет, нет, пожалуйста… — потянул ее назад Амди.

— Вот же чмо! — прогудел Винтозуб. — Ладно…

Говорила здоровая часть стаи, бежавшая от фургончика, в котором Джефри устроил хромого элемента. Джефри сопровождал его. Они нагнали Равну и выстроились вокруг нее кольцом, заслоняя от Ганнона.

Но они сделали то, чего она от них хотела. Джефри подобрался к дереву и с размаху принялся рубить кустарники у его подножия, где не было опасности случайно ранить Ганнона. Четверка Винтозуба резала ветки ножами, потом, увидев, что это бесполезно, ухватилась за куртку Ёркенруда и попыталась вытащить его из зарослей. Равна, окруженная стаей Винтозуба, как могла тянула вместе с ним. Она держала Ганнона за плечи и чувствовала, как с каждым ударом Джефри

кустарник сотрясает дрожь, а Ганнон получает еще сантиметр свободы.

Внезапно Винтозуб вскрикнул и отскочил, бросив Ёркенруда. Равна подняла взгляд и чудом увернулась от стальных когтей. Уцелевшие Драные Уши ворвались в середку Винтозуба и стали беспорядочно рубить его. По крайней мере часть одного из погонщиков сумела выбраться из зарослей и присоединилась к атаке.

Ёркенруд выскользнул из ее хватки, и кустарник тут же вернул отнятое. Молодой человек в последний раз безнадежно царапнул пальцами воздух, и его туловище совсем исчезло из виду. Еще один слабый вскрик, потом что-то хрустнуло, и Ёркенруда не стало.

Вокруг метались окровавленные тела.

Она вскочила на ноги и отбежала с поля боя. Она никогда еще не сражалась сама, но Йоханна ей много понарассказывала. Против одной-единственной стаи невооруженный человек не выстоит. Главное — удержаться на ногах. Забраться на возвышенность, куда стая не сможет ворваться вся одновременно.

Что-то навалилось на нее и подсекло ноги. Джефри! Потом она глянула вниз, на удалившуюся землю, через его шею. Он держал ее перекинутой

через плечо и стремительно убегал. Она уже не видела, как идет сражение. Элементы Амди, все в крови, крутились рядом. Амди оказался безоружен, но у Джефри еще оставался топор. Она чувствовала, как на бегу Джефри отбивается им, и слышала крики. Он остановился, обернулся, и Равна увидела элемент Винтозуба. У этой стаи вооружены были каждая челюсть и каждая лапа, даже у хромого. Джефри с Винтозубом скоординированно защищались от… нет, не стаи, а опьяненной убийством толпы — трое драноухих, два элемента от погонщиков.

Они достигли ближайшего фургончика. Если Равна ненароком не посчитала кого-то дважды, то Винтозуб потерь не понес. Амди тоже присутствовал ввосьмером. Он разбился на три стайки и сновал по лагерю, подгоняя керхогов.

Джефри опустил Равну на землю:

— Помоги Амди. Сматываемся.

Тут от Равны была польза: как погонщик керхогов один двуногий стоил по крайней мере четверых элементов стаи. Она сноровисто привязала своего к переднему фургончику, прежде чем Амди управился с остальными. Ее керхог оказался послушен — может, даже слишком, потому что фургон уже поехал. Керхогу не понравились

вопли мясоедов.

— Не дай ему сбежать! — заорал Амди, не отрываясь от запряжки второго и третьего фургонов. Он был весь в крови, но, несомненно, сохранился восьмеркой.

За фургонами Джефри и Винтозуб держали оборону. Вражья свора рыскала по тропе, периодически пробуя прорваться. Джефри защищал центр, а Винтозуб, не исключая хромого, метался взад-вперед, рубил, колол и резал, сея опустошение среди нападающих и вгоняя их в ужас собственной дикой яростью. Никто из предпринявших попытку захватить фургончик и пуститься за Равной и Амди в этом не преуспел.

Три фургона метр за метром удалялись от разоренного лагеря. Равна шла за передовым керхогом, и животное понемногу перестало дергаться. Человеку несложно было править, стоя на ногах. Она оглянулась, и сквозь пелену смертельного ужаса пробилось видение безысходного кошмара, нависшего над головами врага. Двойка погонщиков и тройка Читиратифора уже отбежали на добрых полсотни метров от деревьев, где корчились в западне остальные элементы. Еще немного — и мысленный контакт разорвется. Преследование становилось бессмысленным, а

шансы спасти своих — минимальны.

Двое элементов погонщиков сломались первыми, развернулись и побежали назад в лагерь. Тройка Читиратифора яростно залаяла им вслед, потом огрызнулась на беглецов. Схватившись напоследок с Джефри и Винтозубом, элементы повернули вспять — вопреки всему спасать себя.

— Застрявшие в кустарниках либо все мертвы, либо в ближайшее время будут задушены или раздавлены.

Таков был ответ Винтозуба на вопрос Равны о том, что произойдет с Ганноном и остальными. Тон Винтозуба показался ей даже легкомысленнее обычного.

— Хе-хе, нам повезло, что Читиратифор умирает медленно. То, что от него осталось, не погонится за нами, пока мы не убежим на достаточное расстояние.

Они ехали на предельной возможной для себя и животных скорости. Когда они сбежали, было светло, но сумерки уже сгустились в ночь, и продвижение фургонов замедлилось. «Ну и как оказывать первую помощь, если даже не видишь ран?» Украденные фонари должны были находиться где-то в фургонах, но невозможно было вытащить их оттуда на ходу. Пока еще светило

солнце, Равна на глазок оценила понесенный спутниками ущерб. Каждый был ранен или оцарапан. За последние десять лет Равна немало попрактиковалась в медицине. Предплечье Джефри нуждалось в перевязке, что она и сделала, а Джефри удалось втолковать, как удерживать бандаж. Амди выглядел ужасно, кровь текла с трех его морд, но обычной ясности мышления он не утратил. Что ж, если им повезло, то пострадал только скальп, а не средние уши. Она как могла обвязала головы стаи полосками, оторванными от подолов курток. Амди стало труднее думать, но кровотечение остановилось.

— Я в порядке, — заверил он ее. — Мне просто приходится внимательнее следить, где я. Займись, пожалуйста, Винтозубом.

Теперь по-настоящему стемнело. Один элемент Винтозуба сидел на скамье погонщика заднего фургончика и управлял им, а остальные сгрудились вокруг Равны во втором фургончике в позах, выражавших глубокую усталость.

— Мы должны остановиться и как следует перевязать твои раны, — сказала Равна.

— Не надо, — сказал Винтозуб. — Нельзя останавливаться. Как там Амдиджефри?

Равна огляделась. Джефри шел рядом с ве-

дущим керхогом и направлял его. Все восемь элементов Амди рассредоточились рядом со средним фургончиком и тянувшим его керхогом, не давая им сбиться с тропы.

— Я в порядке, — ответил Амди, тревожно поглядывая на Винтозуба. — А ты?

— Вы сегодня вечером вели себя отлично, малыши, — отозвался Винтозуб.

Равна погладила ближнего элемента Винтозуба:

— Но все ли с тобой в порядке, Винтозуб?

— Все ли в порядке? Все ли со мной в порядке? Послушай, ну что ты за идиотка? У меня до сих пор болит лапа, которую ты мне сломала. А сегодня вечером ты чуть было всех нас не погубила, когда пыталась спасти Ёркенруда. Он самый вонючий мешок говна из всех твоих похитителей, ты об этом догадываешься?

Равна отодвинулась от него, вспомнив мгновение, когда ни о чем, кроме спасения Ганнона, и думать не могла. Она никогда не считала себя расисткой и привыкла приписывать этот порок страумерам.

— Прости меня, Винтозуб, — проговорила она, понурив голову. — Просто я давно знаю Ганнона. Я знаю всех ребят еще с тех пор, как они были

совсем детьми. Я чувствовала себя ответственной за него.

Винтозуб мягко рассмеялся человеческим смехом:

— А скажи, ты бы поступила так же, если бы знала, что именно он приложил тебя башкой о задник фургона? Можешь не отвечать, я знаю, что точно так же. Вы с Древорезчицей обе так мягкосердечны!

«Это Древорезчица-то мягкосердечна? В сравнении с кем?»

Винтозуб неловко подвинулся под ее руками, но позволил ощупать и промять себя. Равна почти ничего не видела, но все тела стаи были в крови, как и у Амди.

«Не давай ему молчать».

— Ты с самого начала был на нашей стороне, Винтозуб. Но ведь ты участвовал и в заговоре Невила…

— Разумеется, участвовал! Разве Шкуродер не сказал тебе, как ему удалось разведать планы заговорщиков? Этого нельзя было добиться, если б мы не были чертовски убедительны.

— Ты меня водил за нос насчет деревьев. А я верила, пока не увидела, что стрелы *не* летят.

— Кхех, мне пришлось над этим крепко поду-

мать. И ты знаешь что? В этих краях действительно растут деревья-стрелки. Только вот не здесь. Кустарники-душители встречаются куда реже и представляют собой переходную форму на пути прорастания леса после какого-то катаклизма. Когда я увидел, как ночью кустарник в тебя вцепился, я не поверил своему счастью. Вообще-то, мою ложь было бы нетрудно изобличить, кабы не тупость Читиратифора. Не знаю, почему Проныра все эти годы держал его при себе. Ремашритльфера я бы не провел. Но он бы и не убил тебя: ты была ему нужна для Магната. Счастье, что так все вышло. У нас появился шанс. Просто нужно ускользнуть от Магната с Пронырой и живо тащить задницы назад в Домен.

Равна только сейчас поняла, что сидит в середине стаи, которая оказалась способна объяснить ей все смертоносные тайны и проявила себя лучшим ее другом за много лет.

Сумерки миновали, однако низко на юге в небесах стояла луна, и свет ее нарезал лесной шатер на серебряные и черные фрагменты.

Она протиснулась между сгрудившимися элементами Винтозуба и пошла по тропе к другому фургончику. Он уже не так охотно говорил с ней, и правивший тем фургончиком элемент

тревожно всматривался в ночную мглу. Видимо, он тоже оценил преимущества и опасности лунного света. А потом Равна сообразила, что, за исключением возницы заднего фургончика, все элементы Винтозуба свернулись клубком и приникли друг к другу, словно в испуге. Так обычно реагировала стая, еще не успевшая осознать, как тяжело ранена.

— Винтозуб, поговори со мной.

Стая усмехнулась по-человечьи:

— Да-да… уж наверняка у тебя ко мне миллион вопросов. А у меня полное лукошко ответов, хотя если бы мы в точности знали, что происходит, то не влезли бы во все это дерьмо. — Он что-то ворчал себе под носы несколько мгновений. — Мы не понимали, как важен Проныра. Мы не догадывались, что на службе у Магната он ухитряется вести двойную игру. Мы и не подумали, что он может захапать так много в один присест…

Слова не прерывались паузами или бормотанием, они звучали когерентно, исходили одновременно от всей стаи, но немного не в такт. Какой-то элемент не справлялся. Равна вернулась и просунула руки между них, хотя стая сопротивлялась и продолжала жаться друг к другу. Пара челюстей раздраженно цапнула

ее, потом четверка нехотя разомкнулась. Крови было очень много, и в самой луже ее лежал тот, кого они защищали, свернувшись клубочком. Он едва слышно повизгивал, но вроде бы не от боли. В отраженном лунном свете она видела, как существо поворачивает к ней голову с широко распахнутыми тусклыми глазами. Она подняла руку к его плечу, нащупала слабо пульсирующую рану на шее, и по пальцам ее потекли ручейки крови.

— Джефри! — вскричала она.

Равна с Амди и Джефри сделали все, что могли, но этого оказалось недостаточно.

Она остановила кровотечение. Вместе они уговорили Винтозуба перетащить себя под лунный свет, где раны было бы видно лучше, и очистили его шерсть от крови. Но к тому моменту один элемент уже молчал и был без сознания. Спасать его было поздно. Он умер тихо, без мучений. Если бы он кричал и визжал от боли, смерть не подкралась бы так близко. Вместо этого он тихо истекал кровью, а его стая так вымоталась, что даже не заметила смертельной угрозы…

Глава 22

Сделав еще один привал, они ехали без перерывов всю ночь и следующий день, пока усталость не одолела людей, керхогов и стаи.

Равна снова занялась ранами и травмами. Джефри с Амди нервно озирались вокруг, но главным образом следили за тропой, по которой приехали.

— Не думаю, чтобы уцелевшие фрагменты могли гнаться за нами так долго, — сказал Джефри.

— А какого мнения о твоей теории Винтозуб? — поинтересовалась Равна.

То, что оставалось от Винтозуба, вид имело более здоровый, чем Джефри или Амди. Когда фургончики остановились, фрагмент ускользнул в лес и по собственной инициативе принялся там рыскать. Потом вернулся и недовольно зашипел, стоило Равне коснуться его ран. Четверка залезла в передний фургончик и сгрудилась там, но через некоторое время оставила осторожность, высунулась наружу и поела. Громко чавкая, элементы подозрительно оглядывали окружающие деревья.

— Боюсь, что он потерял дар речи, — сказал Амди. Он оторвался от Винтозуба и отнес еду, пригодную как для людей, так и для стай, Равне и Джефри.

Она съела, сколько смогла, потому что очень устала. Все в глазах плыло, к тому же день выдался по-настоящему жаркий. От ручейков и реки то и дело с писком взлетали тучи гнуса.

— Я видела много четверных стай, — ответила Равна наконец, когда смысл сказанного Амди дошел до ее затуманенного разума. — Они вполне способны были разговаривать.

— Зависит от того, как они себя построили, — отозвался Джефри. Он сидел на краю занятого Амди пространства, держа дистанцию между собой и Равной. Она заметила, что молодой человек старается не встречаться с ней взглядом, но время от времени зыркает исподлобья, то с вызовом, то устало. — Я полагаю, в нашем случае диагноз очевиден — погибший был основным речевым центром стаи. Самношком Винтозуб больше не владеет. И похоже, что межстайную речь он утратил тоже.

— Надо пробовать, — возразил Амди. — У него могли сохраниться по крайней мере рудиментарные речевые навыки. Я уверен. — Амди качал

головой из стороны в сторону, но это не было отрицанием: он просто отгонял комарьё.

Джефри ласково погладил Амди по мордам:

— Может быть, может быть. Нам придется немало попотеть, прежде чем мы достучимся до остатков его разума.

— Значит, он примерно в той же ситуации, что и я, — заключила Равна. Но она не собиралась никого к нему допускать.

Джефри кивнул:

— Да, в какой-то степени. Но во многих отношениях он вполне здоров. Он сохранил способность править фургоном. Остальные ранения несущественны.

Предмет их беседы не слишком прислушивался к разговору спутников. Он поднялся и перелез в средний фургончик. Когда стая уменьшилась до четверки, присутствие хромого стало оказывать заметное влияние на передвижения остальных трех. Двое распахнули дверь фургончика и порылись внутри, а когда спрыгнули на землю, Равна увидела у них в лапах и зубах кожаную сумку, мыло и чистую одежду. Стая, отгоняя комаров, повернулась и потащилась к реке.

Равна удивленно усмехнулась:

— Он собирается мыться. Не так уж он и разба-

лансирован!

Джефри встал:

— Да. Но никто из нас не должен мыться в одиночестве.

Он направился по следам четверки, но та оглянулась и зашипела.

Джефри отступил:

— Ладно. Никогда я не понимал Винтозуба, даже когда он был полной стаей. — И он обменялся взглядами с Амди.

— Да, — сказал Амди, — он *такой*. Ловкач, приколист, шкуродерник. — Он переглядывался с Джефри. Равне показалось, что двое опять завели свою шифрованную беседу. Между ними явно сложились куда более интересные отношения, чем ей было известно. Когда они были маленькие, это представлялось даже забавным…

Комар спикировал ей на шею, другой сел на руку. Она прихлопнула их, но на место погибших налетели целые рои. Предсказания прежнего Винтозуба оправдались по крайней мере в части кровососов. Эх, если бы он мог сейчас протянуть: *А ведь я тебя предупреждал.*

Она оглянулась на Джефри с Амди и увидела, что их внимание переместилось на спутницу. Собственно, Амди глядел на нее всеми элемен-

тами.

— Нам надо поговорить, — сказала она наконец.

Амди разлегся на игольчатом лесном ковре и поерзал, устраиваясь поудобнее. Некоторые его элементы теперь смотрели друг на друга, остальные — на Равну.

— Нам очень жаль, Равна, — ответил он.

Джефри помолчал и вдруг сердито стукнул ладонью по земле.

— Но я был уверен, что поступаю правильно! — крикнул он и впился взглядом в ее лицо. — Я поверить не мог, что Невил стоит за убийствами и похищениями, но потом Винтозуб предупредил нас, что тебя похищают. Мы решили, что стоит рискнуть и перехватить тебя первыми. А ты взяла и сбежала.

Равна кивнула:

— Да-да, заслышав Винтозуба, я так и дернула вниз по лестнице черного хода.

«И вероятно, быстрее, чем в случае его более куртуазного визита».

— И это п-почти сработало. Но тут подоспел Читиратифор. Стоило тебе выбежать на улицу, как он взял тебя на прицел.

Равна откинулась на колесо фургона. Чити-

ратифор бы только порадовался «несчастному случаю с летальным исходом». Значит, Джеф и Амди только помогли ей, схватив на дороге и прибившись потом к похитителям. Это показалось ей правдоподобным объяснением.

— Хорошо, а как насчет того, что было раньше? Э, Джефри? Почему на устроенном Невилом собрании…

«Почему ты меня предал?»

Будь Джефри еще подростком, он бы либо гневно отмахнулся, либо предпринял какую-то контратаку. Этот новый Джефри глядел на нее гневно, однако отвечал спокойно. Было ясно, что он честно пытается объяснить Равне свою позицию.

— Я думал… помогите мне любые Силы, я думаю так до сих пор!.. что вы с Йоханной переиначили самое важное. Что-то действительно произошло в Высокой Лаборатории. Что-то очень скверное, но я знаю, что лучше наших ученых на всем Страумлианском Просторе не было. Они просто *не могли* повести себя так глупо, как ты воображаешь.

— Я никогда не называла их глупцами.

— Да, в точности этого слова ты не использовала. Но, Равна, дети остро чувствуют такие нюансы. В первые годы ты была всем нам так же

близка, как Лучшие Друзья. Мы кое-что улавливали в твоих недомолвках. Ты никогда не говорила прямо, какого ты мнения о наших соплеменниках из Высокой Лаборатории… но мы знали, что ты о них думаешь.

Этого Равна не могла отрицать.

Джефри удовлетворенно кивнул и продолжал:

— Невил сложил два и два. Он убедил меня оболгать тебя, и это непростительно. Но, Равна! Я помню Высокую Лабораторию. Мы, страумлианцы, знали, что делаем. Мы все становились чем-то… удивительным. И Контрмера отняла у нас это. Она все отравила.

— Йоханна в это не верит.

— Я люблю Йоханну, но она мало что смыслит в технике. Она видела в Высокой Лаборатории меньше, чем многие Дети. А теперь она, в общем-то, ничем не лучше этих Ларсндотов. Она отвернулась от своего предназначения.

— Так. Значит, ты Отрицатель.

— Не зови меня так! Ты не можешь залезть в головы Детям и понять, о чем они на самом деле думают, когда ты с ними болтаешь о Высокой Лаборатории. Большинство из них со мной согласны. Они просто слишком тебя уважают, потому и сидят тихо.

— А хоть бы и так, Джефри. Ты отдаешь себе отчет в том, что Невил несет зло?

Джефри отвернулся, точно затрудняясь с ответом. Амди сказал:

— Ты знаешь это, Джефри. Он злой.

Наконец Джеф отозвался:

— Я очень сильно старался поверить в противоположное. Возможно, тем странным вещам, какие мы с Амди видели в погоне за тропическими, и найдется разумное объяснение. Невила мог ввести в заблуждение какой-нибудь прожженный негодяй вроде Проныры. Так я думал. Но когда Ганнон разбил тебе лицо о задок фургона… — Его взгляд переместился обратно к Равне. — Каждый новый день я внимательно слушал его бред. И знаешь, что я заключил из услышанного? Почти все, что натворил Ганнон, было сделано по прямому приказу Невила. Так что я вынужден согласиться. Невил несет зло.

Да, да, да, — закивал Амди.

Но Джефри еще не закончил:

— Теперь я намерен всячески содействовать тебе в безопасном возвращении обратно в Домен. Потом мы должны как-то *разобраться*… с… Невилом. А когда все счета будут оплачены… — вид у него был одновременно вызывающий и отчаян-

ный, — на первый план снова выступят Основные Угрозы. Боюсь, что в этом вопросе мы так и останемся непримиримыми противниками.

О Силы! Случалось Равне за последние десять лет воображать будущее долгим подъемом к открытому столкновению с Врагом. А это всего лишь пригорки, и даже они оказались смертельно опасны!

— Ну ладно, Джефри, давай решать проблемы по мере их возникновения. Не беспокойся, я оставляю за тобой право когда-нибудь стать моим врагом.

О, славненький Амди, он тут же просиял и вмешался:

— Да, и пускай будущее само о себе позаботится! — Он вскочил на все лапы и закрутился вокруг Джефри, пытаясь сесть так, чтобы оба человека были в его непосредственном окружении. Над восьмеркой роились тучи комаров. Никак этим кровопийцам Когти показались вкуснее людей. — Но здесь и сейчас у нас тоже серьезные проблемы.

Равна подалась вперед и пересчитала носы.

— А где остальные твои элементы, Амди?

— О, я отправил их в кусты, вон там, — он показал мордой направление, — чтобы проследить,

все ли в порядке с Винтозубом. Он не подпускает меня ближе, но я слышу, как он там плещется. Если ему станет плохо, мы успеем помочь. А пока давайте подумаем, как быть дальше. — Он поюлил вокруг Равны, провел лапой по ее руке. — Прежде всего устроим опись снаряжения.

Амди оказался прав. Раздумья о насущных проблемах следующего дня и ближайшей десятидневки принесли чуть ли не облегчение. Их могли схватить или даже убить, но, по крайней мере, груз подозрений во взаимном предательстве спал с плеч.

Дальше в первый день они так и не продвинулись. Равну это беспокоило: фрагменты погибших стай все еще могли их преследовать. Но керхоги устали, а день был ясный и теплый. Лес впереди не обещал надежного укрытия — по крайней мере, там, где проехали бы фургоны. Несколько дней назад она бы все отдала за пролет аэролета из Домена над головой, а теперь нестерпимо ужасалась при мысли, что воздушное пространство контролируется Невилом.

Когда Винтозуб вернулся и обсох, Амди спросил его, насколько безопасно разбивать здесь лагерь. У Равны сложилось впечатление, что фрагмент превосходно понял заданный вопрос. Вид у него

был почти такой же лукаво-многозначительный, как и до гибели пятого элемента, и он рассмеялся стайным ворчливым смехом — что ж, так тому и быть.

Амди попытался вытащить из него еще какие-то сведения, но добился лишь согласия постоять на страже, пока остальные спустятся к потоку. Стая удалилась. Оставалось надеяться, что она исполнит просьбу.

Купаться было еще слишком холодно, но Равна уже не могла больше ни о чем думать, кроме как смыть с себя кровь и пот битвы. Джефри настоял, что пойдет окунется первым, а Амди вызвался выставить кордон между речкой и фургонами.

— Ты просто постой вот с этого конца вместе с Амди, хорошо, Равна?

— Ладно, — пожала она плечами. Она знала эту парочку с тех пор, как они еще были совсем детьми. Стесняться было некого. Когда Джеф вернулся, все элементы Амди сопроводили ее к воде и встали начеку. Она встала на колени и отпила из стремительного потока, держась подальше от стоячих заводей и комарья. Потом долгое мгновение смотрела в воду на своего зеркального двойника. Впервые с тех пор, как Ганнон раскроил ей лицо, она видела свое отражение.

Выглядела Равна хуже, чем могла судить, ощупывая раны. Ну что ж, ничего странного — удар ведь чуть не прикончил ее. Не стоит удивляться, что видок у нее кошмарнее не придумаешь.

Она стянула жуткие вонючие лохмотья. Штаны и рубашка были перепачканы, перекроены и плохо сидели — такое впечатление, что их шили Когти, пытаясь грубо подогнать под человеческую фигуру. Некоторые похитители явно намеревались оставить ее в живых. Славные ребята. Она намочила одежку и постаралась ее отстирать — безуспешно, пришлось мочить снова. Отмыть собственную кожу было куда легче, хотя ощущения были такие, словно она скреблась острыми ледышками. Амди забрал рванье и использовал его для повязок и полотенец. Равне стало совсем хорошо. Удивительно, как резко может улучшить внешность столь простой уход.

Вернувшись в лагерь, она обнаружила, что Джефри, глядя в пространство, наматывает круги вокруг своего спальника. Амди некоторое время косил взглядами на них обоих и наконец сказал:

— Ну что, можем начать осмотр имущества?

— Разумеется, — резковато ответил Джеф. — Я просто стерегу.

Он отошел к фургончикам, а Равна и Амди по-

шли за ним. Вероятно, Джеф опасался, что она обвинит его в укрывательстве каких-то ценностей, поэтому и не начинал описи без нее. Равна внезапно поняла, как сильно до сих пор недооценивала Джефри Ольсндота.

Два грузовых фургончика были достаточно вместительны для перевозки еды и оборудования, а еще для того, чтобы в них прятаться. В таких-то местах и стоило искать карты, по которым ехали Читиратифор и Ремашритльфер. Джефри замки и тайники не остановили. Карт там не было, зато нашелся ящик чистых одеял и две смены одежды, которая с некоторым трудом сошла бы за людскую. Проще обстояло дело с основными припасами. Еда почти вся пропала, по крайней мере та, которой могли питаться люди. Хотя в экспедиции был как минимум один непредусмотренный участник-человек, стоило полагать, что Читиратифор рассчитывал сравнительно быстро покончить с путешествием. Ну, или с людьми.

Равна уже видела большую часть техники, но редко — при хорошем освещении. Кое-что явно происходило не с опытных заводов Щепетильника, но в устройствах не было ничего средневекового. Джефри наугад поднял пару походных ящиков. Вид у них был совершенно одинаковый,

присутствовали оттиснутые оловянным или свинцовым клеймом марки-логотипы.

— Ты заметила клеймо?

Оба ящика были помечены одним и тем же символом богоподобной стаи, окружившей мир.

— Знак Магната, — сказала Равна. Йоханна демонстрировала его на заседании Исполнительного Совета. На тот момент польза от шпионской вылазки в самое сердце империи Магната на Восточном побережье казалась более чем сомнительной.

— Двенадцатеричная стая, — сказал Амди. — А парень уверен в себе. — Бога обычно изображали дюжиной. Знаку совсем немного не хватало до гротескных изображений Хора. — Держу пари, что никто давно уже не видел Магната во плоти, потому что на самом деле он какая-нибудь захудалая четверка.

В среднем фургончике обнаружились дары Невила. Впрочем, он не слишком расщедрился: камера и лампы были взяты с «Внеполосного-II», а вот радиостанция оказалась местного производства, Щепетильникова, безмозглая, как булыжник, но в Домене и таких все равно не хватало.

— Радио, скорее всего, придется уничтожить, —

сказала она с сожалением. Такое устройство Невил мог отследить с орбиты. Если он достаточно сообразителен, сумеет накачать орбитальные трансмиттеры импульсом, достаточным для эхолокации радио даже в разряженном виде.

— Да, — согласился Джефри, нервно поглядывая на устройства. — Надо нам от всего этого избавляться.

Он родился на Вершине Запределья, и в его представлении хитроумие машин было поистине неисчерпаемо.

Равна взяла камеру и стала рыться под лампами.

— Камеру тоже придется выбросить. — Она не была уроженкой Вершины, но любой житель технической цивилизации относился к таким устройствам с естественным предубеждением. — Но лампами я пользовалась. У них есть безопасный режим локальной подсветки. Эту я смогу перенастроить. Если будем использовать их осторожно, ничего страшного не случится.

— Хорошо, — сказал Джефри, сидя с несколько отупевшим видом.

Амди все еще рылся в тайниках.

— Я бы очень хотел знать, где карты. Читиратифор и Ремашритльфер могли держать их

только здесь.

Час с небольшим прямого солнечного света окончился, и даже отблески от заснеженных пиков померкли.

— Черт подери, что нам делать? — с внезапно нахлынувшей усталостью спросил Джефри.

— Так или иначе — пробраться назад в Домен, — ответила Равна, — на своих ногах и лапах, чтоб нас ненароком не *спасли*. Если подберемся близко к «Внеполосному-II», я могла бы… — Она прикусила язык. Больно было сознавать, что она боится раскрыть им все тайны.

Джеф вроде бы не заметил ее оговорки:

— Ну что, я не хочу возвращаться тем же путем. И вперед идти тоже не хочу. Думаю, что нас там ждут реально плохие парни.

Амди издал сердитое ворчание.

— Ну так помоги мне найти карты!

— Лады.

Джефри подошел туда, где Амди по морды закопался в горы хлама, наполнявшего фургон.

— А может быть так, что Читиратифор держал их при себе?

— Да нет же! Не вчера, во всяком случае. Они здесь, в этом фургоне.

Джефри перегнулся через элементов стаи и

заглянул в недра потайного отсека.

— Тут и вправду больше ничего нет, Амди. Доверься моему человеческому зрению.

— Тогда они должны быть выше или ниже. Я следил за Читиратифором всякий раз, как он прятал карты.

— Еще в каком-то потайном отделении. — Джефри прошелся вдоль стены фургона, простукивая ее сверху и снизу. — В маленьком и хорошо экранированном. Можно было бы взломать его топором.

Несколько элементов Амди подбежали к нему.

— Наверное, в этом не будет необходимости. Я рано или поздно услышу его, ты только стучи, а я… — Он выстроился маленькой пирамидой элементов и достал почти до потолка фургончика. Остальные забрались на крышу и залегли в разных местах. — Я послушаю.

Теперь снег на высоких холмах лишь едва заметно отливал серым на темном небе. Равна услышала за спиной какой-то шум. Она оглянулась и увидела четверку теней, скользившую вдоль линии фургонов. Это оказался Винтозуб, вернувшийся с дежурства. Она махнула ему и задумалась, сколько еще продержится нежданное усердие фрагмента. Винтозуб улегся возле нее, на-

блюдая за Амди и людьми. Будь он полной стаей, Винтозуб наверняка бы по достоинству оценил их находки. Его старая личность не сводилась к одним только развязным репликам.

Она склонилась к нему и спросила:

— Ты бы справился лучше?

Винтозуб что-то пробормотал, а может быть, насмешливо фыркнул; потом поднялся и прошмыгнул мимо. Носы его скрылись под днищем фургона.

Она услышала металлическое клацанье, но исходило оно с крыши.

— Забавный камуфляжный звук! — воскликнул Амди.

— Он там что-то сделал, — сказала Равна, встала на колени и заглянула под фургон. Винтозуб высвободился и встал в самодовольно-чопорной позе, указывая одной мордой на длинную узкую деревянную платформу, выкатившуюся из-под днища фургона. Равна дотянулась до нее, ощупала узкий бортик, нашарила лист скользкой бумаги.

— Ага!

Она потянула сильнее и вытащила тяжелый плоский предмет на всеобщее обозрение.

— Э?

Да, это была промасленная бумага… но не карта, всего лишь бумажный сверток. Джефри помог его открыть. Внутри оказался самый пышный костюм Когтя, какой ей только доводилось видеть. Он был чистый и совсем новенький, похоже, что даже ни разу не одевавшийся.

Джефри задумчиво постучал по тонким деревянным вешалкам.

— Шесть костюмов, — сосчитал он. — Что замышлял этот полоумный засранец Читиратифор?

— Это для торжественного приема по возвращении к хозяину.

— Может быть, но… — Джефри полез дальше в сверток и извлек небольшой, богато изукрашенный диск. Даже в тусклом свете он засиял знаком Магната, выложенным драгоценными камнями. — Стаи пользуются таким медальоном, как мы — коммтокеном, для удостоверения личности и власти. Странно, что…

Амди покрутился вокруг них:

— Да ладно, пустое. Где же карты?

Он зарылся парой морд глубоко в новый тайник, вертя носами туда-сюда и ощупывая содержимое, как человек — пальцами рук.

— Нашел!

Равна и Джефри положили роскошные одеяния на крышу фургончика и помогли Амди вытащить находку на свет. Отступили, чтобы Амди мог развернуть скрученные карты. Равна мельком углядела подозрительно качественную графику. Явно сработано по данным Невила, но кто печатник?

— Ничего себе! — сказал Амди и спустя миг добавил: — Так темно, я толком не различаю деталей. Нам нужны лампы.

— Я бы не хотела их зажигать в такую ясную погоду, — ответила Равна, хотя едва ли это имело значение, если Невил уже отслеживает радиостанцию.

Джефри опять перегнулся через спины Амди и забрал у него карты, поднял к свету и разгладил на плоском задке фургона. Там последний свет дня был ярче всего. Амди прыгал и бегал, стараясь расположиться так, чтобы обзор получался наилучший.

— Ха! — сказал он. — Вот это детализация!

— От них будет прок, только если знать, куда мы попали, — отозвался Джефри.

Амди поднял на него морды в сумеречном свете:

— С такими хорошими картами будет несложно

отождествить приметные локации. Погодитека… — Тройка Амди подтянула носы к самой карте. — Я думаю, что мы вот здесь. — Он ткнул носом в лист бумаги.

Джефри стоял за фургоном, наблюдая за возней товарища, поскольку роста ему вполне хватало, чтоб разглядывать карту. Он посмотрел в указанное Амди место и протянул:

— Ох-хо.

— Что? — спросила Равна, подходя к Амди. Когда она забралась на ступени, Джефри посветил ей.

— Тут нарисованная мордами руна «Х», всего в нескольких километрах. Мне кажется, что собранный с расчетом на прибытие Читиратифора комитет заседает совсем близко.

— Да, блин, — подтвердил Амди.

Она села в середке стаи и пригляделась к указанной Джефом точке. Руна «Х» стояла в месте, где долина расширялась: примерно в трех днях пути, в зависимости от точности определения нынешней позиции.

— У них форт в такой близости от границ Домена?

— Я не думаю, что там настоящий форт, — сказал Джефри. — Это ведь место, где долина

расширяется, а не бутылочное горлышко-душегубка. Знак «Х» в самой середине открытого пространства. Я считаю, что Читиратифор или Ремашритльфер намеревались встретить там довольно большую компанию.

— Хех, да, — сказал Амди. — Они могут даже пребывать в полной уверенности, что Читиратифор успешно движется по ущелью и прибудет по расписанию. Вот только на связь этим вечером он не выйдет.

Равна пожала плечами:

— Вперед идти нельзя, оставаться здесь тоже. Мы пока не заметили никаких признаков погони Читиратифора. Наверное, вернуться будет не так опасно?

— Ну, Равна, — сказал Джефри, с сомнением качая головой. — Ты пойми, что, как только плохие парни поймут, что мы сбежали, эта тропа будет первой, где они будут нас искать.

Амди продолжал разглядывать и обнюхивать карту, уже позабыв про их дилемму.

— Эта долина не на всем протяжении такая скалистая и обрывистая, — заметил он. — Видите? Вон там, как раз перед «Х», много обходных путей вверх по восточному склону. Можем свернуть туда и запутать следы. Разве кто догадается?

Глава 23

Йоханна Ольсндот бродила по странному плоту и разглядывала невольных попутчиков. Она сама не увлекалась мореплаванием, но на борту морских судов Домена бывала. Обычно они выглядели как слепленные из множества меньших, каждая размером со стаю, лодчонок кораблики, размеры и акустика которых подбирались так, чтобы каждый пассажир мог блюсти свою личность. Корабли снабжались центральной палубой для груза и прохода команды, где места должно было оставаться достаточно, чтоб несколько стай свободно разминулись. Но даже крупнейшие суда северной постройки уступали размерами каждому из десяти (заново сосчитала она) плотов импровизированной флотилии. Йоханна понятия не имела, как эти дрыны вообще плывут. Да, у них были мачты и паруса, но стаи совсем ими не занимались. На ее плоту, скажем, свора просто слонялась туда-сюда, временами сбиваясь в более плотные стайки, которые тянули за румпель, пока другие взбирались на такелаж. Незадачливые элементы при этом нет-нет да и

падали в море! Визги и звуки, походившие скорей на птичий щебет, чем на ворчание Когтей, раздавались со всех сторон, но лишь немногие Когти на палубе обращали внимание на «приказы» элементов, оседлавших мачты.

При столь квалифицированном обслуживании плоты эти обречены были бы затонуть один за другим. Наверняка последний из них дотянет до какого-то дальнего берега и разобьется в местности, не слишком отличной от скальной гавани под Холмом Звездолета.

На следующий день она поймала одну из временных стаек, собравшихся под бонами и с усилием тянувших туда-сюда снасти. Не все элементы стайки были лысыми истощенными выходцами из тропиков. Кое у кого шерсть росла густо, сбивалась в колтуны, доставляя в жарком климате преизрядные неудобства. Эти выглядели совсем по-северному.

— Привет, Йоханна, привет-привет.

Пятерная стайка отиралась вокруг девушки, глядя на нее всеми элементами. На самношке она говорила очень чисто. Йоханна опустилась на колени, и стайка окружила ее, покачивая головами в знак дружеского уважения.

— Я думаю, что мы плывем на север, — сказала

пятерка.

Это утверждение могло показаться чушью, потому что в действительности флотилия двигалась на запад, а берег материка находился едва в нескольких тысячах метров к северу. Но если заплыть на запад достаточно далеко и обогнуть Юго-Западный Рог, откроется путь… на север, в Домен. Йо пригляделась к мордам пятерки. У ближнего элемента на затылке имелось белое звездчатое пятно. Трудно было запомнить всех, кому она уделяла внимание за эти годы, но этот показался… она протянула руку и погладила его за ушами:

— Чиперс?

— Привет. Немного такого может быть, — ответило существо.

Вот это да! Чиперс по стандартам заводчиков мог считаться бросовым материалом, но он, получается, выжил после побега из Гармоникова Фрагментария и ухитрился прибиться к Хору. За много лет у него появилась компания, но все равно это были жалкие сотни, рассеянные средь миллионов Хора. Когда Проныра загнал туда Йоханну, когда смертоносный когтерой прижал ее к земле, информация о незнакомке, о ее странном поведении распространилась по всему

Хорогороду почти на скорости ультразвука. В некоторых местах она могла достичь мозга фрагментов, которые помнили девушку, и пробудить воспоминания о том, как она с ними обращалась. Милосердие стало ей наградой. *Чертовски вовремя.*

Почти слитная стая покрутилась вокруг нее еще пару мгновений, затем отбежала в гущу своры и распалась. Некоторые элементы побрели прочь, к толпе, приманивавшей морских птиц себе на обед, пока остальные покоряли соседнюю мачту.

Постепенно почти все Когти на плоту научились ее узнавать, и неприязненных встреч больше не происходило. Все же настроение своры менялось непредсказуемо; скажем, на пятую ночь пребывания в море разразилась драка не на жизнь, а на смерть. Вслушиваясь в горловые визги смертельной боли, Йоханна приникла к палубе и пролежала так до рассвета. Днем она увидела по всему плоту темные смазанные пятна, особенно густые на краевых бревнах. «Надеюсь, что это не из-за меня они сражались». Но, наверное, нет: даже умеренные стычки случались редко, хотя она стала свидетельницей пары-тройки их при дневном свете — друг на друга шли спонтанно сформировавшиеся меньшие своры

Когтей. Никаких мотивов вроде борьбы за пищу или секса она не усмотрела, и Когти вроде бы не сливались в противостоящие клики. Синглеты умом едва превосходили собак, но что-то вроде мемов явно циркулировало по Хору и провоцировало стычки. Со временем Йоханна научилась распознавать моменты, когда толпу охватывало особо опасное настроение, а все правила летели к чертям собачьим. Например, пытаясь открыть какой-то из грузовых ящиков, стоявших там и сям, а гуще всего в середине палубы, она неизменно сталкивалась с ожесточенным сопротивлением. Возможно, эта реакция указывала на бродячий мем, который команда подцепила от прежних обитателей плота, а может быть, все куда интереснее: на деревянных стенках ящиков имелись грубо выжженные круговые клейма, немного напоминавшие шестиугольные значки северных стай. По какой-то причине в груз никто не лез.

Ежедневно и часами напролет Йоханна изучала свою свору, поскольку больше заняться все равно было нечем. Поведение толпы не слишком походило на присущее фрагментам; секс без разбора и постоянное гудение мыслей расценивались слитными стаями как извращения, и заводчики делали все, чтобы подавить такие

рецидивы в своем Фрагментарии. Здесь извращение было нормой, но, справедливости ради, синглеты редко скатывались до откровенных чудачеств вроде попыток нассать в цистерну с дождевой водой для питья. Навыки мореплавания у них оказались развиты лучше, чем Йоханна могла и подумать, и рыбу они ловили очень проворно. Йо этому радовалась, хотя одной сырой рыбой человеку было толком не прокормиться.

Настоящие стаи не любили плавать, поскольку вода поглощала мыслезвуки; для элементов это не было так характерно. В воде они плавали буквально как рыбы. Некоторые проводили там почти все время, иногда выныривая, когда рядом с плотами проплывали какие-то морские твари: черные с белым, размерами намного крупнее любого Когтя. Дети называли их китами, и тропические боялись этих существ так же, как и северные стаи.

Впрочем, киты сильно шумели и не отличались особым интеллектом, поскольку плавающие Когти, казалось, понимали, когда безопасно возвращаться в море. На четвертый день Йоханна впервые отважилась окунуться в воду сама. За следующую десятидневку она посетила все плоты флотилии. Своры на каждом напоминали ее

собственную. Постепенно девушка подружилась почти со всеми «экипажами».

Беседу на каждом плоту она обычно начинала с одного и того же вопроса:

— Куда мы плывем?

Ответы варьировались от «на север» и «плывем вместе с тобой» до «ой, эта большая река такая прикольная!».

Она решила оставаться на первом плоту отчасти потому, что там обретался Чиперс, но главным образом оттого, что этот плот вроде бы считался флагманским в тропической флотилии. Собственно, он же был и самым крупным, а между мачтами оставалось здоровенное открытое пространство, частично уставленное какими-то шкафчиками и ящичками. На них грузовое табу не распространялось; правда, шкафчики в основном пустовали. Если бы Йоханна не угнала флот, туда, скорее всего, поместили бы оборудование для настоящей команды.

Первые несколько десятидневок выдались облачными и дождливыми. По одну сторону плота все время тянулись прибрежные джунгли, по другую — простиралось открытое море. Плыли они в основном на запад, на приличной средней скорости. Йоханна кое-что просчитала в уме,

впервые мысленно поблагодарив Равну, которая вбивала им в головы эти первобытные навыки, и пришла к выводу, что флотилия скоро минует Юго-Западный Рог. И впрямь флот явно направлялся в Домен. «Неужели это я их туда послала? Или флотилия так и должна была плыть на север, а я просто ускорила неминуемое отбытие?»

У Йоханны было вдоволь времени на размышления, наверняка больше, чем за всю жизнь. Преимущественно в голову лезла всякая чушь, но кое-какие мысли могли спасти ее.

Невил оказался куда большим подонком, чем можно было себе представить; Йоханна слишком многое видела в кривом зеркале, прежде чем поняла эту простую истину. Он сеял ложь и раздор задолго до того, как открыто предал Равну. Она вспоминала, как настойчиво он уговаривал их со Странником держаться подальше от тропиков. Много лет они искали Магната там, где его и в помине не было. Но на этот раз Невил разинул пасть на слишком жирный кусок. Древорезчица и, разумеется, Равна знают об этом полете в тропики. Даже потрясающая настойчивость Невила в изобретательных кознях теперь ему не поможет.

Впервые придя к такой мысли, Йоханна вос-

пряла было духом, но продержалась в таком состоянии не дольше трех секунд, после чего сообразила одну простейшую вещь. Кого еще Невил уничтожил в ту ночь, когда разбились Странник и Йоханна? Если ей повезет вернуться домой, скольких союзников она застанет в живых?

Но союзники непременно найдутся. «Я обязана перехитрить врагов. Добраться домой и найти друзей». Она долго размышляла, взвешивая и переоценивая все слова Невила. Каждое из них могло оказаться лживым, и эта позиция влекла за собой множество следствий. Невил утверждал, что разрешающая способность камер спутника едва достаточна для зондирования горизонта и не превышает тысячи метров. А что, если на самом деле она лучше? Йоханна помнила контейнеровоз; из Детей только они с Джефом бывали на нем. Еще она помнила слова мамы: «На борту не осталось ничего полезного». Итак, утверждения Невила были правдоподобны. Но чем хуже будет предположение о сантиметровой разрешающей способности? К сожалению, приняв все высказывания Невила за ложь, она не получала никакой точной численной оценки.

Впервые она прокрутила в голове эту цепочку рассуждений всего за день пути по морю от

берега. До этого момента небо постоянно было затянуто облаками, а если покров и разрывался, то обычно глухой ночью. Она подняла голову, посмотрела на дождь и решила, что едва ли Невилов «пригоризонтный сенсор» проникает сквозь тучи, хотя и в дальнейшем отделаться от этой мысли не могла. Впрочем, даже в ясную погоду слежка с орбиты не могла похвастаться точностью до метра, а/или ночью от нее и вовсе не было проку.

После двух десятидневок в пути она заметила улучшение погоды. Небо стало расчищаться, ночью выглядывали звезды. По ним Йоханна определила, что флотилия движется строго на север, и уверилась, что они обогнули Рог. Днем она укрывалась под парусами или устроившись на маленьком расчищенном для себя пятачке почти в центре плота, откуда с трудом отгребла тяжелый хлам. По ночам она осторожно выбиралась оттуда и смотрела на спутник — яркую звезду в юго-восточном небе. Та отошла на восток на большее расстояние, чем когда бы то ни было. Как Невил объясняет это Древорезчице? Нужно ли ему вообще кому-то в чем-то отчитываться? Какая польза от спутника Проныре и Магнату? Столько вопросов — и почти никаких ответов.

К счастью, если Невил ее вообще ищет, то явно не в том месте! Понемногу ее паранойя насчет пребывания под открытым небом спала.

Еще тридцать дней пути до старой столицы Древорезчицы. После этого жизнь и смерть Йоханны с друзьями будет всецело определена тем, как быстро она оценит положение дел в Домене. Возможных сценариев было так много, что на некоторое время Йо впала в полное замешательство. Так прошло несколько дней. Потом она поняла, что разобраться в них не сможет, не получив хотя бы отрывочных указаний на исходный пункт назначения флота. Надо было взломать грузовые ящики. Но как преодолеть сопротивление толпы?

К тому моменту Йоханна уже побывала на всех плотах, исходила каждый закуток. На каждом творился своеобычный тропический бардак, но ничего подобного хламу, какой фрагменты любили собирать у себя в Домене, она не заметила. Кто-то основательно потрудился над дизайном плотов. Так, мачты, снасти и рангоут выглядели почти как на судах Древорезчицы. Упаковочные ящики были одинаковы и ровно расставлены, что для Хора было совсем уж нетипично. Улучив момент обследовать их тщательнее, девушка

увидела, что клеймо, проставленное на каждом ящике, представляет собой разновидность логотипа Магната — Стаи Стай.

Если не считать инцидента с грузом, толпа Йо вполне привечала. Она часто оказывала тропическим реальную помощь, пользуясь ловкими пальцами и острым ножом. В каком-то смысле с толпой ей было легче, нежели со слитными стаями. Существа были всецело заняты собой, играли и дрались, как дети малые… ну, оставляя в стороне периодические приступы коллективного помешательства и табу на груз.

Иногда они бросали сколь угодно серьезную работу, рассыпались на мелкие стайки и начинали игру с упругими мячиками, за которыми явно не водилось никакой полезной функции, кроме как служить развлечением. Мячи то и дело вылетали за борт, и, хотя они плавали на воде, каждый день несколько штук терялось. Источник веселья был явно ограничен.

В другое время, особенно часто по ночам, Когти собирались плотной сворой на самой высокой надстройке плота. Насколько хватало глаз, на других плотах творилось то же самое. Они рычали и шипели все вместе, иногда сбиваясь на страумлианскую музыку, которой наслушались

за годы, проведенные в Домене. С рассветом концерт обычно прерывался и Когти приступали к обычным, не таким шумным делам. Некоторые свешивали морды и лапы с краев плота и так ловили рыбу. Йоханна без устали экспериментировала, изучая их поведение. Она почти десять лет имела дело со стаями, синглетами, фрагментами всех сортов и размеров, но было это под присмотром заводчиков, на севере, где бытовали свои правила хорошего тона. Здесь же она откровенно терялась. Хор отличался от нормальных стай, как те — от людей.

На плоту было укромное, но вместе с тем высокое и затененное местечко. Она могла взобраться туда и оказаться в поле зрения почти всей команды своего плота. Когда она для пробы кричала им, некоторые морды поворачивались в ее сторону. Тех, кто понимал самношк, было мало, но достаточно, чтобы свора восприняла суть ее слов. Конечно, до сверхинтеллекта им было очень далеко, но своеобразным интеллектом толпа, несомненно, обладала. Хотя и тупее собаки во многих вопросах, с задачами поиска и оптимизации Хор справлялся лучше всякой стаи или немодифицированного человека. Она задавала им вопрос:

— Где игровые мячики?

И уже через пару секунд, казалось, все имевшиеся на борту мячи взлетали в воздух, даже те, что она заблаговременно припрятала. Она глядела через сотни метров морской глади на два плывущих поблизости плота. И там в воздухе мельтешили желтые мячики! *Хм.* В локальной оптимизации Хор вытворял чудеса, но свора не могла воспринимать картину в целом, обозревать все поисковое пространство и координировать результаты. Все равно что армада поисковых роботов без агрегатора. Это ограничение присутствовало везде: от восприятия пространства до… ловли рыбы. Когда Йоханне явилась идея заставить весь Хор слушаться себя, она потратила в среднем почти десятидневку, чтобы по ее знаку все своры на всех плотах обращались в слух. Часто они вообще не хотели с ней играть и слушать ее проповеди. Флотилия продвигалась на север, воздух и море постепенно остывали, бури становились мощнее и опаснее. Вода уже так охладилась, что даже Когтям было неудобно ловить рыбу. Толпа захандрила, но день за днем Йоханна добивалась новых результатов. Наконец на каждом плоту возникли местные эквиваленты Дара Божьего, которые умели карабкаться вверх по мачтам и

воплями на межстайном или самношке уведомлять свору о проходящих мимо косяках рыбы. Действуя аналогично, она образовала что-то вроде настоящих, хоть и спорадических, парусных команд, и теперь фрагментам удавалось наловить достаточно рыбы, окунаясь в воду лишь на непродолжительное время.

Для Хора такое понятие, как *кредит доверия*, было почти непостижимо, но Йоханне нравилось думать, что Когти после этого успеха стали доверять ей больше. Они явно прилагали недюжинные усилия, пытаясь понять ее слова и вопросы, но зачастую угадывали то, что она только собиралась сказать. Наверно, настало время взломать груз Магната.

Из предыдущих хитро спланированных экспериментов она знала, что ящики довольно прочные, не предназначенные для частого открывания и закрывания. Ее ножа тут могло оказаться недостаточно. Ладно. Ей повезло найти в одном из шкафчиков под мачтами невесть каким чудом завалявшийся там стальной рычаг. Он очень напоминал устройства, применяемые для поднятия и вращения тяжестей северными стаями. Пользуясь рычагом и имея вдоволь времени, она могла поддеть и свернуть крышку ящика.

После утренней бури, настоящей мясорубки, унесшей жизни нескольких Когтей, прежде чем натасканные Йоханной матросы сноровисто развернули плоты и приняли меры безопасности, она заметила, что один из ящиков ветром выбило из ряда грузов, и тот соскользнул по палубе от центральной пирамидки. Как обычно, свора попыталась воспрепятствовать дальнейшим перемещениям груза. Как обычно, для этого они применяли наспех сплетенные сети, в которых веревки соединялись узлами разной степени сложности. Она увидела, что из пролома в деревянной стенке ящика сочится вязкая черная жидкость. Влагоизолирующая?

Толпа суетилась вокруг ящика, Когти трясли головами и с трудом сохраняли равновесие. Вид у них был растерянный. В другое время они, может, и не заметили бы, что ящик поврежден, но не сегодня. Йоханна дождалась, пока основная толпа схлынет и сгрудится вокруг частично открепившегося паруса на подветренной стороне плота. От холода тропические страдали больше всех, но и бывшим пациентам Фрагментария приходилось нелегко. «Простите, ребятки. Если б я не заставила вас угнать этот флот…»

На этой стороне плота почти не осталось

Когтей. Йоханна подняла свою железяку и прокралась к поврежденному грузу.

— Я просто попробую его починить, — сказала она. Ее слова были слышны всем на плоту и обеспечивали хоть какую-то защиту, по крайней мере от стай, которые понимали самношк. Она пристроила рычаг к разломанной стенке и помедлила. Звук ломающегося дерева мог спровоцировать свору.

Но возможности проверить свои предположения у нее так и не появилось: откуда-то сзади раздалось сердитое ворчание. Она обернулась через плечо — *о Силы!* Это были Когти с другого плота. Забравшись на рангоут, они рычали и шипели так громко, что она их ясно слышала. Может, это и чрезмерно рьяный рыбосмотрщик, но сейчас стайка смотрела прямо на девушку и подавала сигнал тревоги!

Не прошло и секунды, как ее собственная свора сгрудилась у ящика и стала на нее шипеть. Йоханна опустилась на колени, склонила голову на плечо и расставила руки. Такая поза человека, с точки зрения Когтей, выражала наименьшую угрозу.

Челюсти щелкали, клацали, смыкались и размыкались, казалось, что вот-вот смертоносный

поток захлестнет ее. Но толпа откатилась, не успев даже пойти в атаку. То тут, то там начали возникать мыслящие кластеры. Конечно, толпа была слишком разгневана и переполошена, чтобы они обрели устойчивость: квазистаи зарождались и буквально через пару секунд распадались, не успев перекричать других или, напротив, заглушая их вопли своими.

Йоханна откинулась на поврежденный ящик в надежде, что жест покажется своре проявлением заботы о грузе. Действительно, некоторые угрожавшие ей морды отодвинулись, а гомон толпы стих почти до приемлемого уровня. Она оглянулась, выискивая кого-то, с кем могла бы объясниться. Нет, свора роилась плотной кучей.

Ладно, ей уже приходилось беседовать с целой толпой.

— Пожалуйста, послушайте меня, — начала Йоханна. — Мы идем на север. Правда?

Толпа так напрягалась, пытаясь уразуметь смысл услышанного, что Йоханна кожей чувствовала жужжание мыслей. Наконец вырвалось слово самношка:

— ДА.

И потом россыпь других, как эхо:

— В Домен.

— Домой.

— В старый дом.

Йоханна покачала головой, что у синглетов соответствовало кивку.

— Я могу помочь. Но мне надо знать больше.

Толпа продолжала дребезжать на грани ультразвука. Гомон мыслезвуков все нарастал. Как бы сейчас пригодился Дар Божий, но толпа не расчистилась, чтобы дать дорогу своему глашатаю. Вместо этого запрудившая плот от борта до борта свора закачалась из стороны в сторону, Когти перемещались, точно карты в тасуемой колоде. Еще через несколько секунд над толпой повис артикулированный хором обрывок фразы на самношке:

— …тебе доверяем.

Йоханне дали взломать поврежденный грузовой ящик, в котором она надеялась отыскать ключи к зловещим планам Проныры. Толпа притихла, нервно наблюдая за происходящим. Девушка расширила пролом, слила из ящика вязкую влагозащитную жидкость… и на палубу посыпались желтые игровые мячики. Толпа на миг забылась, сгребла и подхватила мячи, принялась ими перебрасываться. Но большая часть мячиков полетела обратно к Йо. «Отлично;

по крайней мере, в мячах у нас недостатка не будет». За слоем желтых мячиков были сложены какие-то предметы, напоминавшие кирпичи, но мягкие на ощупь. Она опять воспользовалась рычагом, чтобы развалить плотно выложенные линейчатым клином предметы, отгребла их и вытолкнула наружу. Просунула руку дальше в ящик, а опознав груз, быстро поднялась, отступила с пути Когтей и что было силы засвистела. Свора несколько мгновений продолжала забавляться с мячиками, но по ней уже прокатилась рябь понимания.

В грузовом ящике было полным-полно тяжелых плащей и курток. Уже через секунду про желтые мячики никто и не вспоминал; свора накинулась на ящик и принялась его потрошить, ободренная ожиданием теплой одежды.

На всех плащей и курток в ящике не хватило. На палубе потеснились и потолкались, но никого не убили. Очень скоро табу на груз Магната потеряло былую силу, когда свора осознала несомненную пользу от такого грабежа. Йоханна сноровисто орудовала своим стальным врубом. В следующем ящике опять оказалась одежда, в другом — преимущественно мячики, но еще и очень хорошо законопаченный набор пайков из

копченого мяса. К тому моменту свору уже обуял воровской азарт, но Йоханна не рискнула исследовать ящики дальше, опасаясь все испортить. Она закуталась в пару курток и притихла у себя в закутке, размышляя о новых находках. Итак, верхние ящики наполнены в основном припасами, размещенными там в расчете на долгий путь. А что дальше? Более ценный груз Магната? А если она угнала флотилию, прежде чем настоящая команда успела погрузить его на плоты?

По всему плоту Когти забавлялись с новыми одежками, примеряли их и переделывали под накидки и палатки. С неменьшим интересом они крутились вокруг копченостей. Она еще не видела, чтобы Когтей так привлекало мертвое, холодное мясо; что ж, по крайней мере, это не опостылевшая рыба. Стайки Когтей взобрались на мачты и рассыпались по краям плота, хвастаясь перед остальными своим приобретением. Они булькали и лаяли на межстайном, но девушка различала аккорды, означавшие ее имя.

Йоханна наблюдала за Когтями на остальных плотах. Сперва те имитировали движения свор хвастунов на борту ее собственного плота, но потом завертели и закачали головами. Наконец толпа на ближайшем плоту при посредстве того

самого Когтя, который первым заворчал на Йоханну, просекла идею. Свора сгрудилась вокруг ящиков на своем плоту, пытаясь взломать их когтями и зубами, даже ударяя в стенки туго скрученными веревками. Пять или десять минут они колотились о ящики без видимого результата. Упаковщики Магната славно защитили груз от не вооруженных инструментами тропических. Своре требовалась помощь Йоханны с ее врубом, ну, или хотя бы кого-то с интеллектом на уровне человека или полной стаи.

Наконец, словно осознав тщетность усилий, толпа откатилась от пирамиды ящиков и приникла к палубе. Еще миг — и зыбкое единство распадется… но нет, свора рассредоточилась по плоту, образовав подобие решетки, сформированной лапами и брюхами фрагментов. Они затянули протяжную, ритмичную воющую песню, разорвав накрывшую было плот Йоханны тишину. Через несколько минут вой прекратился. Когти валялись на палубе и задумчиво созерцали груз. Внезапно свора подхватилась на лапы и принялась… танцевать? Скорее крутиться из стороны в сторону, временами подпрыгивая и притопывая. Танец понемногу попал в резонанс с качкой моря и собственными колебаниями

пирамиды ящиков. Почти незаметно на первый взгляд вся платформа завихляла, и частота покачиваний стала нарастать. Толпа уже ослабила крепления ящиков на верхушке пирамиды, и теперь они попадали на палубу один за другим. От некоторых отлетели крышки. Ущерб не уступал урону от самой суровой бури, а то и превосходил его. Лавина ящиков и коробок обрушилась на плот и смела половину мачт в море. Ничего себе возмездие за нарушенное табу!

Море вокруг флотилии было запружено ящиками, крышками и обломками. Девушка видела в воде морды — Когти цеплялись за остатки груза, пытаясь вскарабкаться обратно на плот. Чем-то происшествие напоминало кораблекрушения у берегов Домена, с той разницей, что никому сейчас не угрожала опасность разбиться о скалы и рифы. Когти, оставшиеся на плоту, пытались помочь утопающим и вытянуть их на палубу. К тому моменту, когда солнечный диск опустился в волны, почти всех удалось поднять на оставшиеся невредимыми плоты.

Тем вечером шум свор на плотах выражал удовлетворение. Каждому что-то досталось в череде «лапотворных» крушений ящиков, хотя свора с пострадавшего больше остальных плота заглу-

шала остальных воплями триумфа. Поднялся ветер, и ворчливый лай стал слышен еще яснее. Йоханна сидела на своем привычном месте, досыта наевшись и укутавшись теплыми одежками. Какие классные штуки — эти морские куртки Когтей, пускай даже короткие и узкие, да и в отверстия для средних ушей неприятно задувает.

Луна поднялась выше, и торжество Когтей переросло в настоящий праздник. Звуки пения смешивались с шумом оргий и безумных драк. Все же нынче ночью ощущалась разница. Каждые несколько минут к ней подбирались синглет, двойка или трио — поздороваться, поблагодарить, одарить еще одной курткой, куском мяса или мячиком. Это напомнило Йоханне деньки во Фрагментарии. Там ей тоже были рады, девушка наладила тесные отношения с созданиями, которые толком не понимали, что вокруг творится, но с благодарностью принимали всякую помощь. Как бы солоно ей ни пришлось в этом странствии, на плотах было уютней и счастливей, чем во Фрагментарии. Здесь друзей не одолевал страх, что они больше не вернутся в нормальное общество. Хор не придавал их недостаткам такого значения, как погонщики!

Празднество затянулось за полночь. Своры со

всех плотов честно пытались выть в унисон. Ритм издаваемых Когтями Йоханны звуков, однако, часто нарушался недовольным лаем и ворчанием с моря; все же на краткие мгновения единство достигалось, и вся флотилия выла и лаяла как одна громадная стая.

Йоханна пригрелась и задремала. Когда проснулась, оказалось, что праздник понемногу утих, хотя редкие Когти все еще сновали вокруг. Интереса к остальным ящикам они не проявляли, очевидно понимая, что без рычага надеяться не на что, если только не растрясти весь плот. На такой случай надо придумать способ унять их, но этим она займется… завтра. Она закуталась поглубже в теплые плащи и попыталась заснуть снова.

Позже — она не могла бы сказать точнее когда:

— Что это? Что это? Что это?

Морда тычется ей в плечо.

— Что?

Йоханна проснулась и увидела, что еще не рассвело. Луна преодолела полпути по небосводу, но в ее свете она четко видела окружившую ее толпу. Тройка, включавшая Чиперса, выступила вперед.

— Что это? — повторил Чиперс. Еще один эле-

мент тройки подступил к девушке и передал ей ящичек, отливавший в лунном свете, как черное стекло.

— О Силы! — вырвалось у нее.

Поблескивала усаженная фотоэлементами сторона антенны. Это была аналоговая радиостанция вроде тех, какие производились у Щепетильника. Изготовление каждой требовало значительных усилий; справедливости ради, Щепетильник неизменно находил им достойное применение. Йоханна припомнила, как он ныл каждый раз, когда какое-нибудь радио терялось.

— Что это такое? — донимал ее Чиперс. Хотя нет, теперь спрашивала вся свора.

Йоханна подняла глаза к небесам:

— Это радиостанция.

Дальность действия радио была невелика, несколько километров в лучшем случае, но при помощи орбитального маршрутизатора передача могла обогнуть мир и попасть в лапы Невила с Пронырой.

— Где вы ее нашли? — спросила она.

Тройка Чиперса махнула лапами в сторону груды хлама под одной мачтой. Ага, там она и нашла свой вруб. Радио предназначалось для настоящей команды.

— Услышали его, — раздалось из толпы.

Услышали его? Она поднесла коробочку радиостанции к ушам. Если она не лежала на солнце, батарейки наверняка сели — но Йоханна слышала слабые звуки! Сигнал с орбиты явно *очень* сильный. Сообщение было на языке Когтей, простой аккорд, повторявшийся снова и снова: «Отвечайте, если слышите».

— Оно не мертвое, — услужливо подсказал Чиперс.

— Да-да, — протянула Йоханна. В ее голове метались перепутанные мысли. На боку радиоящичка имелся тумблер «Отправка». Он был в положении ВЫКЛЮЧЕНО.

— Но оно умирает. Да?

Головы понурились, по своре прошла волна грусти.

— Наверно. Мы кричим очень громко, а оно не слышит.

Тройка размышляла секундой дольше, возможно советуясь с остальными, и затем прибавила:

— Голос как у мертвого.

Ну да, еще бы передача не показалась им странной. Это закольцованная дорожка, а Когти хотя и умеют воспроизводить звуки очень точно, но от их повторения быстро устают.

— Мы приносим тебе, да? Ты чинишь?

Конечно. Починка радиостанции сводилась к тому, чтобы дождаться рассвета и переключить тумблер. После этого ее маленькие друзья вольны будут, ничего не подозревая, разболтать Проныре, что Йоханна жива и скоро, через десятидневку с лишним, заявится в Домен.

Она обвела взглядом Чиперса и его свору. Придется им солгать. Когда они подплывут ближе к Домену, от устройства может быть несомненная польза, но пока что она должна как-то заблокировать удобный для морд тумблер отправки. Не так-то это просто. Она видела, как свора играет с интересными для себя предметами. Они повертят радио так и сяк. Скорее всего, сломают, а может, ухитрятся переключить тумблер. Они часто вытворяли с вещами такое, что она только диву давалась. Глядя на забавлявшуюся или решавшую технические загадки толпу, Йоханна вспоминала маленькую Венду Ларсндот. Девчонка не уставала ее удивлять своей неуклюжестью, но… как-то раз она даже умудрилась вскрыть замок на дверях помещения с ткацкими станами и залезла в один из них — поиграть. Венде Младшенькой очень повезло, что она не убилась. Так и Когти. Либо сломают радио, либо переведут его

в режим передачи.

Йоханна повертела ящичек, притворяясь, что исследует его, и наконец сказала:

— Оно почти мертво, но я смогу ему помочь. — Толпа Когтей обрадованно качнулась. — Но это может занять несколько дней.

Тройка Чиперса приуныла, да и по всей своре, когда до нее дошел смысл слов Йо, прокатилось разочарование. Но Хор доверял ей даже больше прежнего, и уже через несколько минут толпа рассосалась. Йоханна тщательно разгребла подаренные ей плащи и спрятала в импровизированном тайнике сакральную радиостанцию. Потом заслонила его собой, накинула сверху еще несколько плащей и стала наблюдать. Чиперс и его тройка оставались поблизости и нерешительно поглядывали на девушку.

— Я не оставлю его даже на минуту, — торжественно пообещала Йоханна. — Я присмотрю за радио.

Стайка что-то поворчала друг другу, наверное размышляя, распадаться или провести с девушкой остаток ночи. Потом Когти вздернули морды и повернулись, чтобы уйти.

Вот так так.

— Мы идем, — сообщили Чиперс и его друзья. —

Слушать другое радио.

— Что?

— В ящиках. Четыре по четыре, по четыре да еще по четыре… Много радио.

Глава 24

Били Ингва был вторым по силе игроком в команде Невила Сторхерта — в Группе Изучения Катастрофы. Про себя же Били был уверен, что, пусть у Невила и подвешен как надо язык, без башковитого Били он бы завалил всю операцию. Оставалось только удивляться, как много грязной работы на него теперь переложили. Например, кто-то должен был обслуживать корабельные системы: звездолет оставался средоточием и необходимым условием власти над этим миром. На световые годы вокруг не было технического устройства уровнем выше. Потеря контроля над «Внеполосным-II» повергла бы ГИКов в забвение за пару дней. Предатели, неучи и собачники снова возьмут верх. Более вероятно, однако, что местная военная вождиха прикажет загрызть всех людей, собачники они или нет. Даже сейчас для хозяев «Внеполосного-II» Древорезчица представляла смертельную угрозу.

Для обслуживания корабля нужны были права администратора. Невил ни с кем ими не делился, кроме Били, — разумное решение. Облеченный

таким доверием, Били уже которую ночь безвылазно сидел в тесной каюте, пытаясь ощутить себя властелином планеты.

Били переключался между камерами, шпионя за участками, которые Древорезчица и Щепетильник полагали своей личной территорией. Было бы забавно, если бы не так утомительно. Били в жизни не видел более тупого автоматизированного устройства, чем «Внеполосный-II». На Вершине Запределья рибосомные плагины были умнее этого звездолетишки. Сидя тут, в местном пупе земли, Били не мог отделаться от мысли, что заточен в аду. Он начинал понимать собачников, возжелавших отуземиться. Если требовалось провести какую-то операцию с помощью «Внеполосного-II», ее надо было программировать *вручную*. Тактическим, а тем паче стратегическим мышлением корабль не обладал, все эти вопросы решались Били, реже Невилом. Звездолет был так непроходимо туп, что истинный гений, Ганнон Ёркенруд, презрительно отверг всякую возможность работы с ним. Стоило положиться на автоматику и отпустить ее с привязи в режим по умолчанию, как вылезали бесчисленные баги.

Здесь Били уступал Равне Бергсндот. О Силы,

эта сьяндранка должна была бы родиться в племени неандертальцев с покатыми лбами, она выглядела совсем как человек, но, пообщавшись с ней пару минут, любой бы понял, что обезьяна смышленее. С другой стороны, естественные ограничения ее интеллекта удивительным образом делали ее идеальной кандидатурой на роль оператора корабля. Били помнил, что она провела тут тысячи часов, единолично разрабатывая занудные детали плана, вызвавшего к жизни маленькую колонию… и теперь ему предстояло адаптировать оный план к своим проектам. Били стыдился признавать, что Равна по-прежнему опасна.

Он листал заметки, составленные им для Лучшей Надежды, и почти видел, как они сидели здесь, доверяя бумаге лишь простейшие выводы в страхе перед камерами последнего поколения. Йоханну Ольсндот и стаю, звавшуюся Странником, можно было сбрасывать со счетов. Древорезчицу их гибель ослабила даже заметнее, чем исчезновение этой бабы Бергсндот, но Били видел в заметках «хвосты». Например, Ганнона следовало вернуть. К сожалению, «Вышними глазами — II» оказалось чертовски трудно управлять: в конце концов, это был продукт пер-

вобытной технологии.

А тут еще «Внеполосный-II» сбился со следа экспедиции Ганнона! Взбешенный Били перевел спутник на несколько градусов восточнее, надеясь улучшить снимки. Пока что обнаружить ничего не удалось.

Контакты Невила с врагами Древорезчицы подтверждали, что Равна Бергсндот либо уже мертва, либо скоро сдохнет. Отлично, так и должно было случиться. Но даже после ее гибели Древорезчица наверняка не оставит попыток переманить Детей на свою сторону. Если она потребует еще какого-то голосования, если Невилу не удастся заговорить ей зубы — в таком случае, как выразился Невил (в строго секретной беседе с Били), не исключено применение «Внеполосного-II» против их же одноклассников. Невил рассчитывал обойтись несколькими жертвами и установить режим временной диктатуры. Такую форму правления он считал естественной для условий Глубины.

Может, и так, но ведь Невил не всегда был кровожаден… а теперь он снабдил лазерную пушку звездолета дополнительным усилителем. «Мы обязаны защитить человечество. Мы не имеем права на людские потери, если мечтаем вскараб-

каться обратно к Трансценденции». Били втайне разрабатывал альтернативный план отражения атаки Древорезчицы, который бы не представлял угрозы для Детей или их лояльности ГИКам, а последним бы принес только выгоду. Следовало основательно отшлифовать задумку, прежде чем поделиться ею с Невилом.

Били тоскливо вздохнул и погрузился в технические отчеты, необходимые для управления кораблем. Как только человечество выжило в Темные Века программирования Медленной Зоны?

Когда он в следующий раз посмотрел на часы, уже близилось утро. Похоже, у него развилась привычка работать всю ночь. Ну что ж, пускай. Он задержался еще на час, и тут звездолет начал выкидывать фокусы.

Собственно, в этом не было ничего странного. Как только Били просил «Внеполосный-II» выполнить новую задачу, не важно, простую или сложную, начинались проявления дебилизма. По крайней мере, самоновейшее из них показалось Били довольно обычным багом: три миллиона строк промежуточного кода каким-то образом ужались до нескольких скриптов, написанных на неизвестном Били языке. Терминал резуль-

татов, или как его там, прокручивал фразы на упрощенном самношке. Сначала Били подумал, что система, обнаружив в его действиях ошибку, ударилась в своеобычное бесполезное отслеживание истории по стеку.

Потом в лицо ему ткнулся ласковый зеленый огонек. Это был световой индикатор монитора ресурсов. Он установил его, чтобы отслеживать потайные ходы, которыми могли воспользоваться такие, как Бергсндот и ее шайка-лейка. Ни ее, ни Ристлинга больше нет, значит еще кто-то лазит в системе. Эйвин Верринг? Эйвин все больше раздражал Били своим существованием, но он точно был не из заговорщиков.

Эй, погодите!

Использование ресурсов зашкалило за сто процентов. На миг Били потерял способность здраво рассуждать и тупо глядел на выданное кораблем представление результатов — звездолет же, само собой, и не почесался его просветить на сей счет.

Использование превзошло стопроцентную отметку в *десять тысяч* раз! О нет, неужто «Внеполосный-II» нашел новый способ съехать с катушек? Еще пять секунд — и использование выросло до семи миллионов раз над ста процентами обычного. Тут он увидел, что пользователь

отмечен как… *Били Ингва*.

«Кто-то водит меня за нос, и это вам не школьный розыгрыш».

Он лихорадочно рылся в меню. Можно ли это как-то отключить? А вот этот зеленый предупредительный индикатор? Он еще ни разу его не видел. Он запросил справку, и, о чудо, ответ пришел тут же:

> Монитор ресурсов указывает, что корабль произвел обновление до стандартных компонентов обработки информации. Ваше задание обрабатывается в нулевом режиме на скорости всего лишь в 10 000 000 раз выше, чем для аварийных процессоров Медленной Зоны. Желаете увеличить производительность системы? Тогда установите недетерминистические расширения.

— Твою же мать! — ласково сказал он. Это могло значить только одно. Время великой тьмы окончилось, настал рассвет.

Мир Когтей всплыл из Медленной Зоны.

Стены вокруг Били замерцали, оживляя отложенные невесть когда задания. Некоторые из них были десятилетней давности: после ди-

версии Фама Нювена корабль, естественно, приостановил их выполнение. Какие-то, не успев возобновиться, прерывались: корабль понял, что актуальность заданий давно утрачена. Несколько форм пронеслись в поле зрения Били. Его такими трудами составленная планировочная программа переписывалась сама собой, сливалась с кодами из технического архива корабля, а тот, в свою очередь, охватило что-то вроде настоящей внутренней мотивации.

Били несколько секунд наблюдал за происходящим. Он был так ошарашен, что не мог пошевелиться. Большую часть отображенного на экранах он не понимал, но кое-какие паттерны различить мог. Автоматика работала на уровне Среднего Запределья — на большее «Внеполосный-II» и рассчитан-то, верно, не был. Били вдруг обнаружил, что плачет, и поразился, как нечто столь примитивное способно вызвать в человеке такую искреннюю радость. «С этим я уже могу работать!»

Он попробовал вызвать визуальный интерфейс суперпользовательского уровня, но вменяемой реакции не добился. Вот черт! Наверное, манипуляции, проделанные ими над кораблем, уничтожили эту функцию, а может, «Внепо-

лосный-II» никогда и не был ею оснащен. Ну и пусть. Он полез дальше, копаясь в паттернах. Основные характеристики программ недвусмысленно указывали на их Запредельную природу. Вероятно, удастся даже наладить реалистичную графику, хотя, надо полагать, фокус будет сродни вытягиванию себя за волосы из болота. Он листал диаграммы процессов, задавал тестовые вопросы, обдумывал ответы корабля и выводы из них. Конечно, *думать* по большей части приходилось опять-таки самому, но он провел в этом аду десять лет и отточил такую способность до совершенства.

И вдруг он наткнулся на самое важное: нежданный дар от Равны Бергсндот; стопка простых окон указывала на то, что он должен был заметить с самого начала. «Эта сука подозревала, что такое может случиться!» Она установила на корабле зонограф, чтобы отслеживать локальные физические законы. Но то, что сейчас происходило, на много порядков превзошло пороги чувствительности приборов. Всплеск был так велик, что «Внеполосный-II» перезапустил всю стандартную автоматику.

Били отвлекся от всех остальных проектов и стал копаться в деталях программы и обоснова-

ниях тестов. Ага. Бергсндот любила использовать для зонных сдвигов метафору сейсмического толка. Губы Били искривились в хитрой усмешке. Метафора имела смысл… при определенном распределении вероятностей. А сейчас, хе-хе, лучше было думать о происходящем как о выходе из комы. Сдвиг Зон начался сто секунд назад и набирал мощь так быстро, что «Внеполосному-II» пришлось перезапускать автоматику в стандартный Запредельный режим менее чем через десять секунд. На откат и усовершенствование ушла еще минута, и теперь физика соответствовала Середине Запределья. Корабль среднего класса — таким был «Внеполосный-II», прежде чем беженцы его выпотрошили, — мог покрыть за час десятки световых лет. До того как Фам Нювен осуществил свое вмешательство, в этом регионе космоса такое было невозможно. А значит…

Спасение не в будущем, его не придется ждать столетиями. Ах, эта отдаленная в веках благодать, которую Бергсндот возомнила угрозой. Совсем у сучки крыша поехала. Она всегда твердила, что Флот Спасения, который она называла Погибелью, в тридцати световых годах. Мир Когтей вырвался из Медленной Зоны и продолжал подниматься. Физика улучшалась. А как дела там, в

тридцати световых годах Наверху?

Били поиграл с программами зонографии, стараясь определить состояние ближнего межзвездного пространства. Поумневший «Внеполосный-II» уже мог ему в этом помочь, но выводы менялись в зависимости от изначальных требований и посылок. Единственный доступный программе комплекс зонографических устройств находился здесь же, на борту. Располагай же корабль доступом к более удаленным станциям, пускай всего лишь в световом годе отсюда, экстраполяция была бы достаточно надежна.

Били наплевал на оговорки и предупреждения и запустил экстраполяцию по историческим градиентам плотности Зон. Результат явился в фиолетовом облаке, означавшем крайнюю степень ненадежности. Били смирился с этим и жадно прошерстил окна; флот из нескольких дюжин кораблей шел на ультрадвигателях и находился в тридцати световых годах Наверху. Фиолетовая оценка приписывала кораблям гиперскорость пятьдесят световых лет в час. Итак, Флот Спасения не в годах и не в веках полета. Они прибудут меньше чем через час!

Данные с корабельной аппаратуры показывали, что улучшения локальной физики перестали

накапливаться. Пускай! Еще день — и гнусное Изгнание перейдет в область дурных воспоминаний. На работающем ультрадвигателе спасатели будут везти их все выше и выше, постепенно приближаясь к Трансценденции. Там *боркнеры*, такие как Ганнон и Джефри (оставалось надеяться, что этот мерзкий мир еще не выхолостил способностей Джефа), отстроят Высокую Лабораторию, завершат дело родителей и воплотят все мечты Страумлианского Простора.

Менее чем через час они вырвутся из этой душегубки.

А? Что? На фиолетовом экранчике оценочная гиперскорость Флота упала до тридцати световых лет в час. Впрочем, это ведь крайне ненадежная оценка. Зонографы «Внеполосного-II» показывали… показывали… глаза Били заметались по комнате, поток данных шел такой мощный, какого он никогда в жизни не видел здесь, Внизу… показывали, что локальная физика деградирует. Максимально достижимая гиперскорость составляла пятнадцать световых лет в час. Двенадцать…

Ну и что? Спасение прибудет не через час, а на следующий день. Или через десятидневку. Но что-то холодное и мерзкое закопошилось у Били

в желудке.

Возможно, сдвиг Зон, учиненный Фамом Нювеном, все-таки не был подобен коме или сну после тяжкой болезни. Не исключено, что метафора Равны Бергсндот была точна.

Условия полета продолжали ухудшаться. Новая оценка вышибла из Били дух: пять световых лет в… год. *Нет, нет, нет!* Фиолетовый Флот Спасения находился всего в двадцати световых годах — расстояние одного-единственного гиперскачка на Вершине Запределья.

Два световых года в *год*. По всей каюте замигали сигналы тревоги. В таком опасном окружении корабль больше не мог поддерживать стандартную скорость вычислений. Били приказал ему все же попытаться.

Впоследствии он сообразил, что неблагоразумно *требовать* чего-то от разработанной для Запределья автоматики, когда она уже на пределе своих возможностей. Последнее слово так и осталось за Били: зонограф показал 1.0 светового года в год и вырубился. Все экраны переформатировались или почернели. Освещение по всему кораблю мигнуло и восстановилось, усилившись, но Били понимал, что на самом-то деле и он, и вся планета Стальных Когтей опять соскользнули в

непроглядный мрак.

Он сидел на развалинах былого программного великолепия. На миг его захлестнуло такое отчаяние, что он потерял способность двигаться и соображать. Спасение было совсем рядом — протяни руку, и оно уже тут. И так продолжалось… сто девяносто три секунды, если верить уцелевшему хронодисплею. А потом надежда рухнула.

Ему захотелось плакать и кричать, но он принудил себя оценить масштабы ущерба. За три с небольшим минуты «Внеполосный-II» выполнил больше вычислений, чем за предшествующие десять лет. Здесь были выводы по его планам, дополненные техническими рецептами по оптимальному использованию сохранившегося оборудования, и политические рекомендации для Невила, а также записи сдвига Зоны. Возможно, со временем они смогут почерпнуть из них больше информации и узнают, когда ждать следующего. Но… но данные продолжали стираться! Корабль работал на стандартных процессорах, когда Медленная Зона обрушилась на него. «Внеполосный-II» сумел переключиться в режим сохранения промежуточных результатов, но пересылка их в пассивные, тупые форматы прервалась. Оставленные без присмотра разумным

программным обеспечением физические накопители рассеивали полученную информацию. Даже пассивные данные нуждались в срочном резервном копировании вручную.

Били сгорбился над консолью и лихорадочно принялся за работу. *Не паниковать!* Он многому научился в таком окружении. Не пропускать ни единого шага, не делать никаких ошибок. Не паниковать. Если бы Невил, Эйвин или Мерто сидели в сети, если бы они работали вместе… Но как там говорят шавки? «Если бы желания были болотными курами, мы бы никогда не голодали». Собаки хорошо знали пределы возможного в своем мире, хотя и не рассматривали их как *пределы*. Били сумел спасти почти все результаты прогона планировочной программы. Судя по заголовочным файлам, работа была проделана славная. Наверняка она поможет ему убедить Невила, что от Лучшей Надежды будет прок.

К сожалению, определить, что из деталей плана выжило при конвертации форматов, не удавалось. На полпути к спасению результатов по Лучшей Надежде от зонографических дисплеев завоняло горелой изоляцией: классический симптом потери данных. «Да вашу ж мать, у меня не двадцать рук, чтобы работать везде од-

новременно!» Он рылся в руководстве Бергсндот. Программа зондирования состояла из простых кодовых последовательностей, которые сумел бы понять даже программист Рассветной Эпохи. Такие коды уничтожить нелегко. А вот фиолетовая сводка и исходники зонографического сеанса были утрачены.

Он пошаманил с зонографом и перезапустил программу, продолжая аккуратно собирать воедино остатки анализов по Лучшей Надежде. Потом до Били дошло, чего бы от него в такой ситуации хотел Невил.

— Корабль, открой секретную линию и вызови Невила. — Били вернулся в режим пещерного человека и чувствовал себя как-то уверенней. Он даже не забыл особо упомянуть о секретности звонка. Среди прочего это значило, что вызов поступит прямо на головной дисплей Невила или высветится в поле обзора из окна его аппартаментов.

К несчастью, у них остался только один наголовник; Невил его носил не снимая и с такой же осторожностью, как в свое время Равна Бергсндот. Прошло почти десять секунд, и отозвался женский голос:

— Да.

— Э… мм, привет, Тами. Мне нужен Невил.

— Привет, Били. Невил отправился в Новозамок — готовит масштабное выступление против тирании Древорезчицы и тыры-пыры. Он оставил меня у своего автоответчика. Какие у тебя новости? — Голос у нее был недовольный. Тами — ни разу не Йоханна Ольсндот, но с ней тоже могут быть проблемы. Били не понимал, что Невил нашел в этой идиотке.

— Нет, все в порядке, я ему лично передам при встрече. Спасибо, Там.

Били еще немного посидел, созерцая зонографический экран. Там не было ничего, кроме шума низкой интенсивности. Скорее всего, Медленная Зона опять накрыла их и вознеслась на многие десятки световых лет. Но это положение дел может измениться уже через несколько секунд… или лет. Надо немедленно поговорить с Невилом.

Тем не менее Били уделил несколько минут закрытию всех незавершенных процессов и удостоверился, что в следующий раз при скачке границы зонографу ничто не поджарит мозги.

Он покинул рубку управления и вышел в конференц-зал. Как ни странно, там никого не было. Каким-то образом Невил уломал всех, даже отпетых собачников. Наверное, народ наконец

докумекал, что в отсутствие Бергсндот и Йоханны единственная надежда на спасение связана с Невилом и ГИКами.

Он открыл дверь наружу, в плотную стену холода. К счастью, ветра не было, так что он себе ничего не обморозил. Отступив в сравнительно теплый шлюз, он плотно застегнул куртку. Первые лучи утреннего солнца озаряли склон холма над его головой, подсвечивали крыши домиков вдоль Королевской Дороги на всем пути до Новозамка. Видел он и мраморный купол над модулем. Самое обычное утро в самой заднице Вселенной, спасибо за это Фаму Нювену и расплодившемуся в модуле грибку. Били слышал истории о дне, когда Фам Нювен поднял границу Медленной Зоны, когда потемнело солнце и стаи сорвались в безумный пляс. Никаких знамений утреннего сдвига Били не заметил. Вероятно, он один на планете был его свидетелем.

Это не была великая перемена во Вселенной. Просто малюсенький сдвиг к естественному равновесию.

Били спустился по трапу и направился к Новозамку. Дорога была долгая, и его отчаяние понемногу ослабевало. Спасение ускользнуло в последний миг, но теперь он обрел уверенность.

Спасатели уже в пути. Они прибудут раньше, чем можно было ожидать.

Глава 25

Совет Амди искать спасения обходными тропками оказалось непросто реализовать — первая такая тропинка попалась им всего в нескольких километрах от зловещей «Х» на карте Читиратифора. Они форсировали реку на участке с быстрым течением и насквозь вымокли под нещадным ливнем. Поскольку вокруг было в целом безопасно, Равна на всякий случай решила не жаловаться на погоду: буря прятала их от вражеских разведчиков, а густые облака, *вероятно*, мешали Невилу шпионить с орбиты. Кроме того, ливень прогнал в укрытия полчища комаров, которым очень понравилась вчерашняя солнечная теплынь.

Найденный Амди на карте обходной путь в конце концов привел их через горную гряду в другое ущелье, прозванное Диким Принципатом. Этот разлом считался одним из наименее активных в геологическом отношении, но самое его имя указывало на относительность такой характеристики. Последний выброс лавы по всей долине произошел не больше тысячи лет назад, после

чего в регион понемногу проникали поселенцы, сталкиваясь уже с катастрофами локального масштаба. Два столетия назад, однако, массивное извержение на северной стороне ущелья унесло жизни всех до единого обитателей местной колонии Древорезчиков: они просто задохнулись вулканическими газами. У королевы Древорезчицы была хорошая память на такие злосчастья, и больше она освоить эту местность не пыталась.

Впрочем, с оглядкой на альтернативные угрозы, опасностью извержения Равна и ее спутники с легкостью могли пренебречь.

На подъеме ветер дико выл в тесных скалах, в промежутки меж которыми проникало лишь немного света. На головы им так ничего и не упало, но дорога была узкая, а рев ветра заставлял керхогов нервничать.

Проехав примерно полчаса, она заметила, что случайная зарница каким-то образом перевела лампы среднего фургончика в режим тревожной сигнализации. Мигающий свет их пробивался сквозь щели в стенах фургона. Керхоги не обратили на него особого внимания, но Равну и Амди, который несколькими элементами правил фургоном позади, мигание очень раздражало.

— Да это все лампы, — сказал он ей. — Но, хмм,

они мигают скоординированно по фазе! Видишь радуги вдоль стены фургона?

— Знаю. Не переживай, Амди. После бури мигание само собой прекратится.

Если только Невил не оказался достаточно сообразителен, чтобы пинганути их с орбиты, но даже такая информация о нем была бы несомненно полезной.

— Не отвлекайся от дороги.

Этим советом, в общем-то, следовало воспользоваться ей самой, а не стае, поскольку у той было в распоряжении куда больше глаз.

Сигнализация мигала еще минуту или две, потом выключилась. Понемногу ветер стих, и освещение нормализовалось. Дождь же продолжался, местами переходя в ледяную крупу — такую плотную, что Равна дальше ушей своего керхога ничего не различала. Затем на несколько минут завеса вдруг разорвалась, и Равне открылась панорама долины вплоть до мест, где буря выглядела слабой моросью. Они ехали на головокружительной высоте над лесом. Прощайте, кустарники-душители, деревья-стрелки и ценная флюгерная древесина. Здесь, наверху, деревья были приземистыми и словно бы заузленными, а снежные шапки на их верхушках только начи-

нали таять под ливнем.

Сидевший рядом с нею элемент Амди жался к ногам и вид имел прескверный. В дождь стаям становилось очень трудно мыслить. Оставалось надеяться, что он не слишком оторван от остальных и задний фургон удержать на тропе сумеет. В таких труднопроходимых местах тропа подчас сужалась до скальной стены по одну руку и туманной бездны по другую. Когда пелена дождя рассеялась, Равна разглядела обрыв получше, и в голову незамедлительно полезли жуткие картины. Если керхог оступится, падать ей долго.

Винтозуб тоже держался сплоченно, в основном перед фургоном Джефри. Предыдущей ночью, когда они стали ориентироваться по картам, фрагмент выглядел абсолютно беспомощным. Амди попытался объяснить ему, что планирует свернуть на восток, и поинтересовался, насколько рискованный это путь. Фрагмент стоял, тупо глядя на него, потом завертел головами во всех направлениях, что соответствовало саркастическому пожатию плечами у людей. Сегодня же стая им постоянно помогала: когда дорога пропадала из виду или разветвлялась, Винтозуб карабкался вперед и пробирался позади, чтобы лучше рассмотреть местность, затем возвращал-

ся и неизменно показывал нужный маршрут. Несколько раз приходилось останавливаться, распрягать керхогов и оттаскивать с дороги оставшиеся после оползня валуны, но они все время двигались вперед, преимущественно выше и восточнее.

Сейчас Винтозуб устремился к замыкающему фургону. Элемент Амди, сидящий у ног Равны, выкрутил шею, глядя на него.

— Я думаю, что он проверяет, как там наш запасной керхог, — предположил Амди. Животное сейчас отдыхало и следовало за третьим фургоном на короткой привязи.

Когда фрагмент пробегал мимо, Равна бросила на него взгляд сверху вниз. Как обычно после битвы, продвижение фрагмента определялось состоянием хромого элемента, но… она привыкла видеть его немножко другим. У двух элементов на мордах были белые пятна, такие симметричные, что эти существа должны были быть однопометниками. Одному из них она как раз сломала лапу. С таким увечьем бедолагу невозможно было ни с кем спутать, но ей показалось, что границы белого пятна у него на голове как-то странно смазались. Словно пятно это нарисовали дешевой краской.

«Что, еще одна загадка, будто их мало было?» Мысль эта пронеслась у нее в мозгу и тут же исчезла, когда ее керхог заступил на полуметровый участок, отделявший тропу от пропасти, и поскользнулся. Внимание Равны сразу переключилось на задачу, которой и следовало уделять все силы, — как пережить сегодняшний день.

Дождь шел весь день вплоть до вечерних сумерек, но самая скверная часть подъема осталась в прошлом. Маленький караван двигался по краю лугов, очень похожих на альпийские луга Старой Земли. Если бы не прикрытие сплошного слоя облаков, спутниковые камеры могли бы уже их засечь. Джефри нещадно подгонял керхогов, выжимая из них дополнительные километры, и наконец остановил фургоны, когда Амди счел ближайшую скалу достаточно надежным укрытием от слежки с орбиты даже в солнечный полдень.

— Если только Невил опять его не переместит, — указала Равна.

— Да. — Восьмерка обеспокоенно поглядела в небеса. — Я уже думал над этим. Я сегодня слишком неравномерно себя рассредоточил.

Винтозуб полез на скалу и поднялся на некоторое расстояние, возможно в поисках угрожавших

спутникам камнепадов. Вернувшись, он пробежал вперед и закрутился там, указывая, где ставить фургоны.

Теперь все, кроме Равны, так или иначе приноровились разбивать лагерь и присматривать за животными. Несмотря на сильный дождь, они быстро распрягли керхогов и отвели их в укрытие. Винтозуб разложил костер, и вскоре путешественники сели ужинать.

— Даже в приготовленном виде это невозможно есть, — пожаловался Джефри.

— Я тебя уверяю, просоленное мясо еще хуже, — заметил Амди.

— О, тогда у меня для вас добрые вести, — сказала Равна, — еда у нас практически кончилась.

Винтозуб ничего не добавил, но жевал без видимого аппетита. После ранений и потери элемента он, вероятно, не мог бы нормально охотиться. Равна заметила, что он с интересом поглядывает на увечного керхога, которого они привязали к задку фургона Амди. Винтозуб и Джефри уже порядком повозились с его передним копытом, вытаскивая оттуда глубоко вонзившийся осколок камня. Несчастное животное еще могло бы тянуть фургон, но у него хватало мозгов, чтобы сообразить, что негласный контракт с хозяе-

вами-мясоедами под угрозой. Керхог несмело посмотрел на Винтозуба в ответ.

— Ну что ж, мне кажется, что мы добрались примерно до середины обходного маршрута, — бодро сказал Амди.

Равна припомнила, что он ей показывал на карте в этом ущелье. Там имелись немногочисленные поселки.

— Нам надо найти местечко, где мы бы остановились и выторговали у местных еду.

— Когти, которых мы здесь повстречаем, — заметил Амди, — скорее всего, никогда еще не видели людей.

Равна переглянулась с Амди и Джефом:

— Ты намекаешь, что они могут нас атаковать, как войска Стального, убившие твоих родителей?

Джефри раздумчиво посмотрел по сторонам и покачал головой:

— Старый Шкуродер сделал Стального безумцем. Он обучил его непревзойденному вероломству.

— Они поведут себя не так, как Стальной, — сказал Амди. — Но следует учесть опасные варианты. Я уверен, что обитатели Принципата *слышали* про людей, но…

— Ну ла-адно, — протянула Равна. — Может, нам с Джефри удастся на первых порах продержаться в тени, а вы с Винтозубом вполне сойдете за заплутавших бедолаг-путешественников. Если надо, сторгуем им лампы или другое барахло. Мы избежали лобового столкновения с врагом, ребятки. Следующий вопрос: что делать дальше? Как можно быстрее вернуться домой, чтобы нас никто не заметил? Или нам *надо*, чтоб нас заметили?

Джефри сгорбился, ероша руками густую шевелюру, покачался в раздумье и внезапно откинулся назад:

— Готов ручаться, что, если бы Йо и Странник все еще летали на своем антиграве, нас бы уже спасли. Равна, я подозреваю, что Невил не ограничился ударом по тебе одной. Как бы не кончилось дело тем, что нам придется спасать выживших.

— Я это могу, Джефри, — сказала Равна. — Только помоги мне пробраться на борт «Внеполосного-II».

Он смерил ее странным взглядом:

— Ты так легко отдала ему бразды правления и после этого хочешь забраться к Невилу в пасть?

Равна покраснела:

— Я что, похожа на дуру?

Джефри отвел взгляд. Она не понимала, разгневан он или подозревает ее в чем-то, но продолжил он уже более мягким тоном:

— Кроме Невила, еще парочка врагов не отказались бы от наших голов. Мы располагаем доказательствами, что пока никто из них не достиг решительного превосходства, позволившего бы ему предать остальных, но не знаем, что в точности каждому из них надо. Магнату мы, скорее всего, действительно нужны как экспонаты какого-то зоопарка. Головорезы Проныры стремятся убить нас, и прежде всего тебя, но втайне, притворяясь, что выполняют поручение Магната. Невил же, думаю, просто хочет убрать тебя с пути. Не важно как. Если ты погибнешь, «Внеполосный-II» будет в полной его власти. — При этих словах он внимательно посмотрел на нее. — В любом случае все три фракции уже знают, что мы ускользнули. Если мы попробуем позвать на помощь, кто-то из них неминуемо перехватит сигнал и явится за нами. Нам негде спрятаться. Лучшее, что мы можем сделать, — это поступить так, как ты советуешь: перевалить через эти холмы, пробраться домой по Дикому Принципату, или как их там, и… и доставить тебя на корабль.

Амди жалобно заныл, не столько возражая,

сколько выражая общее недовольство отведенной ему ролью.

— И это я буду тем, кто выйдет поговорить с незнакомцами, да?

— Ты же знаешь, что Винтозуб нескоро восстановит свой межстайный язык, Амди, — терпеливо разъяснил Джефри.

— Как знать, как знать, — ответил Амди с надеждой в голосе. — Он всегда был…

— А между прочим, где Винтозуб? — спросила Равна, обнаружив, что на каком-то этапе их беседы фрагмент дематериализовался.

Джефри разочарованно вздохнул, смазав впечатление от своей же оптимистической реплики минутой раньше.

— Я думаю, он просто устал. Едва ли он многое понял из наших переговоров. Если нам повезло, он от нечего делать заступил на стражу.

Тут Равна вспомнила о странной перемене цвета шкуры фрагмента, замеченной днем, и описала ее.

— Что тут скрывается? Сколько здесь загадок внутри загадок?

Амди неуверенно рассмеялся:

— А, в этом весь Винтозуб. Частичная смерть подорвала его уверенность в себе. Всегдашняя по-

хвальба на поверку обернулась беспечной… — Он замолк. Несколько элементов стаи переглянулись с Джефри, повертев мордами. Они явно решали, стоит ли расширять круг посвященных.

— Это ты должен ей рассказать, Амди, — сказал Джефри наконец. — Это твоя история.

Стая сделала им знак приблизиться — она села плечом к плечу с Джефри, а два элемента Амди улеглись Равне на колени. Будь Амди еще малышом, она, пожалуй, почувствовала бы себя комфортно. Но не сейчас.

— Если быть честным, Равна, тут целых два секрета, а не один. Пожалуйста, не надо меня упрекать за то, что я сейчас скажу, хорошо? Я… сотрудничал со Шкуродером, начиная с… одним словом, уже очень давно.

Один лежавший на коленях элемент изогнул шею, ловя ее взгляд. Глаза у него были большие и темные.

— Это никак не связано с Невилом. Мы никого не предавали, хотя ты и в особенности Древорезчица можете видеть наши поступки в ином свете. Это ваше право.

— Да. Пожалуйста, не шпыняй Амди за такое, Равна. У нас у всех свои слабости.

Равна кивнула, с трудом сдержав усмешку.

— Амди, — сказала она, — а ведь я кое-что знаю о делишках Шкуродера. Он пообещал тебе, гм, определенную медицинскую помощь, так ведь?

Амди удивленно взвизгнул и поднял все головы:

— Откуда тебе это известно?

— Позже объясню, — ответила Равна. — Это единственная ваша тайна, которую я знала, и сама не поверила, когда узнала.

— Хорошо, но это действительно так. — Амди понурил головы. — Я знаю, в чем моя слабость. Я трус. Вы, люди, такие смелые, вы привыкли жить под угрозой смерти. Как и любой из вас, я рожден весь одновременно. И я так боюсь умереть…

Равна потрепала прижавшегося к ее коленям элемента:

— Я бы не назвала это трусостью, — и задумалась, что же мог Шкуродер пообещать Амди. — Но ты собирался мне рассказать про Винтозуба, — добавила она.

— О да! Про его личину. — Амди отчасти вернул себе привычное ехидство. — Винтозуб — наш совместный проект, и притом самый успешный. Я искренне горд тем, как поступил, хотя Древорезчица наверняка объявила бы меня предателем. Я знал, что Шкуродер-Тиратект преимущественно

хороший.

Джефри слегка стукнул элемента, лежавшего на его коленях, по башке:

— Ты что, специально дразнишь Равну? Давай к делу!

— Нет-нет, я как раз думаю, как бы вам лучше объяснить всю правду. — Он еще теснее прижался к людям и устремил взгляды в темноту. Опять пошел дождь, но в безветренную ночь он оказался достаточно слабым. — Это не фигура речи — назвать Шкуродера-Тиратект преимущественно хорошим. Три его элемента происходят из стаи школьной учительницы, которую он убил. Именно она всем заправляет, хотя стая может не осознавать этого.

— Я знаю, — сказала Равна. — Шкуродер часто шутит на эту тему, но с очень хитрым видом, как бы намекая, что это ложь.

— На самом деле это не ложь, — ответил Амди с необычной для себя резкостью. — Безусловно, Белоухий — важнейшее звено, однако все те трое вносят вклад в совокупную личность.

— И это я тоже знала, — кивнула Равна.

В голосе Амди появились озорные нотки:

— Но, готов побиться об заклад, ты не знала, что у всех трех есть от стаи щенки.

— Что? — Даже испорченная система видеонаблюдения об этом бы ей доложила. Если только не… — А это случайно было не в тот год, когда Шкуродер подался на север?

— Именно.

Это было пять лет назад. Древорезчица вышла из себя от ярости и чуть было не затеяла войну на истребление уцелевших приверженцев Шкуродера.

— Так что, Шкуродер-Тиратект пытался создать себе замену на случай, если элементы Тиратект начнут умирать?

— Да. Вот только все сработало не так, как он предполагал. У Шкуродера на сей счет полно объяснений, нашпигованных заводчицким жаргоном, но вкратце все они сводятся к тому, что остатки Старого Шкуродера отвергли щенят. Он отдал одного Негоднику, а двух других помог ему пристроить я.

Равна уставилась в дождливую тьму. Если Амди эту историю не просто так рассказывал, то догадаться, куда делись остальные два щенка, было несложно.

— А что собой представляют другие элементы Винтозуба, Амди?

— Джефри и я проникли со щенками в вете-

ранское отделение Фрагментария, где до сих пор сидят под стражей фрагменты Стального Владыки.

— Ага! И это было как раз перед «самоубийством» Стального?

— Да, — признал Амди. — Каким-то образом Шкуродер заставил Каренфретт всех одурачить, и Древорезчицу в том числе.

— Угу, — сказал Джефри. — Очень мне хотелось бы выяснить, что у Шкуродера есть на эту Каренфретт.

— Не знаю, да меня это и не волнует, — ответил Амди. — Стальной Владыка был чудовищем, но в моем щенячестве он был также и моим другом — по крайней мере, так я думал. Моим первым другом. Как ни суди, все прошло строго по плану Шкуродера с Каренфретт. То, что осталось от Стального, пребывало в полном безумии, но отчасти сумасшествию этому было причиной бессилие доказать Шкуродеру — Старому Шкуродеру — свою значимость, самостоятельность. Как только он оставил попытки убить двух щенков Тиратект, они идеально с ним слились. То, что получилось в результате, все еще отдаленно напоминало исходного Стального Владыку, поэтому для маскировки ему пришлось перекра-

сить шерсть.

Коварство и боевая ярость Винтозуба спасли им всем жизни, но ведь именно он заботился о ней на всем пути, все те дни, что она металась в беспамятной горячке. Неужели именно он был стаей, которая дала Лугам Смерти нынешнее название? Такая форма искупления грехов людям недоступна — во всяком случае, не так глубоко Внизу.

Минуту длилось молчание. Только дождь шуршал по камню, да костер догорал в угольки. Наконец Равна спросила:

— Который его элемент погиб той ночью? Сколько в нем остается от Стального? Половина? Три четверти?

— А, это не важно, — ответил Амди с немного преувеличенной бодростью. — Не тревожься. Личность не сводится к процентным соотношениям. Три четверти фрагмента происходят от изначального Стального, но четвертый — переделанная душа.

Предмет их беседы уже несколько часов как не показывался, хотя Амди сказал, что слышит, как стая патрулирует лагерь.

— Он считает, что из нас не получится хороших часовых, — заметил Амди, — а сам, клянусь честью, вот-вот задрыхнет на периметре.

Они расположили керхогов в самом комфортном месте — с подветренной стороны скалы, где было суше всего. Что до самих странников, то накидками послужили водонепроницаемые плащи, найденные в одном из ящиков, а подстилками — одежда, которую Равна с Джефри носили накануне.

Амди с Джефри развернули плащи и легли вместе, свернувшись клубком и тесно прижимаясь друг к другу, как поступали в прохладные ночи на юге.

— Для тебя тоже есть место, — предложил Амди, подвинувшись.

— Да, — сказал Джефри, поколебавшись, — нам нужно сберечь тепло.

Предыдущей ночью, когда они урывали краткие мгновения сна, скрючившись на верхних полках фургонов, такой возможности представиться не могло.

— Хорошо, — она втиснулась в середку клубка, образованного Джефри с Амди, и позволила ему сомкнуться вокруг себя. Она не убаюкивала этих двоих с тех пор, как они еще пешком под стол ходили. Сейчас же, обвив Джефри руками, Равна испытала *совсем* иные ощущения.

Глава 26

По горным лугам передвигаться было куда проще, чем карабкаться туда, — даже в тех местах, где после дождя землю покрывал многосантиметровый слой разжиженного гумуса. Керхоги пощипывали густую луговую травку, и в объеденных ими местах сходила вода, обнажая глубокие промоины. Больше не лило, но небо было плотно затянуто облаками — превосходная погода, чтобы прокрасться незамеченными. Фрагмент Винтозуба (фрагмент Стального Владыки?) вел себя в общем так же, как и вчера: рыскал рядом с тремя фургонами и показывал, куда повернуть и где опасно. Хромой элемент замедлял передвижение стаи, но в целом настроение у Винтозуба было бодрое.

Карты они упаковали, но Амди их заучил наизусть:

— Горы понижаются к западу плавнее, чем к востоку. Впереди крутой спуск.

Равне это не понравилось: *крутой спуск* явно был эвфемизм. Контурные линии карты сливались в резко прочерченную кривую, означавшую

крутую скалу. Собственно, Амди не отрицал этого, но беспокоился о другом:

— Всего через несколько часов, максимум через пару дней, мы достигнем поселка, трактира или фермы. Там будут стаи. Что мы им скажем?

— В зависимости от того, как они нас примут, Амди, — сказала Равна.

Бедняга пытался разработать жизнеспособный план на бегу. Разумеется, это отвлекало его от неприятных мыслей о приближавшемся обрыве или дефиците еды (дефицит наблюдался по всем категориям съедобных припасов, какие Равна старалась учитывать), а также о том, что за караваном охотятся по меньшей мере три банды. Луговую траву тихо колыхал ветер. Если он и не был по-арктически холоден, все равно льдисто покалывал ее сквозь куртку. Они устали, вымазались в грязи и замерзли. *Не надо об этом думать*. Винтозуб переместился к заднему фургону и стал принюхиваться к огромным валунам, раскиданным по лугу. Его бдительность успокаивала, но с каждым новым днем казалось вероятнее, что остатки Читиратифора потеряли след беглецов. Амди этого было недостаточно, и он рьяно завертел мордами вслед четверке:

— Ха! Похоже, мы наткнулись на местных, даже

не доехав до обрыва!

Равна заметила, что Джефри замедлил свой фургончик и тоже присматривается к Винтозубу. На самом-то деле луга эти на вид не слишком отличались от старомодных ферм Домена. До прихода людей с их генетически модифицированными сельскохозяйственными культурами стаи не слишком утруждали себя земледелием, относясь к нему довольно беззаботно. Когти-крестьяне расчищали землю и привлекали туда добычу, кормили ее, защищали от конкурентов по экологической нише и хищников. Ограды таких ферм легко было спутать с естественными лесополосами и следами камнепадов, но ничего похожего она поблизости не видела.

От валунов донеслось горловое ворчание. Существо размером с элемента стаи бегало меж камней, укрываясь в густой луговой траве. Тройка Винтозуба обогнала животное и замкнула круг. Существо сделало головокружительный кувырок и бросилось к единственному казавшемуся безопасным участку луга — но там в засаде сидел хромой элемент Винтозуба. У странной твари не было выхода. Она снова перекувыркнулась в воздухе и бросилась назад, к фургонам. Трое элементов Винтозуба догогняли ее. Для

горностая или ульекуницы она была слишком крупная. Кроме того, где одна куница, там и сотня, и охотник быстро оказывался добычей, к тому же у незнакомого создания были две лишние конечности в середине туловища. Тут существо миновало фургончик Равны, и женщина поняла, что лишние ноги на самом деле не что иное, как рваные грязные лохмотья дорожной куртки.

И тут случилось сразу несколько событий. Она чуть не свалилась со скамьи под колеса, когда ее керхог шарахнулся от бежавшей на него твари. Джефри и один элемент Амди прыгнули на существо из переднего фургона.

— Хватай его! — крикнул рядом с фургоном элемент Амди, отскочил в сторону, и в образовавшуюся дыру ворвался Винтозуб в сопровождении остальной стаи Амди. Джефри бегал взад-вперед, перекрывая существу пути отхода. Равна привстала со скамьи.

— Осторож… — И тут загнанное в ловушку существо кинулось на Джефа. Но Винтозуб опередил его, замкнул кольцо вокруг молодого человека и отогнал синглета. Тем временем все элементы Амди выстроились перед фургончиком Равны и таким образом замкнули оцепление. Загнали они тварь почти случайно, однако со стороны все

выглядело как шедевр командной работы — все заводчики обзавидуются. Беглец перестал метаться, приник к земле и оглушительно завыл.

Никто не двигался почти секунду, три секунды… Вой сменился шипением и утих. Существо поглядывало на противников, потом сфокусировало взгляд на самом малочисленном — Джефри. Стая человека загрызет без труда, а что синглет? Джефри стоял не шевелясь и смотрел на существо, не отводя взгляда, но посылая команды во всех направлениях:

— Равна, сядь и успокойся. Не дай своему керхогу отбиться от каравана. — Ее фургончик уже уехал почти на полсотни метров и уклонился от тропы в луга. — Амди, ты молодчина, но встань немного кучнее, распрямись. — Равна вдруг заметила, что Амди трясется. Его элементы были крупные и сильные с виду, их восемь на одного, но он не привык сражаться. Большую часть жизни он мыслил почти как человеческий ребенок, а поведенческих моделей нормальных Когтей своего возраста как-то не освоил. Но, заслышав приказ Джефри, Амди, как мог, подтянулся и всей восьмеркой принял угрожающую позу. Одновременно он заговорил, обращаясь сразу к синглету и стоявшему за спиной Джефри Винтозубу, ко-

торый переместился было и выстроился вокруг человека, точно планируя резко броситься на синглета. Потом сдал назад и расположился так, чтобы заблокировать синглету все выходы.

— Амди, у тебя есть там какой-то закусон? — уточнил Джефри.

— Да, если это так можно назвать. — Восьмерка отстегнула одним элементом походную сумку и вытащила оттуда большую запеченную сосиску, всю в зеленых пятнах густой плесени. — Даже *я* не могу это есть. — Он брезгливо подцепил сосиску когтем за относительно мягкий край.

— Почему бы тогда не поделиться ею с нашим новым другом?

— О, пожалуйста! — Амди что-то сказал синглету и запустил в него сосиской. Та приземлилась на расстоянии чуть-чуть большем, чем могло дотянуться животное. Синглет не двинулся с места, но наклонил голову к Амди, потом быстро повернулся, проверяя, как там Джефри с Винтозубом, затем резко дернул морду и посмотрел снова на Амди. Странно было видеть Когтя, прилагающего такие усилия, чтобы осмотреться вокруг.

Поразмыслив еще секунду, синглет броском накрыл сосиску, подбросил ее вверх и попытался прокусить. К его несомненному удивлению, та

оказалась тверже камня. Синглет уронил сосиску и вернул ее на место, после чего вгрызся в нее с заметным усилием. Поглощая сосиску, существо зыркало на стоявших кружком людей и Когтей: отслеживало возможные угрозы.

Внезапно синглет что-то проворчал на языке Когтей, громко выстреливая аккордами через плечо. Равна узнала аккорд «бояться», возможно с отрицанием: *не бойтесь*. Аккорд повторился, но теперь его предварил поток значительно более сложных звуков.

— Он говоритель, хм? — сказал Джефри.

Все немного расслабились.

Равна позволила керхогу уклониться с дороги туда, где росла вкусная травка.

— Откуда бы оно могло прибиться к нам? — спросила она. — Это что, остаток какого-то погонщика? — Уж конечно, это не фрагмент Читиратифора. Синглет выглядел тощим и оголодавшим, сквозь сбившуюся комками шерсть выпирали ребра. Читиратифор же при жизни был таким толстым, что за три дня никак не успел бы сбросить столько веса.

Джефри опустился на колено, желая ближе рассмотреть существо. Синглет вздернул морду, и его ворчание перешло в дерущее ухо шипение. Дже-

фри не двигался. Существо огляделось, опустило заветную сосиску на землю и стало обгладывать добычу дальше.

Поразмыслив, Джефри сказал:

— Не думаю, что оно из погонщиков. Таких плащей они вроде бы не носили.

— Я узнаю ее по отметинам, — откликнулся Амди. — Она из стаи Ремашритльфера. — Он швырнул синглетке следующую сосиску. — Но Читиратифор, помнится, утверждал, что убил их всех.

Джефри усмехнулся:

— Ну, Читиратифор был хвастливым брехуном… а об эту тварюшку любой зубы обломает.

Они назвали синглетку Ритль, хотя даже Амди не был уверен, настоящее ли это имя.

Ритль съела обе сосиски и не отказалась от добавки, не переставая издавать угрожающее рычание. Потом напилась воды из ручья, протекавшего через луг, и разлеглась на середине тропы. После этого она замолчала, и лишь редкое шипение, преимущественно в адрес фрагмента Винтозуба, напоминало о ее существовании.

Амди окружил синглетку и заставил Винтозуба убраться подальше, после чего они с Джефри сели поудобнее и стали переговариваться с несчаст-

ной.

— Готов ручаться, что это лучший из ее навыков, — заключил Джефри.

Равна встала, выбралась из фургончика и подошла поближе. Ритль зашипела на нее.

— Вы считаете, что она была речевым центром?

— Мы ничего больше не узнаем, пока она не отдохнет, — пожал плечами Джефри. — Бывают и стаи с распределенными речевыми навыками.

— Я что-то вроде них, только в области математики, — сказал Амди. — Все мои элементы — математики.

— Да, приятель, но ты, как бы это выразиться, гений во всех отношениях. Стальной… — Джефри прикусил язык, вспомнив, что большая часть Стального сейчас у него за спиной, карабкается в средний фургончик. У Джефри была своя история взаимоотношений с исходной версией Стального. — Стальной Владыка скомпоновал тебя из щенков величайших исследователей, каких он только смог убить, выманить или похитить.

Джефри осторожно потянулся к Ритль. Синглетка и на него зашипела, но как-то вяло, точно выбившись из сил.

— Я не думаю, что Ремашритльфер был вели-

ким лингвистом хоть в одной жизни.

— Если мы подружимся с Ритль, как много сможет она рассказать нам о Магнате?

— Как синглетка? Вероятно, ничего. — Амди грустно рассмеялся. — Она, скорее всего, помнит много интересного, но рассказать о нем способна только нечленораздельным ворчанием.

Равна мгновение размышляла.

— Вы знаете, а ведь решение очевидно. Мы убиваем двух зайцев. — Она оглянулась через плечо. Винтозуб сидел на крыше среднего фургона и наблюдал за происходящим.

— Ты понимаешь самношк? — спросила она.

Взгляд Винтозуба оставался осмысленным и лукавым, но стая, хоть и словно бы что-то прикидывая, не ответила.

— Едва ли Винтозуб понимает человеческий язык, — сказал Амди. — Да что там, я даже насчет нашей речи не уверен.

— Ладно, я просто подумала: что получится, если Винтозуба слить с Ритль?

— Это было бы отлично, но вряд ли удастся, — улыбнулся Джефри. — Ритль явственно враждебна.

— А может, просто напугана? — возразил Амди. Синглетка опять заворчала. Звук казался не

таким противным и резким, как ее шипение, но дружественных намерений у нее явно не было.

— Может быть, но и Винтозуб в этом явно не заинтересован. Приняв Ритль, он, скорее всего, сменит пол, а это редко допускается. — Джефри передернул плечами. — Если Ритль не сбежит, нам придется что-то придумать. Тем временем, — он посмотрел в небо, — от основной задачи уклоняться не стоит.

— Она убежит, если я ее прогоню, — сказал Амди.

— Нет. Она за нами кралась, говорю тебе. Ты что, синглетов не знаешь?

— Ну ладно.

Амди обратился к Ритль с успокаивающими аккордами и на человеческую речь больше не переходил, замяв намечавшуюся размолвку. Одновременно он беседовал с Винтозубом, вероятно убеждая его не щериться так на Ритль. Джефри вернулся в передний фургончик.

Синглетка наблюдала за их перемещениями, припав к земле и продолжая ворчливо пофыркивать.

— Она нас пугает, — перевел Джефри. — Грозится, что нам солоно придется, если к ней полезем.

Тут Ритль вскочила на все лапы и побежала

прочь, но остановилась, поняв, что затеряется в высокой луговой траве.

Джефри с Амди занялись пасущимся неподалеку керхогом и через некоторое время с помощью животного таки вытянули фургон обратно на дорогу. Амди сел на скамью ездового в заднем фургончике, и они поехали дальше обычным порядком.

Как обычно, один элемент Амди сел рядом с Равной в среднем фургончике. Вместе с вечерними сумерками улетучилась и морось, отчего мышление Амди значительно ускорилось. Нельзя сказать, чтобы это было кстати.

— Это последний день относительно простого пути, — сообщил он. — Ты разве не слышишь рев водопада? Мы почти дошли до крутого обрыва. — Он дал обозначенному на картах «крутому спуску» более реалистичную трактовку. — Скоро так или иначе встретим незнакомцев.

Она догадалась, что о том же он успел пообщаться с Джефри. Амди в таком состоянии был гипермнителен и надоедлив. Она отвела одну руку от вожжей и погладила его по плечу.

— Мы не можем ничего определить, пока не доберемся туда. А ты лучше следи за фургоном, которым правишь, и держи уши востро насчет

Винтозуба и Ритль.

— Да-да, держу-слежу. — Он поднял морду и посмотрел на нее, извернулся под рукой. — Если бы ты меня видела как целое, то понимала бы, что я за всем так слежу, каждую минуту. Винтозуб наверняка понял, что я ему сказал. Он позади. Из фургона Джефри я вижу Ритль: она немножко впереди нашего каравана. Она не убежит, хотя и старается не попадаться нам на глаза.

Впрочем, Равна и так без труда отслеживала перемещения синглетки. Она ни разу не отдалилась более чем на тридцать метров от фургона Джефри, снуя от укрытия к укрытию. Вместе с тем создание старалось не терять из виду колею фургонов и Винтозуба. Иногда Ритль выходила на дорогу и останавливалась в поле зрения Равны, вертела шеей взад-вперед, потом, заметив, что Равна за ней наблюдает, резко бросалась в сторону и исчезала. Амди вздохнул совсем по-человечески:

— Мне так жалко Ритль. Ты права: если бы только она могла слиться с фрагментом Винтозуба, всем было бы лучше, но… Ты читаешь любовные романы, Равна?

— А? Любовные романы Когтей? Да где бы я…

— Странник меня пускает в библиотеку Дре-

ворезчицы.

Она и не подозревала, что Амди увлекается такими трудами.

— А ты читал какие-нибудь любовные истории из библиотеки «Внеполосного-II»? — осведомилась она.

Когда Равна работала на Организацию Врини-ми, она заметила настойчивый интерес многих клиентов к любовной литературе. Вероятно, она доминировала над всеми формами письменного самовыражения разумных существ. Ничего странного, что и тут она развилась; когда такие произведения удавалось понять, проникновение в чужую культуру и психологию они обеспечивали куда лучшее, чем иные средства контакта по эту сторону Перехода к Трансценденции.

— О, наши любовные истории не такие странные, как ваши, из корабельной библиотеки, но у нас, Когтей, их сложено, пожалуй, больше, чем у других рас! Взять хотя бы Странника и Древорезчицу — у них стайная любовь. Возможна любовь искалеченных стай, которые стремятся слиться в единое целое, безответная или нет. Есть истории про то, как стаи влюблялись в синглетов и наоборот.

— Хм. Судя по тому, что говорит Джефри, нам

еще рано об этом беспокоиться.

— Да, — сказал Амди. — Я понимаю, почему люди любят читать истории со счастливым концом.

Амди на пару минут отвлекся на управление фургончиком и замолчал. Элемент, оставшийся с Равной, вытянул длинную шею и опустил морду на лапы. Глянув вниз, Равна заметила, что он закрыл глаза. Как ни удивительно, словоизвержение таки прекратилось. А может, Амди просто задумался о более долгосрочных трудностях вроде тех, какие склонили его к работе на Шкуродера. Через некоторое время он поднял морду и продолжил:

— Любовь — такая странная штука. С ее помощью мы, Когти, ускользаем от смерти. Я думаю, что и у других рас это тоже так, хотя в вашем случае лишь метафорически. Я ознакомился с людскими любовными историями. *Специально.* Я обратил внимание, что во многих популярен сюжетный ход с похищением, который позволяет персонажам увидеть друг друга в новом свете и сплотиться, показывает, как много они друг для друга значат. Равна, ты не понимаешь, как много вы с Джефри значите друг для друга, или придуриваешься?

— Амди!

— Что? Ну что? Я же просто хочу, чтобы ты была счастлива.

Прежде чем Амди успел возобновить болтовню, положение изменилось. Они спускались по чахлому леску, и грязь теперь сильно затрудняла путь: потоки талой воды вперемешку с перегноем заливали тропинку, вода журчала в островках луговой травы справа от каравана. По картам выходило, что до «крутого спуска» остается лишь несколько сотен метров. Звук падающей воды усилился, и Равна слышала его собственными ушами. Джефри и Амди выбрались вперед поглядеть на водопад, а Равну оставили сторожить фургоны. Ритль не показывалась, но Винтозуб продолжал патрулировать периметр лагеря.

Равна слезла со скамьи и прошлась между фургончиков, проверяя, как там керхоги. Экспедицией она была уже сыта по горло, едва держалась на ногах от усталости, но сидеть тоже не могла — все тело затекло и ныло. Прислонившись к среднему фургончику, она осмотрела местность и решила держаться начеку. Выйдя из делирия, она стала побаиваться приступов сонливости, часто накатывавших в середине дня. «Что, если рассудок снова оставит меня?»

Прошло около двадцати минут, Джефри с Амди вынырнули из чащи. Амди заметно запыхался.

— Карты врали, — сказал Джефри почти шепотом.

Через несколько мгновений подоспел Амди.

— Нет, — возразил он так же тихо. — Их составляли по данным спутниковой съемки. То, что со спутника не видно, на них не нашло отражения.

Джефри пожал плечами. Как и большинство Детей, он был склонен наделять вещи собственной мотивацией.

— Как бы там ни было, — продолжал он мягко, — на дне ущелья видны постройки. Что-то вроде караван-сарая.

— Да, и еще станция канатной дороги на краю обрыва, — добавил Амди.

Винтозуб отирался возле фургонов и ворчал на керхогов, словно призывая продолжить путь. Особо замаскировать свою деятельность он не пытался.

— Винтозуб вроде бы знает, чего хочет.

Джефри глянул через ее плечо.

— Я понимаю. Он уверен, что нас уже заметили, и считает, что с таким же успехом можно двигаться вперед, от этого ничего не изменится. А теперь насчет нашей легенды…

— Легенды? — Равна недоверчиво фыркнула. Два инопланетянина и свора Когтей. В таком местечке их появление само по себе станет событием года. — Ладно-ладно, прости. Нам, двуногим, поначалу полезнее оставаться в тени, пока Амди будет вести переговоры.

Они с Джефри уставились на восьмерку. Бедолага Амди начал прятаться за свои элементы.

– *Я не могу!* Вы меня не заставите!

— Ты единственный, кто вообще говорит на стайном языке, Амди.

— Это нечестно! — возопил Амди, на миг умолк и ударился в еще менее убедительные аргументы: — Там могут прятаться реально плохие парни. Скажем, лазутчики Магната и Проныры.

Джефри покачал головой.

— В этом случае Винтозуб наверняка уже что-то заподозрил бы, а глянь на него… — Фрагмент запряг передний фургончик и выжидательно поглядывал на спутников.

— Мы можем вернуться. Мы будем охотиться и расставлять сети! Я знаю, что Винтозуб это может, и вы сможете! Я буду рыбу ловить!

Равна опустилась на колени перед Амди, и жест этот вышел не вполне надуманным. Амди это понял, и она притянула его ближе, обняла

руками за ближние шеи; спустя мгновение дрожь унялась. Она чувствовала, как влажная грязь холодит колени; шерсть Амди лезла в лицо. *Что ему сказать?*

— Ты самая умная стая в мире, Амди.

— Это… наверно, так и есть. Господин Стальной сделал меня таким. Но он немного не рассчитал усилий. Из меня получился очень, очень умный трус.

— Я думаю, что этого Старый Стальной и ожидал, хотя вряд ли то, что от него осталось, в это верит. — Она мотнула головой в сторону Винтозуба.

— Как знать.

— Стальной Владыка создал существо умнее самого себя. Я, как уроженка Середины Запределья, ответственно заявляю тебе, что больше он ни в чем не преуспел — только в этом. У тебя выдающиеся способности, Амди, и никто во всем мире доподлинно не знает, на что ты способен.

Это ее заявление прозвучало несколько двусмысленно по отношению к сообразительности попутчиков, однако Равна слишком устала, чтобы разжевывать очевидные формулировки. Амди помолчал, но она слышала мягкое ворчание через закрывшую уши шерсть.

— Мы пойдем с тобой, — сказал Джефри. — Выступим в открытую. Действительно, если нас уже заметили, какой смысл прятаться?

— Мы тебе поможем, как сумеем, — добавила Равна.

Учитывая темп, в каком предположительно пойдут переговоры, обещание могло оказаться опрометчивым. Тем не менее Амди отстранился от Равны и свел морды вместе, напряженно размышляя.

— Советом. Да. Если правильно сочинить легенду… хм, я уверен, что до этих стай дошли только отрывочные слухи о людях. Истории о сверхъестественной расе великанов, такой умной, что даже их синглеты такие же смышленые, как целая стая Когтей. Хм, быть может, мне удастся выдать себя за посла двуногих полубогов.

Появилась Ритль, села на краю полосы мышления Амди. Тот огрызнулся на нее, синглетка ответила долгим неразборчивым аккордом.

— Ритль наша идея нравится, хотя она ни слова не поняла из сказанного, — рассмеялся Амди. Он опять фонтанировал идеями. — Коль скоро вы боги, то я буду простым переводчиком! Если разобраться, у нас полно времени, чтобы отшлифовать свои выдумки, даже если что-то пойдет

не так. А потом, потом…

Они решили взять с собой только первый фургончик с тремя керхогами. Если встреча пройдет успешно, можно будет нанять кого-нибудь на канатке, чтоб спустили вниз два оставшихся фургона и увечного керхога. Сейчас же следовало предстать во всем величии.

Фонари, как самый необычный свой товар, они повесили над передком фургона. Карты тоже развернули, хотя торговать ими не собирались. Чистой одежды для людей не осталось, хотя захваченные Джефом с «Внеполосного-II» одежки еще выглядели презентабельно.

Наконец-то нашлось применение и роскошным костюмам Читиратифора. Они осторожно извлекли один набор из промасленных свертков; одежда была такая чистая, что засияла в свете ламп, а стежки столь тонкие, что производили впечатление машинной работы. Нашлись головной убор и куртка по размеру — Читиратифор был крупной стаей, но Амди ему нынче не уступал. На шестерку, которая должна была вести переговоры, одежда вполне села. Амди повозился с одеяниями, затягивая пояса и застежки, потом выстроил свои элементы вокруг фургонов, оценивая общий вид и внося последние штрихи в образ.

О своих страхах он либо позабыл, либо отгонял их силой воли, в позе стаи появилось даже нечто царственное. Равна изучала бисерные узоры на куртках. Вероятно, взятые в целом, они тоже что-то означали, но не для существ, неспособных разнести глаза шире чем на десять сантиметров.

— Есть ли шанс, что это какая-то униформа, Амди? А вдруг ты сейчас выглядишь полковником Легиона Ублюдков Проныры?

— Да нет, — сказал Амди. — Это роскошная, чудесная одежда для очень богатой стаи, только и всего. — Он приосанился. — Теперь… куда нам деть двуногих богов? — Он хотел, чтобы Джефри и Равна разделились, а местные быстрее поняли, что те самодостаточны даже как синглеты. — Потом появляетесь вместе — и эти чуваки в страхе падают ниц!

Джефри кивнул и серьезно посмотрел на Равну:

— Ты как, в состоянии передвигаться?

— Ага. — Она не особенно хотела возвращаться на скамью погонщика.

— Хорошо. Я выйду вперед с Амди. Равна, оставайся у заднего фургончика.

— Тупицам залечь в засаде, гм? — Она заметила, что молодой человек даже не улыбнулся. — С

какой стати ты берешь на себя такой риск?

— Равна, с меня хватит игр в Эпоху Принцесс. Эта твоя привычка меня просто бесит.

«И то правда».

От нее проку было чуть. Она даже вынуждена была опираться на фургон, чтобы не упасть. Когда беглецы наконец двинулись вперед, уже сгустились сумерки, а над землей повис туман.

Лампы, в которых оставалось еще достаточно заряда, они расположили так, чтобы узкие длинные лучи выхватывали из тьмы троицу тянущих фургон керхогов. Истощенные животные вносили свою лепту в маскарад: у посторонних наверняка сложится впечатление, что керхоги тянут какой-то тяжеленный груз.

Два элемента Амди, которым костюмов не хватило, правили фургончиком. Винтозуб шел впереди, изображая телохранителя. Его сопровождали остальные элементы Амди, в лучах света ламп их расшитые бисером плащи ослепительно блестели. Рядом с шестеркой шагал Джефри. У молодого человека вид был не такой пышный, но интерференция света вытворяла странные фокусы с его перешитой из носимых компьютеров одеждой. Равна, незаметная во мраке, следовала за фургоном. Все, кроме нее, были отличными

мишенями.

Амди намеренно расшумелся, пытаясь в меру своих сил приободрить спутников.

— Хотел бы я увериться, что они не примутся по нам стрелять от неожиданности.

— Да какая тут неожиданность! — сказал Джефри, взглянув на деревья вокруг фургона. На толстые нижние ветви даже Когти вскарабкались бы влегкую. — Ничуть не сомневаюсь, мы уже у них на прицеле.

Будто подтверждая его мысль, что-то размером с элемента спрыгнуло с низкой ветки и побежало вперед, покрутившись рядом с идущим правее всех элементом Амди. Потом перебежало дорогу Винтозубу. Тот щелкнул челюстями и пустился было вдогонку, но тут же оставил это дело.

Новоприбывшей оказалась Ритль. «И может статься, в засаде сейчас лежит кто-то из ее работодателей». Однако синглетка не убегала. Оторвавшись от Винтозуба метров на десять, существо перешло на спокойную трусцу и издало руладу звуков, похожих на грохот захлопнутых дверей.

— Силы, что творит это животное? — возопил Джефри.

— Думаю, она возвещает о нашем появлении. —

Амди поколебался и остановил фургон. — Изображает королевского герольда или кого-нибудь в этом роде. Естественно, несет всякую околесицу.

Элементы стаи на земле немного растянулись и напрягли уши, как догадалась Равна, фокусируясь на Ритль. Синглетка застыла и оглянулась на Амдиранифани, потом возмущенно вякнула что-то и, горделиво устремившись вперед, завопила того пуще.

Фургоннные лампы позволяли видеть плотно растущие по обе стороны тропы деревья. Облака смутно отливали серым в последнем свете уходящих сумерек. Прямо по курсу громко и явственно шумел водопад. Ну что, направление верное. Прогонять Ритль с дороги, чтобы ненароком сверзиться вниз, смысла не было.

Амди явно пришел к тому же выводу, и шестерка побежала в прежнем темпе, пока двое аккуратно направляли керхогов по спуску. Равна высмотрела то, что Амди назвал станцией канатной дороги. В целом сооружение напоминало небольшой причал для паромов, зависший над пропастью. Рядом возвышалось большое водяное колесо; в сиянии ламп от него на реку падала арочная тень. Тропа утыкалась в низенький домишко у колеса.

— Видите бойницы? — сказал Джефри, но к виду на дно ущелья это не относилось: он указывал на баррикаду из бревен прямо впереди, пестрившую узкими щелями. — Днем этой хреновины здесь не было.

Фонари слепили, мешая разглядеть баррикаду поближе.

— Амди, притуши свет, — скомандовала Равна. Иногда напугать врага равнозначно немедленной гибели.

— Ладно, ладно… — Один из правивших фургоном элементов оглянулся на нее.

Гомон стаи Амди совсем стих, только Ритль изощрялась чуть впереди. Фонари сияли так же ярко.

— Ну? — спросила Равна.

— Гррк, да я думаю, что нам делать! — Он рассыпался в быстрых и непонятных аккордах стаеречи.

То ли странное поведение Амди, то ли звуки из-за спины заставили Равну оглянуться. Она была не одна. Ближайшая стая целилась в нее из арбалета, заряженного здоровенной стрелой, — кончик стрелы был сантиметрах в десяти от носа Равны.

Глава 27

Людей и керхогов заставили спуститься почти на край обрыва, где поместили в большой сарай, полный сена. В сарае стоял специфический запах. Несколько десятидневок назад такой неласковый прием Равну Бергсндот возмутил бы. Сейчас же она отметила только, что внутри достаточно тепло, особенно если сесть теснее и прижаться к керхогам.

— Да, и помните, что вы под прицелом. — Их сторожили две стаи, каждая с тяжелым арбалетом.

— Но какой идиот…

Стая, стоявшая ближе к пленникам, громко зашипела и ударила Джефри арбалетом по голове. Тот свалился, не издав ни звука.

— Джефри! — Равна рвалась из пут.

Охранявшая ее стая ткнула женщину арбалетом в солнечное сплетение, опрокинув на спину. Минуту она лежала тихо, потом перекатилась на бок и оглядела пол. Небольшая лампа в проволочной оплетке свисала с балки как раз над тем местом, куда упал Джефри. Для Когтей в сарае

было очень темно, однако Равна все превосходно видела. Она заметила, как рука Джефри слабо приподнялась в жесте, означавшем «я в порядке», и повторила жест. Охранники не отреагировали. Рука Джефри медленно задвигалась, показывая другие жесты знакового языка, изобретенного Детьми в первые несколько лет Изгнания. От природы Когти обладали необычайно развитыми способностями к подслушиванию чужих бесед, так что Детям ничего не оставалось, как разработать контрстратегию. Некоторые Друзья из числа Когтей научились и этому языку, но в полутьме стаи даже не различали движений пальцев. Равна припоминала, как Дети оживленно болтали по своему «тайному каналу». Общение получалось медленным и утомительным, поэтому Равна так и не удосужилась толком выучить жестовый код.

Через несколько мгновений Джефри сообразил, что Равна не поняла его знаков. Он послал ей еще одно простейшее «я в порядке», отвернулся и затих. Она долго наблюдала за ним. «Порядок», как она знала по собственному опыту, бывает разный.

Часом позже показался Фрагмент Винтозуба в сопровождении другого охранника. Постоянной

охраны Винтозуб не удостоился, но в том, что он тоже узник, сомнений не оставалось. Он испытывал прочность пут и болтал оживленнее, чем за все время с момента частичной смерти. Казалось, что он пытается спорить с охраной. Те сперва не трогали его, но после долгой перебранки один стражник не вытерпел и хлестнул узника длинным прутом. Фрагмент отступил с видом скорее угрожающим, чем испуганным, и молча сел, оглядывая Джефри с Равной. Джеф перекатился на другой бок и встретил его взгляд, но пообщаться не пытался.

Равна то впадала в дрему, то, вздрогнув, просыпалась, едва обращая внимание на керхогов, которые топтались вокруг высокорослой хозяйки. Ей что-то снилось. Кажется, прозвучала стайная музыка. Что станет с бедным Амди?

Потом под козырек крыльца пробрался серый утренний свет; кто-то забарабанил в дверь сарая. Два элемента одного из стражников отворили. Равна прищурилась, хотя в действительности едва светало. Кто-то — Ритль? — громко ворчал, пререкаясь со стражей. За этим кем-то величественно шествовал Амди, а на почтительном расстоянии от восьмерки — другая стая. Амди поглядел во всех направлениях:

— Джефри? Равна?

— Я тут, — простонал Джефри.

— И я тут, — отозвалась Равна.

— Тебя избили! — Амди бросился к Джефри, погладил его, ощупал лапами лицо.

— Да что ты, Амди, простой синяк…

— Они должны были хорошо обращаться с тобой! — Два элемента Амди обернулись к незнакомой стае и зашипели на нее. Равна никогда еще не видела, чтобы Амди так вольно общался с другим Когтем.

Может быть…

— И как там наша легенда о посланниках богов? — поинтересовалась она.

— Я, э-э, ее забраковал. Местные очень взбудоражились, когда заслышали про людей, хотя немногие из них поверили, что вы вообще способны мыслить. И даже так я бы что-то придумал, отыскал бы шанс нам сбежать, если б не эта тупая балаболка…

Ритль кружила вокруг Амди, вторгаясь в его личное пространство и бесцеремонно вопя. Амдиранифани обернулся к Ритль всеми головами и сфокусировал на ней злобное шипение. Синглетка взвизгнула от боли и отбежала в дальний угол хлева.

— Извини. Извини. Я никому не хочу вредить, даже этой безмозглой идиотке. Но из-за нее нас всех чуть не убили на месте! — Он что-то пролаял на межстайном охранникам и третьей стае, а те зашлись ворчливым смехом. Амди продолжил, говоря в двух направлениях одновременно. Джефри поднялся на колени, покосившись на ближайшего охранника и его арбалет.

— Так на чем вы сговорились, Амди? Похоже, что ты этих ребят как-то обаял.

— Да-да… Ну, это лучше, чем ничего. Я тебе потом объясню, ладно? Канатчик хочет, чтобы мы отправились своей дорогой, пока не грянула буря. Если мы поспешим, ты успеешь даже поесть горячего. Я потребовал, чтобы…

А теперь и Равна почуяла запах. Один из охранников катил перед собой две тачки с… помоями? Нет. Не совсем. Тачки действительно выглядели так, словно в них обычно возили отбросы, но сейчас там лежали груды вареного ямса. Еще там обнаружились кружки бульона — им Когти любили запивать мясо. Основательно оголодав, это можно было съесть с аппетитом. Да и в нормальных условиях блюдо выглядело сносно, что для кухни Когтей было редкостью: немногие стайные блюда подходили людям.

Посуды и столовых приборов не было, даже ножей, обычно используемых Когтями. Грязные тачки просто подкатили поближе и предоставили пленникам насыщаться из них. М-да, похоже, что их приняли за фермерских животных, а не богов. Они успели немного поесть, и стражники тут же выгнали их наружу, внимательно следя, чтобы двое людей были разделены.

Их фургончик был тут же, чуть впереди, рядом со странной деревянной постройкой — станцией канатки.

— Когда спустимся на дно ущелья, справите нужду, — сказал Амди. — Увидимся через минуту.

Он собрался спускаться первым.

— Амди, что ты им продал? — крикнул Джефри. — Фонари у нас остались? А карты?

— Да. А также фургон и два хороших керхога.

— Ух ты! — сказал Джефри.

— А чем мы заплатим? — поинтересовалась Равна. — Другими фургонами и керхогами?

Амди пересек дворик у сарая и побеседовал с парой стай охраны, выстроившейся у канатки. За спиной Равны ворчал Винтозуб, выгоняя двух керхогов на воздух. Такое впечатление, что фрагмент лучше понимал происходящее, чем Равна

с Джефри. Когда животные выбрели наружу, Винтозуб остался на спуске, держа их подальше от вкусной травы, островки которой окаймляли край потока, падавшего в бурную реку. Ритль следовала за ним, ворча на керхогов и посылая Винтозубу предостерегающие аккорды.

Утро выдалось холодным и сырым, капли воды набухали на каждом выступающем крае сарая, фургона или канатки. Над ними зависла дождевая туча, обещавшая вот-вот пролиться. Равна шлепала по грязи, с трудом сохраняя равновесие.

В реке она видела маленькие белые водовороты, проносившиеся мимо канатки, почти под самым колесом. Дальше поток уносился к неестественно близкому горизонту. Звук падающей воды перешел в рев. Вчера канатка выглядела совсем иначе: вечером сараюшка, у которой остановился фургон, казалась висящей на краю скалы. Теперь же на этом месте воздвигли снабженную воротцами платформу, чем-то напоминавшую бельведер. Верхушку платформы венчала небольшая деревянная башенка.

Джефри первым достиг платформы, стражник толкнул его на дальний конец и прицепил к поручням. Винтозуб подогнал двоих керхогов и тоже привязал их. Потом настала очередь Равны.

Керхоги неуверенно топтались по платформе, и та под их копытами ощутимо прогибалась. Появилась местная стая; проверив крепления Винтозуба, она что-то пролаяла оставшимся на краю пропасти. Держа головы вместе, те отступили и пропустили Амди.

Большая часть Амди сгрудилась вокруг керхогов — рядом с Джефри. Остальные элементы разместились у троса рядом с Равной. Роскошные одежды стаи не слишком запачкались, а поза выражала самодовольство и величие. Тем не менее детский голосок, которым стая общалась с людьми, испуганно звенел и дрожал. Одновременно он о чем-то весело перекрикивался с канатчиком.

— Прости, прости. Каждая легенда, которую я им впаривал, по уши втягивала нас в новое дерьмо.

С другой стороны платформы, из-за спин керхогов, раздался смех Джефри.

— Но, Амди, мне кажется, что ты с ними крепко закорешился.

— Ну, вроде да, но я *знаю*, что рано или поздно они обо всем догадаются. Мне в этой роли долго не продержаться.

— А какая это роль, Амди? Если мы не боги, то кто же мы?

Ух! В это мгновение платформа частично отцепилась от креплений и наклонилась где-то на пять градусов. Балки затрещали, когда перепуганные керхоги стали рваться с привязи.

Даже сопровождающая их стая слегка занервничала. С башенки что-то пролаяли, надо полагать — извинялись. Амди ответил, и Равна узнала аккорды добродушного, хорошо сыгранного прощения. На человеческом языке он сказал:

— Канатчик просит прощения. Река очень неспокойна, водяное колесо не справляется с напором. Вся система такая хитрая… мне ее показали. Там все *из дерева*. Дали бы мне несколько дней поработать, я бы ее сделал намного безопасней, но…

Платформа съехала в бездну еще на пару сантиметров. Равна понимала, о чем говорит Амди. В первые дни после ее прибытия на планету Когтей Щепетильник показывал ей схожие устройства, изготовленные *фабричным способом*. Тот факт, что детали изготавливались из дерева, волновал ее куда меньше, чем ручное управление. Даже десять лет спустя Равну периодически потряхивало, стоило ей вспомнить, что поведение механизмов, а также неизбежные дурацкие просчеты и злые шутки природы никто и ничто не контролирует.

Защитных программ тут не было.

Вихляние платформы несколько уменьшилось, и дальнейший спуск проходил почти спокойно. В воздухе было полно брызг, грохот водопада заглушал все звуки, но, казалось, платформа медленно спускалась к безопасному распадку в скальной щели. Равна могла протянуть руку и коснуться каменной стены. Там и сям на скале цеплялись за существование маленькие деревца и ползучие растения.

Прошло пятнадцать секунд спуска, гладкого, как шелк,

— Скорость пара метров в секунду, — констатировал Джефри.

Платформа прошла сквозь облака. Внезапно в уши Равне ворвались крики далеких птиц. Она бросила взгляд влево. *Силы!* Тут была добрая тысяча метров. Отвесная скальная стена уходила к туманному горизонту. Равна отвернулась и подумала: «Как странно — у меня никогда не было головокружения на Вершине».

Сопровождавшая их стая помалкивала. Охранник цеплялся за поручни, но никаких страховок не использовал. На крыше фургона расселся Фрагмент Винтозуба. Вид у него был расслабленный, — казалось, он наслаждается панорамой.

— Думаю, конструкция не такая хлипкая, какой выглядит, — сказала Равна. — Туземец не слишком взволнован. Сколько лет работает эта канатка?

Она снова повернулась — обозреть окрестности.

— Они запустили ее летом, — ответил Амди. — Магнат пытается улучшить сообщение между далекими горными долинами. Он сдал им ее в аренду.

Только прошлым летом? Магнат?

Черт, как много скверных вестей можно упаковать в несколько слов. Равна уставилась в скальную стену и поняла, что перед нею проплывают разметанные обломки платформы, не слишком отличавшейся от той, которая перевозила пленников сегодня. *М-да*.

Амди тоже их заметил, и голос его обрел показную живость:

— Нет, ну в самом деле — сегодня все будет в порядке. Канатчик сказал, что с пассажирами третьего класса, которые путешествуют без багажа, тут сущий дурдом. Они набиваются на платформу и мешают друг другу думать. Прежде чем просчитали все риски, десять стай вывалилось в пропасть. Хор, паника, платформа разбивается в

щепки о скалу… ну вот ты только что ее видела.

Мгновение все молчали. Равна заметила, что Ритль цепляется за поручни в середке двух кластеров Амди. Синглетка выглянула в бездну, отпрянула, метнула взгляд на Амди, опять уставилась в бездну. Ее выпущенные когти глубоко впивались в дерево, она что-то ворчала себе под нос.

— Ладно, Амди, — сказал Джефри. — Считай, что нас все устраивает. Пока у нас пара свободных и спокойных минут, расскажи, пожалуйста, какими баснями ты потчевал местных.

Амдиранифани жалобно застонал человеческим голосом:

— Джефри, я сделал лучшее, что мог в данных обстоятельствах.

Равна вспомнила, с какими трудами Амди уламывали взять на себя даже малую часть этого представления.

— Ты прекрасно справляешься, Амди. Кем бы ты ни притворялся, все выглядит просто чудесно. — Она имела в виду костюм и величественные манеры.

— Это все так, но в чем состоит легенда? — Сквозь досаду Джефри пробились нотки смеха.

— Ну хорошо… Когда мы свалимся — ой, я хотел

сказать «приземлимся», — у нас будет чем заняться, так что сейчас и впрямь наилучшее время ввести вас в курс дела. История о богоподобных людях с самого начала не задалась. Они слишком легко окружили нас, чтобы поверить в ваши сверхстайные способности. Потом я ляпнул, что вы так слабы только потому, что разделены. Они чуть не убили вас, заслышав такое.

— И поэтому они держат нас поодиночке, — кивнула Равна.

— Да. Мне очень жаль.

— Не страшно, — сказал Джефри. — Мы все согласились, что идея была неплоха.

— Э, мм, да, но мне требовалось что-то соображать на ходу. — Он повернул морды и испепелил взглядом Ритль. — Еще до того, как нарваться на засаду, эта синглетка нам все испаскудила. Это она нас сюда загнала.

— Я не думаю, что она для этого достаточно умна, Амди.

— Она *животное*, и от нее одни проблемы! Вы разве не поняли, что она говорила прошлой ночью?

— Когда выкобенивалась перед фургоном? Кое-что я поняла. Какие-то цветастые учтивости: Ремашритльфер явно всякого нахватался

в Восточном Доме. Когда такое несет одинокий элемент, звучит это крайне глупо.

— Именно! Она сама не понимает, что несет, и всегда поступает так, как хочет. И прямо сейчас она лезет мне в середку и мешает думать. — Амди сердито оскалился на синглетку. Та припала к доскам платформы и зашипела на него. — Прошлой ночью ее лепет выставил меня полным дураком. Ну, почти полным.

— Но мы же здесь. Амди, мы живы и дышим. Мы продолжаем двигаться к своей цели. Ты что-то сделал *правильно.*

— Мы остались с одним фургоном. Но да. Я спас наши головы этой ночью. Как оно пойдет днем, понятия не имею. Мы влипли по уши. Эти стаи работают на Магната. Если не напрямую, то через посредников. Трактир, от которого начинается канатка, принадлежит Магнату. Влияние этой стаи распространяется по всему Дикому Принципату. Стая никого не завоевывает. Она подчиняет силой денег.

Джефри отмалчивался, так что пришлось Равне констатировать очевидное:

— Но ведь это Магнат за нами охотится.

— Да. Временная хорошая новость: планы Магната столь расплывчаты и таинственны, что

мы можем пока не обращать на них особого внимания. И, — Амди фыркнул совсем как Шкуродер, — трактирщик понимает, что люди важны для Магната, но не знает, что мы беглецы. То же и канатчик. В настоящее время они думают, что, помогая нам, исполняют волю Магната и зарабатывают себе его полновесную благодарность.

Платформа дернулась, и плавный спуск сменился обычным прерывистым вихлянием.

Амди что-то бросил проводнику и высунул морду через перила.

— Похоже, что нам осталось не больше сотни метров. Наш бравый пилот утверждает, что скоро мы замедлимся. — Он отстранился от поручней и злобно зашипел на Ритль. — Это невыносимо. Знали бы вы, какие картинки она мне посылает! — Некоторые его элементы на миг рассыпались по платформе, потом, овладев собой, уселись в безопасном месте. — Так на чем я остановился?

— Ты объяснял, каким образом тебе удалось склонить этих парней к сотрудничеству.

— Да. Как только я понял, что это стаи Магната и что они про нас не знают, мне пришло в голову, что можно было бы притвориться почти теми, кем мы на самом деле являемся. Для начала я по-

казал им Читиратифоров значок. — Амди сунул морду в один из карманов и вытащил оттуда за краешек инкрустированный драгоценностями медальон. — Я сказал, что мы были на севере с особым поручением, что вы посланники людей и нуждаетесь во всемерной защите.

— Но это прекрасно, Амди!

Амди просиял, заслышав похвалу:

— Это и вправду *могло* сработать. Сомневаюсь, чтоб у них было радио. Пройдет не одна десятидневка, прежде чем Магнат о нас услышит. — Он вдруг поник. — К сожалению, кое-кто слишком громко смеялся, чтобы мою историю приняли за чистую монету. — Он глянул на Ритль. — Эта тварь слонялась вокруг, молола всякую чушь и передразнивала, отчего все мои слова превращались в дурацкую шутку. Кончилось дело тем, что Канатчик поздравил меня с превосходным представлением!

— А? — переспросил Джефри. — Он думает, что ты им театр устроил?

Платформа напоследок дернулась и замерла. Сопровождавшая их стая — пилот? — вскарабкалась по лесенке на крышу. Равна слышала, как прогибаются под ее весом легкие планочки. Кричала стая очень громко, и вопли ее вроде бы

устремлялись вверх. Оттуда слышалось слабое ответное ворчание. Равна перегнулась через перила и задрала голову. Трос уходил в пелену тумана и облаков, где и терялся. У нее сложилось впечатление, что перекрикивание было на канатке единственно доступной системой обратной связи и управления. По сравнению с этим полеты на «Вышних глазах» Щепетильника могли показаться праздничной прогулкой.

Они поравнялись с коньком крыши какой-то деревянной постройки. Земля была всего в нескольких метрах под платформой. Внизу, выглядывая из-под тяжелых тентов, суетились стаи. Пилот издал повелительный аккорд.

— Не высовывайтесь за поручни! — перевел Амди.

Платформа ухнула вниз, примерно на пять сантиметров разминувшись с постройкой. Керхоги дико завертели глазами и стали рваться из пут, но Винтозуб люто зашипел, и животные снова опустились на колени. Из-под платформы донесся продолжительный скрежет. Еще пара сантиметров, теперь крен вниз дала та сторона, где стоял Джефри, и еще пара сантиметров. Из-за перил долетали одобрительные вопли. Некоторые аккорды Равна узнала: *Превосходно! Превосходно!*

Пилот продолжал маневрировать заходящей на посадку платформой. Вид у него был строгий и деловитый, как у истинного мастера своего дела. Равна заметила, однако, что скрежет крыши, сквозь которую платформа чуть не провалилась, напугал пилота не меньше остальных. Неужели крепления троса ослабли? Как бы там ни было, скрежета больше не слышно. Канатчик над облаками наверняка сообразит, что дело сделано.

Пилот подвел платформу к причальным воротцам. Винтозуб занялся керхогами. Тем временем вымокшая под дождем стая прилаживала импровизированный пандус к накренившемуся краю платформы. *Еще одно рутинное нисхождение с небес.* Ритль как нельзя более кстати выбрала именно этот момент, чтобы запрыгнуть на крышу фургончика и разразиться требовательными воплями.

Амди собрался, поправил плащи и гамаши. В голосе маленького мальчика нет-нет да и пробивалось хныканье, но уже спустя несколько секунд стая выглядела так же импозантно, как в тот момент, когда она впервые увидела его этим утром. Пилот канатки спустился с крыши и отстегнул ремни, удерживающие керхогов и людей. Амди прошелся по платформе, заглянул

в ворота и сделал грациозный приветственный жест мордами двум стаям, которые трусили к нему от трактира.

— Я пойду впереди. Если вы спуститесь сразу за мной… ай, короче, я запланировал долгую речь, а вел в конечном счете вот к чему. Понимаете, трактирщик думает, что мы странствующая цирковая труппа. *Великолепный Амдиранифани, Властелин Фрагментов и Повелитель Зомби из Таинственных Земель*. И… — он издал протяжный всхлип, — наше первое грандиозное представление сегодня вечером!

Глава 28

Джефри с Равной опять пришлось ночевать в хлеву. В остальном положение их значительно улучшилось. Амди не уставал убеждать местных, что в богоподобные стаи люди сбиваться не способны. Да, они диковинные и умные создания, в буквальном смысле слова разумные синглеты, но не более того. Джефри с Равной показали обслуживающему персоналу канатки, и, шествуя мимо Когтей, они услыхали аккорд: «Ходячие трупы». Собственно, весть эта обогнала прибытие людей во плоти: подумать только, беззвучные мысли! Само собой, интерес публики к назначенному на вечер шоу Амди только возрос.

В темном хлеву при трактире потолки оказались высокие, а запах с некоторым трудом, но можно было переносить. Как и остальная часть построек трактира, хлев стоял на безопасном отдалении от мест, куда со скал время от времени обрушивались валуны.

— Прошлой ночью я на такое, признаться, не рассчитывал, — заметил Джефри, тряхнув уздечкой, которая связывала его запястья. Когда

Амди и забредшие из трактира зеваки удалились, Джефри принялся обследовать верхний уровень хлева и выстроившиеся на первом этаже фургончики. — Вообще-то, мне даже на миг показалось, что мы в такой же безопасности, как и до нападения Читиратифора.

— Да. — Равна жевала последний клубень ямса, подбирая кусочки с деревянного блюда, которым пользовались местные Когти. — Приятно, когда тебя сторожит друг.

Их новым хозяевам Амди представил Винтозуба сторожем труппы. По справедливости говоря, это было изрядным преувеличением — Фрагмент Винтозуба ограничился тем, что сел у входа в хлев и уставился наружу через щелки между бревен. Исследовательская деятельность Джефри его не слишком волновала. Тем не менее в присутствии местных он вел себя в точности как цирковой сторож, угрожающе помахивая хлыстами у Джефри или Равны перед носом. Джефри обследовал стойла керхогов и опустился на корточки менее чем в метре от Фрагмента:

— Ты понемногу приходишь в себя, так ведь?

Хлыст не шевельнулся. Спустя мгновение стая завертела головами и что-то проворчала.

— Ничего себе, такое впечатление, что он пони-

мает твой самношк!

— Да. Он ничего больше не сказал, кроме «я в порядке», но мой вопрос определенно понял. — Джефри потянулся погладить ближайшего элемента. — Такое иногда случается… Если погибает элемент с критически важными функциями, стая понемногу вырабатывает распределенную замену. Вполне возможно, что он так и не восстановит интеллект на прежнем уровне, однако…

Равна разглядывала смазанное фальшивое пятно на одной морде стаи.

— …мы знаем, что он скроен из очень разных элементов.

— Гм, да.

Весь день снаружи возились стаи и шумели фургоны. В щелки было видно, как две стаи слоняются почти под стенами хлева. Интересно, что им вменяется в обязанность — не пускать зомбаков наружу или отгонять любопытных? В любом случае у Джефри с Равной появилось вдоволь времени почиститься и порассуждать о том, что может получиться из сегодняшнего представления цирка двуногих. Ритль спрыгнула с верхнего яруса и завыла, не слишком страшась Винтозубова хлыста. Большей частью ее ламентации были обращены к сотоварищам по

заключению, но, когда настоящие охранники в середине дня отперли дверь и выдали воды, Равна заметила, как синглетка сторонится их. Наверно, она таки уразумела крохотным умишком, какие проблемы создавала Амди, а может, просто опасалась незнакомцев. В некоторых стайных культурах потерявшихся синглетов можно было безнаказанно убивать, насиловать или вставлять в рабские стаи временного пользования.

Через час после того, как им принесли воды, Винтозуб внезапно привстал на все лапы и насторожился. Ритль испуганно взвизгнула и убралась на верхний ярус, но внимание Винтозуба оказалось сосредоточено на одной из обзорных щелок в стене хлева. Он сделал Джефри с Равной жест держаться подальше.

Тут Равна услышала ворчание множества стай. Шум отчасти заглушался звонким голосом маленького мальчика:

— Привет, Джефри. Привет, Равна. Прикиньтесь ветошью!

Дверь хлева распахнулась. Кроме двух охранников, через порог переступили три другие стаи, в том числе Амди. Держались они вместе — обычное поведение стай, незнакомых с людьми. Один из гостей оказался чванливой шестеркой

с элементами почти такими же крупными, как элементы Амди.

Амди жестом приказал Винтозубу потесниться и дать посетителям пройти. Он о чем-то высокопарно беседовал с незнакомцами, не прекращая объяснять на самношке:

— Шестерная стая — это Трактирщик. Он захотел увидеть вас, прежде чем начнется представление. Сама идея двуногих его просто поразила, но мне кажется, что он слегка напуган вашим присутствием. Если вы сумеете его убедить, что опасности от вас никакой, у нас все пойдет куда проще.

— Прикажи мне выйти вперед, Амди, — сказал Джефри. — Потом дай ему подойти поближе.

— Ладно. Но у тебя должен быть послушный вид.

Амди и другие стаи о чем-то поболтали. Все говорили несколько медленнее, чем обычно для Когтей. Ха! Равна вдруг сообразила, что Амди выкидывает с этими ребятами свои языковые фокусы. Как следствие, ему отвечали в куда более простых выражениях, чем можно ожидать. Глубина вложенности аккордов была явно недостаточна, некоторые рулады назойливо повторялись. Очевидно, Амди убеждал хозяина

заведения, что бояться людей нечего. Внезапно он развернулся и махнул Джефри. Тот медленно вышел из теней, остановился всего в нескольких сантиметрах от ближнего элемента Амди и пал на колени. Его лицо оказалось на уровне глаз самых крупных элементов Трактирщика.

— Так тебя устроит?

Амди склонил голову в сторону Трактирщика, отвечая на самношке:

— Не вижу, как бы мы могли извернуться лучше.

Одновременно он пролаял Трактирщику что-то ободрительное, а потом, поколебавшись, отошел в сторону и сделал шестерке знак приблизиться.

Равна осознала, что сдерживает дыхание. Она редко видела Когтей, совсем незнакомых с людьми, а когда все-таки встречалась с ними, у тех не было возможности навредить ей. А здесь и сейчас Джефри очутился один на один с несомненно опасным незнакомцем.

Чванливость Трактирщика как рукой сняло. Глаза у него слегка расширились, несколько элементов заерзали и предусмотрительно полезли в сумки за челюстными топориками. Перспектива оказаться с Джефри нос к носу явно взбудоражила стаю. Но уже через миг Трактирщик припомнил

данные Амди обещания, как мог выпрямился и *(благодарение Силам!)* перестал возиться с топориками. Что-то уверенно булькнув своим спутникам, он рассредоточился вокруг Джефри и стал издавать успокаивающее пофыркивание: так некоторые стаи (но не Винтозуб) действовали, стараясь успокоить керхогов.

Джефри откинулся на пятках и сидел спокойно, не вертя головой и не отслеживая движений элементов стаи.

Ближний элемент Трактирщика был уже совсем рядом: Джефри при желании ничего не стоило бы его схватить. Внезапно стая это осознала, остановилась, и элемент шумно высунул язык. Потом, подумав, ткнул Джефри носом в плечо. Джефри улыбнулся одними губами, не показывая зубы. Шестерка еще мгновение поколебалась и замкнула кольцо вокруг Джефри, похлопывая его лапами по спине почти так же сильно, как обычного керхога. Одновременно большая часть стаи повернулась так, чтобы ее было видно в проем, и громко заговорила, обращаясь к остальным.

— Он говорит: «Вот видите, это существо точно такое смирное, как мне говорили», — дал краткое резюме речи Трактирщика Амди.

Элементы стаи широко ощерились. Будь у этих

существ видеокамеры, Трактирщик точно бы потребовал от друзей заснять его триумфально позирующим с людьми.

— Он хочет, чтобы я доказал, что ты и в самом деле не глупее целой стаи. — Амди что-то проворчал Трактирщику. — Я ответил, что он сам в этом убедится на большом вечернем представлении.

Шестерка недовольно загундосила. Два элемента мордами и лапами вытащили рубашку Джефри из штанов и внимательно исследовали ткань. На миг Равне показалось, что Трактирщик собирается настаивать, но Великолепный Амдиранифани тут же подвинулся к нему ближе и испустил несколько гневных аккордов, всем видом излучая напыщенность и оскорбленное достоинство. Если б Равна не была знакома с Амди уже десять лет, на нее это могло бы произвести не меньшее впечатление, чем на Трактирщика. Тот явно перетрусил, отвесил Джефри еще пару покровительственных тумаков, пытаясь втихаря оторвать несколько клочков ткани от рубашки, и попятился к двери.

Маэстро и Трактирщик еще несколько минут о чем-то вежливо беседовали. Разговор явно шел не о тривиальных вещах, поскольку Трактирщик в основном разглядывал Джефри, кося двумя мор-

дами и на Равну, которую до этого не заметил в тенях. Но упрямства в облике Трактирщика больше не было. Он явно о чем-то глубоко задумался. Спросив, не нуждается ли Амдиранифани еще в чем-нибудь, он получил обстоятельный ответ. Амди попросил оставить их в покое до представления и потребовал… *игрушек*? В ярком свете по ту сторону двери толпились местные, набившись так тесно (для стай), что некоторые элементы и вправду толкались. Их было столько, что Равна начинала чувствовать ультразвуковое гудение мыслей. Трактирщик вылез из хлева и быстро отогнал зевак. Равна услышала повторенные несколько раз кряду аккорды «большое вечернее представление».

Толпа рассосалась, и слуга Трактирщика вернулся с колесной тачкой, доверху набитой цветными шарами и пестрыми одежками. Ему пришлось опорожнить тачку еще дважды, навезя в хлев каких-то совсем таинственных приспособлений. Потом совместно с Амди они плотно закрыли дверь. В хлеву путешественники остались одни, а охранники снаружи теперь просто отгоняли любопытных. Пора было начинать таинственные приготовления Великолепного Амдиранифани.

Амди развязал Джефри с Равной руки, совместно с Джефри зажег пару ламп в калильной сетке и подвесил их над тачками. Равна уже успела покопаться в груде цирковых «игрушек». Там оказались цветные мячи, четыре бича, плащи и деревянные накладные когти — все это добро только в первой тачке. Оторвавшись от изучения ее содержимого, она подняла взгляд на Амди:

— Ты знаешь, мы тут с Джефри думали-гадали, каким окажется наше представление…

Великолепный Амдиранифани понурил головы:

— Да. Я тоже.

Как обычно, Амди ни в чем не был уверен на сто процентов, но план у него рождался довольно быстро. Выданный им Трактирщиком цирковой инвентарь можно было использовать по-разному.

— Это осталось от последней выступавшей здесь труппы, — объяснил Амди.

Джефри подбросил один из цветных мячиков и запустил его в опорный столб хлева. Отскок был живеньким: явно тропический каучук. Здесь такие изделия должны были дорого стоить.

— Почему же они бросили свой инвентарь? — удивилась Равна.

— Ну, они обанкротились. По крайней мере, так утверждает Трактирщик. Он, э-э, взыскал с них убытки. — Амди нервно посматривал на Равну с Джефри. — Может, от этих вещей и не будет особо толку профессиональной труппе, но в вашем исполнении все будет казаться новым и волшебным. Я подумывал повторить некоторые трюки бродячих цирков, которые повидал в Домене. Я… я представлю вас, потом выпущу выполнить какие-то фокусы, может, узелки позатягивать или что… — Голос Амди упал. Повисло досадливое молчание.

Джеф покидал еще пару раз мячик в стену, потом переглянулся с другом:

— Твоя задумка на световые годы опережает все, что я умею… но почему ты уверен, что Трактирщик нас вообще отпустит? Вне зависимости от исхода представления?

— Я, э-э… не уверен. Я видел, что он прямо слюной исходит, так хочет отобрать вас у меня. Если он вдобавок догадается, что за вами охотятся стаи Магната, он просто возьмет и сграбастает вас, я оглянуться не успею. Но мне вроде бы удалось его убедить, что мы *под защитой* Магната. Я и в самом деле думаю, что он склонен держать обещания. Если все пройдет успешно, он отдаст

нам этот цирковой фургончик, весь инвентарь и половину выручки от представления.

Равну посетила еще одна неприятная мысль.

— Амди, а представление состоится на открытом воздухе?

— О да, для нас приготовили арену сразу за трактиром. С той стороны платформы канатки она не видна. Почему ты…

— Потому что этого места нет на картах Читиратифора, но если с той поры Невил переместил спутник восточнее…

— Ах да! — воскликнул Амди. — Я об этом подумал. В новой точке спутник все еще не сможет нас углядеть. Это если Невил *снова* его не переместил.

Равну начинал утомлять неприкрытый идиотизм спора. На самом-то деле выбора у них не было… Вслух она сказала:

— Ну так покажем этому Трактирщику представление — мне кажется, что задачка будет полегче ловушки с деревьями-стрелками и кустарниками-душителями.

Лицо Джефри озарила мимолетная усмешка. Равне показалось, что молодой человек собрался с духом.

— Так точно. А когда мне было двенадцать лет,

я слыл очень хорошим жонглером.

Равна улыбнулась в ответ. Она вспомнила: на несколько десятидневок маленький Джефри с головой окунулся в акробатические и цирковые фокусы; погремушки и палки летали во всех направлениях. Его отношения с Амди тогда подверглись серьезному испытанию, поскольку стая щенков не могла жонглировать так же проворно.

— Хорошо, — сказала она. — Твой костюм все еще превосходно выглядит, Амди. Ты должен выглядеть уверенно. *Великолепно.* Что еще тебе пришло на ум, кроме жонглерских фокусов?

— Завязывание узлов? Ты это сможешь, Равна? — Амди извлек из одной тачки связку веревок.

— Разумеется. — Во всяком случае, куда лучше любого стайного синглета. — А как насчет шуток и приколов? — Любой цирк, гастролировавший в Домене Древорезчицы, прежде всего старался развеселить публику.

В глазах Амди сверкнула хитринка.

— Я об этом подумал. — Трое элементов Амди лениво заплетали в узел цирковой поводок. — Тут крутится синглетка, которая не раз выставляла меня дураком. Может быть, даже от нее будет

польза.

Пока они говорили, Ритль наматывала круги вокруг Амди, недовольно вопя все громче и громче, и теперь забралась глубоко в его частное пространство. Пять элементов Амди внезапно развернулись к Ритль, скоординированно набросили поводок ей на шею и тремя дополнительными петлями захлестнули передние и задние лапы. Ритль яростно зашипела, но Амди без лишних разговоров повалил ее на бок. Наблюдавший сверху Винтозуб фыркал от смеха. Амди отступил, туго натянув поводок.

— О чем бишь я? — переспросил он. — Ах да. Ритль понадобится костюмчик. — Два элемента прошли к дальней тачке и вытащили оттуда конический кожаный воротник. Он передал его через нескольких элементов, а тот, кто стоял ближе всего к голове Ритль, быстро нацепил воротник синглетке на шею. Ритль рванулась, цапнув челюстями воздух. Шипение синглетки разрывало уши. Конический воротник плотно сел ей на морду и сильно сузил поле обзора. Осознав, что поймана в ловушку, синглетка постепенно затихла.

Амди заметил выражение лица Равны:

— Я ей ничего плохого не сделал, честное слово.

Это стандартный костюм клоуна-синглета. Разве не так, Джефри?

— Э-э, ну да. — Но у Джефри тоже был удивленный вид. Амдиранифани редко бывал агрессивен. Он куда больше других стай симпатизировал обиженным и униженным.

— Ну и прекрасно! Теперь оденем клоуну штанишки. — Он передал Равне пару красящих палочек. — Я тебе скажу, что нарисовать. Не трогай средние уши, и все с ней будет в порядке.

Равна нерешительно покосилась на палочки. Рукоятки были расширены, чтобы удобно было держать в челюстях. У Амди вполне хватало элементов для такой работы.

— Давай, Равна. Ее мысли меня наизнанку выворачивают. Я больше к ней не подойду.

— Ладно.

Равна опустилась на колени рядом с Ритль, осторожно начертила линию на ее боку, как часто поступали Дети с Лучшими Друзьями. Ритль заворчала и попыталась цапнуть женщину, но понемногу расслабилась.

— Теперь начерти вокруг плеч, бедер и средних ушей большие розовые круги…

На все про все ушло только пятнадцать минут. С другими цветами помогал Джефри; в конце

концов Ритль разукрасили так, как ни одну другую виденную Равной стаю, кроме разве что Дара Божьего.

Когда они справились с этим, Амди удлинил поводок и застегнул его под воротником, потом ослабил и отпустил. Ритль мгновение лежала тихо, затем вскочила и стала носиться по хлеву, подбежала к месту, где на солому падало последнее солнечное пятно, завертелась волчком, пытаясь рассмотреть нанесенные на тело узоры. Наконец бедная синглетка сама себя запутала в сбруе и рухнула на пол.

— Вот видишь? — вопросил Амди, хотя и без особого энтузиазма. — Аудитория подумает, что это чертовски забавно. — Он наставил морду вверх. — Винтозуб тоже думает, что это очень забавно.

И правда, головы Винтозуба ходили вверх-вниз: он восхищенно следил за кувырками Ритль. Амди издал несколько аккордов, в целом означавших что-то вроде «а теперь твоя очередь», и показал Фрагменту спускаться. Тот замер. Все морды, кроме одной, спрятались, и Равна услышала угрюмое ворчание. Амди ответил веселым аккордом. Трое его элементов нацелили на Винтозуба красящие палочки, остальные воззрились вверх и стали

оживленно жестикулировать.

Один за другим Фрагмент спустился с верхнего яруса, последним — хромой элемент. Четверка села тесным кольцом, поглядывая на Амди. Равна переглянулась с Джефри.

— Осторожно, Амди, — сказал молодой человек. — Помни, кто он.

— Я… помню. Я не собираюсь его принуждать.

Амди отошел в дальний закуток хлева, где висела хозяйственная упряжь. Там было тесно, однако паре стай перекинуться словечком места хватало. Подумав, Винтозуб с подозрением последовал за ним. Двое скрылись за стойками. Послышался шум тихой стайной беседы.

— Я не пойму, о чем они говорят, — сказал Джефри.

Миновало полминуты. Звуков драки не было. Тишину хлева нарушали только керхоги, ерзавшие в стойлах, да что-то шипевшая себе под нос Ритль.

Снаружи тем временем нарастал гомон. Равна узнала раскатистую хриплую музыку, обычно предварявшую публичные увеселения.

Винтозуб и Амди закончили совещаться. Амди собрал своих элементов со всего хлева, проверил, все ли необходимое уложено в тележку. Винтозуб

рыскнул к двери. Его и так уже смазанная маскировка была стерта — впрочем, так далеко от Домена Древорезчицы в ней не осталось особой нужды. Шерсть теперь украшал пестрый узор из чередующихся белых и черных пятен. Он поднял за поводок Ритль. Вид у Винтозуба был не слишком довольный, но, вероятно, по вине Ритль. Равна ходила вокруг синглетки, чтобы как-то ободрить и ее, и стаю. Винтозуб глянул на нее и произнес первую четкую фразу на самношке за все время с момента своей частичной смерти:

— Вот увидишь, мы всех та-а-ак насмешим…

Один элемент стаи осторожно похлопал ее лапой по спине.

Стаи снаружи барабанили в двери и громко ворчали.

— Все готово, парни! — откликнулся Амди. — Равна, пожалуйста, держись слева от меня. — Джефри уже встал по другую сторону восьмерки. — Не беспокойся, не беспокойся. Я тебе буду все время подсказывать. У нас все получится! — Нервный всхлип.

Дверь отворилась, музыка убыстрилась. Винтозуб выскользнул на свет, Ритль за ним — стая волокла ее на поводке. За музыкантами (ими оказались охранники, по очереди исполнявшие

бравурные мелодии) Равна увидела занявшую значительное пространство толпу — утреннее сборище зевак ни в какое сравнение с нею не шло.

Винтозуб все еще хромал на одного элемента, но теперь притворялся, что и другой этим страдает. Два элемента, державшие Ритль за поводок, шли так близко, словно их постигла латеральная глухота. С тех пор как Равна закончила наносить ему сценический узор, фрагмент в этой походке практиковался постоянно. Ритль была слишком глупа, чтобы играть, но создавала «хозяину» такие трудности, что идеально вписывалась в сценический образ Винтозуба. Умалишенный и его любимица. Грубый средневековый юмор: музыка едва заглушала хохот толпы. Амди выступил вперед, на свет, в сопровождении двух людей. Смех разом оборвался, раздались удивленное булькающее пофыркивание и свистки. Две стаи расчистили им дорогу. Одна тащила тачку с инвентарем, похожую на маленький гоночный автомобиль древности.

— Просто следуйте за охранниками, — сказал Амди. — Трактирщик сказал, что эти зрители заплатили дважды: один раз за то, чтобы увидеть, как вы идете на сцену, а другой раз за место на

представлении.

Охранники затрусили по огороженной камнями тропе, ведущей ко входу в трактир. Везде были припаркованы фургоны, даже там, где в ревущем тумане рядом с водопадом неясно рисовался дурацкий бельведер канатной платформы.

Еще больше зевак наблюдало за труппой с верхних этажей трактира, пока охранники неспешно вели исполнителей через свору уплативших двойную цену привилегированных зрителей, по широкой дуге вокруг здания и, наконец, в самый огромный амфитеатр, какой Равна только видела на планете Когтей.

Труппа Амди остановилась под навесом на краю арены, скрытая от взглядов толпы.

Трактирщик вышел в центр арены. Плиты были уложены замысловатым мотивом, который местами зрительно нарушали не предусмотренные архитекторами темные пятна. Брр. Жертвоприношения животных?

Трактирщик начал вступительную речь. Через пару секунд его заглушили выкрики сверху, вскоре подхваченные оравой со всех сторон. Амди высунул пару морд на всеобщее обозрение, но по большей части старался держаться в тени.

— Хе! Они кричат: «Мы заплатили наши деньги

и не обязаны слушать твою болтовню!»

На арене Трактирщик развернул головы в разные стороны, приняв обиженную позу, и потопал прочь в свою ложу на одной из трибун.

— Я так понимаю, это значит, что нам пора выходить? — уточнила Равна.

Восьмерка присела.

— Амди? — Джефри пытался его подбодрить. — Ты пока что все делал правильно. Иди же!

— Я, э-э, не успел продумать свое… я…

Толпа вопила все громче. Насквозь прогнивший ямсовый клубень влетел под навес и разбился, слегка обрызгав Винтозуба. Фрагмент от неожиданности брезгливо фыркнул и чуть не выпустил поводок Ритль. Синглетка вырвалась на арену, забыв свою утреннюю осторожность. Описав широкую дугу, она огласила амфитеатр оглушительным воем, потом остановилась, покосилась на свои задние лапы, потеряла из виду землю под загораживавшим обзор воротником и закачалась, но восстановила равновесие и заорала того пуще. Смысла ее причитания не имели, но синглетка чертовски правдоподобно имитировала манеру, в какой Трактирщик толкал свою речь. Недовольный гул толпы сменился смехом.

Ритль замерла, впав в замешательство. Потом

запрыгала взад-вперед, требуя внимания. Гогот толпы только усилился. Синглетка нацелилась было прыгнуть в ближайший ярус зрителей, но поводок Винтозуба не пускал. Ритль завалилась на один бок и царапнула лапой кожаный воротник. Равна заметила, как головы Винтозуба качаются в удивленном восторге. Он бросил взгляд на Амди и — оставаясь невидимым публике — очень осторожно потянул за поводок.

На арене бедняга Ритль опять чуть не упала, но чудом сохранила равновесие и помчалась по краю амфитеатра, растягивая оказавшийся очень длинным поводок.

Винтозуб вывалился на арену. Его разукрашенные черно-белыми пятнами элементы хромали по обе стороны. У публики должно было сложиться впечатление, что не столько стая тянет за поводок, сколько синглетка тащит. Несколько раз потеряв и снова подхватив его, он наконец перекувыркнулся всеми четырьмя телами через ограждение и упал на поводок. Когда Винтозуб поднялся, поводок был у него в четырех парах челюстей и держался крепко. Он торжествующе поклонился аудитории и собрался было толкать собственную речь, но у собачки умалишенного были другие планы. Ритль бегала вокруг четвер-

ки, все быстрее и ближе, а свободный поводок стремительно укорачивался.

Наконец она обмотала поводком самого Винтозуба. Он зашатался, возмущенно ворча. Зрителей это развеселило еще больше — на арену полетело несколько гнилых овощей, но на сей раз скорее в знак грубоватого одобрения. Одна гнилушка угодила Винтозубу в плечо и окрасила соком шахматный клоунский узор. Ритль тоже над этим похихикала, но тут же ей пришлось (безуспешно) уворачиваться от новых снарядов. Винтозуб явно запаниковал и затрясся, чуть не рассыпавшись. Потом все его элементы повернулись мордами к навесу, под которым продолжали укрываться Амди с людьми. Даже Равна заметила деланый драматизм его позы.

— Хозяин! Хозяин! Где ты? — примерно так взывал Винтозуб на языке Когтей.

Амди не мог дальше бездействовать. Он издал душераздирающий горловой стон и величаво прошествовал на арену. Смех перешел в слаженное уважительное приветствие, и ливень гнилых овощей мигом утих. В позе Амди было такое величие, какого Равна в жизни еще за ним не замечала. Элементы в середке стаи задрали головы к небесам. Человек на его месте поднял

бы руки, привлекая внимание собравшихся.

Джефри скользнул на освобожденное Амди место и прислушался. На лице его была широкая изумленная усмешка.

— О чем он говорит? — спросила Равна.

— Слишком быстро, я почти ничего не понимаю. Он им обещает…

Учитывая местные диалектные различия, Амди говорил явно быстрее, чем могла бы его понять даже аудитория, но, быть может, это лишь добавляло шарма его образу. Амди сделал величественный жест в сторону Винтозуба с Ритль. Двое убрались с арены, не выходя из роли, хотя Равна подозревала, что играет-то лишь один из них. Винтозуб пробрался под навес и привязал Ритль к деревянному столбику. Он щерился до ушей и страдальчески ворчал, одновременно продолжая отчищать сок с шерсти. Окинув взглядом Равну с Джефри, он внезапно оживился, в усмешке появилось что-то хитрое, словно фрагмент хотел сказать: *Теперь ваш выход!*

— Джефри! Равна!

Амди говорил человеческим голосом, не прекращая молоть обычную чепуху конферансье.

— Я почти готов вызвать вас на арену. Джефри идет ко мне, Равна остается вне зоны слыши-

мости мыслей. Поняли? — Это они как раз и обсуждали в хлеву.

— Да! — крикнул Джефри.

Тут облака на краткий миг разошлись, и на Амди упал предзакатный солнечный свет. Роскошные расшитые бисером плащи засияли, а раскрашенная обувь сверкнула, будто когти у стаи были из чистого серебра. В середке стаи схоронились два элемента, которым не досталось великолепных одеяний, но Равна их не видела.

Амди удивленно посмотрел на солнце, но тут же собрался и бухнул:

— Отлично! — Теперь он давал синхронный перевод. — Я покажу вам чудеса северного края, созданий из-за края небес, существ, которые думают молча, синглетов, способных мыслить поодиночке и каждый за себя. Я покажу вам… двуногих!

Четыре элемента стаи устремили морды к небу, а оставшиеся четыре откатились на тот участок арены, куда выходил скрывавший Равну с Джефри навес. Черт возьми, да от восьмерки даже фанфары раздавались!

— Тебе не кажется, что нам пора? — спросил Джефри.

— Угу. — Вот теперь Равну обуял страх сцены.

Они вышли из-под навеса и выпрямились перед публикой во весь рост. Стоило им появиться на арене, как амфитеатр замолчал. Равна с Джефри разошлись в противоположных направлениях, подняв руки и показывая растопыренные пальцы. Равна разглядывала толпу, выискивая ямсометателей. Ложи выглядели почти как в старом приемном зале замка Древорезчицы… нет, даже просторнее. Их выстроили плотными ярусами, так что каждая следующая громоздилась над предыдущей. «Сиденья» разделялись звукопоглощающими шторами и (на местах для привилегированных зрителей) стенками. Солнце ушло с арены, и трибуны погрузились в полумрак. Трудно было сказать, сколько тут стай. Во всяком случае, теснились они кучнее, чем в любом ином виденном ею месте. Морды торчали отовсюду. И все глядели на сцену. На двух стоящих там людей.

Они с Джефри обошли арену и опять столкнулись почти лицом к лицу.

Она потянулась к нему и поймала за рукав:

— Я и не думала, что нас сюда занесет.

Напряженное внимание на лице Джефри сменила усмешка.

— Готов ручаться, ты не догадывалась, что

мои жонглерские навыки окажутся жизненно важны.

Он на миг сжал ее руку, и они опять разошлись.

Равна вернулась на край арены.

Амди окружил Джефри и продолжил представление номера. Он больше не переводил, но Равна узнала аккорд «пятипальцевые лапы». Потом Амди подошел к тачке, оставленной в центре арены, извлек оттуда три цветных мячика и запустил ими в Джефри.

Джефри начал осторожно, подкидывая и ловя три мячика. Затем он стал подбрасывать их все выше и выше, а ловить все ниже, замыкая круг почти у плит арены. Амди бросил ему четвертый мяч. В хлеву они немало попрактиковались, и этот фокус получался на «отлично», но тут Джефри не сладил. У него ушло несколько попыток, чтобы подбросить и удержать все четыре мячика. Равна окинула взглядом толпу. Ямса никто не швырял, зато по трибунам катилось слаженное щелканье челюстей — аплодисменты. Эти Когти восхищались уже тем, что чудовищно высокий неуклюжий синглет вообще ухитряется чем-то жонглировать.

Но окончательно покорить толпу Джефри

повезло под конец выступления. Без умолку вопившая стая со второго яруса бросила в него ямсовый клубень. Джефри поймал его, не дав разбиться о плиты, и стал жонглировать пятью предметами!

— Кинь его назад, — велел Амди и послал трибунам предостерегающий аккорд. Джефри опустил четыре мячика на арену и постоял мгновение, приглядываясь к зрителям. В таких густых сумерках при сплошной облачности стая ничего толком бы не видела, но Джефри отступил на шаг и запустил клубень — описав медленную величественную «свечу», тот врезался прямо в морду бросившему его вниз элементу.

Равна затаила дыхание. Она понятия не имела, насколько серьезным оскорблением это может показаться местным. Но тут же амфитеатр взорвался лающим хохотом. Даже сам виновник конфуза огляделся и восторженно завертел мордами. У него в загашнике нашлись и другие овощи. После нескольких попыток стая и человек нашли ямс потверже и начали игру в мяч.

Прежде чем в нее втянулось больше участников, Великолепный Амдиранифани убрал Джефри с арены и жестом вызвал Равну. Ее сценический дебют неумолимо приближался.

Увы, фокус с завязыванием узелков смазал вечер. Хотя веревки, предоставленные Канатчиком, были тяжелыми и плотными, особо смотреть было не на что. Правда, в сумерках стаи и так мало что видели. С другой стороны, она не страшилась потерять равновесие, да и ямс в нее никто не бросал. Затянув последний узел, Равна обвела взглядом трибуны. Щелканье аплодисментов было сдержанное, зато в нацеленных на нее взглядах читался специфический мрачноватый интерес. Если она и не подтвердила сверхсинглетный уровень своего интеллекта, то по крайней мере продемонстрировала, что для тонкой работы в тесноте двуногие приспособлены куда лучше, чем любая полноценная стая.

В любом случае выступление Равны не так затянулось, как антреприза Джефри. Амди начал было собирать реквизит, просигналив Винтозубу начинать прощальный обход. Но как только фрагмент отвязал Ритль, Трактирщик выбрался из своей ложи в лучшем ярусе и послал Амди просительные аккорды. Стая чуть ли не ворковала. Что бы он ни попросил, в амфитеатре его слова нашли горячую поддержку. Трибуны зашумели.

Амди удивленно затоптался в центре арены, Джефри снова вышел из-под навеса.

— Что, что? — спрашивала Равна.

Джефри улыбнулся перекошенной улыбкой:

— Думаю, что добрый хозяин просит соизволения нескольким доверенным зрителям пройти на арену и… погладить нас.

Внимание Амди переключилось на Равну с Джефри, и впервые поза его утратила напыщенность.

— Это правильно. Никто из этих стай прежде не встречался с людьми. Но если они настроены враждебно, как ты поступишь?

Все его элементы, как и Джефри, смотрели на Равну.

— Я…

Она подняла глаза и осмотрела битком забитый амфитеатр. Сейчас большая часть воплей звучала вполне дружелюбно. *И завтра нам понадобится их поддержка, если мы думаем отсюда выбираться.* Собственно, к этому и сводилась история ее жизни на этой планете. Она только и делала, что заключала краткосрочные сногсшибательные соглашения.

— Я согласна.

— Хорошо. — Амди провыл согласие, для разнообразия изъясняясь очень простыми и разборчивыми аккордами. Потом сказал Джефри

с Равной:

— Я попросил, чтобы проходили по одному. Охрана Трактирщика останется поблизости и будет следить, чтобы кто чего не отчебучил.

Стаи первого яруса просачивались на арену, выполняя сложные маневры в надежде первыми близко увидеть зомби. Трактирщик приказал охранникам построить добровольцев так, чтобы те не толкались и не мешали друг другу, чем внес еще большую сумятицу.

Винтозуб увел Ритль и расположился по правую руку от Равны, Амди же разместился позади обоих людей. Ритль важничала и что-то не переставая болтала, но когда фрагмент подтащил ее ближе и защелкал челюстями, синглетка заткнулась.

Первые «избранные» прошли за кордон. Пятерная стая сперва нетерпеливо бежала, потом замедлилась, сбилась на трусцу и даже попятилась. Все пять голов смотрели вверх: Когтя поразил рост Джефри. Зритель сразу позади, недовольный задержкой очереди, заворчал, но опередить трусишку не пытался.

Джефри опустился на колено и вытянул руку, подзывая стаю.

Амди нервно зашевелился за спиной:

— Это не Трактирщик. Ты не гадай, пожалуйста.

— Все в порядке, Амди. Это совсем как в нашу первую вылазку на Длинные Озера.

Язык тела Джефа указывал, что он расслаблен, но голос звучал скованно.

Пятерка почти минуту изучала одежду Джефри, ощупывала пальцы мягкими мордами, обменивалась впечатлениями с Амди.

— Он выражает восхищение тем, как ловко я тебя натренировал, Джеф, — сообщил Амди, пропуская зрителя к Равне.

Некоторые незнакомцы были похожи на первого. Другие горделиво озирались на оставшихся позади друзей, словно говоря: *Вы только посмотрите, как я близко подобрался к чудовищу!* Многие заговаривали с Джефри и Амди, эхом повторяя слова людской речи и наблюдая за реакцией.

Сумерки сгустились, по углам арены заполыхали костры. Пламя взлетало высоко, а светило ярко — даже для Когтей. Зрители шли непрерывным потоком. Несколько стай даже уделили время Винтозубу и поблагодарили его за выступление. Равна задумалась: а довелось ли вообще когда-то скрытому внутри фрагмента Стальному сталкиваться с таким вниманием? Во всяком случае,

вид у четверки был довольный. Ритль толком не понимала, как отвечать на приветствия, но явно полагала себя равноправным членом труппы. И лишь немногие, очень немногие оправдали опасения Амди. Одна стая затеяла потасовку с Джефри. Когда Амди вмешался, существо извинилось и протиснулось мимо Амди к Равне. Это была семерка, но на редкость уродливая и худая. Если бы над ней поработать цирковым маркером, из нее получилась бы неплохая замена персонажу Винтозуба. Стая отиралась совсем рядом, оглядывала женщину глазами одинакового желтого оттенка и шумно дышала в лицо. Дыхание стаи воняло. Амди внимательно наблюдал за ней и переводил ворчливые аккорды:

— Он говорит всем, что даже на таком близком расстоянии ты не издаешь никаких мыслезвуков.

Равна молчала. Тогда существо взвизгнуло — она разобрала аккорд, который означал «живое» (или, быть может, с отрицанием: «неживое») — и врезалось мордами ей под колени. Равна упала, но, прежде чем существо успело еще как-то ей навредить, вмешались Джеф и Амди слева и Винтозуб справа. Вместе они навалились на незваного гостя. Минуту или около того царила

неразбериха, во все стороны разбегались Когти. Равна с трудом поднялась на ноги. Атакующий рассыпался — его элементы разбежались на расстояние, препятствующее связному мышлению. Они тупо озирались некоторое время, потом что было духу драпанули на край арены, слились обратно и улетучились через один из проходов между ярусами.

— Так, хватит! — заорал Джефри. — Шапито закрывается! — Он потянулся к Равне и мягко спросил: — Ты как?

— Я… — Ей нападение вообще никак не повредило, лишь напомнило о рисках странствия.

Амди обратился к толпе зрителей в целом и к Трактирщику особо. Достопочтенный хозяин стоял на краю арены, возле сборщиков звонкой монеты. Слова Амди повергли его в безумный пляс. Толпа стай разразилась воплями протеста. Равне показалось, что ее худшие кошмары начинают сбываться.

— Трактирщик обещает нам луну и солнце с неба снять, если мы останемся еще ненадолго, — лаконично резюмировал Амди.

— Ну, — сказала Равна, — мы, в принципе, могли бы остаться.

Амди вздернул четыре морды и заворчал так

громко, что заглушил шум толпы.

— Я напоминаю о данных нам Трактирщиком обещаниях, — сказал он одновременно. — Я говорю, что мы рады сотрудничать с достойными клиентами, но хотим также, чтобы все стороны выполняли свои обещания.

Трактирщик согласно покачал головами. Равна понимала, почему он так взбудоражен: заплечные сумки клонили к земле его охранников под тяжестью выручки. Этим вечером стая, можно сказать, сорвала джекпот.

Джефри кивал, но без особого энтузиазма.

— Хорошо, ты права. Останемся еще ненадолго и посмотрим, как все обернется.

Он вернулся к стае, с которой беседовал перед нападением. Еще несколько минут взаимодействие с амфитеатром было натянутым, но потом любопытство превозмогло, хотя все теперь держали уши востро и следили за теми, кто мог создать другим проблемы. Приток посетителей, а равно денег в кассу трактира, возобновился.

Впоследствии Равне едва удалось вспомнить, насколько они задержались, — явно до поздней ночи. Стаи шли и шли. Кто-то поглядывал на нее агрессивно, однако на прямую стычку уже не осмеливался. Что до остального… она поняла

теперь, почему Йоханне, Джефри и остальным Детям так нравились опасные вылазки за пределы Домена. Преодолев естественный страх перед людьми, чужаки Когти находили великое откровение в их способности подбираться так близко, в том, как явственно умны эти необычные синглеты. Вечер клонился к ночи, костры догорали, их разжигали снова. Все больше посетителей эхом откликались на их с Джефри слова. Некоторые стаи, уже побывав за чертой оцепления и поняв, что могут и не попасть туда вторично, собирались на краю арены и перекрикивались с ближайшими посетителями новой волны, прося задать вопросы и за них тоже.

Здесь могли водиться чудовища и рыскать враги. А еще здесь было предостаточно Лучших Друзей для нового поколения Детей.

Глава 29

После выступления на канатке все изменилось. У беглецов появился настоящий цирковой фургончик (без сомнения, конфискованный некогда у злосчастных владельцев). В фургоне имелся пассажирский отсек, и весь он был так велик, что тянуть его могли только четыре керхога. Трактирщик, за которым внимательно наблюдала оставшаяся до утра свора зрителей, выдал труппе также припасы и арбалеты. И, что еще важнее, официальное письмо, в котором просил всех, кого это может касаться, оказывать всемерное содействие и обеспечивать свободу передвижений этим невероятным циркачам. Подписано письмо было от имени управляющего делами Магната в Долине Канатной Дороги. Это уже много значило, особенно вкупе с медальоном высокопоставленного магнатчика, который Амди позаимствовал у Читиратифора. Оставалось лишь надеяться, что, когда этих мест достигнут подлинные распоряжения Магната, головы бедолаги останутся на плечах.

Когда труппа покинула канатку, за ними изъ-

явила желание последовать по меньшей мере дюжина стай. Они хотели как можно дольше наслаждаться зрелищем и сопроводить своих любимцев в гастролях по дороге назад на север. Казалось, что они вполне искренни, но Амди не позволил: чем шире разлетится слава о них, тем легче будет Магнату с Невилом и Пронырой отследить их перемещения. Как только поклонники заслышат поисковое объявление, они тут же могут обратиться против них.

Так что после канатки их сопровождали лишь несколько фанатов циркового искусства, осторожно крадущихся в нескольких сотнях метров за фургоном.

Амди прокладывал путь по картам, намереваясь побыстрее достичь пограничных поселков на севере. В каждой следующей деревне поклонников в кортеже убывало. Это, в конце концов, были обычные стаи Дикого Принципата, крестьяне и малые землевладельцы. Как бы ни заинтересовали их двуногие, свободным временем эти стаи особо не располагали.

На третий день Винтозуб осмотрел местность и доложил, что последний поклонник отбился от каравана. Настало время сменить курс на первоначально избранный Амди на канатке.

— Карты предлагают достаточно обходных путей, — сказал Амди. — Трудность в том, что независимо от избранного пути еда у нас кончится прежде, чем мы достигнем Домена. — Следовало либо жить на подножном корме, либо давать новые представления.

Когда Амди в полной мере осознал этот суровый выбор, он колебался лишь мгновение. Затем по стае расплылась тихая усмешка.

— Я… я думаю, настало время вернуть себе немного великолепия.

Следующие несколько дней они заглядывали в каждую деревеньку по пути, а Винтозуб оценивал риски, сопоставляя положение дел с положением запасов еды. Большую часть поселков они обошли стороной, но три раза все-таки выступили, однажды под крышей в чем-то вроде фермерского клуба и дважды на открытой местности, в полях под облаками. Погода стояла сырая и холодная, шли пронизывающие до костей дожди, дороги развезло, но все же путешествие выдалось куда приятней прежнего. Их мастерство росло. Равна со своими узелками, как и прежде, выглядела лузером, но потом придумала, как улучшить систему освещения импровизированной арены так, чтобы этот фокус занял почетное место в

представлении. Даже Ритль вроде бы получала некоторое удовольствие от выступлений. Во всяком случае, ее попытки представить Амди зрителям становились все замысловатее и цветастее. Амди полностью освоился с местным диалектом, отшлифовал презентацию, убрав из нее все огрехи, хотя лепет синглетки его по-прежнему не на шутку выводил из себя. Кульминацией шоу неизменно становилось общение со зрителями, желавшими погладить забавных зверей, и они приучились выполнять эту церемонию почти без эксцессов. Слава обгоняла их: когда труппа обходила стороной город, откуда ни возьмись возникали местные стаи, умоляя циркачей остановиться и выступить.

— Признаки цивилизации в этих землях слишком уж явственны, — сказал как-то вечером Джефри, разбивая лагерь. Сквозь лесной полог сочился лунный свет, но, по счастью, для примитивной оптики спутника этого было явно недостаточно. — Некогда здесь царило полнейшее запустение. Большинство путешественников опасались сюда соваться. А теперь! Повсюду торговля. А та арена у канатки? Она огромная и *новая*.

— И города растут, — добавил Амди. — Они

даже больше, чем указано у Невила на картах. — Картам можно было доверять, ведь они составлялись для Читиратифора. Они просто быстро устаревают.

— Угу, — отозвался Джефри, — и земли полнятся товарами Магната. Меня уже тошнит от логотипа Стаи Стай. Будет чудом, если мы вернемся в Домен прежде, чем до него долетят вести.

Равна мрачно кивнула:

— И я готова поручиться, что Невил уже поджидает, причем, скорее всего, вооруженный «Вышними глазами — II».

Амди похмыкал, что у него служило признаком напряженной работы над хорошей идеей.

— Но там будет и Древорезчица, — произнес он скорее вопросительно. Джеф и Амди все больше опасались за Йоханну и Странника. «А что Древорезчица?» Равна восстановила в памяти странный разговор, какой у них с Древорезчицей состоялся накануне похищения.

— Я думаю, Амди, что она все еще правит Доменом. И Невил ее не одурачит.

— Ладно. Верные ей войска наверняка высматривают нас на границе. Если попадем к ним, тебя наверняка доставят на корабль.

— Если вы поможете мне вернуться на «Вне-

полосный-II», Невила можно будет списывать в утиль.

Это Равна повторяла каждую ночь.

— Хмм, — сказал Амди. — Так что мы можем сделать…

Размышления Амди прервались воплями Ритль. Синглетка постоянно отиралась поблизости с невинным видом, а подобравшись ближе, немедленно вставляла свои пять монет.

На сей раз, однако, Джефри только рассмеялся:

— А что, в этом есть смысл, Амди. Если бы у керхогов были крылья…

Амди это не впечатлило, он закачался на лапах:

— Вот безмозглая чертовка! Вы что, не видите? — Восьмерка порскнула в озаренный луной сумрак и на время рассыпалась.

— Что-то он стал слишком раздражительным по отношению к Ритль, — заметила Равна. — Интересно, как прочно пристанет к нему маска Великолепного Амдиранифани.

— Да слышу я тебя, слышу! — крикнул им Амди. — Если мне не дают подумать, я хоть схожу на страже постою.

Фрагмент Винтозуба вернулся после обхода лагеря и теперь ухаживал за керхогами. Одна

его голова повернулась и проследила за Амди. Закончив распрягать и кормить животных, он уселся на землю под стеной фургона и прокомментировал:

— Ритль делает из него идиота.

За последние дни фрагмент стал общаться на самношке значительно лучше, хотя и без присущего ему в бытность слитной стаей едкого сарказма.

Равна осмотрела фургон. Обыкновенно Винтозуб располагался рядом с синглеткой по другую сторону от керхогов, там он чувствовал себя спокойнее.

— О, приветик, Винтозуб. Ты разве отцепил Ритль?

Тот нахохлился, выглядывая из-под прикрытия фургона в разные стороны. Было похоже, что отвечать фрагмент не собирается. Все же после паузы он сказал:

— Она отвязалась.

Джефри хихикнул:

— Ритль явно выучила кое-какие твои трюки с веревочкой, Равна.

Равна тоже улыбнулась:

— Она просто хорошо всех передразнивает.

Ритль уже пару раз отвязывалась, но никто,

кроме Амди, этим особо не тревожился. Равна поглядела на Джефри через медленно догоравший костерок.

— Разве от Ритль не может исходить угрозы? Ремашритльфер был нашим врагом, пускай не таким опасным, как Читиратифор, но все же прислужником и доверенным лицом Магната. Разве не предаст она нас при удобной возможности?

Даже в сумерках ухмылка на лице Джефри была видна очень хорошо.

— А, паранойя проснулась.

Он перескочил через умирающее пламя и сел рядом с ней. Как обычно, они разложили свои подстилки на таком расстоянии, чтобы не сталкиваться, вытянув руки: если между ними садилась восьмерка Амди, теплых тел было вполне достаточно. Впрочем, последние ночи прошли в своеобычных нелицеприятных пререканиях. Вчера Равна впервые услыхала от Джефри, что Флот Погибели теперь называют Флотом Спасения. Собственно, этот момент стал для нее самым жутким за все странствие по глуши.

Джефри грел руки над угольями.

— Когда — если — мы попадемся в лапы Магнату… трудно сказать, как поступит Ритль. Старый Винтозуб говорил, что Ремашритльфер

был одним из доверенных порученцев Магната. В зависимости от того, кто за нами явится, вполне вероятно, что Ритль и в самом деле нас предаст. Хотя у нее может не хватить ума даже на то, чтобы крикнуть: *Эй, хозяин, взгляните сюда!*

— Хорошо, я согласна, что глупо пока что ее опасаться.

Она несколько минут молча наблюдала за Джефри. Она его десять лет знала и видела, как искренне любящий ее ребенок стал лучшим исследователем среди Детей — и человеком, поверившим в самую жуткую и опасную ложь на свете. Джефри тоже молча глядел на нее.

— Что? — спросил он наконец. Улыбка пока не сошла с его лица, но в глазах уже проступало беспокойство.

«Одно неверное слово — и вся ночь насмарку. Но я должна попытаться».

— Джефри, мы все еще расходимся во мнениях насчет Погибели и Контрмеры; это ужасно. Ты знаешь, о чем я думаю. Ты знаешь, что твои родители пожертвовали собой, спасая вас всех от Погибели. С другой стороны…

— С другой стороны, у нас есть сертифицированное чудовище высшей пробы — Невил, — сердито подтвердил Джефри. — Что с того? Я же помню Вы-

сокую Лабораторию. Тут, Внизу, я наблюдал, как Контрмера убивала Фама. Даже ты признаешь, что именно Контрмера взметнула Медленность, что она уничтожила цивилизации во всем космосе, насколько мы можем видеть ясной ночью. Равна, не имеет значения, кто хороший, а кто плохой. Только правда имеет значение.

— Я не про то, кто хороший, Джефри, я про то, что надо доверять доказательным наблюдениям! Ты же был всего лишь…

— …всего лишь ребенком? Ты это уже говорила вчера ночью!

Но так оно и было! И она никогда не забывала, как Джефри с Амди пытались привести ее в чувство после гибели Фама. Она поколебалась, собираясь с мыслями и пытаясь вывести разговор на безопасную тему.

— Джеф, некоторые факты, пока что недоступные открытию или экспериментальной проверке, могут изменить твое мнение, ты это допускаешь?

— А, ты хочешь, чтобы я пересмотрел свои воззрения на жизнь? Очень мило. И тебе того же.

— Я…

— Ладно, проехали. Ну какое тут еще может быть неоткрытое доказательство?

Джефри отвернулся и посмотрел в меркнущее пламя, подвинулся к нему ближе, поднес руки к уголькам и долго молчал.

— Мы собираемся доставить тебя обратно на «Внеполосный-II» в целости и сохранности, так чтобы ты при этом не попала в лапы Магнату и Проныре, — сказал он наконец. — Делай потом, что считаешь нужным. Если ты не справишься с Невилом сама, придется *мне* им заняться. — Его взгляд вернулся к ее лицу. — И знаешь что? Группа Изучения Катастрофы продолжит функционировать. И я тебя уверяю, что новым ее лидером станет отнюдь не Били Ингва.

Равна дремала. Луна села, костер догорел и остыл. Все погрузилось во тьму. Временами керхоги ворочались и пофыркивали, но обычного раздражающего бульканья Ритль слышно не было. Наконец Равна услыхала, как кто-то крадется в лагерь: наверное, Амди пришел будить следующего вахтенного. При этой мысли она почти полностью проснулась. Обычно второй дежурила она, хотя была уверена, что Амди с Винтозубом не особенно высокого мнения о людях как о часовых и кто-то из них все равно бодрствует всю ночь.

Где-то далеко послышался слабый шум — это могла быть Ритль, но тон не такой жалобно-

ворчливый. И тут ночь взорвалась шипением и визгом. Через заросли пронеслось неопределимое число каких-то существ — они догоняли друг друга и дрались на бегу.

— Амди! — крикнул Джеф. Ответа не последовало, но Равна слышала, как кто-то — Винтозуб? — вскарабкался по спинам керхогов на крышу фургона. Визг не утихал, источник шума локализовался по ту сторону фургона. У Равны была при себе одна лампа, она тряхнула ее и перевела в режим наблюдения. Свет замелькал псевдослучайными вспышками: лампа сканировала окрестные кустарники в режиме, который любому пожелавшему отыскать источник заморочил бы головы.

Звуки, словно от драки великанских котов, продолжались, но никаких следов атакующих стай Равна не обнаружила. Если Ритль и выдала их, это не была простая засада.

— Дай я посвечу. — Это Винтозуб, с крыши фургона, где лежала вторая лампа. Он залил ее светом все вокруг. Заглянув под фургон, Равна увидела на другой стороне лапы Когтей.

— Это элементы Амди! — Джефри обежал вокруг фургона, зарядил арбалет и взял его на изготовку. Две четверные стаи гонялись друг за

другом, щелкая челюстями и злобно рыча. У всех были простые рабочие плащи, которые Амди носил в пути.

— Эй! — позвал Джефри. — Амди?

Восемь элементов сбились в кучу. Свет лампы упал прямо на свору. Действительно, это был Амди.

— Амди, ты в порядке?

Равна опустилась на колени рядом со стаей, глядя на каждого элемента. Они были ранены и исцарапаны, одно ухо разорвано.

— Кто это сделал? — *И здесь ли еще они?* Но она видела, что Винтозуб наблюдает с фургона только за Амди; атака его не беспокоила. Амди шипел и лопотал, но все исходившие от стаи звуки перекрывал высокий жалобный свист. Стае было нестерпимо больно. Наконец Амди перескочил на самношк:

— Никакой атаки. Не было никакой атаки. Никто за нами не крадется, но Винтозуб пускай постоит на часах.

Он издал два-три аккорда. Винтозуб что-то ответил. Фрагмент спрыгнул на землю с той стороны фургона и растворился в зарослях. Амди переглядывался то сам с собой, то с Джефри и Равной, жалко скорчившись в ярком свете ламп.

— Выключите свет, ладно?

Равна так и сделала. Амди заговорил в темноте:

— Это Ритль.

— Не понимаю, — сказала Равна. — Если тут больше никого, как ей удалось столько натворить?

Равна уловила мягкий щелчок: Джефри снял стрелу с арбалета.

— Я думаю, тут все намного сложнее. — И она услышала, как Джеф опускается на колени рядом со стаей.

От Амди лилась странная смесь звуков. Он жалобно хныкал, как ребенок, издавал аккорды, которых она не понимала, и говорил полным отвращения к себе голосом маленького мальчика:

— Ритль — животное, от нее с самого начала одни проблемы. Она дура, она всегда лепечет чушь и портит мои выступления. Ты ж это тоже видела, так ведь? Она чуть нас всех не убила на канатке. Она лезет в мое личное пространство при каждом удобном случае.

— Она синглетка, Амди, — мягко заметил Джефри. — Она не может жить одна.

Хныканье стало громче. Равна почувствовала, как в стае что-то быстро перемещается, пара

челюстей клацнула, хватая воздух. Джефри успокаивающе загугукал.

— Ты слишком к себе жесток, Амди.

Спустя миг голос маленького мальчика зазвучал снова:

— Я вздыхаю. Я знал, что с Ритль так получится, как только она к нам прибилась, но… я думал… я надеялся, что все будет как в любовных романах и Ритль дополнит Винтозуба обратно до слитной стаи! Это бы решило обе проблемы одним ударом. А этот тупорылый фрагмент не проявляет к ней никакого интереса. Как и Ритль к нему, впрочем. Зато она стала, э-э, подкатывать ко мне… «Ну и что», — подумал я. Я идеально подогнан. Новый элемент мне ничего не принесет, кроме вреда.

Амди помолчал, хотя хныканье не утихало.

— Сегодня ночью я растянулся вокруг всего лагеря. На самом деле это очень интересно. Я сильно поглупел, зато так много всего увидел; мысли ползли неспешно, по одной за раз, и каждая меня чем-то обогащала, поставляла новую идею. — Он заплакал еще громче. Это не был групповой звук, плач исходил от тройки, прижавшейся к земле ниже остальных. — И тут Ритль. Она не то чтобы выскочила из засады: я знал, что она там. Она стала меня дергать за разные части… — Амди

взвизгнул от ярости, — за части, которым она *нравится*. — Он завертелся волчком, щелкая челюстями.

Джефри потянулся к нему, рискованными движениями поглаживая то одну голову, то другую. Спустя миг восьмерка собралась воедино.

— Ритль меня на части рвет!

Глава 30

На картах значился город в тридцати километрах вверх по дороге. Были на других дорогах и ближе, но в этом месте, вероятно, легче всего запастись провиантом. Оттуда можно потихоньку пробираться вперед, разведывая, на какой заставе Древорезчицы безопасно перейти границу.

В этом городе они собирались дать последнее представление. Настоящая же кульминация еще впереди. Тем временем…

Равна сидела на крыше фургона и поглядывала по сторонам. Обычно она управляла фургоном сама, но было маловероятно, что даже *Равна со звезд* в одиночку сладит с четырьмя керхогами. Она многим была обязана Фрагменту Винтозуба, который то и дело направлял животных и вовремя осаживал их.

Джефри и Амди шли вместе, отдалившись на большее расстояние, чем обычно, и силуэты их были едва различимы в утреннем тумане. Восьмерка тесно сгрудилась — поза, характерная для стай, идущих через толпу или по местности с плохой, мешающей мыслить акустикой. Сам по себе

туман не заставил бы Амди так построиться. После временного полночного умопомешательства стая тихо и понуро брела за фургоном, временами заговаривая о чем-то с Лучшим Другом на низких тонах.

Равна слегка натянула вожжи, просто чтобы керхоги поняли, что она не заснула, и полуобернулась к своей спутнице на передке фургона.

— Так что же ты такое, Ритль? Осколок стаи?

Ритль нахохлилась. Трудно было судить о настроении синглета по его позе, но животное вроде бы поняло ее, хотя бы отчасти. *Она смеется?* Тем утром поводок Ритль коротко затянули и закрепили среди инвентаря за скамьей возницы. Приволочь ее туда было нелегко. Она явно решила, что подвиги последней ночи наделили ее привилегированным статусом. Недовольное шипение не утихало несколько минут, после того как фургон тронулся, потом синглетка выдохлась и замолчала, оглядываясь на дорогу в направлении Амди. Каждый раз при этом Равна ощущала слабую вибрацию в дереве скамьи, которую приписала побочным эффектам ультразвуковых мыслевоплей Ритль.

Она продолжала монолог, обращенный к синглетке:

— Ты знаешь, у людей считается крайне дурным тоном разбивать чьи-то отношения, даже если тебе это самой очень нужно.

— Крайне дурным тоном, крайне дурным тоном. — Ритль несколько мгновений повторяла фразу, после чего взгляд ее снова сосредоточился на объекте аморальных ухаживаний.

Назвав Ритль «обломком стаи», Равна не слишком погрешила против истины. Бедный Амдиранифани просто был слишком велик, чтобы принять еще одного элемента. По крайней мере, он не уставал это твердить, и Джефри с ним соглашался. Приняв постороннего взрослого элемента, восьмерка рисковала расщеплением личности. Три элемента мужского пола, которым Ритль не нравилась, скорее всего, отколются. О женской особи Амди сказал только, что она покамест колеблется. Любой исход означал для Амди фактическую смерть.

Винтозуб что-то крикнул, и Равна вернулась к действительности. Керхоги перепуганно сопели и тянули фургон под кручу. Винтозуб не дал им это сделать и закружил вокруг фургона. К ним уже бежали Джефри с Амди.

Равна запуталась в поводьях. На обочине грязь стояла по колено. Она слезла с крыши, расставила

ноги и потянула за вожжи со всей силы.

— Мне нужна небольшая помощь!

Потом она услышала *это*. Звук шел из тумана у нее над головой — гудели индукционные двигатели. Аэролет Щепетильника! Судно пока было скрыто туманной завесой, но приближалось.

Амди и Джефри догнали фургон.

— Надо съехать с дороги, Равна, — настойчиво, но мягко сказал Джефри. Ритль тут же оживилась и протестующе забубнила. Амди прошипел ей что-то вроде «заткнись, идиотка!» — и, о чудо, синглетка утихла.

Равна взялась за вожжи, а Винтозуб с Амди и Джефри встали впереди и направили керхогов в густые заросли. К счастью, особо подгонять животных не требовалось — туда-то они и тянули. Их только нужно было провести мимо колючек и размоин.

Меж тем шум Щепетильникова аэролета нарастал. Спасение ли это или… бандиты Невила? Вопрос крутился у нее в голове, пока фургон сползал с дороги. Она не то чтобы потеряла управление, но теперь ей стало ясно, как легко свалиться под копыта или в глубокую лужу и погибнуть там.

Передние колеса фургона перевалили через

край вымоины, и Равна вернулась на крышу. Рядом хлестали обросшие густой листвой ветки. Не задумываясь, она потянулась к Ритль, оттащить синглетку. Они вместе скорчились под царапучими ветвями.

— Извини, — сказал голос Джефри. — Я не думал, что тут такая чащоба.

— Ничего страшного. — Равна развела рукой тяжелую мокрую листву. По крайней мере, под небольшим козырьком можно было не опасаться, что им выколет глаза. Она спустилась по лесенке на скамью ездового. Ритль тут же спрыгнула ей на плечи и затем на землю. Мгновением позже Равна утонула в грязи по щиколотку. С трудом вытаскивая ноги, она отошла от фургона и уставилась вверх. Гудение паровых двигателей аэролета все еще нарастало, но в тумане, сквозь шатер листвы за лесной опушкой, она ничего не видела.

— Амди! — Голос Джефри был не громче шепота. — Рассыпься и прислушайся как следует.

Амди только свел морды вместе, злобно зашипев на Ритль.

— Я не могу рассредоточиться, когда эта тварь так близко, — сказал он. — Она лезет между моими элементами.

Ну ладно. Равна прошлась вдоль дороги, по которой они ехали. Если на аэролете настоящее шпионское оборудование, то, пряча фургон, путешественники просто зря потратили время. Если нет, то, не исключено, ей удастся кое-что выяснить, не показываясь наблюдателям. Она пробиралась по вымоине, укрываясь под самыми толстыми ветками, но не теряя из виду небосклон.

Винтозуб крался по зарослям за ней. Три, нет, все четыре элемента. Один потянул ее за штаны, просигналив залечь в найденное фрагментом укрытие. Она опустилась на колени, потом на четвереньки и поползла за ним до края дороги. Да, впереди превосходный наблюдательный пункт.

Зззззззззззззззззззззззззззз… аэролет пролетел всего в нескольких метрах над головами. Он направлялся на юг, но не быстрее, чем мог бы бежать человек. Равна подвинулась к прорехе в стене зарослей и осторожно выглянула на дорогу. Как раз вовремя, чтобы увидеть очень похожий на «Вышние глаза — II» летательный аппарат, исчезающий во мгле. За аэролетом рассеивалась спираль туманной пены. *О Силы!* Мгновением раньше она бы уставилась *им* прямо в лица!

Винтозуб подобрался к ней и тоже просунул в прореху пару морд. Равна задержала дыхание, вся обратилась в слух, ловя любые шумы летящего назад аэролета. Их маневры с фургоном могли оставить различимые сверху следы.

К добру то или к худу, но звук двигателей аэролета начал утихать, исчезая на юге. Беглецы сидели, низко пригнувшись под поливающей их миниатюрными водопадами листвой, еще несколько минут, потом даже Винтозуб вроде бы уверился, что преследователи не вернутся. Они прокрались назад к фургону. Там их забросали вопросами.

— Мы были слишком глубоко в чаще, чтобы видеть или слышать их, — сказал Амди. — А вы?

— Вы не стали их подзывать, — констатировал Джефри. — Это люди Невила?

— Я не видела. Извини. Наверное, я перестраховалась. — «Может, мне стоило просто выбежать прямо на дорогу». Немногие Отрицатели утруждали себя возней с такой примитивной техникой; в любом случае у Щепетильника на борту доверенная команда.

Амди и Винтозуб о чем-то поболтали. Ритль нерешительно мялась рядом с восьмеркой, время от времени вставляя бессмысленные реплики.

Внезапно Амди обернулся к ней, свирепо щелкнул челюстями и зарычал:

— Привяжи ее! Я устал с ней сюсюкаться!

Синглетка молнией отскочила подальше, где ее никто не мог достать, и разразилась руладой, понятной Равне без перевода: «Поймай меня, если сможешь!»

Джефри наклонился и подобрал поводок синглетки, лежавший у его ноги. Он подбросил его и повертел, привлекая внимание Ритль. Животное секунду смотрело на него во все глаза, потом запетляло вокруг Амди, стараясь запутать поводком его лапы. Это не была репетиция циркового фокуса: Джефри с Амди пытались перехитрить создание и спустя несколько минут преуспели. Ритль царапалась, кусалась и вопила благим матом, но ее безжалостно притянули за поводок, втащили по лестнице и привязали к столбику на крыше.

— Хорошо, на чем мы остановились? — сказал Амди, не обращая внимания на новые вопли. — Винтозуб *слушал* флайер, а Равна *высматривала*. Он говорит, что на борту Когти.

Джефри уже спускался по лесенке и на полдороге замер, обдумывая услышанное.

— Он слышал их мысли?

— О нет, слишком далеко и влажно. Он расслышал межстайную речь.

— Я никаких голосов не слыхала, — сказала Равна, — что и неудивительно. Он кого-то узнал? Что они сказали?

Винтозуб вслушивался в ее вопросы, покачивая головами. Ответил он на самношке:

— Никакого смысла. Никаких слов. Но такие звуки двуногим не под силу издать.

Равна села на корточки рядом с Фрагментом:

— Ты слышал людей?

Винтозуб поразмыслил.

— Нет. — И высказался подробнее на стайном языке.

— Он говорит, что если на борту и есть какие-то люди, то за все время, что ему было хорошо слышно, они ничего не говорили. То есть по меньшей мере две минуты.

Равна подавила невеселый смешок:

— Надо было мне помахать им.

— Они вернутся, Рав.

— Может быть. И так же возможно, что они продолжат поиски на юге. Как бы там ни было… не вижу, что это для нас меняет.

Тем утром Амди с Винтозубом дважды слышали шум аэролета. Обе стаи рассредоточились по

сторонам дороги, пытаясь установить базовую линию источника звука. Впрочем, с уверенностью можно было утверждать только, что он далеко на юге.

Надо было подумать и о финальном представлении. Туман сменился моросящим дождем; Джефри и Равна вскарабкались в фургончик, где учинили смотр костюмам и инвентарю. Винтозуб погонял керхогов, они с Амди по очереди занимали скамью — хотя, когда Амди сидел там всей стаей, Ритль заставляли тащиться за фургоном на длинном поводке.

Амди, такое впечатление, беспокоился больше о том, что им делать после финального шоу, как улизнуть из города и оттуда добраться до границы Домена.

Равна улыбнулась, глядя, как он полирует ламповые эмиттеры:

— Эй, Амди, десятидневку назад ты бы ни о чем не болтал, кроме шоу… куда пропал твой страх сцены?

Голос маленького мальчика доносился до них сквозь открытое окно:

— О, я все еще слегка побаиваюсь выступлений, но эта проблема, в принципе, решаема. Как математическая задача она обладает приемлемой

сложностью.

Он пару секунд молчал.

— Ритль — проблема совсем иного толка. Когда мне удается избегать ее, я начинаю думать, что способен удержать себя вместе. Чем дольше я остаюсь наедине с собой, тем легче мне решать такие тривиальные проблемы, как страх сцены.

Он помолчал еще дольше, потом со вздохом добавил:

— Я должен поблагодарить тебя за поддержку, Равна. Я всерьез раздумывал над тем, чтобы эвакуироваться на верхнюю станцию канатки.

«А что я такого сказала наверху? Ах да».

— О, Амди, я сказала тебе *правду*. Стальной создал тебя для собственных нужд. На нижней станции ты просто открыл, что способен на *большее*.

— Нет. Я не то имел в виду. Не твои слова, но твои поступки. Ты всего лишь синглет, по нашим понятиям, и твоя рана ужасна. На верхней станции ты едва держалась на ногах, но продолжала упрямо двигаться вперед. Глядя на это, я понял, что должен справиться.

Джефри поднял голову при этих словах. Он раздражен или удивлен?

— Просто будь осторожней, Амди.

Приблизившись к пункту назначения, они поняли, что рекогносцировка представит известные трудности. Даже далеко на юг от города в полях негде было яблоку упасть от стай и фургонов.

— Они говорят, что приехали посмотреть на цирк двуногих, — доложил Амди, переговорив с первыми встречными.

Джефри выглянул из-за штор, опущенных на окна фургона:

— Их тут побольше, чем во всех иных виденных нами местах. Кто-то подготовился к нашему прибытию.

Равна отвела в сторону штору и тоже выглянула. Ехавший впереди фургон был ярко раскрашен, и под навесом от дождя узоры складывались в вездесущий логотип двенадцатеричной стаи. Значок поменьше определял груз как «превосходные плащи». Два элемента ездового глядели в ее сторону. Стая приветственно заулюлюкала и помахала Равне лапами. Женщина махнула в ответ.

— Амди, а не кажется ли тебе, что мы элементарно прославились?

Восьмерка заговорила откуда-то из-под окошка:

— Они утверждают, что рано утром местный

князек разослал по всей округе вестников, наказав им провозгласить этот день днем особого фестиваля с участием «настоящих двуногих из легенд», конец цитаты. Они полагают, что объявление как-то связано с большой штукой, летающей в небе, — они тоже слышали аэролет. Слушай, мне надо сбегать на разведку вперед и разыскать кого-то, кто согласился бы заключить с нами сделку.

Равна с Джефри переглянулись. Обычно они попросту останавливали цирк на границе города и ждали, пока представитель местных властей не соизволит предложить им контракт на выступление. Зачастую ожидание затягивалось на день. План Амди позволял выиграть время, зато оставлял людей в компании Фрагмента Винтозуба, в дипломатических талантах которого Равна глубоко сомневалась. Этот последний не замедлил свеситься с крыши фургона и подключиться к беседе:

— Амди-иди-вперед.

Джефри оглядел запруженную транспортом дорогу:

— Хорошо, Амди, но будь проще.

— Я постараюсь. Одно представление, выручку делим. И отбываем на рассвете.

— Будь осторожен, — сказала Равна, подумав, что, вероятно, слишком раззадорила стаю.

— Да ладно. Без Ритль со мной все будет в порядке. — Амди уже обогнал фургон и побежал вперед, что-то крикнув стае, которая крутилась неподалеку и выглядела как чей-то официальный представитель.

Если это и пограничный поселок, он не так мал, каким мог показаться. Амди вернулся с указанием следовать к павильону на центральной городской площади.

— Местная большая шишка зовет это место Северным Аванпостом Цивилизации. — Амди хихикнул. — Слышала бы это Древорезчица!

Равна шла рядом с фургоном, разглядывая город. В Домене Древорезчицы занимались ваянием — главным образом скульптур, изображавших королеву, но здесь Равна впервые в мире Когтей увидела настоящее собрание героических статуй. Каждая работа, мимо которой они ехали, изображала в пафосной позе одну и ту же стаю, высоко привставшую на лапы, с мечами и щитами. Если верить Амди, статуи изображали местного правителя — Князя Чистоты. С Трактирщиком его сравнить было просто невозможно: Князь обитал в замке из беленого камня. Замок высился

к северу от города и немало впечатлял… пока не заметишь, что большая часть побелки покрывала голое скальное основание с небольшим домиком на самом верху. Амди, увидев замок, только встряхнулся:

— Если бы не богатство, нажитое торговлей с Магнатом, посмотрел бы я на этого князька. Почти все постройки, которые я увидел, — совсем новенькие. Уверен, что десять лет назад Северный Аванпост был задрипанной дырой.

Джефри кивал, озираясь вокруг.

— А пятьдесят лет назад тут вообще никто не селился и земли пользовались дурной славой.

— Князь заявляет, что он наследник великого дома, чья история уходит в незапамятные времена.

— Гм, — сказал Джефри, — мы такие басни уже слышали в прибрежных королевствах. Древорезчица все на них облизывается.

Во всяком случае, сегодняшний Северный Аванпост был местечком приметным и оживленным. На площади плотники уже сколачивали деревянные подмостки и скамьи для вечернего представления, а на оставшемся пространстве теснились уличные торговцы. Стая, продававшая «превосходные плащи», торговалась со стаями,

предусмотрительно занявшими места на только что сколоченной скамье. Множество голов смотрели в сторону затененного павильончика, где стоял фургон с людьми.

Элементы Амди, показавшиеся толпе, величественным жестом приветствовали зевак, но голос его оставался слышен только спутникам:

— Похоже на уменьшенную версию рынка на Южной Окраине, разве нет? — Он оттянул всех элементов под крышу павильона и принялся натягивать сверкающий костюм Читиратифора. — Тем не менее это первое место на нашем пути, где население явно побаивается властей. — Зловещие слова контрастировали с развеселым тоном стаи. Возможно, Амди радовался, что Винтозуб уже привязал Ритль рядом с керхогами и увел из зоны мыслепомех.

— Думаешь, он откажется платить? — спросила Равна.

— Ах, это самый скверный тип, какой только нам попадался после побега из лап Читиратифора, — сказал Амди, застегивая последний плащ. Он еще не прицепил накладные когти — их он надевал в последнюю очередь, за несколько минут до выхода на сцену. — Но я сунул ему под носы нашу заверенную Магнатом индульгенцию. Вы

ведь знаете, что прошлой ночью здесь пролетал аэролет? Ну вот я и сказал ему, что наша труппа и под защитой Древорезчицы тоже.

— А как он отреагировал?

— Он поднял меня на смех, но вид у него был изрядно перепуганный. — Амди взглянул на Равну и Джефри. Видимо, он только сейчас заметил сердитые взгляды людей. — Ой, да полноте. Если бы он знал, что Магнат за нами гонится, нас бы уже посадили под замок. Если мы сумеем его изумить, все пройдет без сучка и задоринки.

Это было их лучшее представление, отчасти благодаря энтузиазму публики — слухи об удивительном цирке двуногих питали ее ожидания в этом городе дольше, чем в остальных, — отчасти (и приятнее всего) оттого, что все участники труппы, и в каком-то смысле даже Ритль, наконец наладили безошибочное взаимодействие.

Начинала Ритль, за которой гнался забавно неуклюжий Винтозуб. Каждый раз, как элемент Винтозуба с петлей поводка подбирался ближе к синглетке, Ритль отскакивала, проносясь дразняще близко от остальных элементов Винтозуба, а подчас совсем рядом со зрителями, что-то им бессмысленно лопоча. На втором заходе Ритль обнаружила служебную лестницу со ступенями

шириной с элемента, ведущую к личной ложе правителя. Ритль принялась танцевать под княжеской ложей и ораторствовать своеобычную чепуху.

Джефри придвинулся к Равне; они оба еще не показывались толпе.

— Знала бы ты, что она несет, — ухмыльнулся он. — Ритль из себя чуть ли не монарха изображает. Думаю, она обещает князю луну и солнце с неба снять, если он согласится исполнить ее… просьбы? приказы?

Равну это не так повеселило.

— Надеюсь, ее не казнят.

— Ну, в общем, да.

Толпа взорвалась смехом, но было в нем что-то нервическое. Частная ложа Князя была задрапирована плотными звукопоглощающими занавесками, которые с равным успехом могли служить первым слоем брони. Слуги и телохранители выстроились вокруг ложи, мешая разглядеть, что там внутри; да и без того в ложе было темно, как в пещере. Князь, может, и чист как первый снег, но освещение ему явно не слишком нравится. Тут же из ложи в предзакатные сумерки высунулись три увенчанные головы. Были и другие, но те пока прятались в тени. Князь что-то пролаял Ритль, та

приосанилась и понесла вздор дальше. Веселье публики стало естественнее: Князь Чистоты явно тоже забавлялся. Равна опознала в жесте его голов карикатурный поклон. Все, кроме Ритль, видели, как по лестнице к синглетке неспешно подползает петля поводка.

Когда Винтозуб накинул петлю на сбежавшую синглетку и потащил ее на сцену, смех перерос в оглушительный хохот. Винтозуб сделал круг почета по площади, кланяясь во все стороны. Жалобно вопящую Ритль он тащил за собой, и Равна подумала, что надо бы проверить, какие у зверька после этого останутся раны и царапины. Это было здесь в порядке вещей и вызывало искреннее веселье, но Равна Бергсндот не собиралась этому попустительствовать.

Винтозуб вернулся к цирковому павильону, Ритль забежала вперед. Войдя в тень от навеса, синглетка бесстыдно тявкнула и рванулась к Амди. Восьмерка в панике шарахнулась прочь, и Равна услышала насмешливое ворчание синглетки.

— Чертова тварь! — сказал Амди вполголоса, нацепил последний накладной коготь и вышел на сцену.

Небо затянули тяжелые тучи, так что, исполь-

зуя лампы, они ничем не рисковали: пятно света бежало по пятам Великолепного, пока тот величественно шествовал к центру сцены. Свет мерцал и сливался, синтезированный эмиттерами, которые Джефри с Амди предварительно закрепили по углам крыши павильона. Для столь отсталых технически существ, как эти горожане, разделение света и его источника казалось истинной магией. Амди не забывал упоминать, что без специальных знаний его приспособления бесполезны. В общем-то, он не лгал, хотя контрольный интерфейс был интуитивно понятен. Пока что никто, кроме идиота Винтозуба, не пытался гоняться за световыми пятнами или украсть фонари, да и попытка Винтозуба превратилась в рутинную шутку — псевдоисточниками света у него оказывались копыта керхогов.

Кульминацией представления оставалось выступление «разумных синглетов». Джефри жонглировал, Равна показывала фокусы с узелками; позднее к этому добавились странноватые тесты на правописание, призванные убедить и тех, для кого интеллект не сводился к жонглированию или завязыванию узлов. Как обычно, внимание публики сосредоточилось на Джефри, хотя выступление Равны теперь включало простой, но

впечатлящий трюк с лассо. Она медленно шла через сцену в свете ламп и ворчании конферансье. Остановилась Равна так близко от первого ряда зрителей, что у тех не осталось сомнений как в исключительной гибкости и ловкости ее рук, так и в изумительном безмолвии ее мыслей. Как всегда, зрители пораженно ворчали: аккорды их сочетали недоверие, опаску и интерес.

Потом Равна подошла к ложе Князя Чистоты. Стража уставилась на нее с явным подозрением и, оценив высоченный рост неуклюжей синглетки, крепче сжала челюстями арбалеты. «М-да, на этих парней лассо лучше не бросать». Равна отступила и показала ложе несколько фокусов. Три увенчанные головы подались вперед. Спустя миг появилась и четвертая, на плечах элемента сидел щенок. Стая что-то сказала — отпустила комплимент? Едва ли. Один элемент отвернулся и поглядел в темную ложу. Ей показалось, что там кто-то сидит. Другая стая? Но как это возможно в такой тесноте?

Она балансировала на цирковых шарах, вглядываясь в сумрак ложи. «А что, если там человек?» От этой мысли она чуть не потеряла равновесие и заодно контроль над лассо. Пустившись в танец, она попыталась представить этот нелепый

пируэт частью сценической задумки.

— Ты в порядке? — крикнул Джефри через площадь.

— Да. — Она не осмелилась сказать ему правду. А вдруг на аэролете не было людей, потому что бандюки Невила уже приземлились — и они здесь, сейчас наблюдают за ней?!

Равна отдалилась от ложи князя, но концентрацию ей вернуть не удалось. Она еще несколько раз запуталась в узлах и даже завалила некоторые вопросы по правописанию от Амди.

Благодарение Силам, Амди уже переходил к завершающей части — псевдоимпровизации. Он пригласил добровольцев из публики подняться на сцену и «приложить лапы к пальцам» удивительных существ с другого края неба. Князь Чистоты что-то скомандовал из ложи, и его стаи выстроились в коридор — собирать плату за проход на сцену. Действовали они куда слаженнее, чем на всех представлениях до того. Может, это были стражники резерва, стоявшие на боковых улочках. Многих, впрочем, Равне уже доводилось сегодня видеть. Действия Князя Чистоты больше смахивали не на взимание платы за вход на представление, а на сбор податей.

Джефри срезал угол, направляясь к Равне.

Когда наступал черед знакомства публики с диковинными животными, люди всегда держались вместе. А этим вечером… Равна схватила его за руку. Он подошел ближе и наклонился к ней.

— Что случилось? — спросил он шепотом, держа губы у самого уха. Может, хоть так не подслушают.

Равна тоже приложила губы к его уху и произнесла так тихо, как только смогла:

— Приглядись к ложе князя. Что ты видишь у него за спиной?

— Ага. — Джефри не взглянул туда сразу же; рука об руку они вышли к центру сцены, к Амди, откуда начиналась «линия приема». На полпути туда Джефри бросил рассеянный взгляд на зрителей, лестницу и княжескую ложу.

— Князь все еще там, наверху, — сказал он спокойно. — Надеюсь, что он спустится погладить нас. — И очень тихо: — Я больше никого не вижу.

После этого их захлестнул поток приветствий и поздравлений. Тут оказалось очень много, больше, чем в остальных местах гастролей, желающих поболтать с людьми; они охотно повторяли сказанные Равной слова самношка. Так далеко на севере должны были циркулировать слухи о

делах в Домене; если Князь Чистоты прежде и не встречал людей, вскоре они сами свалятся ему на головы. Равна оглядела толпу и подавила стон. Даже если повторные заходы на сцену тут не разрешены, представление грозит затянуться по меньшей мере так же, как на Нижней Канатке.

А может, и нет. Стражники князя что-то проворчали.

Амди поднял глаза на княжескую ложу:

— Князь Чистоты провозглашает, что публичное выступление закрыто. Он намерен удостоить нас личной аудиенции.

Зрителей, которые уже заплатили за вход, пустили на сцену, но стражники норовили оттеснить их подальше от людей. Дружелюбная болтовня прекратилась. Не одна морда беспокойно и озадаченно поднялась в сторону княжеской ложи.

Равна заметила, что Джефри делает Амди какие-то знаки, стараясь держаться подальше от ложи. Глаза Амди расширились от удивления. Он махнул Винтозубу оттащить Ритль.

— Не хватало еще, чтобы она ко мне цеплялась перед князем.

Амди занял вновь освободившееся пространство и очень внимательно наблюдал, как Князь

Чистоты спускается из личной ложи по элементной лестнице.

Джефри мялся с ноги на ногу рядом с Равной. Он тоже смотрел на князя — фактически заглядывал ему за спины. Отсюда княжескую ложу им было видно лучше, чем если бы они стояли прямо перед ней. Когда последний элемент Князя Чистоты спустился по лестнице, за ним никого не оказалось. Тайна осталась неразгаданной.

— Там нет никого ростом с человека, — шепнул Джефри.

И все же там кто-то был, и сейчас он едва заметно перемещался в тени. Она по-прежнему толком его не видела, но существо напоминало синглета. Его плащ отличался от одеяний князя и был очень темного цвета. За князем по лестнице существо не спустилось.

Равна переглянулась с Джефри, молодой человек едва заметно пожал плечами. Если бы синглет все время сидел в ложе, князю едва ли удалось бы сохранить ясность ума на протяжении всего представления.

— Может, это местный обычай? — тихо предположил он. — Или у князя просто персональный бзик.

Князь вступил на площадь, и последних посети-

телей с нее шустро вымели. На сцене не осталось никого, хотя в примыкавших к ней улочках все еще теснились зеваки. Вернее сказать, стояли так тесно, как только могли. Из выходивших на площадь узких окошек тоже торчали любопытные морды. Аудитория не уменьшилась, но как-то сжалась, точно делая вид, что ее тут нет. Равна заметила, как Амди колдует с лампами, стараясь отслеживать торжественным светом перемещения князя по площади. К счастью, это вполне сходило за знак почета и в то же время, надо полагать, напоминало парню, что есть силы, над которыми он не властен.

Князь Чистоты носил необычные одежды: его куртки и головные уборы были сшиты из сотен горностаевых шкурок. Равна видела такие изделия в Домене, но там это были только гамаши и шапочки для одного элемента. Когти выделывали эти шкурки, придавая им, со своей точки зрения, идеальную белизну. Человеку одеяние показалось бы выцветшим и усеянным ржаво-коричневыми пятнышками.

Князь приблизился в сопровождении двух стай охраны. Те широким кольцом окружили Амди с людьми. Амди принужденно стянул свои элементы теснее, но к Равне с Джефри стражники

не приближались: это была привилегия единовластного правителя. Князь Чистоты подошел на расстояние нескольких метров, заметно кося на ярком свету. Он оказался пятеркой и явно страдал от ожирения всех элементов, кроме щенка, который, прячась за спинами остальных, зыркал на сцену любопытными глазками-бусинками. Четверка взрослых несколько мгновений стояла неподвижно, и движения их голов Равна истолковала как насмешливо-осторожную улыбку. В отличие от своих подданных, князь явно не сумел превозмочь инстинктивной неприязни к двуногим. Только два его элемента выдвинулись вперед, поближе к Джефри с Равной. Они внимательно потыкались мордами в ноги людям и попробовали на вкус ткань одежды. Отходя назад, двойка дала Равне скоординированного пинка. Джеф помог ей устоять.

— Эй, вы там! — не удержался Амди.

Князь что-то булькнул в ответ. Амди тут же принялся переводить, избраннный им для князя голос звучал елейно и вкрадчиво:

— Я не имел намерений повредить вашим животным, господин дрессировщик. Но должен сказать, что эти верзилы едва держатся на ногах.

Выступившие вперед элементы князя продол-

жали слоняться вокруг Равны с Джефри, но не подходили ближе, чем на расстояние вытянутой руки.

Амди подтянулся, стараясь выглядеть горделиво, хотя его окружала стража. Ответ на языке Когтей звучал тише перевода на самношк:

— Мы честные цирковые артисты, господин. Разве наше сегодняшнее выступление не пополнило вашу казну?

Амди значительно повел головой в сторону набитых выручкой сумок: контролеры князя, натужно сопя, грузили их, одну за другой, на тяжеленные тачки.

Князь Чистоты протяжно фыркнул — этот звук Амди не позаботился даже передать человеческим эквивалентом. Засим последовало перекрытое переводом Амди ворчание:

— О, разумеется, мои подданные сполна насладились каждым моментом вашего представления и по достоинству оценили ваше мастерство. Однако я должен заметить, что вы на несколько часов перекрыли мою центральную площадь. Транспорт совсем встал. Это торговый город, дружище-циркач. Мы не можем просто так взять и списать ущерб, понесенный от вашего присутствия здесь нашими рынками.

Амди возмущенно тявкнул, на миг с него слетело все великолепие. Князь продолжал, перевод Амди едва поспевал за его руладами:

— И вас не должны удивить определенные взыскания, сопряженные с этим ущербом.

— Ну что ж, вероятно, мы можем покрыть их за счет предварительно оговоренного вознаграждения, уменьшив его на соответствующую часть.

— Отлично, отлично! — Голос князя в переводе Амди стал из масляного резким и наглым. Превозмогая страшное напряжение, Амди находил возможность еще и передразнивать мерзавца. — Я уверен, мы вместе что-нибудь придумаем. В конце концов, хоть законы и превыше всего, установил их *я*. Мы обсудим эту проблему завтра.

— Завтра? Но, господин, если вы помните, главной причиной, по которой мы устроили представление вечером, было наше стремление расплатиться за припасы и уже утром отправиться в путь.

— О, друг мой, как ни прискорбно, это едва ли окажется возможным. Вы представляете для нас слишком большую ценность, чтобы просто так взять и раствориться в ночи.

Амди дрогнул. Что он может сделать? Где-то позади раздалось повизгивание Ритль: не фоку-

сированная звуковая атака перепуганной стаи, нет, но звучало оно громче любого человеческого крика. Она рвалась с поводка и захлебывалась лающими приказами. Что они значили? Пытается она защитить своих друзей по труппе или кричит: «Остановите воров! Хватайте их!»?

Теперь Амди озирался во всех направлениях. Зрители отходили с улиц. Некоторые по-стайному напирали друг на друга, соревнуясь за места под навесами и в дверных проемах. Головы поднимались к небесам и смотрели на юг.

Амди рассредоточился по площади, откусив часть свободного пространства двух стражников. Мгновение он молчал, а потом поза стаи выразила многозначительную усмешку.

— Я показывал вам документ на право свободного перемещения, господин.

Князь Чистоты презрительно засопел. Если ему стало известно, что они беглецы, документом, естественно, можно было хоть подтереться.

Амди продолжил:

— Я также уведомил вас, что наша труппа пользуется особым покровительством Домена Древорезчицы. Вам может показаться, что это государство довольно далеко, но звуки, которые вы слышали над своим принципатом в прошлую

ночь, издавало не что иное, как волшебный летатель королевы Древорезчицы. Когда я упомянул о такой защите, вы меня высмеяли. Когда я предположил, что ее воздушное судно может вернуться, чтобы найти нас, вы меня высмеяли. А теперь — убедитесь сами.

Амди резко замолчал, словно выиграв решающую схватку.

Князь Чистоты не стал отвечать немедленно. Он ухмылялся с видом почти таким же торжествующим, как Амди. Князь тоже разбежался по площади, почти удвоив занятое своей стаей пространство. На миг они показались Равне парочкой мошенников, из шкур вон лезущих, чтобы обмишулить друг друга. Потом она заметила, что обе стаи глядят в ночное небо, в том же направлении, что и зрители вокруг площади.

Амди и Князь Чистоты разбежались, чтобы *прислушаться*.

Равна и Джефри повернулись и уставились туда же. Уже час, как перевалило за середину ночи; выдалась она совершенно беззвездная, небосвод плотно закрыли облака. Но теперь даже глухими человеческими ушами Равна слышала этот звук — гудящее жужжание индукционных двигателей.

«О Силы Наверху, ну пожалуйста, только бы не Невил!»

Амди и князь продолжали пыжиться друг перед другом, не переставая ухмыляться. Стража князя полезла за оружием: надо полагать, они не были так спокойны.

Зззззззззззззззззззззззззззз. Так же близко, как этим утром, но с дополнительными низкими тонами. Раньше их не было.

— Их там два, — сказал Амди голосом маленького мальчика.

Звук обрел плотность, стал грохотом, несущимся из мрака. Аэролет возник над южной дорогой и стал медленно заходить на посадку на площади, сбрасывая скорость. Для судов Щепетильника места тут вполне хватало, но стаи охраны сноровисто переставили столбы, указывая пилотам садиться на краю открытого пространства. Восемь элементов — две стаи — выскочили вперед, сжимая в челюстях швартовки, и забегали по кругу, привязывая аэролет к героической статуе Князя Чистоты.

Амди перестроил лампы, световые пятна замелькали по корпусу аэролета. Они видели его с носа, но дизайном судно очень походило на разработку «Внеполосного-II», адаптированный под

условия мира Когтей амальгамат моделей воздушных судов множества планет земного типа.

— Он слишком мал, чтобы… — начал было Амди, и тут князь оглушительно расхохотался, не дав ему договорить.

По краю площади петлял синглет, бегущий к аэролету. Равна приняла было его за сбежавшую Ритль, но тут же поняла, что существо крупнее синглетки и носит темный плащ. Оно пряталось в княжеской ложе. Амди следил за бегущим синглетом своими прожекторами, пока существо не смешалось с высыпавшими из аэролета Когтями команды. Равне этого света хватило, чтобы узнать золотистые просверки в темной блестящей ткани плаща и шапочки. В мире был только один комплект таких одеяний. «Значит, украденные радиоплащи не пропали, их…»

Двигатели приземлившегося воздушного судна затихли, но жужжание летевшего ему вслед нарастало. Она вгляделась во мрак над южной оконечностью площади. Второй аэролет оказался больше первого — его круглый корпус едва втиснулся между зданий. Амди бросил на него свет ламп, намеренно рассеянный, чтобы охватить громаду летевшего на них судна.

И Равна поняла, что Винтозуб был прав тем

утром, утверждая, что люди над ними не летают. Бандюки Невила, скорее всего, сидели в двухстах километрах отсюда, в Новозамке на Холме Звездолета. Но там же были Древорезчица и все, кто действительно мог их спасти. Размытый свет ламп Амди выхватил из тьмы эмблему над окнами рубки управления второго аэролета — Мировой Диск, окруженный богоподобной стаедюжиной.

Глава 31

Стычка между князем и Амдиранифани разрешилась не совсем так, как того желал бы князь. Стаи из экипажей аэролетов несколько минут провозились со швартовками; статуи князя были на вид крепче, чем оказались в действительности. Синглет в радиоплаще перебегал от одной стаи к другой. Существо вело себя очень странно и не походило ни на одного прежде виденного Равной синглета. Он не болтал без умолку, как Ритль, не впадал в молчание и прострацию, как менее разговорчивые фрагменты. Казалось, что он ведет со стаями осмысленную беседу.

Наконец со второго аэролета спустили трап, и одна стая — невысокая четверка — спустилась по нему. Каждый элемент нес что-то вроде пары арбалетов необычной формы. Они выстроились по бокам судна и поднесли к плечам металлические трубки. На Равну они произвели было впечатление тупиц, а потом она догадалась, что стая несет легкие ружья — почти в точности совпадавшие по дизайну с разработками Щепетильника. Вооруженная стая снялась с места и двинулась к

Князю Чистоты. Удивительно: синглет в радиоплаще шагал вплотную к ней.

Стая и синглет остановились на почтительной дистанции от князя — в нескольких метрах. Когда синглет заговорил, в ушах Равны зазвучал синхронный перевод Амди:

— Превосходная работа, моя верная стая. Ты задержал беглецов на вполне достаточное время.

Князь Чистоты проворчал в ответ с той же ленивой наглостью, как и прежде в переводе Амди:

— Это мне дорого обошлось, почтеннейший. Мы понесли серьезный ущерб. Главная площадь была перекрыта в течение многих часов, а нам еще приходилось делать вид, будто мы наслаждаемся этим омерзительным зрелищем. Несомненно, столь непредвиденные неудобства требуют дополнительной компенсации.

Равна недоверчиво глянула на Амди:

— Да ты гонишь, дружок.

— Клянусь, — сказал Амди, — Князь Чистоты выразился именно так. Дословно.

— О да, Чис-с-с-стюля именно такой дебил, каким твоя вос-с-с-сьмерка его изображает. — Новый голос, вроде бы принадлежавший перепуганной маленькой девочке, хотя слова выражали несомненный сарказм. Это синглет заговорил на

самношке.

Амди отскочил назад и во все глаза уставился на него:

— А ты еще кто такой?

Теперь синглет ответил голосом взрослого человека, смутно знакомым Равне:

— Ты скоро сам это узнаешь, мой жирный друг.

Радиоплащ закрывал большую часть характерных узоров шерсти синглета. В любом случае трудно опознать стаю по единственному элементу. Остальные прячутся где-то рядом, каждая в своем плаще. Но откуда исходит голосок маленькой девочки?

Князь Чистоты сердито глядел на них. До него, по всей вероятности, дошло, что он перегнул палку. Впрочем, требование денег он повторил, хотя и более осторожным тоном. Синглет в радиоплаще бухнул смехом и презрительно указал мордой на одну из тачек с уже собранной выручкой.

Какое неслыханное оскорбление! Князь взвился в геройском гневе, его красновато-белые плащи распахнулись. По всей площади стража вскинула арбалеты. Но тут из аэролета ссыпались еще две стаи с ружьями, и энтузиазма у местных вышибал как не бывало. Надо полагать, они видели это

оружие в действии. Глаза князя бегали по толпе и охране. Поколебавшись, он вылез из ложи и с подчеркнутым достоинством убрался с площади.

Несомненно, события сегодняшней ночи найдут отражение в его последующих речах, но только после того, как факты будут вывернуты наизнанку не хуже горностаевого плаща.

Княжеские стаи потащили тачки с выручкой прочь с площади. Толпа зрителей рассосалась, хотя Равна видела, как в тени ближних улиц прячутся, с опасливым восторгом поглядывая на беглецов, самые отважные посетители сцены.

Магнатчики оставили Джефри, Амди и Равну стоять одних в центре площади. Синглет в радиоплаще тем временем обыскивал павильон и цирковой фургон. Его слуги забрали оба ламповых контроллера и все эмиттеры, даже те, что были закреплены над дальней стороной площади. После этого они взялись за топоры и в два счета превратили красивый цирковой фургон в груду щепок. «Как странно, — подумала Равна, — что грубо выкрашенное дерево и потертая резьба могут представлять собой такую красоту. И как странно, что я не осознавала этого, пока фургон не разломали». Радиосинглет не выказал особого восхищения народными промыслами, но

за каждым этапом взлома следил с неусыпным вниманием, очевидно ожидая, что в фургоне обнаружатся еще какие-то волшебные игрушки иномирцев. Добычу его составили всего лишь карты.

Тем временем Ритль вылезла из павильона и побродила немного вокруг разваленного фургончика. Вид у синглетки был озадаченный и грустный, но вскоре она набралась смелости и стала давать стаям с топорами ценные советы. Когда к бессвязному лепету отнеслись так, как он того и заслуживал, радиосинглет жестом лапы подозвал ее. Какое-то время они переговаривались, потом Ритль издала вопль, затанцевала по площади и устремилась к аэролету с эмблемой Магната. Пробегая через центральный круг площади, она завопила так, что уши заложило. Ворвавшись в личное пространство Амди, она осыпала его неразборчивыми вопросами. Амди вызверился на нее, щелкая челюстями. Стоявший на площади радиосинглет что-то повелительно тявкнул. Ритль отскочила от Амди и посмотрела на него совсем как собака, навострив уши и изогнув шею. Потом развернулась и побежала дальше.

— Амди! Что сказала Ритль?

— Я не хочу это обсуждать, — сказал Амди, приняв защитную стойку и глядя на удалявшуюся синглетку.

Технические принадлежности, в том числе карты, погрузили на борт корабля с эмблемой Магната. Радиосинглет отошел обратно к центру площади. Одна вооруженная стая последовала за ним. При ней был Винтозуб. Фрагмент на что-то жаловался своему конвоиру, и Равна вычленила из гомона аккорд «понятная лояльность». Синглет не обращал на фрагмента никакого внимания. Он смотрел только на двух человек и говорил взрослым человеческим голосом, который использовал прежде:

— После столь долгой погони мы наконец счастливо завершили свою миссию. Идемте.

Он направился к аэролету, приземлившемуся первым. Потом остановился, обернулся и добавил голосом маленькой девочки:

— Поправка, люди идут на борт корабля Магната…

тявканье… ворчание… треск…

А это уже стаям с ружьями. Одна из них отделила Равну с Джефри от товарищей и повела через площадь, в то время как вторая остановила Амди и Винтозуба, потянувшихся было за ними.

— Нет, мой жирный друг, — сказал синглет восьмерке, — ты пойдешь со мной.

Джефри развернулся:

— Погодите-ка, мы либо остаемся вместе, либо…

Он грозно пошел на синглета, возвышаясь над ним. Существо отпрянуло, потеряло равновесие и задницей чиркнуло по булыжникам площади. Один из элементов с ружьями слегка изменил позу, и дула сдвоенных стволов переместились ему далеко за голову. Другой подбежал и стал нацеливать их на Джефри. Равна заметила, что еще один элемент внимательно наблюдает за ней самой.

Синглет неловко поднялся, но в человеческом голосе взрослого прозвучало веселье:

— В этом случае, боюсь, вам придется разделиться. Жирдяй и фрагмент идут ко мне.

Джефри посмотрел на двуствольное ружье, целившееся ему в переносицу, и сжал руки в кулаки.

Амди подтянулся к своему другу и стал успокаивать:

— Мы должны, Джефри. Пожалуйста. Со мной все будет в порядке.

Но Равна видела, что он дрожит.

Синглет фыркнул, начал было какую-то фразу, и на середине ее голос его изменился, превратившись в голосок маленькой девочки:

— Не пугайтес-с-с-сь. Мой корабль вам понравитс-с-с-ся.

Джефри разжал кулаки и отступил. Гнев на его лице перерос в искреннее изумление.

— Это существо… — Он ткнул пальцем в синглета. — Это вообще не Коготь. Это просто коммсеть!

Амди кивнул:

— Какое идиотское применение нашли они радиоплащам. Мы бы в жизни не догадались, что они так тупы.

— Заткнись! — зашипел синглет. Стаи с ружьями толчками и пинками подогнали своих пленников к нужным трапам.

С нижней палубы корабля ощутимо пахло углеводородным топливом. Запах был совсем как у специальных смесей Щепетильника. Впрочем, до логического конца свои плагиаторские начинания Магнат не довел: ступени трапа были шириной в целую стаю. По сравнению с аскетичными лесенками Щепетильника трап казался дорогой в тронный зал. «Интересно, что будет, если они научатся стабилизировать водород?»

На полпути вверх по ступеням Равна обернулась и оглядела площадь. Князя Чистоты видно не было, зато его подданные, крестьяне и горожане, по-прежнему вели наблюдение из окон. «Да, сегодня мы выдали отменное представление». Мысль эта показалась Равне глупой, но застряла в голове. Радиосинглет у другого корабля все еще стоял на брусчатке у подножия трапа; Винтозуб и большая часть Амди взбирались внутрь. Два элемента Амди посмотрели в ее сторону и пролаяли что-то ободряющее.

Джефри остановился, перегнулся через изгиб корпуса и помахал Амди. Стая за спиной Равны нацелила свою двустволку, и Джеф продолжил восхождение. Равна шла сразу за ним. В носовой части судна уже гудели индукционные двигатели.

Аэролет Магната сочетал могучее стайное воображение с технологической реальностью разработок «Внеполосного-II»: пассажирский отсек был разделен на два наскоро отграниченных уровня, а получившийся интерьер — разукрашен с имперской пышностью в традициях Восточного побережья. Главный коридор, отделанный панелями мягких пород дерева (чтобы легче было подслушивать), изобиловал подушками

для отдыха и оказался так широк, что две стаи с удобством могли бы пройти рядом и не испытать особого умственного смятения. Высота потолков, однако, составляла метр тридцать. Для Когтей это было просторно, а вот человеку приходилось стоять, сильно сгорбившись.

— Интересно, о чем думает Невил, посещая этот корабль? — спросил Джефри.

Их заперли в помещении, предположительно исполнявшем функции капитанской каюты. От двери до стен корабля тут было метра два. Стены, обшитые толстыми звукоизолирующими прослойками, вероятно, позволяли стае мыслить и работать в комфортных условиях, даже будь соседние помещения битком набиты пассажирами.

— Полагаю, союзнички Невила о нем столь же высокого мнения, какого он сам — о Когтях, — усмехнулась Равна.

В стене имелась пара пятнадцатисантиметровых отверстий, обеспечивавших параллаксное обозрение. Корабль заложил вираж, и в отверстия проник лунный свет.

— Вот тут — какая-то металлическая крышка, а под ней… — Она подцепила крышку и откинула ее. Завоняло мочой, а шум двигателей сделался

громче. Равна хихикнула. — Ух ты, капитанская каюта с отдельным туалетом. — Гигиенические удобства на борту судна Магната были вполне приемлемы… разумеется, если не думать о простонародье, которому испражняешься на головы.

Джефри подполз к стене и посмотрел в глазок. Лицо его осветилось лунным сиянием.

— Мы, кажется, летим на юг, а другого корабля я не вижу. — Он смотрел еще долгую минуту. — Ничего! — Отвернувшись, он добавил уже тише: — Я переживаю за Амди.

— Не переживай, Джеф, Магнат вроде бы терпимо к нам относится. — Оптимизм Равны не убедил даже ее саму.

Джефри мотнул головой:

— Это пока. Понимаешь, *две* стаи говорили по радиосети. Одна, которая забрала Амди, общалась голосом из обучающих программ Слоника. Скорее всего, это Проныра.

Равна склонила голову:

— А второй голос — маленькой девочки…

— Это Магнат. Тварь сказала достаточно, чтобы сделать такой вывод. Он осмелился разговаривать с нами голосом *одной из своих жертв!*

Когти часто выбирали для общения с людь-

ми голос первого своего учителя самношка, но маленькая девочка казалась до смерти перепуганной, голос ее дрожал и был почти неузнаваем. «Сколько нужно пытать человека, чтобы он научил тебя своему языку?»

— Гери Латтербю, — глухо отозвалась Равна.

Все их рассуждения и планы ни к чему не привели, только измотали до предела. Джефри скорчился на выданном матраце и попытался заснуть. Конечно, выпрямиться в полный рост нечего было и мечтать, но Равне хотя бы хватало места улечься с некоторым удобством. Джефри повезло меньше. Даже скрючившись, он то и дело попадал ногами в смывное отверстие толчка.

Звук двигателей аэролетов перерос в мерное жужжание, пол и стены отзывались глухим гулом. Постепенно пленников сморил сон.

День выдался ясный, ослепительно солнечный. Равна проснулась и на миг потеряла ориентацию в пространстве. Где это она? Солнечный свет, расшитые подушки… Потом, заслышав гудение двигателей, она оглянулась и встретила взгляд Джефри. Молодой человек молча глядел на нее с противоположного конца крохотной каюты. Свет лился через пару глазков. Подушки оказались звукоизолирующими прослойками. Мягкую

ткань действительно украшали изысканные пейзажные картины… и каким-то образом Равна заняла почти весь пол.

— Ой, прости, — сказала она и перевернулась на бок, отползая. — Я не хотела тебя выпихнуть.

Джефри пожал плечами, но быстро занял свободное место и подобрался к глазку. Спустя миг он сообщил:

— Облака внизу мешают, но мы явно движемся на юг. Так что вряд ли штаб-квартира Магната находится на Восточном побережье. Думаю…

Из коридора донесся звук катящейся тележки. В следующее мгновение лязгнул засов, но сама дверь не открылась. Кто бы ни стоял снаружи, он не стал врываться, а предпочел вежливо постучать с аккордами, понятными даже Равне. Стая просила разрешения войти. Джеф извернулся на коленях, подполз к двери и открыл ее. Снаружи стояла невысокая четверка в синих плащах и шапочках, несомненно униформе. Существо опасливо подалось назад, но затем, видя, как Джефри опустился так низко, что глаза его поравнялись с мордами элементов, или просто превозмогая страх, выслало вперед двойку и толкнуло пленникам тележку, уставленную подносами с едой.

— Двадцать три минуты. Двадцать три минуты.

Так? Ясно?

Говорила четверка голосом Гери Латтербю, но Равне показалось, что она просто повторяет услышанное. Стая не слишком походила на профессионального дознавателя.

Еда прибыла в деревянных чашках и состояла из покрытого пленкой супа и овощной размазни. По всей видимости, ее готовил кто-то, знакомый с человеческим рационом лишь понаслышке. Впрочем, на вкус неплохо. Довольно странно, что в когтях Магната у нее разыгрался такой аппетит, как ни разу с момента похищения. Равна управилась с едой за считаные минуты. Подняв глаза от чашек, она заметила, что Джефри тоже покончил со своей порцией и выжидательно смотрит на нее. Сказал ли он ей что-нибудь?

— Э-э, так что должно произойти через двадцать три минуты? — уточнила Равна. «Нас уведут на допрос? Заберут грязную посуду?»

— Кто его знает, но давай пока посмотрим.

Он припал к своему глазку. Равна одним глотком выхлебала остатки завтрака и подползла к другому. Солнце больше не слепило глаза. Ей предстало чистое небо над бесконечными, отливающими алмазным блеском облаками. За много километров отсюда горизонт рассекала молния.

Детали терялись за искаженным стеклом: вот что бывает, когда Магнат пытается творчески переосмыслить дизайн «Внеполосного-II».

Внезапно шум двигателей усилился, подуло морозным ветерком.

— Джефри!

Каким-то образом ему удалось открыть свое окошко! Она заметила металлические задвижки и шарнирные сочленения.

— Преимущества примитивной технологии, — пояснил он.

— Гм. — Конечно, опасности никакой: они не поднялись и на три тысячи метров, а скорость ветра от силы пара десятков метров в секунду. Она откинула свою задвижку и потянула раму на себя. Звук двигателей перерос в жужжащий рев, по каюте заметались вихри ледяного воздуха, но обзор стал куда лучше. Она некоторое время созерцала облака, наслаждаясь деталями внутри деталей.

Джефри высунул голову наружу, насколько смог:

— Готов поклясться, что они сбросят нас в Хор.

На миг мысли Равны разлетелись гораздо дальше расстояния между окнами. Итак, Невил ухитрился снюхаться с *каждым* врагом Домена.

И кто кем вертит?

— Ни фига себе! — Голос Джефри заглушал ветер, но Равна вышла из оцепенения.

Молния стала ближе, превратилась в исполинскую башню, лабиринт света и тьмы, наковальня ее вздымалась в верхние слои атмосферы, уходила за пределы поля зрения. Летая со Странником на антиграве, Равна таких навидалась больше, чем хотела бы. У Странника была привычка носиться в восходящих потоках яростных бурь.

Звук двигателей изменился. Корабль уходил от бури и терял высоту. Вскоре ровная поверхность облаков превратилась в клочковатую туманную пелену и вознеслась над судном. Турбулентность усиливалась.

— Остается надеяться, что они знают, что делают, — заметила Равна.

— Надо полагать, стюард это имел в виду, сказав про двадцать три минуты.

«Как учтиво с их стороны».

Облака сомкнулись над ними. Несколько минут они летели в непроглядном мраке, вроде бы продолжая снижение. Облака заползали в каюту. Крохотные капельки влаги осели на лице и ресницах Равны. Снаружи сверкали синие сполохи электрических разрядов, размытые влажной

мглой. Ударил гром, каюту затрясло, чашки разлетелись по всем углам.

Но тут же освещенность стала увеличиваться, и спустя пару минут аэролет вылетел из туч. Внизу еще мелькали облака, но между ними была видна сероватая зелень. По корпусу забарабанил внезапно налетевший дождь. Аэролет повернул, не прекращая спуска, и в поле обзора оказался другой аэролет. Он следовал за ними примерно в тысяче метров, но оставался практически невидим, кроме тех мгновений, когда далекая молния очерчивала его силуэт на фоне облаков. Джефри долго молчал, глядя на другой корабль.

В последующие часы гром и молния не утихали, но отдалились на большое расстояние. Аэролет трясло и крутило, как в центрифуге, он подлетал вверх и ухал вниз, как лодчонка на высоких океанских волнах, с той разницей, что движения судна были еще внезапнее и непредсказуемее.

Пленники сидели у глазков и наблюдали, как под облаками лес сменяется джунглями и топями. Постепенно корабль так снизился, что, когда дождь перестал, Равна различила морские цветы на вершинах деревьев, наполовину скрытых под водой, и морских пташек, носившихся над бескрайними болотами. Ландшафт весьма

напоминал экваториальную Нюйору. В тамошних походах Принцесса Технологии отважно сражалась с эксплуататорами и болезнями, что выкашивали ее отряды чуть не до последнего бойца. Равна покосилась на Джефри и подумала, как мало эта история тут значит.

Джеф не заметил ее взгляда, он с неуклонно растущим интересом смотрел вниз.

— Черт побери, что Проныра с Магнатом тут делают? Мы улетели дальше на юг, чем, по идее, мыслимо для уважающей себя слитной стаи. Это гиблое место.

— Откуда тебе знать?

— Я кое-что заметил под пологом леса, когда мы пролетали Междуречье. Там поселения Хора — во всяком случае, очень похожие. Когда они начинают сливаться воедино, у стай не остается никакого шанса скрытно просочиться дальше, оставаясь в здравом уме. Глянь туда. Вон там, вокруг мангровых деревьев. Вот эти пятна. Это ж явно хозяйственный мусор.

— Да.

Она действительно заметила, что поверхность реки и берега выглядит как-то иначе. Там и сям просматривались правильные многоугольники — здания? Еще через час появились настоящие

поселки на расчищенных участках. День угасал, спускались сумерки — настоящие, тропические, чернильно-густые. Поселки сливались. Лес отступал под натиском хаотически перемежавшихся возделанных полей, болот и свалок.

Когда снова явился маленький стюард, уже настала ночь. В каюте было темным-темно: маленькая лампа в оплетке над дверью не включалась. Стюард принес ужин и показал, как правильно зажечь свет. Четверка относилась к пленникам весело-сочувственно, издевок, каких ожидала Равна, не было и в помине.

Они поели. Дождь сменился ливнем, а воздух стал теплее. Они погасили лампу и вернулись к своим глазкам. Ночь была беззвездная и безлунная, но внизу время от времени проносились огни костров. Через окошки врывался ветер, пахнущий компостом и экскрементами.

— Мы сбрасываем высоту, — сказал Джефри. — Мы сядем аккурат в центре всего этого.

Прошел час, за ним другой. Дождь не прекращался, стало душно. В конце концов пленники заснули.

Звякнула задвижка, кто-то поскребся в дверь каюты. Равна очнулась. Это не стюард — он бы вежливо постучал и попросил пленников вста-

вать.

Джефри приподнялся на локте.

— Что?.. — спросил он очень тихо.

— Может быть, мы наконец сели? — Равна тоже перешла на шепот. А что толку? Любая стая по ту сторону двери их превосходно слышит.

Поскреблись снова. Она махнула ему — «осторожно», но Джефри уже подполз к двери. Потолок коридорчика скудно освещала единственная газовая лампа. В ее свете Равна различала двоих элементов, но только по силуэтам. Один просунул морду в каюту и осмотрелся, после чего шмыгнул мимо Джефри. *О Силы, да это же Ритль!* Синглетка была тише воды ниже травы. Она обернулась через плечо и жестом что-то показала — стае? — в коридоре. Но нет, то была не стая, а радиосинглег. Равна видела случайные просверки золотистых вставок его плаща. Существо помялось, очевидно консультируясь со своим хозяином. Потом проскочило мимо Ритль и завертелось в полумраке каюты — эхолокация тут явно сбоила. Каждый раз, наступая людям на ноги, радиосинглет в панике отскакивал, но в каюте при двух пленниках осталось не так-то много свободного места. В конце концов синглет вжался в угол и затих там.

Ритль прикрыла дверь, протиснулась мимо

голеней Равны и прижала к оставшейся узкой щели ухо, точно вслушиваясь, что там происходит. Свет лампы позволял Равне довольно четко видеть ее действия, но для Когтей тут было очень темно. Радиосинглет явно нервничал. А Ритль? Может, она перепугана и оттого молчит, хотя вероятнее, что это всего лишь очередная животная хитрость.

Джефри сухо, но очень тихо спросил:

— И чего тебе надо?

Радиосинглет поднял на него глаза и ощутимо расслабился:

— Джефри, кто там? Только вы с Равной? — Шепот был едва слышен… но голос принадлежал Амди!

Джеф чуть не свистнул:

— Амди! Вот это да! Ты в порядке? Как ты…

— Ш-ш-ш! Тихо. Если вас подслушают, не миновать беды, так же как если бы подслушали меня. А я в порядке, особенно сейчас, когда говорю с вами. Нам повезло: Проныре хреново — подцепил какого-то паразита. Собственно, потому вы его и не видели: болтает-то он нагло, но половиной пастей блюет безостановочно. Мою двойку заперли в каюте Ута. Ут и Иль — радиоэлементы этого корабля. У вас сейчас Зек. Мы приоткрыли

дверь, а остальные мои элементы по соседству. Звука проходит достаточно, чтобы я мог связно мыслить.

Джефри молчал, явно огорошенный происходящим. На другой стороне каюты Ритль что-то мягко проворчала. Это не был сигнал тревоги, но вариант обычного ее скулежа. Амди заговорил снова:

— Ох уж эта Ритль! Даже когда она помогает, от нее одни колючки в заднице.

Помедлив, он продолжил:

— Нам надо поговорить, Джефри. Ты должен кое-что узнать, чтобы мы составили план действий. — Равне показалось, что он говорит скорее вопросительно.

Джефри явно услышал это тоже и ответил убеждающе:

— Я в порядке, Амди. Как ты это устроил? Кто эта радиостая? *Что* она такое?

— Утзекфюрфорфуртариилъ! Его сотворил Проныра, причем без ведома Магната. Проныра думает, что контролирует сеть радиостаи. Что он верховный кукловод.

Равна подозрительно оглядела Зека:

— И что пошло не так?

Зек ретранслировал вполне человеческий,

детский смех Амди.

— А как ты думаешь? Главная проблема в самом Проныре. Он сообразителен, спору нет. Но из всех созданий Древорезчицы он самый подлый, гнусный и безумный. И он до сих пор не взял себе самки.

— До сих пор? — переспросил Джефри. — Любая другая стая давно бы уже разорвала себя изнутри. Тогда Проныре очень повезло. А для всех остальных это сущая катастрофа.

— Да нет, необязательно, — сказал Амди. — Даже его слуги искренне ненавидят его. Как ни крути, Проныра глупее Старого Шкуродера. И уж точно глупее *меня*. — В голосе Амди звучала искренняя убежденность. — Я провел тут едва день и уже сообразил, как переговариваться втайне от ушей Проныры. Так я вступил в контакт с Ут — прямо у Проныры под мордами. Вот как я убедил Ут надеть плащ во время отдыха. Разумеется, больше всех нам посодействовал сам Проныра, которого все время тошнит.

Он заговорил тише:

— Проныра догадался, кто такой Винтозуб. Джефри, он прыгал до потолка, когда узнал правду. Бедняга Винтозуб. Ох, Джефри… — Он всхлипнул, уверенности как не бывало. — Ох, Джефри, это

тебе не цирковое представление.

Хныканье прекратилось, и Амди заговорил прежним тоном:

— Нам кое-что надо сделать. *Мне* кое-что надо сделать. Я справлюсь. Я клянусь.

Джефри начал было отвечать ободряющей фразой, и тут раздался другой голос:

— Я помогу.

— А это еще кто? — спросила Равна. Повисло молчание. Существо тяжело задышало, от него пахло мясом и несло животным теплом. Наконец Амди откликнулся:

— Наверное, какая-то часть Утзекфюрфорфуртариияля. Все они ненавидят Проныру.

— Но я думала, что радиостаю используют как сеть… Насколько он умен?

— Когда его замыкают кольцом, звездой или выстраивают в линию, — сказал Амди, — он именно так глуп, как ты думаешь. Проныре только того и надо. Думаю, если бы его собрать вместе, Радио был бы умнее очень и очень многих. Но он никогда не был слитной стаей, кроме того момента, когда заводчики Проныры впервые его сконструировали.

Джефри внимательно посмотрел на Зека:

— Но даже как частичная стая он достаточно

умен, чтобы немного научиться самношку. Или он такой же болтун, как Ритль?

Амди фыркнул (то есть Зек):

— Он куда умнее этой идиотки, фактически (и Проныра этого не знает) крупные фрагменты Радио способны общаться *независимо* от его воли. Прямо сейчас на двух кораблях их трое — этого недостаточно, но, когда позволяет погода, он налаживает контакт с несколькими остальными и становится почти нормальной стаей. Это нечасто бывает, и пока что Радио удается скрывать это от всех своих манипуляторов.

— Гм, — протянула Равна. — Интересно, достаточно ли он умен, чтобы сыграть Принцессу Притворяшку.

— А? — дружно переспросили Амди и Джефри. Спустя миг Ритль тоже что-то пискнула.

— Извините. — «Я ведь сама себя забанила в Эпохе Принцесс». — Страумлианцы называют это атакой типа «свой человек внутри».

— А, да, — сказал Амди, — я об этом думал. Трудность в том, что Проныра натаскал всех членов стаи на использование строго определенных, э-э, протоколов переадресации. Радио в лучшем случае спорадически разумен. Временами он обретает достаточно сообразительности, чтобы

сознательно солгать. В промежутках он роняет мяч, которым жонглирует.

Джефри кивнул:

— И если его уличат в этом хоть раз, игра окончена.

— Именно.

Зек добавил, заглушая голос Амди:

— Впрочем, я все еще с трудом ощущаю себя слитной стаей, даже когда мне удается мыслить скоординированно.

Амди вставил:

— Вся его жизнь — нескончаемая пытка, но если только он соберется вместе, я ему позавидую. Вот наше радиобудущее! Хотя я… никогда и не собирался надевать радиоплащи…

Равна улыбнулась. Амди никогда не оставлял мысли обзавестись собственным комплектом. Даже на краю пыточной ямы.

— Амди, когда мы отсюда выберемся, я что-нибудь придумаю. Это ты, только ты совершил для нас истинное чудо. — Ну и Ритль…

— Да, — кивнул Джефри. — Мы еще увидимся, Амди? Это безопасно?

— Я что-нибудь придумаю. Мы слишком долго болтаем. И вот напоследок: Магнат и Проныра оба, в общем-то, безумны, но по-разному. Проны-

ра о многом ему лжет. Проныра не хочет, чтобы тебе выпал шанс поговорить с Магнатом лично. В ближнесрочной перспективе следует ожидать покушения Проныры на твою жизнь. Собственно, он бы тебя убил там, в городе пятнистого князька, если бы не так боялся, что Магнат ему этого не простит. Когда тебя поместили на личный аэролет Магната, он как с цепи сорвался.

«Ну хоть что-то приятное».

— Можно ли заручиться поддержкой Магната? — спросила Равна.

Синглет помолчал.

— Возможно, однако Магнат ненавидит людей. Искренне и сильно. А одного человека в особенности.

Равна задумалась о том, что Магнат сотворил с маленькой Гери. Если эта тварь так обходится с меньшими врагами…

— Кто же его враг номер один? — спросил Джефри.

— Йоханна.

— Что?!!

— Но почему?!

— Да не знаю я! — взмолился Амди. — Йоханну в Домене всегда любили больше всех… прости, Равна, но ты знаешь, что она делала для ветера-

нов. Тебя любили сильнее всех, но после нее!

— О, я тебе так признательна!

Она покосилась на Джефри.

— Нам как-то надо это учесть.

— И так, чтобы вас не убили.

Реплику явно отпустил Радио, но в ней был несомненный смысл.

— Да, — сказал Амди. — Нам пора идти. Я…

Амди, казалось, заколебался, и тут Зек жалобно взвизгнул и упал как подкошенный Равне на колени. Ритль заворчала на него, но тот не отозвался.

Джефри поднял Зека и стал слегка постукивать его лбом по морде, имитируя движения стаи, пытающейся привести в чувство раненого элемента. Равна не была уверена, что у него это правдоподобно получается, но спустя пару минут Зек пошевелился и прислонился к стене. Он вяло дергал лапами, все еще дезориентированный.

— Вероятно, коммсвязь оборвалась очень резко, — сказал Джефри.

Равна не слышала сигналов тревоги. Если Радио без сознания, их действия какое-то время никто не заметит.

— На стороне Амди все вроде бы в порядке, — предположила она.

Джефри кивнул:

— А этим двум все равно надо бы убраться туда, где им положено пребывать.

Он что-то пролаял Зеку. Вернее сказать, засвистел и засопел в одно и то же время, но на разных тонах. Равна никогда и не думала, что Дети способны достоверно имитировать стайную речь; Зек непонимающе повертел мордой. Джефри Ольсндот владел языком Когтей лучше всех представителей своего вида, за исключением Йоханны, хотя стаи все еще должны были сильно напрягаться, пытаясь разобрать аккорды человека.

— Ну ладно, — Джефри перешел на самношк, — ты меня понимаешь?

— Я слышу, — ответил Зек.

— Амди, это ты?

— Нет.

— Он понимает, — сказала Равна, — с другими элементами связь могла сохраниться.

Джефри кивнул.

— Ты один? — спросил он.

Зек снова непонимающе тряхнул мордой. Джефри посмотрел на Ритль:

— Вместе они, пожалуй, могут вернуться туда, откуда явились… по крайней мере, если никто на

них не наскочит и не станет их расспрашивать.

— Сюда же добрались, — сказала Равна.

— Угу. Потому что Радио был почти неразумен, а Амди его погонял. — Он замолк. — Гм, если Зек теперь синглет, кое-что мы еще можем сделать. В конце концов, Ритль тоже безнадежная синглетка, а Радио, можно сказать, свихнувшаяся стая. — Джефри протянул руку к синглету и осторожно погладил Зека по плечам, потом зашарил рукой по плащу Когтя, отводя его с заплечного среднего уха.

Зек отскочил, жалобно просвистев что-то. Его острые как иголки зубы раскроили воздух в сантиметрах от лица Джефри.

— Не тревожься, — сказал Джефри мягким спокойным голосом. А собственно — кому? — Если они используют плащи так, как делал это Шкуродер, у Зека вокруг уха должна быть сплошная язва. Надо очень осторожно. А Зеку придется мне довериться. — Он приспустил плащ с левого бока Зека. Существо тряслось, но не пыталось укусить человека.

Джеф забросил левую сторону плаща Зеку на спину.

— Ты выпал из сети, правда, малыш? — Он поднял взгляд на Равну. — Может, я опережаю

события, но мне больше ничего не приходит в голову.

Он махнул Ритль, чтобы подошла ближе. Синглетка покачалась на лапах, еще послушала коридор и подползла ближе к Джефри. Глаза Ритль смотрели на Зека, а голова пьяно качалась взад-вперед. Джефри отполз с ее пути, взялся руками за головы обоих существ и погладил их снова, упрашивая сойтись ближе. Теперь большая часть веса двух Когтей приходилась Равне на бедра и колени. Ритль что-то вякнула на стайном — *угу*, — потом еще жалобно поворчала: Зек почти освободился от плаща, и мысли его раздирали уши любому близстоящему элементу. Так близко друг к другу Когти подступали в трех случаях: в бою, полете или слиянии элементов. Для нормальных стай последний вариант был наименее вероятен. Даже в отчаянной ситуации, как нынешняя, вид у двух синглетов был как у пары девственников, задумавших дебютировать во взрослой жизни с мудреного сексуального извращения.

— Вот зараза!

Человеческая речь звучала откуда-то из пространства, разделявшего Когтей.

— Они синхронизировались! — удивленно вос-

кликнул Джефри. — Ты меня понимаешь?

— Дддда.

В голосе было больше недовольства, чем страха. Ритль и Зек вместе были умнее, чем поодиночке, но счастья им это не приносило.

— Ты потерял контакт с сетью, так ведь? — осведомился Джеф.

— Помехи. Потерял все радио.

— Зекритль, ты можешь вернуться в свои каюты? — спросила Равна.

Головы задумчиво закачались.

— Пройти назад? Тихо и безопасно? — упростил Джефри.

Двойка переглянулась:

— Хорошо. Попробую.

Два элемента перелезли Равне с Джефри через головы, словно исполняя па сложного танца, — это было нужно, чтобы открытая сторона Зека оставалась слышна Ритль. Та наклонила голову и открыла дверь мордой. Мгновением позже Ритль вылезла в коридор, повернувшись так, чтобы сохранять мыслеконтакт.

Зек последовал за ней, но ошейник плаща застрял в двери. Джефри высвободил плащ и помог Зеку выбраться наружу. Его спина и плечи загородили от Равны коридор; она услышала только,

как кто-то тихо сказал:

— Пока-пока.

Еще несколько мгновений Джефри следил за парочкой, потом отстранился, закрыл дверь; задвижка с лязгом встала на место. Он покачал головой.

— Силы Наверху, они так похожи на Тами и Вильма, бредущих домой после пьянки.

Он лег на спину и затих.

— Ты знаешь, — произнес он немного погодя, — проблема, скорее всего, в низком уровне заряда. Щепетильниковы радиостанции часто так вырубались. Стоит им слишком долго постоять без солнца — и бамс, ни сообщений об ошибках, ни падения битрейта, ничего. Тишина.

— Да, — откликнулась Равна, — я готова побиться об заклад, что срок годности этих плащиков вот-вот истечет. Они и так слишком долго продержались.

Она еще немного повертела в голове эту мысль, прикидывая, как задурить врагам мозги в случае общего отказа сети, и сочинила несколько невинных объяснений.

Джефри снова помолчал.

— О Амди, Амди! Не надо было тебе геройствовать…

Глава 32

Следующим утром в дверь постучался тот же приветливый стюард, а не стая с ружьями.

— Джеф, с Амди все в порядке, — сказала Равна. *Верь в это.*

Аэролеты еще больше снизились, и облака понемногу расступались. Сквозь туман пробивались солнечные лучи, маленькие радуги расцветали в зеленоватой полутьме тропического леса, не успевшего обсохнуть после ночного ливня.

Город простирался до горизонта, насколько хватало глаз. Застройка оставалась совершенно хаотичной, но Равна начинала чувствовать в ней какие-то скрытые мотивы. Если не обращать внимания на грязь и мусор, в ней угадывалась какая-то диковинная красота. Красота дождевого леса, грибков и лиан, вторгающихся в великий город. Даже детали ландшафта не были уже так неприятны глазу. Равна вдыхала запах подогретой на кострах пищи. Этот аромат понемногу забивал реявшую в воздухе еще с дальних подступов к городу вонь отбросов.

— Силы! Равна, ты только погляди, тут яблоку негде упасть!

Тесные улицы были по большей части скрыты от ее взгляда окружающими постройками, но она заметила… площади? Как правило, шириной не больше пяти-шести метров, но временами и просторнее. На некотором расстоянии виднелась вымощенная булыжниками площадь размером в целый гектар. И везде кишели-роились Когти — на крышах, на улицах, на площадях. Миллионы Когтей, в такой тесноте, что об автономии стай не могло быть и речи.

— Десять лет назад все здесь выглядело совсем иначе, — сказала Равна. — Я же помню картинки, переданные «Внеполосным-II» при первом облете мира Когтей. — Тропики она видела только на общих дискоснимках, да и то в те дни над поясом джунглей стояла сплошная облачность, считаные разрывы на всю планету. Тем не менее… — То, что мы видели… тут не было такого населения, все выглядело… проще. Примитивнее.

Она помолчала, напряженно раздумывая. Здесь, так глубоко Внизу, Хор никак не мог переродиться в сверхинтеллект. Даже коммуникационных технологий, нужных для охвата такой большой площади, у них не было; мыс-

ли распространялись по мегагороду за долгие минуты. И все же какое-то подобие групповой активности, несомненно, наблюдалось. Плотность толпы варьировалась от места к месту, и не только потому, что Когти кучковались возле груд перегнивших овощей и фруктов, вздымавшихся на площадях поменьше. Были участки, где взгляд Равны встречал камни и почву и между элементами зияли метры пустого пространства. Открытых пространств этих все же не хватило бы для связной мысли, хотя стаеподобных кластеров заметно не было. Как если бы… Она всмотрелась наудачу в одну такую промоину в гуще толпы, начав наблюдать за ней издалека и не отрывая взгляда, пока аэролет не пролетел мимо.

— Видишь эти пустые промежутки? Они *перемещаются*.

— Что?

— Просто взгляни.

Поскольку каждый занял только свой маленький глазок, ткнуть пальцем у нее возможности не было.

— Вон там, вниз по этой улице. — Улица петляла зигзагами и тянулась довольно далеко, а здания ее, по счастью, почти не затеняли. Перепутать Джефри не мог.

— Хорошо. О, я вижу несколько пустых пятен в сплошной толпе. — Он молча следил за ними около минуты, пока аэролет не оставил улицу позади.

— Да, — сказал Джефри наконец. — Думаю, что свободные пространства медленно перемещаются от центра. Хм. Но в дотехнических городах такое тоже случается. Разве там не бывает специальных регулировщиков дорожного движения?

— Едва ли это регулировка трафика. Участки незанятого пространства расширяются и сужаются. Колеблются. Глянь-ка вон на ту площадь.

В этот момент открывался обзор почти идеальный для целей Равны. Разреженный участок толпы прокатился вдоль боковой улицы, затем охватил площадь и главную улицу района. Когти слегка прижались к сторонам улицы и тут же отхлынули назад. Центральная часть снова оказалась битком набита ими, а разрежение побежало дальше, вернувшись на боковые улицы.

— Да-а-а, — выдохнул Джефри восторженно. — По городу прокатываются волны плотности! Мы видим их только на улицах и площадях…

— Такое впечатление, что Когти пританцовывают под неслышимую музыку.

И правда Хор.

Аэролет заложил плавный вираж, и прямо по курсу пленникам открылся величественный вид на весь город. Ближние земли снова окутала пелена низких облаков и тумана, но вдали сквозь разрывы облачности пробивались колонны солнечного света.

Они озаряли самую грандиозную постройку, какую Равна видела на планете Когтей.

— О Силы! — вырвалось у нее чуть слышно. — На снимках с орбиты не было ничего похожего!

Они все еще были слишком далеко, чтобы различить детали, но основная структура имела форму тетраэдра. Грани местами облупились, ребра немного отклонялись от прямой линии, но в целом правильность геометрической формы поражала воображение. Фрагменты структуры блистали золотом даже во влажном тумане. У основания главной пирамиды выстроились пирамиды поменьше, каждая размером больше города Новозамка. По их углам стояли пирамиды еще меньше, а по углам тех — еще меньше и еще… Равна проследила прогрессию, пока у нее глаза не заболели.

Аэролет снова повернул, и пирамида пропала из виду.

— Там еще один корабль, — сказал Джефри.

Он быстро снижался сквозь облака и уже обогнал их судно, как хищная рыба, ныряющая в морской пене. Потом аэролет тоже исчез, а спустя миг они последовали за ним, нырнув в облака. Тут, внизу, утро было серым и дождливым. Ничего похожего на горы мусора или великие пирамиды на земле не было заметно. Равна увидела купола и шпили, совсем как во дворцах знати Восточного побережья. Наверняка Проныра и Магнат здесь за королей. Прямо перед ними летел второй аэролет, а перед ним расстилалась открытая, ровная, как столешница, посадочная зона. Ее узнал бы любой обитатель примитивного низкотехнологичного землеподобного мира, пускай даже по периметру *этого* аэродрома журчали ручейки и тянулись большие пруды.

В конце посадочного поля стояли пять зданий. По сравнению с пирамидой они казались детскими домиками, но в каждом места вполне хватало, чтобы укрыть аэролет. Грейферные двери двух ангаров отползли в стороны.

Проныра стоял вокруг швартовочного пилона своего корабля и смотрел, как внизу суетятся стаи, которым выпало привязывать аэролет Магната.

«Как я ненавижу эти тропики!» Эта мысль всплывала в его сознании каждый раз, когда он

сюда возвращался. Жара и влажность тут ничуть не изменились за всю памятную ему жизнь; по местным стандартам мелкий утренний дождь считался превосходной погодкой! А паразиты, а желудочные червяки, а шкуроеды, а болезни (которые, если верить неизменно любезному компьютеру, тоже вызваны атаками микроскопических хищников)? Проныра сроду не блевал, а тут с ним это случалось регулярно. В ранние годы тропической миссии он потерял двух элементов — тех скосила какая-то зараза. Отыскать им подходящую замену оказалось непросто, хотя сырье шло непрерывным потоком.

И все же… частью себя Проныра смотрел налево, наслаждаясь видом грандиозного дворца. Магнат выстроил этот дворец ему в подарок. На севере Проныра не рисковал выставлять напоказ такое великолепие, поскольку смертный приговор Древорезчицы, никем не отмененный, по-прежнему висел над его шеями. Теперь, когда два элемента Проныры были из тропических, он временами чувствовал неподдельную привязанность к этому месту. Компьютер рассказал Проныре про естественный отбор. Концепция показалась ему элегантно очевидной, но только не в применении к себе любимому! Страшно

было сознавать, что если триумф задержится еще немного, то даже после победы эта жуткая тропическая дыра станет ему милее севера.

Покамест приходилось поочередно сражаться с погодой и Магнатом — местный фрагмент радиостаи слонялся в нескольких метрах, обеспечивая Проныру связью с великим Магнатом. Вид у этого Ута был еще кошмарнее, чем у Проныры — самочувствие. В том был повинен отчасти и тяжелый, глушивший мысли плащ, который существо обязано было носить. Ута научили бояться, подчиняться и хранить секреты. Обучение было секретным и неприятным, и за пределами ближнего круга Проныры о нем никто не знал. Сегодня ночью Ут выглядел еще боязливее, чем обычно. Зачем это животному понадобилось играть с ключами от каюты? Стражники сказали, что плаща Ут не одел, так что, чем бы он ни был занят, тварь слонялась по кораблю безмысленная и бессильная сбежать. Собственно, только это и спасло Ута от основательной, может быть последней в жизни, мордомойки. И не важно, что Магнату его смерть покажется подозрительной… Впрочем, Ута Проныра оставил в живых пока что, значительно ужесточив режим. Никаких больше вольностей.

Ут с опаской подобрался к нему, но заговорил уверенным и требовательным голосом Магната:

— Помни, Проныра, что мне нужны оба двуногих. В целости и сохранности. И остатки Ремашритльфера тоже.

Несомненно, Магнат сейчас нежится в комфорте своего дворца. Жирдяй дал этому существованию меткую характеристику — «выживание со вкусом». А Проныре доставалась вся грязная работенка. Восемь лет практики научили его водить придурка за все носы, почти не боясь разоблачения, но вслух Проныра ответил учтиво:

— Я вас понял, господин. Их аэролет как раз пришвартовывают.

— А как насчет пары стай, захваченных вместе с людьми?

Этого вопроса Проныра ожидал. «При должном подходе отпускать их вообще не придется».

— Идиоты вполне лояльны к людям, но в конце концов, думаю, мне удастся выбить эту дурь из их голов.

Ут ретранслировал вздох:

— Как часто контакт с двуногими монстрами портит хорошие стаи. Удивительно, как же им удается так умело всех дурачить.

— Технология дает им ошеломляющее преиму-

щество, господин.

— Разумеется. Но *от меня* она их не спасет.

Проныра оскалился в гримасе. С Магнатом и минуты не поговоришь, как начинает вылезать его непомерно раздутое эго. Собственно, поэтому им так легко манипулировать.

— Ваше время настанет, господин. Но я вижу, что люк корабля открывается. Людей доставят в особом фургоне прямо к вам.

К счастью, на этом интерес к беседе у Магната иссяк, и больше Проныре не пришлось кривляться. Часть себя он оставил у пилона, но остальных элементов рассредоточил, чтобы как следует рассмотреть спускающихся по трапу второго аэролета людей.

Ритль. Все, что осталось от Ремашритльфера. Он следил за синглеткой, пока та горделиво шествовала через каменную площадку. Обломок разбитого корабля, от которого другим лоцманам одни проблемы.

Равна и Джефри. Йоханна мертва, и эти двое людей — самые опасные его иномирские враги. Они способны разрушить все, что он с таким трудом создал. Допрашивая Амдиранифани и фрагмент Стального, он узнал, как провалилась миссия Читиратифора.

Впрочем, если бы не влез Магнат, настоявший на немедленной широкомасштабной облаве, все еще можно было бы уладить тихо-мирно. А что сейчас? Фактически двое людей вне досягаемости. Стремление покончить с ними становилось необоримым, но, увы, уже совершенные Пронырой убийства и так подорвали доверие Магната к своему помощнику.

Проныра наблюдал, как подогнанный к аэролету фургон увез двух людей и синглетку. Стражники Магната окружили его со всех сторон.

А что во всей этой катастрофе хорошего? *Амдиранифани*. Идеальная кандидатура в заложники — и великолепная жертва! Проныра получал неизменное наслаждение, разрушая гения, и рассчитывал особенно потешиться в этом случае, когда жертва вообразила, что сумеет перехитрить палача.

Когда прибыли аэролеты, Тимор Ристлинг был наверху, в своей тюремной камере. Ранним утром, как обычно, прошел дождь, но с ним прилетел и свежий бриз. Может, хоть сегодня будет не так нестерпимо жарко. Мальчик сел у окна, выходившего на запад, вдыхая полной грудью свежий воздух и стараясь не обращать внимания на старые раны и болевые точки. Разумеется,

никуда они не делись, но если бы он погрузился в страдания, то едва ли вообще выжил бы.

Темница Тимора располагалась в одном из четырех высоких шпилей, стоявших по периметру дворца Магната. Собственно, это же была и высшая точка всей Резервации, хотя Великая Пирамида Хора, естественно, настолько возвышалась над дворцом, что в солнечное утро почти весь он утопал в ее тени. Из западного окошка Тимор видел посадочную площадку и пруды для каракатиц, а также заводы. Он встал коленями на подоконник и осторожно высунулся в окно, держась рукой за стену. Даже сидя, на такой высоте он чувствовал головокружение.

Передний аэролет уже был хорошо слышен. Он снижался к пилону перед ангаром Проныры. Формально здесь ничего не принадлежало Проныре лично — хотя именно он контролировал и Резервацию, и меньший дворец, и всех, кто в нем жил. Чудо, что Гери провела там столько десятидневок и выжила.

Тимор смотрел, как первый аэролет привязывают к пилону. Аэролеты всегда напоминали ему внутрисистемные лихтеры на антигравах, и аналогия повергала Тимора в тоску. «Однажды, если только Равна победит… мы вернемся в

Запределье».

Несколько стай высыпали из первого корабля, и тут же на посадку пошел второй. Магнат секретничал, что было для него необычно. В принципе, Тимор вообще не получил никаких намеков на цель миссии, поскольку лишь немногие во дворце Магната знали самношк. С другой стороны, у каракатиц ему удалось кое-что разузнать, хотя и с поправкой на их ограниченный интеллект. Молчание, жалобы, поощрение, бравурные речи Магната — отовсюду Тимор научился извлекать скудную информацию. Он знал, что пять дней назад два корабля внезапно улетели. Магнат не стал отрицать, что Проныра отбыл на одном из них, а это, скорее всего, указывало на операцию против людей. Если же людей на втором корабле не окажется, это будет очень дурной знак.

Кто-то выбежал из второго аэролета — синглет или маленький ребенок. Зрение Тимора было не лучше стайного, и он различал только, что это не стая. Он слез с подоконника и взял подаренный ему Магнатом бинокль. Устройство весило немало, а систем стабилизации или увеличения в нем не было и в помине. Тимор немало попотел, выпрашивая у Магната соединительную планку к биноклю: стая неизменно ныла, что ее

раздражают несовершенства человеческого восприятия, но Тимор знал, что втайне Магнат горд выполнить его просьбу. Магнат всегда заявлял, что телескоп — изобретение его стайного брата, сделанное больше десяти лет назад.

— В общем-то, вы, люди, нам не нужны, — любил нравоучительно говаривать Магнат.

Тимор опер бинокль на раму и всмотрелся вдаль. Сперва его взору предстал орошенный дождем камень. Никаких следов странного первого пассажира. А, вот другая часть корабля. Главный люк скрывала из виду скругленная часть корпуса, но у двери наружу стояла караульная стая. Вид у стаи был такой, словно происходящее у люка ее очень занимало. Тимор смотрел еще секунду, стараясь не дышать, чтобы руки не дрожали. Стая с ружьями ссыпалась по трапу, держа стволы опущенными к земле, но непрерывно озираясь по сторонам. Она напоминала Стрелка по Тарелочкам, который обычно охранял Тимора.

И вот появился человек. Высокий, молодой. Под таким углом зрения трудно… да это же Джефри Ольсндот! Разве он не из подхалимов Невила?

Мысль тут же вылетела у Тимора из головы: за первым человеком вышел второй.

Равна!

Тимор перегнулся через подоконник, чуть не свалился вниз и на миг потерял ее из виду. Когда он снова навел бинокль, Равна уже спустилась по трапу. Казалось, что она опирается на Джефри. Увидеть ее здесь — какое счастье… или беда? Тимор знал бы точно, если бы видел, куда ее ведут. Тарелочник сопровождал Равну и Джефри в маленький транспортный фургон. Там уже сидел синглет.

Минутой позже извозчик тронулся с места, за ним побежал Тарелочник. Они едут сюда, во дворец Магната! Фургон исчез из виду, въехав под башню. Еще несколько секунд Тимор наблюдал за аэролетами, но, кроме стай экипажа и техников аэродрома, больше никого не заметил.

Тимор спрыгнул с подоконника и пристегнул бинокль к щиколотке. Может, удастся что-то подсмотреть и дальше, но спокойно усидеть он был просто не в состоянии. Надо сказать Гери. И подумать, как теперь вести себя с Магнатом. Тимор научился предсказывать реакцию Магната на технические разработки, которые мальчик ему предлагал, хотя и сам не всегда понимал, почему тот реагирует *именно так*. Поначалу Тимор пытался объяснить Магнату, почему стае целесообразно заключить с Равной союз. Магнат

отнесся к его увещеваниям с прохладцей, но Тимор был уверен, что Магнат, во всяком случае, не поступит с ней так, как того хотел бы Проныра.

Почти уверен.

Его обуяла жажда действий. План можно составить и на бегу. Он вскочил и, спрятав бинокль в отделанный бархатом ящичек, вышел из камеры. Гери томилась сразу над ним. Подниматься по лестнице было больно, хотя ступени в домах Когтей Тимору давались легче человеческих. Одно время Тимор думал было пожаловаться, но потом решил, что переделать лестницу так, чтобы у него не болели ноги, все равно никто не возьмется. Если Магнат когда-нибудь начнет воспринимать Тимора как ценного советника, он просто прикажет переселить его из башни.

Крохотный лестничный колодец дышал холодом, на стенах и ступенях конденсировалась влага. Двери на верхнем этаже были металлические, с каучуковой уплотнительной вставкой. Он осторожно постучал в них, потом рискнул открыть:

— Гери, привет. Это я, Тимор.

На самом-то деле никто иной в эту дверь и не вошел бы.

— Могу я войти?

Ответа не последовало, но Гери вообще редко отвечала, только в самые хорошие дни. Тимор переступил порог и оказался в стылом полумраке. По стандартам Домена в камере было тепло, но все же градусов на десять холоднее, чем снаружи. В отличие от лестничного колодца, воздух в камере был сравнительно сухой. Сам Тимор провел в этой камере несколько десятидневок, но отсутствие окон и постоянная необходимость перемещаться между теплым и холодным помещениями чуть его не доконали. Гери тоже на это жаловалась, когда чувствовала себя в силах выбраться из камеры.

— Гери?

Тени сместились, поднялась чья-то морда.

— Она здесь. Она сказала — никого не принимать.

Это была Тюремщица, не слишком умная четверка, но самношк она немного понимала.

— Привет, Тюремщица. — И он постарался просвистеть-протявкать имя стаи.

Как обычно, Тюремщица покачала головами в усмешке, но была ли она удивлена или довольна его произношением, Тимор не мог судить. Стая сбилась в кучу по одну сторону койки: Гери боялась, когда Тюремщица окружала ее отовсюду.

Тимор сел с другой стороны. Гери нерешительно пошевелилась под одеялами, отодвигаясь. Она старалась не смотреть ни на Тимора, ни на Тюремщицу. Наверное, у нее плохой день — в такие дни ее не удавалось даже коснуться, не то что обнять.

«Черт побери, но надо же кому-то сообщить». Тимор положил руку на краешек одеяла, в которое куталась пятилетняя девочка. Гери на много лет младше Тимора, но он был лишь чуть выше ее ростом. Когда-то Гери совершенно ясно понимала, что Тимор на самом деле почти взрослый, просто коротышка. Теперь она часто путала его со своими друзьями-одноклассниками по Академии. С тех пор как девочка пообщалась с Пронырой, ее многое ставило в тупик, а кое о чем она вообще отказывалась думать.

— Гери, у меня очень хорошие новости. Здесь Равна! Я сам ее видел!

Фиалковые глаза девочки уставились на Тимора. Тень эмоции пробежала по ее маленькому темному лицу. Тимор для простоты решил радоваться любому выражению лица Гери, не связанному со страхом.

Секунду девочка обдумывала услышанное.

— Что она сказала?

Гм. Какой умный и отрезвляющий вопрос. Гери это умела — он помнил ее четырехлетней малышкой по Домену. Там она все время задавала такие вопросы!

— Я с ней еще не встречался. Я пойду к Магнату. Прямо сейчас. Может, я смогу что-то для нее сделать.

Опять пауза, но Гери не отвела взгляда.

— А мне с тобой можно? А Эдви можно? Мы тоже можем что-то сделать.

Она по-своему любила Магната, но впервые выразила желание его посетить. К сожалению, Эдви почти наверняка мертв.

— В другой раз, Гери. Мне нужно туда уже сейчас. Но я скажу ему, что ты хочешь увидеться с Равной.

Интерес девочки улетучился, но спустя долгое мгновение Гери проронила:

— Да.

Лестница не доходила до подножия башни, а оканчивалась выходом на небольшую веранду примерно на середине высоты. Когда Тимор приходил туда, тропический воздух облекал его так плотно, что передвигаться было все равно как плыть в бассейне, полном очень теплой воды.

Спуститься с башни, а равно и подняться на

нее, можно было лишь через эту веранду и только убедив пропустить себя стаи охраны с ружьями. Одна такая стая стояла прямо в дверях, апатичным, одурелым от жары взглядом созерцая человека. Тимор помахал стражнику и прохромал несколько метров по окружности башни к лифтовой шахте, которую охраняла другая стая. Этим утром дежурил Снайпер.

— Снайпи, приветик. Мне надо вниз. Увидеться с Магнатом.

Снайпи повертел мордами, в его позе чувствовалось недовольство. Он посвистел и потявкал что-то стае у двери. Стаи охраны очень не любили оставлять у выхода только одного часового. Кроме того, насчет Тимора имелось недвусмысленное распоряжение Магната — не отпускать мальчишку на прогулки вокруг башни одного. Помявшись, Снайпи сдался. Четверо элементов Снайпера поднялись на лапы, один отодвинул решетку лифта, двое других взяли Тимора за воротник рубахи и брюки, чтобы он ненароком не свалился в бездну между платформой и клетью. Стаи полагали, что беспрестанный тремор Тимора представляет для его жизни нешуточную угрозу. Тимор знал, что они ошибаются. Он упал всего однажды, и то на лестнице.

Трос лифтовой клети был протянут от веранды до купола дворца. Спуск неизменно восхищал Тимора. Клеть слегка покачивалась, и от купола его отделяло только тридцать метров жаркой пустоты. Магнат утверждал, что лифт тоже изобрел его давно умерший брат. Может, и так, но маленький тонкий трос был изготовлен из обожженных до угля волокон морского тростника, и вот идею карбоволокон Магнат явно позаимствовал со звездолета Равны.

Пятью минутами позже он вышел из клети на площадку личной резиденции Магната. Снайпер не возражал, когда Тимор пошел в обход, мимо аквариумов, хотя мальчик настоял, чтобы этот отрезок пути они преодолели дважды — по обе стороны сектора.

Они и пяти шагов не успели сделать в помещении, а каракатицы уже заметили его.

— Пр-р-р-ривет, Т-т-т-тимор! Прив-в-в-вет, Тимор! П-п-п-привет!

Писк каракатиц начался сразу возле двери, в которую он вошел, и, постепенно охватывая все аквариумы, разнесся аж до дальней стены зала, откуда эти создания видеть Тимора еще не могли. Тимор как мог быстро прошел по коридорчику между исполинскими стеклянными баками.

В другой раз он бы остановился, немало удивленный, поговорить с каракатицами. Аквариум сообщался с ручейками и прудами вокруг аэродрома, так что здесь часто можно было узнать свежие новости. Какие чудные существа эти каракатицы. Тела у них как торпеды, длиной от силы тридцать сантиметров. Один конец утыкан глазами, а остальное туловище покрывают щупальца. Сотни каракатиц извивались и переворачивались, следя за Тимором. «Сегодня у меня нет времени, малыши!» Приветствия сменились вопросами. Каракатицы не были неразумны — просто их интеллект функционировал иначе. Собственная безопасность их занимала мало, кругозор был на диво узок — в прямом и переносном смысле. Впрочем, межстайной речи они обучились. Магнат рассказывал, что, когда он впервые открыл этих существ, они говорили на диалектах Южных морей. С тех пор как появился Тимор и начал с ними общаться, они и самношка немного нахватались.

Два элемента Снайпи забежали вперед. Один выглянул за угол, в направлении приемного зала Магната. Внезапно вся стая в унисон щелкнула стальными когтями о пол — люди на их месте вытянулись бы в струнку. «Что-то странное там

впереди». Тимор замедлил шаг, и два элемента Снайпи, трусившие за ним, раздраженно зашипели.

Мальчик дошел до угла и высунулся. Двери приемного зала были заперты! Магнат редко так поступал, он любил прогуливаться туда-сюда, перебрасываясь репликами с каракатицами. Но не сегодня. Наверное, кондиционер включен на полную, как он всегда поступает, желая кого-то впечатлить. Ну что ж, и это неплохо.

Увы, у дверей уже стояла стая и смотрела как раз в сторону Тимора. Это был начальник Снайпи, у Древорезчицы его должность соответствовала бы королевскому камергеру. Тимор выпрямился, насколько позволяла спина, и твердой походкой направился к нему. Два элемента Снайпи прошли в его ритме, после чего шмыгнули в сторону и слились с двумя шедшими впереди. Воссоединившись, четверка остановилась и обратилась в слух. Маневр Снайпи по меркам стай был изящен и безукоризненно выполнен, но чужаку — Тимору — он показался возней собачонок. Правда, с игрушечными ружьями, прицепленными к холкам.

Тимор подошел к начальнику охраны. Ему *нужно* было пройти в эти двери. Если Магнат и Равна поладят, все смогут вернуться домой.

Проблема в том, что тропический фанфарон иногда заходил слишком далеко в своих мрачных предубеждениях. Проныра извлекал из этого немалую пользу для себя. А что, если Проныра сейчас тоже в приемном зале? При мысли о нем Тимора передернуло, но он собрался с духом:

— Привет, начальник. — Он указал на двери. — Я нужен Магнату. Я помогу с переводом.

Начальник охраны равнодушно глядел в сторону. Чувством юмора он не отличался, а сегодня был еще более уныл, чем обычно. Несколько его элементов перевели взгляды с Тимора на Снайпи. Две стаи о чем-то поворчали друг с другом. Тимор разобрал лишь несколько аккордов, об остальном же легко догадался.

Начальник: «Привет, Снайпи. Этот двуногий клоун на самом деле получил от хозяина приказ явиться сюда?»

Снайпи, лезущий вон из шкур: «Никак нет, начальник. Тюремщица единственная сегодня была в башне».

Начальник охраны переключил все внимание на Тимора. То, что он сказал на самношке, поразило даже мальчика с его живым воображением:

— Ты не идти туда. Магнат строго приказать. Мне приказ насчет тебя.

Глава 33

Дворец Магната располагался не там, где Равна ожидала его увидеть, но великолепием полностью оправдал самые смелые предположения. Здание оказалось высоченное, с куполом и шпилями. К сожалению, остаток утра Равне и Джефри пришлось куковать на задворках, хотя той же Ритль возница фургона любезно указал более почетный маршрут. Стая с ружьями препроводила Равну с Джефри к великолепной лестнице со ступенями двадцатиметровой ширины — и заставила повернуть под наскоро обустроенный там навес. Стаи принесли им поесть (ямса!) и попить (слабого пива). Пленники сидели и от нечего делать разглядывали аэродром, аэролеты и длинные постройки вроде бараков за посадочной полосой. Наконец аэролеты загнали в ангары, но суета вокруг бараков после этого не утихла. Облака рассеялись, стало припекать солнце, и даже под навесом стало нестерпимо жарко. Джефри мерил отведенную им территорию размашистыми шагами, пожирая взглядом окрестности. Он попытался завязать разговор с

охраной и случившимся поблизости слугой, но никто из них самношка не знал. В конце концов молодой человек вернулся к Равне с усталым видом. Равна тоже упала духом.

— Ты в порядке? — спросил Джеф.

— Угу.

Происходящее очень сильно напоминало ей предания об Эпохе Принцесс. Еще один прицельный залп по ее детским фантазиям.

— Мне кажется, они пытаются нас подавить психологически, — предположил Джефри.

— Размягчить?

— Да, наверно. — Он огляделся. — В общем-то, при близком рассмотрении не все тут выглядит роскошно и по-королевски. Повсюду грибок и протечки. У северных стай достаточно разумных причин тут не селиться помимо Хора. Полагаю, что Проныра и Магнат пускают нам пыль в глаза. Не исключено, что они тут все подготовили как раз к нашему прилету, — он пренебрежительно уставил палец на парадную лестницу дворца, — отполировали до блеска то, что нам предстоит увидеть.

Гм. Обдумывая эту версию, Равна разглядывала аэродром. Двери ангаров закрылись, никакой активности возле них заметно не было. По эту

сторону загадочных бараков гектары открытого пространства, на них всего пара стай — наверное, рыбачат в искусственных прудах. Такой простор — в центре самого населенного места на планете. Как заплатка. Может, это подделка или декорированный фасад… или реальность тропиков.

Солнце успело склониться к закату, прежде чем их препроводили в великий дворец Магната. Внутри он тоже был великолепен. Повсюду сновали стаи, причем в большинстве своем, если судить по узорам на шерсти, выходцы с севера. Равна и Джефри шагали по просторным, устланным и увешанным коврами залам, поднимались по лестницам в комнаты лишь чуть-чуть поменьше, занавешенные звукоизолирующими шторами. Несовершенства, отмеченные Джефри, тоже присутствовали. Слегка пованивало плесенью, в коврах то и дело что-то хлюпало под ногами. Но стены были сухие, высокие, а купол, казалось, возносился к небесам. Магнат и его дружки творчески применили целый ряд архитектурных мотивов Домена и, по крайней мере косвенно, из библиотек «Внеполосного-II».

На четвертом лестничном пролете Равна так запыхалась, что про тенистый навес вспоминала уже с искренним сожалением. На этом уровне

комнаты были не такие огромные, и проводник открыл двери в небольшой вестибюль. В дальнем конце его другая стая охраняла другие двери. Эта последняя была при полном параде, и куртки ее, вполне подходящие для летнего дня на севере, здесь выглядели глуповато. Стая с ружьями вскинула стволы, молчаливо требуя от пленников поторапливаться. Двери за их спиной тем временем бесшумно закрывались, и, когда внешние слились с проемом, начали открываться внутренние. *Совсем как в воздушном шлюзе.* В то же мгновение из внутреннего зала повеяло прохладой. Пленники вошли в комнату с температурой воздуха едва ли выше двадцати пяти градусов. Равна застыла в удивлении: внезапная перемена микроклимата одновременно порадовала и встревожила ее. Джефри подвел ее к скамейкам, стоявшим у подножия кольца стайных тронов. Что-то вроде аудиенц-зала.

Сквозь мутные стекла лился солнечный свет. Впервые, с тех пор как они покинули аэролет, Равне представилась возможность взглянуть на восток. Пирамида второго порядка вздымалась очень высоко, но по сравнению с пирамидой первого порядка казалась пригорком. Чтобы разглядеть вершину этой последней, Равна задрала

голову и уставилась в потолочные окна.

Странно видеть такое из тронного зала. Равна с трудом вернулась мыслями к происходящему внутри. Прямо перед нею ярусами поднимались троны. Одиночный насест — для синглета, что ли? — стоял рядом. Все большие троны пустовали, но в комнате было еще несколько тронов поменьше, и там сидела семерка. В нескольких метрах справа расположилась другая стая. Сперва Равна приняла ее за Дара Божьего. Но нет, это был не он, хотя одежда стаи вторила арлекинской причудливости одеяний Дара Божьего, известного ей по Домену.

Первая стая поворчала о чем-то с охранником и перешла на самношк:

— Ты ведь меня не узнала? — У двух элементов были тропические узоры шерсти. — Даже голос, которым я пользуюсь?

Проныра. По крайней мере, именно этим голосом Зек говорил с пятнистым князьком.

Джефри смерил его взглядом:

— Где Амди и Винтозуб?

По мордам стаи пронеслась ухмылка.

— Они мои гости. В моем крыле дворца. Они сотрудничают со следствием. Им нечего бояться. И тебе нечего бояться, если будешь со мной

сотрудничать. — Начав говорить, Проныра слез с тронов, подошел к людям и потыкался в них мордами. Затем замолк и воссел обратно в величественных позах. — Через несколько минут вам будет оказана честь оказаться в присутствии Великого Магната.

Тропическая стая оживилась и добавила:

— Я уверен, что, согласись вы сотрудничать, мы все, несомненно, поладим.

Говорил он бойко и без угрожающих ноток. «Откуда этот парень так хорошо знает самношк?»

Вопрос тут же вылетел у Равны из головы, потому что стая охраны разразилась по-королевски цветистыми аккордами. В следующее мгновение двери позади тронов, шириной в стаю, растворились и оттуда вышел синглет в радиоплаще. Он выглядел откормленным и отдохнувшим, и почти наверняка это был не Зек. Существо прошло к низкому насесту рядом с тронами и уселось на него. Как только синглет устроился там, в дверях возникла рослая, упитанная восьмерка.

Равна уже видела такие большие стаи, взять хотя бы Амди, но несколько элементов этой стаи были настоящими гигантами, даже крупнее Странникова Шрама, хотя и не такими мускулистыми. Стая была облачена в простые шелковые

накидки, которые могли бы даже показаться элегантными в своем минимализме, если б не пара застарелых пятен. Равна наблюдала, как восьмерка рассаживается по тронам, не сводя мрачных взглядов с нее и Джефри. Итак, перед ней источник всех проблем последних нескольких лет. Что за существо могло стакнуться с Пронырой и так долго оставаться в живых?

Стая с ружьями перестала возносить титулатуры, но тут же влез Проныра:

— Поклонитесь Великому…

Из-за тронов раздался сердитый свист, и в комнате появилось еще одно действующее лицо. *Неужели такая крупная стая, как Магнат, может воспитывать щенка?* Но нет, это оказалась Ритль, не преминувшая возвестить о себе с обычной громкостью. Она тащила большой стул, и в ее ворчании Равна угадала что-то вроде «да помогите же кто-нибудь!». Ритль поволокла стул по ковру к подножию тронов Магната. Утвердив седалище на залихватски близком расстоянии от восьмерки, синглетка вскарабкалась на стул и осмотрелась. Человеку трудно угадать эмоции одного Когтя по его движениям, но Ритль отчего-то показалась Равне самодовольной.

Равна оглянулась на Магната; тот по-прежнему

не сводил с них глаз. Он дождался, пока Проныра и Ритль усядутся и успокоятся, и произнес — совершенно неуместным, самоизобличающим голосом Гери Латтербю, который Равна уже слышала от радиостаи:

— Ах, как же долго я ждал этой минуты. — Он соскочил на межстайную речь, потом вернулся к самношку: — Проныра! Который из этих двух — бывший предводитель человеков, смещенный твоим клоуном?

— Вот этот, господин, поменьше ростом. Равна Бергсндот. Она управляла программой технологического развития Домена.

Магнат издал короткий свист, что у Когтей соответствовало хихиканью.

— Ну-ну. Оператор машины. — Он указал лапой на Джефри. — А этот вот, верзила? Он на самом деле…

Проныра ответил на межстайном, Равна узнала только имя Йоханна с наложенным на него связевым маркером.

Джефри, должно быть, понял больше.

— Да, я брат Йоханны, — подтвердил он.

Магнат рывком подался вперед, приковав все взгляды к Джефри. Он неотрывно смотрел на молодого человека десять секунд. Где-то далеко

ворчал и булькал Проныра… умоляя Магната *что-то* сделать. Наконец Магнат тряхнул мордами в раздраженном отказе и перевел несколько глаз на Равну. Одним элементом он следил за Ритль.

— Вы двое должны были оказаться здесь семь десятидневок назад. Вместо этого вы убили лучшего ассистента Проныры и большую часть Ремашритльфера. Вы ухитрились проделать большую часть пути обратно на свой драгоценный звездолет. Это волшебство технологии помогло вам? Или вы даже смертоноснее, чем не устает заявлять мой друг Проныра?

Лицо Джефри помрачнело.

— Нет и нет. И вы врете. Мы…

Равна не дала ему закончить:

— Что рассказала вам о случившемся Ритль?

Синглетка тем временем смотрела на Проныру почти морда в морду. Как ни странно, большинство элементов Проныры уходило от ее взгляда. Равне пришло в голову, что Ритль может быть одной из немногих, над кем у Проныры нет власти.

Магнат наклонил морду и послал синглетке мягкий свист. Ритль извернула шею посмотреть на него, и восьмерка прокомментировала:

— Бедная Ритль. Я пытался расспросить ее сего-

дня утром, до встречи с вами. Она говоритель, но не очень умна сама по себе. Вполне вероятно, что она так точно и не вспомнит, как именно погибла остальная ее стая.

Проныра что-то пробулькал.

— На человеческом языке, — велел Магнат. — Я хочу, чтоб эти двое понимали, о чем ты со мной говоришь.

— Да, господин. Я только сказал, что мы так или иначе дознаемся о поступках этих двоих человеков. В конце концов, у меня ведь есть их прислужники. Их можно допросить.

Восьмерка равнодушно махнула лапами:

— Каким бы способом вы ни сбежали, положение ваше от этого лишь усугубилось. А своего вы так и не добились.

— Мы бы уже погибли, если б не сбежали, — возразил Джефри.

— Чушь! — ответил Проныра. — Единственной целью моего господина Магната было показать тебе, Равна, что лучшим выбором станет сотрудничество с ним.

Равна поняла, что тут все просто пропитано смертью и интригами, и коснулась руки Джефри. «Придержи-ка свой буйный темперамент, Ольсндот». Секунду помедлив, молодой человек

опустился на скамью: вроде бы он понял невысказанную мысль.

Она посмотрела вверх, Магнату в морды:

— Вы сказали, что своего мы не добились. Чего же рассчитываете добиться от нас вы?

— От родича Йоханны — ничего. — Магнат впился когтями в троны, но, казалось, не заметил этого. — А от тебя… Я хотел бы убедить тебя прежде всего в том, что сопротивление моим и… — Он покосился на Проныру. — Как бишь там зовут твою марионетку?

— Невил Сторхерт, господин.

— Да. Так вот, сопротивление моим и Невила планам самоубийственно. Вам с Древорезчицей придется так или иначе принять предложенный мною альянс. Но я вижу, что ты о нем еще и не догадывалась, так ведь?

Равна изобразила усмешку:

— Как вы справедливо заметили, мы несколько выпали из колеи общественной жизни. Да и что бы значила моя оппозиция?

— Ты все еще располагаешь поддержкой множества двуногих. У тебя есть технические знания, которые помогут нам научиться управлять машинерией двуногих. И тебя, вероятно, послушает Древорезчица.

«Так. Значит, Древорезчица еще на троне, а Невила приперли к стенке. Он так отчаялся, что готов наконец показать всем своих иностранных союзничков». Равна постаралась выпрямиться на скамье, как если бы у нее оставалась какая-то реальная власть над этим миром.

— Не стремлюсь вас оскорбить, господин, но чем вы можете склонить меня на свою сторону?

Магнат в явном замешательстве переглянулся со своими элементами:

— Ты что, не выглядывала из окон, пока вы сюда летели?

— Да. Мы видели сотни километров хаоса, а в их сердце — эта Резервация, которую вы возвели. Чем вы для этого воспользовались? Каким-то непонятным нам тайным оружием?

— Вероятно, я и есть это тайное оружие. — Голос шел с другой стороны палаты, от стаи тропических в арлекинских плащах. — Или, выражаясь корректнее, я должен бы сказать, что я *представляю* тайное оружие. Я — Дар Хора.

— Дар Божий? — переспросила Равна. — Мы гнались за другим таким на севере.

— Вы *убили* другого такого на севере, — сказал Магнат.

Джефри от гнева едва мог усидеть на скамье.

«Правда и ложь, как их расплести?»

Местная версия Дара Божьего сурово глядела на них.

— Не утруждайте себя отрицанием убийства, — ровным голосом сказал арлекин. — Некоторые элементы того Дара Божьего спаслись бегством. Их было достаточно, чтобы мы узнали, как часть его отправилась назад, в надежде решить дело переговорами. Мы знаем, что случилось дальше. — Он махнул лапами. — Но это не слишком нас занимает. Мы, Дары, приходим и уходим, как появляются и исчезают груды еды на рыночных площадях. Всего-то и разница, что мы встречаемся реже и обладаем глобальной значимостью. — Стая слезла со своих мест и рассредоточилась вокруг остальных, чтобы лучше видеть людей. Охранникам пришлось потесниться.

Тропический Дар приближался с уверенностью стаи, знакомой с человеком — или же лишенной страха утратить разум, сблизившись с подобными себе. Во всяком случае, агрессивным, как Магнат или Проныра, он не был.

— Наше тайное оружие вокруг вас. Это Хор.

Существо указало лапами через высокие окна в сторону горной гряды пирамид.

— И ваш бог говорит через тебя? — спросил

Джефри с едва заметным сарказмом.

Дар Божий вздернул морду:

— Нет. Или не напрямую. Но все, что здесь произойдет, станет известно Хору нынче же вечером. — Стая снова указала на пирамиды. — Вы ведь видите собравшихся там?

Равна прищурилась, всматриваясь в колоссальные сооружения через грубо сработанное плоское стекло. Солнечный свет лился почти вертикально, Великая Пирамида сияла золотом.

Голос Джефри выразил изумление:

— Тени, Равна… я думаю, там толпы Когтей! — Особи были отсюда различимы как точки на ближней пирамиде второго порядка. На Великой же Пирамиде таких точек были тысячи, они закрывали собой огромные пласты золотой облицовки. И они взбирались по граням все выше. Даже в самых удивительных рассказах Странника про Хор ничего подобного не фигурировало.

— Вас это впечатлило? — спросил Магнат. — *Меня* впечатлило. А этого не так просто добиться.

Равна с трудом отвернулась.

— Да, — сказала она. — Но почему вы считаете это *тайным оружием*? Я знаю, что Тропический Хор существует по крайней мере так же долго, как северные цивилизации, и все это время он

представлял собой не более чем барьер, препятствующий сообщению севера и юга по суше. Хор просто не может быть умнее слитной стаи или человека.

Не так глубоко Внизу в Медленной Зоне. В Запределье коллективные разумы попадались, но устремления их, как правило, ограничивались тупым гедонизмом. Чтобы достичь большего, следовало вскарабкаться к Трансценденции, а там групповые разумы были всего лишь одним из бесчисленных способов обрести подлинную Силу.

— Ха-ха! — сказал Магнат высоким голоском дразнящего ребенка. — Слышишь, Хор? Они подвергают сомнению вашу божественную природу.

Дар Божий развалился на ковре вокруг людей и рассмеялся:

— Но вы, Магнат, тоже подвергаете сомнению божественность Хора.

Стая оправила на себе арлекинские плащики. Шелудивая ее шкура во многих местах пестрела проплешинами в шерсти, хотя они в целом сочетались с одеянием оборванца-заморыша. Равна задумалась, какой дискомфорт испытывает это существо в кондиционированном помещении. Дар Божий продолжал застенчиво:

— На самом-то деле все, что я помню из своего пребывания в Хоре, так это чувство неизъяснимого блаженства. Жалко мне вас, северян, которым оно недоступно. И еще больше жалко людей, которые бессильны к нему причаститься, даже если бы пожелали того. Но вы и они слишком зациклены на совершенных людьми убийствах. Элемент потерян здесь, стая там — нам-то что? — Он помолчал. — Подозреваю, что Равна Бергсндот по существу права. В целом Хор не умнее обычной слитной стаи. Существуют, однако, места и моменты, где интеллект его почти приближается к этому пределу, их миллионы и миллионы каждый день. Временами Хор исторгает из себя Дары — таких, как я. Они существуют дольше. Это самопожертвование, ибо чем дольше я остаюсь с вами, тем сильнее замыкаюсь в себе и теряю связь с коллективом. Так что да, Хор как целое наверняка не обладает интеллектом в вашем понимании этого слова, но способ познания реальности, избранный нами, счастливей вашего чахлого прозябания. — Дар Божий опять замолк, глядя большинством элементов наружу, на Пирамиду. Неплохая имитация задумчивого томления духа. Внезапно стая нарушила молчание: — Мне только что пришло на ум, что люди способны

удовлетворить свой интерес к Хору способом, какой всем слитным стаям вовек останется недоступен.

Магнат подался вперед на тронах:

— А что такого могут *они*, что недоступно *мне*?

— О, господин, вы, без сомнения, можете испытать на себе Хор, но весьма неправдоподобно, чтобы после этого ваши элементы собрались воедино и восстановили столь ценную для вас личность, — ответствовал Дар Божий и претенциозным жестом лапы указал на Пирамиду. — С другой стороны, эти двое людей могут пройти в толпе, подняться на высочайшие вершины Хора, где миллионы Когтей стоят рядом на расстоянии единственной песни, где растворятся и исчезнут даже такие, как я. Их разумы останутся в неприкосновенности. К сожалению, этим их преимущества исчерпываются. Но подумайте — они смогут доставить вам назад отчет о виденном и пережитом!

Проныра взбудоражился:

— Мне кажется, что это превосходная мысль!

Магнат сдвинул головы вместе, очевидно всерьез обдумывая предложение.

— Не думаю, что это так просто, как ты говоришь. Несколько лет назад я поручил Ремаш-

ритльферу построить закрытый со всех сторон, хорошо звукоизолированный фургон, такой, чтоб им можно было управлять изнутри. Идея сходна с тем, что ты предлагаешь, но людей там, разумеется, не было, да и подняться по Пирамидам фургон бы не смог. И мы потерпели неудачу. Ремашритльфер и двадцати метров за пределами Резервации не успел проехать, как толпа атаковала фургон и повалила его. — Магнат посмотрел на Ритль. Синглетка невозмутимо чистила когти, равнодушная к беседе. — Он бы неминуемо погиб, если бы мы не предусмотрели специальный трос, прикрепленный к фургону. Мы втащили его назад, прежде чем толпа успела растерзать Ремашритльфера.

— Да, но ведь вы нарушили их экстаз! — возразил Дар Божий, на миг выйдя и из того экстаза, с каким сам рекламировал восхождение на Пирамиду. — Мне кажется, что Хор попросту попытался освободить тех, кого счел заточенными в темнице элементами. Мне известно, что среди северян бытуют абсурдные мифы о Хоре, но на самом деле, не считая пограничных стычек и редких жертвоприношений на Пирамиде, индивидов Когтей Хор убивает крайне редко. Людям там будет еще безопаснее, поскольку мыслят они

беззвучно и агрессии толпы не спровоцируют.

— Гм, — протянул Магнат. Его неистощимое любопытство живо напомнило Равне Щепетильника: тому никакой эксперимент не казался неприемлемым или несбыточным. — Но что, если двуногих сочтут мертвецами или случайно забравшимися на территорию Хора животными?

— О нет, в этом я очень сомневаюсь, — беззаботно отмахнулся Дар Божий. — Даже в сердце Хора никакому человеку, на мой взгляд, не грозит опасность.

Равна глянула на Проныру и успела заметить мимолетную ухмылку элементов, которых не видел Магнат. Значит, Проныра знает, что это ложь. Дар Божий с Пронырой славно потрудились, подталкивая их с Джефри на алтарь тропического жертвоприношения. Так нескрываемо враждебен, как Проныра, Дар Божий не был, но как знать? Быть может, из этой парочки именно он наиболее опасен.

Дар Божий с энтузиазмом продолжал, не обратив внимания или сознательно игнорируя хитрую усмешку Проныры:

— О, уверяю вас, поистине хотел бы я сделаться человеком! Вам под силу забраться на самый верх. Вы увидите все, что пожелаете увидеть,

вернетесь живыми и запомните то, что видели! Не исключено, что там, наверху, мыслезвуки перерождаются в нечто иное. Так или иначе — вы узнаете!

Равна подняла руку:

— Нет, я думаю, пока что мы воздержимся от такой прогулки. — (Джефри энергично закивал.) — Наверное, в другой раз. — «Не в роли узников, не под угрозой пыток и смерти». — В любом случае ключевая мысль мне понятна. Вы все считаете Хор тайным оружием Магната.

— О, как вы все огрубляете! — Дар Божий, казалось, был искренне разочарован тем, что заманить людей на жертвенник ему не удалось.

— Достаточно религиозной болтовни, — сказал Магнат. — То, что мы огрубляем, в действительности всего важнее. Задумайтесь: мы сидим в неге и прохладе в самом сердце края безмысленной погибели. Из безопасной Резервации я веду свои дела с Хором. Сочетание их численности и моего гения даровало мне величайшую мощь в этом мире. — Он махнул Когтю в радиоплаще, тихо сидевшему на своем насесте. — Используя радиосеть, я отслеживаю происходящее на рынках десятикратно более обширных, чем ваш крохотный Домен. Мои заводы выпускают

больше товаров, чем все остальные предприятия мира, вместе взятые. Не сомневаюсь, что некоторые мои изделия вы уже видели своими глазами. Более недопустимо вам игнорировать мое присутствие. Мои гениальные изобретения меняют всю…

В продолжение речи Магната Ритль была непривычно немногословна, но тут разразилась протестующим ворчанием.

— Ритль говорит, что Магнат слишком расхвастался! — шепнул Джефри в ухо Равне.

Магнат повернул пару голов к синглетке и издал довольно мягкое ворчание, приказывая ей заткнуться. Ритль окрысилась почти так же нагло, как привыкла щериться у лагерного костерка, но замолчала и уселась на своем месте.

На миг Магната обуяло переплетенное с сожалением замешательство.

— Эта стая хорошо мне послужила, — проронил он, переглянулся сам с собой, точно пытаясь вспомнить, на чем остановился, и продолжал: — Невил Сторхерт тоже понимает ситуацию. Менее чем через десятидневку наш альянс станет достоянием гласности. Но и сейчас я волен продемонстрировать тебе свою мощь. Если захочешь, в новом порядке вещей найдется место и для тебя.

— Я с интересом ожидаю демонстрации, уважаемый Магнат, — отвечала Равна. «Возможно ли это? Я его переубедила?» Ну так проверим. — Нас всегда впечатляли ваши успехи, хоть мы и не располагали достоверной информацией о том, как вам удалось такого добиться.

Стая горделиво приосанилась:

— О, в таком случае приготовьтесь узнать. Сегодня я покажу вам один из своих заводов. Умножьте его на тысячу — и получите представление о том, с чем вам придется иметь дело сегодня. Умножьте на миллион — и узнаете, что ждет вас завтра. А ты можешь стать ценным младшим партнером.

— Мне лестно ваше внимание. — «Интересно, кто отправил ему мое резюме?» — Но вопрос доверия требует…

— Ты не в том положении, чтобы ставить мне условия.

— …требует, чтобы мы узнали о судьбе трех молодых людей, которых вы похитили.

Слова Проныры раскатились по всей палате:

— Оба пленника будут возвращены в целости и неприкосновенности.

Джефри взорвался:

– *Оба*?! Ах ты, подонок! А как насчет Когтей,

которых вы убили при захвате?

— Никто никого не убивал, — спокойно ответил Проныра, — во всяком случае, с нашей стороны. О том, что творил Невил Сторхерт, у нас нет полных сведений.

Головы Магната поворачивались от Джефри к Проныре и обратно. Особой надобности в этом не было.

— Да, — сказал он, — вижу я, что вам, людям, судьбы стай безразличны. Мерзкие червяки… Впрочем, поймите: как раса вы, двуногие, мне глубоко отвратительны, но я пришел к выводу, что ради пользы дела пойду на сотрудничество почти с кем угодно. — Он повернул несколько голов к Джефри. — *Почти* с кем угодно.

Джефри помотал головой:

— Эй, так не пойдет. По крайней мере, назовите нам имена выживших…

Магнат подался вперед, все морды нацелились на молодого человека.

— Ты осмеливаешься чего-то от меня требовать, Джефри, брат Йоханны? — Голос Гери пискляво взвился и перешел в звериное шипение. — Джефри, брат Йоханны, которая убила моего брата?

Джефри вскочил со скамьи, но не от гнева, а от крайнего изумления:

— Брат?! О Силы Наверху, так ты брат Грамотея Джакерамафана?

Магнат ринулся на него. Джефа спасло только то, что Дар Божий все еще валялся на ковре у его ног и вокруг скамьи. Стая удивленно взвизгнула и рассыпалась во все стороны, случайно помешав нападающему и перевернув скамью вместе с Джефри вверх ногами. Молодой человек свалился на пол. Равна раскинула руки поперек скамьи, закрывая его собой. Два элемента Магната налетели на нее, потом еще несколько завозились под скамьей, клацая когтями и скаля клыки. Боковым зрением Равна видела, как мечется по палате охранник. Ищет, как бы выстрелить, не задев повелителя?

— Подождите! Остановите их! Стойте! — закричала она, но безумие уже улеглось. Не прошло и секунды-другой, как она открыла рот для крика.

Магнат окружил ее, но челюстями не щелкал. Четыре его элемента возились по другую сторону скамьи, поднимая Джефри Ольсндота с пола и усаживая его рядом с Равной. Там, где клыки стаи прокусили одежду, виднелись пятна крови, и две пасти скалились у самой глотки Джефри.

Джефри, стоило отметить, не сопротивлялся. Равна вспомнила, как в детстве Джеф и Амди

затевали потешные потасовки. Иногда возня шла вразнос, и Джефри выучил простое правило личной безопасности: успокойся и подчинись. В данном случае это была самая верная тактика.

Магнат несколько секунд удерживал его. Голос восьмерки взвивался и падал, перескакивая с шипения и свистящих воплей на язык, который не был ни самношком, ни даже межстайной речью. Наконец он крепко врезал Джефри и отступился. Вся восьмерка еще пару мгновений стояла вокруг человека, из пастей ее стекала пена. Потом Магнат отвернулся парой голов к обалдевшему охраннику с ружьями и заворчал на него. Равна узнала повелительное наклонение и аккорд «темница».

«Экскурсия на завод, похоже, откладывается».

Глава 34

Темница на поверку оказалась довольно приличной комнатой недалеко от приемного зала. Там были водопровод и кондиционер. «Есть ли вообще в этом дворце закрытые помещения без кондиционеров?» Им принесли обед — опять ямс и пиво.

Когда их оставили наедине, Равна стала расхаживать по аппартаментам.

— Я так понимаю, тут нас есть кому подслушать, — сказала она.

Джефри пожал плечами:

— Правда — это всего лишь то, что наш жопоголовый властелин хочет услышать.

Молодой человек ощупал пальцами длинный кровоточащий порез на лице — там прошлись когти Магната.

Поразмыслив, он отнял руку от лица и раздельно прокричал, обращаясь к стене:

— Йо не убивала твоего брата, мерзавец!

— Но ты уверен, что он и вправду брат Грамотея Джакерамафана?

Джефри сел в кресло. У кресла была настоящая

спинка, хотя человеку на нем все равно приходилось не слишком удобно.

— Когда-то я так думал. Теперь я считаю его результатом обратной надстройки.

— Чего?

— Обратной надстройки. Йоханна подцепила этот термин от заводчиков Фрагментария. Иногда стая, как правило богатая и глупая, пытается восстановить прежнюю структуру личности, внедряя нескольких новых элементов на замену утраченным.

— А разве получится не… стандартная слитная стая? — У Когтей режимов воспроизводства насчитывалось больше, чем у всех встреченных Равной в Запределье рас, вместе взятых.

— Не совсем. Обратные надстройки встречаются гораздо реже. Заводчики отыскивают щенков, которые с наибольшей вероятностью обладают способностями потерянных элементов и мыслят в том же стиле, чтобы реинтегрировать прежнюю версию личности хозяина. После этого клиент старается слить себя и щенят обратно в то, чем он был раньше. Ты заметила, что одна четверка Магната значительно старше другой?

Равна помотала головой:

— Они мне все показались одинаковыми.

— Они все взрослые. Моя теория состоит в том, что четверка старших элементов *на самом деле* родственники Грамотея, с которым была знакома Йо. Стая пытается воссоздать себя в версии, предшествовавшей расщеплению. — Лицо Джефа искривила невеселая ухмылка. — Грамотей со Странником стали первыми друзьями Йоханны на этой планете. Ты знаешь, как она всегда о нем отзывалась: Грамотей Джакерамафан, безумный гений-изобретатель. Он был продуктом относительно недавнего расщепления стаи, породившей также и Магната. И он неизменно тосковал по своему брату — как человек мог бы сожалеть о распавшемся браке.

— Такое впечатление, что другая половинка чувствует то же самое.

Равна мгновение молчала. История на глазах обретала поразительное сходство с любовными романами. Как бы радовался Амди, заполучив ее в коллекцию!

Джефри закивал:

— И это многое объясняет: коммерческая жилка, позволившая выстроить такую империю, — от старой половинки, предпринимателя; страсть к изобретательству — от Грамотея, каким стая его помнит и воображает; находит истолкование

даже смертельная ненависть к людям… каким-то образом Проныра внушил Магнату, что Йоханна убила Грамотея.

Ну что ж, по крайней мере, Магнат не злодей. Не по своей воле, если точнее.

Минуту они сидели молча.

— Хорошо, — сказала Равна. — Мы знаем, с кем предстоит сражаться. Наше положение несколько улучшилось. Надо втолковать этому парню правду так…

— …чтобы не спровоцировать еще большее насилие.

Он снова улыбнулся, но на сей раз не так натужно.

— Я обещаю хорошо себя вести. Буду пай-мальчиком.

— И я тоже буду пай-девочкой. Во что бы то ни стало надо отыскать детей. Тех, что еще живы.

Джеф кивнул:

— Да. Я очень переживаю за Гери. Словарный запас у Магната как у взрослого человека. Он явно читал тексты на самношке. Но голос Гери, когда Магнат им говорит, звучит как признание…

«…пыток, которым ее подвергали», — подумала Равна. Она приложила палец к губам. Если у стен камеры есть уши, надо следить за своими слова-

ми и выбирать выражения.

— И вот еще что. Нам нужно разузнать про Йоханну.

Джефри едва заметно кивнул и ответил, тщательно взвешивая каждую фразу:

— Да. Магнат хочет ее убить, а это означает, что он считает ее живой. Но он явно понятия не имеет, где она. И никто еще и словом не обмолвился о Страннике.

Они мгновение глядели друг на друга. Когда Странник и Йоханна улетали вместе, на антиграве их подслушать было некому. Она рассказала Джефри о миссии к устью Великой Реки. В прошлом Йо со Странником десятидневками укрывались совсем рядом с крупными иностранными городами. От поисковых отрядом Магната им укрыться, безусловно, тяжелее, но все же это возможно. Вполне вероятно, что *прямо сейчас* они оба — Равна склонилась к Джефри и начертила пальцем на подлокотнике кресла кружок с точкой — *где-то здесь.*

Он опять едва заметно кивнул:

— И это возможно. Нам стоит быть начеку.

Рано утром их разбудила стая, принесшая завтрак. Она равнодушно приказала пленникам одеваться, есть и следовать за ней из прохладной

«темницы» вниз по всем лестницам, которые люди покоряли днем раньше.

С ночи шел дождь, но небо уже расчистилось и обрело сверкающую синеву. Великую Пирамиду и горизонт, из-за которого поднималось солнце, еще заслонял грозовой фронт, воздух можно было выжимать, как простыню, но все же это была самая приятная пора тропического дня. Впрочем, в темнице было значительно суше и прохладнее, и в полной мере насладиться моментом Равна не смогла.

Равну и Джефа запихнули в один из обслуживавших аэродром фургонов и повезли вдоль посадочного поля в сопровождении уже знакомой стаи с ружьями. На северной стороне два ангара были открыты. У кораблей работали стаи, но на таком расстоянии невозможно было разглядеть, чем именно они заняты.

Может быть, это и не так важно, поскольку извозчик не собирался их туда доставлять. Наверное, они едут на фабрику, которую пообещал им показать Магнат. Фургон повернул на юг, время от времени проезжая мосты через ручейки и пруды, виденные ими прежде сверху. Утренний воздух был куда чище и прозрачнее, чем в тот полет. Тогда многие детали терялись в тумане…

а теперь она видела вблизи дюжины длинных баракообразных строений. И даже в хорошую погоду ряды бараков казались бесконечными.

Возле первого барака Равна сообразила, что расстояние от пола до крыши не меньше пятнадцати метров, а в ширину — почти сорок. Земля вокруг барака была усеяна кучами… отходов? Нет; подъехав ближе, Равна увидела древесные плиты и отполированные металлические заготовки, более или менее аккуратно расставленные и разложенные на поддонах. Шеренги тропических сновали туда-сюда, подавая… сырье — наверное, так его надо называть… ко входу в барак. Фургон, чтобы не мешать рабочим, отъехал еще дальше на юг.

Они повернули снова и подъехали к одному из углов главного прохода, избегая пересекаться с грузчиками. Под навесом выстроилась восьмерка: Магнат. Вот это да — явился приветствовать их на своем производстве лично! И тут же радиосинглет с Даром Божьим, куда ж без них. Наверняка в тени укрывается еще одна стая охраны.

— Благодарение Силам, Проныры не видать, — сказал Джефри сухо. В окружении Магната крутилась еще только одна стая, низкорослая четверка.

Выбираясь из фургона, Равна услыхала детский голосок. Сперва она подумала, что это снова Магнат, но потом голос повысился до крика:

— Равна! Равна!

Она повернулась и увидела его.

– Тимор!

Мальчик протиснулся через Магната и заковылял к ней так быстро, как только мог, раскинув руки. Равна тоже побежала к нему по вымощенной булыжниками дорожке, плечом к плечу с ней бежал Джефри. Они встретились всего в нескольких метрах от невозмутимо выжидавших стай. Равна упала на колени и схватила Тимора на руки, как делала, когда он был в том возрасте, на который сейчас выглядел. Обычно Тимор тут же принимался брыкаться, но не сегодня.

— Я так рад тебя видеть!

— И я так рада тебя видеть!

Когда она поставила Тимора на землю и отпустила, по его лицу заструились слезы. Плакал он или смеялся? Наверно, и то и другое. Мгновением позже мальчик отвел взгляд от Равны и шагнул к Джефри.

— Привет, Тимор, — официальным тоном сказал Джефри и пожал протянутую ему руку. — Ты как?

Тимор потряс его ладонь:

— Отлично. А ты теперь на стороне Равны?

— Я… — Он посмотрел на Равну. — Да, Тимор, на ее стороне. — Он чуть не поперхнулся от вопроса, но закивал. — Честное слово.

— Ты видел Гери с Эдви, Тимор? — спросила Равна. — Они в порядке?

— Гери понемногу выздоравливает. Нас держат в камерах главного шпиля. — Он махнул рукой в сторону дворца. — Эдви… я боюсь, что Эдви уже…

— Эдви Верринг пал жертвой одной из тропических болезней — от них раздувается все тело, знаете… Я сделал для него все возможное. Увы…

Равна подняла глаза на говорившего и увидела, что все восемь элементов Магната внимательно наблюдают за ними, а голос, теперь — обычный голос Проныры, шел от радиосинглета рядом со стаей. Она не сумела с собой совладать и уставилась на бедолагу в упор.

— И что, Проныра? — спросила она. — Эдви был у тебя под арестом? Кто-то еще осматривал тело? Твой диагноз проверен?

Тимор предостерегающе стиснул ее пальцы своей ладошкой, но Проныру вопрос не очень обеспокоил. Голос его оставался пренебрежительно-беззаботным.

— Диагноз был очевиден. Впрочем, я сохранил останки. Если есть желание, можешь их исследовать.

Тимор продолжал удерживать ее руку.

— В этом нет срочной необходимости, — ответила она.

Магнат нетерпеливо засопел.

— Это хорошо, — прокомментировал он. — Запомни, Равна Бергсндот, ты здесь не командуешь. Я тебя сюда привез с другой целью: выяснить, сможешь ли ты мне пригодиться как сотрудница.

Несколько элементов стаи неотрывно глядели через ее плечо на Джефри.

Экскурсия по фабрике началась беспокойно, однако настроение Магната менялось так же часто, как погода. Они прошли в главный зал и поднялись по длинному пандусу на мостик, идущий вдоль производственной линии. Магнат настоял, чтобы Равна шла рядом с ним во главе процессии. Восьмерка теперь еще сильнее напоминала Щепетильника, даже говорила так же: гордый своими разработками инженер в мельчайших подробностях объясняет значение каждой детали и делится мнением обо всех аспектах техпроцесса. Магнат обвел мордами пространство зала.

— Этот зал длиной двенадцать стометровок, и

при полной загрузке линии здесь могут работать две тысячи Когтей. Он построен одним из первых и не оборудован электричеством. Вся энергия здесь поставляется паровыми двигателями, и все же я уверен, что ничего столь грандиозного ни на одной фабрике Домена вы не видели.

«В бахвальстве он даже Щепетильника переплюнет». Впрочем, это лучше некоторых других «режимов работы» стаи.

— И вы совершенно правы, почтеннейший Магнат, — сказала Равна.

Так оно и было. Дальний конец зала терялся из виду. Все производственные площадки Щепетильника на северной окраине могли бы уместиться в одном этом здании. Равна не видела на первом ярусе слитных стай, но Когти вдоль конвейера теснились почти плечом к плечу. Действовали они быстро и слаженно, неутомимо, совсем как на жутких потогонных предприятиях, ликвидированных Принцессами. Она попыталась перевести мысли на что-нибудь более приятное. Надо его о чем-то спросить. Ага. Было во всем этом одно отличие от архивных видеороликов. По эту сторону производственной линии, почти рядом с мостиком, по которому они прогуливались, бежал водяной поток. Он

был очень похож на ручейки вокруг аэродрома и, казалось, протекал по всей длине завода. Там, где воду пронизывали солнечные лучи, она различала в ручье каких-то существ вроде головастиков.

— Что это за создания в воде? — спросила она.

Тимор, следовавший за ними, откликнулся:

— Это каракатицы!

Магнат встряхнулся:

— На межстайном они зовутся… — Он испустил простой аккорд. — Это значит *маленькие пловцы с глазами вдоль боков и захватами, торчащими с одного конца тела.* Конкретно эта разновидность способна запоминать и воспроизводить простые фразы — я использую их, чтобы передавать рабочим короткие сообщения, когда поблизости нет для этого посыльных стай.

Равна перегнулась через перильца и заглянула дальше в поток. Да, у каракатиц были огромные, словно бы стеклянистые глаза. Длинные щупальца все время двигались. И Магнату, похоже, нечем больше похвастаться, а то бы он не преминул это сделать! Интересненько.

Она снова посмотрела на сборочную линию:

— Что производят на этом заводе?

— Сегодня? О, сегодня линия настроена на изготовление садовых водосточных желобков и труб.

Хммфф. — Он издал раздосадованное сопение, точно осознав, что ответ не слишком вяжется с грандиозными планами стаи. Повернув голову, он что-то пролаял на межстайном своему радио-синглету. Равне показалось, что это был вопрос. Пару секунд синглет молчал, а когда ответил, ворчание его было куда музыкальнее обычных аккордов межстайной речи. Равна сообразила, что накладывающиеся ритмичные аккорды — это числа и табличные данные. Магнат подытожил сказанное синглетом на самношке:

— Та докладывает, что дневная выработка составляет двести тонн. Пять тысяч дождевых желобов в час. На имеющихся запасах сырья линия может работать еще четыре дня. — Где-то в скопище клерков у Магната наверняка еще один синглет в радиоплаще, к которому стекаются все данные. — Дождевые желоба и трубы обычно используются здесь, в области Хора. Пока что внутренний рынок доставляет мне наибольший доход, не говоря уже про сырье. А через четыре дня мы переоборудуем линию под какую-нибудь другую продукцию. Продуктивность и гибкость — ключ к успеху!

— Да, уважаемый Магнат, — сказала Равна, — в путешествии по Дикому Принципату мы видели

множество товаров вашего производства. — И снова это была не лесть, но чистая правда. Еще одна загадка решена. — Но как же вы разрабатываете ключевые стадии производства, как рассчитываете… — В разговоре с «Внеполосным-II» она бы использовала термин «поток работ».

Магнат беззаботно помахал лапами:

— Именно в этом проявляется мой гений. Мой интерес к мельчайшим деталям. Занятая исследованиями часть меня, как вы бы сказали, птица высокого полета. — Два элемента стаи оглядывались, пока он говорил, и вдруг внимание Магната рывком переключилось на другую тему. — Тимор, ты меня задерживаешь!

Магнат приказал Тимору держаться отдельно от Равны, когда те входили в зал. С того момента мальчишка ковылял рядом с радиосинглетом Та.

— Извините, — сказал он и похромал быстрее.

— А где твой извозчик? — спросила восьмерка.

— Он там, позади. Ой, это не он. — Тимор указал пальцем на маленький транспортный фургончик у внешней стены завода.

Магнат отцепил элемента, забрал с линии маленькую красную тележку и подогнал ее к Тимору:

— Садись. Я не хочу, чтобы ты отстал от раз-

говора. — Два элемента стаи посмотрели на Равну. — Обычно я выделяю для него специального помощника, но сегодня в такой толпе ему просто не нашлось бы места. — Он обвел широким жестом множество стай эскорта и, казалось, только сейчас заметил Джефри.

— Эй, ты там! — скомандовал он. — Встань там и толкай тележку.

— Слушаюсь, господин. — Джефри поклонился на стайный манер и припустил вперед. Под учтивым ответом таилось ехидство.

— Да, так о чем бишь я? — переспросил Магнат, продолжая движение вдоль сборочной линии. — Да! Внимание к деталям. Для этой цели я нашел специального ассистента. Тимор превосходно справляется с планированием, лучше всех стай, кроме, конечно, меня самого. Он даже разработал методы управления планированием как таковым. Это выдающееся достижение.

Равна взглянула на Тимора, едущего рядом с ними в маленькой тележке. Тимор встретил ее взгляд и нерешительно улыбнулся:

— Все в порядке, Равна. Ты и сама занимаешься чем-то в этом роде, но справляешься гораздо лучше.

Она усмехнулась:

— Только на борту «Внеполосного-II». Ты молодец, Тимор. — Вот, оказывается, кто посоветовал Магнату нанять ее на работу и дал наилучшие рекомендации.

Пока Джеф толкал тележку Тимора, мальчик рассказывал и показывал им нижний ярус фабрики, где промежуточные стаи проносились туда-обратно через боковые проходы. Стойки на питаемой энергией пара сборочной линии разделяли ее на участки, на каждом из которых последовательность операций была проста и доступна даже Когтям с урезанными возможностями полной стаи. Магнат, что удивительно, молчал, в кои-то веки дав другому возможность похвастать своими достижениями.

Джефри кивал, поглядывая на толпу, и наконец перевел взгляд на Магната:

— Все они работают так близко друг от друга — я не вижу ни одной слитной стаи.

Вопрос была задан очень вежливо и спокойно, и все же Равна затаила дыхание.

Магнат молча шагал по мостику несколько секунд; может быть, он надеялся, что Тимор ответит вместо него. Когда восьмерка наконец нарушила молчание, вопрос Магнат проигнорировал:

— Как ты знаешь, сборочная линия — мое

изобретение. Первоначальная идея посетила меня на Длинных Озерах, еще до расщепления исходной стаи. Я сперва внедрил ее в новом Восточном Доме. Восточники мыслят прогрессивно; их тоже посещали сходные идеи, пускай даже в примитивной форме. Как видишь, большая часть работы может выполняться и не в полном уме. Фактически, если думать о том, что делаешь, скука станет непереносимой. Я решил перенести на фабрику старую концепцию линии караула, слегка усложнив ее и отведя каждому элементу отдельную простую, неизменно повторяющуюся задачу.

Равна кивнула:

— В Домене у нас тоже есть что-то в этом роде. Уличные копатели канав работают как большая команда, но, когда смена оканчивается, они распадаются на прежние стаи, забирают деньги и остаток дня живут, как им хочется.

Магнат раздраженно фыркнул.

— Как я только что сказал, в самой примитивной форме эта идея носилась в воздухе. Я, однако, отточил ее до высокого мастерства у себя в Восточном Доме. Не сомневаюсь, что вы в Домене слышали о моих заводах. Трудность в том, что тамошние гильдии рабочих очень надоедливы,

да и аристократам надо отстегивать…

— И кроме того, другие ваши разработки попросту переросли масштабы Восточного Дома. — Это сказал Проныра через Та.

— Да-да, Проныра, я про тебя не забываю. Твои, гмм, советы насчет остальных моих изобретений были тогда неоценимы. Мне требовались рынки рабочей силы побольше, где можно не сюсюкаться с кем попало. И подальше от Домена Древорезчицы.

Впереди мостик упирался в своеобразную террасу, достаточно широкую, чтобы, постройся по обе стороны ее караульные с ружьями, всем остальным участникам экскурсии еще оставалось место. Магнат остановился там и подвел нескольких элементов к ее краю. Равне он махнул подойти ближе.

— Тропики — идеальное место, чтобы воплотить мои мечты. Рабочую силу здесь можно переплавить во что угодно. Ни один северный заводик просто не способен выпускать столь совершенную продукцию. — Он с интересом глянул на женщину. — Ты и в самом деле не слышишь?

О, тут было что послушать: где-то вдалеке шумели паровые двигатели, звякала и лязгала сборочная линия, колеса тележек линий достав-

ки стучали о пол нижнего яруса фабрики. В цеху без крыши сразу под террасой несколько Когтей разом свели морды вместе, почти как слитная стая. Не исключено, что они ею и *стали*. К террасе из цеха вел пандус, в начале которого сейчас и остановилась Равна. А вот межстайного ворчания она все еще не слышала, как ни напрягала слух.

— Что я должна слышать? — спросила она.

— Мысли! Они тут просто гремят. Сверху донизу. По всем рядам. Как рев. — Он вытянул морду в направлении низкорослой четверки, сопровождавшей их по всему обзорному мостику. — Ты вообще задумывалась, кто это?

— Ну… — Вопрос застал ее врасплох своей нелогичностью.

Четверка что-то вякнула на межстайном, но на таких высоких тонах, что ее было почти не слышно.

Проныра вздохнул по радиоплащевой сети:

— Да, господин мой, я уже признавал свою слабость. В отличие от Аритармо, я так ни разу и не смог посетить ваши заводы лично. Радио — мой голос и слух, оно позволяет мне сопровождать господина моего Магната. Мой ассистент Аритармо описывает мне то, что по радио не передашь. — Он добавил еще что-то на межстайном.

Магнат засмеялся:

— И ты прав, Проныра. Однако я всего лишь хотел подчеркнуть, что наш заводской цех — смягченная, ослабленная версия Хора. Не все стаи выдерживают пребывание здесь.

До этой минуты Дар Божий помалкивал, во всяком случае, в слышном людям диапазоне. Теперь же стая подобралась ближе к ограждению террасы и посмотрела вниз всеми элементами.

— Если точнее, господин Магнат, — заметил он, — это территория Хора, и в отведенную вам Резервацию это место не входит.

— Ах да. Да, это так. — И почти самому себе: — Ну *как* свора миллионов Когтей ухитрилась так точно запомнить отпечатанный мелким шрифтом документ, который я показывал какому-то Дару Божьему семь лет назад?

Еще несколько элементов Магната подошли к перилам, свесили вниз пару голов и тут же отступили.

— Требуется немалое мужество, чтобы устоять в этом грохоте. Испытание на выдержку… Я, собственно, о том, что здешние мои заводы фундаментально отличаются от предприятий Севера. Эти заводы *знают* свои цели и способны самостоятельно управлять потоком исходного

сырья, преобразуя его в готовую продукцию. Волны внимания и решений прокатываются по всей протяженности цеха. Мои ассистенты осуществляют общее руководство, задают основные модели продукции, но лишь толпа способна оживить дизайнерские схемы. Вон там внизу — видите, комнатка с пятью элементами Хора, они сидят мордами встык? Я полагаю, что там своеобразное бутылочное горлышко производственной линии, участок, требующий особо когерентного внимания. Эта пятерка — нечто вроде местного Дара Божьего.

— Очень непостоянного, — уточнил Дар Божий с террасы.

— А насколько гибким может быть производство? — поинтересовалась Равна. — Вы сказали, что на текущих поставках завод проработает еще четыре дня, но сколько времени уйдет, чтобы перенастроить фабрику на выпуск кардинально отличающейся продукции?

— Кардинально отличающейся? Это зависит от выбора продукции, — сказал Магнат. — Чего Хор начисто лишен, так это изобретательских способностей. Разработать что бы то ни было *с нуля* он не в состоянии, как бы тут ни хорохорился мой дражайший Дар Божий. Лишь мой гений

положил конец плачевному существованию, какое Хор тут бесконечно влачил.

«Ну где эта Ритль, когда она нам позарез нужна?» — подумалось Равне.

— Образ жизни Хора уж никак нельзя было назвать плачевным, — возразил Дар Божий.

— Хотите поспорить об этом, друг мой? Всегда пожалуйста. Я прекрасно помню, как вы тут жили, пока я не учредил Резервацию. По крайней мере, в физическом отношении у вас тут сейчас полный рай.

— А, *в физическом?* — презрительно махнул лапой Дар Божий. — Ну да, конечно. Хор бы никогда не стал с вами сотрудничать, если б это оказалось не так. *По большей части*.

— По любой части, — сказал Магнат и раздраженно повертел мордами. — Самое сложное при выпуске новой продукции — растолковать Хору, какие усилия от него требуются. При этом приходится сочетать маркетинговые исследования и животную хитрость. В этом я весьма, весьма преуспел. Как только у меня готов план внедрения новой разработки вместе с опытным заводом и графиками отгрузок, у Хора уходит не больше десятка десятидневок, чтобы построить и запустить новый, уже полномасштабный завод. Теперь вы

понимаете, почему я больше не могу сохранять все в тайне от Домена, даже если бы хотел этого?

Магнат выжидательно смотрел на Равну всеми элементами, словно бы в уверенности, что сказанное им впечатляет ее. «Так и есть», — подумала она. Бахвальство Магната подбивало ее занижать размах его деятельности. Без единой микросхемы настоящей автоматики он сосредоточил в своих когтях мощь раннетехнологической цивилизации… и реализовал почти все задумки, над которыми она корпела последние десять лет.

Той ночью, в кондиционированной «темнице» под прослушкой.

— Получается, у Магната есть автоматика, — сказал Джефри. — Он вынудил Хор стать его личными автоматами. О Силы! Старый Шкуродер о таком и не мечтал.

— Он не Шкуродер. Магнат скорее… — Равна рассматривала стены, подбирая подходящий эпитет, — наивный буффон.

Джефри рассмеялся:

— Не напрягайся. Да, Магнат и вправду не Шкуродер, Старый ли, Новый. Но он достиг много большего. — Он посмотрел на Равну. — Хотел бы я знать, как ему удалось сунуть морду в Хор впервые. Стаи пытались проникнуть в тропики…

пожалуй, столетиями. Исследователи отправлялись, фрагменты, синглеты и маленькие своры возвращались, принося истории о безумии, самопожертвовании элементов, экстазе, — и проблеска здравой мысли не было в Хоре, по их рассказам. Максимально близким к торговле мероприятием была охота на потерпевших кораблекрушение у берегов Домена, хе-хе. Хор способен выполнять сложные операции, если ему пообещать вознаграждение или процент от прибылей; пожалуй, это неудивительно. А вот как Магнат сумел подобраться к ним настолько близко, чтобы наладить контакт, в самый первый раз?

— В этом ему мог помочь человек.

— Хм. Если операция длится уже так долго, как заявляет Магнат, то не мог.

Равна поколебалась, размышляя, стоит ли озвучивать свои полуоформленные подозрения насчет каракатиц. Потом передернула плечами:

— Ну что ж, это загадка. Надо будет напрямую его спросить. Думаю, несмотря на всю… — *браваду* — гордость и самомнение, Магнат в действительности очень высоко ценит человеческий технический опыт.

— Да, и твой опыт в особенности! — усмехнулся

Джеф. — Не забудь поблагодарить Тимора.

Равна вздохнула.

— Тимор справился лучше любого из нас. Ты с ним сегодня пообщался больше меня. — Мальчика увели под вечер — неприятное завершение странного дня. — Как думаешь, с ним все в порядке?

— Да, разумеется. Он не слишком расстроился, когда Магнат его уволок. Думаю, что он хотел повидаться с Гери… с ней, полагаю, все обстоит хуже.

— Мы тоже должны с ней повидаться, — сказала Равна. Старательно отводя взгляд от стен, она начала речь, которую отнюдь не хотела бы представить незримым слушателям как запланированную: — Знаешь, Джефри, после всего виденного сегодня я склонна верить Магнату. Я могла бы с ним работать. Он достиг… Если объединить его производства и разработки лаборатории Щепетильника в Холодной Долине, сто лет прогресса будут наверстаны за десять. Однако если нам не дадут встретиться с Гери, если не вернут похищенных Детей, то не будет и особого смысла сотрудничать с Магнатом и… — щелчок по носу главному монстру зверинца, если он тоже подслушивает, — Пронырой.

«Самое ужасное в этой маленькой речи то, что по большей части это правда».

На следующий день они посетили другую фабрику, расположенную почти в десяти километрах от первой. На этот раз фургон тащили керхоги — первые увиденные Равной в тропиках по-настоящему крупные животные. Обогнув аэродром и бараки с юга, путники попали в очередной утренний ливень, и по левую руку потянулась обычная заболоченная городосвалка вроде тех, какие они заметили еще с аэролета. Стоявшие к востоку дворцы и ангары понемногу уплывали из виду. Лишь Великая Пирамида Хора возносилась над туманом, пронзая облака, точно далекая гора.

Когда фургон остановился и керхогов распрягли, появился Магнат со своей свитой. Он уже ждал их. Восьмерка начала говорить, не дав Равне даже толком поприветствовать Тимора:

— Тебе кажется, что это дальняя поездка? Год или два назад так оно и было, но заводской квартал продолжает расширяться, число фабрик с каждым годом удваивается. В сотне километров отсюда у меня появились резервации поменьше. Чтобы туда добраться, понадобится аэролет. Так что прекрати обнюхиваться с Тимором и ступай

со мной. Так много всего нужно тебе показать…

Он потащил их на угольную энергостанцию. Опять налетел дождь, и путники вымокли до нитки. Здешним цехам паровые двигатели были ни к чему, линию двигали электромоторы всех видов. Следующий ряд цехов был отведен под горячую штамповку или что-то в этом роде. Магнат заявил, что с другой стороны «электротехнические» цеха. Равна подумала, что стоило сюда забраться уже хотя бы затем, чтобы увидеть все это, но потом заглянула внутрь, и до нее дошло, что же в действительности здесь производят.

Радиостанции.

Стопки их высились у выхода с конвейера. Магнат стащил одно мордой с подноса, забрался себе на плечи и положил Равне в руки. Женщина повертела коробку и тут же узнала дизайн. Только-то и разницы, что весь корпус позолочен с удивительной дотошностью. В металлическое покрытие можно было смотреться, как в зеркало. Она перевернула радиостанцию и увидела темную стеклянистую пленку солнечной батареи. Такие же использовались в радио северной конструкции. Да, за исключением довольно бессмысленного золочения, аналоговая радиостанция полностью копировала разработки из

архивов Равны и «Внеполосного-II». Щепетильник такие устройства последние несколько лет изготавливал дюжинами. Ага. Она оглянулась на Магната. В штабеле ящиков, возле которого слонялась стая, с легкостью уместилась бы тысяча радиостанций. Равна не нашла ничего лучшего, кроме как спросить:

— А почему они позолочены?

Магнат смотрел в нескольких направлениях одновременно.

— А? Ну, так пожелали местные потребители…

Равна вздернула бровь:

— Как, Хор?

Дар Божий, отиравшийся поблизости, немедленно влез:

— А кому, как не Хору, ведома истинная ценность вещей?

Магнат раздраженно зашипел и выдернул радиостанцию из рук Равны.

— Они любят все блестящее, — сказал он. — Мне все равно. Обычных радиостанций мы изготавливаем больше. Пошли дальше. Я покажу тебе конвейер.

Внутри цеха было значительно чище и, на слух Равны, тише, чем на вчерашней фабрике. Этому не приходилось удивляться, ведь на второй фаб-

рике производились более тонкие устройства, а питалась сборочная линия электричеством. Магнат рассыпался в утомительно детальных объяснениях. В этом здании радиостанции проходили этап финальной сборки. Продукция всецело зависела от сетей сборки, поставок сырья и компонентов, и промежуточная сборка радиостанций продемонстрировала бы это еще яснее, чем производство садовых водостоков. Каждая стадия была позаимствована из разработок Щепетильника и «Внеполосного-II», но сетевой принцип построения производства был нововведением Магната. Хотя Магнат отмалчивался на сей счет, Равна заподозрила, что этот же принцип и служил основным лимитирующим фактором его деятельности.

— У меня обширные планы совершенствования производства, — сказал Магнат, — позолотой и украшениями мы не ограничиваемся. Я задумал полностью переделать дизайн радиоплащей. Взгляни только, как облегчил выполнение наших задач комплект, э-э, позаимствованный для нас Невилом. Если бы радиоплащи выпускались в промышленном масштабе и могли использоваться безопасно для носителей, в моих проектах был бы достигнут революционный прорыв!

Равна чуть не расхохоталась. «У тебя? Планы совершенствования? Значит, Невил не врубился в смысл исходного дизайна плащиков?» Они прошли еще несколько метров. Равна молчала, Магнат болтал о своем. С другой стороны стаи шагал Джефри, кативший тележку с Тимором. За ними держался радиосинглет Та и немного позади — Аритармо с Даром Божьим. Замыкала эскорт пара стай охраны с ружьями.

— …Разве не так? — переспросил Магнат.

Ой! Равна отключилась от его лепета и пропустила какой-то вопрос.

— Простите?

— Мои достижения превзошли твои собственные, разве не так?

Пора бы его спустить с небес на землю.

— Почтенный Магнат, вы и Хор совершили поистине промышленное чудо.

Магнат горделиво поднял хвосты.

— Однако, — продолжала Равна, — в основе его лежат разработки, напрямую или косвенно позаимствованные из лабораторий Домена.

— Чушь! — воззрился на нее всеми элементами Магнат. Но его морды не тряслись, взгляд был не такой устрашающе-яростный, как при первой встрече. Помедлив, он частично отвернулся. —

Ну, кое в чем ты права. Я многим обязан Проныре и превосходной шпионской сети, раскинутой им.

— Благодарю, господин. Рад стараться.

Это был Проныра, ретранслированный Та. Тварь явно считала эту поездку очень важной и подслушивала каждое слово.

Магнат величественным жестом поблагодарил его через Аритармо.

— Должен сказать, — продолжал он, — что как слитная стая я был истинным гением. За последние семь лет изобретательские способности мне удалось восстановить практически полностью. Меня все время обуревают идеи. Я мечтаю о полетах, о путешествиях под водой и по морскому дну. У меня стопки блокнотов с записями изобретений. Но я один. Столько деталей и сложностей надо учесть и преодолеть на пути от озарения к практической реализации. Вообще говоря, именно поэтому я и раскололся в первый раз. Нынешний мой прорыв зиждется на трех аспектах: моем гении и вдохновении, поддержке Хора и поставляемой шпионами Проныры информации.

— А крадет Проныра ее у нас, — сказала Равна. — У людей.

Магнат встряхнулся:

— Из архивов, которые, в свою очередь, украли вы. Вообще-то, я глубоко сомневаюсь, что вы хоть что-то изобрели сами.

Джефри с неподдельным изумлением слушал Магната. *Спокойно, Джеф!* Но молодой человек не выдержал:

— Люди все это изобрели в незапамятные времена! Тысячи лет назад! Каждая цивилизация через это проходит, прежде чем посвятить себя действительно трудным задачам!

Магнат помолчал.

— Действительно трудным?

Он был не так оскорблен, как заинтересован.

— Всегда есть к чему стремиться, уважаемый Магнат, — сказала Равна, посылая Джефри испепеляющий взгляд.

— А, да, — кивнул тот. — Звездолеты. Звездные корабли.

— Да.

— Но у меня и для них есть идеи. — Они успели уже пройти несколько шагов, и к Магнату вернулось то ли самолюбие, то ли уравновешенность. — Разумеется, чтобы их воплотить, потребуется еще какое-то время. Несколько лет. Брат Йоханны, ты об этом говорил, упоминая «действительно трудные» задачи?

— Нет, конечно, — ответил Джефри.

— А о чем тогда?

— Мы об этом уже беседовали, господин мой, — услужливо подсказал Проныра. — Небесные червяки одержимы идеей стать богами.

Магнат пренебрежительно засопел.

— Ах да, боги. — Он искоса взглянул на Равну. — Собственно, на этом мы вас и взяли. На религиозной распре между двумя людскими фракциями.

Проныра энергично и одобрительно заворчал, затем перешел на самношк:

— Господин, их вера в сверхъестественное как нельзя лучше изобличает в них дураков.

Дар Божий, как обычно, с отсутствующим видом трусил по краю экскурсионного мостика, поглядывая вниз, на сборочную линию. При последних словах Проныры его морды вздернулись и он тихо, спокойно заметил:

— Я протестую против такого оскорбления религиозных чувств. *Мой* бог, во всяком случае, вполне реален. Он несомненно существует. Если сомневаетесь в этом, милости прошу на первый этаж нашего цеха.

Магнат немного помягчел, когда ему предложили обследовать сборочную линию лично, и

Равна в дальнейшем помалкивала на предмет оригинальности его работ. Это не было так уж трудно: кое-чем она искренне восхищалась. Когда они достигли середины мостика, дождь возобновился: она слышала, как стучат его капли по металлической кровле. Снаружи заметно потемнело, на заводе включили искусственное освещение. Электрические лампы висели над важными участками сборочной линии и теперь одна за другой зажигались, оставляя полную иллюзию автоматической контрольной системы.

Как и на посещенной ими вчера фабрике, тут была полуоткрытая терраса. Сегодня Магнат жестом отогнал остальных и пригласил Равну подойти для личного разговора. Она нерешительно огляделась — *личного разговора?* Конечно, Тимор и Джефри ничего не услышат из их с Магнатом беседы, а как насчет остальных? Дождь усиливался, стук капель превратился в барабанный бой, ударил гром. Что ж, если Магнат как следует сфокусирует голос, никто не догадается, о чем они говорят.

А может, это и не имеет никакого значения.

— Знаешь, мне кажется, что ты мне очень пригодишься, — сказал Магнат.

— Я польщена, уважаемый Магнат, но не уве-

рена, что…

— О, а я думал, ты понимаешь. Я очень хорошо оцениваю способности потенциальных сотрудников. Ты указала на слабые места в моих проектах, и сделала это весьма деликатно. Увы, я с тобой соглашусь. — Он остановился, словно давая ей прочувствовать значение этих уважительных слов. — Ты знаешь, что я готов предать огласке свой альянс с Доменом и Невилом Сторхертом?

— Вы уже говорили. А как насчет Древорезчицы?

Он пренебрежительно отмахнулся:

— Это мелочи. Я улетаю в Домен не сегодня завтра, с официальным визитом. Там все и обнародую. Мой прилет рассчитан так, чтобы совпасть с прибытием по морю груза, — там тысяча двадцать четыре радиостанции. Дар этот удостоверит мою технологическую мощь. Проныра уверен, что Древорезчицу это как следует впечатлит. Сотрудничая со мной и Невилом, она баснословно обогатится. А что до меня… ну что ж, выйти наконец-то из тени для меня сейчас настолько же важно, как раньше — заручиться договоренности Невила. Он волен будет дать мне прямой и полный доступ к бортовым архивам звездолета «Внеполосный-II».

— Ах вот оно что!

Магнат неправильно построил фразу со словом «договоренность», но мысль его была ясна.

— Да, и ты тоже обогатишься, если станешь моей сотрудницей. Я укрою тебя от Невила. Я дам тебе доступ к архивам «Внеполосного-II». Я позволю тебе использовать ресурсы Хора для своих религиозных ритуалов, хотя прежде Хор придется основательно умаслить. Взамен я потребую двух вещей. Во-первых, ты заставишь своих приверженцев-двуногих прекратить козни против Невила. Во-вторых, ты, хмм-ухмм, используешь «Внеполосный-II» для решения моих производственных проблем. Как ты заметила, мой изобретательский гений нуждается в существенной поддержке на этапах преобразования идей в готовую продукцию. Невил тоже кое в чем помогал, но сдается мне, что в архивах «Внеполосного-II» ты, и только ты, полновластная хозяйка. — Он помолчал, явно стараясь сгладить непрошеную резкость. — Так что ты скажешь?

Можно было бы повторить маленькую речь, обращенную к Джефри, вот только он наверняка уже ее слышал. Гром и молния разгулялись напропалую, ливень перерастал в тропический шторм. Высоко над бурей воздух истончался,

становился суше, остывал, переходя в вакуум межпланетного пространства. Где-то в тридцати световых годах над ними летела Погибель. Погибель этого мира, всех его обитателей и, надо полагать, много большего.

«Сегодня, в этот миг, я, как никогда прежде, близка к тому, чтобы ее остановить».

Она с трудом отвлеклась от этих мыслей и возвратила себя в здесь и сейчас, переключив внимание на восьмерку, ожидавшую ее ответа.

— А что будет с Невилом?

— Невила я оставлю вождем двуногих. У меня нет привычки предавать прежнего союзника, обретая нового. — Магнат изобразил покачиванием голов усмешку. — Веселей. Проныра сообщает, что Невил этой сделкой недоволен ничуть не меньше твоего.

Хм. Она осмотрела террасу, перевела взгляд туда, где стояли Тимор и Джефри. Их укрывала густая тень, которую временами разрывали синебелые отсветы молний. Оба смотрели на нее. Чуть ближе курсировал Аритармо, несомненно стараясь подслушать беседу. Она повернулась к Магнату и по очереди поглядела в глаза всем его элементам:

— Я хочу, чтобы ты вернул Детей, которых

украл.

— Тимора и Гери? Ах да, разумеется. Я… я очень сожалею, что третий человек погиб, хотя это был несчастный случай. — Он собирался сказать что-то еще, быть может, извиниться более пространно, но не стал. Одну вещь о Магнате ей следовало накрепко заучить: он без колебаний признает свои ошибки, когда ему на них укажут.

— И никаких больше убийств, — сказала она.

— Разумеется. — Вдруг по стае прошел трепет недовольства. — Никаких убийств, за исключением справедливой расплаты. Йоханна Ольсндот убила моего брата. Этому нет прощения, и нет суда.

Опять сверкнула молния. Равна переждала гром и ответила тихо, но твердо:

— Так займись Пронырой. Это он убил твоего брата.

Магнат мягко фыркнул, но посмотрел на нее всеми глазами:

— Ты лжешь. Или обманываешься. У меня полно доказательств, я годами собирал их. И не только через Проныру. Невил Сторхерт — разве не с ним Йоханна собиралась завести щенков? — подтвердил, что убийца — Йоханна. Он слышал от нее признание. Вероятно, оттого-то их отно-

шения и расстроились, — по крайней мере, я так думаю. Быть может, он немного больше ценит жизни стай… твой рот открыт, и, однако, ты молчишь. Тебя удивили мои слова?

— Н-нет. — На миг она думала, что у нее нервы не выдержат и она бросится на Магната. Вместо этого она собрала себя в кулак и ответила: — Невил солгал. Проныра лжет все время.

— Ага. Значит, меня окружают лжецы. — Магнат встряхнулся и посмотрел на остальных, в том числе на Джефри, двумя элементами. — Ты знаешь, где находится Йоханна Ольсндот?

— Нет, — сухо ответила Равна. Она не солгала, потому что могла об этом лишь догадываться.

— И я нет. И Проныра. Никто не видел ни ее, ни Странника, ее дружка, ни их флайера с той ночи, как мы тебя выкрали. У меня сильное подозрение, что они укрываются где-то в Домене, под защитой Древорезчицы. Проныра полагает, что эта дурацкая летающая машина наконец доломалась и они разбились. Если ее никогда не найдут, мой брат останется неотомщенным! — Его голос поднялся до отрывистого вопля, очевидно знаменовавшего полное отчаяние. — Но Проныра предложил мне решение. Он говорит, что брат Йоханны тоже мог знать, как именно был убит *мой* брат. Если

он знает, нескольких дней профессионального допроса хватит, чтобы выжать из него факты.

— Ты не…

— Проныра надеется, что брат Йоханны останется жив после допроса, но ничего не гарантирует. — Он снова посмотрел на Равну всеми глазами.

Равна решительно шагнула прямо в середину стаи, рискуя пораниться о когти. Большая часть элементов Магната была вынуждена задрать морды, чтобы видеть ее лицо.

— Никого больше не убивай!

Магнат взвился, выстроил себя стайной пирамидой и наставил две морды Равне в лицо на уровне глаз. Он подался вперед, оскалив клыки; во взглядах смерть, дыхание источает вонь.

— Не забывайся, человечица. Я найду Йоханну Ольсндот. Если в ходе поисков *ее* брат умрет, это можно будет счесть справедливым воздаянием. Брат за брата!

Глава 35

Через два дня для экспедиции в Домен, о которой Магнат без устали трепался, все было готово. В отношениях Равны и восьмерной стаи за это время ничто не изменилось. Хорошая новость заключалась в том, что Джефри был покамест жив-здоров и когти свои Проныра в него не запустил. Дурные вести… пока что не вполне прояснились и явно зависели от того, что же, собственно, запланировал Магнат на эту поездку.

После рассвета появился фургончик и отвез их на аэродром. Уже знакомая стая охраны бежала рядом. От недавнего ливня на бетоне остались влажные полосы, но верхушка арки небес уже просветлела, ветра не было, воздух был влажен и относительно прохладен. На северном конце летного поля двери двух ангаров уже открылись, оттуда выкатывали воздушные корабли.

Они остановились только у дождевого пруда у черта на куличках. Стая с ружьями видела, как Джефри вылезает из фургончика, но возражать не стала. Равна, подумав, последовала за ним, хотя вид с берега на прудик был хуже, чем со

скамьи или с крыши фургончика. Джеф обошел фургон. Равна притенила глаза рукой и поглядела на аэролеты. Они заехали так далеко, что детали конструкции различить было трудно, однако…

— Такое впечатление, что они готовятся к отлету, — заметила она. — А нас и близко не подпускают.

Джеф подошел к ней:

— Ай, брось. Опять психологическая атака. Магнат тебя не оставит, ты ему нужна.

Равна мгновение молчала. Джеф, *скорее всего,* прав. Последние четыре дня она плотно общалась с Магнатом, научившись расшифровывать его перепады настроения — от буффонады и бравады к убийственным вспышкам ярости, по счастью редким. Прежде чем Магнат отправится в путь, они наверняка еще как минимум однажды успеют повздорить, и даже успех предприятия может быть кое-чем омрачен. На какой аэролет поместят Джефри? И…

— Где Гери, Тимор, Амди, Винтозуб? — Джефри точно читал ее мысли. — Мы не видели Тимора с тех пор, как ты послала Магната к чертям *собачьим*.

За ту стычку с Магнатом Джеф ее беспощадно раскритиковал, но по всему было видно, что

«неподатливость» Равны его приятно поразила — больше, чем все поступки спутницы за очень долгое время.

Несколько минут они стояли и вглядывались в даль, в суету вокруг ангаров, ожидая, что вот-вот со стороны дворца Магната и крыла Проныры (по сути, отдельного дворца, немногим уступающего основному) появятся новые фургоны. Над влажным бетоном повисла мертвая, тягучая тишина, распростертая, казалось, до самых пирамид. Сквозь облака на востоке пробивались столбы солнечного света, озаряя золотую отполированную поверхность Великой Пирамиды Хора. Солнце поднималось над грозовыми облаками, лавина сияния мчалась на летное поле. Нарождавшийся день был яркий, радостный… невероятно жаркий.

— А не собирается ли Магнат нас зажарить? — сказал Джефри. — Вернемся-ка в фургон. — Там хотя бы тень, где и укрылась часть стаи-извозчика.

— Да.

Равна еще оглянулась. В солнечном свете ее зрение будто обрело новую резкость или контрастность. Мелковатый пруд, который она заметила, подъезжая, располагался дальше от

основных построек, чем ей думалось. И он не был так уж мелок.

— Эй, Джефри! Мы всего в сорока метрах от одного из прудов с каракатицами.

Она направилась в указанную сторону, и Джефри, помедлив, последовал за ней. Охранник удивленно взвизгнул, забежал вперед и по сторонам, словно желая оттеснить людей, но ружей не поднимал и казался скорее раздраженным, чем готовым применить силу. Так они и дошли до пруда. Джефри оглянулся и сказал:

— Из дворца только что выехал фургон. А если это Магнат?

Равна тоже оглянулась. Фургон еле полз и все же направлялся явно не к ангарам, а сюда. Угу, вот и последняя стычка назревает. С Магнатом она спорить не боялась — опасалась того, что произойдет, если он ее переспорит. На сей раз все может завершиться не так спокойно.

Она опустилась на колени у пруда, надеясь, что движение это покажется любому наблюдателю спонтанным. Хотя вода тут была открытая, рои кровососущего гнуса, кружащиеся над прудом, плотностью не уступали своим собратьям из других мест. «Может, и нет у них личиночной стадии, которая бы развивалась в воде, или…» То

там, то сям в воде что-то двигалось, извивалось, щупальца выныривали на поверхность и погружались обратно. Значит, «каракатицы» еще и насекомых едят.

Равна перегнулась через насыпной бортик пруда и посмотрела прямо в воду. Бетонная стенка круто обрывалась, но даже в этом месте дно уходило под воду не более чем на два метра. Тут тоже кишели головастики. Один, второй… спустя пару секунд почти все они подтянулись к тому месту, где стояли люди.

— Такое впечатление, что мы их привлекаем, — заметил Джефри.

— Ага.

Она сунула руку в теплую воду.

— Эй, поосторожней! — Джефри сгреб ее за рукав и оттащил обратно.

— Все хорошо. С Когтями же они уживаются. — И кроме того, ей нужно было протестировать еще одну теорию.

— Но ведь ты не можешь знать, что там еще в пруду водится.

Тоненькие тельца скользили по коже, крупные стеклянистые глаза внимательно глядели на нее через воду. Щупальца осторожно ощупывали пальцы. Она повела рукой, подтягивая стайку

существ на светлое место. «Если они и разумны, это еще ничего не доказывает».

— Привет! Привет! Привет! — сказал голосок. Спустя миг к нему присоединились другие, столь же писклявые. — Привет, человек! Привет, человеки!

Каракатица, касавшаяся ее руки, отплыла прочь, стайка рассеялась, но тут же вернулась, заметно прирастя числом. Дюжины писклявых голосов выкрикивали приветствия. На самношке.

Джефри расслабил хватку и тоже встал на колени у пруда рядом с ней.

— Так они и вправду умеют говорить! Интересно, умней ли они синглетов.

— О, полагаю, что намного умнее.

«Это лишь теория, но…» Равна оглянулась через плечо на аэродром. Передний фургон приближался, его сопровождала вторая стая охраны с ружьями. Стены фургона были украшены замысловатым орнаментом. Магнат. «Ну что ж, попробуем поверить теорию опытом».

Они с Джефри встали, но от пруда далеко не отошли. Фургон Магната сбросил скорость и остановился возле них. Равна и Джефри не двинулись с места, и Магнат издал раздраженное ворчание,

но тут же скомандовал ездовому подкатить к пруду с каракатицами. Восьмерка высыпалась наружу, с ней был радиосинглет — и, о чудо, он выглядел совсем как Зек! Рядом крутилось вполне ожидаемое действующее лицо — Ритль. У синглетки пасть, как обычно, не закрывалась, и она громогласно молола ерунду. Когда же Магнат сделал ей знак заткнуться, Ритль утихла и ограничилась спорадическим ворчанием. Несколько шагов она пробежала рядом с Зеком и только тогда заметила пруд. Заложив лихую петлю вокруг него, синглетка, всем на удивление, временно забыла свои жалобы на жизнь.

Магнат неторопливо засеменил к ним с видом откровенно радостным, как у великого политика, в кои-то веки выбравшегося на встречу без обычной свиты. «Ну что ж, я почти так же рада, что тут нет ни Проныры, ни даже Аритармо», — подумала Равна.

— П-п-похоже, денек будет очень жаркий, — сказал Магнат вместо приветствия. Голос Гери, как обычно, резко диссонировал со смыслом слов.

— Не сомневаюсь в этом, почтеннейший, — ответила Равна.

Восьмерка ехидно покачала головами:

— Ладно, не важно. Под вечер я улетаю. Уже на высоте нескольких стометровок воздух довольно прохладный и приятный. Естественное кондиционирование. Думаю, мне будет вполне комфортно.

— Вы нас не берете? — спросила Равна как можно более беззаботным тоном.

— Список пассажиров и порт посадки корабля все еще предстоит уточнить, — ответил Магнат. Два элемента неотрывно смотрели на Джефри.

Равна не выходила из роли.

— А Проныра с вами летит?

— А как же, на втором аэролете. — Он указал мордой на ангары. — Для Аритармо места нет, но подключением к сети он нас обеспечит. Мои проекты по всему миру не останутся без надзора.

— А Ритль? — спросил Джефри, словно уточняя, который час.

Магнат раздраженно фыркнул:

— Ритль я с собой не возьму. В тесном пространстве с этим маленьким чудовищем, то есть, я хотел сказать, остатком вполне добросовестного сотрудника, очень тяжело справляться. — Все морды уставились на Равну. — Впрочем, эта синглетка для меня не слишком важна, как вы двое наверняка уже догадались.

Равна встретила его взгляд и постаралась вернуть ничуть не менее уверенный, хоть и была у нее всего одна голова.

— Разумеется. Но, кроме нас с Джефри, есть же еще похищенные Дети, Гери и Тимор, и…

— Нет.

Отрицание было высказано высоким тонким голоском маленькой девочки, но непреклонным тоном.

— Они остаются здесь.

— Но…

— Я не хочу, чтоб они путались под лапами. Я… — Стая перегруппировалась. Равне почудилось, что в ней наметился какой-то едва ощутимый разлад, что некоторые элементы недовольны принятым решением и сожалеют о сказанном. — Тимор отличный работник, он один стоит целой стаи. Ему здесь будет хорошо. Гери тоже в безопасности. Для меня их защита — первоочередный вопрос, хоть они и люди. Тебе стоит знать, что Проныра ненавидит вас, людей, даже больше моего. Не уверен, что он отдает себе полный отчет, как вы хрупки и уязвимы. Даже мне трудно представить себе существование в клетке одного-единственного, совершенно нового разума. Это для нас крайне неестественно.

Так или иначе, я верну их, но не сейчас. Но и Проныру к ним не подпущу. Обещаю. — Он подвел ближе к Равне одну морду. — Я намерен взять тебя с собой, а захваченные с вами стаи полетят на север с Пронырой. Так будет легче установить достоверность ваших утверждений.

— А что с Джефри? — спросила Равна.

— А это от вас с ним зависит. Я хочу понять, где находится Йоханна Ольсндот. Вы двое что-то скрываете. Вчера вы весь день совещались у себя в камере — мы знаем, мы слышали. Признаетесь — и оба полетите на борту моего корабля.

— Мы уже все тебе рассказали, — сказал Джеф жестко, — и мы не заговорщики!

На самом деле они часы проговорили, пытаясь составить план на тот случай, если дойдет именно до этого. Большая часть информации была сокрыта в жестах, паузах и закамуфлированных аллюзиях.

Магнат ответил так, чтобы слова его громыхали прямо над головой Джефри:

— Иначе… как я уже обещал тебе два дня назад, Джефри отправится с Пронырой.

— О, господин мой, я уверен, что заставлю братца Йоханны заговорить.

Это сказал Проныра через Зека.

Равна посмотрела на Джефри, перехватила его нетерпеливый взгляд. Вот к чему привело все их «укрывательство»: нельзя выиграть, если тебе не в чем сознаваться, но противник этого факта не признает. Нельзя ли отдалить кошмар, сделав ложное признание? Джеф бы уже начал вешать Магнату лапшу на уши, если б она не вынудила его предоставить ей право первого слова. «Но должен же быть какой-то выход. Мне нужно еще чуть-чуть подумать». Ну и что? Вчера целого дня не хватило, чтоб отыскать этот выход, если он вообще существует. Она отвернулась от Магната, Зека и Джефри, уставившись на пруд. В середине его происходило нечто, ускользавшее прежде от ее внимания. Тут и там в воздух поднимались вяло колышущиеся щупальца. И каракатицы не ловили насекомых; щупальца были длиннее и более сходны с лиственной кроной, чем у всех виденных ею тут головастиков. И вот *это* уже окончательно подтверждало ее теорию насчет каракатиц. Она почувствовала, как губы растягиваются в усмешке; если б не идиотская ситуация, она бы просто в голос кричала от радости.

Отвернувшись, она снова поглядела на Магната. Заготовленная ранее ими с Джефри ложь готова была сорваться с губ, но, черт побери,

какой смысл изворачиваться, если есть способ перехитрить врага иначе?

— Вы перевезли нас через всю зону посадки — сюда. Вы хотели показать нам этот пруд, не так ли? А почему?

Зек издал недовольный аккорд. Очевидно, Проныре не понравилась смена темы. Магнат же, к его чести, перестроился легче. Он повертелся, бросая разными элементами взгляды на воду, и, когда заговорил, самодовольства в его голосе сразу прибавилось.

— Я заметил, что ты избегаешь трудных вопросов об этих каракатицах, никогда не заговариваешь о них, даже наедине с братцем Йоханны. Я не думаю, что ты догадалась, как они важны для моей программы.

Равна кивнула:

— Отчего же, у меня есть одна теория. И кажется, я знаю о каракатицах гораздо больше вашего.

— В самом деле?

Магнат подошел ближе с вызывающим видом. Он не был рассержен, только раззадорен — и как предприниматель, и как изобретатель.

— И что же, по-твоему, ты о них знаешь?

— Каракатицы — не просто бездумные говорилки. Они выучили ваш язык, а совсем недавно

— наш. Они пользуются обоими наречиями осмысленно.

— Да. И что?

— Именно через посредство каракатиц вы первоначально установили контакт с Хором. Именно с их помощью вы преуспели там, где все ваши предшественники потерпели неудачу.

Магнат защелкал челюстями — стайный аналог вежливых аплодисментов.

— Превосходно. Очень хорошо. Ты совершенно права. — Он склонил морды и продолжил с явственным сожалением: — Видишь, как Ритль с ними играет?

На другом берегу пруда носилась Ритль, суя морду в воду и энергично ворча. Тонкие писклявые голоса отвечали ей.

— Именно Ремашритльфер привез первых каракатиц с берегов Южных морей, а я придумал, как использовать их в контактах с Хором. Ремашритльфер совершал попытку за попыткой. Провал следовал за провалом. Не знаю, скольких они сожрали, даром что каракатиц собственная жизнь не слишком заботит. Наконец Ремашритльфер попросился обратно, а я заставил его вернуться и пробовать снова и снова. И, как обычно, терпение и труд все перетерли. — Он

самодовольно поглядел на нее. — Начало было положено. Мы нашли чем торговать и добились, чтобы нам выделили тут первую небольшую Резервацию. — Он широким жестом обвел аэродром, дворцы и заводы. — Остальное — дело времени.

— Вам никогда не казалось странным, что эти существа умеют говорить, но лишены разума?

— Ухмм, конечно. Я постоянно раздумывал, с чем это связано. Вначале я принял их за китовую молодь. Известно, что киты умнее куниц, почти так же умны, как синглеты, отчего же икре их не быть такой же умной или даже более?

За истекшее десятилетие на берега Домена время от времени выбрасывало трупы китов. Равна наблюдала за вскрытием двух таких. Они напоминали морских млекопитающих Старой Земли. Запустив простейшие филогенетические программы, она пришла к выводу, что животные эти — далекие родичи Когтей — некогда спаслись в море от какой-то угрозы, а на сушу так и не вернулись.

— Каракатицы не могут быть молодыми китами, — сказала она. — Никак не могут.

— Гррм. Я знаю. Притом со временем стало ясно, что интеллект этих существ непостоянен. Они

глупеют. Немногие протянувшие дольше года укореняются на манер растений и становятся совсем безмозглыми, только яйца откладывают, а из них выходят новые каракатицы. Прежде чем догадаться об этом, мы чуть всю операцию не завалили. Я послал экспедицию в Южные моря; мы нашли тот единственный атолл, у которого они водились, забрали оттуда всех взрослых яйцекладов, каких только смогли найти, и пересадили сюда. Вон их верхушки, из воды торчат.

— Я видела их.

Ветви еще немного поднялись над водой. Все больше и больше их поворачивалось к людям и стаям на краю пруда. Такое знакомое, такое родное, такое — *прости, Фам,* — успокаивающее зрелище. В ярком солнечном свете она даже различала яйцекладки в густых сплетениях листьев. Как бы ни были они тупы, но это дети ее подруги, и теперь ясно, что та выжила. Равна с нарочитой неторопливостью побрела по берегу и остановилась у ближнего клубка ветвей.

— Вы их выкопали и перенесли сюда? Повезло же вам, что они выжили. Они предпочитают открытое море, а не мутную стоячую воду.

— Что? Откуда тебе знать? — сердито и заинтересованно спросил Магнат. Сидевшие у пруда

элементы вскочили на лапы и побежали к ней.

У Джефри глаза полезли на лоб.

— Да быть этого не может, Равна! Каракатицы совсем иначе выглядят! Я видел их глаза…

— Джеф, это личинки наездников. Я никогда их не видела и не могу судить с уверенностью; но погляди, во что они вырастают. — Она повела рукой в сторону ветвей.

Магнат бегал вокруг нее.

— Что ты о них знаешь? Ты сказала, что им более привычен океан, это их естественная среда обитания. Да будет тебе известно, что с тех пор, как я привез их в эстуарий Великой Реки и на Болота, их численность увеличилась стократно.

Проныра через Зека, несмело бредущего за ними, взволнованно спросил:

— Что происходит, господин мой?

Тут же его речь превратилась в требовательное бульканье. «Бедный Проныра, — весело подумала Равна. — Он только наточил свои орудия пытки, а жертв выдернули прямо из-под его носов». Следовало немедленно развить и закрепить успех. Как подорвать позиции врага окончательно, она еще не понимала, но лучше всего ошеломить Магната тайным знанием в ответ на его замашки. Она внимательно посмотрела на бегавшую вокруг

восьмерку и неторопливо сказала:

— Скажите, Магнат, а вы вообще понимаете, как ничтожно мала вероятность того, что две разумные расы разовьются на одной планете и смогут сосуществовать?

— Разумеется! Шпионы Проныры рассказывали нам о других мирах. Но там везде от нескольких разумных рас и больше.

Равна помотала головой:

— Это были миры Запределья, почтенный Магнат. Там возможны сверхсветовые путешествия и передовая технология. Здесь, Внизу, эволюция работает с обычной биологической скоростью и пользуется старыми орудиями, проржавелыми от крови жертв. Здесь, Внизу, разум не терпит соперничества. Если две разумные расы зарождаются на одной планете, одна так или иначе изводит другую под корень, обычно еще до начала письменной истории.

— Ерунда!

Но он собрался вместе, напряженно размышляя.

— Либо это невероятная удача, либо…

— Либо каракатицы, как и люди, прибыли из космоса в ваш мир совсем недавно. Фактически все они — дети и внуки двух моих напарников

по кораблю.

Магнат пришел в смятение:

— Это невероятно. Впрочем, тебе нечем подтвердить свои слова. Какая разница? У этих существ нет никакой технологии. Взрослые — яйцеклады — неспособны к общению. Растения, и не больше. — Он засопел. — Зачем бы вы держали их на своем корабле? Как оранжерейные растения? А может, вы… — Он помедлил и что-то вопросительно булькнул охране на межстайном. Две стаи ответили отрицательно, но тут же рассредоточились, наблюдая или вслушиваясь.

Равна не обратила на них особого внимания. Она неотрывно глядела на сидячих наездников, навеки укорененных здесь волею Магната. Вероятно, от Зеленожки до них лишь одно поколение. Без тележек, даже таких примитивных, «сделай сам», как у Зеленожки, долговременная память у них почти отсутствует. Они невинны и практически неразумны, как были в эпоху до Возвышения их расы. «Но я рада, Зеленожка, что твои дети выжили».

— А что это за звук?

— А?

Равна посмотрела на Магната, который разбежался по краю пруда и принял тревожную

стойку.

— Ничего не слышу, — ответила она.

Магнат недовольно тявкнул:

— Некоторые звуки доступны даже тебе. И они все громче.

— Да, я что-то слышу, — сказал Джефри.

— Что там происходит? — взывал вконец озадаченный Проныра.

И теперь даже Равна слышала… гудящее жужжание. Какой знакомый, какой невероятный звук. Она обшарила взглядом пруд, все ветви, отмечавшие обездвиженных взрослых. Некоторые из них в последние несколько секунд поднялись выше и продолжали выпрастываться из воды. Немыслимо, невозможно. Проверим же! Она коротко махнула рукой и бросилась на тот край пруда, чуть не сбив с ног одного из элементов Магната. Высокие ветки колыхались, следуя ее движениям. Потом затрещали, зашумели — то был своего рода язык, Равне совершенно недоступный. Ну и пусть; треск и жужжание переросли в синтезированную голосовым аппаратом речь, слегка приглушенную слоем воды:

— Равна! О Равна! Это ты?

— Зеленожка!

— Да что там такое? — Магнат аж прыгал от

нетерпения, несколько его элементов вскарабкались Равне на плечи, чтобы осмотреть пруд с достаточной высоты. — Яйцеклады не умеют разговаривать! — Стаи охраны рыскали по берегу пруда. Магнат раздраженно отогнал их, но Равна едва заметила его жест.

Но чудесам тоже есть пределы. Зеленожка еще раз повторила имя Равны, а потом звуки голосового синтезатора загуляли по всему диапазону, сливаясь в непонятную кашу слов. Она отвыкла говорить? Или тележка повреждена? Если посланцы Магната ее не заметили, тележку могли просто разрубить надвое при пересадке. Равна вытянула руку и помахала подруге.

— Яйцеклады не двигаются! — пролаял Магнат, но поздно: часть стаи, взгромоздившаяся Равне на плечи, потеряла равновесие и плюхнулась в пруд. Остальные элементы кинулись вытаскивать своего из воды, но всеми глазами, как и Равна, смотрели на высокие, острые как лезвия ветки, лезущие из пруда все выше и выше. Продвигались ветви медленно, словно бы ощупывая дорогу, поднялись на метр, опустились на полметра… Тележка наездницы катилась по дну, Равна видела ее тело под водой. Ствол и нижние ветви Зеленожки изгибались, а плоский

невысокий лоток тележки… не был поврежден, просто скрыт под ними. Неудивительно, что магнатчики не заметили механизма. От резких движений наездницы слущивались и уплывали прочь коралловые наросты, облепившие тележку за годы неподвижности еще в прибрежных водах крохотного атолла. Прежде чем Зеленожка подъехала к бережку, ее ветви уже достигли рук Равны. Зрение и осязание у наездницы были слитным чувством.

— Я так долго спала, — пробулькал синтезатор, — и проснулась не там, где засыпала. Но во сне меня часто посещали мысли о тебе. — Гудение, свист, жужжание. — У меня теперь много детей и много детей детей. Прости, Равна, я помню, как ты была ко мне ласкова, взяв с меня только обет самоограничения. Прости, я не удержалась.

— Я помню, как ты его принесла, — улыбнулась Равна. — Но не тревожься, ты у друзей.

Она помахала Магнату.

— Твои дети надежно укрыты от опасностей и размножились так, как ты, верно, даже и не грезила. — Они с Магнатом переглянулись. — Разве не так, почтеннейший?

Магнат прижался к берегу и опасливо погляды-

вал на движущееся растение, как будто оно было оживлено волею могущественного волшебника. Два элемента с трудом подняли на Равну морды.

— А? Повтори вопрос, пожалуйста.

— Я сказала, что вы друг Зеленожке и что вы пригласили ее с детьми сюда жить и размножаться. Разве не так?

— А, хмм-ухмм, я никогда не думал об этом в таком свете. Но я и представить себе не мог, что эта, хм-мм…

— Зеленожка, — подсказала Равна.

— …что с Зеленожкой можно общаться.

Он героически пытался смотреть на Равну и Зеленожку равным числом глаз.

— А, конечно! — прогудел он спустя мгновение. — Ты подтверждаешь очевидное. Я друг Зеленожке. Я так рад, что она здесь и что она… делает то, что делает.

Зеленожка выпростала из воды ветвь и коснулась ею ближней морды Магната.

— Спасибо, уважаемый. Я медленно мыслю и много сплю. Моей тележке нелегко записывать много воспоминаний, но я припоминаю, что я и мои дети были вам хорошими… слугами? согражданами?

— Работниками, — решительно ответил Ма-

гнат.

— Я так рада снова встретиться с Равной. Прошли…

— Годы, — кивнула Равна. — Я тебя везде обыскалась.

— Время для меня мало значит. Ты сейчас среди друзей?

Равна оглянулась на Магната и Зека, который, уж конечно, передает весь разговор Проныре. Сейчас она не могла сказать наезднице правду, та бы не поняла. Чтобы разъяснить Зеленожке сложившуюся ситуацию, потребуются десятидневки терпеливых бесед. Только после множества повторений воспоминания запишутся в тележку. Поэтому она просто отвернулась к наезднице и сказала:

— Магнат мой здешний друг.

И жестом обвела восьмерку.

Синтезатор издал звук, вполне способный сойти за веселый смех, если б устройство не было таким дряхлым и не находилось глубоко под водой.

— Отлично, отлично. Я рада. Теперь сядь и повтори мне это несколько раз.

Равна поглядела далеко на север мимо пруда Зеленожки. Пока они разговаривали, величе-

ственный аэролет Магната полностью выкатили из ангара. Он почти уже оторвался от земли, и удерживала его лишь швартовка к пилону дюжинами толстых тросов.

— Это займет некоторое время, — сказала она, переведя взор на Магната.

Тот переглянулся со своими элементами, посмотрел еще на Зеленожку и наконец переспросил:

— Так ты, Зеленожка, говоришь, что эта Равна Бергсндот твой друг?

— Лучший на свете.

Отлет Великого Магната в Домен пришлось отложить на целый день. Все это время Равна с Магнатом и Джефри сидели у пруда каракатиц, то есть молодых наездников, и терпеливо объясняли, что они улетают ненадолго, но потом вернутся с кучей интересных новостей и проектов. Одного дня повторений должно было хватить. Зеленожка запомнит сказанное и будет сотрудничать с Магнатом. Тот же, как изобретатель и предприниматель, был не на шутку заинтересован вновь открывшимися возможностями.

И за все это время он и словом не обмолвился ни о каких договоренностях, даже когда отзывал Равну поговорить с ним наедине. Но когда два

аэролета наконец взлетели, Джефри и Равна были на борту корабля Магната.

Глава 36

Уроженка Запределья Равна Бергсндот склонна была воспринимать абсолютно все, чем человечество пользовалось до полетов в космос и автоматического программирования, как первобытную технологию, окутанную романтическим флером. Проведенные в мире Когтей годы стали для нее непрестанным переоткрытием простого факта: даже незначительный технологический прогресс кардинально меняет жизнь. Например, аэролет Магната был, бесспорно, крайне примитивен… но Равна *ногами* исходила большую часть мест, над которыми судно сейчас держало курс. По земле путешествовать пришлось несколько болезненных десятидневок, а по воздуху это займет от силы несколько часов. Все было бы просто прекрасно, вот только первый день и ночь им пришлось провести взаперти в уже знакомой тесной каюте.

Утром второго дня полет замедлился. Усилились воздушные течения, тени на облаках указывали в неверном направлении. Ночью Магнат приказал изменить курс. Вдалеке летело

судно Проныры. Вчера оно было позади, большую часть времени скрытое из виду.

Стюард — та же четверка — постучал в дверь, но не затем, чтобы предложить завтрак.

— Сюда, пожалуйста, сюда, — сказал он. Равна протиснулась в лаз. Стюард повернул направо и уже удалился метра на два, бросая редкие взгляды назад в ее сторону. Слева появилась стая с ружьями. На борту корабля она носила короткостволки, и все дула смотрели в пол.

— Помни, что они вооружены, — сказала Равна Джефри, не оборачиваясь.

— Привет, — кивнул Джефри охраннику и тоже пролез в коридор.

Шли они медленно, зажатые между стюардом и охранником. На равных интервалах в стене коридора имелись лазы, ведущие в другие каюты. Над каждой дверью горела газовая лампа. И уже не впервые Равна взмолилась: «Хоть бы они украли и технологию стабилизации водорода тоже!»

Коридор медленно загибался по окружности корабля и одновременно понижался. Шли они в носовую часть: ну правильно, где ж еще может Магнат обустроить себе ставку верховного командования?

Пассажирский отсек корабля наконец закон-

чился, и они выбрались в новый коридор, пересекавший судно поперек. По обе стороны были пятнадцатисантиметровые глазки, солнечный свет забивал газовые лампы. В центре открытого пространства наличествовала когтевая версия винтовой лестницы, из спиральных ступенек, выложенных подобно лопастям вентилятора. Когтям как стае взбираться по ней было очень удобно. Стюард засеменил по спирали одним элементом. Равна услыхала ворчание, извещавшее о приходе людей. Спустя миг стюард отстранился:

— Поднимайтесь теперь, пожалуйста, проходите.

Равна стала взбираться по лестнице, нелепо помахивая руками на манер шута из циркового представления, но равновесия ни разу не потеряла. Выбравшись наконец на следующий уровень и ступив на толстый ковер, она прищурилась на ярком дневном свету.

Силы! Располагая самой примитивной технологией, Магнат добился визуального эффекта, который бы заставил дизайнера со Дна Запределья покраснеть от стыда. Парень, может, и мегаломаньяк, но воображение у него под стать.

Зал аудиенций, переделанный Магнатом из рубки управления, простирался метров на десять

от входа до борта. Потолком ему служил корпус дирижабля, местами так загибавшийся вверх, что и человек мог бы стоять в полный рост. Никаких тебе глазков, забранных кружками грязного стекла. Магнат пока не спер у людей технологию производства листового стекла высокой прозрачности, так что пришлось конструкторам обойтись привычными маленькими смотровыми отверстиями. Только их тут были сотни, а стекло на кормовой стороне рубки было забрано тонкой металлической сеткой.

Магнат вполне предсказуемо восседал на тронах, откуда открывался наилучший вид. Два элемента смотрели, кажется, в ее сторону, остальные — наружу, где солнце сияло так ослепительно, что они обрисовывались едва различимыми силуэтами на светлом фоне.

Из восторженного оцепенения Равну вывело неудачное восхождение Джефри. Он поднялся по лестнице на половину ее высоты, успешно справился с первым оборотом спирали, а вот дальше не пролез. Равна потянулась вниз, схватила Джефри за обе руки, поставила ногу на дальнюю сторону входного люка. Она тянула, а Джефри отталкивался, продвигаясь вверх по сантиметру за раз. Металл заскрипел, и Джефри

освободился, вылез на ковер верхней рубки и сел, скрестив ноги.

Кто-то сказал голосом Проныры:

— Это не большой человек ломает вашу лестницу? Сказав, что эти червяки разрушают все, к чему притронутся, я и не ожидал столь буквального подтверждения.

Кто-то другой издал извиняющееся ворчание. Равна огляделась. Зек сидел на своем насесте, затянутый в радиоплащ. Итак, остальные слушают и дают советы. А кто еще присутствует физически? За спиной из люка протискивались головы одного-двух элементов стаи с ружьями. Хм. Есть еще кто-то, но не стая и не радиосинглет. Это оказалась Ритль. Синглетка сидела подле тронов Магната и грелась на солнышке. Что-то в позе Ритль выражало крайнее самодовольство. Она чего-то добилась.

Равна указала на нее.

— Я полагала, что вы оставляете Ритль в тропиках? — адресовала она вопрос Магнату.

Магнат раздраженно заворчал:

— Да. А ночью это существо вылезло из кладовой. Ремашритльфер превосходно мне послужил, но такого почтения его память, пожалуй, не заслуживает.

Он раздумчиво посмотрел на уцелевший осколок своего сотрудника. Ритль с безразличным видом извернулась на своем бархатном насесте и издала аккорд, даже Равне показавшийся наглым.

Магнат не удостоил ее ответом и величественно махнул лапой вперед:

— Мы приближаемся к Домену.

С того места, где сидела Равна, видеть можно было только небо. Она встала на колени и заглянула за край ряда носовых окон рубки. Внизу тянулся снег, такой белый, что глазам стало больно, кое-где траченный тенью и темными валунами. Ледники и пики Ледовых Клыков простирались впереди. Она припомнила карты. Именно здесь, в горах, Амди планировал закончить путешествие. Долина внизу вела к одной из южных пограничных застав Домена.

— Вижу, кое-какие вершины вы пока еще не покорили, — заметил Джефри.

— Наслаждайся отсрочкой, человек, — сказал Проныра устами Зека, — потому что вскоре ты достанешься Невилу.

Магнат властно огрызнулся и закончил на самношке:

— Это решу *я*, а не Невил.

— Извините, господин мой, — отозвался Проныра, — разумеется, мнение Невила по этому вопросу не имеет значения.

Несколько элементов восьмерки смотрели на Джефри. Даже сидя против солнца, молодой человек наверняка видел, что взоры их недружелюбны.

— Эти горы мы перелетим в худшем случае завтра. Ветер в этой местности меняет направление чаще, чем волны на море.

Великий Магнат помолчал. Вся восьмерка на миг вернулась к созерцанию сверкающих снежных полей и черных гребней скал. Зная Магната, можно было поручиться, что героическую позу эту он принял специально для зрителей. Ритль, надо полагать, была того же мнения, поскольку тут же встряла с репликой в стиле «не задирай носы, милок». Магнат рассмеялся, встряхнулся и переменил позу.

В носовой части судна приглушенное гудящее жужжание паровых двигателей стало громче. Команда аэролета, надо полагать, в гондоле, служившей истинным центром управления, снова меняла направление полета. Равна размышляла, чем обернется для планов Магната с Невилом задержка с вылетом на сутки. «Интересно, а как

часто его экипажи летали через эти горные цепи?». Во всяком случае, до похищения они там не появлялись: «Внеполосный-II» мигом бы засек нарушителей воздушного пространства Домена.

На середине длинного медленного разворота пол ушел у Равны из-под ног, потом вернулся на место, и она потеряла равновесие. Джефри подхватил ее под плечи и помог продержаться тридцать с чем-то секунд турбулентности.

Когтям с ней было легче совладать. Хотя в рубке не обнаружилось никаких ремней безопасности, сбоку на тронах были ряды деревянных полочек, и каждая лапа в поле ее зрения крепко держалась когтями за специальные зарубки.

Магнат что-то пролаял Зеку. Джефри сказал:

— Он беседует с Пронырой насчет турбулентности.

Зек визгливо ответил. Его радиоплащ сполз на бок, обнажив среднее ухо. Бедняга, судорожно подергавшись несколько мгновений, вернул плащ на место. При этом он издал семь раздельных четких звуков, очень похожих на имена элементов. «Проверяет, все ли в сети?»

Проныра наладил связь:

— С нами все в порядке, но еще потряхивает. Скажите людям, что их ручная стая щенков ока-

залась права насчет погоды.

Ага, это угроза. Наверное, Проныра думает, что ей есть о чем поговорить наедине с Магнатом.

Магнат сдержанно покивал. Подтекст фразы Проныры, который уловила Равна, ему остался непонятен.

— Нам придется покурсировать вдоль гребня горной гряды в поисках спокойных воздушных коридоров — а я уверен, что они здесь есть, как существуют безопасные для странников межскальные проходы на земле. Разница в том, что о местоположении воздушных коридоров можно лишь догадываться и оно меняется от часа к часу. Еще раз заверю, что уже утром мы наверняка перелетим горы и будем на месте.

Он говорил со спокойной уверенностью существа, привыкшего, что ему никогда не возражают.

Они еще дважды меняли курс, медленно продвигаясь вдоль гряды Ледовых Клыков. За исключением быстрых противонаправленных воздушных течений, ничего не удалось обнаружить, не говоря уж про безопасный воздушный коридор над горами. Магнат убивал время, допытываясь у Равны про «края по ту сторону небес» и тем теша свою изобретательскую натуру.

— Я издавна задумывался, как выглядят места за небесами, — сказал он, — однако прибылей эти размышления не обещали и близко, и постепенно я изжил в себе эту нерациональную привычку. Теперь же я хотел бы получить новую информацию. Вы, люди, многое нам открыли, хоть вы и мерзавцы, каких поискать. Настанет день, и мы посетим самые высокие края. Тогда не будет нам нужды карабкаться на горные вершины.

— Да, господин, — ответила Равна, — звезды не так высоко, как может показаться.

Беседуя о том, что это могло значить в будущем, они переждали следующую смену курса. Рассказы Равны о Зонах и пределах, диктуемых скоростью света, Магнат заклеймил как наивный пессимизм. Когда она попыталась объяснить ему, что такое Погибель, стая проявила еще меньше интереса.

— Хватит с меня этой религиозной белиберды! — проворчал Магнат. — Я ценю людей с практическим умом, открытых новым веяниям. Нам так много еще предстоит сделать с моими идеями, твоими навыками работы с машиной, ну и с Невиловым…

— И без досадного препятствия в виде Древорезчицы, — вставил Проныра.

— О да, конечно, — сказал Магнат и посмотрел на горы парой голов. Предвечерние тени удлинялись, зачерняя скалы и ледники. — Невыносимо! Ночь будет лунная, но я не рискну лететь так низко…

Ритль что-то провякала.

— Тихо сиди! — рявкнул Магнат. Восьмерка явно устала нянчиться с Ритль, как раньше, днем. Он повернул морду к Зеку. — А какие последствия будет иметь задержка еще на день?

Проныра ответил тут же, но в голосе его было меньше уверенности, чем обычно.

— Я боюсь, господин мой, что дела Невила Сторхерта, э-э, не терпят промедления. Он настоял на созыве публичного собрания, применив интриги и запугивание, чтобы его посетила Древорезчица с приближенными. Если мы не явимся завтра днем самое позднее, последствия могут быть, э-мм, катастрофическими.

— Чертовы двуногие! Я должен сам с ним поговорить!

— Не уверен, что это существенно изменит ситуацию, господин мой. Мне кажется, что Невил говорит правду. И сладить с Древорезчицей в любом случае нелегко.

— А если замешана не только Древорезчица?

Йоханна и Странник не высунули морд?

— Нет, господин.

— Ну так следи, как бы нам не подкинули новых сюрпризов, — сказал Магнат и на мгновение замолк. — А даже и без Невила мы бы все равно должны были прибыть завтра днем. В море движется моя флотилия. Там тонны груза, и в том числе тысяча двадцать четыре радиостанции, дар, который равно впечатлит людей и сторонников Древорезчицы. Гм, думаю, они отдают себе отчет, что с равным успехом флот мог высадить тысячи стай с ружьями на спинах. Ты уверен, что флот прибудет завтра в середине дня?

— Да, господин. Он движется точно по графику. Невил отслеживает его, и мои агенты тоже.

— Хорошо, — энергично закивал Магнат. — Я кое-чему научился в своих маркетинговых изысканиях. Потребность, продвижение и продукция должны действовать скоординированно. Я…

Зек прервал его, но не голосом Проныры:

— А я не понимаю, почему нет информации напрямую от флота? Там же есть радиостанции, и можно бы просто попросить их, чтоб отложили высадку до нашего прибытия.

Проныра ответил незнакомцу:

— Да, от флота пока что нет вестей. Но, в кон-

це концов, Хор все же не разумный союзник в строгом смысле слова, а толпа, и плоты — лишь малый ее осколок. Флот может и не прибыть точно по графику, зато груз доставит в целости и сохранности.

— С кем Проныра переговаривается? — сорвалось с уст Равны. Кто бы это ни был, существо превосходно владело самношком, и голос у него был подозрительно знакомый.

Магнат пояснил:

— Это часть Дара Божьего, знакомого вам по Домену, ретранслированная с юга через Зека/Ут/Та/Фур/Ри. Я попросил его подменить обычного посла тропических. Даже сейчас он разбирается в северной политике лучше многих из нас.

— О! — Джефри был удивлен не меньше Равны. — Я рад. Я рад, что он вернулся домой.

Зек встряхнулся и что-то проворчал, потом перешел на самношк:

— Я в основном выжил, хотя лучших говорителей потерял. Нет уж, спасибо вам, убийцы. Была бы на вашем месте Йоханна…

Зека прервали на середине фразы, аккорды стайной речи наложились на самношк. Бедняга, покачиваясь, метался с одного канала на другой, и Равне показалось, что его распинают на незри-

мой дыбе. Мгновением позже синглет пришел в себя и принял голос Проныры:

— Простите, но у нас турбулентность. Господин мой, у меня много вариантов, как объяснить наше запоздалое прибытие, но если вы рассчитываете взять с собой этих двоих, лучше бы нам побеседовать об этом в частном порядке.

Магнат посовещался со своими клевретами, преимущественно на межстайном. По крайней мере четыре его элемента рассеянно созерцали закат, расцветивший дивными оттенками горные ледники. Спустя время он что-то проворчал стае с ружьями, и та увела Равну с Джефри по спиральной лестнице.

Протискиваясь по центральному коридору к их каюте, Джефри проронил:

— Эх, были бы мы хоть наполовину так же хитры, как думает Проныра.

Плавание Йоханны длилось уже шесть десятидневок. После находки радиостанций новой неустанной заботой девушки стало отвлекать толпу от ящиков с исправными устройствами. К счастью, радио перевозил только ее плот, флагман флотилии. (Но почему их так много? Она до сих пор ломала себе голову.) Заставив своих Когтей залатать дыру в разломанном ими ящике,

она немного успокоилась: единственное выпавшее оттуда радио все еще было в ее руках, под надежной «охраной».

Могло показаться, что одурачить Хор либо очень просто, либо невозможно вообще. Но Чиперс и его друзья, с кем бы он ни объединялся, верили буквально каждому ее слову. Они снова и снова защищали ее от лезущих с других плотов соплеменников, отбивались, когда те кусали и царапали их, а однажды полезли в настоящую битву, когда на передний плот пробралась целая свора безумцев.

Некоторое время Йоханна размышляла, а не швырнуть ли радио за борт. Стоило лишь дождаться штормовой ночи и понадеяться, что ни один Коготь ее не заметит. Но потом она увидела, что Когти постоянно шныряют вокруг радиоящиков, поодиночке и спонтанно возникшими стайками: им-то Хор и был в значительной мере обязан своей изобретательностью. Если дурость фрагментов их не убивала, такие стайки способны были наткнуться на то, о чем никто иной и не подумал бы. Хотя толпа в целом оставалась лояльна Йоханне, так или иначе кто-то бы проник в другой ящик — и тогда флот с превеликим шумом выйдет из зоны радионевидимости.

Приходилось ей выжидать и переделывать собственную радиостанцию. На эту работу ушла пара ночей; Йоханна как могла маскировалась, скрючившись под стопкой одеял, но в конце концов разобрала устройство и сняла пружинку, управлявшую тумблером передачи сообщений. Она не очень хорошо разбиралась в пружинах и не могла бы с уверенностью сказать, *почему* они растягиваются и сжимаются, когда их растягивают или сжимают. Поэтому на всякий случай она вынула из корпуса и все остальные движущиеся части. Можно было надеяться, что даже распределенный интеллект толпы не сумеет собрать радиостанцию обратно.

Потом она выставила радио на солнце, и тут же набежала свора, на удивление тихая. Они слушали так внимательно, как умеют только Когти, потом немного расслабились.

— Звучит как-то так, — доложил Чиперс.

Он воспроизвел щелчки и шелест. Для Йоханны, даже на усиленной Чиперсом громкости, они звучали как случайный шум. Может, Невил забросил линию? Но тут из динамиков послышались новые звуки, заглушившие идеальное исполнение Чиперса. Говорил Коготь, требуя ответа снова и снова. Толпа оживилась и принялась

что-то слаженно лаять. Естественно, без всякого результата.

Передача прекратилась минут через пять. Часом позже голос заговорил снова, и еще через час. Проныра и Невил несистематически, слепо тыкались в линию, надеясь, что коммуникаторы каким-то образом сами себя починят. Йоханну это развеселило. Но даже зная, что этого не случится, девушка продолжала раздумывать, какое бы полезное применение найти устройству.

Они проплывали мимо старой столицы Древорезчицы на берегу океана. Поглядев на восток, Йоханна узнала скалы и ледниковые долины Домена. Наконец-то дома! На западе, где она привыкла видеть бескрайнее море, из воды вставали маленькие пригорки — острова Северного Архипелага. Постепенно ее взору открывалось все больше островков. Торчащие из воды вершины подводного хребта превратили эту часть прибрежных вод в сложную сеть проток. Скоро покажется Тайный Остров, а за ним Скальная Гавань. Начнется самое интересное. По крайней мере, не надо будет больше пить вонючую воду и выбирать из опостылевшего меню с двумя пунктами — копченое мясо и сырая рыба.

Днем в море вышло множество лодок — над

ними реяли флажки Домена. Они курсировали вдоль побережья, держась на некотором расстоянии от флота. Впервые завидев их, Йоханна чуть на мачту не полезла — помахать и крикнуть морякам. Ведь Невил и Проныра не могли захватить Домен Древорезчицы, так ведь?

Ты уверена?

Вообще-то, нет, так что она лишь скорчилась на плоту, чтобы они ее не заметили.

На следующий день радиостанция возобновила вещание. Ежечасно передавали воззвание Невила (или Проныры), но пробивались и передачи поинтереснее. По большей части слова съедал шум, но Чиперс и его друзья всё внимательно слушали и повторяли уже без помех. Голоса принадлежали людям — приятелям и подручным Невила.

Разговоры шли фрагментами, и слышала Йоханна только одного участника: Невил пользовался аппаратурой «Внеполосного-II» или спутниковой связью, чтобы вещать на нужные ему радиостанции и усиливать их слабые ответные передачи. Йоханны же слова Невила не достигали, за исключением дурацкого автоматического сообщения. Но плоты приближались к сердцу Домена, и обнаруженная ею радиостан-

ция ловила ответы ближайших корреспондентов Невила.

— Да, Невил, там десять барж, как ты и говорил. Что?.. Почем я знаю? Так посмотреть, хлам какой-то.

С Тами Ансндот, как обычно, трудно было спорить.

— Один вроде бы вдвое короче положенного, как будто разломился посередине… Ну подними в воздух Щепетильника с этим его надувным шариком, пускай посмотрит…

«Щепетильник жив!» Так, и что это означает? Выводы, выводы…

Пауза. Невил, надо полагать, объяснял, почему прибегнуть к услугам Щепетильника невозможно. Йоханна закусила губу, пытаясь представить очередную ложь Невила и одновременно то, что под нею скрывалось. «Не разломай я тумблер отправки, быстро промыла бы Тами мозги!» Тами примкнула к Отрицателям, что само по себе скверно; к тому же она верит остальным басням Невила.

Она узнавала все голоса. Отрицатели с некоторым опытом работы на лесной базе. Невил явно считает, что эти плоты очень важны. «А где же братишка?»

Весь день Йоханна слушала переговоры Отрицателей, выуживая из них крохи полезных сведений. Враги действительно придавали флоту большое значение: каким-то образом они надеялись с его помощью представить Древорезчицу «дурой-обструкционисткой, как мы всегда и подозревали». (Эта реплика принадлежала какому-то старательному идиоту, но он явно почерпнул ее из свежей порции Невиловой пропаганды.) Готовился большой договор; груз десяти плотов должен был подкрепить сделку и указать путь в светлое будущее. «Да-да, попробуйте для начала перехватить контроль над моими сворами!»

Однажды Тами сказала что-то наподобие:

— Плохо, что все так получилось с Йо и Равной. Я жалею, что их здесь нет. Они бы увидели, как сильно ошибались. Во всем.

Йоханна порадовалась, что не слышит исполненные притворной печали излияния, несомненно извергаемые Невилом.

— Последний плот только что прошел мимо меня.

Заговорил новый голос. Похоже, Били Ингва? Нет, это оказался его младший брат. Мерто, скорее всего, посвятили в заговор с убийствами и похищениями, но он никогда не был так хитер,

как Били и Невил. Сейчас, однако, голос его звучал вкрадчиво:

— Нет. Как я тебе уже докладывал, на плотах не видно ни одного человека. Черт, а не пошел бы ты и сам не взглянул, пока они не пришвартовались, или пошли туда кого-нибудь… Ну ладно, ладно, знаю. *Завтра все изменится.*

Глава 37

Следующие двадцать часов аэролет Магната мотался туда-сюда, колотясь в двери горных проходов, в надежде отыскать наконец тихое место или хотя бы течение в подходящую сторону. Незадолго до рассвета расчет оправдался (или, может быть, Невил наконец сообразил скормить метеорологическим программам «Внеполосного-II» данные орбитальных наблюдений), и корабли пролетели в нужное ущелье как раз вовремя.

Итак, на следующий день поздно утром оба корабля прошли верхнюю точку Ледовых Клыков и начали снижение. По эту сторону гор день выдался облачный, во всех направлениях стелилась сплошная пелена. Основную опасность представляла не турбулентность при чистом небе, а внезапно налетающая буря.

Когда корабельный стюард явился за Джефри с Равной, было не светлее, чем в предрассветную пору, с редкими проблесками молний. Троица, конвоируемая охранником с ружьями, проделала уже знакомый путь по главному коридору. Корабль заметно потряхивало. Равна пробралась

по спиральной лестнице в командную рубку Магната. Джефри полз следом уже без вчерашних трудностей. Очевидно, Магнат приказал снять некоторые перекладины лестницы и расширить пространство для молодого человека. Как обычно, панорама гор из рубки открывалась потрясающая, хотя залитые солнцем ледники этим утром не были видны. Аэролет Магната прорывался сквозь нижние слои облачности, периодически видимость падала почти до нуля, но уже в следующий миг через облачные прорехи мелькали лесистые долины и пышно-зеленые поля под весенним дождем и кучевыми облаками.

Большинство элементов Магната глядели в небо, по своему обычаю демонстративно игнорируя такие мелочи, как приход пленников. Километр за километром облака оставались позади. Между тучами и землей кое-где сверкали молнии, каждые несколько секунд ослепительная вспышка озаряла корпус корабля, а за ней следовал удар громового молота по наковальне ветров. Магнат едва заметно вздрогнул и повернул пару морд к Равне и Джефри:

— Вам не о чем тревожиться. Проныра сообщает, что меньше чем через полчаса мы выйдем из грозового фронта.

За этой репликой последовали пятнадцать минут бурной тряски. Магнат и его удаленные помощники о чем-то время от времени переговаривались, исключительно на межстайном. Через Зека говорило не менее четырех стай. Один голос точно принадлежал Проныре, другой — Дару Божьему, выходившему на связь за день до того. Постоянно звучало имя Невила.

— Кажется, ценные советы Невила Магнату не очень-то по нраву, и чем дальше, тем больше, — прошептал ей Джефри.

Два элемента Магната услышали и обернулись, но в остальном стая продолжала их игнорировать. Миновало двадцать минут. Земля совсем пропала из виду. «Какой, интересно, высоты го́ры прямо под нами?» Десять минут корабль болтался на краю бури, рассекая нагромождения светлеющих облаков. Они уже заметно углубились на территорию Домена, пролетели над горными фермами, с трудом отличимыми от окрестной глуши; постройки тут попадались чаще и были основательнее. Земля пестрела пятнами снега и подтаявшей грязи.

Весной в Домене Древорезчицы десятидневки напролет шли дожди, превращая дороги в грязевую кашу. Весна еще не перевалила за середину,

но в той части страны, над которой они пролетали, выдался чудесный день: бури ненадолго затихали, открывалась бескрайняя синева небес, разливая в воздухе дразнящее обещание лета. Между тающих снегов на берегах мутных ручьев, усеянных камнями от сошедших недавно оползней, пробивались первые цветы всех оттенков, доступных человеческому глазу (в том числе и таких, на которые глаза бедных Когтей были слепы). Дождь прекратился, ветер утих, открылся вид до самого горизонта — сверкающей серебром черты, местами прерывавшейся темными зазубринами. Магнат и его советчики явно поздравляли друг друга. Восьмерка торжествующе хукнула и обратилась к Равне:

— Ты удивилась? Проныра все время держал радиосвязь с Невилом, и вся мощь звездолета была к нашим услугам. Наконец-то отпала потребность шнырять по закуткам, опасаясь, что ты нас заметишь.

— Действительно, господин мой, ваше решение выкрасть Равну Бергсндот оказалось блестящим ходом, — заметил Проныра. — Оно придало нашим операциям революционный толчок.

— Ах, не преуменьшай своих заслуг, Проныра. — Магнат повел носами, но жест этот по сети

явно не передавался. — Я тобой очень доволен.

Глаза Джефри округлились, но он сумел промолчать. Проныра же продолжал свои аналитические выкладки:

— Во все стороны видимость отличная, солнечно. Мы прибываем точно по графику, к началу запланированного Невилом представления. Флотилия плотов миновала Тайный Остров.

— Но остается проблема сторонников Равны, — сказал Магнат.

— О, доверьтесь мне, господин. Помните наши споры? Потребуется впечатляюще обставить наш с Невилом спектакль — и эта проблема исчезнет сама собой, ибо, к сожалению для Равны, она потеряла почти всю былую мощь. Йоханна и Странник отсутствуют, а у Древорезчицы появились свои причины разочароваться в Равне. Если мы все правильно разыграем, Древорезчица даже поддержит новый порядок добровольно.

— А как насчет Шкуродера? — спросил Магнат. — Он, может, и союзник нам, я его всегда уважал, но опасаюсь, как бы он не затеял свою многоходовку.

— О да. — Голос Проныры утонул в задумчивом шипении. — Шкуродер всегда будет проблемой.

«Неужели он наконец искренен?»

Джефри, слушая их краем уха, внимательно смотрел на горизонт.

— Вон там! Вижу Китовый Остров!

Равна проследила его жест. Действительно, два крохотных пятнышка на краю мира, несомненно, были Аркой и Тесниной.

— Возьмите оттуда направо на полградуса, — продолжил Джефри, — и там будет Холм Звездолета. — Вполне однозначная ориентировка, и все же она не различала ничего, кроме серо-бело-зеленых пятен.

— Хоть какая-то польза от людей, — сказал Магнат. — Это, правда, если вам еще можно доверять… — Магнат потянул за два длинных бронзовых цилиндра и закрепил их у тронов впередсмотрящих элементов стаи. Четверо остальных, продолжая сидеть мордами к Равне, косили взгляды на карту, расстеленную перед тронами. Два элемента, сидевшие позади остальных, слаженно водили во все стороны биноклями.

— Проныра, я вижу звездолет! О! Он в точности такого блестяще-зеленого цвета, как ты всегда описывал.

Он еще несколько секунд наслаждался открывшимся в бинокли зрелищем, но затем, казалось, вспомнил об опасностях, какие оно сулило.

— А вот теперь, — сказала стая, — пора прикинуть, кому из людей мы доверяем больше.

Элемент Магната продолжал наблюдать за Равной.

— Правда ли, что корабль способен уничтожить нас в мгновение ока даже на таком расстоянии?

— Да, — ответила Равна. Если Невил установил на лазпушку усилитель — а он наверняка это сделал, — луч лазера может испепелить все в поле обзора корабля. А в отсутствие Равны сисадминских полномочий Невила, надо полагать, хватило, чтобы переоборудовать лазер для военных нужд.

— Это новый повод удерживать Равну в заключении, — явно начал что-то понимать Проныра. — Да, Невил тоже двуногий, но мы ему *на самом деле* нужны.

Флотилия Йоханны выполняла слаженный поворот, не отклоняясь от общего курса. Как обычно, плот девушки пристроился впереди. Она обвела взглядом остальные. Плоты выстроились аккуратной дугой двухсотметровой ширины в основании. Ха-ха. Если как следует расфокусировать зрение, плоты вполне сойдут за гигантские боевые корабли, покорявшие моря древней Нюйоры. Равна обожала показывать Детям такие

картинки, пока не поняла, что нюйоранская история страумеров мало интересует. Надо сказать, Йоханна сказки об Эпохе Принцесс обожала еще с пятилетнего возраста.

Общая численность экипажа флотилии составляла более двух тысяч Когтей. Когда их выкинет на берег, проблем будет десятикратно больше, чем при обычном кораблекрушении тропических. Или нет? Эти Когти — ее друзья.

Они обогнули Китовый Остров с юга. На западе из моря вставал Тайный Остров, на востоке громоздился скалистый берег. Тропические моряки отшлифовали умение управлять плотами до мастерства, но успешное преодоление лабиринта Проток сейчас занимало их всецело. Задачка была посложнее, чем вдеть нитку в игольное ушко.

Радио внезапно пробудилось от спячки, и уже не для едва слышного бормотания перекрывающихся разговоров. Когтевые аккорды передавались напрямую с «Внеполосного-II» через орбитальный маршрутизатор.

— К берегу. К берегу. На восток. Восток.

Даже Йоханна понимала их.

– *Туда-туда-туда!* — завопила временная стая Чиперса на самношке, указывая лапами на прибрежные скалы, но к северу от пирсов Скальной

Гавани. Она видела там узкий пляж, зажатый изрезанными склонами. На пляже стояли люди и махали флоту цветастыми тряпками. Вокруг Йоханны поднимались головы. Когти забирались на мачты, тянули за снасти. Весь флот начал поворачивать к семафорам.

Опять раздался голос Мерто:

— Эй, сработало! Они плывут к Скальной Гавани.

Если смотреть на юг от плота Йоханны, то весь флот действительно сдвинулся вправо, к узкой песчаной полоске берега у Скальной Гавани. Она прищурилась. Она там не была со времени кораблекрушения Второго Года, еще до учреждения посольства тропических. Там больше не было так опасно причаливать. Самые опасные рифы, валуны и скалы взорвали пороховыми зарядами, но, несмотря на свое название, местечко никак не подходило на роль гавани.

А, ну да! Именно поэтому Невил хотел, чтобы тропические причалили там. Сторонних наблюдателей можно будет отогнать на нужное расстояние. Кого бы туда ни послали Невил с Пронырой, тропический флот окажется в их полной власти.

«И меня схватят, прежде чем я дам о себе

знать».

Скалистый берег был уже менее чем в километре, на пару секунд Йоханна застыла в нерешительности. Затем она сгребла в охапку радио и заскочила на излюбленную трибуну из груд хлама, у основания самой высокой мачты. За все эти десятидневки девушка приучилась выполнять маневр быстро и без риска для жизни. Каждый ее шаг был тщательно укрыт от орбитальных камер, но люди на берегу ее наверняка увидят.

— Эй! Эй! Слушайте! — Человеческий голос Йоханны рвали в клочья порывы ветра, но полагаться она могла только на свои легкие. Когти либо смотрели на Скальную Гавань, либо тянули за мачты, поворачивая плот на восток. Йоханна прыгала и махала им. Чиперс и склоненные к нему морды повернулись к ней. По Хору прокатилась волна внимания.

— На запад, на запад! — Она показала рукой на Скальную Гавань и резко повела пальцем через горизонт на Тайный Остров. Этот жест синглет выполнил бы мордой и шеей, и Йоханна как могла сымитировала его.

— На запад!

Она повторила жест.

Радио у ее ног молчало. Ей пока сопутствовала удача — береговые дозорные Невила смотрели в другую сторону. Толпа минуту нерешительно покачивалась. Они получили ясные указания из радиоприемника, и ситуация резко отличалась от игры в мяч. Они могли ее и не послушаться; девушка даже различала рябь противоположных решений и мнений, будоражившую поверхность своры. Радио все еще молчало.

Постепенно толпу захлестывала уверенность, рябь стихала. Приказ Йоханны взял верх.

Флот двигался как целое: по всем плотам челюсти смыкались на тросах и румпелях, тянули и поворачивали, поднимали и опускали, корректируя и согласовывая маневр. Новый поворот — и флотилия устремилась к западу. Они возвращались по протокам.

А вот это уже заметили, и тишину разорвали сразу несколько человеческих голосов:

— Что за срань, гребаный флот потерял управление!

На берегу Скальной Гавани семафоры-ручники отчаянно махали импровизированными флажками. Даже до Йоханны долетали их слабые крики. Все голоса принадлежали людям: Невил мог сотрудничать с Пронырой, но оставался убежден-

ным расистом.

— Да что с ними не так? — Голос Тами. — Силы! Невил, там что-то странное на переднем плоту. Какая-то куча тряпья прямо у главной мачты. Она движется!

«Спасибо, что заценила мой новый прикид, Там». Йоханна не удержалась — Хор давно уже отвернул от скал и не нуждался в услугах дирижера. Она понятия не имела, откуда смотрит Тами, но привстала из кучи хлама и весело помахала скалам.

Тами отреагировала немедленно, у бедняжки аж в зобу сперло.

— Оно живое, Невил! На плоту *человек*! Это *Йоханна*!.. Какого черта? Я знаю, что это она. Я ее видела! Наконец-то мы от нее дознаемся, зачем она совершила все эти гадости. — Радио заткнулось. Йо помахала снова, но каких-то иных комментариев от Тами не дождалась и отвернулась на юг. Плот за ними скопировал ее маневр, и следующий за ним тоже! Наверное, вся десятка успешно избежит свидания с Невилом. Плот самой Йоханны от пирсов Южной Окраины и Тайного Острова отделяли каких-то пятнадцать сотен метров. На берегу стремительно разбухала толпа людей и стай.

У ног девушки забормотало на стайном радио. Головы матросов выжидательно поднялись. Аккорды звучали так же требовательно, как и в самом начале. Ха! Они повторили запись, требующую от флота повернуть к Скальной Гавани. *Тупица ты, Невил.* Точное повторение Хор счел проявлением неразумной деятельности и проигнорировал. Не больше дюжины Когтей на всем плоту дослушали сообщение до конца, а когда оно повторилось еще раз, никто вообще не отреагировал.

На пирсе Южной Окраины народу набилось в разы больше, чем за минуту до того. Она была еще слишком далеко, чтобы кого-то узнать, но там были и Дети, и Когти. Она выпрямилась и помахала им. Даже без биноклей им станет очевидно, что на плоту тропических какой-то человек.

Йоханна наблюдала, как меняется перспектива, пока плот плыл вдоль Тайного Острова. Прилив им помогал, и в сужавшемся канале разгулялся ветер. Плот развил скорость добрых три метра в секунду. Все остальные плоты следовали за ним. Из Скальной Гавани на востоке продолжали без толку семафорить. Прямо по курсу с берега поднималась лента фуникулера. Весенние водопады талой воды низвергались со скал, рождая

маленькие радуги, а на вершине обрыва против небесной синевы четко вырисовывались силуэты домиков. Холм Звездолета и Новозамок пока еще не были видны, но уже через несколько секунд Йоханна увидит «Внеполосный-II».

И наоборот!

Йоханна опять пригнулась к бревнам, но даже так уловила краем глаза зеленую вспышку с радужной каемкой: солнце блеснуло на шипах ультрадвигателей «Внеполосного-II». Она тут же схватила радио и съехала с кучи на западную сторону плота, чтобы со скал и звездолета ее не заметили. Они с Джефом единственные из Детей видели, на что способен боевой лазер в свободное от обогрева систем водяного отопления время — с активированным усилителем. Йоханна вспомнила Луга Смерти, разлетающиеся трупы и ломти раскроенного лазером металла. «Но ведь Невил не посмеет меня убить на виду у стольких свидетелей!.. Может, и не посмеет. Но сколько из этих, на Южной Окраине, четко меня видят? У него остается шанс». Невил уж вывернется, придумает какое-нибудь отчаянное объяснение. Да и потом, разве Тами не приняла «что-то на барже» за чучело из тряпок и мусора?

Ладно, для вящей уверенности лучше прятать-

ся, пока плоты не причалят и все на берегу ее не увидят. Пускай попробуют это *отрицать*. Она швырнула радиоприемник в воду — еще одна пустая приманка для Невила.

Йоханна кралась по западной стороне плота, осторожно уходя с дороги Когтей у парусов и руля. Внимание толпы полностью сосредоточилось на безопасной высадке. Она больше не дирижировала, но это и не имело значения. Она забралась в один из контейнеров на корме, который когда-то разломала в поисках теплых плащей. Отсюда открывался отличный вид на приближающийся пирс.

И там стоял Бен Ларсндот, смешавшись с пестрой толпой, где люди служили мыслезащитными прослойками для стай. Все были с импровизированным оружием: досками, грузоподъемными крюками, палками. Йоханна размашисто замахала им.

— Привет, Бен! Эй, все! Эти Когти — друзья. Не трогайте их!

Голос девушки уносило бризом. Морда потыкалась в плечо — Чиперс. Йоханна погладила его по плечам:

— Повтори, что я сказала, хорошо?

И в следующую секунду ее голос загрохотал в

скалах. Те же самые слова, что она выкрикнула за миг до этого, — но повторенные и усиленные всеми Когтями на плоту. Крик все нарастал, она прижала пальцы к ушам, чтобы не оглохнуть, и постепенно скандирование улеглось. Как только они подплыли ближе, его сменило эхо. «Да, теперь отрицать мое возвращение станет куда сложней!»

Она больше ничего не сказала, опасаясь, что уши не выдержат, а вместо этого пробралась еще дальше по импровизированной платформе из грузовых ящиков. От пирса их отделяло тридцать метров. Так близко к берегу обычные стаи уже могли кидать тропическим веревки и подтягивать плоты, тормозя их. Толпа, впрочем, веревками не прельстилась: они привыкли к жестким высадкам на Болотах и Реке. Веревки утопали в воде, но команды плотов творили чудеса с бризом, замедляя флотилию по мере подхода к берегу. Стаи и люди отбегали прочь, напрасно крича Когтям хватать брошенные им веревки.

Йоханна оглядывала пирс сверху донизу. Она без труда могла спрыгнуть на берег, и там было полно людей. Без сомнения, Невилу придется убить их всех, чтобы скрыть факт ее появления. А что, разве он на это не пойдет? Легко.

Надо как-то проскользнуть с пирса в город. А что, если проплыть под пристанью как раз в момент близящегося флотокрушения? Мысль показалась ей безумной, однако… Она всмотрелась в неясные тени под пирсом. *Может получиться.*

— Чиперс!

Чиперс и несколько его помощников подбежали ближе.

— Оставайтесь здесь. Оставайтесь на плоту, хорошо? Тут все друзья.

И Йоханна съехала по ящикам вниз, разом пропав из виду стоящих на пирсе. Никто теперь не смог бы подсмотреть, куда она направляется. И уж точно никто не подумает, что она избрала столь безумную тактику.

Она бросилась в воду головой вперед, подождав только, пока обломанное бревно, торчавшее с пирса, проплывет мимо. Мгновение немой агонии. Она всплыла на поверхность, сердце от холода чуть не остановилось. На дворе стояла арктическая весна, и, ныряя обратно на глубину, едва шевеля ногами, Йоханна очень ясно припомнила, как в детстве Равна со Странником растолковывали им, что в такой воде пловец-человек наверняка погибнет, притом очень быстро.

Она насилу распрямила руки и ткнулась ими во что-то твердое. Диагональная балка. Нащупала ногой другую, подтянулась, схватилась за горизонтальную. Пару минут просто висела там, высунувшись из воды по бедра. Проведя лбом по кисти, Йоханна отбросила волосы с глаз. Обросшие ракушками распорки шли зигзагами, насколько хватало взгляда, во все стороны. Встать было некуда, протиснуться под пирсом — тоже. Ее хватка ослабла, она соскользнула на пару сантиметров. *Да где же эти мостки?* Ну да, вообще-то, они здесь есть, вон ближайший в метре слева… затопленный подступающим приливом. Она покачалась на руках. Не хватало еще, чтобы балка выскользнула из пальцев в самый ответственный момент. Она забила ногами… по твердой древесине. Вода стояла над мостками лишь сантиметров на десять.

Йоханна ступила на них ногами, и тут ее плот врезался в пирс. Толпа замедлила его до метра в секунду, но плот был так тяжел, что это не помогло. Передние распорки затрещали и развалились. Она поползла по мосткам, опасливо придерживаясь за обломки. Плот меж тем наконец остановился. Пирс задрожал, накренился, закачался, но устоял. Она услышала крики, кстати и

приветственные от Детей, и ускорила продвижение. Берег где-то там, в тени под балками. Джефри и Амди часто играли тут в прятки, а она неизменно спускалась сюда и вытаскивала их за уши.

На дальнем конце пирса должна быть лесенка под навесом — проход на склады. А что потом? Наверное, надо укрыться где-нибудь в городе на несколько дней и выяснить, что происходит. Связаться с Древорезчицей, Щепетильником, Джефри… если, конечно, у Джефа мозги встали на место.

Проползая под балками, она слушала человеческие и стайные крики — они искали ее, рыскали по всей пристани. Кто-то звал ее на самношке, но слишком громко для человека.

— Йоханна? Где ты?!

— Говоришь, нырнула в воду?

— Ну и где она?

Она достигла лестницы и столкнулась с непредвиденным осложнением. Обычно человек преодолевал три ступени когтевой лестницы за раз, но у Йоханны так замерзли ноги, что ей пришлось растирать их свободной рукой, подтягиваться, тщательно ставить на каждую следующую ступеньку. Это было все равно что карабкаться на ходулях.

К счастью, лесенка была шириной едва с элемента, и Йоханна опиралась на стены, подтягивая сперва одну ногу, потом вторую. На жалких одежках звенел лед, она развязывала и сбрасывала их одну за другой. Очень-очень скоро надо будет обсушиться и согреться, иначе смерть. Пару секунд она не могла думать ни о чем, кроме покорения последних ступенек.

И очутилась наверху, в крытом переходе. Дверь наружу. Грязное окошечко. Она подобралась к нему и выглянула на пирс, назад, — *просто посмотреть, как там дела*, уверила она себя. Правда, ни на что другое у нее и не оставалось сил.

Стекольщики Щепетильника выпускали прозрачное листовое стекло квадратными метрами, а это маленькое окошко явно застеклили еще в ранние годы. Йоханне и его хватило. Люди и стаи обступили плот. Второй и третий плоты причалили сразу за флагманским. Когда подплывут оставшиеся суда флотилии, гавань Южной Окраины будет не отличить от свалки на Болотной Пристани в устье Великой Реки.

Она могла выйти наружу и дать знак ребятам на пирсе. С «Внеполосного-II» ее бы не заметили. «Чертова паранойя!»

Уже протянув руку к задвижке, Йоханна увидела, как несколько тропических Когтей карабкаются на пирс с явным намерением что-то передать Детям.

Они выловили ее радиоприемник.

Нет!

От выстрела лазерной пушки стекло разлетелось на осколки, задевшие ей лицо. Стена накренилась и сбила девушку с ног. Она поднялась на колени, потрясла головой: уши заложило от грохота. Дверь и окно уже ни к чему: деревянные панели разметало ударной волной. В тридцати метрах вниз по пристани из аккуратной дыры в досках пирса поднималось облако пара.

Йоханна поднялась на ноги и вытерла заливавшую лицо кровь, но та продолжала течь. На пристани явно были выжившие, хотя раненых предостаточно. Она нерешительно проковыляла пару шагов в сторону пирса. *Я должна им помочь!* Ага, и подставить себя под прицел сбрендившего Невила.

Она повернулась и побрела по проходу в другом направлении — на склад.

Глава 38

Аэролет Проныры лишь немногим уступал в размерах флагманскому кораблю Магната. Пускай Магнат сколько угодно воображает себя звездой операции… здесь, внутри, свои законы. Магнат сюда не заглядывал, и Проныра был свободен в своих действиях.

У Магната были каюты для гостей и отделение для команды. У Проныры — грузовой отсек, тюремные камеры и оружейная кладовая. Экипаж может поспать и на посту.

Магнат разместил командную рубку высоко в носовой части судна, разбалансировав аэролет и отделив себя от прислужников. Проныра управлял кораблем из контрольной гондолы, зашторенной ровно настолько, чтобы команда не мешала ему думать. Приказы выполнялись немедленно: переговорные трубы Проныра считал дурацким изобретением. Он часто думал, что командная рубка Магната воплощала искаженные представления восьмерки о человеческой автоматике. Магнат был раболепным фанатом человеческой техники, хотя сам неизменно и

горячо отрицал такое мнение. Проныра считал эту идею дополнительным аргументом в пользу того, чтобы держать людей и Магната подальше друг от друга.

— Господин, «Стая Стай» удаляется от нас.

Сообщение капитана корабля Проныры было сфокусировано на ушах ближайшего элемента хозяина.

— Отлично, — сказал Проныра. По его знаку аэролет снизился и сбросил скорость, держась позади флагмана. Проныра смотрел в бинокли, как Магнат беспечно летит в пасти богомолам. Он не хотел его сопровождать, но выхода не было. Вскоре челюсти, почти сомкнувшиеся над Магнатом, встретят и его самого.

Он подавил предательскую дрожь страха и сконцентрировался на звуковой трансляции через Ута. Синглету Проныра выделил отдельный насест подальше от команды. Уже несколько лет, как в жизни Ута осталась одна-единственная цель. Свою тюрьму он таскал на плечах: черный, поблескивавший золотыми нитями радиоплащ. Впрочем, Ут должен быть доволен своим существованием. С ним Проныра обращался мягче, нежели с большинством членов экипажа.

Магнат беспрестанно трындел про радиопла-

щевую сеть, бравируя своей гениальной идеей. А ведь не кто иной, как Проныра, заставил Невила выкрасть плащи, не кто иной, как Проныра, отсеял сотни синглетов в поисках тех немногих, кто, надев плащи, оставался жив. Это Проныра контролировал сеть, и все восемь ее узлов жили в подобающем страхе перед ним. Проныра натаскал их говорить только тогда, когда он прикажет, и с теми, на кого он покажет. Почти так же тщательно он следил за тем, чтобы синглеты никогда не сводили всех морд вместе. Они стали его ушами по всей империи: раньше в тот же день он говорил через ретрансляционную подсеть Ут/Та/Фур/Иль с Аритармо, оставшимся в тропической Резервации; часом позже с помощью подсети Ут/Фор/Фюр — с Декутомоном, шнырявшим на материке к югу от Тайного Острова; сейчас же просто слушал через Ута/Зека, как Магнат использует сеть для последних распоряжений о высадке на Холме Звездолета.

Различные указания и воззвания Магната в основном адресовались его экипажу. Проныра отключился от них и следил главным образом за поведением червячка Равны, которая пыталась втереться в доверие к восьмерке. Неожиданно он сообразил, что Магнат обращается к *нему*:

— Проныра, куда ты запропастился? Мои наблюдатели тебя потеряли.

«Проклятый придурок, я не собираюсь подставляться так запросто, как ты». Вслух, однако, Проныра залебезил:

— Простите, господин мой, простите. У нас возникли определенные проблемы с машинами, мы не сумели удержать нужную высоту.

На самом деле возносившиеся по обе стороны тысячелаповые скальные стены защищали его драгоценных элементов от лучевой пушки червяков.

— Ты что, разбиться надумал? — спросил Магнат. — Я же тебе говорил: поосторожнее с заменой механизмов. Твоя команда техников — это просто стыд.

— Ничего страшного, господин. Мои техники уже нашли решение. Вскоре вы увидите нас. — Проныра покосился на дисплей коммуникатора, установленный прямо перед ним. Карта показывала, что он уклонился от гор, укрываясь у земли. Вскоре придется выбирать между доверием к Невилу Сторхерту и безопасным выходом из игры.

— Отлично. — Говорили они на межстайном, и червячьему пустословию в их беседе места не нашлось.

— И вот еще что, — продолжил Магнат. — Я должен поговорить с Невилом напрямую. Там идут финальные приготовления…

— Думаю, что я все учел, господин мой.

Проныра прилагал все усилия, чтобы оставаться посредником во всех контактах между Магнатом и людьми, в особенности между Магнатом и Невилом Сторхертом. К счастью, Сторхерт и сам не любил вести переговоры со стаями. Держать Невила и Магната на безопасном расстоянии друг от друга оказалось куда легче, нежели воспрепятствовать болтовне восьмерки с различными выжившими узниками.

Но сегодня трюк не сработал.

— Проныра, я не сомневаюсь, что ты славно поработал, но ты запаздываешь, а мне меньше часа до посадки. Я хочу задать Невилу несколько вопросов: о том, кто присутствует, о том, каковы сейчас отношения Древорезчицы со Шкуродером и… — Голос Магната подскочил на пару октав.

— Слушаюсь, господин! Вы предпочитаете обычное радио? Невил все время слушает передачи через спутник. Сейчас…

— Я пытался. Двуногий не отвечает!

— Я займусь этим, господин мой. У меня агенты на земле.

«А также иные средства коммуникации».

— И побыстрее, Проныра. Ты знаешь, что двуногая Равна обвиняет Невила в довольно серьезных преступлениях. Не хватало еще, чтобы она оказалась права.

— Согласен. Я доложу вам немедленно, как только найду его. — Хоть в этом с ним можно быть вполне искренним. — Мне придется отключиться от сети на несколько минут.

— Я понял. Используй радиосеть. Используй *любые* доступные тебе средства.

Проныра дал Уту отбой связи с кораблем Магната. Проклятие! Слишком много напастей на его головы, и все как гром среди ясного неба. Надо немедленно подготовиться хотя бы к одной из них. Проныра глянул вниз со своей платформы.

— Эй, старпом!

— Да, господин!

— Приведи наших особых узников. Четверку в обычной клетке. Амдиранифани расставь над носовым люком.

Старпома пробила едва заметная дрожь, но он мигом порскнул в сторону камер. Стае не впервой было участвовать в подобном.

Теперь стоит подумать о более трудных вещах. Как добраться до Невила? Неужто червяк затеял

новую игру? Он полагал, что слышит Невила насквозь, но, оказавшись перед лазпушкой, понял, что многое придется переоценивать.

Декутомон был ближе всех к «Внеполосному-II». Они с Фюром могли бы навестить червяка. Будь у Проныры больше времени в запасе, такое решение он бы и принял: пускай Невил знает, что у него агенты повсюду, в том числе и у Невила за дверью.

Можно, впрочем, попробовать пробиться к Невилу по обычному радио через его спутник высоко в небесах. Но нет, это совсем уж унизительно, Магнат на такое не пойдет. Кроме того, обычное радио работало в диапазоне, частично перекрывавшемся с используемым у Магната на борту «Стаи Стай».

Проныра задумчиво посмотрел на свой компьютер. Сейчас он отображал карту местности под аэролетом, и скальные гребни по обе стороны корабля были помечены цифрами высоты и близости. В ранние годы изгнания это устройство, или Слоник, как его прозвала Йоханна, было самым драгоценным достоянием Проныры; вообще-то, именно из-за Слоника Магнат его так высоко поставил. С тех пор как удалось заключить союз с Невилом, важность компьютера как

источника информации значительно снизилась, к тому же Проныра не сбрасывал со счетов возможность, что Невил каким-то образом залез в него. Тем не менее компьютер, как и коммуникатор, был изделием галактической технологии. С ним Проныра чувствовал себя равным червякам. И хотя Невил теперь контролировал звездолет, канал их связи через компьютер оставался, несомненно, самым секретным из имеющихся.

Проныра вытянул пару носов вперед и отстучал на сенсорном экране последовательность команд, которые превращали Слоника из топографического атласа в коммуникатор. Йоханна управлялась с ним куда искуснее Проныры, но ведь она пользовалась компьютером всю свою человеческую жизнь; Проныра не без основания гордился тем, как глубоко изучил возможности устройства сам. Так, компьютер переключился в режим телефона и… в нижней части экрана вспыхивал красный огонек. Его Проныра установил сам, и сигнал мог значить только одно. Невил пытается с ним связаться!

Проныра тут же перешел к активным действиям. Ближайшие к Уту элементы потянули за тросы, и со всех сторон синглета окружили тяжелые звуконепроницаемые шторы. Он проверил

их сверху и снизу. Нет, если звуки достаточно высокие, Ут их никак не услышит. Не то чтобы Проныра всерьез считал радиостаю способной на измену, но, растянутая на весь континент, она зачастую функционировала *не только* в режиме маршрутизатора-ретранслятора. Проныра пользовался ею для разведки в местах, физически удаленных от него на тысячи лиг, но при мысли, что кто-то может по неосторожности ретранслировать его самого, на него то и дело накатывал ужас.

Он стукнул носом по компьютеру, приняв звонок, но не забыл перед тем сдвинуть звуки в область таких высоких частот, что еще немного — и они перекрывались бы с мыслями. Такой писк не прошел бы через заслонившие Ута шторы, а значит, и дражайшего Магната не побеспокоит случайная передача.

— Проныра слушает, — сказал он: пискнул на запредельно высоких для себя частотах. Слух у Слоника был отличный, как у стаи. Каким-то образом устройство закодировало голос Проныры в виде цифрового сигнала (Проныра понятия не имел, что это такое) и переслало Невилу. Когда Проныра пытался представить себе многообразие операций, выполняемых компьютером в

автоматическом режиме, у него начинали болеть все головы. Где-то среди звезд есть вещи, которых поистине стоит бояться.

Прошло несколько секунд. «Он что, собирается надиктовать сообщение?»

Сдвинутый по частоте голос Невила вякнул из компьютера:

— Ты чего это летишь так низко, чувак?

Проныра усилием воли подавил злобное рычание и ответил как мог уклончиво.

— Ладно, не бери в башку, — продолжал червяк. — У нас проблемы. Ты мне говорил, что Йоханна списана в утиль.

— Именно. Ее разорвали на куски.

У Проныры вдруг появилось очень, очень дурное предчувствие.

— Ее заметили на вашей нищебродской флотилии!

— Но я же видел, как она погибла. Ты сам слушал, как это было.

— Я только что видел ее живой. Источник видеозаписи заслуживает доверия. Теперь понятно, почему плоты не выходили на связь. О Силы Наверху, Проныра, да как ты мог?!

Челюсти Проныры сжались. Если бы червяк участвовал в разговоре физически, он бы, скорей

всего, потерял свою первую и последнюю глотку.

— Ты думаешь, что это моих лап дело? — поинтересовался он.

— Я… э-э, нет. — Голос у Невила был запыхавшийся, как будто он бежал по лестнице или шел быстрым шагом. Люди такие примитивные животные, что даже этого не умеют скрывать. — Смотри, ну вроде же все складывается удачно. Если мы провернем задумку, Древорезчица будет так дискредитирована, что и пикнуть не посмеет. Мои братья и сестры окажутся в безопасности. Даже с этим ужасным изгнанием что-нибудь можно будет сделать… если вы нам поможете, разумеется. И когда мы уберемся из этого долбанутого мира, весь он будет твоим. Но…

Шпионы Проныры часто докладывали, что Невил с удивительной ловкостью управляет умами своих соплеменников-личинок. В это нелегко было поверить. Проныре он всегда казался не более чем бесталанным манипулятором.

Но в данном случае от этого была одна польза. Проныра дал Невилу еще немного поворчать и, дождавшись естественной паузы, вставил заготовленное обдуманное урезонивающе-конструктивное предложение:

— Со всем этим я согласен. Вопрос в том, что нам

делать с неожиданно нарисовавшимся неприятным сюрпризом?

— Ну, э-э, я уже принял кое-какие меры. Но тут, э-э, неудобно получилось… я, признаться, струхнул. — Невил объяснил, как ударил по Йоханне и толпе личинок струей перегретого лазером пара. — Проныра, луч погубил шестерых моих братьев и сестер! Мы, Дети, наперечет! Мне они все нужны! Все должны на меня работать! — Он выдохся и замолк на минуту.

«Какого ответа он ожидает?» Проныре на ум лезли одни издевки. Наконец он проворчал:

— Значит, доверие к тебе пошатнулось.

Невил издал кислый смешок:

— Я же не идиот. В таком режиме мишени лазера просто взрываются, как бомбы. Я уже пустил слух о террористах из тропиков, метивших в сегодняшний «мирный договор» и всех нас. Дескать, диссиденты из флотских Когтей попытались саботировать планы Магната и уничтожить его благородный дар. Тут не все сходится, но я заставлю этот план работать. В принципе, наши текущие позиции даже упрочатся. Но дело же не в этом!

— Ну еще бы! — сказал Проныра. — Дело вот в чем: ты видел смерть Йоханны? Своими гла-

зами?

— А… — Человек прочувствовал иронию. — Ну, не совсем. Все выглядело так, будто ребята на пирсе окружили кого-то, вышедшего на берег. И когда я выстрелил, контакт «Внеполосного-II» с поврежденным радио, которое мы отслеживали, тотчас прервался.

— Это звучит еще менее убедительно, чем отчет о моей тропической затее, — сказал Проныра.

Он так давно ненавидел Йоханну Ольсндот. Она несла весьма ощутимую ответственность за крушение всей его карьеры десять лет назад. Магнат, надо полагать, удивился бы, узнав, что Проныра ненавидит Йоханну куда сильнее его самого и по куда более веской причине.

— Невил, наши проблемы могут выйти за рамки объяснений одного выстрела пушки. Нам стоит учесть, что Йоханна может быть жива и уже активно ищет союзников.

Мгновение Невил безмолвствовал. Похоже, он вышел за двери или включил какой-то из механических звукоподавителей.

— Да, — откликнулся он, — Били того же мнения. Он полагает, что пора переходить к моему резервному плану.

Проныра сердито встряхнулся и добавил в го-

лос раздражительности:

— Чушь, Невил. Что за пораженческие настроения?

Без технической поддержки Равны и в активной оппозиции Древорезчице позиции Невила в Домене заметно пошатнулись. В каком-то смысле это было хорошо, поскольку червяком стало легче манипулировать. Увы, такое развитие событий обострило интерес Невила к «резервному плану». В долгосрочной перспективе план этот имел для Невила несомненный смысл, но делал его практически бесполезным для Проныры.

— Невил, я, мм, умоляю тебя держаться нашего первоначального плана. Подумай, что мы можем сделать в его рамках, если начнутся проблемы.

— Ну, предположим, что Магнат высаживается и ведет себя даже глупее обычного. Предположим, что он протащит с собой на сцену Бергсндот и маленького братишку Йо и все Дети их увидят. А потом…

— Да, это будет скверно, но…

Голос Невила заглушил его слова:

— …потом представь, что чудесным образом выжившая Йоханна выскакивает, как чертик из табакерки, и объединяется с Древорезчицей. Она выдаст нас всех. А я *не могу* убить каждого!

Проныра пренебрежительно фыркнул:

— Йоханна и аккорда не успеет провякать, а Магнат уже вырвет ей горло.

Невил просто не понимает, *как* Магнат ненавидит этого конкретного человека.

— Худший вариант, Проныра, я беру худший вариант. Я знаю, что эта сучка Равна дура, что она не способна убедить дружественную аудиторию даже в завтрашнем восходе солнца. А Джефри Ольсндотом она просто помыкает. Но у них ведь было несколько дней плотного общения с *твоим собственным* идиотом, не так ли?

Проныра оскалился и процедил:

— Я следил за ними, я контролирую ситуацию.

— Ты слишком многое ставишь на карту этим заявлением, друг мой. Что нам делать, если она перетащила Магната на свою сторону?

Проныра старался об этом не думать.

— В конечном счете Магнат всего лишь орудие, очень, очень полезное и ценное орудие. Но если он когда-либо узнает всю правду, его следует немедленно уничтожить… ухмм… — *И что это даст в нашем нынешнем положении?* — Если мы скоординируем усилия… возможно, удастся все предусмотреть. Если я увижу, что Магнат определенно переметнулся, я тебе сразу же сообщу. И

если твой «худший вариант» воплотится…

— Я что, должен буду их обоих поджарить? Ну ладно. Я скажу, что пытался защитить Йоханну, но «Внеполосный-II» заглючил. Здесь, Внизу, оружие так туго работает, что эта история покажется правдоподобной.

— Хорошо, но помни, что убийство Магната — отчаянная мера. Мы нуждаемся в нем больше, чем ты думаешь. Если даже Йоханна выскочит прямо ему под носы, не убивай Магната просто так. Я уверен, что он быстро уничтожит ее. Если нет, я тебе просигналю.

— Ага. Значит, ты вылез из тени?

Проныра вздохнул:

— Так точно. Я буду летать над местом исторической встречи двух рас.

Они еще потрепались насчет деталей, и Проныра передал требование Магната поговорить с Невилом.

— Да, я заметил, что он ко мне стучится. — Невил помолчал. На его стороне звучали человеческие голоса. — Я не хочу сейчас говорить с этим мешком говна. Я уже должен подниматься на сцену. О чем еще он хочет со мной перетереть?

— Наверняка ему нужны последние сведения о том, что думают по поводу происходящего Древо-

резчица и Шкуродер.

— Вот дебил! У нас нет времени на последние прикидки, именно поэтому встреча так важна. Ну ладно, я с ним поговорю, как только доберусь до сцены.

После этого Невил прервал связь. По крайней мере, на дисплее коммуникатора загорелся соответствующий значок, а Проныра считал, что компьютер надежен и не передает его разговоры двуногим. Слоник, бывшая игрушка Йоханны, ни разу не попадал в лапы Невила, поэтому Проныра полагал, что никакой возможности запустить в устройство жучки у Невила не было. Впрочем, с гаджетами двуногих никогда нельзя ни в чем быть уверенным. Когда Проныра занимался операциями, о которых Невил не должен был знать, он отключал компьютер и использовал вместо него радиоплащевую сеть. За десять лет он уверился, что подслушивать мысли звездолет не в состоянии.

«Так, а теперь еще надо убедить Магната, что входящий звонок Невила не скомпрометирован!»

Эту мысль прервали визгливые вскрики в предчувствии боли. Старпом притащил Амдиранифани и швырнул его перед Пронырой, затем

ослабил ошейники восьмерки и захлестнул их вокруг виселичных столбиков, кольцом окружавших носовой люк. Затем ушел за вторым пленником. Проныра наклонил голову, изучая Амдиранифани. Восьмерка услышала его и сжалась.

Проныра ощерился. Умные жертвы всегда доставляли ему массу удовольствия. Они думали, что способны перехитрить палача, а когда мечты эти разбивались, самообман оставался их последним прибежищем. Амдиранифани же, без сомнения, интеллектом превосходил всех остальных жертв Проныры. Восьмерка катилась вниз уже давно. В первые дня два стая пыталась обманывать надсмотрщиков и радио, издавая аккорды так, чтобы Проныра не слышал. Он даже восхитился наглостью восьмерки, которая всерьез решила провернуть такой план. Три дня Проныра ничего не предпринимал, вселяя в Амдиранифани надежду. Отложенное наказание было восхитительно: Проныра вырвал два глаза Амдиранифани. Только два. И всего лишь глаза. Потом он побеседовал с жертвой, выразив убежденность, что та превосходно понимает, насколько тяжелее могла быть кара. Для этой стаи, с ее-то творческим воображением, эффект

был почти так же сокрушителен, как если бы Проныра вырвал половину средних ушей или убил какого-то элемента. Столь мягкое наказание оставляло Проныре вдоволь материала для будущей работы.

Амдиранифани тихо повизгивал и хныкал, борясь с желанием заговорить.

Проныра вздернул нос, что обычно предвещало серьезное наказание на допросах. Амдиранифани мигом заткнулся, скованный ужасом.

— О, дорогой мой Амдиранифани, я сожалею, что оставил тебе такой плохой обзор. Не беспокойся, ты все еще можешь услышать много интересного. Слушай меня внимательно: думай тихо, не произноси вслух ни аккорда, если я тебе не позволю. — Он вздернул второй нос: сигнал, к которому он тоже успел приучить пленника и который означал призыв к абсолютному повиновению. Слова узника не имели бы никакого значения, но Проныра не хотел, чтобы по радиосети просочились случайные крики боли. — Если ты ослушаешься… что ж, думаю, ты знаешь, где стоишь. — Проныра жестом указал на носовой люк в середке стаи. — Считай это отложенным смертным приговором. Скоро, очень скоро ты можешь стать семеркой, шестеркой или даже

пятеркой. Мне доставит удовольствие пустить пару-тройку твоих элементов на ветер. Магнату я скажу, что ты пытался сбежать и недооценил свою ловкость. Ты же мне веришь, так ведь?

Головы Амдиранифани закачались в испуганном согласии. Последней ночью Проныра вышвырнул через этот люк одного из техников аэролета, просто чтобы вбить Амдиранифани в головы этот урок. Проныра обожал такое наказание, и не важно, применялось ли оно к элементу или целой стае. Обычно жертвой становился узник, но если в люк вылетал неслух из команды, уцелевшие члены экипажа начинали демонстрировать чудеса исполнительности.

Старпом уже притащил четверку. «Все, что осталось от господина моего Стального». С этим узником Проныре пришлось нелегко. Пленник был довольно туп и разъярен так, что запугивания на него уже не действовали. Не слишком обнадеживающее сочетание; день за днем ошметки Стального погружались в пучину дикой убийственной ярости, несомненно вспоминая старые обиды. Оказавшись в зоне слышимости или видимости Амдиранифани, четверка неизменно выходила из себя, колотилась о стены клетки, ища выхода, и выкрикивала восьмер-

ке страшные проклятия. Ненависть фрагмента Стального и богатое воображение обеспечивали Амдиранифани вечное пребывание на краю ментальной пропасти.

«Если бы и людей-спутников Магната я держал в когтях так же цепко». Проныра задумчиво рассматривал Амдиранифани. Невил заговорил о своем «худшем варианте», и не исключено, что молчание червяков Джефри и Равны будет куплено угрозой показать им останки их дорогого друга, градом падающие с небес.

Равна уже видела город Новозамок и «Внеполосный-II». Магнат (пользуясь телескопами) и Джефри в один голос заявляли, что на вересковой пустоши к юго-востоку от города собралась толпа.

— Я тоже вижу их, господин мой, — сказал Проныра, нагонявший их на своем аэролете. — Именно там запланировано большое собрание, там Невил установил сцену и расчистил летное поле, как мы и договаривались.

— И он может указать точный момент своего прибытия? — спросил Магнат.

— Да, мой господин, он свяжется с вами прямо по обычному радио. Вы…

— Алло? Алло?

Голос Невила зазвучал из динамиков аналоговой радиостанции у подножия тронов Магната. Фоном ему служили человеческие голоса и свист ветра.

Магнат склонился к радио и сказал:

— Мои приветствия, лорд Невил.

Помпезные слова, произнесенные голосом перепуганной маленькой девочки, звучали странно, чтоб не сказать — издевательски.

— Да-да. Ну… и вам мои приветствия. — Голос Невила прерывался. Равна слышала, как он то и дело отвлекается, чтобы дать кому-то из ближнего круга приказ или совет. Говорил он с ними конфиденциальным тоном. Ага, похоже, что на нем единственная уцелевшая тиара прямого доступа к звездолету и с ее помощью он ведет два разговора одновременно. — Что же, я вернулся. Все на поле видят ваши летательные аппараты. Они машут вам. Я собираюсь подняться на сцену и выступить с небольшой речью. Древорезчица уже там, она со мной сотрудничает: слишком много нашлось искренних сторонников альянса. Все под контролем. Все идет согласно нашим прежним договоренностям.

Равна с трудом согнала с губ усмешку. Она еще никогда не слышала, чтобы Невил Сторхерт был

так, хм, обеспокоен.

— Итак, гм, все ли готово для встречи, почтенный Магнат?

— Мы прилетим по графику, — сказал Магнат. — Но у меня несколько вопросов.

— Слушаю.

— Вопрос первый. Йоханна Ольсндот прячется у вас?

Магнат смотрел на Равну и Джефри.

— Что?! *Нет!* — Голос Невила сорвался. — Во имя небес, зачем вы меня об этом спрашиваете? Разве не я…

— Вы очень помогли нам в этом деле в прошлом, и я вам все еще признателен.

Магнат все еще не сводил глаз с Равны и Джефри.

— Но в то же время мне известно, что вы были… как бы это сказать, в сексуальных отношениях, во взаимной связи… с Йоханной. Даже у людей могут существовать рудиментарные формы личной верности. Я захотел прояснить для себя этот вопрос.

— Господин Магнат. Я официально заявляю вам, что после всех злодеяний Йоханны никакой верности к ней у меня не осталось.

— Очень хорошо. Я просто поинтересовался.

— А что еще вас *просто заинтересовало?* Другие вопросы будут сходны с предыдущим?

— Судите сами, — сказал Магнат и углубился в животрепещущие детали приема: кто где сидит, привела ли Древорезчица охрану, как вооружены ее гвардейцы. Он не забыл упомянуть, что во время пребывания Великого Магната на сцене аэролет Проныры останется в воздухе и будет патрулировать поле. Наконец он произнес: — Все ваши заверения очень убедительны, лорд Невил. Искренне благодарен. Увидимся внизу через несколько минут.

— Да, почтеннейший Магнат, — ответил Невил, — мне тоже не терпится сделать наш альянс официальным. — К нему вернулась тень обычной дипломатичности. — И, э-эмм, еще одно, господин мой Магнат. Для вящего эффекта я рекомендовал бы вам не пользоваться человеческим голосом. Говорите на стайном языке. Не кажется ли вам, что так будет торжественней?

Магнат вздернул головы:

— Я плохо владею вашим языком?

— Вовсе нет! — запротестовал Невил. Действительно, Магнат говорил на самношке бегло, куда лучше многих стайных обитателей Холма Звездолета. Невила явно тревожило, как бы, заговорив

голосом Гери, Магнат не изобличил его во лжи. — Это всего лишь, гмм… Мне кажется, что, если вы будете говорить на стайном, это прозвучит более торжественно. Это подчеркнет вашу мощь.

— Я с удовольствием возьму на себя функции переводчика, — влез Проныра, — естественно, на условиях анонимности.

Магнат переглянулся сам с собой:

— Да. Я понимаю ход ваших рассуждений. Хорошо.

— Ну и чудесно. Я должен подняться на сцену. Вскоре мы побеседуем лично.

Спустя миг маленькая аналоговая радиостанция испустила статический шум. Никто уже ничего не передавал. Двумя элементами Магнат поднял устройство, а головой третьего переключил тумблер на боку ящичка. Шипящий треск статики пропал.

Магнат поставил радиостанцию обратно и оглядел рубку управления.

— Разумеется, насчет Йоханны он солгал.

— А? — переспросил Джефри.

Проныра был удивлен не меньше молодого человека. Он пробулькал какой-то вопрос.

— Да, Проныра. Да, можешь спрашивать. — Взгляд Магната вернулся к Равне и Джефри. — Ви-

дишь ли, заполучив представительные образцы, я стал экспертом по человеческой психологии. Понять людей не так сложно. Они просто устроены, их движущие мотивы примитивны. Беседуя с Невилом, я наблюдал за этой парочкой у нас на борту. Оба они поняли, что Невил лжет.

Он говорил с убежденностью подлинного знатока или одержимого возмездием безумца.

— Видишь? — Он ткнул лапой в Джефри. — Брат Йоханны хранит молчание. Я еще раз раскусил его. А ты, Равна? Можешь ли ты, положа лапу на сердце, сказать, что Невил не солгал нам?

«Почем я знаю? Я вообще не уверена, что Невил хоть раз говорил мне правду». Надежда и страх поочередно захлестывали ее. Она не нашлась что ответить и сидела молча, как и Джефри.

Проныра не был так молчалив.

— Господин мой, я никогда не задумывался над такой возможностью, но… но ее следует принять в расчет. Следующие несколько часов я буду наблюдать за ним. Если он лжет еще в чем-то, я это увижу.

До Холма Звездолета оставалось десять километров. Равна много раз летала над этой местностью — на флайере ли Странника, на маленьком ли воздушном шаре Щепетильника.

Внизу тянулись многочисленные фермы Долины Хмурой Реки. К западу скалы обрывались в море. Недалеко от края уступа виднелись подступавшие к морю домики поселка у Королевской Дороги. К северу возвышался муравейник Новозамка, отдельные постройки которого граничили с мраморным куполом самого замка.

Магнат занимался несколькими делами одновременно: беседовал по переговорным трубкам с пилотами, смотрел вперед, иногда о чем-то справлялся у помощников. Проныра утверждал, что Амди у него в командной рубке и согласился сотрудничать.

— Ни в чем особо важном я этой стае не доверяю, — сказал Проныра, — но он прожил у Холма Звездолета всю свою жизнь и знает, что за ложь воспоследует суровая кара.

— Не знаю… — протянул Магнат, не отрываясь от переговорных труб и общения с командой. — Я бы не стал доверять словам узника даже в такие моменты.

— Но у меня есть агенты и на земле.

— Декутомон?

— Он главный, господин. Он сейчас возле места посадки, а с ним радиосинглет Фюр.

— Отлично, а я все думал, куда это Фюр запро-

пастился. Значит, Невил не слышит, что говорит нам Декутомон?

— Нет, господин мой.

Магнат что-то изумленно проворчал и на ходу внес поправки в указания, которые давал пилотам. На самношке он ответил:

— Превосходно, Проныра. Я сконцентрируюсь на посадке.

Магнат устремил все взгляды вперед, два элемента орудовали биноклями. Он и вправду пытался сам управлять движением аэролета, требуя от команды сообщать ему по переговорным трубкам мельчайшие подробности. Такая глупость была для Магната типична, но, к счастью, Проныра и его клевреты на время заткнулись; только Зек каждые пятнадцать минут выдавал на самношке очередную порцию летных данных, конвертируя единицы стайного исчисления в людские:

— Высота семьсот пятьдесят метров, до места высадки три тысячи триста метров…

— Высота семьсот тридцать пять метров, до места высадки три тысячи сто пятьдесят метров…

— Высота семьсот двадцать метров, до места высадки три тысячи пять метров…

Магнат не оглянулся, но издал одобрительное

ворчание.

— Отлично, Проныра, отлично! Твоя информация значительно упрощает наши действия.

Равна не видела у Магната никаких устройств позиционирования, за исключением естественных ультразвуковых локаторов Когтей. «Откуда поступают эти данные?»

Джефри пихнул ее локтем в бок и слегка склонил голову в сторону Зека. Синглет посмотрел на людей, тут же отвернулся, уставился на землю под кораблем…

— Высота семьсот пять метров, до места высадки две тысячи восемьсот пятьдесят метров…

И его взгляд вернулся к Равне с Джефри. Существо чуть из шкуры вон не вылезло от напряжения, будто стараясь передать им больше, чем эти числа. «Кто там, за этими глазами?» Между аэролетами не больше километра, так что Зек и Ут, можно сказать, вместе. Фюр, сопровождавший Декутомона, тоже приблизился к ним на недоступное прежде расстояние. Значит, радиостая стала по крайней мере тройкой. В зоне доступа могли находиться и еще двое элементов, один функционировал как маршрутизатор Фюра, другой возглавлял подсеть, соединявшую корабли с тропиками. В отдельные моменты радиостая

могла разрастаться до слитной пятерки, а значит, оказывалась даже умнее, чем в ту ночь, когда Амди говорил с ними по плащесети.

Этого может не хватить для подлинного «человека внутри», но ведь многого от стаи не требовалось: просто заблокировать передачи отсюда.

Если радиостая решила рискнуть жизнью… Равна взглянула на Джефри. Лицо его не изменилось: осталось бледным и горестным, но он понимающе кивнул.

Зек не сводил с них испытующего взора. Существо предлагало им рискнуть вместе с ним.

«Я согласна».

Равна кивнула и, разлепив губы, прошептала вопрос, который даже пользователям радиосети показался бы невинным:

— А сколько вас?

— От пяти до восьми, — ответил Радио, — в зависимости от высоты. Надо торопиться.

Магнат смотрел в бинокли и ворчал в переговорные трубки, но один из его элементов глянул в их сторону, заинтересовавшись странной беседой. Он испустил вопросительный аккорд, в котором центральное место занимало стайное имя Проныры.

Зек сжался на насесте и ответил на самношке:

— Проныры сейчас нет, господин мой. Это я, Радио.

Магнат поднял на него вторую морду:

— Ты добился слияния разумов? Интересно. А что об этом думает Проныра?

Зек еще сильнее прижался к насесту:

— Проныра не знает, господин. Этот разговор я не транслирую.

Магнат удивленно фыркнул, склонил несколько голов к переговорным трубкам и испустил слитный аккорд «продолжайте», потом переключил все внимание на Зека:

— Почему нет?

— Я… я его жертва, господин. Умоляю вас, сохраните в тайне эту беседу.

Магнат встряхнулся:

— Может быть. Значит, ты передаешь Проныре ложную информацию?

— Нет. Я использовал ваш голос, но передал только то, что вы и так сказали, что вы должны будете сконцентрироваться на посадке.

— А как насчет тех чисел? И это ложь?

— Нет. Мы скомбинировали данные обзора через Ута, Зека и Фюра. Как только я начал расчеты, потерял часть себя и побоялся вам вообще что-то

сказать. Амдиранифани подумал…

— Ах, Амдиранифани? — Магнат кивнул. — Он ухитрился провернуть это под мордами у Проныры? Впечатляет.

Зек продолжал чуть доверительнее:

— Да, господин. Я бы не смог это сделать, если б не он и звуковые пути в обход гондолы управления, найденные им. Когда радиосвязь ослабевает, он восполняет пропуски.

Половина стаи Магната смотрела на Джефри и Равну. Поза стаи отвечала свирепой ухмылке.

— Понятно. Амдиранифани даже умнее, чем заявляет Проныра; он ухитряется манипулировать *моей собственной радиосетью!*

— Нет, я не марионетка!

Голос Магната заглушил его протесты:

— А послушай-ка вот это, Амдиранифани!

Он схватил свою голосовую радиостанцию и махнул ею над головой Зека. Два аэролета сблизились настолько, что прием сработал.

— Нет, нет, нет, пожалуйста, не выдавайте меня! — Самношк Зека утонул в стайной речи, а потом он раскрыл пасть и издал булькающий визг. Равна еще никогда не слышала от Когтей подобного звука. Джефри вскочил на ноги и заорал на Магната. Стая с ружьями высунулась из люка.

И тут обоих заглушил шквал звуков, накативший с другого конца рубки. Ритль сорвалась со своего насеста и завизжала так громко, как в тот миг, когда Равна впервые увидела синглетку. Она метнулась через рубку к тронам Магната и залаяла на него, потом сместилась в сторону, пока не закрыла собой Зека. Обернувшись к Магнату, она воинственно защелкала челюстями.

Магнат жестом отогнал стаю с ружьями, переместился на тронах и заревел. Рычание, сфокусированное на Ритль, сбило синглетку с лап, как акустическая граната. Даже уши Равны, сидевшей вне фокуса, пронзила боль.

Ритль лежала на боку и слабо сучила лапами. Наконец она перекатилась на живот и поползла назад к своему насесту. Магнат следил за ее продвижением. Под частичным прикрытием насеста Ритль повернула голову и чуть слышно огрызнулась.

Магнат долгое мгновение смотрел на нее. Потом отложил аналоговую радиостанцию и обратился к Зеку:

— Говори.

Зек ответил не сразу. Вид у него был неважнецкий; вероятно, рев Магната задел его, а может, синглет просто напугался.

— Спасибо, господин. — Существо помедлило. — Будут перебои. Я не смог полностью замаскировать… — И тут же он что-то вопросительно заворчал на межстайном.

Магнат ответил на самношке:

— Подожди немного, Проныра, посадка тут нелегкая!

И скомандовал Зеку ретранслировать его слова.

— Конечно, господин мой! — ответил Проныра. — Извините, что вмешался!

На самом-то деле Равне казалось, что и без Магната экипаж «Стаи Стай» управляется превосходно. Кораблю оставалось не больше тысячи метров до высадки. Впереди лежала отлично знакомая ей местность — Луга Смерти, ближайшее к городу обширное открытое пространство. Сегодня вересковую пустошь заполонили толпы зрителей с приветственными знаменами.

— Мы пока что слишком высоко, — продолжил Магнат. — Я намерен облететь зону высадки и попытаться еще раз. Так я буду уверен, что на земле все готово.

— Как скажете, господин мой, — ответил Проныра, и голос его повеселел. — Несомненно, маневр немало впечатлит Древорезчицу и ее

прихвостней.

— Следуй за мной.

Магнат секунду ничего не говорил, пытливо глядя на Зека.

— Я снова на линии, господин, — сказала радиостая.

— Хорошо. У нас еще несколько минут, давай выкладывай. — Вид у Магната был довольный, взлом радиосети явно восхитил этого техноманьяка.

Он что-то сказал в переговорную трубку, двигатели сразу же загудели громче. Аэролет повернул, они увидели город Новозамок.

Магнат собрался и устремил на Зека острый взгляд:

— Ну что? Я дал тебе время. Говори!

Зек немного выпрямился:

— Спасибо, господин. Я редко сливаюсь в полноценную стаю, и всегда ненадолго. Но сейчас я восьмерка. У Проныры нет от меня секретов, во всяком случае важных. Он повелитель лжи, господин, и повелитель смерти. Он убивает и убивает, даже своих слуг!

— И что? Свергните его.

— Вы мало знаете об убийстве, господин мой, не так ли? Если убивать часто и умно, можно

возвести целый дворец ужаса. Рано или поздно он обрушится, но самой мысли об этом иногда достаточно, чтобы тебя убили.

— Пока не появился Амдиранифани?

Зек ухитрился кивнуть одной головой:

— Пока Амдиранифани не придумал, как использовать хорошие условия радиосвязи, в каких мои фрагменты оказались в эту десятидневку. Одно ваше слово, господин. Одно ваше слово подарит нам надежду. Одно ваше слово низвергнет Проныру.

Магнат недоверчиво поворчал:

— Я знаю, что Проныра крут со своими пленниками и даже сотрудниками. Я его стараюсь осаживать, когда он заходит слишком далеко. Но его шпионы дают информацию. *Он* дает результаты. Ты это опровергаешь?

— Да!

Зек на миг потерял нить беседы, взгляд его расфокусировался.

— Простите. Я опять стал тройкой. Минутку…

Аэролет пролетел над Лугами Смерти, стал виден спуск на Тайный Остров, к Протокам и пристани, но всего более впечатляло зрелище «Внеполосного-II». Они заложили вираж вокруг звездного корабля. Шипы ультрадвигателей

местами перекосились, нижний ряд вообще смялся, но корпус корабля сверкал неизменным ярко-зеленым блеском. Даже Когти, не видевшие звездолет во всем его величии, не уставали восхищаться красотой корабля. Равна отметила, что Магнат смотрит на «Внеполосный-II» всеми элементами. Восьмерка струхнула не меньше Зека, правда по иной причине.

— Проныра убил *гррр* и *хфрр*... — (эти имена Равна не узнала), — когда счел, что вы их слишком обласкали. Он убил человека по имени Эдви Верринг, загнал его в Хор, а вам солгал, что тот умер от раздувания конечностей.

Магнат отвернулся к Зеку одной головой и заметил:

— Проныра предлагал показать нам останки.

— Это блеф. Вспомните, господин, он предлагал это в присутствии Равны и Тимора. А он убедил Тимора, что Эдви может быть еще жив. Проныра всегда и во всем пользуется заложниками. Если заложники погибают, он все равно находит им применение.

— Это уж слишком нагло. А если бы на останки пожелал взглянуть *я*?

— Вы могли бы, но не стали, — неожиданно резко ответила радиостая. — И даже если бы вы

потребовали, Проныра уж извернулся бы, придумал какое-нибудь объяснение, которое бы вас устроило. За год, сохранившийся у меня в памяти, я понял, что вы доверяете ему беспредельно. — Стая помедлила. Зек тут же скорчился на своем насесте. — Простите. Простите.

Магнат не отреагировал, только иронически вздернул одну морду:

— Как бы тебя сейчас выручили радиопомехи, а?

— Нет, господин, — пришли тихие слова, — это все я. — У Зека был сконфуженный вид. — У меня мало времени, а сказать надо так много… — Синглет покосился на Джефри и продолжил: — Были убийство и ложь, сделавшие все это возможным. Проныра убил Грамотея Джакерамафана и наврал вам, что Йоханна…

— Да-да, не утруждай себя. Мне это уже говорили. — Магнат ткнул мордой в сторону Джефри. — Я слышу голосок твоего дружка Амдиранифани за этими мольбами.

Но он говорил задумчиво, безо всякого гнева. «Внеполосный-II» перекрыл весь обзор из рубки, мимо аэролета проплывали величественные изгибы корпуса, шипы и ветви ультрадвигателей торчали совсем близко — протяни лапу и кос-

нись. В позе Магната чувствовались изумление и затаенный страх.

— Грамотею вы, люди, наверняка понравились бы, — сказал он. — Брат был такой непрактичный, такой наивный. Прежде чем мы… как это по-вашему… развелись? разделились?.. он был… *мы* были талантливей и предприимчивей любой стаи в здравом уме. Мы так преуспевали, что не справлялись с потоком капитала и внедрением разработок. Мы решили разделиться: одна стая займется практикой, а другая — изобретательством. Одна возьмет на себя предприятия, другая отпустит на волю свою инженерную фантазию. У Грамотея толстые тома были исписаны набросками изобретений. Он творил, а я занимался рынками сбыта. В его записях было *такое*… летающие машины, машины-землеройки, лодки для плавания под водой… Проблема в том, как перекинуть мостик от идеи в блокноте до продукции на рынке. Впрочем, нет. Проблем было десять тысяч раз по десять тысяч. Большей частью для внедрения его разработок требовались еще не открытые материалы или двигатели более мощные, чем все, что мы могли произвести, или точность техпроцессов, которой мы едва могли достичь. Компания терпела провал за провалом.

До расщепления все шло так хорошо… — Все головы Магната смотрели в пол. — Кончилось дело тем, что я, как воплощение предпринимательского чутья и сторонник здравого смысла, взбунтовался против бесконечных блистательных катастроф Грамотея. Я отнял у него долю в компании. Он не сопротивлялся. Я… думаю, он понимал, почему так вышло. Я дал ему денег, он уехал на Запад. — Одна морда Магната нацелилась на Джефри с Равной. — Я знаю, что Грамотей успел подружиться с некоторыми из вас. Я знаю, что он был слишком наивен и умен, чтобы остаться после этого в живых. Что же он такого разнюхал про вас, двуногих? И почему эта гнусная тварь Йоханна убивала его по частям, до последнего элемента?

Джефри был шокирован до такой степени, что даже гнев и обида куда-то схлынули. Он сидел неподвижно, открывая и закрывая рот. Равна положила ему руку на плечи.

«Позволь, я попытаюсь еще раз».

— Я никогда не встречала Грамотея Джакерамафана, — сказала Равна, взглянув на Магната, — но я слышала рассказы Йоханны о нем. Она его *любила*. Она считала вечным своим позором, что не оценила его по достоинству, покуда он был

жив. Он погиб, пытаясь защитить ее. Проныра убил его. Вы что, наотрез отказываетесь рассмотреть такую версию? Смотрите, ваш собственный подчиненный рискует жизнью, чтобы поведать вам правду!

Магнат собирался с мыслями.

— Если только это и вправду мой подчиненный, а не переговорная трубка Амдиранифани… Мы с тобой уже беседовали об этом. Я всегда очень серьезно относился к расследованию, я говорил со свидетелями, да и сам Невил…

Тут Зек издал долгое жалобное ворчание.

Магнат на глазах сгрудился вместе, два элемента слезли с тронов и поглядели прямо вниз:

— Да, Проныра, я вижу.

Зек снова заворчал.

— Да неужели? — спросил Магнат. — Что, Древорезчица показывает клычки? Ну так скажи Невилу, чтоб он ее… — И он перешел на межстайный язык.

Равна покосилась на Джефри. Молодой человек молча качнул головой, и тут же она заметила предмет обсуждения. Третий аэролет плыл внизу и впереди. Маленький воздушный шар Щепетильника, исходная версия «Вышних глаз». Суденышко описало петлю над полем.

«Стая Стай» продолжала снижаться, два летательных аппарата сближались. Внезапно аэролет Щепетильника отвернул и направился к Внутренним Протокам, надо полагать, на базу — к лабораториям на Тайном Острове. Равна бросила взгляд на гондолу. Оттуда высунулся какой-то элемент и нахально махал им лапой. «Ручаюсь, это Щепетильник собственной персоной». Она так и видела, как Щепетильник с Древорезчицей отчаянно пытаются сорвать «мирный договор» Невила.

Зек издал весьма правдоподобный человеческий смех и сказал на самношке голосом Проныры:

— Надувной шарик Древорезчицы улетел, господин мой. Стоило Невилу только пригрозить…

— Действительно, — согласился Магнат, кося на удалявшийся шар парой глаз. Остальные элементы смотрели вперед. — Меньше чем через полоборота мы начнем посадку, Проныра.

— Мы следуем прямо за вами, господин мой. Мы останемся на том же курсе, когда вы приземлитесь. Будьте в сети.

Магнат повернул к Зеку пару голов. Бедолага осел; он так устал, что даже не испугался. Равна поняла, что он сейчас способен только ре-

транслировать. Остальные элементы задумчиво оглядывали Джефри с Равной, нерешительно водя головами. *Предаст ли он Зека и его пиров?*[7] Но Магнат сказал лишь:

— Отлично. Зек останется поблизости.

Аэролеты, может, и выглядели совсем как флайеры Запределья, но в действительности общая черта у них была одна — они могли держаться в воздухе. Аэролеты представляли собой непрочные воздушные шары, плененные атмосферой. Швартовка такого судна — занятие не для слабонервных, если у вас нет толковой автоматики или опытной команды на земле.

Пока они снижались над Лугами, Магнат выставил шесть голов вперед и завертел ими вниз-вверх. На сей раз он не стал отвлекать пилота: снижение даже на метр требовало тонкой балансировки балласта и искусных маневров. Они так сбросили высоту, что большая часть строений Новозамка возносилась сейчас над корпусом аэролета. Расчищенное Невилом место располагалось в дальнем конце поля, но под самим кораблем бегали десятки людей и еще

[7] Примечания: 7

Зд.: участник распределенной сети передачи информации, например раздачи торрентов.

больше стай. Возглавляли толпу группки младших Детей, самовольно покинувшие занятия в Академии. Цвета флажков и одежд выбрали яркие, веселые, как если бы толпа готовилась встретить своих товарищей, вернувшихся из дальней экспедиции.

Внезапно двигатели аэролета загудели громче и пол рубки под ногами Равны содрогнулся. Прямо в носовом окне она видела цветочки вереска, примятые воздушным потоком. Корабль завис над полем, но двигатели продолжали гудеть. Интересно, с какой скоростью пилот стравливает газ? Они плавали над вереском, как пучок чертополоховых семян.

Затем двигатели отключились. Аэролет шмякнулся в полевые травы, и Равна услышала легкий хруст.

Люди и Когти закрепляли швартовочные канаты. Из рубки их было прекрасно видно, она узнавала лица. Сотрудники городских лабораторий Щепетильника.

Магнат, нервно дергаясь, наблюдал за их работой.

Зек ретранслировал какие-то аккорды стайной речи — надо полагать, от кружившего над полем Проныры, но Магната явно больше заинтересо-

вало происходящее снаружи и то, что он слышал через переговорные устройства от команды своего собственного корабля. Он сверзился с тронов и побежал мимо Равны с Джефри к спиральной лестнице, бросая лающие приказы во все стороны. Равна плохо понимала их.

Джефри что-то из сказанного стаей искренне поразило.

— Ух ты! Думаю, Магнат хочет, чтобы мы сопровождали его.

Зек слез со своего насеста и чуть не уронил плащ. Ритль подбежала к нему и издала ободряющее ворчание. Зек вроде бы не слишком перепугался; он поправил плащ и затрусил к Равне с Джефри. Когда он заговорил, это оказался Проныра:

— Ах, людишки, что ж мне с вами делать? Господин Магнат говорит, что взять вас наружу безопасно, что ваше появление дезориентирует приспешников Древорезчицы.

Стая с ружьями просунула две морды в люк, ведущий на лестницу, и повертела одной из них в сторону Зека, явно поторапливая его. Зек пошел было к лестнице, но вид у него был такой, словно данные синглету приказы исключали друг друга. В конце концов он остановился и напоследок

выдал дружеский совет Проныры:

— Искренне надеюсь, что господин мой Магнат прав насчет вас, но помните, что я слежу за вами сверху. Если от вас будут какие-то неприятности, я воспользуюсь Амдиранифани, чтобы вас утихомирить.

После этого он пролез на лестницу следом за охранником.

Глава 39

В тот день Йоханна Ольсндот нашла себе настоящих друзей. Чудесная неожиданность, которой она была обязана жизнью, что другом оказывался практически каждый встречный. Через десять минут после атаки на пирс она очутилась в квартире Ларсндотов на верхнем этаже портняжной лавки на Узкой улице. Бен Ларсндот подобрал Йоханну, когда она пробиралась по боковым проулкам неподалеку от пристани.

— Я стоял впереди. Я видел, как ты выныриваешь из-под штормовых мостков, а потом мир взорвался.

Он поддерживал ее.

— Это что же, тропические имбецилы привезли с собой бомбу?

— Нет. — Она поняла, что едва шепчет слова, которые следовало бы выкрикнуть во весь голос. — Это была… лазерная пушка.

Не важно. Бен застыл как вкопанный:

— Черт побери, даже Невил на такое не пойдет!

— Но ведь пошел, — сказала она.

«История жизни Невила Сторхерта в кратком изложении».

После этого Бен в основном помалкивал, но девушка чувствовала, что он до крайности разъярен. Когда они добрались до квартиры, он остался только сообщить жене о случившемся и сразу же затем вернулся на пирс. Венда искусала губы, слушая рассказ, но отпустила мужа.

— Бен рвется им помочь, — сказала она, переведя взгляд на Йоханну, — а из нас двоих у меня мозги лучше работают, когда речь о политике.

Йоханна без сил растянулась на кушетке под замечательно теплым одеялом. Она с трудом различала силуэты Венды Младшенькой и Сики, сновавших вокруг. Девочки не испугались, но внезапный переполох в доме их насторожил.

— Трезвость политического мышления — то, что мне нужно. Я хочу понять, что тут творится, желательно без лишних жертв.

Венда снабдила ее чистой одеждой, теплой и удобной для неприметной пешей прогулки. За следующие два часа Йоханна узнала, на что в действительности способна семья портных. Ларсндоты за эти годы совсем обжились на Южной Окраине и знали там каждую улочку и каждый лаз. Их паранойя достигла промежуточ-

ной стадии: телефоном они не пользовались, но о шпионской автоматике не слишком переживали. Дети, в особенности Младшенькая, хорошо выучили повадки Отрицателей и не раз водили Йоханну кружным путем, убегая от ищеек.

— Мы каждый день в такие прятки играем, — сказала Венда Старшая. — Тут, на Южной Окраине, Отрицателей не слишком привечают. С тех пор как ты пропала, а Равну похитили, все пошло наперекосяк…

Йоханна все еще подволакивала ногу, но и трех конечностей ей вполне хватало.

— Джефри. Что с ним и Амди?

Венда Старшая отвернулась:

— Они оба исчезли в ту самую ночь, когда похитили Равну. Мы… мы о них ничего не знаем, Йо. Ты помнишь, что у них были делишки с Невилом и Ганноном Ёркенрудом. И Ганнон тоже как в воду канул.

Они крались в глубокой тени по узкой улочке между домиками стайного стиля. Их выстроили недавно, после прибытия людей; собственно, почти всю Южную Окраину застраивали уже после высадки Детей на эту планету. Архитектура, впрочем, отвечала средневековым вкусам. Из теней выскользнула стая, за ней еще одна и

еще несколько. Йоханна узнала Бэнки впереди и Негодника чуть сзади.

Йо растерялась.

Бэнки был едва ли не ближайшим доверенным лицом Древорезчицы, но…

— Эй, но ведь Негодник…

Венда кивнула и сделала знак, чтоб Йо не задерживалась.

Густой человеческий голос Негодника догнал ее:

— Грхх, да. Теперь, когда Винтозуб исчез, я у Шкуродера первый мальчик на побегушках и оруженосец.

Младшенькая и Сика, не сговариваясь, тихо захихикали. Младшенькая скользнула вперед, к Бэнки. Сика оттянулась назад и пошла вместе с четверкой Негодника. Они несколько раз круто свернули, миновали рынок у Переправы и стали спускаться по склону холма. Вокруг слабо повонивало. Сика попросилась к маме на руки.

Крытые дранкой лачужки сменились каменными постройками высотой два-три этажа. То там, то сям им попадались стаи, но Йо не заметила ни одного человека. Вообще-то, и на рынке было почти пусто, если судить по звукам. Неудивительно.

Еще один поворот — и открылся вид из улочки на паромные доки, которые поднимались из воды от силы метра на два. Протока тонкой серебряной полосой пересекала поле зрения. Обычно у Переправы дежурили один-два парома, еще один в Протоках и еще парочка со стороны материка. Сегодня со стороны Тайного Острова у Протоки не было ни души. Йо поглядела через водную гладь на Скальную Гавань, до которой оставалась пара километров. Там она насчитала все пять паромов.

Бэнки подошел к ней одним элементом:

— Все ваши туда уехали. Многие поперлись на Холм Звездолета слушать, как Невил принесет нам желанный мир.

Бэнки в совершенстве владел самношком, и каждое его слово источало едкий сарказм.

— Но если мы сумеем тебя туда доставить, может, ты что-то противопоставишь его брехне. — Это был Негодник, скучивший себя возле Ларсндотов по левую руку Йоханны.

Йо посмотрела на него:

— Шкуродер и Древорезчица теперь *союзники*?

Бэнки кивнул, но как-то подозрительно:

— Теоретически.

Негодник пылко запротестовал:

— О, разумеется, мы союзники! И были таковыми всегда, пускай даже твоя королева Древорезчица нам не доверяла.

Бэнки фыркнул:

— А с Магнатом и Пронырой кто снюхивался?

— Мы водили их за носы, — с достоинством ответил Негодник. — А где был бы ты, дражайший Бэнки, если б мы не сливали королеве инсайдерскую инфу?

«Ох уж эта преславная двуличность Шкуродера и его прихвостней!» Йоханна внимательно оглядела Бэнки:

— А когда Древорезчица рискнула довериться Шкуродеру?

Бэнки повертел головами, изображая аналог человеческого пожатия плечами:

— Э-э, Древорезчица всегда была более или менее легка на лапу с этим своим злополучным отпрыском, и как бы это не довело ее до беды. Я бы воспротивился их альянсу, но… — он покосился на Негодника, — нас и вправду загнали в угол. — Теперь все элементы смотрели на Йоханну. — В любом случае я не вижу, как бы можно было безопасно перевезти тебя через Протоки.

— Ага.

Если Йоханне так и не удастся перебраться

на материк и подняться на Холм Звездолета, открытую конфронтацию придется отложить на какой-нибудь другой день. К тому времени плохие парни как раз натешатся победой.

Она оглянулась на доки у Переправы. Там лодки… Если взять какую-то из них, можно будет переплыть Протоку в слепой зоне лазпушки. Переправа не просматривалась со звездолета и тем неизменно беспокоила Равну Бергсндот.

Негодник поймал ее взгляд:

— Йоханна, даже не воображай этот путь безопасным.

— И что?

Она, впрочем, понимала, что он имеет в виду. Негодник продолжил:

— Есть другие способы убийства, кроме лазера. Супероптика «Внеполосного-II» им, собственно, ни к чему. Невил наверняка знает, что ты на Тайном Острове. Естественно предположить, что ты поплывешь на материк. Там километр с лишним открытого моря. Мы можем, конечно, запихнуть тебя в бочку, но он заметит лодку и схватит нас, едва мы причалим.

Йоханна смерила стаю взглядом. Даже у лакеев Шкуродера вырабатывалась свойственная их повелителю привычка раздражать всех собе-

седников. На восточном берегу Тайного Острова было полным-полно маленьких пристаней, но ни одна не была укрыта лучше этой. Альтернатива? Можно пересечь город, отплыть с западного берега и подобраться к Холму со стороны северных островов. Тридцать километров, два дня пути.

— Ты знаешь маршрут получше?

Негодник принял позу, соответствующую ехидной улыбке.

— А, ну да. Конечно знаешь.

Негодник аж расцвел:

— О да. Мой господин Шкуродер эти десять лет лапы не сосал. Древорезчица так задолбала его этими необъявленными домашними арестами, что настоятельно потребовалось принять меры. Как мы обошли эти ограничения? Ну, прорыли несколько туннелей. — Негодник наставил морду в сторону парома. — Я могу провести тебя там, прямо под Протокой.

Венда Ларсндот присвистнула:

— Ах, вот откуда у нас столько дешевых подделок, — заметила она.

Йоханна покосилась на Бэнки:

— Древорезчице было известно об этих туннелях?

— Нет… до самых недавних пор. Когда Равну

похитили, а вы со Странником пропали без вести, Шкуродер открылся ей.

Негодник кивнул:

— Он сделал это, чтобы наконец завоевать доверие Древорезчицы.

— И спасти свои шеи от топора, — добавил Бэнки. Он повел лапой в сторону Протоки по зигзагообразному пути вверх. — Понимаешь, там ведь не только туннель под дном Протоки, хотя, уверен, его прокладка и потребовала основной работы. Шкуродер прорыл еще один ход, под скалами, прямо к новозамковым складам… Мы должны были догадаться. Слишком часто Шкуродер исчезал из виду.

— Да.

Значит, туннели на материке были только частью замысла Шкуродера. Да уж, парень хитер именно так, как Древорезчица всегда утверждала.

— Теперь же мы вынуждены доверять друг другу, — закончил Негодник. — Я могу провести тебя наверх, в Новозамок. Если хочешь, выведем тебя прямо на сцену. Завалишься к Невилу на гала-концерт.

— И что, Шкуродер на это согласен?

— Гмм, ну, сегодня утром он получил первые

вести о том, что тебя видели внизу. Я… немного опережаю события, но мы не узнаем больше, не забравшись туда, разве нет?

У Бэнки был мрачный вид, но он отмалчивался. Йоханна посмотрела на Венду; женщина пожала плечами:

— Это Тайный Остров, Йо. Шкуродер вел себя как добропорядочный землевладелец. Последние его чудовища уже несколько лет как издохли.

Йо никогда особо не доверяла Шкуродеру, но…

— Ладно. Отведи меня в Новозамок.

По крайней мере, там сразу станет ясно, что делать.

Йо оставила Ларсндотов на Переправе. Младшенькая страшно оскорбилась, что ее не берут, но Венде Старшей удалось унять девчонку. Оставался Бэнки.

— Я с вами.

Но какой от Бэнки толк, если все пойдет не так, в особенности если Негодник попадет в ловушку?

— Ты останешься здесь и в случае чего расскажешь правду, — сказала Йоханна.

— Я пойду с вами. Если… *когда* мы заберемся на Холм Звездолета, я сообщу королеве.

Он поглядел на Негодника.

Новоявленный порученец Шкуродера ощерил-

ся в дружелюбной ухмылке:

— Я не против.

Венда Старшая увела своих дочерей по улочке, и, когда они скрылись из виду, Негодник повел Йоханну с Бэнки по извилистой дорожке за кучами мусора вниз, где постройки походили уже не на дома, а на сараи-развалюхи. В одной развалюхе обнаружилась тщательно замаскированная дверь, а за ней — крутая лестница. Внизу было темно, хоть глаз выколи.

— Держись покрепче, Йоханна, эта лестница не для двуногих.

— Да я поняла, — сказала Йоханна, ощупывая камни над головой. В постройках когтевой архитектуры доверять потолкам было опасно. — Мы что, пойдем без света?

— А, тебе нужен свет? — спросил Негодник. — У меня есть.

Впереди вспыхнул огонек, осветив пару элементов. Негодник не стал разворачиваться, но поставил лампу на землю и двинулся дальше.

— Спасибо. — Йоханна полезла за лампой и подняла ее. Идти стало легче, хотя в основном она видела только огузок заднего элемента Негодника.

Они шли уже несколько минут: вполне доста-

точно, чтобы согнутая в три погибели спина стала вторить своим нытьем ноющим ногам. Негодник весело докладывал с передовой, что слышит над собой плеск воды. Он источал полнейшую уверенность в том, что в туннеле нет засады.

— Вся дорога на ту сторону свободно прослушивается!

Когда они подходили к лестнице, ведущей к выходу, Бэнки уже освоился и забрасывал Негодника вопросами насчет приемов прокладки и водозащиты туннеля, использованных Шкуродером и его командой. У Йоханны уже все болело так, что она почти не слушала разговор.

— Тадам-тадам! — раздался голос Негодника. — Передний мой элемент достиг того берега. — Еще несколько ступеней и… Видишь? Тут можно стоять в полный рост.

Благодарение Силам! Йоханна выпрямилась и раскинула руки, ощупывая воздух.

— А теперь еще предстоит маленькое восхождение по нашей замечательной лесенке.

Высота «лесенки» была больше пятисот метров, и она причудливо петляла, следуя естественно возникшим дренажным полостям. Некоторые пролеты на тридцать — сорок метров были залиты хлеставшими из боковых желобов, как

водопады, канализационными стоками. Здесь Йоханна чувствовала себя лучше, чем большинство Когтей. Бэнки и Негоднику приходилось помогать старшим элементам, и очень скоро оба засопели и запыхтели.

Подъем занял почти час, и это время Йоханна употребила с пользой, слушая рассказ о событиях, случившихся в ее отсутствие. Информация была тем ценнее, что сообщали ее два высших доверенных сотрудника Древорезчицы и Шкуродера.

— Древорезчица и Невил больше десятидневки балансировали на грани гражданской войны, — сказал Бэнки, тяжело дышавший всеми элементами. — Твой флот заметили, когда вы проплывали мимо старой столицы. Пошли разные слухи.

— Тропические просто везли товары на продажу.

— Это и Невил заявляет… официально. А неофициально Отрицатели задавали один простой вопрос: «Что, если там оружие?» Они утверждают, что Магнат подтянул наш мир лишь до нижнего уровня приемлемой технологии, но, если откажемся договариваться с ним, нас просто сметут числом.

— Это Проныра, а не Магнат! Я видела Проныру

там, на юге. Мы со Странником годами искали Магната и не находили. Я считала, что Проныра и его тоже выдумал, как и все остальное.

— Да, — согласился Бэнки.

— Но кто-то же совершил технологическое чудо в тропиках, — заметил Негодник. — Ты и вправду уверена, что это Проныра? Мой господин так не думает.

— А Шкуродер встречался с Магнатом лично?

— Э-мм, нет. — Негодника несколько смутила мысль, что его господин, Великий Всеизменщик, может быть не вполне в курсе событий. — Он, впрочем, должен ждать нас наверху. Ты сама у него спроси.

Лестница выходила на склад, где уже стоял запряженный четырьмя керхогами экипаж. Внутри сидел Шкуродер-Тиратект в роскошных одеяниях.

Тачку увечного элемента позолотили.

Йоханна вскарабкалась в экипаж. Негодник запер дверь и побежал осмотреть керхогов. Йо наклонилась к открытому окну кареты и помахала рукой Бэнки. Тот распластался на животах, отдыхая после утомительного подъема. Вяло вильнув хвостами в ответ, Бэнки с трудом встал.

— Я скажу Древорезчице, что ты здесь, — сказал

он и поплелся прочь из виду Йоханны.

Шкуродер высунул голову в окно, наблюдая за отбытием Бэнки.

— Не могу передать, — сказала стая желчно, — как меня нервирует сознание того, что посторонние, и в их числе лучший секретный агент Древорезчицы, шастают в моих туннелях. Во имя небес, я столько лет положил, чтобы прорыть их втайне от ее недремлющего ока! Ну и хрен с ними!

Шкуродер зашторил окно. Все элементы уселись на свои места, карета тронулась. Йоханна услышала разноголосое ворчание снаружи, потом тяжелые двери склада открылись. Карета осветилась: в крыше и на стенах имелись специальные дефлекторы, отражавшие внутрь дневной свет. Шкуродер продолжил уже мягче:

— Можем теперь поговорить, но очень тихо. Проныра доверяет мне не больше Древорезчицы. Если они с Невилом тебя найдут, я ничего не смогу сделать для твоего спасения. Хмм. Да ведь я и себя-то не смогу спасти. О! Я скажу, что ты меня взяла в заложники.

Йоханна с трудом подавила смешок:

— Нет, Шкуродер, не прокатит. Даже у тебя. Слушай, меня Бэнки с Негодником уже ввели в

курс дел. Я знаю про большое собрание сегодня днем. У тебя такой крутой прикид, ты, наверное, почетный гость? Мне только и надо от тебя, чтобы ты меня подвез к месту, откуда я могла бы вылезти на сцену. И чтобы меня при этом не заметили агенты внутреннего круга Невила. Так-то Отрицатели, в общем, неплохие ребята, многие из них мои друзья… были. На глазах у всех Невил не посмеет меня убить. Я смогу наконец сказать правду.

Головы Шкуродера закачались, он тихо захихикал:

— Скажешь правду, которую невозможно будет *отрицать*?

— Угу.

Карету затрясло, они проезжали участок плохо выложенной брусчатки. Наверное, граница города; может, даже граница Лугов Смерти. Поездка обещала быть недолгой.

— Я смогу это сделать, Йоханна, но у нас проблема. Магнат будет на сцене.

— А, так он существует? Надо же! И что с того?

Шкуродер сделал Йоханне знак перейти на шепот:

— Видишь ли, если даже Невил не посмеет тебя… то Магнат… короче, я боюсь, что он растер-

зает тебя сей же миг, как поймет, кто ты.

– *Что?!* Ой, прости. — Она зашептала дальше: — Но даже Проныра не такой идиот.

Вокруг зазвучало множество голосов; ворчали и булькали стаи, говорили и кричали люди. Шкуродер поднял голову жестом, каким человек поднимает перед лицом руку, давая понять, что ждет момента ответить. Кто-то наверху и снаружи — Негодник на скамье возницы? — спорил о чем-то. О том, как далеко может четверка керхогов заехать под чем-то или кем-то. *Под сценой?*

Экипаж повернул и медленно поехал вверх по наклонному подъему. Все головы Шкуродера наклонились к Йоханне, голос его стал мягким и акустически сфокусированным.

— Ты права. Проныра не был бы так глуп. — Он снова остановился, послушал гомон, долетавший сверху. — Но мы кое-чего не знали о Магнате. Он брат Грамотея Джакерамафана.

Йоханна сперва не поняла его. Заявление Шкуродера странным образом связало абсолютно разнородные фрагменты ее жизни. Грамотей?.. Она знала, что у того был брат по расщеплении стаи. Братья рассорились. Грамотей поведал ей эту историю в последнюю ночь, когда она видела его живым. Когда она накричала на добросердеч-

ного бедолагу и чуть не избила его.

Она несколько раз открыла и закрыла рот, и нужды волноваться, что ее подслушают, не было. Она и звука не могла проронить. Наконец пролепетала:

— Но… но…

Шкуродер заговорил опять, и, хотя голос его легче крыла бабочки касался ее слуха, смысл слов бил по девушке, как тяжеленный молот.

— Если честно, я и сам не знал, пока Магнат не отправился сюда. Проныра прилагал все усилия, чтобы не подпускать меня к Магнату. Я знаю, однако, что Магнат и вправду такой гений, каким мы его представляли. Он превратил тропики в место бесконечных сюрпризов и дал Проныре в лапы рычаг, которым можно перевернуть мир.

Йоханна вспоминала. Грамотей сказал, что его брат был прожженным дельцом. Что же изменилось? Почему Магнат хочет ее убить?

— Почему?.. — Она сказала это так тихо, что и сама едва себя услышала. Но Шкуродер, разумеется, услышал и, более того, понял, что она имеет в виду.

— А как ты думаешь? Проныра наврал ему, что это *ты* убила Грамотея. Проныра все это придумал. Должен признать, хитростью он превзошел

меня. И должен был, поскольку других талантов за ним не водится. Он построил свой план на использовании Магната и натаскал его ненавидеть людей вообще и тебя в особенности.

Казалось, что Шкуродер восхищен. Ну что ж, у него были поводы умилиться совершенству замысла Проныры.

Карета остановилась, подалась еще на пару сантиметров вперед, замерла снова. Йоханна слышала скрежет когтей Негодника, спускавшегося по лесенке со скамьи возницы. По двери нестройно застучали. Шкуродер открыл, один элемент Негодника заглянул внутрь:

— Вот и мы, начальник, прямо под сценой. В самом центре всего Невилова клубка секретов.

Шкуродер уже выбирался из кареты.

— Можешь быть уверена, что, если Проныра еще при делах, все пойдет не так легко. С одним Невилом мы бы запросто сладили, он в нашем первобытном злодействе еще новичок.

Все его элементы сгрудились вокруг тачки и помогали калеке.

Белоухий тревожно поглядывал на Йоханну, но, как обычно, ничего не говорил.

— Я должен подниматься на сцену, — сказал Шкуродер. — Из этого гаражика, специально

для меня устроенного, оно будет попроще. Ты ж понимаешь, я инвалид… Я оставлю с тобой Негодника. Если ты не крикнешь или не заплачешь, все будет в порядке.

Шкуродер повел мордой, призывая Йоханну вылезать.

Через проломы в досках лился солнечный свет, пахло свежесрубленным деревом. Где-то посередине вересковой пустоши, в Лугах Смерти. Дополнительные опорные балки перекрещивались вокруг кареты и над ней. Шкуродер стоял рядом, поворачивая тачку Белоухого на дорожку, уходившую наружу, в сумрак.

— Йоханна, слышишь рокот? — спросил он.

Она слышала. Зазвучали стайные фанфары.

— Только что приземлился чей-то аэролет, — продолжал Шкуродер, — они будут на сцене через минуту, и я опаздываю их встретить, ай-яй-яй. — Медленные элементы стаи шли впереди. — Если это Магнат, там наверху твоя личная погибель. Осталась бы ты здесь, тут хоть безопасно…

— Если я отважусь рискнуть, как можно подняться отсюда на сцену?

— Ох-ох… — Головы Шкуродера завертелись. Он что-то искал в падавших сверху полосках света. — Негодник?

Порученец задрал пару голов, изучая перекрытия:

— Так. Сооружать эту хрень позволили нам. Сцена очень скверно выстроена, тут полным-полно щелей. Вон там, — Негодник указал в место стыка балок, — оно, может, так и не выглядит, но оттуда легко забраться, — поводил лапой вверх-вниз, — прямо к панели в самом центре главной платформы. И выбить ее.

Шкуродер принял позу, которая у людей соответствовала многозначительной ухмылке и жутко бесила Древорезчицу на Совете.

— Твой выход на сцену произведет неописуемый драматический эффект, — заметил он. — К сожалению, недолгий, особенно если рядом окажется Магнат. Ах, я бы хотел это увидеть… — Он замолчал и сжался. В буквальном смысле слова: ушедшие дальше остальных по дорожке наружу элементы остановились и откатили тачку обратно к задержавшимся частям. — Кхм, а если серьезно, Йоханна, я умоляю тебя не вылезать на сцену, пока вы с Негодником не услышите, что там безопасно. Даже если там всего лишь Невил, подумай дважды. Меня как-то раз заманили выступить на публике, в амфитеатре на Длинных Озерах. Видишь, что со мной стало?

Йоханна опустила взгляд:

— Да, вижу.

Вообще-то, совет Шкуродера был вполне уместен, если отбросить его старые маньяческие наклонности.

— Отлично, тогда я лучше пойду.

Он подхватился с места. Вскоре пятерка исчезла в сумраке.

Остальные элементы Негодника подошли к лесенке экипажа.

— Вблизи никого. Если хочешь, спускайся из кареты, но будь готова заскочить внутрь по первому моему аккорду.

Йоханна спустилась по маленьким ступеням и тут же утонула по щиколотки во влажной дернистой грязи. Гараж был заколочен, но там и сям сквозь щели в досках пробивался солнечный свет, и она различала увядшие, притоптанные весенние цветы.

Луга Смерти. «Кажется, я обречена попадать сюда всякий раз, как дела идут по-настоящему скверно».

— Значит, здесь Магнат. О Стая Стай, звук такой, словно его там восемь элементов, и все здоровенные! — Негодник сновал вокруг кареты, вглядываясь и вслушиваясь. Один элемент

держался ближе к Йоханне. Девушка подошла к лесенке, которая вела к указанной порученцем раньше межбалочной панели.

Йоханна задумчиво поглядела во мрак, перевела взгляд на залитые солнцем дыры наверху:

— Что он говорит, Негодник?

— Это пока еще Невил. Какой же от него шум… *Мир, процветание, наши новые друзья, конец ужасным атакам*… бла-бла-бла.

— Негодник, ну он же так может часами трындеть.

— Ага, но сегодня это было бы крайне глупо. Зрители совсем не такие тихие, как обычно. — Он махнул мордой в сторону невидимого поля. — А один вообще не затыкается.

— Я, — сказала Йоханна.

— Не-а. У восьмерки, которая должна, по идее, быть Магнатом, такой вид, точно у него блохи под хвостом. — Негодник помедлил, и, оглянувшись, Йоханна заметила, как его элементы смещаются, выгибают головы и шеи, уточняя ультразвуковую картину происходящего наверху.

— Там что-то странное, — доложил Негодник. — Похоже, что Магнат привез с собой людей. Звук как от Равны и Джефри.

Йоханна проглотила крик:

— Что? Значит, он безопасен!

— Если они не его пленники.

— Там же Древорезчица со Шкуродером.

— Да. — Негодник указал во мрак, в том направлении, куда убыл несколькими минутами раньше Шкуродер. Налево от сцены, если Йоханна правильно себе все представляет. — Но они не ожидали встретить Равну. Звук такой, словно у Магната при себе пара стай. Охрана. И готов поклясться, они вооружены.

Мгновением позже сверху раздался крик — вроде бы человеческого ребенка. Негодник от неожиданности отскочил:

— Гррх! Это Магнат. Собирается толкать речь.

Сверху донеслось тяжелое буханье. В другой ситуации Йоханна бы засмеялась. Вряд ли Невила когда-нибудь так бесцеремонно перебивали на публике.

Голос маленькой девочки звучал громко, но слов Йоханна разобрать по-прежнему не могла. Тон был испуганный, потерянный… гневный? Негодник сгреб ее зубами за рукав и оттянул к экипажу.

— Что там? — спросила Йоханна. — Что говорит Магнат?

— Он говорит о мире, но не слишком им до-

волен. Дело не в этом, Йоханна. Я слышу, как за сценой возятся. Люди и стаи.

— От Древорезчицы?

— Нет, это Отрицатели и Когти-бедняки, которых нанимает Невил. У нас пара минут, не больше. Надо тебе убираться.

Пока он говорил, остальные элементы вернулись с подслушивательных постов и сгрудились вокруг Йоханны, мягко подталкивая и подтягивая ее к экипажу. Девушка сопротивлялась. Негодник отступил и нерешительно помотал мордами:

— Вот те на! Начальник знал, что так будет. Не видишь? Он приготовил тебе проход.

«И что дальше?» Йо снова взглянула вверх. Ей был виден конец пути, указанного Негодником. Импровизированная лестница утыкалась в тонкую, слабо закрепленную панель. Там наверху *брат Грамотея*. В ранние годы она часто думала об этом безымянном брате, размышляла, дошли до него вести о Грамотее или эта отчужденная стая вообще никак не интересуется судьбой родича. Если Шкуродер прав, Магнат очень, очень сильно интересовался судьбой брата. Проныра поймал его на этот крючок и перевернул все вверх тормашками за какое-то десятилетие. Проныра убил Грамотея и ухитрился воспользо-

ваться этим для чудовищного заговора. Йоханна почувствовала, как слепящая, всесокрушающая ярость поднимается изнутри. Примерно в таком же гневе она была, узнав, что Проныра избежал казни и даже тюремного заключения. «Этого нельзя так оставлять».

— Негодник, спрячься где-нибудь.

— Без проблем. Давай! — сказал Негодник и прибавил, глядя, как она лезет по балкам: — Вот те на!

Девушка глянула вниз, увидела, как стая сгрудилась у основания лестницы, одним элементом следя за ней, а остальными вглядываясь или вслушиваясь во что-то позади. Теперь трое подняли морды и покрутили ими в знак прощания, не осмеливаясь ничего сказать. Потом элемент, дежуривший у лестницы, спрыгнул на землю, и вся стая куда-то убежала.

Наверху продолжала вопить маленькая перепуганная девочка. Йо не слушала ее, поняв, что отчаяние в голосе лишь кажущееся.

Что ни говори, Магнат заслуживает знать, как близко подобрался его брат к истинному величию и как его невыносимое добросердечие его же и погубило. Йоханна вылезла на самый верх, цепляясь за балки, подтянулась к панели и ткну-

лась в нее рукой. Панель держалась на соплях, человек легко проломил бы ее одним ударом.

Йоханна мгновение повисела под панелью, дав гневу разгуляться. В ее голове зазвучал голос, но то не был голос здравого смысла и осторожности: его она уже давно заткнула толстым кляпом.

Дрянная Сумасбродка с Холма Звездолета готовилась выйти из-за кулис.

Глава 40

Равна вылезла из аэролета и постояла немного в мокром вереске. Аэролет просел в грунт сантиметров на тридцать, главная часть корпуса оказалась в нескольких сантиметрах над головой женщины. Она стояли в тени, вдалеке от взглядов собравшихся. И даже здесь дневной свет был удивительно ярок, знаком, чудесен.

Охранник пихнул их следом за Зеком и Магнатом. Равна сделала пару шагов, инстинктивно пригибаясь, точно наверху все еще нависали низкие потолки. Выйдя на дневной свет, она споткнулась, ослепленная, и упала бы, если б Джефри не придерживал ее за талию. Вместе они проковыляли еще несколько шагов, потом встали и распрямились, наслаждаясь полузабытым ощущением.

Ветер рвал в клочья приветственные выкрики; Равна обернулась. Экипаж аэролета держался на расстоянии, метрах в тридцати начиналась толпа зрителей. Между Равной и собравшимися шествовала свита Магната. Дети и Лучшие Друзья скандировали приветствия, и до Равны с опозда-

нием дошло, что они обращены к ней и Джефри.

Она помахала им рукой — и тут же стая охраны наступила пленникам на ноги, подталкивая к Магнату. Шли они медленно, отчасти потому, что Равна себя все еще неуверенно чувствовала, отчасти оттого, что в промокшем вересковом дерне легко было увязнуть и споткнуться.

Дети не выбежали их встретить, но остались за низкими баррикадами. Несколько других, постарше — *люди Невила*, — сдерживали самых задорных. Только для безопасности публичного мероприятия, конечно же. Как все изменилось с момента ее похищения!

Свита Магната обогнула аэролет с носа и величественно направилась к заготовленной для них сцене. Равна и Джефри ковыляли следом, и голос Невила был им слышен даже на таком расстоянии, в чем Сторхерту, несомненно, помогал «Внеполосный-II».

— …и утренняя атака не должна омрачить радость от долгожданной встречи… мирного соглашения рукой подать…

Но слова эти предназначались толпе, и остаток фразы развеял ветер.

Невил стоял за высокой кафедрой в одном из углов сцены. Трое человек и две стаи, одна в ко-

ронах, сопровождали его. Вниз по склону, чуть за сценой, посверкивала радуга — Равна видела корпус «Внеполосного-II». Невил расположил сцену таким образом, чтобы все участники собрания оказались под прицелом лазпушки звездолета. Как системный администратор, Невил полагал себя способным убить всех, кого захочет, Когтей или людей. Он с легкостью выжег бы вересковую пустошь в пепел, пожелай того. А так ли это на самом деле? «Лучше я буду считать его именно таким чудовищем».

В любом случае все, кто хорошо знал Невила, наверняка понимали смысл угрозы.

«Но я, наверное, вне опасности», — подумала Равна. «Внеполосный-II» был достаточно умен, чтобы узнать человека в лицо. Невил расположил сцену в поле обзора корабельных камер и тем гарантировал, что «Внеполосный-II» ее увидит. *И узнает?* Она склонила голову к Джефри, дав ему знак держаться поблизости, потом поглядела на корабль и тихо сказала:

— Корабль, если ты меня слышишь, зажги милливатт красного света.

Даже Джефри ее вряд ли услышал: слова уносил свежий бриз. Они пошли дальше. Равна украдкой поглядывала на звездолет. Красной искорки не

было. Ну что ж, это еще ничего не значит.

Магнат миновал толпу. Охранники Невила расчистили ему дорогу, прогнав людей и стаи прочь от Магната с Зеком и Ритль. *Ритль?* Синглетка шествовала так важно, словно была центральной персоной делегации.

Магнат шел мимо баррикад, и некоторые Дети помладше напирали на них, проталкиваясь мимо охраны и старших ребят, которые тщетно пытались их задержать. Магнат немного отступил от заграждений, попятился, но тут же двинулся дальше, не выказывая опасений, хотя ему это явно было нелегко. Похоже, он принял крики толпы за приветствия в свой адрес. Ну что ж, в цирковом дебюте он бы не растерялся.

Зек подотстал и обратился к Равне с Джефри голосом Проныры:

— Помните, помните, я наверху, в небе.

«Да, Проныра и Амди в небе». Второй аэролет обогнул поле и пошел на следующий вираж.

Потом толпа увидела их с Джефри. Дети снова навалились на загородку, протягивая к ним обоим руки. Кто-то отшатывался, увидев ее лицо, другие пытались к ней прорваться. Она успела потрясти руки паре человек, и морды охранника снова ткнулись ей под колени.

Подойдя к сцене, она отметила кое-что новенькое. По одну сторону сидели Вильм, Пол Линден и другие противники Невила. По другую — те, кто после голосования избегал Равны. Человечество мира Когтей раскололось, назревала гражданская война. У этих был понурый, неуверенный вид, на Магната они старались не смотреть.

Но Равна смотрела им в лица, и кое-кто отводил взгляды.

— Что они с ней *сделали*? — спросил кто-то.

Равна пошла дальше, прикусив язык, чтобы не закричать раньше времени, и натянуто улыбаясь. Сегодня у нее во рту был незримый кляп.

Деревянные ступени вели на сцену — высокие, не для Когтей, а для людей. Невил явно подчеркивал человеческое превосходство: Магнату и его сопровождающим приходилось карабкаться по лестнице.

Потом Равна увидела, что лестница оканчивается промежуточной платформой, шагов на двенадцать у́же главной сцены. Там дежурили трое приближенных Невила. Били Ингвы, как ни странно, не было; впал в немилость, что ли? Тройка нервно попятилась, когда Магнат пошел на них. Равна услышала невежливое шипение. Зек и Ритль прошли следом, а за ними Равна и

Джефри.

Она смерила Невила тяжелым взглядом и заметила на нем уцелевшую тиару головного интерфейса — ниточку к «Внеполосному-II». На миг ее взгляд застыл на кристаллических фасетках дисплея, потом она принудила себя отвернуться.

Шкуродер уже сидел на сцене, вид у него был расслабленный и праздный. Он приветствовал Равну кивком — дружеским и двусмысленным. Справа от Шкуродера под балдахином звукопоглотителя восседала Древорезчица. Все ее головы смотрели на Джефри с Равной, в позе стаи чувствовались тревога и гнев. А вот и проклятый щенок, сидит на плечах элемента постарше. Но… между ног второго схоронился еще один, тихо выглядывает наружу. Королева стала восьмеркой!

Равна вышла на сцену и приблизилась к Магнату. Древорезчица слегка передвинулась на тронах, и Равна услышала ее шепот:

– *Что со Странником?*

Равна едва заметно покачала головой.

Над толпой раскатился голос Невила:

— Давайте все поприветствуем Магната, нашего дорогого гостя с Восточного побережья. Неразумная политика прошлого разобщила нас, но теперь появился шанс установить дружбу.

Мы объединимся против тех, кто навлек на нас бессмысленное насилие. Сегодня…

Невил молол языком в почти привычном для себя стиле. *Почти.* Невила, ясное дело, никто не похищал, ему не пришлось выживать в глуши, и все же молодой человек заметно спал с лица. Время, проведенное у штурвала власти, не пошло ему на пользу, и это было ясно еще до похищения Равны. С тех пор Невил явно не слишком преуспевал. «Что он там несет про утреннюю атаку?»

Невил продолжал говорить. В толпе под сценой, особенно в рядах оппозиции, заволновались, но никто не встал и не возразил ему открыто. Невил контролировал аудиторию так, как Равне и не мечталось.

— Соглашения, которые мы с Магнатом сегодня подпишем, позволят нам воссоединиться с отнятыми у нас, — он грациозно повел рукой в сторону Равны и Джефри, — и положат начало альянсу технологий во имя процветания.

С последней фразой Невил сошел с кафедры. Магнат был восьмерной стаей, и каждый элемент по меркам Когтей отличался массивным телосложением. Во всех позах стаи чувствовалась неумолимая решимость — Равна ничего подобного раньше не видела. Магнат, не слишком

разбирая дороги, устремился за кафедру, и от позора Невила спасло только то, что приближение стаи снизу просматривалось плохо.

Невил отключил звукоусилители и склонился к стае, будто желая вежливо поприветствовать ее. Джефри с Равной он протянул руки, а вслух сказал:

— Почему вы сочли необходимым их сюда привести?

— В доказательство моей доброй воли, — ответил Магнат.

— Лучше было бы вернуть Детей. — Еще один взгляд исподлобья на Равну. — От этой… от Равны одни проблемы.

Магнат покачал головами в ухмылке:

— Напротив, я нашел ее очень полезной.

Разинутый рот Невила захлопнулся со щелчком. Мгновение он стоял и ничего не выражающим взглядом смотрел на них. Если он с кем-то говорил, то Равна ничего не слышала.

Зек следовал за Магнатом, но теперь опасливо подкрался к восьмерке и мягко, успокаивающе заговорил с Невилом. Это был Проныра:

— Все хорошо. Сделка в силе. Мой коллега несколько забегает вперед, вы же понимаете.

Магнат оскалился и с размаху ударил Зека

лапой:

— Я не забегаю вперед, а ты за меня не говоришь.

После этого он пошел дальше, оттеснив Невила, сложился в пирамиду и вознесся над кафедрой. Теперь его видел каждый.

И даже без механических усилителей слова его громом раскатились над пустошью:

— Я Магнат!

Магнат, похоже, воспринял обещание не говорить на языке людей весьма своеобразно.

Голос, раскатившийся по лугам, принадлежал перепуганной маленькой девочке — Гери Латтербю — и был узнаваем, хотя мощь и самоуверенность личности Магната его исказили.

— Невил Сторхерт говорит, что мы все хотим мира. Он хочет мира. Я хочу мира. Если вы не подчинитесь, я пойду на вас войной!

Реакция аудитории заметно отличалась от реакции на улыбчивую чушь Невила. Поднялись крики. Женщина — Эльспа Латтербю — завопила:

— Гери? Гери! Верни ее, сука!

Магнат остался доволен их вниманием.

— Мы не сможем исправить все просчеты и злодейства, — продолжал он веско, — но обяза-

ны сделать все, что в наших силах. Иначе будет война.

Он что-то проворчал Зеку, и сей же миг аэролет Проныры зажужжал двигателями и рассек небосвод, зависнув совсем низко над западной стороной сцены. Невил наблюдал за продвижением корабля с изумленным выражением. Он опять с кем-то заговорил — с «Внеполосным-II»? С Пронырой? Но боевой лазер звездолета не стрелял.

Магнат дождался, пока крики стихнут, и сказал:

— Я верну вам отнятое — то, что еще можно вернуть. Мы принесем вам богатство и процветание, сейчас и в будущем. Мы развернем успешную торговлю. Взамен я требую доступа к «Внеполосному-II». И, что всего важнее, я требую выдачи человека, убившего половину моей стаи. Мне нужна Йоханна Ольсндот. Она нужна мне здесь, она нужна мне сейчас!

Головы Магната поворачивались во все стороны, челюсти щелкали. На сцене все впали в ступор от ужаса… кроме Шкуродера. Он припал к доскам, но головы поднял, весело помахивая и покачивая ими. Казалось, он наслаждается происходящим — катастрофы всегда вызывали в нем это постыдное чувство.

Невил рванулся к Магнату, на кафедру. Он и впрямь не ждал этого, потому что Равна впервые увидела на его лице растерянность. Он что-то прикидывал, отчаянно размышлял, как бы зацепиться за ускользающую власть. Когда Невил заговорил, голос его был напряженным и угрюмым.

— Друзья мои, мы знали об этом требовании уже несколько дней. И у Магната есть на то веские причины.

— Магнат похитил наших детей! — крикнули в толпе, но гул ветра перекрыл слова. Здесь у Невила не было корабельных аудиоконтроллеров, но ветер и открытый простор оказались почти столь же эффективны.

— Магнат в своем праве требовать выдачи преступницы, и не важно, как мы все — и я в том числе — ее любим. — Невил потупил глаза и, покраснев, приумолк.

Равна боковым зрением видела, как Джефри лихорадочно переводит глаза с Невила на аэролет, с аэролета на Невила. У всех есть пределы, и Джефри уже почти перешел свои.

В голосе Невила, когда его речь возобновилась, зазвучал надрыв, точно он сдерживал слезы.

— Мы с Йоханной были очень близки всю

жизнь. Пожалуй, я витал в облаках… но я любил ее и думал, что она меня любит, по-своему, насколько способна. Теперь же, располагая предъявленными Магнатом доказательствами и помня о ее собственных неосторожных словах… я понимаю, что горько ошибался в любви и доверии. Мне жаль. — Он сделал драматическую паузу и обернулся к Магнату. Поскольку стая все еще стояла пирамидой, ему пришлось задрать голову. Когда Невил продолжил, тон у него был спокойный, как у опытного государственного деятеля. — Почтеннейший Магнат, как бы ни были справедливы ваши претензии, я не имею возможности удовлетворить их. Йоханна Ольсндот пропала без вести несколько десятидневок назад.

— Ты лжешь! — зарычала восьмерка. — Отдай ее!

Невил так приглушил звук, что Равна едва слышала его.

— Ты сдурел? — зашипел он. — Пойми же, она мертва, я могу показать тебе труп. Просто…

Джефри бросился на него:

— Ты убил…

Но прежде чем он успел вцепиться в Сторхерта, подоспели дружки Невила и скрутили его. Маг-

нат развалил пирамиду и, с грохотом грянувшись на доски, зарычал на своего охранника. Стая шарахнулась прочь и перенацелила ружья так, чтобы не попасть в Джефри.

Джефри утащили вниз по лестнице. Вокруг Равны образовалась пустота, и туда вполз чей-то незнакомый шепот:

— Смотри на стену рядом со мной.

Равна вздернула голову. Древорезчица? Может быть. *Шкуродер!*

Магнат тоже поднял головы и скользнул по сцене, нацелив уши на Шкуродера с Древорезчицей. Слышал ли он Шкуродера?

А теперь послышался треск ломающихся досок. Часть стены выгнулась наружу на сантиметр. Опять треск, и снова, и снова. Магнат отскочил.

На сцену упала деревянная панель, а из дыры вылезла… Йоханна с иззубренной доской наперевес.

Она запыхалась, ее фиалковые глаза дико сверкали, и она была несомненно жива.

Девушка швырнула доску перед восьмеркой и раздельно сказала в нацеленные на нее морды:

— Привет. Я Йоханна Ольсндот.

Очутившись перед объектом своей ненависти, Магнат странно медлил. Он отступил, покру-

тился, словно виденные Равной на цирковых представлениях зрители. Или, скорее, как убийца, смакующий момент.

Йо упала на колени и склонила шею набок, имитируя подчинение синглета.

Челюсти защелкали по обе стороны ее глотки. Магнат распихивал собственных элементов, пробивая стоявшему позади дорогу к девушке. Двое схватили Йоханну за руки и поволокли направо, в свободный угол сцены.

— Прежде чем ты умрешь, мы поболтаем, — проскрежетал он.

— А… Но… — Невил рванулся было следом, но тут же замер, осознав, что, как бы ни хотелось ему начать стрельбу, контроль над событиями потерян окончательно.

Пока Йоханну тащили по доскам, королевские щенки метнулись вперед и толкнули Шкуродеру какой-то предмет. Два элемента Шкуродера бросили его Магнату. Рефлекторно или движимый интересом, но Магнат схватил предмет. Равна заметила, что это книга, отпечатанная по когтевому образцу задолго до прибытия Детей. Она либо была очень старой, либо побывала в огне. Страницы почернели и курчавились, и лишь металлические скрепы не давали книге

развалиться. Больше Равна ничего не увидела, поскольку Магнат сгреб книгу и мгновение стоял в полной неподвижности, после чего поволок Йоханну дальше.

Зек до этого молчал, нервно дергаясь из стороны в сторону, а теперь застыл на секунду, точно прислушиваясь. Потом издал отчаянное протестующее ворчание и побежал через сцену к Магнату. Секундой позже с места снялась Ритль.

Магнат замахнулся на нее, выпустив когти, и зашипел на Зека:

— Назад! Это моя месть.

И как бы ни хотелось Проныре подслушать последние слова Йо, бедный Зек бессилен был исполнить его волю. Оба синглета шарахнулись прочь.

Стычка Йоханны и ее будущего палача была хоть и коротка, но публична. Сцену заливал солнечный свет, и почти все зрители, не говоря уж про делегацию наверху, отчетливо видели, что происходит. Эйвин Верринг и братья Линдены прорвали оцепление и рванулись вверх по лестнице, увлекая за собой еще нескольких. Охранники Невила выполнили слаженный маневр и сбросили их вниз. Брат тут же помог Вильму подняться, и группа Линденов опять по-

шла на приступ, на сей раз с большим успехом. На промежуточной платформе завязался мордобой. Зрителей сковал ужас.

Невил тоже наблюдал за происходящим с ужасом и странным восторгом, не прекращая, однако, шептаться с… «Внеполосным-II»? Равна придвинулась к нему; по счастью, Невил не стал отключать внешний звук.

Подняв голову, он воззрился на аэролет Проныры и произнес громче, хоть все еще и на грани слышимости:

— Так что, это *худший вариант* или нет?

Глаза Невила забегали: он заметил крадущуюся к нему Равну.

Бандюков Невила отвлекали на лестнице; у нее появлялся шанс!

— Еще нет, — сказала она. — Скажи Проныре, что…

Невил пренебрежительно дернул уголком рта:

— Заткнись. У меня полномочия корабельного админа, помнишь? Я тебя сожгу, где стоишь.

Как знать. Равна волевым усилием не поправила его. По крайней мере, не так, чтобы он догадался.

— Сожжешь? Меня? — переспросила она. — У всех на виду? Ой, не думаю.

Невил оглянулся, но тут же сердито передернул плечами. Он явно искал какого-нибудь убийцу, чтоб ее уволокли со сцены, но, увы, все они защищали сцену. «Еще ближе, еще ближе… Сконцентрируйся на Невиле». Она отвернулась от кошмарного зрелища в противоположном углу сцены и двинулась на него.

— Не подходи! — прошипел Невил. Взгляд его метался от Магната к Равне и назад. Он ждал какого-то сигнала — все еще ждал? К счастью для Невила, толпа пока не могла его слышать, потому что за словами он уже не следил. — Ты, грязная сука, ты смешала все страумлианское с дерьмом! Даже дураков, которых ты обманула, блевать тянет от твоих проповедей. — Он мотнул головой в сторону Магната. — Если б ты не раскалывала нас, Детей, я бы и с этими варварами не договаривался! Теперь из-за тебя погибнет еще больше людей! Не подходи — или я спалю тебя на месте!

Йоханна на той стороне сцены встала на колени. Кровь запятнала ее рукава, у гортани щелкали четыре пары челюстей. Перед девушкой на досках валялась почерневшая опаленная книга. Два элемента Магната раскрыли ее, а третий читал текст. Классическая поза Когтей. Четвертый тыкал мордой в нужные места, остальные задавали

вопросы.

«Да о чем же эта книга?»

Йоханна вроде бы знала о чем. Склонив голову, она указала пальцем в манускрипт, перевернула хрупкую страницу и показала еще на какой-то фрагмент. Элементы, державшие книгу, уставились на девушку. Головы остальных закрыли лицо Йоханны.

Древорезчица и Шкуродер сорвались с тронов, но Магнат зашипел на них. Зек растерянно сновал по самой границе зоны обстрела, закутанный в радиоплащ, и, естественно, слышал еще меньше королевы со Шкуродером. Затем он отвернулся от Магната и побежал по сцене к Невилу и Равне. На бегу он вскрикивал, точно в него иголки втыкали, а добежав, грянулся у ног Невила.

— Я не слышу, что говорит Магнат, — сказал он. Это был Проныра, но голос его изменился до неузнаваемости, подскочил на несколько октав, точно говоривший корчился от боли. — *Ты* мне перескажи, что они говорят!

— Как? Я и близко не разберу.

Невил явно не знал, как пользоваться головным дисплеем для таких шпионских штучек.

Проныра это понял и заговорил потише, но в голосе его звучало безумие:

— Ты, животное Равна. Ты всегда была умней. Покажи Невилу, как это делается. Скажи мне, что они говорят. Останови их, или я убью Амди. По кускам. И ты увидишь.

Зек корчился от боли на досках сцены — маленький синглет, извергающий ужасные угрозы. Невил неуверенно отступил на шаг. Этого Равне и нужно было. Она в три шага догнала Невила и навалилась на него. Конечно, никакого вреда она ему не причинила, но опрокинула на сцену и заорала ему в лицо:

— Корабль! Перехват! Перехват!

Невил ударил ее кулаками в грудь, вышиб дыхание, и она отлетела прочь. Удар о доски был еще больнее. Она с трудом подняла взгляд. Невил наставил на нее палец и что-то забормотал себе под нос.

Ничего не случилось.

Невил снова ткнул в нее рукой.

И Равна опять осталась в живых. Все, чего добился Невил, так это обратил на нее внимание «Внеполосного-II». Она продышалась и выплюнула:

— Корабль! Удалить все права Невила! Удалить…

И с каждым следующим словом глаза Невила

распахивались все шире. Поняв, что его помножили на ноль, он неловко отшатнулся, повернулся и чухнул со сцены по боковой лестнице, пропав из виду Равны и «Внеполосного-II».

Она развернулась к Зеку. Ритль тыкалась в него носом, лизала морду. Зек катался по доскам, пытаясь расправить плащ. Заговорить эту тварь, выгадать время… Равна услышала собственные слова словно со стороны:

— Ладно, Проныра, так что ты хотел послушать?

Из толпы донесся странный звук — протяжный низкий стон. Равна обернулась. Головы людей и Когтей поворачивались в одном и том же направлении. Но не к Равне. Не к Йоханне и Магнату, возившимся в углу сцены. Они глядели в небеса.

Она сделала шаг в сторону, чтобы видеть аэролет. Из него падало что-то маленькое и темное. Живое: существо подергивалось. Элемент стаи, немного толстоватый. Он падал, падал, падал… и все еще был жив. Потом навес скрыл его из виду.

— Почему? — заорала Равна Зеку в морду. — Ты мне даже шанса не дал!

Зек слепо вертел головой и трясся всем телом, издавая неразборчивое ворчание.

— Эй! — позвала Равна. — Я сделаю, что ты

хочешь. Не убивай больше Амди!

Она побежала через сцену к Магнату. Амди — восьмерка… Был восьмеркой. Он может сохраниться как личность и всемером.

Крики остановили ее. Второе тело выпало из аэролета. Падая, элемент сучил лапами, цеплялся за воздух. Йоханна встала, глядя поверх Магната в небо. Стая сгрудилась вокруг девушки, дернула ее вниз, поволокла к главной лестнице. Охранник с ружьями прикрывал их, нацелив стволы сперва на Древорезчицу со Шкуродером, потом на Равну.

Проходя мимо Зека, Магнат остановился и выдал ему разъяренный аккорд. Синглет что-то ответил, не прекращая трястись. Магнат задумался — во всем этом хаосе он еще сохранял способность думать! — и, сграбастав Зека за ошейник плаща, пошел дальше. Когда восьмерка достигла Равны, та потянулась к Йоханне.

Челюсти щелкнули, отгоняя ее.

— А теперь ты увидишь, как я расправляюсь со лжецами и убийцами, — возвестил Магнат.

Потом он ступил на лестницу, таща за собой Зека и Йоханну. Охранник разметал всех с его пути.

Были еще крики. От Йоханны или?.. Равна обер-

нулась к западу. Остальные элементы Амди все еще падали с неба. Три тела переворачивались на лету… нет, четыре, одно оказалось тесно сцепившейся двойкой. И еще, и еще. Амди был уже мертв, и Проныра просто добивал его останки.

У Равны подкосились ноги. «Я ничего не чувствую. Никакого горя. Почему?» Злодеи, как всегда, победили, все добрые намерения, как обычно, пошли прахом. В мире ровным счетом ничего не меняется.

— Равна? Равна? — В нее тыкались морды. Древорезчица.

Обернувшись, Равна зарылась лицом в шерсть ближайшего элемента. Такого она себе с королевой еще не позволяла, но сейчас ей просто необходимо было к кому-то прижаться. Щенок — чертов щенок? — вскарабкался на спину другому элементу и лизнул Равну в щеку. Голос Древорезчицы напоминал кошачье мурлыканье, говорили все элементы одновременно:

— Равна, ну пожалуйста, соберись. Нам еще столько нужно сделать!

Глава 41

Аэролет Проныры улетел на восток, прежде чем успели погрузиться все члены свиты Магната. Им помогали только бандюки Невила, но большой аэролет поднялся в воздух без видимых затруднений. Судно пролетело над сценой метрах в сорока и взяло курс на запад, к Протокам. Развернуться на месте эти корабли не могли, а то бы Магнат, без сомнения, уже погнался за Пронырой.

Игнорируя аэролет, Равна оглядывала сцену. Клевреты Невила опасливо косились на нее, бочком-бочком пятясь в общую массу Отрицателей, собравшихся на своей стороне луга. Кое-кто уже поднимался по склону в Новозамок. Никто их не задерживал, но Равна вдруг сообразила, что солдаты Древорезчицы в боевой готовности. Сам Невил как в воду канул.

Она повернулась в сторону «Внеполосного-II» и выкрикнула несколько команд. Ничего.

— Мне нужна линия связи с кораблем, — сказала она Древорезчице.

— Я знаю. Я послала гонца за радио.

— А разве у тебя нет своего? — спросила Равна.

— Нет. — Трое элементов королевы повернули головы к Равне и сердито зашипели, хотя стая продолжала говорить на самношке. — Невил потребовал, чтоб мы явились без раций. Он использовал «Внеполосный-II», чтобы вывести из строя все радиостанции, которые использовались не по его приказу. На моей стороне большинство подданных, но он надеялся все изменить сегодняшним собранием. Вы с Йоханной немного подпортили его планы.

Они смотрели, как аэролет Магната заложил широкую петлю над Внутренними Протоками. Дети и стаи кричали и указывали пальцем в небо, очевидно ожидая падения еще одного тела, в этот раз человеческого. Но нет, Магнат был злодеем иного типа. «По крайней мере, хочется в это верить».

Пол Линден протолкался через толпу, отпихивая в стороны всех, не исключая и Древорезчицу.

— Равна! — Он запыхался и не сразу нашел слова. — Прости. Я не смог его остановить.

— За что? Кого?

— Невила! Я видел, как он убегает, но он для меня был слишком силен.

— Но покажи, *что* он уронил, Пол! — Вильм нетерпеливо дергал брата за рукава.

— Ой, да. — Он поднял тиару. — Это твое.

Невил оказался недостаточно глуп, чтобы уничтожить ее, и достаточно умен, чтобы выбросить.

Она приняла хрустальную тиару из его рук. Дети замолчали. Благоговейно? «Ох, только не это, — подумала Равна. — О таких моментах слагают песни и мифы, сочиняют пьесы и рисуют картины. И весь этот хлам Эпохи Принцесс я безжалостно вычистила из башки». Она возложила устройство себе на голову.

— Корабль! — позвала она.

Поддержка «Внеполосного-II» была как луч света во мраке. Задачи, выполнение которых обычным порядком потребовало бы часов и дней, теперь занимали считаные минуты. К сожалению, к самым насущным делам это не относилось.

Два вражеских корабля медленно летели на восток и на радиосигналы не отвечали. Они перепробовали все использованные Невилом методы, но тщетно. Все же судьба обоих кораблей была полностью на милости Равны… и это ничего не меняло.

Спутник тоже не отвечал, и этому не приходилось удивляться. Невил всегда занимался им

особо. Равна поговорила с поднявшимся в воздух Щепетильником, убедив его не гнаться за Магнатом на «Вышних глазах».

На земле Дети и Лучшие Друзья окружили Равну. Последние несколько минут они сидели тихо, не мешая ей переговариваться с кораблем, но теперь осыпали тысячами вопросов. Некоторые плакали от счастья, другие взывали о мести. Равна подняла руку, и толпа замолкла.

— Позвольте Отрицателям вернуться в их дома в Новозамке. Это все еще *их* жилища. Они составляют до половины человеческой расы. Мы в них нуждаемся.

— Согласна, — проворчала Древорезчица. — И ни одна стая им не причинит вреда. Но с Невилом мы мириться не станем. Где, к слову, этот ублюдок?

Вопрос интересовал каждого, но ответы поступали отрывочные и противоречивые. Конечно, эта проблема была из самых легких; Невил мог ускользнуть от прямого обзора «Внеполосного-II», но его людей без труда запеленговали по рациям. Рано или поздно местонахождение Невила установят. Приблизительные координаты уже высветились на виртуальной карте головного интерфейса Равны яркой точкой.

Странно.

— Эй, похоже, что Невил дал деру из города… и направляется на северо-восток, в лесистые долины.

— В погоню!

— Уже. — Этим займется «Внеполосный-II». Тем временем…

Джефри нашелся под сценой. Люди Невила его порядком отмутузили и бросили связанного в грязь, но оставили в живых. Надо полагать, лицом к западу его развернули не без умысла. Когда подоспела Равна, Джефри уже освободили от пут. Молодой человек сидел, привалившись спиной к сцене, и тупо смотрел в пространство. Рубашка его была испачкана кровью и рвотой. Он не обратил на Равну внимания. Несколько Детей стояли вокруг него на коленях, пытаясь дозваться. Равна встала перед ним.

— Джефри? — спросила она. — Йоханна, скорее всего, еще жива. Мы ее вернем.

Джефри выцепил взглядом ее лицо. Она еще никогда не видела его таким мрачным, даже в моменты глубочайшего позора и стыда. Когда он заговорил, голос его зазвучал низко и хрипло:

— Мы сделаем, что сможем… да, но… но что это даст… давало до сих пор?

Он поднялся на ноги, опираясь на собравшихся вокруг ребят.

— Все, на что я сейчас способен, — это найти останки Амди.

Он рванулся, чтобы бежать через поле к месту падения тел, и остальные его насилу удержали.

Но надолго удержать Джефри от поисков невозможно. «И меня тоже».

— Мы все пойдем искать его, — ответила она.

Так получилось, что некоторые Дети и Лучшие Друзья уже спустились на фуникулере к воде и перебрасывали доски, надеясь добраться по ним до скал. Кончилось дело тем, что спасать пришлось самих горе-спасателей. Древорезчица с Равной послали туда нескольких старших Детей с наказом не допустить больше никаких жертв.

Спуститься можно было и по более безопасным тропинкам, и Равна одной из них воспользовалась. «Внеполосный-II» не видел этого участка скалы, но за долгие годы местность изучили вдоль и поперек, а с головным дисплеем Равна оказалась превосходной ищейкой.

Они поднимались и спускались, преодолевая уступ за уступом. До постройки фуникулера подъем с Тайного Острова к Новозамку отнимал большую часть дня. Впоследствии путешествие

по скалам выродилось в род забавы, привлекавший экстремалов из числа стай и Детей. Двое людей таким образом уже погибли. Сегодня, весенним днем, острые камни частично укрывала молодая весенняя поросль, она же смягчала уколы вечнозеленых иголок.

— Вот, держите, — сказала Древорезчица, передавая спасательную веревку. Стая королевы держалась поблизости от Равны, хотя и отставала на пару шагов. Королева заметно помолодела — быть может, даже слишком для такой вылазки, ведь у нее было двое щенков. Впрочем, трудностей у нее не возникало. Взобравшись на очередную скалу, королева громким лаем оповещала стаи наверху, на свой манер координируя спасательную операцию. Равна взяла у нее веревку, отмотала сколько надо и спустила запасные петли Эйвину, единственному человеку впереди.

— Ты не думаешь, что Амди мог… — начала Равна очень тихо, так чтобы только Древорезчица ее слышала. Благодарение Силам, Джефри удалось оставить под охраной Магды, Эльспы и гвардейцев.

— …выжить? — закончила вопрос Древорезчица. — Нет. Не вижу как. Весенняя листва тонкая, как осенняя паутинка, а иглы под ней острее

стали. Но… восстановление возможно.

Равна кивнула:

— Его можно облегчить.

Следующие несколько минут у них не было времени на болтовню: головной дисплей синхронизировался с кораблем. Равна видела наложенную на деревья карту дополненной реальности с «Внеполосного-II» и указывала Эйвину Веррингу безопасные проходы, периодически отвлекаясь на всплывающие окна с другими заданиями. Сторонники Невила не пытались захватить «Внеполосный-II», но от купола на месте высадки поднимался плюмаж горячего воздуха. Равна запросила видео изнутри замка и получила его! Очевидно, Невил переключил все камеры на слежку — вот почему все картинки отрисовывались так грубо. Впрочем, для беглого обзора и этого хватило. Били (или кто-то еще) залил Детскую горючим и поджег. Пожарные Древорезчицы уже потушили огонь, и гибернаторы уцелели.

Равна переключила внимание на скалы:

— Эйвин, дальше не спускайся.

Высокий узкий уступ расширялся до полноценной скальной тропы в нескольких метрах впереди, но место это закрывала молодая зелень.

— Хорошо.

Равна бочком протиснулась к нему, и тут же в поле зрения вспыхнул красный флажок. Позади о чем-то перекрикивалась со своими стаями на вершине скалы Древорезчица. Равне королева перевела:

— Они говорят, что в Новозамке творится странное.

— А то!

Этот красный флажок… Она пошла за Эйвином, просматривая тревожную сводку. Картинка с корабля показывала дорогу из города на север. Дети-Отрицатели после катастрофы, постигшей их на Лугах Смерти, разбежались было по домам, но не остались там. Корабль насчитал семьдесят Детей, включая Били и Мерто, но Невила среди них не оказалось. У старших за спинами висели рюкзаки и сумки. Равна видела несколько фургонов и повозок, но большинство шли пешком. Прочь из города, на северо-восток.

— Ты знаешь, я думаю, что они вооружены.

Приспособленными под человеческую хватку пистолетами, которые Равна спроектировала для Невила.

— Мои войска вооружены *гораздо* лучше, — заметила Древорезчица. — Я могу их задержать.

Это похоже на массовое похищение?

Равна несколько секунд наблюдала за происходящим.

— Нет.

— В таком случае лучше отпустить их. Сегодня я не готова начинать гражданскую войну.

Равна внезапно осознала, что, пока ее внимание поглотили события по ту сторону Холма Звездолета, они с королевой прошли по краю уступа шириной не больше тридцати сантиметров. Древорезчица осторожно оттянула спутницу от края пропасти. Они остановились и прислонились к отвесной стене.

— Почти пришли, Равна. Дай мне руку. — Она подняла взгляд и увидела Эйвина. Тот перебрался на широкую тропу в том самом месте, где обещала корабельная карта, и секундой позже Равна очутилась уже рядом с ним. Присев на корточки, она дождалась остальных. Древорезчица держалась совсем близко. Новый щенок еще толком не освоился в стае и ехал в заплечной сумке одного из старших элементов; маленький же Шт взобрался другому на плечи.

Королева перехватила ее взгляд:

— А, новый щенок? Это средство уравновесить паранойю Шта. Очень старый способ селекции.

Его предложил Странник… и сам преподнес мне последний свой дар. — Древорезчица мгновение помолчала и возвестила во всеуслышание: — За нами летит воздушный шар Щепетильника.

Равна кивнула. Она отслеживала полет через «Внеполосный-II».

— А что случилось с его аэролетом? — спросила она.

— Это уже история, — сказала Древорезчица, неодобрительно покрутив головами. — Невил и его дружки вытребовали себе «Вышние глаза — II» и в первом же самостоятельном полете угрохали их. Жертв не было, но на этом поиски тебя пришлось прекратить. Несчастный случай ли это или хитрость Невила — вопрос отдельный, мнения об этом разделились.

— Ах вот как.

Маленький электромотор воздушной лодки был теперь слышен даже людям. Весенняя листва скрывала шар из виду, пока Щепетильник не пролетел прямо над спасателями. Равна увидела его своими глазами — и тут же две головы Щепетильника свесились за фальшборт и тоже посмотрели вниз. «Год назад мы с ним летали в этих местах, высматривая с высоты воров Невила, — вот только мы думали, что гонимся за тропическими».

— Щепетильник, — передала она через «Внеполосный-II», — мы… — Она сверилась с картой и передала координаты. — Пол Линден и другая группа на соседней тропе, метрах в пятидесяти под нами.

Этот путь был безопаснее избранного Равной, но не достигал участка, на котором, по данным корабля, упало большинство тел.

— Я вижу Линдена, но не вас, — прогудел Щепетильник с небес. Рацией он не пользовался.

— Хорошо, а тела видишь?

Щепетильник ответил в своей обычной сварливой манере:

— Птицы подскажут. Я заметил три стаи. У меня тут прескверная маленькая камера, но я перешлю «Внеполосному-II» картинку. Буду снимать все, что увижу. — Синтезированное кораблем видео уже прокручивалось в окнах рабочего пространства Равны.

Двое лесничих Древорезчицы появились с нижнего уступа, а за ними… Джефри. Он нетвердой походкой шел вдоль скалы, неотрывно глядя вперед и игнорируя всех присутствующих.

— Щепетильник! — крикнул молодой человек. — Сколько тел нам искать?

— Большинство свидетелей говорят о восьми

элементах, — сказала стая, — но некоторые младшие Дети — о семи, причем было похоже, что двое падали вместе.

Джефри постоял молча, глядя в небо, опустил взгляд на тропу и полез вверх, обойдя Равну, как неодушевленный объект. Она дернулась было задержать его. На миг ей показалось, что Джеф отшатнется и бросится в пропасть, но тот опустился на колени.

— Джефри, отсюда могу вести я. Ты увидишь все, что увидим мы, но держись в середине группы, пожалуйста. Хорошо?

Магда и Эльспа подхватили Джефа под руки и заговорили с ним, прося пропустить Равну с Древорезчицей.

Равна обернулась к королеве и услышала сердитый стайный аккорд. С нижнего уступа карабкался синглет.

— Ритль! Какого черта?..

Существо величественно кивнуло Равне и, пробегая мимо, издало аккорд, означавший нечто вроде «ты опять».

За ним с уступа поднялась Хейда Эйслер. Реплику Равны девушка явно отнесла на свой счет:

— Да-да, простите. Мы подумали, что это часть Магната. Она всегда держалась рядом с ним и

носила те же инсигнии. Она даже говорила как большая шишка. Ну, мы ее и схватили. — Ребята, сопровождавшие Хейду, выглядели пристыженными. По всей видимости, решение принималось совместно. — А теперь оказывается, что мы захватили в плен комнатного песика Магната.

«О Силы, ну нет у меня на это времени».

— А зачем вы ее сюда притащили?

Хейда поглядела на синглетку:

— А кто-то нас спрашивал?

Видео Щепетильника было такого низкого качества, что сомнений в местном происхождении камеры не оставалось. Как бы ни сетовал он на нее, Равна чувствовала, что втайне стая очень гордится своим устройством. Когда же «Внеполосный-II» прогнал картинки через свои модули обработки изображений, поисковая команда получила все нужные сведения.

Четко выделялись три стаи птиц. Что там внизу, по картинке установить не удалось, но топографическая карта на головном дисплее Равны показывала, что одна стая летает прямо на пути группы Пола Линдена. Древорезчица прокричала приказ Полу, а группа Равны тем временем отправилась к следующей точке предположительного падения тел, самой высокой;

птицы туда пока еще не добрались. Подъем обещал немалые сложности, но Равна и Эйвин уже освоились и шли почти вплотную; только Древорезчица временами втискивала между ними одного-двух элементов.

По дороге Равна прокручивала список заданий. Рации Невила по ту сторону Новозамкового Холма не двигались с мест, укрытые под лесным шатром. То ли он выбросил их, то ли ждал, пока его подберут «свои люди». Отрицатели двигались по северной дороге, явно направляясь в лесную долину. По пятам за ними крались стаи Древорезчицы. Еще несколько фургонов и тележек влились в общий караван. Среди людей шныряли какие-то стаи, вроде бы проводники. Декутомон и его помощники? Оставалось заключить, что исход Отрицатели спланировали загодя. Невил либо совсем рехнулся, либо еще надеялся поднять в глубинке мятеж против Равны с Древорезчицей.

Какую бы стратегию он ни избрал, не слишком похоже, чтобы Невил наметил встречу с основными своими союзниками Когтями. Магнат с Пронырой все еще летели на восток, медленно набирая высоту и держа курс к Ледовым Клыкам. Если они вообразили, что там лазпушка их не

достанет, то крупно просчитались: «Внеполосный-II» способен отслеживать их еще часами. Впрочем, беглецы могли рискнуть и сыграть с кораблем в опасные прятки меж горных долин.

Но даже с такого расстояния Равна могла пересчитать скрепы на гондолах паровых двигателей. Одно ее слово — и «Внеполосный-II» сметет оба аэролета с небес.

Эйвин вырвал ее из этой дремы с открытыми глазами:

— Эй! А это откуда?

Он сошел с тропки и опустился на колени. Его находка сверкала ярко-желтым.

Два элемента Древорезчицы изогнули шеи и бросили на нее взгляд:

— Это золотая монета. Чеканка Республики Длинных Озер.

Эйвин повертел монету в пальцах, прикидывая вес. Как и некоторые другие Дети, он приобрел местную привычку высоко ценить тяжелые металлы. Золото и серебро можно было выменять на товары, производство которых выходцы со звезд еще не наладили.

— Когда я был маленьким, мы тут часто лазили, — сказал он, подняв взгляд на Равну.

— Все прощено и забыто, — ответила она.

Вот паршивец!

По лицу Эйвина скользнула усмешка.

— И мы ничего подобного тут не находили. А если б нашли, то, уверяю тебя, перекопали бы все.

Древорезчица отозвалась:

— Я вздыхаю. Может, не такая уж это тайна. Подозреваю, что, когда мы отвадили тебя и твоих друзей от походов по скалам, Проныра и Невил проложили тут потайной маршрут.

Джефри рассеянно прошагал мимо них, его охраняли Магда и Эльспа. Девушки едва остановились глянуть на монету Эйвина. Эти трое знали, что сейчас действительно важно.

— Пошли, — скомандовала Равна остальным.

— Эй вы там, наверху! Вы видите золотые монеты?

Вопрос задала какая-то стая из группы Линдена.

— Всего одну, — прогромыхала в ответ Древорезчица.

— Мы только что нашли дюжину. Некоторые раскатились по камням, другие застряли в ветках деревьев.

Заслышав это, Джефри припустил бегом. Магда и Эльспа едва поспевали за ним.

— Я тоже вижу что-то желтое! — оживился

Щепетильник. — Эй вы, на верхней тропинке! Оно немного выше. Птицы еще не нашли его, но в весенней листве есть разрывы!

Джефри и его спутницы исчезли за углом скалы. Когда Равна и остальные их нагнали, оказалось, что тройка стоит посреди тропы и смотрит под ноги. Там была не пригоршня золотых монет, а сотни монет и драгоценностей: тропинка вся блестела золотом и мерцала-переливалась гранями самоцветов. Сокровища раскатились по тропе под ярким солнцем. Похоже, что они свалились сюда через те две прорехи в весенней листве. Там, куда пробивались солнечные лучи, зеленоватый сумрак уступал место режущей глаза ясности. «Но где же ты, Амди? Или мы попали в старую сказку из тех, где тело погибшего друга превращается в груду самоцветов?»

Джефри вскарабкался по скале, цепляясь за нависшие ветви, перебрался на дерево и опасно завис над обрывом. Он отчаянно начал трясти крону, и на тропу дождем просыпались новые сокровища.

— Где он? — кричал Джефри. — Где?..

Он замер, выпрямился, с трудом держа равновесие, и потянул за ветвь. Что-то большое и угловатое застряло в междоузлии ветвей.

Джефри дернул сильнее, предмет покачнулся и обрушился на тропу. Это было нечто вроде сейфа, вернее, его обломки. Уцелевшие при падении поверхности его блестели, как отполированные.

Кто-то тронул Равну за плечо, она обернулась. Это оказался Эйвин, вид у молодого человека был мрачный и собранный. Он мотнул головой, указывая вверх. Равна проследила: что-то темное, размером с элемента, застряло в кроне у самой верхушки дерева. Рядом возникла Ритль и уставилась вверх. Всем на удивление, синглетка воздержалась от бессвязных комментариев.

Равна сглотнула и перевела взгляд на Джефри. Тот раскачивался над скалой, держась за ствол дерева.

— Джеф, теперь спускайся, пожалуйста, — сказала она уверенно и спокойно.

— Нам надо найти его, Рав.

— Мы найдем, я обещаю.

Ей приходилось сдерживаться, чтобы не смотреть туда, где темнел недвижный силуэт: совсем рядом с Джефри.

— Но тебе не нужно лезть на самый верх, это небезопасно. Я хочу, чтобы ты спустился. Сейчас же.

Он посмотрел на нее широко распахнутыми

глазами. Такого взгляда Равна не видела у него уже много лет — во всяком случае, с тех пор, как он повзрослел, спелся с Отрицателями, предал, а затем спас ее.

Он смотрел на нее взглядом маленького мальчика, которого Фам Нювен спас на Лугах Смерти.

— Хорошо, — со вздохом согласился Джефри и слез с дерева. Никто не сказал ни слова, но, когда Джеф спустился на землю, почти все в поисковой группе уже увидели застрявший на дереве труп.

Тяжелее всего при спуске тела оказалось удержать Джефри в стороне.

«Тело. Думай о нем как о теле, трупе, существе, элементе, а не о части Амдиранифани».

Существо погибло — в этом сомнений не осталось. Бедолагу насадило на одну из шипообразных ветвей на самой верхушке ствола, где вечнозеленые иглы не росли. Древесный клинок — шип толщиной сантиметров восемь в основании — проткнул его насквозь во всю длину тела.

Когда тело начали вырезать из кроны, Древорезчица прокричала группе Линдена о находке.

— Хорошо! — пришел ответ. — Нас тут атакует стая стерв… морских птиц. Их что-то привлекло прямо впереди.

Магда и Эльспа сидели рядом с Джефри у

подножия дерева. Девушкам наконец удалось его успокоить; Равна оперлась о крупный камень и передала «Внеполосному-II» ненужные в общем-то подробности поисковой операции. По видеоролику Щепетильника корабль уже определил местонахождение семи элементов, несомненно мертвых. Правда, кроме двоих найденных ими и группой Пола Линден, сегодня уже никого было не достать — спускалась ночь. «И я наконец подумаю о чем-то другом».

Но сейчас все внимание Равны было приковано к телу, насаженному на древесный кол, а остальные окна она просто отфильтровывала.

Один лесник пилил дерево, а второй забрасывал страховочные веревки на верхние ветки. Поблизости отиралась Ритль. Равна еще не видела, чтобы Коготь, и даже синглет, вел себя так похоже на обычного пса. Вероятно, во многом сходство усиливалось тем, что Ритль ничего не говорила, а только наблюдала за работой поисковой команды. Вид у нее был озадаченный, заинтересованный и в кои-то веки именно настолько глупый, как было на самом деле. Собаки, которые встречались Равне на других планетах, обычно понимали, когда дело худо, да и Ритль наверняка вспомнила Амди. Она не давала бедному

Амдиранифани жизни… при жизни. Оставалось надеяться, что синглетка, по тупости своей, не будет так убиваться, как Джефри и остальные друзья Амди.

Когда тело спустили на землю, Джефри вырвался из рук Магды и Эльспы. Все, кроме Ритль, шарахнулись с его пути. К счастью, головой мертвец лежал в сторону от Джефри — ветка пронзила морду элемента. Труп был одет в толстый плащ. Джефри опустился на колени. Ритль скользнула вперед и с подозрением уставилась на тело. Джефри отогнал синглетку, откинул плащ…

Ритль тонко взвизгнула и метнулась мимо него, чтобы вцепиться в глотку трупа. Она рычала и лаяла от ярости.

Джефри вроде бы даже не заметил ее. Он сел на землю и в шоке уставился перед собой. Магда и Эльспа оттаскивали Ритль, но синглетка не унималась, вертясь вокруг трупа и ныряя в густой подлесок. Она не переставая издавала странное гудящее сопение. Равна узнала этот звук. Синглетка пыталась смеяться.

Джефри не поднял взгляда, но по голосу было понятно, что изумлен он до крайности.

— Это не Амди!

Наконец и Равна протолкалась поближе к

останкам. Из-под плаща виднелась одна лапа с тщательно накрашенными и снабженными серебряными накладками когтями. Вдобавок морда у существа была седая: оно было значительно старше, чем любой элемент Амди. Древорезчица протиснулась через людской заслон, откинула плащ и долго смотрела на труп. Потом она удалилась.

— Ты его знаешь? — спросила Равна, но Древорезчица не ответила. На место уже подтягивались другие стаи.

— Я никогда его не видел, — сказал кто-то на самношке.

— А если это недавнее пополнение какой-то известной нам стаи?

— Вряд ли, этот элемент слишком стар.

Эйвин Верринг добавил:

— Нам надо найти остальные трупы, пока птицы не растерзали их.

Ну что ж, с мрачной тайной иметь дело оказалось куда проще…

По ту сторону тропы Ритль продолжала огрызаться из зарослей, но теперь ворчание стало громче, обычным для синглетки.

Теперь ее уже никто не игнорировал. Головы собравшихся разом склонились к синглетке, потом

стаи резко отпрянули и застыли, недоверчиво переглядываясь. На миг повисла тишина, а потом даже Равна поняла простые аккорды Ритль:

— Проныра мертв! Проныра мертв! Проныра мертв!

Глава 42

В самношке не было слова, чтобы описать следующие двадцать четыре часа, но Древорезчица уверяла, что в стаеречи есть: «йодель» — грандиозный перелом, время, наполненное событиями, ведущими либо к полной катастрофе, либо к великому несчастью, которое, однако, еще можно пережить, либо — к грандиозной победе. Для Равны этот день превратился в безостановочную гонку со временем. Проблемы решались, им на место приходили новые, разграниченные короткими перерывами на сон, еду и консультации с Лайсл Армин в бортовой лечебнице «Внеполосного-II».

— Ты полностью истощена, обезвожена, покрыта полузажившими ранами, но это можно легко исправить отдыхом, сном и лечебным питанием, — заключила Лайсл, — а еще «Внеполосный-II» подозревает у тебя сотрясение мозга. Если не напрягаться, оно не создаст больших проблем, однако, боюсь, в наших условиях полного излечения довольно трудно добиться. — Повозившись еще, Лайсл просияла. — С другой стороны,

я легко смогу вправить тебе сломанный нос и лицевые кости! Потребуется всего несколько часов, и если потом ты немного поосторожничаешь…

Тут Равна велела ей замолчать. «Нет у меня времени на эту косметику, и…»

Когда она проснулась (точнее, была разбужена кораблем), стояла середина следующего дня. Как же хорошо! Но… первая встреча в спокойной обстановке с оставшимися Детьми всего через пятнадцать минут! Вылетая с капитанского мостика, Равна на бегу просматривала личный журнал сообщений и новостные ленты корабля. Звездолет проследил за аэролетами Магната и обнаружил, что в глухом уголке к востоку от Ледовых Клыков два судна временно приземлились — для дозаправки? — и, вскоре поднявшись, улетели на юг. Что до Щепетильника и его маленькой воздушной лодки, единственного уцелевшего летательного аппарата Домена, то они преследовали караван Невила.

Для начала Равна учинила опись ущерба, понесенного «Внеполосным-II», и приняла меры во избежание дальнейших потерь и вандализма. Она тихо сняла с лазпушки Фама усилитель: мысль о программном глюке, испепеляющем город Новозамок со всеми обитателями, бросала

ее в холодный пот. С другой стороны, на чистку интерьерных изысков Невила времени не хватило, так что, показавшись в Новом Приемном Зале, Равна нашла перемены впечатляющими. Товарищеская атмосфера, которую Невил тут культивировал, имитируя демократию, исчезла. От игровых окружений не осталось и следа, из двух точек доступа к вычислительным ресурсам звездолета уцелела одна: Невил безжалостно выскреб корабль на потребу своей шпионской сети, которую Равна уже успела заметить днем раньше. На стенах красовались новые обои — звездный снимок. Воображаемый наблюдатель находился в плоскости Галактики, но очень далеко от ядра, на самом краю бездны, скорее всего — в Нижней Трансценденции.

В Высокой Лаборатории страумлианцев.

Против межгалактической тьмы высился подиум, а на нем — кресло Невила, размерами и величием немногим уступавшее трону, который он когда-то устроил для Равны. Равна осторожно прошлась вокруг подиума, но на трон садиться не стала. Ей улыбались, приветствовали, но радость собравшихся была напускной. В Зале она насчитала около двадцати стай и семьдесят с небольшим Детей. Ее удивило, как мечутся

глаза Детей при взгляде на нее. Отвращение? Она понимала, какое жуткое впечатление на них производит ее лицо. «Придется вам привыкать». Стаи же не слишком удивились. В аудитории присутствовали Древорезчица со Шкуродером. Слегка поодаль от всех сидел Джефри, безразлично глядя в пространство.

Равна сказала:

— Вообще-то, разговор потребуется долгий, и имеющегося у нас сейчас времени, пожалуй, не хватит. Учитывая состояние интерфейсов… — она обвела рукой палату, — с этим возникнут проблемы. Хотелось бы мне быть уверенной, что вы понимаете, как я намерена поступить и что видел корабль. Я… я хочу услышать, что вас тревожит и с чем вы столкнулись.

Венда Ларсндот Старшая уже поднималась, вытянув руку, но ее опередила Гиске Гисксндот, вскочившая на ноги:

— Я хочу поговорить о Невиле! Он похитил половину человеческой расы!

— Они сами хотели уйти. Свалили — и хорошо.

Кто это сказал, Равна не увидела, но реплика не осталась анонимной. Многие Дети в аудитории закивали.

— Да! — вскричала Эльспа Латтербю. — Но

прежде стоит догнать Магната, он украл мою маленькую сестру! А еще Эдви, Тимора, Амди, Йо, Странника, Винтозуба…

Крики возражения и поддержки раздались со всех сторон. Равна вдруг почувствовала такую неуверенность, как никогда еще среди Детей. Она подняла руку, слабо надеясь навести порядок.

Все замолчали.

«Как мне это удалось?»

На миг у Равны отнялся язык.

— Слушайте все. У меня много разнородной информации по некоторым из названных вами проблем. Но давайте как-то по порядку. Венда, ты вроде бы вызвалась первой?

— А? Да, спасибо. Извините все за оффтопик, но я думаю, что это важно. Прежде чем Йоханна вчера появилась на Холме Звездолета, я успела с ней поговорить. — Опять воцарилось глубочайшее молчание. — Она рассказала мне кое-что, о чем вы должны знать, и другое, что нам велит сделать честь. Прежде всего: на плотах не было и в помине никаких *тропических террористов*. Не было никакой бомбы. Убийства на пирсе — результат удара лазпушки «Внеполосного-II».

— Мы так и думали, — сказал Эйвин невыразительным голосом. Хотя нет, в этом голосе была

смерть.

Вильм Линден махнул Равне:

— Но ведь это можно доказать? У «Внеполосного-II» должны остаться сводки.

— Да. — Если не всплывет какая-то программная ошибка, все намерения Невила можно будет изобличить. — Я проверю журналы, но, как вы понимаете, Невил, скорее всего, объявит их фальшивкой.

Венда презрительно отмахнулась и продолжала:

— Йо настаивала, что мы многим обязаны этим тропическим. У них нет полноценного разума, как у стай или людей, но, по ее утверждениям, они сами приняли решение ее спасти и пожертвовали ради этого своими жизнями. Она попросила… точнее сказать, *потребовала*, чтобы мы хорошо с ними обращались и помогли вернуться домой, чего они вроде бы хотят больше всего.

Древорезчица подняла несколько голов и посмотрела всеми ими на Равну.

— Могу ли я?.. — спросила она.

— Да, пожалуйста.

— Я уже велела перевезти большую часть этой толпы в старое посольство. Десять плотовых команд — это куда больше, чем в любом ко-

раблекрушении прежде; территорию придется расширить, расходы очень велики… но я их одобрила. Отчасти потому, что они пострадавшая сторона, отчасти… — кивок в сторону Венды, — потому, что, если мы будем плохо обращаться с подданными Магната, возрастет риск для моего Странника и прочих несчастных пленников Магната.

Равна кивнула:

— Спасибо, Древорезчица. Что еще, Венда?

— Ага. У нас тут маленькая проблема с учетом на Южной Окраине. Невил рассказывал про основной груз плотов и, как ни странно, не солгал.

— А, да, — сказал кто-то, — предложение *мира* от Магната.

— Как его ни называй, но это не хлам. Пятнадцать тонн ткани… — Венда сделала паузу и драматически округлила глаза в притворном отчаянии, — притом качеством, не уступающей нашим тканям. И еще много всего; мы продолжаем опись содержимого контейнеров. Пока что мы обнаружили девятьсот пять голосовых раций.

Магната бы наверняка восхитило ошеломленное выражение лиц и морд большинства зрителей. Венда пожала плечами:

— У меня все.

И села на место.

Мало-помалу высказались все желающие. Большинство Детей отдавало себе отчет и в том, что Магнат вне зоны досягаемости, и в том, что он представляет совершенно новую проблему. Мнения насчет исхода Отрицателей разделились. Гиске заявила:

— Отрицатели существовали всегда, но управленческий идиотизм Невила превратил их в смертельную угрозу. Мой Рольф был хороший, иначе бы я за него не вышла, но он слепо верил во все, что проповедовал Невил! Мы каждую ночь спорили об этом, особенно после исчезновения Равны. А теперь Невил заполучил моих детей, и я хочу их вернуть!

По аудитории прокатился сочувственный гул — Гиске явно была не одинока в своей беде. Равна взглянула на Джефри. Джеф тоже был хорошим человеком, но этого оказалось недостаточно для решения всех проблем.

— Кончится дело тем, что они приползут к нам и попросят принять их обратно, — сказала Венда Ларсндот с необычной для себя воинственностью. — Большинство Отрицателей никогда не утруждали себя изучением правил жизни *здесь*. Собрались окопаться в глуши, вот смеху-то

будет!

— Да не в этом дело! — закричала Гиске. — Пока еще никому не удалось *переоценить* вред, исходящий от Невила. А что, если он из тех звезданутых на всю голову маньяков, которые тянут-тянут-тянут время, потом ставят своих сторонников как заложников к стенке? Мне нужны мои дети! Сейчас же!

Встреча продлилась еще на полчаса, а потом Равна еще поговорила отдельно с Древорезчицей и некоторыми Детьми, но не с Джефри. Он так и просидел до самого конца в правом углу Зала. Бортовая рация Щепетильника отказала, но «Внеполосный-II» видел как аэролет, так и Щепетильника: с ними все было хорошо. Советник по науке должен был вернуться через час; может, у него найдутся факты за (или против) теорию Гиске. Равна решила немного поспать.

Устроившись на раскладушке в старой своей комнате за капитанским мостиком, она снова задумалась о достигнутом сегодня успехе. Дети так не слушались ее с тех пор, как выросли. И даже тогда столь единодушное подчинение было редкостью… Вероятно, они видят в ней безупречную героиню, которая побывала в аду и вернулась? Ха-ха, знали бы они, как малы на самом деле ее

заслуги. Ее по-прежнему беспокоило выражение, появлявшееся на лицах Детей при взгляде на ее сломанные нос и скулу. А что, если это не отвращение? Если Дети сочли это свидетельством жуткого самопожертвования? В таком случае беспрекословное подчинение может быть следствием стыда и сочувствия. Был бы на ее месте Невил, щеголял бы с разбитой физиономией до конца дней своих.

Она еще немного подумала над этой возможностью, поворочалась с боку на бок, заснуть не смогла и — *Может, я и дура* — вызвала корабль.

— «Внеполосный-II»!

— Да, Равна?

— Пожалуйста, вызови Лайсл Армин и скажи ей, что я согласна на операцию.

И провалилась в сон.

Разведывательные полеты Щепетильника не подтвердили самые страшные опасения Гиске. Невил мог оказаться именно таким безумцем, как она считала, но, вероятно, лишь будучи загнан в угол. Караван же Отрицателей был хорошо оснащен и подготовлен; учитывая, как много техники они смогли стащить, удивляться хорошей оснащенности не приходилось. Предварительные приготовления следовало приписать заслугам

Били Ингвы. Из журналов корабля было ясно, что Били просиживал в командной рубке сутки напролет, занятый расчетами и планами. Он умудрился раскопать в Детской какое-то оборудование, принятое было Равной за бесполезный хлам, и догадался, что оно все еще может работать, пускай и ограниченно. Этим объяснялись странные кражи в катакомбах Нового Замка. Что до пожара в Детской… ну, Невил и Били никогда не отрицали Контрмеру.

Детали деятельности Били оказались погребены под горами поврежденных журнальных файлов. Непохоже было, что Били их шифровал на случай взлома: скорее имела место глобальная системная ошибка. Равна рассчитывала со временем докопаться до истины, а пока что сконцентрировалась на попытках связаться с Магнатом и хакнуть спутниковую ретрансляционную линию.

Меж тем Невил дал о себе знать, осторожно прозондировав обстановку на борту «Внеполосного-II». Предводитель Отрицателей, как Равна политкорректно велела его называть, располагал большинством коммуникаторов и доступом к спутнику. Учетные записи Отрицателей Равна не стерла, но заключила в виртуальные «клетки».

Невил не замедлил проглотить наживку и принялся лихорадочно копаться в них, разыскивая дыры в системе безопасности. Доски объявлений и форумы захлестнул поток Невиловой пропаганды. Его бесталанные попытки вломиться в систему дали Равне немало полезной информации.

Древорезчица выслала к Отрицателям отряды парламентеров. Тех приняли мирно и позволили пообщаться с некоторыми участниками исхода. Шестерых удалось вернуть домой.

Но Равна день за днем ходила по улицам Новозамка — везде стояли опустевшие жилища, чьи темные окна казались ей дырами в тонюсенькой ткани, которой представлялось ее здешнее человечество. Отрицание Погибели раскололо человеческую расу чуть ли не поровну, да к тому же отток Детей продолжался: некоторые все еще ускользали из города, догоняя караван.

Через пять дней исход Невила закончился в изобилующей теплыми источниками долине висячих скал километрах в ста к северо-востоку. Древорезчице это место было известно, и она сообщила Равне, что уже около века периодически рассматривает планы заселить его, но всякий раз отвергает из-за крайней опасности.

Туда маленькая воздушная лодка Щепетильника долететь бы не смогла.

Миновало три дня, в течение которых Невил ограничивался голосовыми выступлениями по радио и бодрыми постами на форумах от счастливых приверженцев. Он обещал со дня на день передать и картинку. Когда она поступила со спутника, Равна переключила видео на экраны Большого Приемного Зала. Там они с Древорезчицей и заслушали обращение Невила в компании почти всех оставшихся Детей и Лучших Друзей человека.

Поселение, которое Невил назвал Лучшей Надеждой, располагалось почти на краю долины, у скальной стены Ущелья Источников. Эта местность относилась к Ледовым Клыкам и граничила с Доменом Древорезчицы, но не входила в него. Охотники и фермеры народа Когтей не слишком жаловали этот высокогорный край, но Сторхерт был оптимистичен. На первом видео Невил стоял, указывая широким жестом на Долину Порожистой Реки.

— Эта земля идеально подходит для человека, для основания и развития независимого поселения. Увидимся на этом самом месте через год: тут поднимется высокая поросль наших новых

зерновых культур, а со временем этот роскошный ковер раскинется аж до края Северного ледника.

— Удачи, жопоголовый придурок! — крикнули из зала. — Вы тут и былинки не вырастили, пока ехали на наших шеях!

Точка обзора камеры резко сместилась, уходя от ледника, пронеслась над рекой и остановилась у северной стены. Когти удивленно зашумели.

— Эй, вы гляньте! — сказал Эйвин. — Вот, оказывается, почему они туда приперлись!

С этого ракурса они заметили то, что обычно оставалось недоступным страннику, державшему путь по привычным тропам Ущелья Источников; в темной скальной стене отрога долины зияла высоченная вертикальная щель.

— Двадцать метров высоты? — спросил кто-то. — Вон там?

Теплый голос Невила заглушил пререкания по эту сторону экрана:

— …вероятно, даже Когти не подозревали о существовании здесь разветвленной системы пещер, образованных теплыми источниками. Это всецело человеческое открытие. — Он шагнул в поле обзора камеры. — К счастью, команда исследователей, обнаружившая *эти* пещеры, осталась лояльна к человеческим ценностям.

Джефри Ольсндот докладывал о ходе экспедиции мне лично.

Зал взорвался воплями возмущения:

— Ах ты ж, сукин сын!

— Все это время в «исследовательских экспедициях» он работал на Невила!

— Мразь, скотина, подонок!

Джефри в зале не было, Равна уже проверила.

На экране Невил патетично воздел руки, словно предвидев ропот протеста, произведенный его заявлением:

— О, я знаю, что несколько погрешил против истины. Это не *всецело* человеческое открытие. Джефри не смог бы совершить его без помощи своего друга, стаи Амдиранифани. Мы неизменно поддерживаем политику сотрудничества и дружбы с Когтями. Мы ищем дружбы с Древорезчицей и уже нашли ее с Великим Магнатом тропиков.

В зале раздался злой хохот.

— Эй, да помяни же добрым словом почившего друга Проныру!

— А десять дней назад он был всего лишь *Магнатом с Восточного побережья*!

— Но, друзья мои, — продолжил Невил, — настало время поверять решения оселком морали. Слишком долго мы принимали точку зрения лю-

дей и Когтей, ослепленных миражами ложных целей. Бесконечные приготовления к апокалипсису, которыми занята Равна Бергсндот, бессмысленны и возлагают тяжкий груз на Когтей и людей Домена Древорезчицы. Было время, когда мы, юные и отчаявшиеся, не знали ничего лучшего. Да, Равна, Древорезчица и Шкуродер спасли нас всех — юных беженцев. Вернее, мы пережили учиненное сперва побоище. Мы многим обязаны им; в то же время мы не меньшим обязаны и памяти наших родителей. Они погибли в Высокой Лаборатории, посвятив себя благородной и смелой попытке расширить пределы возможного для человечества. Не до́лжно нам впадать в деструктивную ненависть, проповедуемую Равной.

— Опять тот же бред, тот же! — возопила Гиске. — У нас есть записи.

Равна услышала ответ Эйвина:

— Уверен, что Невил скоро обзаведется своими.

— Никто ведь точно не знает, как все было на самом деле в Высокой Лаборатории, — сказал еще кто-то (Равна не видела, кто именно).

— Мы даже не знаем, как все было в ближнем космосе десять лет назад!

— Заткнитесь, вы все!

Невил продолжал высекать едва заметные следы будущих расколов:

— Надеюсь, что вы постепенно составите себе отчет в подлинном смысле фактов и, сумев отринуть тягостные обязательства прошлого, вместе со своими друзьями — не исключая и Лучших Друзей Когтей! — присоединитесь к нам здесь, где мы намерены в силу своих умений отстроить Страумлианский Простор. Всех, кто бы ни пришел с чистыми сердцами, мы благосклонно примем. Но, согласны вы с нами или нет… прошу, положите конец распре между двумя фракциями человечества. Это отчаянно необходимо! Вполне возможно, что мы — все, что осталось от человеческой расы. Более того, после имевшего место десять лет назад всегалактического геноцида мы вполне можем оказаться и единственным уцелевшим очажком Вершины Запределья.

Невил зашагал по склону холма, направляясь к своему убежищу. Отрицатели выбежали из пещеры, устремились ему навстречу, смеясь и улыбаясь. Окруженный знакомыми лицами, Невил развернулся и улыбнулся в камеру сам.

— И пусть мы разделены, пускай между нами непреодолимые пока разногласия… давайте жить

мирно, давайте сотрудничать во имя выживания! Вы в Домене располагаете значительными ресурсами. У вас «Внеполосный-II» и сокровища Нового Замка. Это часть нашего общего запредельного наследия. Так позвольте же нам сотрудничать, чтобы оно было использовано должным образом!

Заслушав первое видеообращение, Дети спорили до конца дня. Второе и третье так мало отличались от первого, что, узнав о выпуске четвертого, Равна переключила экран не на сам ролик, а на зал, и стала наблюдать с мостика за реакцией Детей. В Приемном Зале не было и признаков толпы, собравшейся в первый раз; неизменное видео все могли пересмотреть в любое удобное время. Вживую смотрели проповедь Невила только мучимые тоской Дети, которым и пара секунд созерцания своих потерянных близких была в радость.

Но четвертое послание Невила оказалось неожиданным.

Видеоролик открывали картинки возведенного Отрицателями в пещерах временного жилья. Технологиями «Внеполосного-II» они не располагали, но похищенному из спасательного модуля страумлианцев — Детской — оборудованию на-

шли достойное применение. И вправду, это был совсем не хлам. «Я просто не сообразила, как там устроен пользовательский интерфейс!»

В ярком искусственном свете пещеры выглядели теплыми и сухими. Три «совместных жилища» (так выразился сам Невил) уже были закончены. Везде громоздились штабелями свежие доски и бревна, распиленные и размеченные, готовые для стройки. Древесину и прочие стройматериалы явно предоставил Магнат через своего Декутомона. Невил каким-то образом ухитрился сохранить расположение единственного оставшегося в живых союзника.

Несколько Детей, сидевших в Приемном Зале «Внеполосного-II», вызвали по новым рациям остальных, рассказав им об этих картинках. Когда в Приемный Зал набилась толпа, Невил уже закончил рассказывать о чудесах Лучшей Надежды и перешел к пропаганде. Как обычно, его окружали смеющиеся лица. Равна отключилась от происходящего на экране; то, что последует дальше, она могла процитировать наизусть. И точно:

— …И пусть мы разделены, пускай между нами непреодолимые пока разногласия… давайте жить мирно, давайте сотрудничать во имя выжива-

ния! Вы в Домене располагаете значительными ресурсами. Мы в Лучшей Надежде пользуемся расположением Когтей тропиков и обладаем правом беспошлинной торговли на всем пути до Длинных Озер и Восточного побережья. Мы заключили мир с некогда страшным врагом — Магнатом. Завоевав его расположение и доверие, мы добились освобождения всех его узников. Освобождение это…

Равна впилась глазами в экран. Снизу раздались изумленные выдохи и невнятные крики.

— …носит безусловный характер. Так получилось потому, что Магнат счел своими друзьями Лучшую Надежду, в отличие от Равны с Древорезчицей. — Невил сделал паузу. Отрицатели вокруг него буйно веселились. Вниз по лестнице, в Приемном Зале «Внеполосного-II», Дети тоже радовались, но более сдержанно, недоверчиво. — Мы полагаем, что большинство вновь освобожденных предпочтут остаться с нами в Лучшей Надежде.

Он снова сделал паузу, дав собравшимся время осознать последствия этого факта.

— Но мы отдаем себе отчет во вредоносном влиянии наиболее оголтелых сторонников Равны, способных подорвать с таким трудом завоеван-

ную нами репутацию. — Он помрачнел. Невил редко появлялся на публике таким сердитым. — Не совершайте ошибки. Мы не торгуемся за свободу этих Детей и никого не принуждаем возвращаться к Равне, Древорезчице и Шкуродеру. Вместе с тем мы приветствуем мирную делегацию Домена, буде таковая явится. Прийти могут все. Ваши представители получат свободный доступ ко всем отпущенным. Вы сами вольны будете судить о желаниях освобожденных Детей и Когтей.

Равна увидела, что Эльспа Латтербю рыдает. Она была в этом не одинока.

Равна устремилась прочь с капитанского мостика, в Приемный Зал.

Глава 43

Всем хотелось присутствовать при Великом Освобождении Заложников. Древорезчица прибегла к некоторым давно заброшенным властным полномочиям и потребовала от соправительницы Равны подняться в Новый Замок для беседы наедине. Они устроились в Тронном Зале Древорезчицы. Шт уже подрос и получил собственный маленький трон, а второй щенок пока обретался на плечах одного взрослого элемента.

— Невил похитил половину человеческой расы и почти все оборудование, не приваренное к полу. Я не отпущу вас к нему в лапы.

Равна кивнула. Она целый день убила, уговаривая Детей поостеречься приглашения. Тревожило ее ровно то же самое.

— Но ведь ты предоставишь нам военный эскорт. Не так ли?

— Разумеется! Если только Невил не обзавелся неведомой нам магией, мои войска запросто перестреляют его прихвостней в любой стычке. Но подумай дважды. У нас ничего нет, кроме слов Невила о достигнутом соглашении… — (С

Магнатом связи по-прежнему не было.) — Если исходить из того, что эта парочка сговорилась, мы все равно понятия не имеем *о чем*. Исходя из того, что я знаю о Магнате, его армия превосходит мою. Никакой сговор между двумя этими мерзавцами нельзя считать невозможным.

Собственно, оставшиеся Дети с этим согласились.

— Хорошо. Думаю, что смогу удержать большинство Детей в арьергарде. — Равна больше не выглядела жертвой пыток изощренного садиста, но Дети продолжали вести себя с ней с неслыханным послушанием. Самые обычные фразы ей приходилось формулировать осторожно, чтобы их не расценили как приказы и не кинулись выполнять. — Но я сама пойду вперед.

Древорезчица вздохнула:

— Я этого и боялась и продолжаю опасаться, что в таком случае все иные меры предосторожности окажутся абсолютно бесполезны.

Равна улыбнулась:

— Надо полагать, ты с нами не поедешь?

— Я еще не свихнулась, — кисло ответила Древорезчица. — Приходится учитывать, кроме всего прочего, что это уловка и в условленном месте засел Магнат с намерением атаковать нас.

Равна кивнула. Слова королевы были не лишены смысла, но…

— Ты знаешь, я думаю, что у Странника еще остаются шансы. От Венды я узнала, что Йо и Странник разбились прямо в сердце владений Магната. И он об этом не подозревал! Вполне возможно, что Странник еще там, прячется от Магната. В конце концов, это существо не такое чудовище, каким был Проныра. Если даже Магнат схватил Странника, тот будет в безопасности.

Древорезчица откинулась на тронах. Все глаза ее смотрели на Равну, кроме четырех, принадлежащих щенкам. Те переглядывались. Так бывало лишь в тех случаях, когда Старая Древорезчица намеревалась сказать гадость. Но когда королева наконец нарушила молчание, в голосе ее не было ничего, кроме грусти:

— Но Йо и словом не обмолвилась Венде о судьбе Странника. Да и на сцене мы ничего нового не узнали: Магнат был слишком занят, накинувшись на нее. Равна, смирись с тем, что Йо и Странник мертвы.

Это мрачное настроение Древорезчица на публику не выносила. То ли пессимизм обусловлен влиянием маленького Шта, то ли все несколько сложнее.

— Ты ведь горюешь и о Проныре, не так ли, Древорезчица?

Головы Древорезчицы внезапно вскинулись.

— Да! Я горюю о чудовище, в котором за столетие не осталось почти ни капли моей крови. Даже мои ближайшие советники втихаря называют мою симпатию «придурью королевы».

— Но это… не придурь. — Равна вспомнила ужас, который испытала в момент гибели Ганнона; печаль Древорезчицы имела иную природу. — Вы, стаи, и ты в их числе, добились результатов, которые в других цивилизациях обыкновенно появляются лишь на этапе мыслепресуществления. Вы приспособили биологический естественный отбор по глоткам к области идей и теоретических посылок. Твои расщепленные потомки среди величайших экспериментов в этой области.

— И двое из них стали ужаснейшими монстрами, каких только носила эта планета.

— Да, — согласилась Равна. — Но подумай: Старый Шкуродер изменил лик Северо-Западного края почти так же, как ты. Он создал и переделал Стального. Стальной же разработал, скомпоновал и воспитал Амдиранифани.

Древорезчица мгновение помолчала и ответила:

— Давным-давно я воображала, что Проныра станет противоядием от Шкуродера. Моим тайным оружием. Эта пушка отвязалась. Она убила стольких… она, скорее всего, уничтожила стаю, особо любимую всеми моими элементами. И все же, как бы ни ненавидела я Проныру, я не могу разделить всеобщую радость от его окончательной смерти.

Равна опять кивнула, пытаясь представить себе переделанного Проныру. Воображение отказывало.

— Так прислушайся к своим элементам и храни надежду.

Разумеется, путешествие в Долину Источников не имело ничего общего с мытарствами Равны под надзором Читиратифора. Экспедиция захватила вдоволь еды и удобные спальные мешки, кроме того, вокруг лагеря все время сновали приданные Древорезчицей войска Домена. Страдали, пожалуй, только Дети, которым особо не на что было рассчитывать при освобождении. Так, Эйвин вообще заявил, что не надеется увидеть даже останки Эдви; Эльспа питала больше надежд насчет своей сестры Гери, хотя и слышала жуткие отзвуки ее мук в голосе Магната. Джефри сказал, что ждет не дождется встречи с Амди, но вид у

него был неважный. Гиске Гисксндот ничего не говорила и ехала мрачнее тучи, кипя от гнева. Сразу после торжественного выступления предводитель Отрицателей «благородно» разрешил ей поговорить с мужем. Гиске и сама понимала, что толку никакого, Рольф оставит при себе двоих сыновей, если только пожелает.

— Пропади пропадом все Силы, да я просто хочу их увидеть! — кричала она Равне, умоляя взять ее с экспедицией. Равна не смогла ей отказать, но тревожилась о том, как поведет себя Гиске, столкнувшись наконец с Невилом и Рольфом.

Единственной участницей экспедиции, которую вроде бы ничто не тревожило, оказалась Ритль. Несмотря на это, синглетка ворчала и скулила громче обычного, особенно оказываясь рядом с Равной. Хотя она в любом случае не осталась бы в Домене. Судьба швыряла несчастное создание, как мячик, но, насколько позволял ограниченный интеллект, Ритль будто бы страстно искала чего-то. Равна только надеялась, что Магната порадует ее возвращение. И не без ужаса думала, что будет, если Магнат прикажет Равне и ее спутникам оставить синглетку себе.

Проведя в пути пять дней, экспедиция достигла Долины Висячих Скал, облюбованной Невилом.

Отряды Бэнки обследовали периметр и разрешили путникам разбить лагерь у реки. Пока все нетерпеливо ждали какого-то знака от Невила, Шкуродер-Тиратект разбежался по нагретому солнцем берегу и развалился на валунах. Он принес несколько телескопов и все время осматривал противоположный берег и вход в долину. Шкуродер был чрезвычайно доволен собой.

— Держу пари, Невил не пустит нас в свои пещеры. Он и меня-то не пустил, когда я был его подельником. — Головы стаи, кроме одной, следившей за тем берегом в бинокль, закачались в ухмылке. — Он ни разу не открыл мне точных координат долины, хотя Проныра и, вероятно, Магнат их знали. Полагаю, Магнат наладит бесперебойное снабжение Лучшей Надежды и превратит ее в постоянную колючку для нашей задницы.

Равна села рядом с элементом, чьи низкочастотные уши имели белые края. Даже в лучшей своей форме этот калека не взобрался бы на валуны, но остальные элементы Шкуродера подтащили его как могли близко. Равна почесала Белоухому шею, будто собаке; элемент всегда принимал такую ласку, и это, среди прочего, заставляло ее доверять Шкуродеру-Тиратект.

Белоухий довольно заурчал, что гарантировало ослабление Шкуродерова сарказма хотя бы на несколько минут.

— Ты думаешь, узников выпустят вон там, внизу? — спросила Равна. — Я не вижу никаких признаков.

Джефри и остальные шли к ним от лагеря. Несмотря на двусмысленное отношение ребят к Джефу (некоторые лоялисты считали его тайным агентом Равны в среде Отрицателей, остальные же полагали перебежчиком), молодой человек быстро завоевал лидерство в походе по глуши. Пока Равна давала понять, что Джефри следует ее плану, Дети соглашались ему подчиняться и полагаться на его опыт. Если бы не Джеф с Бэнки, лагерь не развернули бы так быстро и он не был бы столь уютен.

Эльспа шла в нескольких футах позади Джефа.

Никаких следов Отрицателей? — жестами спросила она у Шкуродера.

Нет. Прости. Шкуродер для ясности помахал биноклями. Сегодня его зрение было куда лучше, чем у всех прочих.

Эльспа обессиленно опустилась на камни рядом с Равной:

— Молю небеса, чтобы Гери была… у них.

Джефри подвинулся к Равне справа, оказавшись рядом с Белоухим, и сказал достаточно тихо, чтобы слышала только Равна и стая:

— Лучше бы Амди быть у них. Если его не вернут, я не знаю, что с ними сделаю.

Шкуродер откликнулся еще тише, Равна восстановила большую часть сказанного, держа пальцы у морды Белоухого:

— Винтозубу тоже лучше быть тут.

Они еще немного посидели у реки, строя предположения и затевая споры. Вскоре был готов обед, положивший конец спорам, но не изменивший всеобщего настроения. Потом Джефри куда-то ушел — видимо, проверять вместе с Бэнки наряды и дозоры. Там и сям бегала Ритль, затеяв личную поисковую кампанию.

Равна сверилась с невидимым участником экспедиции: Щепетильник посадил свой воздушный шар на рекомендованном ему «Внеполосным-II» горном пике и взял на себя функции маршрутизатора — в этот день отражение от ионосферы мало чем могло помочь. Равна хотела обеспечить абсолютную надежность связи с Древорезчицей и «Внеполосным-II»: Щепетильник дал ей много непрошеных советов насчет связи как таковой, но в основной поток данных поклялся не лезть.

— Это впечатляет, скажу я тебе, — откликнулся советник по науке. — С этой вершины такой вид на восток, что я чувствую себя Стаей Стай. Горы и ледники тянутся в бесконечность, будто волны каменного моря. Странник обожал фантазировать на эту тему.

— У меня все еще нет картинки, Щепетильник.

Тиара обеспечивала Равне аудиоканал, но окон с «Внеполосного-II» не показывала.

— Прости, — сказал Щепетильник, — но не может ли быть так, что твоя тиара наконец выдохлась Внизу? С камеры Вильма Линдена обзор превосходный.

— Ладно. — На сегодня хватит и звука в сочетании с камерой Вильма. Она переключилась на другую линию. — Корабль, что ты видишь?

— На моем радаре преимущественно чистое небо, с несколькими стайками птиц, — ответил «Внеполосный-II». — Весь путь по дну долины не просматривается.

— Гребаный ублюдок Невил! — влез Щепетильник. — Если б эти идиоты не разбили «ВГ-II», у нас был бы собственный радар. — Он еще несколько минут выплескивал в эфир гнев на Отрицателей. У Щепетильника были свои перетензии к Невилу.

Солнце уже далеко склонилось к западу, когда стаи, дежурившие дальше остальных от шумной реки, просигналили тревогу. И сигнал этот был отнюдь не скрытным — по всей долине раскатились бухающие аккорды:

— Аэролет! Аэролет!

Шкуродер без устали рассматривал гребень долины.

— Я ничего не вижу. — Он, как и прежде, нацеливал свои окуляры на оккупированную Невилом сторону, но в позе стаи что-то изменилось: внимание она теперь уделяла по большей части слуху, а не зрению. — Я слишком близко к реке. Я плохо слышу… Да! Несомненно, это аэролеты.

Закричали и другие стаи. Они носились вокруг лагеря, никуда в особенности не глядя.

«Да подскажите же мне! — подумала Равна. — Куда же мне смотреть?»

Бэнки скатился с дерева и поднял морды к небу, указывая ими на юго-восток.

Равна проследила его жест. Ничего. Характерный жужжащий рокот двигателей она тоже пока что не слышала… но «Внеполосный-II» докладывал, что вторичные эхо-сигналы на радаре могут принадлежать воздушным судам, огибающим Долину Источников.

Прошла минута. *Вон там!* Сразу над тем местом, где ледниковое ущелье поворачивало на юг, она заметила две темные точки, парящие над ослепительными снегами.

Шкуродер заплясал вокруг своих наблюдателей с биноклями, ему не терпелось сообщить свои новости:

— Эй, эй! Там двуногие, они идут по долине от Невилова закутка.

Все глаза перескочили с небес на гребень ущелья. По меньшей мере дюжина человеческих фигурок спускалась по стене. Они появились одновременно с аэролетами, внезапно и драматично. Без сомнения, в этом состоял особый расчет Невила и Магната.

Один из аэролетов был, похоже, тем самым, на котором возили Равну и Джефри — божественная дюжина Стаи Стай украшала его нос. Второй не уступал ему размерами: места для узников было предостаточно. Корабли не стали приземляться немедленно, а заложили длинный эллипс над группой Равны, взад-вперед, следуя свежему ветру, задувавшему по ущелью.

Эйвин сердито погрозил аэролетам кулаком:

— Эти подонки не намерены садиться, пока Великий Невил им не прикажет.

Шкуродер навел два телескопа на снижавшиеся аэролеты, а еще один — на спускавшихся по стене ущелья людей. Реплика Эйвина Верринга заставила его присмотреться внимательнее.

— Хех, не сомневаюсь, что именно приказа душки Невила они и ожидают, но… помню я посадки «ВГ-II». Без обученной загодя на земле команды это не так-то просто.

— Да, так что веди себя тихо, Эйвин, — сказала Магда Норасндот, — мы не можем себе позволить оскорблений.

Они с Эльспой Латтербю уже гадали, где именно приземлятся корабли, поскольку намеревались пристроиться в передние ряды встречающих. Бэнки побежал назад в лес, а теперь в сопровождении своих войск и делегации Отрицателей возвращался.

У Равны не было бинокля, чтобы отследить Невила Сторхерта, но ей это и не требовалось.

«Как он умудряется выглядеть таким чистеньким и опрятным здесь?»

Преступник уверенной походкой шагал им навстречу. Когда он приблизился, Равна заметила, что на лице Невила своеобычная, точно приклеенная, добродушная улыбка.

— Всем привет, всем привет! — крикнул Невил

выбежавшим ему наперерез и остановился довольно близко от Равны, сообщая новости самым нетерпеливым.

Его сопровождали пятнадцать Отрицателей. Тами Ансндот и несколько других несли камеры и коммуникаторы. Вид у них был как у новостной группы журналистов Рассветной Эпохи, и, что любопытно, во всех движениях и жестах группы Тами проступало сознание собственной вновь обретенной важности.

Невил отвел Эльспу подальше от толпы, Равна подобралась к ним, чтобы подслушать разговор, поскольку от тиары сегодня особого проку не было.

— Да, — говорил Невил, — коммуникационные линии в ужасном состоянии. Настоятельно необходимо нам всем обзавестись хорошими коммуникаторами. Я знаю, что твоя Гери среди пленников Магната. Более того, она совершенно точно на первом аэролете. — Он повернулся: Магда дернула его за руку. Приветственно кивнув, Невил заключил Магду в объятия. — О, я надеюсь, что и Норасндотов тоже сюда привезут; вскоре мы узнаем больше. — Некоторые Дети в открытую плакали.

«Так, а где же Гиске?» Она бы не затесалась в

толпу иначе как с ножом в рукаве. Равна быстро огляделась. Гиске стояла метрах в тридцати, горячо споря о чем-то с Били Ингвой. Невил отступил на шаг и возвысил голос так, чтобы его слышали все:

— Пожалуйста, дайте нам еще несколько минут. Мы должны безопасно пришвартовать аэролеты.

Он поглядел в небо на дальний аэролет, который как раз описывал вираж над противоположным концом долины.

— Я сперва прикажу швартоваться тому кораблю, на котором наши друзья. Второй — просто запасное судно. — Он так искусно маскировал свою растерянность, что слушатели едва ли вообще уловили ее. «Разве могут все пленники поместиться в один такой аэролет?»

Невил коснулся уха, точно актер в старинной драме. Кроме украденного в Новозамке скарба, у него наверняка есть радиостанции из поставок Магната. А располагая орбитальным маршрутизатором, предводитель Отрицателей наверняка развернул коммсеть получше, чем в Домене.

Невил осмотрелся, потом махнул рукой, командуя «вперед». Большинство Отрицателей устремились к болотистому берегу в излучине реки. Ага, их направляет Дель Ронсндот, расставляя

широким кругом. Остальные Дети рассыпались по долине, и один из аэролетов направился к ним. Гудение корабельных двигателей поднялось до воя. Нос аэролета наклонялся к земле, корабль поворачивался, пока с той точки, где стояла Равна, большое судно не показалось нацеленным вниз коротким бушпритом. Гомон стих. Посадка аэролета чем-то напоминала посадку транспортных кораблей на цивилизованные планеты, с той разницей, что там корабль представлял собой цельную массу под сто тысяч тонн, способную перемещаться между звездными системами. Когда первый аэролет спустил швартовы, а команда Деля заякорила их, второе судно уже снизилось до сотни метров над землей. Равна отметила, что Бэнки перемещает своих солдат, уводя с линии прямого обстрела сверху.

В этот момент, однако, почти все сорвались с мест и побежали к болотистой излучине. Бэнки вышел из себя от гнева, потому что некоторые солдаты его собственного отряда смешались с нестройной толпой (здесь, в глуши, несколько дюжин человек и пара шестерок стай вполне сходили за толпу). Джефри, уже подбежавший к первому аэролету, выстроил солдат в подобие кордона вокруг носового люка. Вильм Линден

вышел вперед и нацелил камеру на корабль.

Шкуродер слез с приречных валунов и помог Равне перекатить тачку Белоухого ближе к месту событий. По болоту они двигались медленно, да еще за ними увязалась Ритль. Синглетка, наверно, сообразила, что в общей толпе ее просто задавят.

Все расступились перед Невилом, и когда Сторхерт подошел к Джефри, молодые люди обменялись парой фраз. Равна не слышала — слишком далеко — и покосилась на Шкуродера, который тоже наблюдал за встречей.

— Не слышу, — с сожалением пробормотал он.

Невил сперва помрачнел, но затем усмехнулся Джефу и выдал ему что-то ободряющее. Затем развернулся к толпе, не переставая улыбаться. «О Силы, даже импровизируя, он держится так же уверенно, как тогда в Новом Приемном Зале».

— Друзья! — крикнул он едва слышным на ветру голосом. — Друзья! Пожалуйста, посторонитесь. Я не знаю, в каком порядке появятся наши близкие… — Но помахал Эльспе выйти вперед.

Равна и Шкуродер достигли заднего рубежа толпы. Равна осматривалась, привставая на цыпочки. От Ритль толку было что с козла молока: она крутилась между ног Равны и протестующе

ворчала, очевидно жалуясь, что ничего не видит. Впрочем, в целом Ритль вела себя непривычно тихо, хоть и не переставала создавать проблемы. Почему она просто не затесалась в толпу и не пробуравила ряды Детей, устроившись в переднем ряду для лучшего обзора?

Вильм Линден поднял свою камеру высоко над головой, сняв панораму толпы, потом опустил и повернулся к затворенному люку.

— Ты получаешь видео Вильма? — спросила Равна у своего высокогорного маршрутизатора.

— Да, — сказал Щепетильник.

Секундой позже Древорезчица подтвердила:

— Равна, я попросила устроить нам со Щепетильником частную аудиоконференцию. Мы получаем кадры Вильма и транслируем их в Приемном Зале «Внеполосного-II», наряду с видео, которое Отрицатели посылают через спутник. Мы следим за каждым словом Невила. — И она проворчала не слишком грубое ругательство.

Равна улыбнулась и промолчала. Рядом Шкуродер выстроился в когтевую пирамиду и теперь мог лучше обозревать происходящее парой верхних глаз. Бэнки приник к земле. Равна видела, что он оттянул три стаи поодаль от места высадки.

Оба аэролета заглушили основные двигатели.

Невил выдерживал драматическую паузу, и Равна, как никто, прониклась ею. Ритль, припавшая к ее ногам, и та молчала. Самым громким звуком в долине осталось дуновение бриза.

Потом крышка люка со скрежетом откинулась. Равна переступила с ноги на ногу; ей наконец стало лучше видно. Из люка выбросили трап.

— Что там внутри? — прошептал на ухо Шкуродер.

— Слишком темно, не вижу, — ответила Равна. Люк затеняла громада корпуса.

На линию вернулась Древорезчица:

— «Внеполосный-II» поколдовал с картинкой. На верхушке трапа по крайней мере один элемент стаи.

Кто-то пихнул Равну в бок, облизал руку. Ритль?

— Ты что, сдурела? — накинулась Равна на синглетку. — Иди спрячься! Смотри мне!

«А почему это Ритль так притихла?» Та жалобно пищала, в каком-то смысле это было даже противнее обычных ее визгов и щипков.

— Ладно, — смирилась Равна, — но не царапайся, слышишь? — Она обхватила Ритль под брюхом и подняла на руки, как Дети поднимали своих Лучших Друзей в бытность тех щенками.

С Ритль это было проделать куда сложнее, поскольку синглетка весила как взрослая женская особь Когтей. Равна пошатнулась, нашла точку опоры и постояла, приподняв существо на руках. По крайней мере, Ритль не пыталась запустить в нее свои коготки, зато Равне в лицо нацелились несколько рядов мелких острых зубов и повеяло испорченным мясом. Потом Ритль выкрутила шею и уставилась на аэролет.

Мгновение она сидела тихо, глядя на верхушку трапа вместе со всеми остальными. Потом из тени вышел замеченный Древорезчицей синглет. Ничего удивительного, что его было трудно разглядеть: существо облачилось в черный как ночь радиоплащ с редкими золотистыми полосками, да и те легко терялись в тени корпуса.

Это был Зек, и выглядел он куда лучше, чем в последнюю их с Равной встречу. Зек тревожно окинул взглядом посадочный круг, но в нем чувствовалось характерное для слитной радиостаи самообладание. Он мотнул носом в сторону Невила и бухнул ему:

— Я говорю за Магната.

Он не стал использовать обычный для Магната голос перепуганной маленькой девочки, а предпочел один из голосов Амди, который тот

применял, желая показаться взрослым, серьезным и важным.

Невил явно был удивлен, но ответил так же спокойно и доверительно, как всегда:

— Как мы и договорились, почтеннейший Магнат, я привел на место встречи людей и стаи Домена. Сегодня мы развеем множество заблуждений, какие отравляли их умы в прошлом. Вы привезли с собой ранее захваченных в глуши заложников?

— Разумеется. — Зек кивнул так, что сомнений в его цинично-веселой позе не осталось. — Мой начальник прислал меня надзирать за освобождением всех людей и Когтей, захваченных ранее нами в Домене с вашей посильной помощью.

Зек переместился на край трапа, пропуская тех, кто выстроился в очередь внутри. Равна заметила, что Невил подталкивает к нижним ступеням трапа, в поле обзора всех своих камер, Эльспу.

Маленькая человеческая фигурка появилась на верхней ступени трапа. Эльспа разрыдалась и сделала шаг вперед, но это оказалась не Гери Латтербю. Это был Тимор Ристлинг, даже в четырнадцатилетнем возрасте не превосходивший Гери ростом. Он помахал Эльспе рукой и дружелюбно улыбнулся, вероятно не поняв ее

разочарования. Затем отвернулся в сумрачный шлюз и сделал приглашающий жест. Спустя миг оттуда появилась еще одна маленькая фигурка и несмело взяла его за руку. Лицо, вынырнувшее из тьмы, было бледнее всех виденных Равной в жизни страумлианских лиц.

– *Гери*! — Эльспа устремилась вверх по трапу и подхватила сестренку на руки. Мгновение она топталась на самом верху, потом спустилась на несколько ступеней и села там с Гери на коленях. Еще через секунду поднялась опять, спустилась на землю и разрыдалась, не переставая обнимать и целовать Гери. Та потянулась к Тимору; Эльспа крепко прижала к себе и его.

Эльспа и малыши покинули трап, и толпа придвинулась к аэролету; впереди, как и прежде, теснились фотокорреспонденты Невила. Ритль у груди Равны напряглась и заворчала, не сводя глаз с трапа. Там стоял один лишь Зек — но синглет смотрел прямо в толпу, на Равну. Или на Ритль?

Синглетка спрыгнула у Равны с рук и пробуравила толпу на полной скорости. Вот идиотка!

Или Ритль по каким-то своим приметам догадалась, что скоро выпустят Амди?

Равна уже не могла стоять поодаль. Почесав

Белоухого элемента Шкуродера по холке, она сказала:

— Я пойду посмотрю.

Шкуродер ответил, не глядя на нее:

— И это правильно. Присмотрись к Гери. Что-то мне не кажется, чтобы Невил мог использовать ее освобождение в своей пропаганде.

Из корабля высадились еще три стаи. Две оказались городскими стражниками, исчезнувшими задолго до первых похищений. Тела их были покрыты синяками и шрамами, хотя самые серьезные раны уже затянулись. Третья стая представляла собой фрагмент, все, что осталось от Лучшего Друга Эдви Верринга — Мусорщика. Солдаты Бэнки гневно заворчали при виде этих несомненных свидетельств недостойного обращения.

Из второго корабля спустились некоторые стаи Магната. Они обладали военной выправкой, но держались на расстоянии. Из первого аэролета вылез пока только один член команды — Зек. Он сидел на верхней ступени трапа и отмалчивался, ограничиваясь краткими объявлениями каждого следующего освобожденного узника. Говорил в основном Невил, прилагая все усилия, чтобы обернуть появление пленников себе на пользу.

Равна пробралась сквозь толпу к маленькому пригорку, где сидела Эльспа.

— Равна! — Тимор увидел ее и быстро захромал навстречу. Равна обняла его; Тимор говорил быстро и с нескрываемым энтузиазмом. — Я так за тебя переживал, Равна! Нас держали вне камер большую часть времени, но Магнат сказал, что… — Он то ли прикусил язык, опасаясь что-то выдать, то ли подумал, что Равна не обращает на него внимания.

«Но я обратила внимание». Равна наклонилась к мальчику и провела рукой по взъерошенным волосам. Лицо Тимора осветилось хорошо знакомой улыбкой.

Потом Тимор оставил ее и подошел туда, где сидела Эльспа с Гери на коленях. Магда и Лайсл стояли рядом, будто не слыша непрестанного гомона у трапов аэролета.

Эльспа Латтербю сидела, склонив голову на грудь и обхватив свою маленькую сестру так крепко, что лица той не было видно. Равна опустилась на колени в мокрую траву и с трудом смогла разглядеть девочку в объятиях старшей сестры. Гери Латтербю всегда была жизнерадостным ребенком, но с тех пор, как Равна впервые услышала Магната, говорящего ее испуганным

голосом, ее страхи за девочку только росли.

Гери, однако, не плакала. Выражение на ее лице было отстраненным, на прикосновения сестры она реагировала с трудом. И хотя Гери вообще не произносила ни звука, Равна видела, что с ней стало. На правой ручке Гери не было двух пальцев, левая была согнута под неестественным углом. Одежда на ней была сухая и теплая, даром что тюремная… и открывала шрамы вокруг шеи.

— Ее пытали, — сказала Магда таким голосом, словно на зубах у нее хрустело стекло. — Магнат за это поплатится.

— Нет! — воскликнул Тимор. — Он ей только помогал!

Но Дети его не слушали, и он был вынужден заткнуться.

Невил Сторхерт прохаживался в толпе, стараясь не удаляться от группы Отрицателей. Его корреспонденты разделились: половина снимала аэролеты, половина следила за перемещениями вождя. Гиске куда-то пропала, но Джефри с Эйвином подошли ближе к предводителю Отрицателей. Если больше никого не выпустят, у Невила будут серьезные проблемы.

— Простите, простите… — Равна проталкивалась к Невилу, не прекращая шептать своим

удаленным помощникам: — Какое ваше мнение? Это все заложники, которых мы сегодня получим? — Люк аэролета оставался откинут, но Зек с верхней ступеньки трапа уже ушел.

Древорезчица отозвалась:

— Возможно, однако не спеши с выводами. Всего разумнее будет послушать, как Невил попытается объяснить отсутствие остальных заложников. Что с ним делать, решим потом.

— Я не думаю, что у нас есть простор для маневра. У Джефри с Эйвином такой вид, словно они Невила сейчас поколотят.

Невил, однако, заметил ее и повелительно махнул своим клевретам:

— Эй, ребята, пожалуйста, разойдитесь. Дайте Равне Бергсндот пройти.

Ага, значит, все придется разруливать ей. Что ж, будь что будет. Она отметила Невила самым обычным приветственным кивком, прошла по расчищенной дорожке и остановилась перед Сторхертом.

Улыбка Невила ничуть не изменилась со дня переворота в Новом Приемном Зале, но Равна атаковала сходу:

— Невил, я говорила с Эльспой Латтербю. Ее сестра Гери сошла с трапа первой, и…

Сторхерт сморгнул. Легко предсказуемые дальнейшие обвинения встревожили его настолько, что он позволил себе перебить Равну:

— Да. Я попросил Магната освободить Гери в числе первых. — В лучезарную улыбку подпустили сочувствия и серьезности. — Боюсь, что некоторые Когти так и останутся настроены к людям исключительно враждебно. Кое-кто успел добраться до Гери, прежде чем Магнату удалось ее спасти.

В толпе зашептались-заворчали Лучшие Друзья и солдаты Бэнки. Древорезчица доверительно сказала Равне в ухо:

— Когда вы удалитесь, придется мне во всеуслышание уточнить, кто же это был «исключительно враждебен».

Но Отрицатели энергично закивали, и даже некоторые лоялисты Равны, казалось, поверили Невилу. Вообще говоря, он не солгал, хотя, несомненно, решил в своих речах впредь обходить Проныру десятой дорогой.

— Ладно, — сказала Равна. — А как насчет трех стай и пяти человек, которых мы недосчитываемся? Что со Странником? А с Йоханной? Помнишь такую — Йоханну Ольсндот? Девушку, которая так тебя любила, что предложила сочетаться

браком. Мы их сегодня вообще увидим или как?

Невил на сантиметр откинул голову, давая понять, что «искренне» уязвлен:

— Веришь ты мне или нет, но Магната я не контролирую. Он мой союзник, и уважаю я его по меньшей мере так же, как ты — свою Древорезчицу. Все вы знаете, что отсюда вытекает. — Он позволил словам отдаться эхом в напряженной тишине. Прежде чем Равна оправилась от очередного завуалированного оскорбления, Невил продолжил: — Думаю, мы все видели, что произошло на Лугах. Дела пошли не так, как нам бы хотелось. Иногда преступления прошлого столь тяжки, что любое разумное существо теряет голову. Я понимаю чувства Магната в тот день. Йоханну мы сегодня и не собирались возвращать. По правде говоря, я не знаю, что с ней произошло. Магнат утверждает, что она жива, но я не думаю, что мы ее когда-то еще увидим. — Невил затравленно огляделся. — И даже если мы получим Йо назад, нам придется ее судить. Я… я на это не способен.

Радиостая, представленная Зеком, вернулась на верхушку трапа, без сомнения ретранслируя каждое слово в тропики. Взор Зека метался между Равной и Невилом.

Равна встретила взгляд синглета, но не отвлеклась от разговора с Невилом:

— Ты так заврался, что я даже не знаю, где воткнуть совок, чтобы начать выгребать твое дерьмо. *Веришь ты или нет*, Древорезчица не похожа на Магната. Поймите вы оба: если Йоханну не вернут, никакого перемирия не будет. А что с остальными? Или их ты тоже объявишь преступниками?

— Да! — заорал Эйвин Верринг, наступая на Невила. — Где мой брат Эдви?

Магда Норасндот поддержала его:

— А где семья моей сестры?

Невил протестующе поднял руки:

— Позвольте, позвольте, мы с самой высадки ни единого доброго слова от вас не дождались. Магнату ясна ваша точка зрения. Он тоже жаждет справедливости, но не все наши пропавшие друзья у него! О Страннике ему ничего не известно. Он обыскал дебри и тропики, использовал все свои связи, но не нашел его. Зато Магнат обнаружил Эдви, хоть и не успел его спасти. Останки Эдви на борту. Что касается Норасндотов, то Яна, Базль и Ким, их дитя, тоже не найдены. Мне очень жаль, Магда. — Эйвину лицемерные соболезнования Невил выразить не отважился, явно опасаясь

за свою шкуру.

Дослушав Невила, Магда отвернулась и уставилась в пространство, пытаясь осознать случившееся. Может, она ему и поверила.

Норасндоты пропали задолго до похищения детей. Молодая пара отправилась в путешествие вместе с маленькой группой торговцев и на пути к старой столице Древорезчицы исчезла, так и не добравшись до пункта назначения. Места, где пролегал их маршрут, изобиловали ульями куниц. Спасатели нашли следы засады волкороя, но человеческих тел не обнаружили.

— А что со стаями, которые, как мы знаем, *точно* у Магната?

Джефри! Ему удалось затесаться в группу Отрицателей и вынырнуть совсем рядом с Невилом. Левой рукой молодой человек обхватил Невила за плечи. В принципе, жест мог сойти и за радушное приветствие (Джеф широко улыбался), но Равна видела, что пальцы Джефри впились в тело Невила, а другую руку он не вынимает из-под куртки.

Мерто Ингва и его дружки начали пробиваться к своему вождю, роясь в заплечных сумках. Обе фракции людей вооружились, но пока что не рисковали открыть стрельбу. Невил заметил

Мерто с приятелями и с некоторым трудом улыбнулся им:

— Все в порядке, парни. Расслабьтесь. — Он глянул на Джефри. Улыбка подергалась и застыла. — Привет, Джеф. Я-то думал, что ты с Магнатом знаком отнюдь не шапочно. Он такой надоеда, а?

Джефри, очевидно, сжал пальцы: Невил ойкнул. «Наконец-то нашелся человек, способный элегантно переспорить великого оратора!» Сторхерт продолжал сдавленным голосом:

— Э-э, Магнат выпускает заложников в порядке, приблизительно обратном порядку захвата. Тех, кому нужна помощь, освободили первыми. Ясно?

Джефри пожал плечами.

— Я просто жду результатов, — сказал он спокойно.

— Ну, тогда хватит болтать, мы всех задерживаем. — Невил отвернулся к Зеку. — Выпускайте две оставшиеся стаи, пожалуйста.

Зек исчез. В следующую секунду из люка высунулась морда. Элемент начал спускаться по трапу, за ним последовали еще трое. Стая носила плотные плащи, но Равна узнала Фрагмент Винтозуба по чуть смазанной маскировке.

Шкуродер-Тиратект, несомненно, узнал его

тоже. Он вскочил с облюбованного местечка в заднем ряду и заревел так громко, что даже человек, незнакомый со стайной речью, инстинктивно убрался бы с его пути:

— РАЗОЙДИТЕСЬ!

Два элемента стаи катили тачку Белоухого, так что бежать Шкуродер, строго говоря, не мог. Ну и что? Винтозуб устремился к нему по болотной траве, встретив своего создателя на полдороге. Две стаи замерли в паре метров друг от друга, так близко, что связность мысли могла потеряться. Один элемент Винтозуба придвинулся еще ближе и растянулся на траве, скинув плащ. Шкуродер подвинулся к нему, чуть-чуть не касаясь остальных, и принялся ласково вылизывать шерсть элемента, к которому мог притронуться.

— Ты это видела? — спросила Равна по радио.

— Да. И я, если честно, не знаю, как реагировать, — ответила Древорезчица. — Я все еще зла на Шкуродера за его аферу с воскрешением Стального.

Но в голосе ее была не раздраженная досада, а печаль.

Джефри отпустил плечо Невила и улыбнулся уже не так хищно, как секундами раньше.

— Еще одного, — сказал он.

Зек опять улетучился. Значит, Амди следующий. Все глаза смотрели на трап, но Равна отчего-то оглянулась в толпу, опустила взгляд на уровень щиколоток. Последние шесть десятидневок научили ее простому правилу: «Тише едешь — дальше будешь». *Да*. Между двух Детей виднелась морда. Ритль затаилась в засаде.

Зек возник снова, обшарил взглядом толпу, задержавшись на миг при виде Ритль. Потом выгнул шею и махнул мордой кому-то позади.

Элементы стаи, высыпавшей из люка, оказались совсем не такими толстячками, как помнила Равна. В контуре одной морды было что-то неправильное.

— Амди! — крикнул Джеф и побежал прочь от Невила. Остальные элементы Амди перешли на бег и чуть не столкнули Зека с платформы. Все они смотрели на Джефри и что-то говорили на самношке про Йоханну, но звук был так прицельно сфокусирован на Джефе, что Равна не поняла слов Амди.

Ступени трапа были широкими, но не в восемь элементов шириной, и Амди хлынул вниз подобно лавине.

Из толпы, громко ворча, вылетела Ритль, покрутилась вокруг Джефри и повернулась к Амди,

чуть не сбив обоих с ног и лап. То ли она в чем-то обвиняла Амди, то ли просто поддразнивала. Амдиранифани весь сжался и не ответил.

Тут Ритль испустила тонкий презрительный визг и ринулась прямо сквозь Амди. Стая не рассыпалась, но закрутилась на месте, в полном замешательстве от чудаковатого комка шерсти и мысли, что толкался и теснился в ее середке. Пощелкали челюсти, завертелись головы, но когда Ритль вынырнула с той стороны стаи, несколько голов Амди уставились ей вслед. Ритль не остановилась, и уже вся стая повернулась, глядя, как синглетка уходит. Ритль бежала уже не так быстро, продолжая жалобно ворчать, но морда ее гордо задралась кверху. Преодолев трап аэролета, она постояла мгновение, созерцая толпу, и обернулась к Зеку.

Стаи загомонили. Дети озадаченно наблюдали за двумя синглетами, но Равна внезапно сообразила, на что это похоже у людей.

Амди напомнил ей подростка, чьего внимания долго домогалась агрессивная девчонка. Потом в один прекрасный день задира дарит «заучке» улыбку, подходит совсем близко, ерошит рукой волосы и уходит прочь — прочь из его жизни. Ботан остается глядеть ей вслед, испытывая

смешанное с сожалением облегчение. Ему еще предстоит понять, чего он лишился.

Джефри наверняка пришел к той же аналогии.

Еще подбегая к Амди, он громко рассмеялся и хохотал, даже когда Амди, стряхнув недоумение, окружил своего лучшего друга.

Итак, на этом освобождение закончилось.

Джефри разжал объятия, в которых стиснул было Амди, и в гневе подскочил обратно к Невилу. Равна понимала, в чем причина его ярости. У двух элементов Амди были темные повязки на головах: следы пыток. Амди бегал вокруг Джефри и тянул его за штаны, пытаясь упредить драку.

— Эй, Невил! — закричали с вершины холма, где начинался лес. Это был Били Ингва. Рядом с ним стояли Гиске и оба ее сына! Старший мальчик держал маму за руку, а младшего она держала на руках. Рольф держался чуть позади счастливого трио. И когда Гиске и сыновья спустились с опушки, все увидели, что Гиске с Рольфом улыбаются. Гиске так вообще голову потеряла от радости и наглядеться на своих мальчишек не могла.

Гиске и ее спутники встали там, где приречная трава сменялась тиной. Невил и большинство Детей побежали их приветствовать.

— Что это значит? — удивленно спросил Не-

вил.

Били широко улыбнулся в ответ:

— Гиске приняла решение!

Он ободряюще кивнул Гиске.

— Да, — подтвердила Гиске, оглядывая собравшихся. — Били показал мне пещеры. Там и вправду так тепло и комфортно, как нам показывали. Ничуть не хуже, чем в нашем доме на берегу моря. Как я счастлива снова видеть моего мужа! — Рольф погладил ее по плечам. — И как прекрасно снова видеть сыновей! — Она глянула на мальчишек и вся расцвела. — Думаю, что Лучшая Надежда и в самом деле лучшая надежда человечества. Я хотела бы присоединиться к вам.

Равна услышала изумленные шепотки. У Невила был такой же ошарашенный вид, как у всех остальных.

— Гиске, добро пожаловать! — Он шагнул вперед, словно желая обнять ее, потом обернулся к толпе и возгласил: — Все люди доброй воли будут с радостью приняты у нас в Лучшей Надежде!

Может, Равне только показалось, но… на миг гримаса омерзения омрачила лицо Гиске.

Гиске многим пожертвовала, чтобы воссоединиться с семьей, но не своими убеждениями.

Все же она охотно отвечала на вопросы из толпы, улыбалась и старательно уверяла Лучших Друзей, что счастлива своим решением.

Невил был очень доволен собой. Решение Гиске, хотя и застало его врасплох, пришлось как нельзя кстати. С удвоенным энтузиазмом Невил принялся расхваливать свою Лучшую Надежду, рисуя оппонентов в самых мрачных красках.

— У нас превосходные отношения с Магнатом, друзья мои. Если бы мы все, не исключая живущих под властью Древорезчицы с Равной, — не только мы тут в Лучшей Надежде — наладили сотрудничество, Магната, возможно, удалось бы убедить, что злодеи среди людей редкость. И тогда, паче чаяния, даже Йоханна Ольсндот вернется к нам. — Последняя фраза была нелогична, но Невил ввернул ее так гладко, что и некоторые лоялисты всерьез заслушались.

«О Силы, хоть бы Невил поскорее заткнулся!» — думала Равна. Она сюда не слушать проповеди чудовища явилась. Надо убираться восвояси, переговорить со Шкуродером и Древорезчицей, принять какое-то решение насчет Магната и его отказа освободить Йоханну.

Затем Невил посмотрел в ее сторону, и Равна поняла, что вскоре ей действительно придется

убраться.

— Итак, Равна, молю ответить: согласны ли вы с Древорезчицей сотрудничать с нами в Лучшей Надежде?

Равна раскрыла рот, собираясь ответить: «Никакого мира без Йоханны, без единого слова о Страннике!» К добру или к худу, но ее прервало громыхание из открытого люка аэролета:

— Полагаю, что вопрос сформулирован некорректно. Правильней так: *будет ли Равна сотрудничать с Когтями тропиков?*

Это был Зек. Наконец-то он заговорил!

Невил резко обернулся к аэролету, улыбка сползла с его лица, сменившись озадаченным прищуром.

— Э-э, ну да. Мм, конечно же, я имел в виду…

Невил был неподдельно растерян! У Равны аж от сердца отлегло, даром что унизил врага не менее чокнутый Магнат.

Голос Зека перекрыл блеяние Невила:

— Какими бы союзниками мы ни были, интересы у нас независимые. Мне нужно изучить намерения Равны с Древорезчицей.

— О, разумеется…

— И я думаю, что лучше бы нам поговорить наедине.

Невил несколько минут смотрел на аэролет ничего не выражающим взглядом. Затем обернулся и о чем-то быстро, эмоционально переговорил с Били. Когда он развернулся обратно, улыбка засияла снова. Невил в буквальном смысле слова пытался сохранить лицо.

— Разумеется, я согласен, почтеннейший Магнат. — Он повел рукой в сторону Равны. — Могу лишь надеяться, что Равна достойна такого доверия.

Теперь всеобщее внимание переключилось на Равну.

— Я с удовольствием переговорю с радиостаей. И смею заверить, что в нашем лагере конфиденциальности беседы ничто не угрожает. Добро пожаловать.

— Отлично, — прокомментировала в ее ухе Древорезчица.

— Ее недостаточно, — бескомпромиссным тоном отвечал Зек. — Пожалуйста, пройдемте на борт. Мой работодатель гарантирует вашу безопасность. По первому вашему слову мы вас выпустим.

— Нет! — зашипела Древорезчица. — Хватит Магнату и Йоханны. Это ловушка!

Вдалеке еще был виден Шкуродер, но фокусиро-

ванный звук оттуда не долетал; он внимательно смотрел на Равну и сейчас подавал ей ободряющие тайные знаки. Итак, лучший в этом мире специалист по предательствам полагает, что Магнату можно верить, но считает необходимым утаивать это мнение?

Равна медленно подошла к ступеням трапа, выгадывая секунды. Никаких идей в голове не возникло, зато Щепетильник и Древорезчица забили всю линию сердитыми протестами. Бэнки и Эйвин уже обогнали ее и встали, закрыв собой трап.

— Мы тебя одну не отпустим, — сказал Эйвин.

«Да где же Джефри?»

Зек прокомментировал с верхушки трапа:

— Я сказал — *наедине*, Равна. Прикажи им отойти.

У Невила вид был не столько озадаченный, сколько довольный. События развивались не по его плану, но он, кажется, сообразил обернуть их к своей выгоде.

Древорезчица прошипела:

— Тссс! Что говорит Амди?

Джефри и Амди остались с вызволенными заложниками; от них Равна тоже ничего не услышала бы. Как и все остальные, молодой человек

и стая просто… наблюдали. Джефри стоял на коленях рядом с Амди и не сводил с Равны глаз. Амди тоже глядел на нее во все глаза. Такое же выражение у них было в тот день, среди деревьев-стрелков.

— Все будет хорошо, Эйвин, — тихо сказала она. И потом громче, для всех: — Я иду на борт.

Внутри пахло стайными и человеческими выделениями, как всегда пахнет в битком набитом тесном помещении. Равна узнала корабль по отметинам на стенах: именно на нем они с Джефри когда-то летали. Как ни странно, тогда она запаха не учуяла. За спиной зловеще клацнула крышка люка. Она обернулась: тот же милый стюард, а не стая охраны…

Зек повернул налево и повел ее по главному коридору на корму. Ритль держалась близко к Зеку. Синглетка что-то мелодично фырчала себе под нос, вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь. С той же периодичностью Зек отвечал ей аккордом, примерно означавшим «да заткнись же ты, наконец».

Новый человеческий голос Зека возвестил:

— Мы побеседуем у меня в командной рубке. Там точно никто не подслушает.

Голос Древорезчицы вполз в ее ухо; оставался

шанс, что Зек ее не слышит.

— Кроме нас со Щепетильником! Притворись, что нас здесь нет.

— Отлично, — сказала Равна — слова эти легко можно было принять за ответ Зеку. Она поглядела вниз на синглетов. — И что, Зек, за кого же ты сейчас говоришь?

Зек очень правдоподобно фыркнул, совсем как человек:

— Это всего лишь я, Радио. Я сам. Приятно тебя видеть, Равна.

Правда?

Они дошли до конца коридора. Зек вскарабкался по спиральной лестнице, Ритль не отставала, а Равна, как обычно, поднималась с большим трудом. Наконец наверху…

И наверху, на одном из тронов Магната, сидела Йоханна, улыбаясь до ушей.

Равна бы вскрикнула от неожиданности, но Йоханна приложила палец к губам:

— Рубка экранирована, но не идеально. Я не хочу, чтобы наши снаружи вообразили, будто тебя пытают.

Она встала. Две женщины крепко обнялись и мгновение молчали.

Затем Равна отступила на шаг, слова не шли

на язык. Такие сюрпризы с ней уже случались, но редко — приятные. Она только и могла, что безмолвно всплеснуть руками. Древорезчица и Щепетильник на потайном аудиоканале ошарашенно спорили о происходящем.

— Там Йоханна, — сказала им Равна наконец.

— Ага. Это правда я. Я жива, мне не причинили вреда, я счастлива тебя видеть.

— Ты не пленница?

— Нет. Я бы могла прямо сейчас выйти из корабля. Но не собираюсь.

Йо перестала улыбаться. Она повернулась и долгим взглядом посмотрела наружу через кисейные занавески на окнах рубки. Солнце сияло так ярко, что сквозь них хорошо была видна местность вокруг корабля.

— Мне жаль вводить друзей в заблуждение, хотя я уверена, что Джефри уже знает правду. — Она помахала тиаре Равны. — И, держу пари, Древорезчица тоже.

Равна кивнула, коснулась тиары, и голос Древорезчицы заполнил каюту:

— Да. Я здесь. Мы со Щепетильником, если быть точной. Думаю, я понимаю, что у вас творится. Магнат желает заключить с нами секретное соглашение?

— Типа того, а меня он послал, чтобы убедить вас в своей искренности.

— Она отлично выглядит, Древорезчица, — добавила Равна.

— Что со Странником? — спросила Древорезчица.

Всю живость Йо как рукой сняло. У девушки вид был такой, словно она с разбегу натолкнулась на стену.

— Мне… кажется, что Странник мертв, по меньшей мере расчленен на элементы. Проныра загнал его в Хор. Древорезчица, можно потом поговорить с тобой об этом отдельно? Только ты и я.

Древорезчица ответила после неуловимой паузы:

— Конечно. Попозже.

— Х-хорошо.

Йоханна отвернулась к носовым окнам и долго молчала. Вокруг корабля шныряла пара разведчиков Бэнки.

— Думаю, Невила мы провели. — В ее голос проникло обычное своенравие. — Магни? Ты слушаешь?

Зек заговорил другим голосом, похожим на Тиморов, но грубее:

— Разумеется, я слушаю. Ты хочешь, чтобы я им объяснил, почему все так изменилось?

— Да. Ты годами разыскивал меня с намерением прикончить. Что же тебя заставило изменить решение? И покороче, Равну люди ждут.

— Ладно. Я не хочу, чтобы все думали, будто меня ничего не стоит переубедить. Мое терпение поистине бесконечно, иначе бы я никогда не преуспел в тропиках. Все же частью себя я не уставал следить и за Пронырой, хотя он был мне чрезвычайно полезен. Я изучал людей, с которыми встречался. Я понял, что они не чудовища. И когда сама радиостая заступилась за людей, я заинтересовался достаточно, чтобы не убить Йоханну в тот же миг, как ее увидел.

— Я тебе очень за это благодарна, — сказала Йо.

— Но этим я загнал себя в трудное положение, — продолжал Магнат. — К счастью, я очень быстро соображаю. Мне нужно было убраться подальше от Невила с его лучевой пушкой. Это оружие, по моим оценкам, бьет на сотни километров, и я обязан был обеспечить себе часы беспрепятственного полета. Так что я схватил Йоханну и сбежал, предоставив Невилу надеяться, что я все еще согласен с ним сотрудничать.

Йо кивнула.

— У нас с Магни выдался очень… трудный день. Примерно как тот, что у тебя на представлении Невила, только втиснутый в часы. Эта записная книжка Грамотея все изменила.

Магнат продолжал:

— Грамотей так меня задалбывал этими своими записями. Поговорив с Йоханной, я узнал, что и ее он достал до печени. Она его не убивала, она лишь выругалась так. Мы оба его отвергли… и оба годами мучаемся виной. Я ошибся в Йоханне. Я редко ошибаюсь, но если это все же происходит, то последствия могут быть ужасны. Я десятидневки напролет пересматриваю все свои планы.

Щепетильник отозвался заносчиво-придирчивым скептическим тоном:

— Если ты часами решал, что делать с Йоханной, решение вышвырнуть из люка Проныру кажется мне весьма импульсивным. Ты ведь даже не догнал его.

— Гм, но, как я уже сказал, я очень быстро соображаю. В этом случае…

Голос Зека изменился на середине фразы, и радиостая отодвинула своего повелителя в сторону.

— В этом случае среди сотрудников Магната

нашелся тот, кто предугадал пожелания начальства. Видите ли, Проныра погиб в ходе… мятежа. Равна, ты знаешь, как Амдиранифани помогал Уту и другим моим элементам наладить контакт. И это не всё — операции Проныры всегда проходили на грани мятежа. Проныра наловчился уходить от ответственности, у него были годы, чтоб в совершенстве овладеть этим искусством. Амдиранифани перетянул команду на свою сторону. В первой, неудачной попытке он потерял два глаза — и научился осторожности. Мои элементы видели многих прежних жертв Проныры. Я не думал, чтобы кто-то из них оказался умней его, пока не появился Амдиранифани.

«Амди, тихоня Амди?» Равна чуть не брякнула это вслух. Радиостая продолжила:

— В тот день над Холмом Звездолета, когда мы открыли носовой люк, Проныра намеревался оттуда кого-то вышвырнуть по частям. Желательно Амдиранифани. Амдиранифани сосредоточил звуки своих переговоров в обход его контрольной гондолы: Проныра об этом так и не узнал. Амдиранифани с фрагментом Ст… Винтозуба почти все время были на связи, а четверка еще и металась в клетке как безумная, чтобы Проныра гарантированно ничего не подслушал. Проныра послал

одного своего элемента вниз, к носовому люку, и велел старпому отвязать нескольких элементов Амдиранифани. Тогда я, то есть Ут, решил, что пора действовать, потому что Амдиранифани так запланировал. Я ускользнул со своего насеста, взял у старпома ключи и открыл клетку Винтозуба. Эта четверка — прирожденные убийцы, к вашему сведению. Они устроили на корабле кровавую баню, охотясь на Проныру и всех, кто оставался ему верен. Старпом вышвырнул одного из элементов Проныры через люк, и тогда Проныра подкрался сзади и перерезал мне горло. Потом я почти ничего не помню, только как Ут лежал в рубке и истекал кровью, пока не умер.

Радиостая говорила спокойным, сдержанным голосом, но глаза Зека расширились, и он затрясся. Равна потянулась к нему.

— Все хорошо, — сказала она мягко. — Остальное мы знаем.

Когда Магнат заговорил снова, в голосе его поубавилось бравады.

— Они поступили правильно. Я им благодарен.

— Да, — удовлетворенно усмехнулась Йоханна, — Проныра погиб почти такой же смертью, какую он уготовил бедняге Грамотею. — Она помолчала. — В принципе, это все. Лучше, конеч-

но, чтобы Невил как можно дольше оставался в неведении.

Щепетильник уточнил:

— Как бы ни наслаждался я этой мыслью, но в чем резон водить Невила за хвост? Если мы с Магнатом теперь союзники, то уже не имеет особого значения, что знает и чего не знает Невил. Стоит лишь отряду Равны вернуться в Новозамок…

Зек отрицательно заворчал, и голос Магната вернулся:

— Вы не поняли. Йоханна Ольсндот моя советница, и ей тут нравится, но я не ваш союзник. Если хотите, можете считать Йоханну своим послом ко мне. Я рассматриваю Домен в качестве экономического конкурента, и хотя я… презираю Невила, с ним я тоже намерен торговать.

— Как! — возмутился Щепетильник. — Это же абсурдно! Тебе же бессмысленно сейчас враждовать с Древорезчицей. Я бы сказал, что…

Но Древорезчица не поддержала его, и советник по науке замолчал.

Равна испытующе поглядела на Йоханну:

— Ты вольна уйти отсюда, Йо? На самом деле?

— Да, разумеется! — ответил Магнат.

— Я тут все изучила, Рав, — усмехнулась Йоханна. — Я думаю, что могла бы незаметно сбежать с

этого корабля, если б *на самом деле* хотела.

— Ты могла бы? — переспросил Магнат в некотором смятении.

— Да, Магни.

— Ну ладно, — откликнулась Равна. К чертям собачьим эту дипломатию. — Если ты считаешь, что для тебя безопасно оставаться в тропиках, жить под властью этого парня, то…

У Равны был похожий опыт.

— Гм, чувствую ли я себя в безопасности в доме Магната? — протянула Йоханна задумчиво… и довольно. Таким тоном она обычно болтала со Странником, играя с ним, точно с ластившейся стаей добрых собак. — Не совсем. Магнат ведет себя как отъявленный мерзавец, но только если уверен, что его оппонент сам мерзавец. Зато он спас Тимора и Гери, как я от них узнала. Факты понемногу пробивают толстую костяную броню каждой его башки. Он ненавидел меня так, что и представить сложно. А теперь? Ну, с Магнатом мне безопаснее, чем, к примеру, со Шкуродером. Переделанный Шкуродер отличный парень. Он, вероятно, спас мою жизнь, уломав Древорезчицу захватить с собой эту записную книжку. В то же время он изворотлив, хитер и непредсказуем. — Она поколебалась, прежде чем продолжить. — Я

еще не встречала обратной надстройки удачнее Магната. Он десять лет провел, восстанавливая утраченное. Когда я говорю с ним, мне легко представить, что я вновь обрела потерянного друга.

— Я еще не восстановил утраченное, — возразил Магнат. — Я на полпути.

— Магни, ты никогда не пройдешь этот путь до конца, — мягко отозвалась Йоханна. — Но я думаю, что Грамотей гордился бы тобой. Восстанавливая его по памяти, ты сделал его лучше прежнего. Он подивился бы такому достижению.

— Хе, а ты права!

— С этим разобрались, — сказала Равна. — Мы не союзники, мы торговые партнеры и конкуренты. Но Магнат, как я поняла, намерен поддерживать заодно и Невила? — Она рассчитывала, что такой вопрос задаст Древорезчица, но королева выжидательно молчала.

Йоханна с Магнатом заговорили одновременно.

— Дай я отвечу, — сказала Йоханна, когда страсти улеглись. — Невил воображает, что у него таки образовался вожделенный альянс с Магнатом. Невилу повезло, что Магнат пока недостаточно его ненавидит, чтобы убить. Разумеется, Невил органически не способен на дружбу с

Когтями, более того, я уверена, что ему кажется, будто он использует Магната в своих целях. И чем дольше останутся в тени взаимоотношения Магната с Доменом, тем лучше для всех. Магнат намерен построить в Лучшей Надежде устойчивый человеческий противовес колонии в Домене, но так, чтобы всем своим существованием эта структура была обязана Магнату и без него мгновенно рухнула бы.

— Я не собирался выражаться столь недипломатично, — прогромыхал Магнат.

— Разумеется, не собирался. И пока я остаюсь твоей советницей, изволь не вешать лапшу на уши моим друзьям в Домене.

Щепетильник чуть слюной не брызгал:

— Будь эта схема механизмом, она бы развалилась на части. — Он добавил еще несколько нелицеприятных замечаний на стайном, потом вернулся к самношку: — Если мы обречены на тайную дружбу, то я тоже потребую знака доброй воли. Магнат должен вернуть стыренное Пронырой оборудование, в частности компьютер, именуемый Слоником.

Если не считать «Внеполосного-II», это было любимое автоматическое устройство Щепетильника.

— Прости, Щеп, — ответила Йо. — Этому не бывать. Магнат увлекся моим старым плюшевым медвежонком не меньше твоего.

Щепетильник возмущенно загудел:

— Мы столь многим жертвуем, мы обязаны терпеть Невила, да что там, *обогащать* его! Взамен нам предлагают довольствоваться, гм, угрозой конкуренции и слепо доверять этому агрессивному тропическому безумцу. Как это вообще может сработать?

Равна подумала об увиденных ею на юге заводах. Многокилометровые цеха, где можно выковать спасение этого мира.

— О да, может. — «Какой ценой?» Равна посмотрела на Йоханну. — Йо, ты, помимо всего прочего, наш посол в Хоре.

— Я… да, конечно.

— Ты ведь знаешь, что такое эксплуатация?

— Что-то из Эпохи Принцесс на Нюйоре? — улыбнулась девушка.

Равна не вернула ей улыбки:

— Йо, я не хочу, чтобы это повторилось здесь.

Девушка мгновение озадаченно смотрела на нее, потом очень серьезно кивнула:

— Я обещаю, Равна. Эксплуатация Хору не грозит.

Равна сошла за борт «Стаи Стай», Йоханна же осталась сидеть в командной рубке. День угасал, солнце клонилось к закату, но было еще достаточно светло, чтобы сквозь кисейные занавески, опущенные стюардом на носовые окна рубки, можно было разглядеть место высадки. Наклонившись вперед, Йо видела почти весь отряд Равны. Тут были Джефри с Амди — Джеф уже точно знает, что с нею все в порядке. Но оставались Гиске, Магда, Эйвин… Чем дольше Йоханна будет играть в кошки-мышки с Невилом, тем больше ее друзей будут считать девушку погибшей. Эту цену Йоханна согласилась уплатить, но оценить ущерб, понесенный остальными, ожидавшими ужасной вести, даже не пыталась. Она видела Эйвина, сгорбленного над маленьким гробом Эдви. «Можно было бы хоть словечком перекинуться с теми, кто действительно скорбит». Но нет: вместо этого они с Магни думают только о том, как одурачить Невила. Успех? Несомненно. Однако больше всего на свете Йоханне сейчас хотелось улететь, сбежать отсюда.

Ее мысли прервал новый голос Магната:

— Я командую отлет.

Йоханна повернулась: Зек уселся на троне рядом с ней.

Ура! Вслух она сказала:

— А я-то думала, что тебе интересно еще несколько часов тут меня помурыжить.

— Да. Но я ничего интересного не слышу. Лучше вернуть мой флагманский корабль в порт приписки, его эксплуатация слишком дорого стоит.

— Военный корабль ты оставишь? — уточнила Йо.

— Конечно. Невил должен верить, что мы союзники, но я дам ему понять, что никому более не дозволено убивать, прикрываясь моим именем.

— Ладно. Полетели.

«Пожалуйста!»

Зек закрыл главный люк. Минутой позже Та поднялся по спиральной лестнице — очевидно, из пилотской гондолы. Эти два элемента представляли радиостаю на борту «Стаи Стай». Та отдал завершающие указания пилотам по переговорным трубам с капитанского мостика. Обычно он являлся сюда, когда Магнату было что ей сказать.

Она услышала тихое гудение индукционных двигателей, а спустя мгновение — более громкий звук, голос Зека от главного люка. Официальный спикер Магната возвестил об их отбытии и попросил людей Невила отшвартовать корабль.

Через десять минут Йоханна почувствовала, как последние тросы отпустили корабль и «Стая Стай» медленно, гордо воспарила над ущельем. Девушка успела еще в последний раз поглядеть на экспедицию Равны и группу Невила. С десяток Отрицателей уныло махали вслед аэролету. Равна и ее люди просто смотрели. Она смотрела на Джефри с Амди, когда провожающие уже скрылись из виду.

Корабль повернул уже над стенами Ущелья Источников. Они полетели вдоль северной стены, граничившей с ущельем долины крупной горной реки. Йоханна отдернула занавески, чтобы Та и Зеку было лучше видно.

— А вон та щель в стене боковой долины — вход в пещерную систему Невила? — спросила радиостая.

— Да. Если Древорезчице о ней неизвестно, мы можем закартировать его.

Магнат проворчал:

— Автоматические видеорегистраторы у меня на первом месте в списке планируемых к внедрению новинок.

Меньше чем через минуту крысиная нора Невила тоже пропала из виду. До горизонта тянулись бесконечные волны камня и льда, подсвеченные

закатным солнцем. Летя на этой высоте, они не нуждались в дозаправке, но обратное путешествие заняло бы всю ночь и целый следующий день.

Больше чем достаточно времени для одного правильного поступка. Йоханна повернулась к Зеку.

— Так куда ты положил коммуникатор? — спросила она.

Та и Зек уткнули морды в один из низких шкафчиков, окаймлявших стены. Шкафчик не был заперт. Она вытащила оттуда коммуникатор — один из пары доставшихся Магнату.

— Ты что это делаешь? — подозрительно спросил Магнат.

— Посижу-ка я в чатике с Древорезчицей.

Элементы радиостаи протестующе взвизгнули, — без сомнения, это говорил Магнат.

— Невил тебя подслушает!

— Не-а, — сказала Йоханна. — Траффик по коммсети зашифрован, а мы так высоко, что я могу напрямую говорить с побережьем. Невил даже не узнает, что мы поговорили.

Магнат помолчал.

— Ладно, — отозвался он наконец. — Рано или поздно я и так собирался обсудить все в деталях с

этой Древорезчицей.

— И то правда. — Йоханна положила коммуникатор и оглянулась на Та с Зеком. — Но, Магнат, я не за этим. Нам с Древорезчицей надо… поговорить о своем. О личном. Если ты откажешь мне в следующем требовании, я не обижусь, но… мог бы ты выйти отсюда? Даже из рубки?

Это испытание Йоханна никогда не рассчитывала пройти. Вообще-то, она и не надеялась завоевать такое доверие Магната.

Магнат опять помолчал.

— Это насчет стаи по имени Странник, так ведь?

— Да.

И снова молчание.

— Хорошо, я разрешаю. — (Та и Зек устремились к лестнице.) — Но я требую полного отчета обо всем остальном!

Всего несколько секунд — два элемента исчезли за люком, а потом покинули и предбанник капитанской рубки. Йоханна сгорбилась над коммуникатором и попыталась инициировать вызов. Устройство не знало, где находится, а к спутнику за координатами Йоханна его пускать не хотела, так что задачка была не из легких. Но уже через несколько минут все индикаторы

вспыхнули зеленым, и вскоре…

— Древорезчица на связи. Йоханна?

— Да. Я сказала, что нам надо поговорить. Я вовремя?

— Да. Я одна в своем Тронном Зале.

— Я тоже одна. Я… хотела рассказать тебе про Странника.

Йоханна описала королеве последний полет и крушение антиграва. Об этом она почти заставила себя забыть. Может, и глупо сейчас рассказывать про каждую смерть, описывать все виденное, но она так поступила, и Древорезчица ее выслушала. Под конец Йоханна говорила таким голосом, что вряд ли кто из людей способен был разобрать ее слова. Но Древорезчице это удалось, и более того, королева стала задавать вопросы. Она хотела знать *все*.

Когда Йоханне нечего стало ей рассказывать и девушка умолкла, Древорезчица подытожила:

— Его расчленило на элементы. Сомнений нет.

Избранный королевой для бесед с людьми человеческий голос звучал как всегда. Почти как всегда, может, немного медленнее.

— И скорее всего, он полностью мертв. Но… это же Странник. Когда ты вернешься в тропическое укрытие Магната…

— Да, Древорезчица. Я буду искать его. Я не отступлю.

Они еще какое-то время говорили о Страннике. У обеих нашлось что вспомнить. Йоханна знала его десять лет. Древорезчица, в разных своих ипостасях, много дольше.

Они проговорили часа два. Снаружи Ледовые Клыки растаяли во тьме, над горизонтом высыпали звезды. «Стая Стай» набирала высоту, преодолевая перевалы. Погода стояла ясная, сухая, безветренная. Раньше Йо часто тут летала, но в такие благоприятные условия не попадала.

Воспоминания уступили место попыткам представить реакцию Странника на текущую ситуацию и общей дискуссии на стратегически важные темы. Йоханна мысленно набрасывала отчет Магнату.

Но частью стратегии был сам Магнат.

— Ты уверена, что Магнат не подслушивает разговор? — спросила Древорезчица.

— Я… — Йоханна покосилась на переговорные трубки. Те были плотно закрыты. Со своего сиденья она хорошо видела лестницу и пустую приемную под ней. — Древорезчица, я уверена, что он сейчас не следит за мной, и с его стороны это знак доверия больший, чем…

Древорезчица перебила:

— В данном случае нам есть смысл полагаться на то, во что ты веришь. Я так долго размышляла, что собой представляет это существо. На кого он похож?

О! Йоханна подумала секунду-другую.

— Он большой выпендрежник. Многочисленный и чудаковатый. Иногда он напоминает мне Грамотея, но может быть и таким же грубым, как Щепетильник. Не забывай и про коммерческую жилку. Представь себе Шкуродера, чьей единственной целью в жизни стало всучить тебе брелки, безделушки и запчасти к фургонам.

Древорезчица захмыкала в несколько носов, что у стай соответствовало удивленному смеху:

— Намекаешь, что теперь *я* должна посидеть с ним в чате?

Глава 44

Прошло семь десятидневок.

Афера с Невилом развивалась своим чередом, так что Йоханна по-прежнему была прикована к тропикам. Но более захватывающего периода в своей жизни она не припоминала. Каждый раз, входя в Хор, она обретала там нечто новое. Она исходила берега Болот и Великой Реки, смотрела, как прибывают и отплывают флотилии. Чиперс и его друзья вернулись ровно через шестьдесят дней после нее. Она спускалась на первый этаж удивительной фабрики. У нее были планы проплыть на катамаране по Реке к резервации «Север-1», но, когда она озвучила их Магнату, восьмерка растеряла остатки былой грубости и слезно заумоляла девушку не дурить. Впрочем, не исключено, что в данном случае Магнат абсолютно прав… А, да ведь можно отправиться вместе с Чиперсом в один из регулярных речных рейсов!

И оставалась, конечно, Великая Пирамида Хора. Йоханна очень любила на нее подниматься. Причин тому было множество, не исключая простейшей — пощекотать нервы.

В тот день она выскользнула из дворца Магната на рассвете, в самое прохладное время суток. Похолодало до тридцати восьми градусов, дожди прекратились, небо, как по волшебству, расчистилось. Конечно, так рано она уходила потому, что даже Магнат еще спал и, таким образом, не мог ее остановить заунывными поучениями. Половиной себя стая действительно тревожилась за вылазки Йо в Резервацию, а половиной откровенно завидовала. Лучше уж избежать очередной порции его аргументов.

Только она подумала, что все прошло как по маслу, и тут же появились Зек с Ритль. Радиостаю тяжело было обмануть, когда связность элементов не страдала и когда в сети была вездесущая извращенка Ритль.

— Ты опять полезешь на этот бугорок? — спросила двойка на безукоризненном самношке (это значило, что стая почти восьмерная).

— Ага, только не говори ему, — сказала Йоханна. Они прошмыгнули через один из бесчисленных технических выходов и стояли в утренней… ну, пусть будет прохладой. Девушка указала рукой в небо, бездонно-синее, но слегка выбеленное облачками там, где по небосклону шарили первые лучи солнца. — Думаю, выдался отличный денек

для прогулки в Хоре.

— Для тебя? Может быть.

Двойка по-приятельски сопровождала Йоханну на край Резервации, для разнообразия не ворча на нее за опасные привычки.

— Собственно, я хотел попросить тебя об услуге, — сказала радиостая. — У нас еще с ночи нет видеосигнала с северной камеры.

— Да, я знаю. Ее перевернули, но я уверена, что не нарочно. Как только поднимусь, перезагружу ее.

— Спасибо.

Радиостая, похоже, лучше Магната понимала ценность вылазок Йоханны. У нее были собственные идеи. Тем утром она распространялась о производстве усовершенствованных аналоговых камер и о том, как утаить их существование от Невила. Девушка опустила взгляд на двойку и постаралась не улыбаться. Радиостая была уникумом в своем роде. Физически — здесь — она являлась двойкой; в обычных условиях это был бы умственно отсталый обрубок полной стаи. На самом же деле разум радиостаи растянулся на сотни километров и заведовал предприятием почти столь же сложным, что и крупнейшие промышленные центры раннетехнологических

цивилизаций. Радиостая управлялась с ним без особого труда, и число таких стай, вполне возможно, прирастет, как только Щепетильник научится шить плащи, безопасные для носителей. А когда они полностью перейдут на цифровые версии с мультиплексным подключением пользователей, таких стай будут миллионы!

Ритль же придавала этому созданию особую странность: она была без радиоплаща. Чтобы она могла оставаться в стае, синглетка почти прижималась головой к Зеку, либо тот укрывал ее своим плащом. Мысленное общение получалось обрывочным. По существу, чудом было, что стая все еще терпит такой непрочный и временный брак. Ритль еще только училась носить плащ Ута.

Они почти дошли до главных ворот Резервации. В принципе, ворота имели символическое значение, как и сама ограда. Временами Хор роился на границе, словно готовясь к безумной атаке, цунами, способному смести все грандиозные планы Магната, но это не была настоящая враждебность: просто Хор терял себя, и волны его экстаза перехлестывали через край Резервации. Потом стаи Магната заменяли погнутые доски и порванные веревки. Все возвращалось в норму.

Сегодня толпа вела себя мирно, и лишь несколь-

ко Когтей бегали ближе пяти метров от границы. В десяти метрах толпа теснилась так же плотно, однако без признаков паники.

— Хор наблюдает за нами, — сказала радиостая.

Йоханна передернула плечами и махнула стражникам Магната отпереть ворота.

— Когда сюда спускаемся мы с Магнатом, все не так, — продолжила радиостая. — Сегодня утром толпа чего-то ждет, смотрит осмысленно. Совсем как слитная стая. — Двойка немного разошлась; Ритль частично выскользнула из-под плаща, нацелив среднее ухо на загородку и летевшие из-за нее мысли. — Я… я слышу Хор, и он мыслит более связно, чем обычно. Он наблюдает *за тобой.*

— Все в порядке, — сказала Йоханна. Слышные ей звуки представляли собой какофонию ворчания, шипения, животных взвизгов, но она понимала правоту Радио. Так происходило всякий раз, стоило девушке подойти к воротам. Взгляд ее скользил по склонам фрактальной пирамиды. Непривычный глаз мог бы счесть расположение Когтей хаотичным, в действительности же оно было самоподобно, масштабно-инвариантно. Йоханна наловчилась определять настроение и иногда намерения толпы по этим узорам. Сейчас

фракталы выражали… восхищенное нетерпение.

Она прошла к отпертым воротам, игнорируя боязливо припавших к земле стражников Магната. Те всегда нервничали, открывая ворота. Как будто запертые защищали их лучше!

За ее спиной радиостая повелительно взвизгнула: «Эй, ты! А ну иди сюда!»

Она повернулась: Ритль отбежала от Зека и целеустремленно потрусила к воротам за Йоханной. Йо редко наблюдала такую дерзость у близких к слиянию синглетов, разве что в военных госпиталях. Ритль была крепким орешком. Йоханна ее за это и ценила, сейчас же девушка всерьез опасалась за синглетку. Йо остановилась в середине прохода, не обращая внимания на кишевших вокруг нее Когтей, и как могла сымитировала когтевой жест предупреждения, махнув Ритль рукой:

— Стой! Тебе сюда нельзя, Ритль. Мне тут находиться безопасно, тебе — нет.

Ритль никогда не вернется обратно, и это в лучшем случае.

Синглетка продолжала идти, игнорируя причитания радиостаи на когтевом и увещевания Йоханны на самношке. Йо и не думала, что эта синглетка восприимчива к манящим песням Хо-

ра… да, Ритль *заставляла* себя двигаться вперед. Элемент радиостаи не шевелился, но вид у него был крайне встревоженный. Ритль, как и прежде, игнорировала их обоих. Все ее внимание было приковано к Хору впереди.

Синглетка шла все медленнее, наконец поползла на четвереньках, «отжимая» мыслешум толпы, словно физическую преграду. Наконец она замерла точно на границе Резервации, подняла лапу для следующего шага, опустила, подняла снова. Ее всю трясло от натуги.

Наконец Ритль вскричала на очень чистом самношке:

— Ну и хрен с ним! Слышите? Хрен собачий!

Она нырнула вперед и ткнулась мордой в землю за воротами, на территории Хора. Йоханне вспомнились человеческие дети, из принципа лезущие куда не велено.

Проникнувшись осознанием собственного триумфа, Ритль повернулась к Резервации, и ее как ветром сдуло. Йоханна помахала двойке, потом тоже обернулась и прошла на расчищенное пространство за воротами. Стражники проворно затворили их.

Обычно ей требовалось около часа, чтобы покорить центральный пик искусственной горной

гряды. Путь этот выписывал зигзаги по западной грани и был похож не на восхождение, а на случайное блуждание. Поверхность пирамиды покрывали необработанные камни, кварц и жадеит. Около гектара было занято медными, серебряными и золотыми листами, но эти участки терялись среди больших и маленьких рытвин и холмиков. Магнат изучал пирамиду уже лет семь, с воздуха и из своего дворца внизу. Кроме рекурсивной структуры сооружения, он ничего осмысленного в узорах не обнаружил, хотя с увеличением высоты покрытие становилось устойчивее, а плитки шире. Исходная пирамида, исследованная некогда Ремашритльфером, против этой казалась слепленной детьми песчаной горкой.

Йоханна поднималась все выше, петляя из стороны в сторону. Было тут на что посмотреть: дворец Магната и прежнее крыло дворца Проныры размерами превышали все дворцы Севера, но по сравнению с Великой Пирамидой выглядели холмиками. К западу от дворцов тянулась взлетно-посадочная полоса. Она видела окаймлявшие ее пруды личиночных наездников, хотя в целом сеть прудов выходила и за границы Резервации. Современный Хор относился к «говорящим ка-

ракатицам» весьма почтительно. И правильно, ведь именно наездники сделали возможным нынешнее сотрудничество.

Один аэролет Магната поднялся в воздух и улетел на север. Это судно работало в режиме транспортно-грузового челнока для рабочих, навещая одну за другой дальние Резервации. Одновременно заходил на посадку рейсовый аэролет из Дикого Принципата. Большую часть грузов доставляли караванами и по Реке, но именно радиосвязь и воздушный флот обеспечивали Магнату синхронизацию рынков.

За летным полем тянулись длинные серые ряды первых тропических заводов Магната. Теперь почти каждый квадратный метр западного берега был ими занят. А за краем Резервации она видела другие заводы — принадлежавшие самому Хору. Эти развалюхи то и дело разрушались и перестраивались, десятидневками они не выпускали ничего полезного. И вдруг, стоило списать очередную стихийную фабрику в расход, откуда ни возьмись появлялась готовая продукция, не по мерке, не по спецификации, с трудом узнаваемая. По большей части с фабрик Хора поступал мусор, но подчас наряду с зеркальцами и бусами оттуда привозили настоящие новинки.

Йо остановилась отдышаться в третий раз, поднявшись над Резервацией уже больше чем на сотню метров. Толпы тут роились так же кучно. Сеть меньших дорожек, ответвлявшихся от главной, где шла Йоханна, полнилась Когтями. Девушке оставляли открытое пространство, но четких границ оно не имело; Когти сновали вокруг Йо по своим делам. Звуки Хора превратились в гул — ворчание, сопение, шипение, царапание, обрывки межстайной речи, имитация грома и каплепадения. И над всем этим гомоном господствовал звук еще более громкий, вибрировавший в груди и голове. Мысли Хора здесь ощущал даже человек.

В большинстве своем Когти девушку игнорировали, иногда приветствовали повизгиванием или хрюкающим фырканьем. Встречались ей центры кристаллизации, временные Дары Божьи сроком жизни не больше секунды. *Привет, Йоханна!* — только и успевала часто сказать квазистая. Временами она задерживалась по эту сторону мысли, а слова ее ретранслировались от Когтя к Когтю на большие расстояния: Йо немедленно вспоминала свое плавание на плотах. В среднем один из пяти Когтей Хора был длинношерстным северянином, но так же часто и лысые

тропические заявляли, что помнят Фрагментарий Древорезчицы.

Иногда девушка замечала необыкновенно грузных, полношерстных особей, чей бело-черный окрас напоминал ей Странникова Шрама. Тогда она без раздумий кидалась в толпу, распихивая и пиная всех подряд, плененная призраком надежды. Но каждый раз это оказывался незнакомец. Впрочем, фрагменты — синглеты — Странника вполне могли существовать здесь, потому что у некоторых Когтей Хора наблюдалось отдаленное сходство с ним.

Последний отрезок пути занимал двадцать метров, но солнце поднялось в безоблачном небе уже высоко, и с Йоханны ручьями лился пот. Последние двадцать метров она покоряла, точно альпинист — крутой склон. Добравшись наконец до вершины, она позволила себе остановиться и снять рюкзачок. Маленькую площадку на верхушке пирамиды ограждали позолоченные колья, и к одному из них Йо обессиленно прислонилась. Если в сооружении Пирамиды был какой-то потаенный смысл, то здесь, несомненно, святилище из святилищ. Йоханне оно казалось просто грязным утрамбованным квадратиком, а вот Когти его явственно избегали.

Видеокамера обнаружилась на другой стороне площадки. Разумеется, перевернутая. Она пересекла площадку и поставила ее на место. Гаджет был аналоговый, разработанный «Внеполосным-II» и так просто устроенный, что заводы Магната тиражировали бы его миллионами, случись Хору соблазниться новой игрушкой. Могли, впрочем, найтись и другие поклонники любительской видеосъемки, имевшие что предложить взамен.

Она стерла грязь, налипшую на стеклянную линзу объектива. Внезапно камера сказала на самношке:

— Ты что-то долгонько. — Новый голос Магната. Голос перепуганной Гери ему все еще нравился (Магнат считал его «прикольным»), но он смирился с неприятием, какое эта личина вызывала у слушателей-людей. — С тобой все в порядке? Я был вынужден приостановить отгрузку товаров в гавани. Даже тропические скверно себя чувствуют в совершенно безоблачные дни.

— А, им просто пора загореть. Мы, люди, все темнокожие, идеальный прикид для солнечной жаркой погоды.

— Да, пожалуй… Ты знаешь, временами Хор словно бы не в себе. Я думал… — Магнат что-то проворчал на стайном, явно готовя совсем

уж безумное заявление, но потом, вернулся к обычному тону большого начальника и продолжил: — Что он балансирует между разными состояниями. Нам нужна вот эта камера, и, пожалуйста, установи ее так, чтобы теперь она уже не свалилась!

— Поостынь, Магни. Если уж ты захотел себе окошко на вершину мира, не удивляйся, что толпа стремится ее оттуда сбросить. — Йоханна тщательно закрепила камеру в держателе и стала выбирать место для треноги. На самом-то деле конструкция была шаткая, с центром тяжести, слишком смещенным книзу. Крупный Коготь или скоординированная группа могла запросто ее перевернуть. Это же сердце Хора как-никак. Странные церемонии тут проходят.

Она передвинула треногу и камеру ближе к парапету, где объектив ничто не заслоняло бы. Дюжина тропических приблизилась, но мешать не стала, а, напротив, стала пинать лапами треногу, помогая двигать. Это и близко не походило на скоординированные действия слитной стаи, но Йоханна понимала, что тропические пытаются ей помочь. Девушка и квазистая потаскали треножник туда-сюда и в конце концов затащили его на широкий каменный парапет.

Она жестом отогнала Когтей и подкрутила держатель, так чтобы треножник намертво закрепился между позолоченными кольями, соединенными парапетом. Магнат явно наблюдал за ней через бинокли и камеру.

— Осторожно; если они подумают, что ты повредишь Пирамиде…

Йоханна именно эту возможность и держала в голове, наблюдая за помощниками Когтями.

— Пока что ни единой жалобы. Ты же знаешь, для Хора я особенная. — Так оно и было. «Да и подразнить Магната тоже приятно».

Магнат ворчливо ответил на межстайном, потом на самношке:

— Я не позволяю своим сотрудникам рисковать жизнями, я просто хочу, чтоб они отдавали себе отчет, *чем* заняты! Раз уж ты там, нацель камеру так, чтобы от нее была какая-то польза. Мне нужна картинка северной трассы.

— Эй, я твоя советница, а не подчиненная! — отпарировала Йоханна, поворачивая камеру на северо-запад. «Трасса» представляла собой клочковатую цепочку расчищенных участков, на чьи границы без устали посягало бескрайнее болото, но протянулась она чуть ли не на тысячу километров до самых глубоких джунглей бассейна

Великой Реки. На первый взгляд Хор мог показаться средоточием безумных сатурналий, как всегда и твердили северные стаи, но под зыбкой тканью экстатического единения творилось куда более сложное действо. Побережье нуждалось в непрерывном подвозе ресурсов. Располагая такими камерами и надзирая за удаленными резервациями, Магнат понемногу разворачивал логистику.

Жизнь в тропиках текла своим чередом столетиями, но Резервация Магната произвела настоящий переворот, последствия которого производили колоссальное впечатление, — гляньте хотя бы на Великую Пирамиду. Революция только набирала ход. В Резервацию поступало сырье, а покидали ее миллионы единиц готовой продукции. Древорезчица и народ Домена воспринимали это как приливную волну конкурентных товаров. Равна считала, что такими темпами десятилетние планы удастся воплотить за год-другой. Йоханне же было известно, что северянам достается лишь малая часть продукции заводов Магната. Большую часть товаров Резервации и всю продукцию недавно заложенных резерваций на болотах потреблял сам Хор. На дальнем конце рабочего квартала выстрои-

лись фургоны, груженные тканями, рациями, солнечными элементами… все это было готово к отправке по северной трассе и Великой Реке между болот. В ясный, прозрачно-сверкающий день, как этот, камера отслеживала трафик на трассе на протяжении многих километров. Фургоны курсировали и по боковым дорожкам, навещая каждый уголок, каждую потайную нору Хорового Домена.

Здесь что-то пробуждалось. Магнат, Хор и архив «Внеполосного-II» положили начало чему-то грандиозному. Йо это знала; Магнат это знал. Он без устали трепался о «новых рынках сбыта»: зачастую коммерсант в нем вставал на задние лапы и силком сгибал в кучу все головы. Но камера, как и отчеты радиостаи о новых резервациях, в конечном счете подкрепляла непрестанные старания Магната *задобрить* своих новых потребителей.

— Отлично, — сказал его голос из камеры, — теперь немного южнее. Отлично! У Невила есть Око Небес, но только мне известно, что творится на земле. И когда у нас появятся усовершенствованные телескопы для видеокамер… — Голос Магната куда-то уплыл, сменившись возбужденным ворчанием: на сей раз изобретатель

победил коммерсанта. Вернувшись к самношку, он опять забеспокоился о Йоханне. — А теперь, когда камера в порядке, возвращайся вниз. Дар Божий докладывает с «Севера-1»: там толпа как-то странно роится. Если волна дойдет до нас, по всей Пирамиде начнется беспорядочный перетрах.

Йоханна глянула вниз, на дворец Магната. Приемный зал легко узнавался по ряду окон: новые достигали трех метров в высоту, но с такого расстояния казались крохотными. «Держу пари, он наблюдает за мной именно оттуда». Она помахала Магнату.

— Будь спок. Я такое уже видела, ничего особенного. — «Положим, я немного преувеличиваю…» — Впрочем, я и не собиралась тут фиксить твою дурацкую камеру. Я хочу посидеть, полюбоваться окрестностями.

— Гррмхрмм.

Крохотный микрофон камеры бессилен был адекватно озвучить ответ Магната. На стайной речи аккорд выражал смесь недовольства, тревоги и зависти.

Йо снова приветственно помахала в сторону дворца и уселась на парапете. В такой позе самой ценной частью одежды девушки была панамка от солнца, и она тут же нацепила ее на голову.

Йоханна была темноволосая, темнокожая, но дополнительная защита от солнца никогда не помешает.

Йо осмотрелась, но простой вид с вершины ее мало интересовал, Магнату она любила рассказывать, что с вышины проницает самые потаенные мысли Хора. Магни заявлял, что это чушь *собачья*, но и сам отслеживал волны настроения, катившиеся по Хору, как погодные фронты, разогнанные до ультразвуковой скорости. Этого требовала рыночная политика.

Здесь, в Хорогороде, волны сталкивались и усиливались до амплитуды миллионократно большей, чем на плотах старой флотилии Йоханны. Она уперлась локтями в колени, сцепила руки под подбородком и долго сидела, глядя на север.

Этот мир погребен глубоко в Медленной Зоне. Это не Трансценденция, даже не Запределье. Большая часть разумной жизни в Галактике развилась именно здесь, в первозданной питательной жиже. Здесь, Внизу, не может выжить ничто, значительно превосходящее интеллектом человека. Правильно?

Размышляя над ответом, Йоханна каждый раз сожалела, что не слишком много знает об

ограничениях Медленной Зоны. В Высокой Лаборатории их этому просто не учили. Подростки уже мечтали стать богами, им было не до проблем примитивных умов.

Очень скоро игра, затеянная Магнатом и Невилом, сама собой прекратится: сотрудничество Магната и Древорезчицы стало слишком явным. «Мои друзья узнают, что я жива. Я смогу их навестить!» Равна прилетит сюда, повидается с Зеленожкой, увидит, каков Хор на самом деле.

Чатов по коммсети было недостаточно. Коечего Равна вовсе не понимала — взять хотя бы обещание, вырванное у Йоханны. Спасти Хор от эксплуатации в известном смысле оказалось легко. А если спуститься на уровень индивидов Когтей, бесчисленных Чиперсов? Там затаилась застарелая проблема, о которой Йоханна столько раз спорила с краснокурточником Гармоником и даже со Странником.

Йоханна поудобнее устроила на голове широкополую шляпу. Как приятно будет вернуться в Домен… но на свете осталось слишком мало людей, из которых она могла бы себе выбрать половинку. Равне и то проще… «Конечно, если мой тупоголовый младший братишка наконец наберется мужества». Из того, что Йоханна знала

о нем, следовало, что Джефри швыряет от одной идеи к противоположной: то Рав слишком чиста и добра для него, то она тайный агент «величайшего зла».

Солнце пекло уже совсем беспощадно; Йоханна встала и медленно спустилась с площадки. Возвращение с Пирамиды часто повергало ее в уныние, да и настроение Хора вроде бы неуловимо менялось. «Когтям грустно со мной разлучаться? Ну ведь чушь!»

И все же… Высокой Лаборатории больше нет, родители погибли, Невил ее предал. Она потеряла всех и вся — и обрела чудо. До нее доходили слухи, что бандюки Невила дали ей кличку Собачья Королева. Пожалуй, они правы! У нее оставались фрагменты, стаи и Хор. Странная награда, но Йоханна была ей рада.

И будь что будет.

Глава 45

Настал Самый Длинный День лета. Во многих государствах Когтей он отмечался как праздник. В Домене Древорезчицы тоже устраивались празднества, но выпадали они на самую середину периода почти в семь десятидневок, когда солнце не садилось вообще. Десятидневки бесконечного дня, десятидневки неустанной, зачастую радостно-шутливой, стайной активности. Солнечный свет наполнял всех неослабевающим энтузиазмом, и конец ему способно было положить лишь полное физическое истощение. Дети и Когти работали практически безостановочно, немного сбрасывая темп лишь в те часы, когда солнце клонилось к недостижимому пока западному горизонту, — в любое другое время года оно бы уже село и опустилась бы расшитая звездами завеса тьмы. И даже в часы низкого солнца зачастую затевались вечеринки, где измотанные Дети каким-то непостижимым образом черпали силы из танца.

В самый длинный день Равна устроила и себе низкосолнечный перерыв. Выйдя из корабля

через личный шлюз, она обогнула «Внеполосный-II» и направилась к Лугам с западной стороны. Путь этот позволял оставаться вне поля зрения веселившихся Детей. На сей раз, однако, Равна решила пройти мимо Детей и Когтей, игравших с недавно изготовленными Щепетильником глайдерами. Она постояла несколько секунд, восхищенно глядя на диковинное зрелище и жалея, что явилась так поздно. Эйвин Верринг бежал прямо к обрыву; он прыгнул в пропасть, расставив руки, и расправил наполнившиеся ветром крылья. Равну уколол ужас. Глайдерные костюмы «Внеполосный-II» разработал, слепив воедино спецификации с тысяч планет и оптимизировав их именно под условия мира Когтей, но ведь в новомодной штуковине этой не было ни одной управляющей схемы! Глайдерист легко мог сорваться в штопор и упасть. Она уже достаточно насмотрелась на падающие с небес тела… Но крылья не подвели. Глайдерный костюм держал высоту и позволял лететь легко, плавно, прямо. А вот Эйвин, чей разум заменял костюму автоматику, заложил неглубокий вираж, поискал восходящие потоки и, взбираясь по ним, вернулся к исходной точке, только гораздо выше. Он порхал, точно на антиграве.

По толпе зрителей внизу прокатился легкий вздох, — быть может, они тоже вспомнили утерянные технологии. Но тут же всех снова захлестнуло веселье, и только стаи демонстративно-жалобно заворчали: в самом деле, у них поучаствовать в такой забаве шансов не было. «И все же это *так* опасно…» — подумала Равна. Кто-то обернулся и увидел ее. Год назад Равне пришлось бы прервать эти безрассудства и ребята разошлись бы, недовольные, подавленные, раздраженные. Не так давно, сразу после ее возвращения из неволи, все пошло бы еще хуже — ей подчинились бы, даже не пикнув! Теперь же, завидя Равну, Дети лишь улыбались и приветственно махали ей. Равна помахала им в ответ… и спустя несколько секунд еще один глайдер воспарил над бездной.

Равна встала с краешку, наблюдая за стартами. Она насчитала в воздухе пять полных глайдер-групп: ребята описывали изящные круги, синхронно возвращаясь к обрыву и удаляясь от скалы. Реальной пользы эти игрушечные устройства, конечно же, принести не могли. В отличие от пилотов. Все зависит от темпов иных отраслей технологического прогресса.

Равна еще немного понаблюдала за полетами,

потом отделилась от веселой оравы и пошла своей дорогой. За ее спиной понемногу затихали восторженные вопли. Перед Равной открылась панорама северной части Протоки, отделявшей Тайный Остров от материка; солнечный свет отражался от воды и слепил глаза. Сам остров казался отсюда смутным силуэтом, растущим из алмазно-сверкающей водной глади.

И наконец дорога привела Равну на северо-западный склон Холма Звездолета, в совершенно особое место.

Кладбище для Детей и Когтей. После возвращения она была здесь только однажды — на похоронах Эдви Верринга и Нораснд­отов, а в одиночестве не решалась посетить кладбище с той самой дождливой и роковой ночи с Невилом. Окружающие, вероятно, решили, что именно тот случай исцелил Равну от былой привязанности к этому месту. Ну что ж, один урок Равна выучила назубок: если сталкиваешься с кем-то на этом кладбище, такую встречу лучше не причислять к совпадениям.

Ее сегодняшний визит не был продиктован и отчаянием. Все шло отлично. Грядущей зимой бессменно курируемая Щепетильником «Холодная Долина» обещала выдать на-гора первые

микропроцессоры. Как только Магнат поставит их на поток, технология постучится во все двери. А с ней рука об руку явится некое подобие цивилизации.

Даже Джефри вел себя вполне пристойно. Они с Амди помогали восстановленному Винтозубу возводить первые трассы для скоростных грузоперевозок. Древорезчица и Шкуродер вполне уверились, что Джефри не агент Невила. С каждым днем Равна укреплялась во мнении, что Джефри останется жить в Домене.

Равна шла меж рядов надгробий по ковру губчатого мха. В мемориальной части она заметила несколько новых надгробий, не Эдви и не Нораснотов. На могилах Белль Орнрикак и Мусорщика Пели лежали свежие цветы. Дети, по крайней мере оставшиеся в Домене, вернулись к древним формам почитания памяти усопших, хоть это и послужило предметом горячих споров.

В этот день, точнее, в эту ночь Равне было кого помянуть лично. Камень Фама — высоченный, неправильной формы валун — стоял на дальнем конце поля, почти на краю Холма. Она некоторое время сидела с его северной стороны, прислонившись к нагретой солнцем глыбе.

Потом встала, обошла надгробие… и на нее

уставились восемь стайных голов.

— О, Амди! Привет.

— Привет, Равна. Какое совпадение!

Стая оккупировала все доступные плоские выступы с противоположной стороны валуна. Амди снова набрал вес, почти восстановив утерянное в неволе, а пару его голов украшали расшитые наглазные повязки. Он не слишком-то удивился, заметив ее. Ну разумеется, он же наверняка услышал ее метров за сорок.

Амди сместился в сторону, освободив выступ, достаточный, чтобы туда можно было примостить человеческий зад.

Равна села.

— Там, выше по склону, ты говоришь с Фамом? — В голосе Амди не было и тени сарказма.

Равна кивнула. «Говорила». Она окинула взглядом ближайшие головы Амди. Стая уже успела свернуться калачиком, подвигаясь к ней.

— А ты чем здесь занят, Амди?

— О, я часто сюда заглядываю в последнее время. Посидеть и подумать, ну, ты знаешь.

Амди стал отшельником? Разве могло пережитое *так* его изменить?

Он умостил голову на колене Равны и посмотрел ей в лицо.

— Правда-правда! Хотя сегодня у меня другой повод. Я кое-кого ждал.

Она взъерошила его шерсть:

— Я что, настолько предсказуема?

«Значит, никакое это не совпадение».

Амди встряхнулся:

— Скажем так, на тебя можно положиться.

— Так почему ты меня ждал?

— Ну, я ведь не сказал, что ждал именно тебя, — озорным тоном протянул Амди.

«Но и не опроверг».

Они посидели еще какое-то время, греясь на солнышке и наслаждаясь игрой света на ряби Проток. Тут и вправду было тихо, спокойно, если бы даже Амди не разлегся сверху, снизу и позади Равны. Амди поднял к ней еще одну голову. Погладив его за ушами, она заметила глубокий шрам, полускрытый наросшей шерстью. Шрам тянулся от глотки почти до среднего уха. На память о Проныре, как и многое другое.

— Не переживай, — сказал Амди. — Уже все зажило. Я как новенький.

— Не буду.

Но два глаза, конечно, не восстановились. Их нельзя было заменить так же легко, как исцелить прочие раны Амди или переломы лицевых

костей Равны.

В Протоках не проплыло ни лодочки, а дальше на север расплескалось безбрежное солнечное сияние. Равна и Амди с легкостью могли представить себя единственными человеком и стаей в целом мире.

Поправочка.

Один из глайдеров Детей только что появился с юга. Выполнив несколько головокружительных маневров и взобравшись по воздушным потокам чуть не на полнеба, пилот заложил широкий вираж и устремился к Холму Звездолета. Обогнув его и развернувшись, он на миг завис под небесами совершенно неподвижно.

Амди показал мордой на аэролет:

— Знаешь ли, вот еще один повод обзавестись радиоплащами. Один элемент стаи куда меньше человека. Он может летать в плаще, а другие могут остаться внизу — или даже взять и себе глайдеры!

Созерцательное настроение развеялось. Равна усмехнулась:

— Я помню свое обещание, Амди, помню. Ты получишь свои радиоплащи. Щепетильник уже работает над вторым комплектом, но ты знаешь, с какими трудностями предстоит столкнуться.

Проныра не был особо *щепетилен*, подбирая элементов для радиостаи.

— Но ведь Шкуродер воспользовался плащами без подготовки, — возразил Амди.

Это было одиннадцать лет назад, в Битве на Холме Звездолета. И с тех самых пор — Амди еще не вышел из щенячества и даже с Равной не успел встретиться… он просто помешался на радиоплащах. Ей припомнились неустанные просьбы позволить ему надеть плащи. Нынче же Амди избрал менее надоедливый подход:

— Мы поймем как. Ты подожди, Равна, с радиоплащами мы будем как боги!

— Гм.

Основная проблема Амди состояла в ограниченном опыте общения с *настоящими* богами.

Амди что-то забормотал себе под носы.

— А если мы этого не сделаем, то Магнат — наверняка. Радиостая — его ближайший советник, не считая Йоханны.

— Эй! Йоханна ведь на нашей стороне.

— Советник, друг, какая разница? Если хочешь, скорректирую: радиостая — ближайший его советник среди народа Когтей. Она даже оптимистичней моего настроена к радиоплащам. Радио полагает, что при должной селекции десятка, а

то и дюжина удержит слитное мышление.

Дюжина. Совсем как на эмблеме Стаи Стай, облюбованной Магнатом.

— Амди, здесь, Внизу, на путях интеллекта есть и другие препоны. Тебе не суждено зайти дальше гениев-людей, если только не поднимешься к Трансценденции.

— А, ну да. Но радиостаи наверняка добьются поистине впечатляющих результатов. Радио уже очень умен. Он восстановил свою восьмерку. Ты знаешь, какую замену он нашел для Ута?

Вопрос был задан искоса, исподтишка, словно бы стесняясь.

— Ритль? — догадалась Равна. — Это она теперь носит плащ Ута? Ей это удалось?

Амди кивнул и закачал головами, невесело усмехаясь.

— Но ведь это прекрасно! То есть Ритль доставляла тебе одни проблемы, Амди. Ты пойми, она впала в отчаяние. Она не хотела тебе навредить.

— Еще чего! Она пыталась меня разъять, я так перепугался… Но да, она впала в отчаяние. Часть меня все еще тоскует по ней, но в целом я доволен, что ее больше нет рядом. И она стала для Радио, так сказать, краеугольным камнем. Она сделала его умнее, *самовыразила*. Я говорил с радиостаей,

когда они сюда прилетали. Ну а что Ритль не со мной… так Радио классный чувак. История Ритль и Радио могла бы лечь в основу прекрасного стаелюбовного романа… если бы я писал любовные романы, чего я, разумеется, не собираюсь делать.

Равна внимательно разглядывала стаю. Неужели он ходит сюда восстанавливать душевное равновесие?

— А как твои личные проблемы, Амди?

— Я достиг… успехов. Когда я был сплошь щенком, я стал слишком похож на человека. И как только вы, двуногие, живете, зная, что вам суждено умереть полной смертью? У нас, стай, своя версия смерти, и она сама по себе прескверная. — Амди потупил большинство голов и мгновение помолчал. — Ритль дала мне понять, что я не смогу остаться собой навеки. — Он снова посмотрел на Равну. — И Проныра тоже преподал мне ценный урок. Проныра научил меня, что порой смерть — самая легкая из проблем. Обмануть его оказалось не особенно трудно. Труднее было не струсить, а продолжать действия по намеченному плану, когда он… стал выдирать мне глаза. Вот это было труднее всего в моей жизни. Я и представить не мог…

Он говорил тихо, мягко, грустно. Равна заме-

тила, что каждый его элемент на нее смотрит. Словно бы стая до этого пряталась за невидимой завесой, а теперь решительно отдернула ее. Амди спустился в ад и вышел обратно живым. С кем угодно такое может случиться, если ему сперва очень не повезет, а потом, напротив, неслыханно посчастливится. Но Амди *загодя распланировал* свое возвращение! За те ужасные дни в плену у Проныры ребенок, каким Амди прежде был, возмужал и превратился в существо неожиданной глубины души, но при этом весьма немногословное.

Равна кивнула и потрепала его по головам:

— И чем ты займешься теперь, Амдиранифани?

Амди отвернулся — миг его откровенности миновал. Смущенно поежившись, он сказал наконец:

— Нам с тобой и Джефом было хорошо вместе. Так?

«Хорошо, Амди». Она ответила, подделываясь под его тон:

— Хочешь сказать — в те редкие минуты, когда не надо было бежать, спасая свои жизни, а нам с Джефри притворяться врагами?

— Да. Я никогда не стану твоим врагом. А Дже-

фри… ты ведь понимаешь, что Джефри в тебя влюблен?

— Вы оба меня любили, когда были совсем щенками, Амди.

— Сейчас, Равна. *Сейчас.*

«Этого я и боялась». Теперь настал ее черед обескураженно уставиться в землю.

— Амди, я…

Амди прижался к ней, осторожно провел по щеке лапой ближайшего элемента.

— Ш-ш, — прошептал он. — Кто-то идет.

Равна, естественно, ничего не услышала. На склоне холма под ними никого не было видно. Даже глайдерист куда-то улетел, оставив небо птицам и низкому солнцу. Она снова потрепала Амди по холке, ободряя его, и откинулась на валун.

Но нет, кто-то действительно поднимался на холм с юга, так что они его не замечали. Ботинки скрипели по мху, шаги были человеческие. Новый посетитель явился один.

Равна и Амди молча сидели еще тридцать секунд. Шаги прозвучали рядом с камнем Фама, чуть западней его, но гость направлялся не туда.

Это был Джефри Ольсндот, и он шел к двум надгробиям в самом конце ряда. Они с Йоханной

похоронили там своих родителей. Арне и Сьяна Ольсндоты сражались с Погибелью и пали в этой битве — как и Фам Нювен.

«Во что же ты веришь и что отрицаешь, Джефри?»

Джефри опустился на колени между могилами, положил руки на надгробия и долго смотрел на сверкающее море. Потом вышел из оцепенения, встряхнулся, как стая, имитирующая пожатие плечами, или человек, воспрявший от глубокого сна. Он встал, обернулся и увидел Амди с Равной. Те наблюдали за ним от могилы Фама.

— Привет, Джефри! — Амди вежливо помахал ему носами.

Джефри размеренным шагом приблизился к ним и остановился в трех метрах от валуна.

— Амди, что она здесь делает? — спросил он гневно.

— Просто так совпало.

Стая глянула на Равну, ожидая ее поддержки.

— Ты так сказал мне, Амди. — Головы Амди вертелись, уходя от ее взгляда. Сейчас Амди напоминал ей перемудрившего вундеркинда. Впрочем, в строгом смысле слова он им и был.

Джефри не смягчился, но подошел вплотную к элементу Амди, оказавшемуся дальше остальных

от Равны:

— Ты подстроил нашу встречу. Ты выбрал время. Я специально ушел на полчаса раньше — и кого я здесь нахожу? Тебя и… — он покосился на Равну, — ее. Вы меня ждали.

— Джефри, ну прости! — Голос Амди подскочил, неотличимый теперь от детского. — Я не мог смириться с тем, что ты, что мы… — Он секунду помолчал, и голос его переменился; Амди нацепил давнюю маску циркового конферансье. — Мы должны об этом поговорить. Мы правда должны.

Элемент, сидевший на валуне над головой Равны, отодвинулся, а тот, кто положил голову Равне на колени, вскарабкался на освободившееся место. Еще один плюхнулся на место рядом с тем, откуда только что вскочила Равна.

— Так. Почему бы вам не сесть рядышком и не объясниться?

При слове «объясниться» голос Амди утратил толику уверенности, поскольку Джефри сгреб за шкирку одного элемента стаи и потряс им перед Равной.

— Ой, извини, — сказал Амди через элемента, засевшего у Равны над головой.

Ей случалось и раньше наблюдать такие игры у этой парочки, даже после возвращения из тро-

пиков, но сейчас Джефри явно не шутил. Если бы ему взбрело в голову обойтись так бесцеремонно с незнакомцем из весовой категории Амдиранифани, он бы, пожалуй, рисковал жизнью.

— Ладно, давай поговорим.

Джефри отпустил его и сел.

Теперь один из элементов Амди оказался зажат между молодым человеком и Равной, а остальная стая — снаружи. Амди на мгновение растерялся, переглянулся сам с собой, но тут же, дружески потершись о ноги Джефри, опасливо прижался к старому другу. Джефри не подал виду, что замечает Амди, и тот продолжил голосом циркового конферансье, низким до интимного урчания:

— Ну что ж, я признаюсь: хоть ваша встреча и случайна, я кое в чем этой случайности подсобил. Я был совершенно уверен, что Равна явится сюда в час низкого солнца. Если б она не пришла, я бы что-нибудь еще придумал, чтобы нас свести. Мы трое так много вместе пережили, вы что, забываете об этом? Не хотелось бы мне, чтоб Равна вообразила, будто мы с Джефри просто так взяли и смылись.

— Что? — переспросила Равна.

— Амди, да как ты смеешь!..

— Вы уходите, Джеф? А я думала… Я-то думала,

что вы останетесь в Домене.

Джефри не смотрел ей в лицо. Он был слишком занят: поочередно сверлил взглядом всех элементов Амди.

— Мы не собирались уходить втайне. Амди тебе голову морочит.

— Неправда!

Джефри наконец встретился с Равной глазами:

— Тебе это может показаться очередным предательством с моей стороны, но сегодня я уже обсудил свое решение с Древорезчицей и Шкуродером. Вы с Йоханной вскоре так или иначе все равно узнали бы, но я и в самом деле не хотел пререкаться. Ни с кем из вас. — Повернувшись к Амди, он бросил: — Как ты посмел так со мной поступить?

— Ты отправляешься в Лучшую Надежду? — спросила она.

«О Силы, как же я ненавижу это название!»

— Но не с той целью, о которой ты могла подумать, — кивнул Джефри. — Тут от меня никакого проку. Никто мне по-настоящему не доверяет. Ты…

— Я тебе доверяю, — возразила Равна. «Пока ты не собрался уходить, у меня теплилась надежда». — Тогда почему же ты уходишь, Джефри?

Джеф поколебался.

— Ладно, — сказал он. — Ты помнишь… когда мы скитались, ты предложила мне самому поискать надежные свидетельства о Погибели. А что бы я нашел здесь, Внизу, десять лет спустя? Нынче же… полагаю, у меня появился шанс. Били украл из спасательного модуля Детской какое-то оборудование. Я-то, идиот, в жизни бы не заподозрил, что оно там есть. Я знаю Били. Теперь я знаю даже Невила. Шпионя за ними, выведывая, что они делают с этим оборудованием, я так или иначе пойму, как мне поступить.

— Это… — *Безумие*. — Это неблагоразумно, Джефри. Ты спас мне жизнь, и у Невила меньше оснований доверять тебе, чем кому бы то ни было еще.

— Я над этим подумал. Проныра мертв. Читиратифор и его компашка мертвы. Никто доподлинно не знает, что между нами произошло, кроме стаи Магната. А Магнат с превеликим удовольствием попотчует Невила подходящей легендой.

— В самом деле?

— Я попросил Амди согласовать все детали, когда Радио в последний раз тут побывал.

Амди чуток сжался — теперь уже Равна не сводила с него глаз.

— Все будет хорошо, Равна, — заверил он.

Джефри кивнул, мысленно углубившись в свой безумный план разведывательной миссии.

— Невил не станет особо нам доверять, но мы получим хорошее прикрытие. Я… я выскажусь в его поддержку. Он захочет нас к себе перетащить, а у нас будет еще один повод туда податься. Амди получил от Щепетильника новый комплект радиоплащей и уже тренируется с ними работать. Амди станет послом Древорезчицы в стане Отрицателей.

«Вот так так!» Она сверху вниз посмотрела на Амди:

— А ты какого мнения о плане Джефри, если начистоту?

Взгляд Амди — взгляд целой стаи — остался спокоен.

— Я думаю, что лучшего нам все равно не провернуть, — сказал он, — и это *наш* план.

— Ох-ох-хо! — Равна поняла, что останавливать их бесполезно. Она снова откинулась на каменном сиденье, припоминая свои бесконечные и бесплодные споры с Джефри. Ее предложение оказалось крайне опасным, дальновидным и… ее взгляд скользил по лицу Джефа. Теперь Равна вспоминала все те обещания, какие в порыве

запальчивости дал ей Джеф насчет Невила и Группы Изучения Катастрофы. — Ох, Джефри…

Джефри покачал головой:

— Вот видишь? Нам не было смысла встречаться.

Со всех сторон их обступил Амди. Элемент, втиснутый между Равной и Джефри, поднял морду, его взгляд метался между двумя любимыми людьми. Вдруг он рывком высвободился и прыгнул на землю. Элементы, засевшие у Равны за спиной и над головой, толкали ее лапами, точно нежными руками, в сторону Джефри. Один из элементов, взгромоздившихся на каменную полочку в середине валуна, ухитрился даже отвесить Джефу чувствительного тумака по лбу.

— Да скажи ей, наконец, то, что не осмеливался сказать никогда! — потребовал Амди взрослым, повелительным тоном.

И внезапно стая разбежалась.

Джеф оглянулся ему вслед и сердито покачал головой. Он выглядел озадаченным не меньше Равны. Секунд десять он молчал, не глядя на нее.

Когда он нарушил молчание, голос его был сдавленным.

— Ты все еще воображаешь, будто я восьмилетний несмышленыш?

— А?

— Безмозглый маленький сорванец, запутавшийся в смертельно опасных выдумках.

— Джефри! Я…

Он кривовато улыбнулся:

— Я, вообще-то, уже вырос и пересмотрел свои взгляды на жизнь, но… — Улыбка стерлась, он посмотрел Равне прямо в глаза, сердито и упрямо. — Я дурак, каких еще поискать. Мое ослиное упрямство тебя чуть не убило.

Равна потеряла дар речи и только покачала головой.

Джефри продолжал:

— Я наблюдал за тобой семь десятидневок подряд — вблизи, в жуткой передряге. Я теперь знаю о тебе то, чего никогда не знал, то, что и ты сама едва ли знаешь о себе. Понимаешь, тут вот какая штука… права ты насчет Погибели или ошибаешься, ты именно из тех принцесс, о которых любила рассказывать сказки. По сравнению с тобой, принцесса, я малолетний неслух.

Джефри помолчал, отведя взгляд. Равна не думала, что он ждет какой-то ее реакции, — и то хорошо, потому что ответа у нее все равно бы не сыскалось.

Молодой человек снова поглядел на нее:

— Но, как ты знаешь, я также сын Сьяны и Арне. И, как Магнат не уставал нам об этом напоминать, я брат Йоханны. Настанет день, когда ты подумаешь и обо мне тоже.

Последнее слово в этом споре Джефри оставил за собой, но совершенно новым способом.

Он крепко обнял ее и упредил все возражения долгим, бескомпромиссным поцелуем.

Когда Джефри с Амди ушли, Равна осталась сидеть у подножия валуна. В конце концов, она пришла сюда подумать о самом важном. О задачах следующего тысячелетия, например, хотя и оказалось, что события последних пяти минут важнее.

Низкое солнце заливало небесный свод таким ярким светом, что ни одной звезды видно не было. Ну и пусть. На капитанском мостике «Внеполосного-II» Равна давно уже развернула звездную карту и отметила один особый участок неба. Теперь даже отсюда, без помощи тиары, она безошибочно отыскала его.

Вон там, всего в тридцати световых годах. Наилучшая оценка позиций Флота Погибели.

До сих пор зарегистрировано только одно зонотрясение — тогда, на втором году Изгнания.

«О Силы, сохраните мне Джефри и Когтей, дай-

те мне время подготовиться к битве. Ибо здесь, Внизу, у нас явное преимущество».